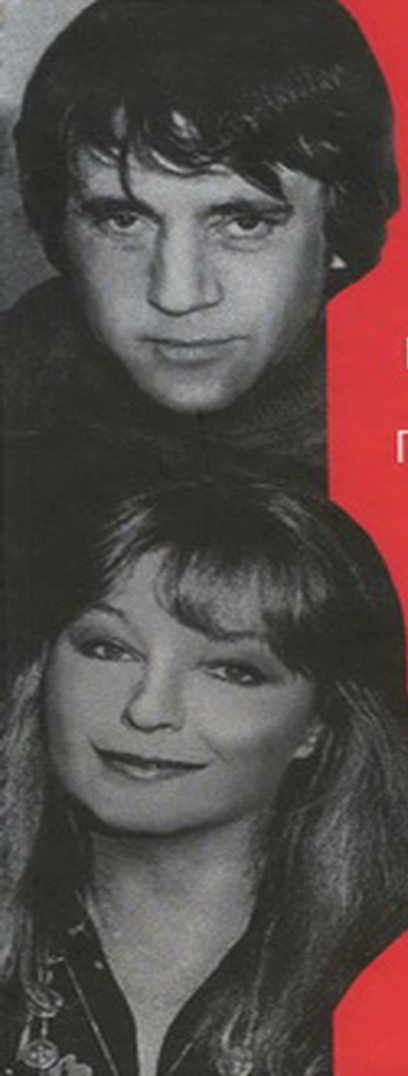

Я ♥ читать

Юрий
СУШКО

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ

Современные и классические бестселлеры

Владимир Высоцкий. По-над пропастью

Ю. М. Сушко

Аннотация
От автора
«ЖИЛ Я СЛАВНО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ - ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...». «ЧАС ЗАЧАТЬЯ Я ПОМНЮ НЕТОЧНО...»
«НЕ ДОСТАЛОСЬ ИМ ДАЖЕ ПО ПУЛЕ...»
«ВОЗВРАЩАЛИСЬ ОТЦЫ НАШИ, БРАТЬЯ ПО ДОМАМ, ПО СВОИМ ДА ЧУЖИМ...»
«ГДЕ ТВОИ 17 ЛЕТ? - НА БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ!..»
«В НАШ ТЕСНЫЙ КРУГ НЕ КАЖДЫЙ ПОПАДАЛ...»
«МОЙ МОЗГ, ДО ЗНАНИЙ ЖАДНЫЙ, КАК ПАУК..»
«И МЫ С ТОБОЮ СРАЗУ СТАЛИ ЖИТЬ, НЕ ОПАСАЯСЬ ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ...»
«ТЕПЕРЬ ЕМУ МЕНЬШЕ ОСТАЛОСЬ ПРОЙТИ - УЖЕ ТРИ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ»
«ТО БЫЛА НЕ ИНТРИЖКА, ТЫ БЫЛА НА ЛАДОШКЕ...»
«ПРИПОДНИМЕМ ЗАНАВЕС ЗА КРАЕШЕК..»
«ВПЕРЕД И ВВЕРХ, А ТАМ...»
«КАК ВСЕ МЫ ВЕСЕЛЫ БЫВАЕМ И УГРЮМЫ...»
«...Я УВИДЕЛ ЕЕ - И ПОГИБ!»

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ - ЭТО ВРЕМЯ СВЕРШЕНИЙ...»
«ОСТАЕТСЯ ОДНО: ТОЛЬКО ЛЕЧЬ ПОМЕРЕТЬ!..»
«...ЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОЙТИ ВСЕГО ДВЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ». «ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СЕЙЧАС НЕ ТАЙНО - НАПОКАЗ!..»
«Я - ГАМЛЕТ. ХОЛОДЕЕТ КРОВЬ...»
«ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК? ВРОДЕ ВСЕ, КАК ВСЕГДА..»
«ПЕРЕД ВЫЕЗДОМ В ЗАГРАНКУ ЗАПОЛНЯЕШЬ КУЧУ БЛАНКОВ...»
«МЕЛОДИИ МОИ ПОПРОЩЕ ГАММ...»
«ЧТО ОСТАЕТСЯ ОТ СКАЗКИ ПОТОМ?..»
«УКОРОТИТЬ ПОЭТА! - ВЫВОД ЯСЕН...»
«...БРАТОМ ВОВЧИК БЫЛ ШЕМЯКЕ»
«...ЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОЙТИ НЕ БОЛЬШЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ». «С МЕНЯ ПРИ ЦИФРЕ «37» В МОМЕНТ СЛЕТАЕТ ХМЕЛЬ...»
«...ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ РАССКАЗАЛИ?»
«ЖИЗНЬ ТЕКЕТ МЕЖ ПАЛЬЧИКОВ ПАУТИНКОЙ ТОНКОЮ...»
«ДВЕ СУДЬБЫ МОИ - КРИВАЯ ДА НЕЛЕГКАЯ...»
«ПРО ВСЕ ПИСАТЬ - НЕ ВЫДЕРЖИТ БУМАГА...»
«И ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ ПРЕДО МНОЙ РАССТЕЛИЛИ ДОРОГИ...»
«СЛУЖЕНИЕ СТИХИЯМ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ...»
«ФРАНЦУЗСКИЕ БЕСЫ - ТАКИЕ БАЛБЕСЫ...»
«ТО БЫЛА НЕ ИНТРИЖКА - ТЫ БЫЛА НА

ЛАДОШКЕ...»
«ЭРУ МИЛОСЕРДИЯ» МОЖНО ДАЖЕ В США...»
«ВСЕ, БРАТЬЯМИ МОИМИ СОДЕЯННОЕ,
ПРЕДЛАГАЮ НАЗВАТЬ «ВАЙНЕРИЗМОМ...»
«Я БЕГУ, БЕГУ, БЕГУ, БЕГУ, СКОЛЬЗЯ...»
«ПОРА ТУДА-ГДЕ ТОЛЬКО «НЕ» И ТОЛЬКО «НИ»
«Я В ГЛОТКУ, В ВЕНЫ ЯД СЕБЕ ВГОНЯЮ...»
ЛИТЕРАТУРА

Аннотация

Кем же был Владимир Высоцкий? Гениальный поэт, хулиган, бабник, экзальтированный циник, нежный романтик, великий исполнитель, алкоголик и наркоман, блестящий артист - кто он? Творческие взлеты и падения, невероятная популярность, безумная любовь, агрессия - все этапы его жизни до сих пор вызывают множество споров. Каковы на самом деле были отношения с Мариной Влади? В чем причина расставания с первой женой Изой? Кто были его настоящие друзья, а кто - враги и предатели? Действительно ли его смерть случайна, или...? Он один отвечал за всех. Он не врал. Его творчество близко каждому и в то же время всегда очень лично… В этой книге - горести и радости, стихи и любовь поэта, актера и просто великого человека Владимира Высоцкого.

От автора

С легкой руки критика Натальи Крымовой Владимира Семенова Высоцкого нарекли поэтом, рожденным театром. Но разве только театром?.. Иное определение: «Поэт, рожденный жизнью» — пожалуй, более верно. Еще от Сергия Радонежского укоренилось понятие жизнетворчества. Идеальная характеристика Высоцкому. Предводитель собственной судьбы, он наслаивал жизнь вокруг себя.

Иначе невозможно представить очень сложную, но естественную формулу переплава биографии в творчество. Когда недописанное дополняется самой жизнью, просто мужской позицией, и наоборот — непережитое выплескивается на бумагу или в отчаянный крик на подмостках Он шел наперекор утверждению, что поэт — не человек поступка, а человек слова, которое и есть поступок

Своей простой и емкой строчкой — «Но родился, и жил я, и выжил...» — Высоцкий невольно подсказал структуру книги о нем гамом. Хотя частенько недоумевал: «Да зачем вам факты моей

биографии? Кому это интересно — родился, жил? В моей жизни были другие моменты, которые для меня гораздо важнее... Вообще-то, я предпочитаю не рассказывать свою биографию, и не потому, что в ней есть нечто такое, что я хочу скрыть, нет, а просто потому, что это малоинтересно. Интереснее говорить про то, что я успел сделать за это время, а не про то, что успел прожить.

...Тогда, поздним апрельским вечером 1978 года, при нашей первой встрече, вконец измученный после концерта, многокилометровых перелетов-переездов, выступлений, вынужденных знакомств, разговоров, которыми был перенасыщен этот чересчур долгий день, у него не было никакого желания еще с кем-либо общаться, улыбаться, отвечать на вопросы. Хотелось бы выпить хорошего чая («Вань, давай-ка чайку покрепче!» — попросил он Бортника, чтобы хоть чуть-чуть успокоить воспаленные, ноющие связки), уединиться (знал, скоро этого не будет). А не получалось — не беда, он умел незаметно для окружающих, даже в привычном шуме-гаме, в одиночку погружаться в блаженную тишину и умиротворение, создавая иллюзию покоя, отсутствовать. Он не был эгоистом в прямом смысле слова. Просто умел сосредоточиться, прислу-

шаться к себе.

— ...Из газеты? Есть вопросы? — спросил он меня. — Так я ведь вроде бы и так обо всем рассказываю, ничего не таю. И в песнях, и во время выступлений... У меня даже стихи такие были: *«А что имел в виду, то написал. Вот, вывернул карманы, — убедитесь!»*. Не слыхал?.. Я их, правда, не исполняю, мало кто знает... Но, вопросы, как я понимаю, остаются?..

— Да, конечно. И много.

— Ну ладно, поговорим...

А засим согласимся с мнением Александра Герцена: «Биография сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям».

«ЖИЛ Я СЛАВНО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ - ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...» «ЧАС ЗАЧАТЬЯ Я ПОМНЮ НЕТОЧНО...»

— ...Володь, ну ты идешь или как? — уже выходя, спросил Смехов. — Все разбежались.

— Да-да, сейчас, — отозвался Высоцкий, — ты, Вень, шагай, я догоню...

Когда гримерка опустела, он взял со столика наспех сброшюрованные листки сценария. Явно не первый экземпляр, текст совсем бледный. Зато титул отпечатан четко — «Геннадий Шпаликов. Я родом из детства». В уголке первой страницы автор, видимо, для памяти ручкой пометил: «Беларусьфильм», Витя Туров, телефон...»

Владимир прочел первый абзац: «Это будет фильм о детстве поколения, к которому так или иначе принадлежат все эти люди. Детство у них было разное, но в чем-то удивительно похожее, может быть, потому, что у всех в детстве была война. Они, как смогли, как сумели, разделили испытания, выпавшие на долю их народа, стра-

ны...»

Он знал, что Генка никогда не напишет слабый сценарий, просто неспособен на это. Но всегда почему-то считал, что тема Шпаликова — московские улицы и дворы наших дней. Хотя разве война — это уже не наши дни? Ведь ты же сам не можешь и не хочешь уйти от этой темы, вечной, как любовь, как жизнь, как смерть. Война скребет тебя за душу и не дает покоя? Да. Стало быть, фильм о нас и для нас. Вот как совпало...

Этот роковой год, когда вырубалось все лучшее в народе, безмерно трагический 1938 год все-таки рождал жизнь, а значит, и надежду. «Но родился!..» — победоносно заявил о себе Владимир Высоцкий.

Вопреки всему родился поэт. И он не сетовал на время, напротив, благодарил: «Спасибо вам, святители, что плюнули да дунули, что вдруг мои родители зачать меня задумали..»

Родись он на десяток лет раньше, глядишь — угодил бы в лагеря, на десять позже — не осознал бы, что виноват перед теми, кто не вернулся, и не спел бы о них. Сама дата его рождения реабилитирует — пусть хотя перед вечностью — эпоху, *«когда срока огромные брели в этапы длинные».*

Генелогические изыскания у нас, увы, были

не в чести, считались занятием праздным, несерьезным и никчемным. А подчас вредным и опасным, когда лучше было не знать, кем были твои деды-прадеды, чего добились в этой жизни, какими орденами награждались, каких титулов удостаивались...

Подлинными знатоками родословных были лишь кадровики и те «кому положено». Отрицая генетику, анонимные разработчики многочисленных анкет жестко требовали без утайки ответить на вопросы, кто из родственников в годы Отечественной войны находился на оккупированной территории, кто в плену, кто из близких проживал или проживает за границей. А чуть ранее настойчиво интересовались участием твоих предков в Октябрьской революции и белом движении...

***

— ... Явилась? — равнодушно спросила у Нины дежурная нянечка в приемном покое. — Сама, что ли, пришла?

— Здравствуйте, — робко поздоровалась Нина. — Да, сама. Муж, знаете, в командировке. Он у меня военный... И я вот...

— А что, уже началось? — деловито осведоми-

лась нянечка.

— Да не знаю, вроде бы нет.

— Ну, а чего ж тогда пришла?

— Так врачи говорили, ждать 12-го...

— Ну и ждала бы себе. Ладно, иди к доктору, там сегодня Ида Семеновна дежурит. Она посмотрит, скажет...

Врач приняла будущую маму ласково, осмотрела, успокоила: «Рано, милая, рано. Срок еще не подошел. Будем ждать. Вас как звать-то? Нина? А фамилия? Высоцкая? Хорошо, я в карточке отметку сделаю. А пока идите себе спокойно домой. Идти-то хоть недалеко?»

— Недалеко, — сказала Нина, — на соседнюю улицу, 1-ю Мещанскую.

Она попрощалась и вышла на улицу. Бр-р-р, холодно! Январь накатил морозами. Отошла немного, оглянулась: Екатерининский роддом — дом родной. Улыбнулась каламбуру. А что, Екатерининка для их семьи и впрямь, как семейный родильный дом. В год его открытия — в 1909-м — мама тут Надю родила, Нинину сестру. Через двадцать лет уже Надюшка — своего первенца, Вовку. Теперь пришел ее, Нинин, черед. Только врачи говорят, рано, надо подождать.

В следующий поход в роддом ее с Семеном

провожали соседи и подруги. Напутствовали: «Встретите женщину — родится девочка, ну, а мужика — стало быть, мальчик». У дверей подъезда столкнулись со знакомой, которая возвращалась домой после ночной смены. Семен начал нервничать: «Это еще ни о чем не говорит! Бабские приметы... Сына родишь — куплю тебе часы на руку». Ей, правда, так хотелось девочку. Даже имя придумала — Алиса. Как у Кэррола — «Алиса в стране чудес»...

25-го января, уже после родов, в палату заглянула улыбчивая медсестричка:

— Ну, поздравляю, мамаша! Малыш замечательный. Толстенький — четыре килограмма вытянул. Рост — полметра с хвостиком.

— И каков же хвостик?

— Прибавь еще два сантиметра.

— А во сколько я родила?

— Для истории, что ли?

— Ну, вроде того.

— В 9.40. Запомнила?

— Запомнила.

— Мужу что передать?

— Пусть покупает часы!

Но часы он ей так и не купил...

Надо ж было такому случиться: в день, когда

Нину с новорожденным надо было забирать из роддома, дела погнали счастливого отца далеко от Москвы. Что попишешь, армейская служба. Не беда, Алешка поможет. Нина знала, что на брата мужа можно было положиться.

К выписке Алексей Высоцкий успел впритык. Когда вышли на улицу, мороз даже не почувствовали — было безветренно. Нина Максимовна и Алексей с малышом на руках шли медленно, осторожно, боясь поскользнуться. Хоть и были тротуары щедро посыпаны песком с солью, но мальчишки уже повсюду успели раскатать едва угадываемые под снегом ледовые дорожки. Даже взрослых тянуло с разбегу прокатиться по этим длинным темным зеркалам.

Вот и Вовочка будет, наверное, тут кататься, думала Нина. Хотя нет, ведь рядом каток Нечего ему тут, на улице, болтаться, того и гляди, на дорогу попадет. Она усмехнулась сама себе: «Вот глупая, ребятенок еще и слово «мама» сказать не успел, а я своего Володеньку уже на каток собираю...»

Вова, Володенька, Владимир — Владыка мира... Сколько споров чуть ни с осени 1937-го велось вокруг имени будущего москвича. И не только в семье Высоцких, и не только жарким ночным шепотом, но и на кухне, и в застолье шумных

Семеновых друзей. Извлекались на свет Божий захватанные святцы, перелистывались страница за страницей: «Александр — мужественный помощник… Андрей — просто мужественный... Афанасий — бессмертный... Как тебе? — Ага, еще чего: Афоня?.. Нет уж. Ну, Василий — царь... Виктор — победитель... О, давайте назовем Сосипатром, мне нравится! — Да ну тебя, что за дурацкие шутки!..»

Перед отъездом в командировку Семен Владимирович проявил характер и твердо сказал жене: «Будет сын, назови Владимиром. В честь моего отца и твоего младшего брата. Хорошее имя...»

А тут еще и траурные ленинские дни подоспели. Тоже повод. Все один к одному.

Нина Максимовна коснулась варежкой кармана пальто, где была трогательная поздравительная открытка, которую ей вручили с первой же передачей в роддом 26-го, кажется, января.

«Мы, соседи, — писал 12-летний сын Гиси Моисеевны Миша Яковлев, — поздравляем Вас с рождением нового гражданина СССР и всем миром решили назвать Вашего сына Олегом. Олег — предводитель Киевского государства!..» Вот как — «всем миром»...

Наконец добрались. Вот она, 1-я Мещанская,

126-й дом. Три высоченных этажа, толстые каменные стены. До революции тут размещались меблированные комнаты доходного дома «Наталис», принимавшего приезжих с Балтийского (раньше Виндавского) вокзала. Старый дом прочной кладки, только отапливался из рук вон плохо. Жильцы временные, транзитные — народец неприхотливый, им бы голову куда было приклонить вечером после дневной беготни по столичным конторам, бутылочку раздавить да дамочку с привокзальной площади приголубить, а там — хоть трава не расти! Но как быть тем, для кого в бывшем «Наталисе» создали коммунальный «рай»? Где трубы текли, стены цвели и ветшали, где *«било солнце в три луча, сквозь дыры крыш просеяно..»?..* А когда на кухне, пусть даже большой и с высоченными потолками, у плит за стиркой и готовкой разом собирались все хозяйки — от чада и гама хоть беги!

На стенах желтели рукописные объявления об очередности жильцов по уборке «мест общего пользования», а в воздухе витал неистребимый запах полунищеты, который изредка перебивался слабым ароматом «Красной Москвы» и мощью тройного одеколона. Зато для ребятни в длинном коридоре было раздолье, кабы не вор-

чанье взрослых, то хоть в футбол гоняй! Правда, в углах угрожающими гроздьями висели санки, лыжи, корыта, а под потолками на веревках не просыхало чье-то белье, с которого, как с сосулек под солнцем, вечно капала вода.

Но ничего, жить можно.

Как только Высоцкие появились на пороге своей густонаселенной квартиры № 4, в коридор высыпали соседи встречать новосела Олега-Алика. Когда выяснилось, что новорожденному уже дали имя Владимир, детвора опечалилась. Голенастая девчушка, которая прямо у входа вручила Нине Максимовне вышитую подушечку для малыша, подумав, подарок отобрала.

На первых порах молодой маме с маленьким сыном было, конечно, непросто. Муж постоянно в разъездах — то на сборах, то в летних лагерях... Не свекру же пеленки выварить?!. Крутиться надо, чтобы все успеть — и накормить, и обстирать, и в магазине очередь отстоять, и на курсы немецкого в комбинате иностранных языков не опоздать, и гидом в «Интуристе» хоть копейку лишнюю заработать, и... А лет-то ей всего лишь двадцать шесть, Господи! Несправедливо тусклая и скучная выходила жизнь у молодой женщины.

...Подводя итоги полевых занятий, командир

части отметил усердие молодого связиста лейтенанта Высоцкого и даже полюбопытствовал ради душевности разговора: «Как там твой наследник, растет? Солдаты Родине нужны». — «Все в порядке!» — «Хорошо. Завтра политзанятия, не забудь». — «Так точно!».

Не дозвонившись домой в Москву, Семен вернулся в казарму, развернул вчерашний номер «Правды». Так, речь товарища Л.П.Берии на митинге трудящихся Тбилиси: «Ликующий грузинский народ бесконечно счастлив тем, что получил согласие великого Сталина баллотироваться; бесконечно счастлив тем, что первым депутатом Верховного Совета Грузинской ССР будет тот, кто первым поднял в Грузии знамя борьбы за свободную радостную жизнь!» Долго не смолкающие аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует наш родной отец и учитель!», «Ура!»...»

Но Нина продолжала мечтать о доченьке. «У меня от мамы был сундук со старинными вещами. А у Вовочки длинные волосы кудрявые по плечам, я ему надевала берет какой-нибудь со страусовым пером, платье дамское, сумочку в руки. И он в таком виде ко всем ходил, всех веселил...»

Она порой до слез завидовала подругам, которым в домашних хлопотах на помощь приходили

родные люди. А на кого ей рассчитывать? Ее родители до рождения внука не дожили. Свекр, отец Семена, какой с него спрос? Он у нас аристократ, как-никак три высших образования — юридическое, экономическое и химическое. Да и дедом-то себя он называть не позволял. Дальняя родня шушукалась меж собой, считая его феноменальным эгоистом и плохим евреем. Правда, никто не смел отрицать, что Владимир Семенович Высоцкий-старший был человеком долга.

«Родился я в 1915 году в Киеве, — обычно писал в автобиографии Семен Владимирович Высоцкий. — Мой отец родился в 1889 году в Брест-Литовске в семье учителя, преподававшего русский язык... Родители развелись, мама живет в Киеве, работает косметологом. Переехав в Москву с отцом, я учился в техникуме связи, который закончил в 1936 году. В техникуме прошел курс вневойсковой военной подготовки, получил звание младшего лейтенанта. С марта 1941 года — на военной службе...»

Отец Нины — Максим Иванович Серегин — был родом из села Огарева Тульской губернии, приехал в стольный град в 14 лет, подносил чемоданы господам купцам у гостиниц, а с годами поднялся до ливрейного швейцара. Служил в раз-

ных гостиницах: в «Марселе» на углу Петровки и Столешникова переулка, затем в «Новомосковской», в «Фантазии» на Земляном валу. Где-то на московских улочках встретил он симпатичную девчушку Дуню Синотова, приехавшую в гости к старшей сестре из деревушки Утица, что у славного Бородинского поля. Шумная, необъятная и тесная Москва уверенно подтолкнула друг к другу двух робких провинциалов в поисках хоть какой-то более-менее надежной опоры в круговерти городской жизни. Родилось у них 12 детей, но выжило лишь пятеро.

Нина появилась на свет в 1912 году. После смерти родителей занималась воспитанием младшего брата. Окончив комбинат иностранных языков, работала референтом-переводчиком с немецкого в иностранном отделе ВЦСПС, гидом в «Интуристе».

Судя по воспоминаниям близких, Володино детство, обутое и одетое, обогретое любовью, заботой и лаской родных и соседей, канонически выглядит вполне благополучным, безоблачным и благостным.

«К полутора годам отросли светлые волосы, они были густые и закручивались на концах в локоны. Синие в младенчестве, а позднее —

серо-зеленые глаза смотрели внимательно...», — рассказывала мама.

«Я увидела сидящего на деревянном коне-качалке мальчика. Челка, ниспадающие к плечам крупные локоны. Поразили глаза: широко распахнутые, лучистые. И очень пытливые...» — вспоминала тетушка.

Ни дать, ни взять — вылитый юный ангелочек Володюшка Ульянов, лучезарно улыбающийся нам с октябрятского значка. А ведь за подобные сусальные образа «здоровый трехлетка» мог бы и по сусалам...

Их — всех, с кем веля доброе соседство,
—
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое босое детство
Обуют и в скрижали занесут, —

предчувствовал поэт Высоцкий, как станут вспоминать о нем мемуаристы.

«Раннее детство протекало довольно спокойно, — рассказывала Нина Максимовна. — Весной мы выезжали за город, на дачу или в деревню. Остальное время жили в своей квартире... В доме была коридорная система... Коридоры широкие,

светлые, большая кухня газовыми плитами, где готовились обеды, общались друг с другом хозяйки, производились стирки, а в коридоре играли дети. Народ в нашем доме был в основном хороший, отзывчивый, почта в каждой семье было несколько детей. Мы тесно общались семьями, устраивали совместные обеды и чаепития, в трудные минуты не оставляли человека без внимания, случалось, и ночами дежурили да очереди у постели больного.

В праздничные дни... устраивались представления и концерты. Действующими лицами были дети. Володя тоже принимал в них участие. У него была прекрасная память, он выучивал длинные стихи, песни, частушки, прекрасно и выразительно читал их...»

Но, видимо, именно прекрасная память не позволила Владимиру Высоцкому забыть, а позже спеть и заставить слушателей поверить именно его «Балладе о детстве», где тоже поминалась «система коридорная», и соседи, но уже с несколько иным, суровым и строим, чуть ли не лагерным подтекстом:

В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого...

Родным помнились лишь милые сердцу картинки, детские шалости, легкая картавость, кудри, румянец во все щеки, природная склонность к стихосложению и раннее остроумие малыша.

Мама рассказывала: «Рос очень забавным мальчиком. Однажды к нам пришли друзья Семена Владимировича, который встретил их на пороге шутливым приветствием: «Ах вы, жулики!». А маленький Володя услышал и кинулся к соседу за помощью: «Дядя Яша, идите скорее, к нам жулики пришли!» Или: «Как-то на Новый год — ему было два года — мы все его просим: «Расскажи нам какой-ни- будь стишок!» А он под елку, ноги вытянул, как будто он уставший, и говорит: «Дармоеды, дайте ребенку отдохнуть». Мама умилялась: «А если Семен Владимирович вставал к зеркалу побриться, Володя так хитровато подглядывал и говорил: «Посмотрите, что творится! Наш козел решил побриться!»

Смешно, не проедали, смешно?.

И вам смешно, и даже мне...

«Двести с лишним штук больших кубиков деревянных с картинками. Он строил из них замки, пароходы, потом были машинки, а гаражом была

тумбочка — он букву «р» не выговаривал и произносил «га-аж». Потом ему подарили лошадку... Она была покрыта шкурой настоящей, со стеклянными глазами и на очень больших колесах, даже взрослые на ней катались... Кормил ее понарошку...

К двум годам говорил уже хорошо. И большие стихи знал. «Почемучку», «Детки в клетке» Маршака... Обязательно должен был встать на что-то высокое. Отбрасывал волосы назад, как настоящий поэт, и читал:

Климу Ворошилову письмо я написал:

«Товарищ Ворошилов, народный комиссар..»

Мама всегда с охотой рассказывала о тех годах, были бы свободные уши. Всем моим женам, усмехнулся Владимир, услышав, как в кухне Нина Максимовна, угощая Марину чаем, усердно «просвещала» ее относительно «уникальных» способностей малолетнего чтеца-декламатора. Он не выдержал, заглянул к своим женщинам и с порога кухни завершил детское стихотворение взрослой присказкой:

Климу Ворошилову письмо я написал.

А потом подумал — и не подписал!

— Да ну тебя, — махнула рукой мама. — Взрослым ведь и правда нравилось, как ты читаешь стихи, аплодировали, хвалили...

— Конечно, конечно, — тут же согласился сын. — И обещали присвоить звание народного артиста... Ну, ладно, антракт. Марин, поехали, нас Севка Абдулов уже заждался...

Он знал мамины рассказы наизусть, разнообразием они не отличались. А когда пытался выудить какие-то детали, она все повторяла без изменений, один к одному, как заученную роль:

«... Ему было около двух лет, когда отец купил ему клюшку и мячик Вова ходил по комнате и приставал ко всем взрослым.

— Будем играть в хоккей! — произносит это взрослым грубоватым голосом.

Его отсылают к спящему на кровати дяде Яше. Володя берет клюшку, что, надо сказать, была выше его в полтора раза, и вдет к дяде. Снова начинает свое монотонно-назойливое:

— Дядь Яш, а, дядь Яш, вставай. Вова хочет играть в хоккей!

В ответ — ноль реакции. Но невнимание заканчивается для соседа плачевно: Володя со всего маху пихает ему клюшку в самое уязвимое место.

— Ты что ж делаешь?! — в ярости вскакивает сонный дядя Яша.

— Вова хочет играть в хоккей...»

Наказывать? А как же, наказывала: «В угол ставила. А самой жалко его было. Он стоит в углу, бурчит себе под нос скороговоркой: «Я больше не буду». А мне хочется, чтобы он громко мне сказал. Я говорю: «Повтори, что ты сказал». — «Ничего не сказал». Гордый был очень...»

Мама вела привычные диалоги с собственной памятью, кружа хоровод воспоминаний, в котором один сюжет, послушный воле монтажера-невидимки, как в кино, сменялся другим: «Я очень увлекалась театром, но когда ребенок маленький, не очень-то пойдешь. Но все-таки я с ним очень рано начала ходить в театр. И эти походы никогда бесследно не проходили. Когда он возвращался, то дома перед большим зеркалом что-то изображал. На балет водила тоже... Когда домой приходили, то тоже пируэты какие-то делал... Мы устраивали разные спектакли. «Мужичок с ноготок», например. Володя надевал Семена Владимировича сапоги — они ему были до самой талии, — и он так чудно, прекрасно читал это: «Ну, мертвая!». А к спектаклю «Свадьба цветов» шили из бумаги костюмы. Помните: «Ты

прекрасная гвоздика, ты душистый мой жасмин, тосковала ты без друга, и скучал лишь я один»?.. Спектакли проходили или в одной из комнат, или в коридоре...

А входная плата на спектакли у нас была: кто сидел — пять копеек платили, кто стоял — три копейки... На покупку бумаги, ленточки и всего прочего для следующих спектаклей...».

Такой вот нехитрый хозрасчет, как учили.

В безмятежных рассказах о предвоенных годах родители практически не упоминали друг друга. Что, конечно же, было их личным делом. Но по этим и некоторым иным деталям хроники семьи Высоцких так или иначе проступает взаимная разобщенность, холодок отчужденности, который, конечно, вовсе не грел маленького человека Володю Высоцкого. Теплоты не было. Мирное сосуществование родителей оборачивалось для него скрытым сиротством.

«НЕ ДОСТАЛОСЬ ИМ ДАЖЕ ПО ПУЛЕ...»

Представляя свою «Балладу о детстве», Владимир Семенович говорил: «Пришла пора писать мемуары. Но я никогда не буду, наверное, писать их в прозе, а будут маленькие зарисовки из моего детства... Военные годы... У меня остались только в детском мозгу..»

«Детские впечатления очень сильные, — в редкие минуты откровений признавался Высоцкий. — Я помню с двух лет — невероятно просто! — все события. Я помню, например, как., я провожал отца на фронт. Досконально... до одной секунды. Как меня привели в поезд, как я сел, сказал: «Вот тут мы поедем». Они говорят: «Ну, пойдем на перрон, там погуляем...». И вдруг я смотрю — и он уже машет платком мне... А обратно меня нес муж Гиси Моисеевны, дядя Яша, на руках, потому что я был в совершенной растерянности и молчал, что меня так обманули: я уже с отцом ехал... и вдруг они меня не взяли...»

Он то ли оговорился, то ли память подвела. Это было весной 41-го, в марте с Киевского вокзала

в дальние края отбывал к месту будущей службы младший командир Красной Армии Семен Высоцкий. Впрочем, очень скоро его гарнизон, расположенный в черниговском городке Идрице, оказался в прифронтовой полосе...

И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи..

Необстрелянный комбат связи Семен Высоцкий вспоминал: «Первый ряд повозок с самыми необходимыми вещами, беженцы, беженцы, беженцы. Вдруг послышался гул самолетов, и начали падать бомбы...» И покатилось тяжкое отступление раздавленных неожиданным горем, оглушенных разрывами снарядов, беспрерывным воем бомбардировщиков растерянных солдатиков, не понимающих, куда они идут и будет ли конец этому пути... Но они шли и шли нестройными колоннами по пыльным, выжженным солнцем дорогам и проселкам, обходя свежие воронки, блуждали по рощам и перелескам, передвигаясь чаще в сумерках или в предрассветном тумане по сизой траве. Горький запах гари ветром уносило на восток, и он неотступно преследовал отходивших бойцов.

Казалось, что отравленный, перемешанный с золою воздух оседает и в легких, и в душах. Они отступали до самой Москвы...

С первых же дней после начала войны через столицу хлынул поток эвакуированных. Из Литвы с горем пополам добралась до Москвы с двумя малыми детьми на руках жена маминого брата. Они были кое-как одеты, голодны, все в ссадинах и царапинах, всклокоченные, измученные, с застывшими, испуганными глазами. Чудом спасшиеся беженцы еще не знали, что их отца и мужа, оставшегося на границе, уже нет в живых.

В комнату Высоцких в тот день набились чуть ли не все жильцы, заглядывали соседи по площадке. С горестной обреченностью смотрели они на первых эвакуированных, предугадывая собственную скорую долю. Кинулись помогать, чем могли. Кто теплые вещи принес, кто продукты, кто игрушку для детей. Накормили, напоили чаем с прошлогодним клубничным вареньем. Жестко стиснутые испугом лица постепенно чуточку смягчились. На следующий день всей гурьбой проводили беженцев на поезд, малой скоростью отправлявшийся дальше на восток, в Челябинск.

Хрипели репродукторы, изрыгая каждоднев-

ные сводки от Совинформбюро, от которых цепенели московские улицы, немели очереди, умолкали матерщинники и сварливые хозяйки в кухнях и во дворах. Горькими были прощальные вечеринки перед отправкой на фронт, и торопливые объятия перед дверью, и томное танго «В парке Чаир распускаются розы...» («эх ты, малахольный, на войну идешь, а танцевать так и не научился!»), и последние тосты («ну, давай, батя, по последней»), и колкие бритые головы новобранцев, и самый-самый последний, прощальный, даже запредельный уже, взгляд **оттуда**, вполоборота через правое плечо, и запоздалое осознание того, что все уже закончилось, не успев начаться, под рев команды «Становись!»...

С июля становятся регулярными авианалеты на Москву самолетов с черными крестами на крыльях.

Нина Максимовна после 22 июня 1941 года работала в бюро транскрипции при Главном управлении геодезии и картографии МВД и занималась странным, но очень нужным делом: переводила названия городов и сел с немецких карт русскими буквами, чтобы потом их было легче нанести на наши штабные карты. Работали иногда круглыми сутками, не уходя с картографи-

ческой фабрики. Куда было девать Вовку? — вот проблема. Приходилось брать с собой. Порой даже укладывать спать на сдвинутых стульях.

Володя, всегда такой шумный, активный, общительный, тут притихал, тоскливо поглядывая на спины людей, которые за столами под яркими лампами в полной тишине колдовали над какими- то большими листами бумаги. Иногда не выдерживал, срывался, куда-то убегал, и мама, глазами извинившись перед особистами за своего неслуха, бежала следом по длинным коридорам, искала сына в каких-то мастерских, подсобках, и чаще всего находила бегающим по фабричному двору или беседующим с вохровцем у проходной...

— Граждане! Воздушная тревога!

Во время ночных налетов Нина Максимовна, подхватив сына на руки, перебегала на противоположную сторону улицы, где было ближайшее бомбоубежище. Жара и духота в подвале давили, обволакивали противной влажной пеленой. Под низким потолком тусклым маячком мигала желтая лампочка, охваченная самодельной металлической сеткой. Томительные часы ожидания. Затекали ноги, слезились глаза. Но Володя не хныкал, не ныл. Нередко тревога затягивалась,

дети засыпали. Когда звучала долгожданная команда: «Отбой», мама тормошила сына, и он спросонья лепетал: «Отбой — пора домой».

Домой возвращались побыстрее, чуть ли не бегом, чтобы хотя б с полчасика успеть вздремнуть перед сменой. Но куда там! Жильцы четвертой квартиры толпились в коридоре, обменивались впечатлениями о минувшей ночи. Володя крутился под ногами взрослых и время от времени вещал, подражая радиодиктору: «Граждане, воздушная тревога!»

— Вовка, стервец, накликаешь! Ну что за голосина у ребенка!

И ведь бывало, как назло, действительно взвывала сирена, и вновь все стремглав, схватив кто узелок с вещами и продуктами, кто котелок с водой, кто вязанье, кто первую попавшуюся книжку, спешили в душный подвал.

Высоцкий, спустя три с лишним десятка лет, честно расскажет о тех днях. Он приучил нас доверять ему в точности деталей, дат, адресов, имен. И оттого его стихи зачастую воспринимаются как исторический источник, как документальный рассказ очевидца:

Не боялась сирены соседка,

И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я, здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу.
Да, не все то, что сверху, от Бога.
И народ зажигалки тушил.
И, как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

Свидетели «черных лет России» подтверждают: именно так все и было. И песок, и зажигалки, и дырявые кувшины. И грузовики ПВО, и машины пожарных, которые сновали по Москве, подвозя песок поближе к жилым домам. Домоуправы командовали жильцами, вооружая их носилками и ведрами: *«Граждане, без паники и суеты! Песок тащите на чердак, там пересыпайте в ящики. А вы, гражданки, ноги в руки, — и вперед за водой. У кого что есть: ведро — хорошо, кастрюли тоже годятся, набирайте и сливайте в бочки. Пригодится в случае чего. Начали!..»* Детвора была в восторге от вселенской кутерьмы, бесконтрольной беготни. И каждый норовил подсобить, становились в цепочку с взрослыми со своими ведерками.

...Порой кажется, что Высоцкий сызмальства, еще пацаном, взвалил на себя тяжкий груз: *«Я все-*

гда и навечно виноват перед теми, с кем сегодня встречаться я почел бы за честь.» И понимал: *«Кто старше нас на четверть века, тот уже увидел близости и дали. Им повезло — и кровь, и дым, и пот от понюхали, хлебнули, повидали».*

Через тридцать лет после Победы, на гастролях в Болгарии, он, отвечая на вопрос тамошнего журналиста, чем особенно важна для него военная тема, сказал: «Потому что это всем нам близко, всем людям... Война всегда будет волновать поэтов, писателей и вообще любых художников. Ну и самое главное: пишу как человек, который как бы довоевывает, с чувством если не вины, то досады, что я не смог быть тогда там..»

Он в разных аудиториях — целому залу или случайному собеседнику-интервьюеру, или терпеливому слушателю «намагниченных лент» — не уставал растолковывать свою природную тягу к теме войны: «...Многие люди неправильно понимают, что такое песня военная. Это, конечно, не песня-ретроспекция, это — песня-ассоциация... У меня военная семья, у меня есть погибшие в семье, как, впрочем, наверное, и у каждого из нас. Война коснулась всех. Это такая великая беда, которая покрыла всю нашу землю, и я думаю, что любого человека... она каким-то образом

коснулась... Поэтому надо писать об этом, не переставая. Это просто долг каждого человека...

...Когда меня спрашивают: «Почему ты так много пишешь о войне?», и мне присылают письма разные люди, в которых содержатся вопросы: «А не тот ли вы самый Владимир Высоцкий, с которым мы под Оршей выходили из окружения?..» Нет, конечно, я не тот. Меня можно было только выносить в тот период... Но это, в общем-то, своего рода похвала. Люди считают, что песни написаны человеком, который через все это прошел. Нет. И пока есть люди, которые занимаются писанием и могут сочинять, конечно, они будут писать о войне... Если вы в них вслушаетесь, то увидите, что их можно петь сегодня, что люди — из тех времен, ситуация — из тех времен, а, в общем, идея, проблема — наша, нынешняя. А я обращаюсь к тем временам просто потому, что интересно брать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, в момент риска, которые в следующую секунду могут заглянуть в лицо смерти, людей, у которых что-то сломалось, надорвалось, короче говоря, людей на самом краю пропасти, на краю обрыва. Шаг влево... Или шаг вправо... Как по какому-то узкому канату... И я таких людей нахожу чаще в тех временах. Вот поэтому я много пишу о

войне. Пусть это вас не обманывает. Я считаю, что это нужно петь теперь, сегодня, да и продолжать в будущем...»

Любимой песней Высоцкого, по его собственному признанию, была «Священная война». Песня, с первыми аккордами которой по сей день мороз по коже бежит. Может быть, единственная из всех, которая способна поднять человека с колен, вытащить из окопа и благословить на смерть. Высоцкий сам мечтал написать что-то подобное. Песню, которую бы пели мужчины не за столом, а стоя, и не хмельными, а трезвыми, суровыми голосами.

«На братских могилах...», «Сыновья уходят в бой», «Всю войну под завязку», «Мне этот бой не забыть нипочем...», «Тот, который не стрелял.»», «Штрафные батальоны» — слушаешь их, и создается впечатление, будто это окопная братва, окровавленная, злая, голодная, оглохшая от артналетов пехота, которая осталась на войне, напоследок поручила Владимиру Высоцкому написать и спеть всем эти песни.

«Мы вращаем землю» — об этой песне здорово сказал один из современников: она салюта воинского достойна. А сам Владимир Высоцкий считал символом всех своих военных песен — «Вдоль

обрыва, по-над пропастью, по самому по краю...»

Отец ему рассказывал: среди бойцов бытовала примета. Если перед атакой боец начинал вспоминать что-то из детства, о родных и близких или говорить о чем-то совсем уж сокровенном, выворачивая душу наизнанку, значит, чувствовал, что бой этот для него последний. На прощанье нужно было что-то оставить о себе.

Слушаешь Высоцкого и думаешь: неужто всякий раз, взяв в руки гитару, он испытывал жажду в этой постоянной гибельной исповедальности? Он сам отвечал на этот вопрос:

Я к микрофону встал, как к образам.
Нет-нет, сегодня точно к амбразуре!

***

Из Москвы на восток, на север и на юг бесконечным плотным потоком тянулись эшелоны. Страшное слою «эвакуация» мгновенно впечаталось в обыденный лексикон рядом с «мобилизацией», «затемнением», «воздушной тревогой», «тылом», «зажигалками», «беженцами», «броней», «временно оккупированной территорией»...

Как жить там, на новом месте, в неведомом

крае, на Урале ли, в Казахстане или Татарии? Ерунда, продержимся, лишь бы подальше, подальше, подальше от ада переднего края, сберечь детей — это главное.

В двадцатых числах июля началась массовая эвакуация семей с детьми из столицы. Нина Максимовна поначалу решила: все, собираемся — и едем вместе с Севрюковыми в Казань, у которых там проживали родственники или добрые знакомые. Вместе не пропадем. Они были давними соседями, а их внучок — тоже Вовка, погодок сына, первый его дружок

Но в тогдашней неразберихе трудно было рассчитывать только на себя. Благодаря усилиям деда Владимира Семеновича Высоцкого удалось втиснуть невестку с внуком в состав, который направлялся в Оренбуржье (тогда Чкаловская область), в город Бузулук, вместе с детским садом парфюмерной фабрики «Свобода». Володю в тот сад, кстати, какое-то время водили.

...Что творилось на Казанском вокзале?! Оглушительные, всегда неожиданные паровозные гудки, свистки, шум, мат, крики, плач, ругань ошалевших от толчеи и неопределенности людей, тюки, ящики, узлы, чемоданы, мешки. Нина Максимовна до боли стискивала ладошку сына:

я с тобой.

На платформе в беспорядке был свален детсадовский инвентарь. Родители грузили в вагоны кроватки, белье, матрацы, посуду в наволочках, но казалось, эта огромная куча не тает, и конца-края этому не будет. Дети испуганно жались к родным, стараясь не мешать. Наконец погрузились, кое-как разместились, и медленный поезд двинулся на восток

Облегченно вздохнули родители, приютившись на чемоданных завалах, опустили опухшие руки на колени. И тут кто-то из детворы первым подал голос: «Мама, пить!». И, как по команде, заревел многоголосый хор: «Мама, кушать хочу!., какать!., домой!», «Где папа?». Володя тоже захныкал, правда, всухую, без слез: «Ты обещала в Казанию, в Казанию, а сами едем в какой-то Музулук!.»

Эшелон с эвакуированными шел в неизвестность. Прошлое было отброшено, переломано и перечеркнуто, впереди зияла черная дыра. На станциях по составу ползли слухи, один тревожнее другого. И так было всю долгую неделю до Бузулука. Оттуда попали в Воронцовку (километрах в пятнадцати), главной достопримечательностью которого был спиртзавод №2

имени Чапаева.

Какой уж там устроенный быт? Живы — и слава богу. Поселить всех семьями, разумеется, не получалось, сами воронцовские спали чуть не вповалку. После недолгих раздумий под интернат для московских ребятишек приспособили большущий старый сарай. Кому из мам повезло, те прибились к интернату — кто няней, кто воспитателем, кто поварихой, кто прачкой. Нина Высоцкая попала на завод: сначала приемщицей сырья, потом ее перевели в заводскую лабораторию. Только должности не имели никакого значения, заводу не хватало топлива — и вскоре всех мобилизовали на лесозаготовки. Рабочий стол матери заменил пень — она была учетчицей.

Москвичей определили в крестьянские семьи. Высоцкая долго вспоминала добрым словом своих замечательных хозяев Крашенинниковых. Люди оказались отзывчивые, сердечные. Первая же зима выдалась на Оренбуржье поистине уральской, с морозами под 50°, ветрами-суховеями, сшибающими с ног. К счастью, в избах была благодать, все воронцовцы славились умением ставить печи, а конопатить щели начинали тут с лета. Да и дров хватало, леса кругом.

«В свободные дни, — рассказывала Нина Максимовна, — я брала Володю к себе, мы забирались на теплую печку, грелись чаем из смородинного листа». С работы она иногда приносила сыну в «интернат» кружку молока. «Он ею всегда делился с другими детьми, приговаривая при этом: «У них здесь мамы нет, им никто не принесет». Конечно, помогал и офицерский аттестат Семена Владимировича, который приходил, пожалуй, регулярнее, чем его письма с фронта. Отец скупо писал о боях на Северном Донце, где раз за разом рвалась штабная связь, кабели полосовали и вспарывали, словно бритвой, осколки мин и снарядов, перерубались штыками и саперными лопатками. Бойцы батальона связи Высоцкого по-пластунски, животами мерили долгие километры линии связи, восстанавливая повреждения.

К новому, 1942 году работники воронцовского детского сада-интерната тайком от ребят готовили им праздник И елка получилась нарядная, и даже Дед Мороз был с ватной бородой. Все (и Володя, конечно) плясали, пели, читали стихи. А 25 января мама расстаралась, и его пятый день рождения стал настоящим Днем рождения. Правда, вместо сахара была свекла, а вместо чайной

заварки — кора черной смородины. Но ничего...

***

Эвакуационные будни были тягучи и однообразны. Лишь поздней весной 42-го пришла единственная радость: тепло. А с фронтов добрых вестей так и не было.

Развлекали редкие курьезы деревенской жизни. На спиртзаводе из свеклы гнали спирт на горючее для танков и самолетов, а отходы — жмых — шли на корм скоту. Однажды работница завода нечаянно крутанула не тот вентиль и не заметила, как спирт хлынул в кормовую смесь. Через какое-то время пьяные тощие коровы на слабых ногах принялись гоняться друг за дружкой, бодались, трубно мычали, лошадки, вспомнив молодость, сигали через изгороди и первобытно ржали, свиньи как свиньи — катались по земле. Несчастные бескрылые птицы — куры — пытались взлететь. Люди, шарахаясь от особо буйных, пытались унять разгулявшуюся скотину. Только спустя некоторое время безгрешные пьяницы начали засыпать на ходу, стихло кудахтанье кур, фырканье лошадей и коров... Потеха!

Нина Максимовна вспоминала: «„Во время

одной из наших встреч он вдруг спрашивает меня: «Мама, а что такое счастье?» Я удивилась, конечно, такому взрослому вопросу, но, как могла, объяснила ему. Спустя некоторое время при новой нашей встрече он мне радостно сообщает:

— Мамочка, сегодня у нас было счастье!

— Какое же? — спрашиваю его.

— Манная каша без комков.

Ну, думаю, если молоко перестали разбавлять водой, значит, победа не за горами».

Вот незадача: что такое счастье? Никто не рискнет дать всеобъемлющую формулировку. У каждого оно свое... У бедного мальчика трех с половиною лет тоже. Он пытался его отыскать.

Повзрослев, определил свое: «Счастье — это путешествие, необязательно из мира в мир... Это путешествие может быть в душу другого человека... И не одному, а с человеком, которого ты любишь. Может быть, какие-то поездки, но вдвоем с человеком, которого ты любишь, мнением которого ты дорожишь...»

Миновал второй год Войны, и навалился третий.

Летом 43-го Семен Владимирович прислал в Воронцовку вызов семье. Назад, домой в Москву! Хлопоты были недолги — что там было особо

собирать? Крашенинниковы говорили Нине: смородинного листа набери побольше, от простуды помогает, а грибов сушеных тебе дадим, какие там у вас грибы?..

Поезда с Урала, тянущиеся на запад, были такими же переполненными, как и шедшие сюда, на восток, два года назад. Но настроение было, конечно, совсем другое, приподнятое. Нине Максимовне досталось сидячее место. Сына пристроила на чемоданах в проходе между скамьями. Ничего, переживем.

Рельсы, казалось, сами неудержимо неслись под колеса. Тени от вагонов сливались в сплошную темную полосу. Путь и впрямь оказался втрое короче — до Москвы бывшие уральские поселенцы добрались всего за двое суток. И снова налетел на них родимый Казанский вокзал: смотрите, целы башенки! Поезд постепенно замедлял свой бег, выпуская пар из-под колес. Вот знакомый перрон. Сын с мамой прилипли к мутному окну. И вдруг Володя закричал: «Папа! Вон папа!» Семен Владимирович стоял на платформе как раз напротив их вагона. Статный, красивый, бравый боевой офицер. Как можно было его не заметить!..

Потом была Мещанская, их старый дом. Многие

соседи, как оказалось, уже вернулись, а кто-то и вовсе не уезжал. Захлопали двери.

— Здравствуй, Ниночка!

— Вовка! Вы только посмотрите, какой богатырь вымахал! Настоящим кавалером стал... Вовка, ты меня-то хоть помнишь, а?..

— Яша погиб в ополчении, — плакала Гися Моисеевна.

Нина Максимовна выронила на пол сумочку с бережно хранившимися в ней все эти два долгих года ключами. Подняла, открыла дверь комнаты. И фазу дохнуло пылью, чем-то кислым. Рука безошибочно нащупала выключатель:

— Ну вот, Вовочка, мы и дома..

«В первую же ночь обнаружили, что в доме поселились крысы. Это было что-то страшное! На следующий день мы забивали все щели и дыры, приводили комнату в порядок», — вспоминала мама.

Отец, побыв с ними сутки-двое, отправился в свою часть, в горячий котел — на Донбасс.

Кстати, самую первую боевую награду — орден Красной Звезды — он получил именно за бои в донецких степях. Луганск, Запорожье, Никополь, Каменец-Подольский, Львов остались в памяти солдата не городами — рубежами, высотками,

огневыми точками, а Днепр — не рекой, а водной преградой. Стратегическими, словом, объектами. Но освобожденные, города снова становились городами, а реки реками.

В конце года в Москву на излечение из Краснодара приехала тетя Шурочка, жена брата Семена Владимировича, Алексея. И как раз угодила на встречу Нового, 1944 года. Пировали втроем: Нина Максимовна, Володя и «военная тетя», как он ее сразу окрестил. Выпивали, закусывали чем Бог послал, смеялись и плакали — все пополам. Шурочка была юная, ладная, стройная, в военной форме с орденом Отечественной войны на гимнастерке, один рукав был заправлен под ремень (может быть, поэт именно ее помнил, когда писал: «И когда наши девушки сменят шинели на платьица»?..).

***

В июле 44-го по улицам Москвы гнали колонну пленных фашистов. А за колонной, как бы подталкивая немцев в спину, катили поливочные машины и смывали с асфальта следы нечисти. Своеобразный акт торжества товарища Сталина над поверженным врагом. А москвичи сдирали с оконных стекол пожелтевшие, пыльные полосы

газетной бумаги, перечеркнувшей их мирную жизнь.

Маскировку пытался срывать я.

— Пленных гонят, чего ж мы дрожим?!

— Мам, как по-немецки «Долой Гитлера»? — обернувшись с подоконника в комнату, спросил Володя. — Ага, понял. — И, высунувшись почти по пояс на улицу, во все горло мстительно заорал: «Гитлер капут! Гитлер капут!».

Тридцать лет спустя пел Владимир Высоцкий, подчиняясь своим детским впечатлениям:

Уже довоенные лампы горят вполнакала,

Из окон на пленных глазела Москва свысока...

.....

И шторы — долой! Затемненье уже ни к чему...

Отец писал с фронта по-прежнему редко и немногословно. Жив-здоров, воюю, позади Польша...

Распластавшись животами на столе, Володя с соседом по квартире Вовкой Севрюковым (тез-

ки называли друг друга по фамилиям, и юный Высоцкий говорил Севрюкову: «Ты мне не товарищ, а брат по пятому колену») разглядывали дряхлую карту, которую мама как-то принесла с работы. «Вот смотри, Севрюков, — приговаривал Володя, — вот там мой папа, наверное». Его палец переполз через Нейсе, тут же под ним скрылись Кетцен, Виттенбург и Бранденбург. «А это Берлин, видишь?» — «Ага». — «Совсем-совсем близко, чуть-чуть осталось...»

Но за Берлином фронтовые дороги майора Семена Высоцкого легли на Прагу и Кладно. И когда в Москве уже гремел победный салют, под чехословацкой столицей «солдатиков в сердце осколком толкало», а ротные успевали выходить в комбаты, которых настигали уже послевоенные, казалось бы, пули и осколки. Гордился Семен Владимирович и всем знакомым демонстрировал книжку своего легендарного командира, дважды Героя Советского Союза Дмитрия Лелюшенко, который добрым словом и его в своих послевоенных мемуарах вспомнил: «Особую доблесть показали начальник штаба армии, генерал-лейтенант К.Упман... полковник С. Маряхин... майор С.Высоцкий...»

«ВОЗВРАЩАЛИСЬ ОТЦЫ НАШИ, БРАТЬЯ ПО ДОМАМ, ПО СВОИМ ДА ЧУЖИМ...»

В Москву Семен Владимирович прибыл только через два месяца после 9 мая — в июле, вместе со сводным полком 1-го Украинского фронта в канун Парада Победы.

Белорусский вокзал в те дни был, наверное, самым главным местом в Москве. Сюда приходили с цветами, с надеждой и без, встречать и провожать поезда, следующие с запада до столицы — и дальше, со всеми остановками. *«Взял у отца на станции погоны, словно цацки, я»,* — занесет в свои стихотворные «мемуары» Владимир Высоцкий отцовский подарок.

Есть тайная зоркость ребенка. Взрослые часто даже не догадываются, как многое видит ребенок И во взрослой зоркости отголосок детских чувств, обидной занозой застрявший в памяти навсегда, — *«по домам, по своим да* ***чужим****»*. Значит, взрослая мудрость — плод детской зрелости.

Вопрос деликатный. Кто заслуживает осуждения — мать или отец, — решать не нам и даже

не судам, хоть это вроде бы и принято. Просто отметим факт — после войны, в конце 46-го года, Володины родители окончательно и официально расстались. К тому времени у Семена Владимировича уже была верная подруга — Евгения Степановна Лихалатова. Они познакомились, когда он приезжал в Москву в Главное управление связи Красной Армии, а она, молодая вдова, служила в управлении шоссейных дорог. Так отец стал жить в ее квартире в доме на Большом Каретном.

Трагедии из случившегося развода родители не делали. Принятые решения казались им верхом трезвого, рационального подхода. Проекцию последствий своих взрослых поступков мы способны производить лишь для себя. Да и то не всегда.

Володя остался жить с мамой. На общем фоне безотцовщины он не был белой вороной. Когда 1 сентября пришел в первый класс 273-й школы в 1-м Переяславском переулке, в настороженном ожидании вопроса об отце, то ответы одноклассников — «погиб на фронте», «пропал без вести», «умер», «в госпитале», «не знаю» — при все горечи своей ослабили, а после и вовсе растворили все неприятные предчувствия, и пришло облегчение,

как после трехдневной зубной боли.

«В огромном актовом зале, где детей распределяли по классам, громко объявили: «Высоцкий Владимир!» Я говорю сыну: иди, это, мол, тебя. А он мне в ответ: «Нет, это Владимир, а я же Вова!..»

Уже через месяц или чуть раньше после начала учебного года учительница наказала непослушного первоклассника Высоцкого. Может, и справедливо. Но было обидно. Володя, молча и ни на кого не глядя, собрал свои книжки-тетрадки в аккуратную стопочку, перетянул ремешком — и был таков. На следующий день он пришел в соседний класс и спросил учительницу: «Можно, я буду учиться у вас? Мне там не нравится...» Татьяна Николаевна оказалась педагогом понимающим, доброй женщиной, разрешила. Потом пригласила самостоятельного мальчика-с-пальчика к себе домой, угостила чаем с конфетами.

После уроков Володя частенько приезжал к маме на работу, в солидное здание Накромвнешторга, делился новостями:

— Мам, а ты знаешь, муж у Татьяны Николаевны настоящий моряк! Она его ждет и очень-очень скучает... А ты сегодня опять задерживаешься, да?

— Да, — кивала мама. — У тебя уроки в школе, у меня уроки на работе. Ты поел?

— Конечно! Девочки помогли и обед разогреть, и уроки проверила Все в порядке, не волнуйся, мамочка... А можно, я с тобой на твоих уроках останусь?..

Нина Максимовна занималась на наркоматовских курсах коммерческой корреспонденции на немецком языке. Володя усаживался рядом и старательно повторял немецкие фразы. Получалось на удивление здорово, преподаватель хвалила: «У вашего мальчика идеальное воспроизведение звучания слов и интонаций. У него, видимо, музыкальное восприятие языка. Это — большая редкость. Его обязательно надо учить музыке...»

А он помогал разгружать картошку в овощном магазине. За что получил от директора магазина свой трудодень — десяток картофелин. К приходу мамы с работы как-то попытался приготовить из них оладьи. Пригорели без масла... Плакало угощенье. «В школе им давали конфетки, — рассказывала Нина Максимовна. — Он меня ждал, одну съест, а вторую хранил для мамочки. Я думаю, это наследственное чувство доброты: и мои родители, и Семен Владимирович мог вообще последнюю рубашку с себя снять, и Володя таким

же вырос...»

Однажды на уроке учительница попросила второклассника Высоцкого спеть. Но допеть до конца не позволила — выставила за дверь, очевидно, решив, что ученик решил поиздеваться над ней, а потому и заорал во все горло. Песня осталась недопетой, о чем Володя с горечью сообщил дома. «Неудовлетворительно» — такова была первая официальная оценка сольного опыта Высоцкого.

А что делать, если голос у него чуть ли не с рождения был низкого тембра? «Когда ему было года полтора-два, у него очень болело горлышко, — вспоминала мама. — Оказалось, что увеличены миндалины, и перед школой пришлось их вырезать. Эту операцию считают довольно легкой, но у Володи прошла очень тяжело — такие большие миндалины были, что ему язычок буквально стесняли. Но он очень мужественно все перенес. А голос еще больше подсел».

Примерно к тому же периоду, рассказывал сам Высоцкий, относятся и его первые поэтические опыты: «Я давно очень пишу, с восьми лет, там всякие вирши, детские стихи. Про салют писал...»

Когда подрос, он сто движений в минуту делал, корила мама: «Ну, Вова, ну перестань». А он от-

вечал: «Мамочка, ты лучше меня шлепни. Когда ты говоришь: «Ну, Вова», у меня все внутри переворачивается». Он был очень ранимый, любую сердитую интонацию тяжело переносил. Мы и не ссорились никогда. Если я была чем-то недовольна, я голоса не повышала даже в трудные моменты».

И дрались мы до ссадин,
До смертных обид…

Как-то он прибежал со двора весь в крови: заработал клюшкой. Тогда только входил в моду канадский хоккей, быстро тесня традиционный — с мячом. Клюшки пацаны клепали кто во что горазд — и из дощечек, и из прутьев. Коньки, точнее — узкие полоски отточенного металла, туго прикручивали проволокой к валенкам или сапогам. Но гонялись по катку отменно! Володя завороженно следил за игрой и, сам того не замечая, все ближе и ближе подходил к самой кромке ледяного поля.

— Колян, давай!

И Колян, оказавшийся рядом, дал! Махнул — и от души влепил сопливому болельщику клюшкой прямо по щеке… Когда хлынула кровь, хоккеисты перепугались, но ненадолго: не дрейфь, пацан,

снегу приложи! Зуб потерял — не беда, новый вырастет, а шрам украшает.

Родителей он старался не огорчать. «Мог с одного прочтения запомнить стихотворение, — похвалялся отец. — За какой-то час выучивал поэму… Учился хорошо, но не очень ровно». «Мог чуть ли не дословно передать содержание книги, кинофильма, прочитанного рассказа или сказки», — подхватывала Нина Максимовна.

Рассказы о детстве поэта трогательны и безыскусны. Но бесперебойно стучат молоточки, напоминая слова самого Высоцкого: «*Это — патока, сладкая помесь! Зал, скажи, чтобы он перестал!*».

Память избирательна, и с легкостью сбрасывает, как балласт, любое «недобро». Хотя эскизные наброски порою интереснее и ценнее завершенного портрета. Свидетели юных и отроческих лет Владимира, сами того не ведая, усердно прорисовывают светлый, хрестоматийный лик, насильно определяя его в наглядные пособия. И получаем то, чего так боялся поэт: *«А я лежу в гербарии, к доске пришпилен шпилечкой…»* Да вот беда: неуютно ему там, сопротивляется, ни в какую не желает мумифицироваться своенравный Иван-царевич на своем сером волке. Такая уж упрямая

натура.

Если воспринимать его творчество как исповедь, то понимаешь, что Высоцкий в своих рассказах о детских годах чего-то умышленно избегал, а может, просто не хотел лишний раз ворошить прошлое, кого-то обижать...

***

К началу 1947 года Семена Владимировича ожидало новое назначение — служба в оккупационных войсках в Германии. Что-то надо было решать с сыном. «Когда мы с моим мужем... разошлись, — рассказывала Нина Максимовна, — то договорились, что до окончания школы Володя будет жить с отцом и его женой...

Нужно было выбрать, что лучше для ребенка. Я работала в Министерстве.., мы там задерживались до глубокой ночи, он оставался один... Какое бы на него влияние оказала улица?.. Это было послевоенное время...»

По-житейски, конечно, разумно.

Второго января за два часа до отправки поезда мама привела сына к отцу в Большой Каретный и оставила. «Когда они уезжали, он радовался, конечно, — считала мать. — Он же не понимал моей трагедии».

Да, маминой трагедии он не понимал. А она — его беды, подталкивая к замкнутости и отрешенности от зряшной суеты.

Некоторое время он, 9-летний мальчишка, растерянный и одинокий, сидел на стуле, болтая ногами. Потом появилась Лида, племянница Евгении Степановны, решила познакомиться: «Как тебя зовут?»

— Володя.

«Я хорошо помню его самый первый день в этой квартире, — рассказывала она потом. — Пришел маленький мальчик с вьющимися волосами... Он немного стеснялся и сидел очень тихо. Все- таки первый раз в незнакомом доме. Семена Владимировича он, конечно, знал, а больше никого. Евгения Степановна помчалась, приготовила яичницу...»

Семена Владимировича он, конечно, знал, но не так, чтобы очень — «погоны-цацки» на вокзале, что еще?..

По тем временам попадавшие в Восточную Германию армейские офицеры и члены их семей считались счастливчиками. В поверженной, разрушенной, расколотой надвое стране жить было несравнимо легче, чем в послевоенном Советском Союзе непобедимого генералиссимуса.

С жильем в Эберсвальде у гвардии майора Высоцкого вопрос решился мгновенно — он получил в свое распоряжение целый этаж двухэтажного домика, даже сыну досталась отдельная комнатка-спальня. Но позже о жизни в Германии Семен Владимирович вспоминал по-военному лаконично: «Дома я не бывал порой неделями: ученья, занятия в поле... Так что воспитанием Володи почти полностью занималась Евгения Степановна. Они с первых дней нашли общий язык, полюбили друг друга, чему я был рад... Видимо, ее ласка, ее доброе отношение к нему сыграли главную роль, он ответил ей тем же».

Поначалу совладать с чужим мальчишкой 28-летней Евгении Степановне было непросто. Хотя до встречи с Семеном Владимировичем у нее уже был семейный опыт, своих детей не имела. Первый муж, летчик, геройски погиб в самом начале войны, а со вторым, инженером, в 42-м произошел несчастный случай. И она искренне переживала, побаивалась натворить ошибок, напряженно ожидала слов: «А где мама? Хочу к маме!» Что ему говорить?

«Тетя Женя» баловала пасынка, но не угождала. Как-то, рассказывала она, Володя захотел иметь такой костюм, как у папы. Все просил: сделай,

пожалуйста, мне костюм военный, я сам буду военный, сделай мне костюм, как у папы... На заказ шили в ателье. Брюк две пары — и навыпуск, и галифе, как у папы. А с сапогами получилось неладно — в военторге такой маленькой колодки не было. Ей пришлось ехать в Берлин и заказать у немецкого сапожника. Когда уже был готов костюм и сапоги доставили, тетя Женя предложила: «Надевай сапоги». — «Нет, я хочу посмотреть еще, как носик, такой, как у папы на сапогах, или нет». Вынес сапоги, поставил: а-а, все нормально. Любил в этом костюме ходить. Разве что к школе переодевался.

Камуфляжные мундирчики были пределом мечтаний каждого гарнизонного мальчишки. Но для их осуществления надо было еще иметь такую тетю Женю...

Время от времени Володя писал в Москву о своем житье-бытье: «Здравствуй, дорогая мамочка. Живу хорошо, ем чего хочу. Мне купили новый костюм. Мне устроили именины, и у меня были 8 детей. Учусь играть на аккордеоне. Занимаюсь плохо, в классной тетради по письму у меня 5 двоек, учительницу я не слушаю, пишу грязно и с ошибками. Таблицу умножения забыл. Дома занимаюсь с тетей Женей и поэтому в домашней

тетради двоек нет. Папа меня за двойки и невнимательность ругает, говорит, что перестанет покупать подарки. Я тебе и папе обещаю учиться хорошо. Целую тебя. Вова».

Потом рапортовал: «Скоро буду сдавать экзамены... Если сдам на «отлично» и «хорошо», то папа купит мне велосипед».

Видимо, сдал. Велосипед стал его очередным увлечением. Правда, месяца через полтора-два чудо немецкой велотехники бесследно исчезло. На вопросы взрослых Володя отвечал: «Не знаю... Наверное, на стадионе забыл». Только перед возвращением в Москву признался: «Я его немецкому мальчику подарил. У него фашисты папу убили! Пусть катается... Ты, пап, у меня живой, а у него нет папы...»

Довольно часто в этом пацане близкие замечали черты маленького мужчины. А потом, в зрелом и взрослом, обнаруживали озорного и бесшабашного мальчишку.

Он любил, когда в их доме собирались сослуживцы отца. Встречаясь на чужой земле вчерашние фронтовики, прошедшие кровавые испытания, потерявшие однополчан, они становились сентиментальны и словоохотливы. Владимир, разинув рот, жадно слушал их

рассказы, не всегда складные, но честные и откровенные, без прикрас, впитывая их в себя. Захмелевшие офицеры не задумывались, что и как говорить, были искренни и не стеснялись в выражении чувств.

Праздниками становились встречи с папиным братом, дядей Лешей, чья часть была расквартирована вблизи Эберсвальде. Алексей Владимирович Высоцкий был незаурядным человеком. Он рано узнал жизнь с разных сторон, и не все эти стороны были светлыми. Школьный учитель литературы настоятельно советовал ему заняться филологией, литературой, но упрямец пошел в артиллерийское училище. Воевал достойно, принимал участие в боях за Одессу, Севастополь, Дон, Кубань. Уже к 1943 году Алексей Владимирович был награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени. После войны фронтовик закончил журфак МГУ и, выйдя в отставку, профессионально занялся литературным трудом. Опубликовал несколько книг на фронтовом материале.

Он мудро вел себя по отношению к племяннику, оказывая ему спокойное мужское покровительство. Не говорил с ним слишком взросло, но и не сюсюкал, ощущая, что этот мальчик с внимательными глазами понимает гораздо больше, чем

ему положено... Именно от дяди Леши Владимир узнал множество реальных армейских историй. И трагических, и смешных, и лирических, и страшных.

Семен Владимирович после черного июля 1980 года недвусмысленно намекал, что певческий и актерский потенциал умершего сына имел генные корни: как-никак майор в свое время занимался в драмкружке гарнизонного дома офицеров, имел навыки аккордной игры на пианино («В одном из эпизодов фильма «Место встречи изменить нельзя» Володя спел песню Вертинского точно в моей манере...»). Дядя Леша на роль генного донора не претендовал. Но его рассказы о боях и фронтовом братстве навсегда взяли в плен юного Володю.

Летом 48-го Высоцкие отправились в отпуск в Союз. Решили поехать в Баку, навестить тамошнюю родню тети Жени. Ехали долго, но зато с удобствами — пусть в товарном, но отдельном вагоне. Для Володи было сооружено специальное ложе на ящиках. Готовили на примусе. В стеклянной банке горела свеча. А вот с водой были проблемы. Как-то на одной из станций Евгения Степановна отправилась за кипятком. А когда возвращалась, состав тронулся. Не выпуская из

рук чайник, кинулась следом, но успела заскочить лишь в тамбур последнего вагона. Долго стояла в тамбуре, тяжело дыша и приходя в себя, и слышала, как кричит, вырываясь из рук Взрослых, Вовка: «Мутти! Мамочка! Ой, что ж мы теперь делать будем!..»

Евгения Степановна едва дожила до следующей остановки, чтобы добежать до своего вагона и обнять и Семена, и Вовку. А потом, улучив подходящую минуту и ситуацию, постаралась тактично объяснить Володе, что у него в Москве есть мама, она его любит и ждет. А я жена твоего папы и для тебя буду тетей Женей, договорились?..

Осенью того же года они вернулись домой, в Москву. Только где его дом? На Первой Мещанской или на Большом Каретном? Который из них?

Кто ответит мне: что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился,
Али жить у вас разучилися?

— В общем, так, — по привычке скомандовал Высоцкий-старший, — поживешь сначала у нас. И никаких разговоров! А там видно будет...

Он объяснял потом: «У Нины Максимовны

была другая семья. Мы решили, что Володе у меня будет жить лучше, и поэтому полюбовно договорились...»

Приехали на Большой Каретный. Вот он, 15-й дом, вот 4-я квартира. Все тот же дом, все те же соседи — Петровские. В первый же вечер решили все проблемы.

— Наши соседи, — рассказывал Семен Владимирович, — Северина Викторовна и дяда Саша, для которых Женя была как дочь, — отдали нам свою комнату: «Вас трое, вам тесно теперь в одной, а нам и одной достаточно». И никаких документов, никаких денег — вот такие были люди!..

«ГДЕ ТВОИ 17 ЛЕТ? - НА БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ!..»

Когда они вернулись в Москву, вспоминала Нина Максимовна, то Володю определили в школу возле квартиры отца. Сначала я иногда на все это сердилась, приходила к школе, встречала его и брала к себе домой. Семен Владимирович приходил и говорил, что я мучаю и себя, и ребенка, что Володе будет трудно от Рижского вокзала на Каретный ездить в школу, — в общем, было очень сложно. А потом все наладилось. Они материально жили лучше, чем я. Но Володя был очень воспитанным и никогда не позволял себе сказать: «Вот у вас есть, а у мамочки этого нет». С большим уважением относился к Евгении Степановне, а с отцом были откровенны, как мужчины, имели свои секреты...

Впрочем, у мамы тоже были свои секреты. Мало-помалу складывалось у нее некое подобие личной жизни... Когда и откуда появился в ее комнате на Первой Мещанской молдаванин дядя Жора по фамилии Бантош, никто не помнил. Да и не очень-то хотелось. К сыну отношение ма-

тери, в общем-то, не изменилось. Просто теперь свое внимание и нежность Нина Максимовна делила надвое. Прямых признаний на сей счет, естественно, нет, да и нужды в том не имеется. Каждый имеет право на какой-то свой кусочек счастья. Только, ради бога, не за счет кого-то третьего! Жаль, никто не замечал опасности одиночества маленького человека, а оно даже годы спустя не удержалось все-таки там, на самом дне памяти, и выплеснулось горькими строками:

Как сбитый куст, я по ветру волокся,
Питался при дороге, помня зло, но и добро.
Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро...

Через много-много лет он мучительно пытался разобраться в причинах беды, обрушившейся на одного из сыновей Марины Влади, — наркомании. «Спасать надо парня, — писал другу Высоцкий, — а он не хочет, чтобы его спасали, — вот она и проблема, очень похоже на то, что и у меня...» Ее (причину), считал Высоцкий, «проще всего найти в матери и отце, что они обижали дате, тепла ему не давали, притесняли всячески и издевались над ним...».

Осенью 1949 года Семен Владимирович получил назначение в Киевский военный округ. Приказ есть приказ. Да и на судьбу грех сетовать — Киев, Полесье, «рая родные. Жену с сыном оставил дома. Пообещал: обживусь, посмотрим, со временем будете навещать.

Отец в Москве с тех пор бывал наездами. И когда он приезжал, их дом, хлебосольный и гостеприимный, широко распахивал двери для фронтовых друзей, знакомых, многочисленной армянской родни Евгении Степановны. А когда тетя Женя часто и надолго уезжала к мужу, Володя оставался один или на попечении заезжих дальних родственников, которые целыми днями где- то пропадали по своим московским делам. Набегавшиеся, злые и измотанные, одуревшие от «шума городского», они по вечерам собирались вместе на Большом Каретном и заводили свои бесконечные, громкие, непонятные разговоры, и тогда уж дома становилось совсем невмоготу — хоть беги. Куда? А к маме на Мещанку?.. Ну да, там жил чужой человек, совсем чужой, которого Володя терпеть не мог. Вот и приходилось возвращаться на Большой Каретный.

В общем, мыкался он неприкаянным кутенком, не зная толком, куда податься и к кому при-

ткнуться. Тетки во дворах с опаской косились на слоняющегося без дела хлопчика, порой поругивали и грозили, потом осуждающе вздыхали и о чем-то шушукались меж собой. А дворовые ребята постарались «оформить прописку» новенькому — отлупили. Тот в ответ привел на «толковище» своих, с Мещанской. Но до «кровянки» дело не дошло. Поговорили крупно, по-взрослому, но нашли общий язык и потом даже в «пристеночек» постукали, чья возьмет? А новичок еще и заводным оказался, взялся играть в «расшибец», где особая меткость нужна, просто так, с наскока в далекий кон монеткой не попадешь. Продулся, конечно, — с десяток щелбанчиков по лбу получил, и — гуляй, Вася. Ты не Вася? А кто? Вова? Ну, ничего, теперь будешь Васьком. Понял, Васек? Айда на крышу!

Со временем Вова-Васек и на Каретном тоже стал своим.

— Он выглядел очень симпатично, был всегда такой аккуратненький, — вспоминала соседская Инна минувшие дни. — У меня была собака, большая овчарка Фрина. И когда мы выходили во двор, Володя это в окно видел и тотчас выскакивал — в любую погоду... Они с Фриной садились напротив, впивались в глаза друг другу, а потом

принимались за свои игры. Он ее очень любил.

И для Володи, и для его новых друзей, и для всей послевоенной детворы двор был школой самостоятельной, почти взрослой жизни. Двор — это не только пространство, окруженное домами. Это и отец, и мать, детский сад и школа. Каждый двор был чем-то вроде маленькой республики со своими традициями, заповедями, кодексами чести и иерархией.

Большинство жильцов ютились в тесных коммуналках (и слова «отдельная квартира» произносились шепотом, не с завистью, а настороженно), а потому общались главным образом на улицах, где все друг друга знали и все про всех тоже. Ссорились и мирились тоже тут. Здесь обсуждались все проблемы — и семейные, и соседские, и мировые. И еще двор был носителем особой атмосферы, климата и аромата улицы. Все здесь созревало. Оседало в душах и сердцах опытом и знанием, заработанными голодом, стоянием в очередях, драками, бесстрашием мальчишеского риска, нравственной невозможностью упасть до школьного ябедничества — первого нравственного ожога для будущих взрослых людей...

Неутомимый рассказчик, он, повторю, почти

не касался детских впечатлений. Так, лишь изредка проблескивали какие-то осколки. Однажды на встрече с коллегами из театра Образцова его неожиданно посетила легкая сентиментальность. И, смущаясь, попытался объяснить: «Много лет назад я был очень частым гостем в театре, когда вы еще были на Маяковке, смотрел все ваши спектакли.. К тому же я всю жизнь прожил напротив, вот здесь. Когда это здание было просто кирпичной коробкой, я жил в Большом Каретном переулке. И вот... около этого здания, и рядом — серого — это было мое самое любимое место. Которое я очень любил, и весной... в первый день, когда уже не слякотно, а чуть-чуть подтаивало, и уже девочки начинали играть в «классики», я сюда приходил и просто стоял, смотрел на людей, которые проходили...»

Это — о красивом, о душе.

Но в послевоенной Москве, не только в традиционно приблатненном Замоскворечье или в Марьиной Роще, повсюду — в центре, у «Трех вокзалов», в улочках-переулочках вроде Лихова, в лабиринте проходных дворов Малюшенки, по соседству с Большим Каретным, на Самотеке неистребим был дух опасности, шпанистой диктатуры. Блатные и приблатненные урчата были

законодателями мод: носили кепочки с кнопочками, пришитым козырьком, клиновые. На шеях болтались белые кашне, на плечах — пальто внакидку с поднятыми воротами, а брюки-клеш обязательно должны были прикрывать ботинки. Они учили дворовую пацанву «ботать по фене»: вразумляя бестолковых, что такое «правилка», «тырснуть», «шпанцыри», «майдан» и кто такие «щипачи», «шалавы» и «домушники»... А разговаривали «сопливые острожники», оттопырив верхнюю губу, чтоб «фикса» из шоколадной фольги на солнце сияла..

Но это были лишь невинные уроки несмышленышам, «любовная прелюдия» к жестким законам блатоты. И далеко не всем удавалось выскочить из этой дикой стаи и избежать заранее предначертанной судьбы. Но даже те, кому везло, навсегда хранили в себе и на себе памятные засечки, как нетравленые татуировки, — у кого «профиль Сталина», у кого — «Маринка в анфас», — и неисправимые ужимки, манеры, повадки, словечки и слезно-удалой песенный фольклор.

Свои увечные идеи несли в народ и полчища инвалидов. Казалось, они были всюду. Одноногие, однорукие, безрукие, с исковерканными шрамами лицами. Безногих называли «танкиста-

ми», потому что они передвигались на колесных платформах-танкетках, сидя на зашитых в кожу обрубках и отталкиваясь от земли деревянными, облитыми резиной болванками в мощных руках. Слепцы в синих очках медленно брели из вагона в вагон и пели. Правда, бывало, под них «бомбили» и «косили» вполне здоровые тыловики. Но редко. Потому что били их смертным боем сами инвалиды с култышками, злющие, нервные и вечно пьяные.

«Я был вот таким малолеткой, — вспоминал Владимир Высоцкий, — читал стихи каким-то инвалидам, а они говорили: «Надо же, такой маленький, а как пьеть!..» А вот от занятий музыкой отказался наотрез, не внимая ни уговорам тети Жени, ни дальним (из-под Киева долетавшим) угрозам. Нет — все, кранты! Потом жалел, конечно, и говорил Евгении Степановне: «Да нужно было бы меня бить, чтобы я музыке учился... Почему я бросил?» Да потому, что видел, какими взглядами провожало «большекаретное дворянство» соседского мальчика-очкарика со скрипочкой в руках, который три раза в неделю с опаской ступал на эту «тропу позора», пересекая двор...

Сопоставимы ли величины: скрипочка и... чер-

ный пистолет? То-то же. Когда Володя показал ребятам трофейный «вальтер», подаренный отцом, их восторгам не было предела. Что с того, что ствол залит баббитом и нет спускового механизма? Все равно оружие есть оружие. Жаль, тетя Женя была решительно против. И когда она случайно в окно увидела, как Вовка треснул своего обидчика рукояткой по лбу, воинской славе «сына полка» пришел конец, то бишь безоговорочная конфискация.

Новенького в 5-м классе «Е» 186-й мужской средней школы с первого дня нарекли «американцем» из-за рыжей замшевой курточки. Больше в школу Володя ее не надевал. Стал таким, как все. Хотя нет, Высота стал душой школьной компании, первым выдумщиком и заводилой.

Хотя медики настоятельно рекомендовали поберечься. Когда Высоцкие вернулись из Германии в Москву, во время медосмотра школьный врач обнаружил у Володи ревмокардит. Потом стали подозревать недостаточность митрального клапана, шумы в сердце и прочие неприятные штуки. Словом, советовали пропустить год. Лишь один из педиатров оказался оптимистом и сказал родителям: «Мальчик у вас очень живой, подвижный. Пусть посещает школу. Но следите, чтобы

он не особенно прыгал-бегал». Только каким образом это можно было сделать? Разве за ним можно было уследить? Учитель физкультуры высказывал претензии Евгении Степановне: «Вот вы мне справку об освобождении принесли, а я вижу: он на переменках на голове ходит!» Тогда, слава богу, все обошлось, говорили, перерос. Но на кардиологическом учете состоял все-таки до 16 лет.

Учился, в основном, на четыре и пять, как и большинство ребят. Правда, по прилежанию случались годовые тройки. Мама знала: «Отец его если поругает — за плохую отметку или еще за что, — он хватал книги и бежал ко мне. Я этого не поощряла. Отец приезжал за ним, и, обнявшись, они уходили...» Так сказать, своеобразные уроки прикладной семейной педагогики.

— Но учителя, как мне кажется, нас любили, — считал Аркадий Свидерский, учившийся в параллельном классе, — они знали, что в нужный момент мы сделаем все, не подведем. Хотя они знали также, что мы могли сбежать с уроков. Довольно часто мы... срывались. Заходили к Яше Безродному, который жил прямо около сада «Эрмитаж», оставляли у него портфели и отваливали — или в «Эрмитаж», или на трофейный фильм...

Попадало... но мы спокойно это дело переносили. Конечно, мы хохмили, мы были очень веселые, но чтобы хулиганить по-настоящему, в полном смысле этого слова — этого не было...

Рядом со школой находился клуб имени Крупской, где через день крутили трофейные ленты. От одних названий дыхание перехватывало — «Индийская гробница», «Багдадский вор», «Три мушкетера», «Королевские пираты», «Знак Зорро»... А когда на экранах появились все четыре серии «Тарзана», то поначалу даже «на протырку» попасть на сеанс было невозможно. Зато в каждом дворе повисли длинные веревки-»лианы», за которые цеплялись ребята и, раскачавшись, с жутким ором перелетали с ветки на ветку, пугая всю округу. Один из остроумных ровесников Высоцкого позже заметит, что свободомыслие в Советском Союзе ведет свое летоисчисление не от солженицынского «Ивана Денисовича», а именно с.. «Тарзана»: это было первое кино, в котором они увидели совершенно естественную, свободную от условностей жизнь. И длинные волосы. И замечательный тарзаний крик, который стоял над всеми улицами российских городов. Все подражали бунтарю Тарзану. И с этим государству приходилось бороться, прилагая куда

больше усилий, чем позднее с Солженицыным.

Комментируя свои романтические баллады к фильму «Стрелы Робин 1уда», Высоцкий не скрывал: «Мне кажется, они передают ностальгию по нашему детству, когда все мы бегали и смотрели эти фильмы, взятые в качестве трофеев. Всяких Эрлов Флиннов и так далее…»

Свободное время они проводили на углу Цветного бульвара и Садовой-Самотечной. Травили разные истории, хохотали, глазели по сторонам. И снова смеялись. Просто так, от хорошего настроения.

Иногда выбирались в Серебряный бор. А как-то погожим майским днем отправились гурьбой по Савеловской дороге на Яхрому. Купались в речке до синих губ, лазали по кустам и деревьям, прятались друг от друга и орали от счастья, полноты сил и свободы. Случайно в одном из заросших густой травой овражков обнаружили присыпанный песком ящик со снарядами.

Специалист по оружию и боеприпасам (с германским еще стажем) Вовка-Васечек тут же определил: снаряды от немецкой легкой гаубицы. Ну и что с того, что от гаубицы, что от немецкой? Главное — в гильзах имеются толстые «колбаски» пороха — самый ценный товар в любых мальчи-

шеских торгах-обменах.

— Стоп, ребята! — уговаривал друзей Володя. — Плохо будет, у меня друг в Эберсвальде на таком подорвался — костей потом не собрали. Не надо...

Но, отказавшись с большой неохотой от разборки снарядов, вспоминал один из участников «экспедиции», судьбу испытывать они не перестали: в песчаном откосе вырыли пещеру, уложили в нее пару снарядов, разложили костер и подожгли. Сами вскарабкались наверх и, разинув рты и заткнув ладонями уши, стали ждать. Ждали долго, аж надоело. Тогда завели считалку: тот, на кого выпадет, должен был лезть вниз проверить — не погас ли костерок... Слава богу, досчитать не успели — в грохоте, в гари, вместе с огромным куском откоса всей компанией съехали в воду. Чего и добивались. Страшно было до икоты. Потом весело...

А в следующее воскресенье Высоцкий с приятелем вновь решили поехать на старое место, чтобы как следует там пошарить. Снаряды — ну их, опасно, а вот что-нибудь поинтереснее там наверняка должно быть... На проселке, вблизи от места прошлого взрыва, парочку тормознул воинский патруль: куда? Совсем головы Потеряли?

Тут только что так шандарахнуло! Оказалось, час назад на мине подорвались четверо мальцов...

На летних каникулах всем семейством — тетя Женя, Володя, племянница Лида с маленьким сыном — отправились на побывку к Семену Владимировичу. Он заранее снял дом в деревушке Плюты на берегу Днепра. Вместе вели натуральное хозяйство, собирали яблоки, груши, грибы. В «служебные обязанности» Вовки входил ежевечерний загон кур на насесты. А днем в каждую свободную минутку все мчались к реке. В этом месте Днепр был неширок, и мальчишеских силенок хватало, чтобы переплыть его туда и обратно. Но все равно тетя Женя волновалась, ожидая его на берегу.

— Теть Жень, да я Финов по пять раз переплывал! — оправдывался юный пловец.

По вечерам развлечений было немного. Так, домино, картишки, лото... Лида молодец — книжек с собой прихватила целый вагон. И Майн Рид, и Киплинг... «Маугли». «Мы не просто перечитывали, — рассказывала она, — «пережевывали» эту книгу по несколько раз. Володя всех изображал — то становился Маугли, то Багирой, то Каа, иногда разыгрывал целые сцены...»

Следующим летом Володя гостил с дядей Лешей

в Закарпатье. Самые яркие впечатления — горы, густо покрытые лесами, и дети, не понимающие ни слова по-русски. Пришлось давать уроки...

По возвращении в Москву Володю ждал сюрприз. На очередной сбор папиных фронтовых друзей дядя Леша привел с собой самого Николая Скоморохова, при появлении которого офицеры все как один без команды встали. Еще бы: легенда авиации, летчик-ас, дважды Герой Союза. Потом Николай Михайлович помнил: кто- то попросил, чтобы какой-то подросток, все время крутившийся в комнате, сыграл и спел им. Это был сын Семена Высоцкого Володя. Он, не капризничая, сразу же подошел к фортепиано и запел. Особенно запомнилась песня Бернеса...

Потом мужчины курили у окна, а Володя, набравшись смелости, подступил к прославленному летчику с расспросами:

— Дядя Коля, а вы свой первый сбитый самолет помните?

— Еще бы! Как забыть...

— А расскажите...

— Да что тут рассказывать. В январе 43-го, фазу после Нового года, где-то над Лазаревской наткнулись мы на «раму». Видел, наверное? Вредная такая «рама» — самолет-шпион. Ведет разведку,

паразит, корректирует огонь артиллерии, наводит на наши позиции «юнкерсы».

Атакую. Очередь — мимо. Второй раз захожу, жму на гашетку. Смотрю, от «фоккера» что-то отваливается, он горит. Но в воздухе, гад, держится! Третья атака — уже сверху. В точку! Прошиваю бензобак, и только тогда он начинает падать. Прямо на скалы... А я от счастья свечкой в небо! Это же надо — я, Скоморохов из села Лапоть, только-только за штурвал взявшись, «фоккера» завалил!.. Самолет, Вовка, можешь мне поверить, — живое существо. Абсолютно живое. И вот у этого живого существа есть сердце, как там в песне поется, «пламенный мотор» и «руки-крылья». И он послушен тебе... Ты — царь и бог!.. Понял?

***

К восьмому классу их мальчишеская компания окончательно сложилась. Все жили рядом: Володя на Большом Каретном, Акимов в Садово-Каретном, Гарик Кохановский на Петровке, Яша Безродный — в Лиховом... После уроков возле школы, как правило, не толклись. Но по вечерам собирались чуть не каждый день. Куда идем? — такого вопроса никто не задавал. Постоянной штаб-квартирой была «хата у Акимыча». Володя Акимов рано остался без родителей, но его тет-

кам правдами и неправдами удалось оставить за несовершеннолетним пацаном огромную тридцатиметровую комнату, перегороженную надвое шкафами. Особый шик жилищу придавали отцовская шашка и долгополая бурка, висевшие на стенке. Тут же красовалась непременная вязанка лука. Квартира была коммунальная, в ней жили еще две семьи, но вечеринки, частенько заканчивающиеся под утро, хотя и были шумными, соседей, людей молодых и легкомысленных, мало беспокоили...

В «коммуне» были свои устав, эмблема, иногда даже велись «секретные» протоколы встреч, называемые по-казенному — собрания. Чуть позже появилась гитара. В основном, пел и играл Гарик Кохановский. Чтобы Володька играл — вроде бы нет, никто не помнил. Пел — да, но в хоре, вместе со всеми. Он больше любил «прикидываться», постоянно изображая кого-нибудь. Костяк «основного состава» был прочный: Высоцкий, Кохановский, Акимов. Другие — Яша Безродный, Миша Горховер, Володя Малюкин, Свидерский, Хмара, Лева Эгинбург — появлялись время от времени.

«Мы... очень подружились на одной общей страсти — любви к литературе, в частности, к по-

эзии, — вспоминал Кохановский. — Литературу у нас преподавала двухметровая дама во-о-от таких габаритов. Звали мы ее Слонихой. Она вставала у стены... и просматривала класс, как со смотровой вышки. Как «любили» мы ее уроки — это разговор особый™ Время было такое, смурное. Даже «разложенец» Есенин не издавался 22 года».

Но сменила ее новая молоденькая учительница Вера Петровна и открыла ребятам неведомый доселе мир — Андрей Белый, Николай Гумилев, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Велимир Хлебников, Северянин, Крученых, какие-то «ничевоки». Не то чтобы эти имена были под запретом — их просто не вспоминали, будто не было таких имен в русской литературе. И ребята почувствовали себя почти «первооткрывателями Америки», стали бегать в ближайшую библиотеку имени Пушкина в надежде отыскать хоть что- то об этих поэтах и писателях. Откуда-то появлялись рукописные — реже машинописные — листочки со стихами, так называемые «списки»...

У Высоцкого стали случаться такие периоды, которые он называл «взапчит», то есть, он взапой читает... Потом настало время повального увлечения Бабелем. Друзья знали наизусть его

«Одесские рассказы», пытались говорить языком Бени Крика и Фроима Грача, перебрасываясь удивительными выражениями:

— «Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе огонь...»

— «Пусть вас не волнует этих глупостей...»

— «Перестаньте размазывать белую кашу по чистому столу...»

— «Какая нахальства...»!

Позже, став профессиональным литератором, Кохановский внимательно следил за творческой эволюцией школьного друга. Предполагал, что строчка Гумилева: «Далеко, на острове Чад, задумчивый бродит жираф...» — еще со школьных лет засела в Высоцком, а потом вылилась в очень смешную песню «Жираф большой», а серия уличных, фольклорных песен больше идет из одесских рассказов, нежели от тех историй, которые ему кто-то когда-то рассказывал. И даже строка «Чую с гибельным восторгом — пропадаю...» — парафраз того же Бабеля.

Школьные парты той поры были с откидывающимися крышками. В чем состояло их удобство? Откидываешь узенькую крышечку на плоскость стола, на колени кладешь книжку, опускай глаза — и читай в свое удовольствие! Но время от

времени голову следовало поднимать, чтобы контролировать, где учитель.

Какие книги лежали на коленях? Самые разные — от гоголевского «Вия» до «Гиперболоида инженера Гарина». Но книжек авантюрного жанра было не достать. Восполнить дефицит Акимов с Высоцким решили сами, написав в 8-м классе приключенческую повесть «1Ь («Искусственные лучи»).

Потом, вспоминал Кохановский, мы принялись писать друг на друга какие-то эпиграммы.

***

С утра 14 января 1953 года в учительской средней школы №186 преподавателей собрали на политинформацию. Учитель физкультуры, он же секретарь парторганизации Семен Иванович читал из «Правды» сообщение ТАСС «Арест врачей-вредителей»: «Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью, путем вредительского лечения сокращать жизнь активных деятелей Советского Союза.

...Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной

еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»... Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М.Б., Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки. Следствие будет закончено в ближайшее время».

А в 9 «В» классе той же школы шло дознание, которое вела директор Надежда Михайловна Герасимова. Она вызывала к столу очередную жертву под конвоем родителей.

— Высоцкий, а ты почему без матери?

— Евгения Степановна в Киеве, — робко пояснила Лида, — я — ее племянница.

— Ладно. Ты почему, Высоцкий, ушел с уроков?

— Все пошли, и я пошел.

— А кто первым ушел?

— Не знаю, я в окно глядел.

— Так.. А если бы твои товарищи пошли Кремль взрывать, а тебе поручили бы поджечь Мавзолей... — бедная Надежда Михайловна даже задохнулась от своего кошмарного предположения, — ты бы тоже пошел?!.

Прогул, конечно, было делом серьезным. Но не смертельным.

На 15-летие Володи мама испекла пирог со свечами. Друзья именинника хором прокричали:

«Пятнадцать лет — пятнадцать свечей!» — и задули колеблющиеся огоньки. А вечером, когда ушли гости, сын вдруг сказал:

— Мамочка, не пеки мне больше пироги. Я уже взрослый человек и сам буду встречать день рождения.

На следующий год никаких пирогов на столе уже не было.

— Ну, Вовка, показывай, чем порадуешь? — Семен Владимирович уже окончательно вернулся из Киевского округа в Москву и решил всерьез взяться за сына. — Ага, русский язык — 4, русская литература — 4, алгебра — 4, геометрия — 5 (ого!), история, естествознание, география, история — тоже пятерки, молодец! Французский? Пять. Военное дело — четверка. Что ж ты отца-то позоришь? О, а физкультура — и вовсе трояк.. И как ты с такими оценками в десятый класс собрался? А дальше что?

— Десятый закончу без троек, обещаю.

— Ладно, посмотрим.

«В 10-м классе мы вдруг стали очень хорошо учиться, — вспоминал Игорь Кохановский, — чтобы был хороший аттестат и чтобы потом поступить... Первую четверть мы закончили прекрасно, буквально с 2—3 четверками... Но

отметки нам еще не выставили... Четверть заканчивалась накануне 7-го ноября. А пятого ноября нас пригласили... в 187-ю школу... А там все было как-то очень скучно. И Володя говорит: «Слушай, нужно что-то придумать, а то все девчонки сидят, скука такая, и стихи какие-то читают — кому это нужно?!.» И тогда ходили анекдоты — переделки басни Крылова на армянский вариант, там всякие смешные сюжеты получались... И вот Володя вышел на сцену и с кавказским акцентом рассказал басни Крылова... потом анекдот о том, как медведь, охраняя сон охотника и желая согнать надоедливую муху, севшую ему на нос, взял булыжник и осторожно опустил его на голову мухе, правда, охотник при этом скончался. Басня имела громадный успех...»

Воодушевленный Высоцкий принялся рассказывать кавказские опять-таки анекдоты. Почти стерильные, в смысле приличия. Но исполнителю потом было не до смеха...

«Володе поставили тройку по поведению в четверти, — завершал грустную историю Кохановский. — После этого мы поняли, что медаль Володе не дадут, мне тоже не нужно, и поэтому стали немножко по-другому учиться».

Все эти вечера — полная туфта, постановил

Акимыч, пусть на них идут те, кому делать больше нечего. Тут и голосовать не нужно было, все были согласны. «Хотя они устраивались для нас, но мы считали себя выше этого. Мы предпочитали многое другое», — загадочно говорил дворовый приятель Аркан Свидерский. Но это так, дворовый аристократизм.

Были, в конце концов, танцы, как учебный полигон брачных игр. Тогда в ходу была дежурная острота: что такое танцы? — трение двух полов о третий. В школах лишь на совместных вечерах жертвы раздельного обучения на час-другой (под бдительным педагогическим контролем) оказывались в менее противоестественных отношениях друг к другу. Но исключительно падеграс, падекатр, падеспань, польку. Только, боже упаси, не фокстрот или танго! Вальс — и тот вызывал сомнения. А девчонкам так хотелось хоть немного «пофокстрировать» или «потангировать», только вот кавалеры-скромники упрямо подпирали плечами стены зала.

Более вольными были танцы во дворе, когда теплыми летними вечерами распахивалось настежь чье-то окно на первом этаже, на подоконник выставлялся патефон, а еще лучше — радиола! — и начиналось! Сначала парни с

парнями, девочки с девочками, потом уже смелели. Вот только пыль клубами, ужас!..

Дворы полны — ну надо же!
Танго хватает за души, —
Хоть этому, да рады же,
Да вот еще — нагул…

Местом «выхода в люди» был сад «Эрмитаж». Это была их вотчина, второй дом родной. Лучшее место для беседы, встреч с друзьями, лучшее место для свиданий. Путей проникновения в оазис светской жизни было множество. Только не через забор, к тому же он был высок. В сад пускали бесплатно тех, кто шел в кино или на концерт. Они встречали знакомую пару с билетами, двое проходили. Потом эти два билета передавались через решетку, шли следующие. И так далее.

Были особые, «высоцкие» способы: проходя мимо контролеров, Володя напускал на лицо маску идиота и громко здоровался со стражами порядка: «Датуйте!» — при этом дурацки хихикая и странно перебирая пальцами. Контролер с жалостью думал: «Ну, убогий, больной... Черт с ним, пусть идет себе...»

Они знали там каждую скамейку, каждый куст, знали, где что происходит, знали людей, которые

постоянно туда приходили, с некоторыми даже раскланивались. Здесь, на летней площадке Театра эстрады, выступали все тогдашние знаменитости: Утесов, Шуль- женко, Эдди Рознер, Смирнов-Сокольский, Гаркави, Райкин, Миров и Новицкий... На их концерты они ходили по нескольку раз. Там же проходили первые гастроли зарубежных коллективов — от польского «Голубого джаза» до космического чуда — перуанки Имы Сумак с голосиной аж на четыре октавы. Толпа на нее ломилась со страшной силой, билетов не было. Но Володя дал слово: «Мы сегодня все смотрим Иму Сумак». — «Каким образом?» — «Это мое дело. Только не смейтесь, стойте железно».

В своем пиджачке-букле, при галстуке, он подошел в переводчику и сказал: «Я хочу с ней поговорить». Каким-то образом уговорил. Има Сумак вышла. Он начал с ней говорить, объясняться на каком-то наборе слов, очень похожих на английские. А произношение, имитация интонаций у него были блестящие, от природы. Певица внимательно слушала-слушала, потом чуть не заплакала и говорит переводчику; «Я ничего не понимаю, я не улавливаю смысла, может, я диалекта этого не знаю? Что он говорит?» Переводчик уже с ненавистью смотрит на юнца:

«Тебя спрашивают: что тебе надо?» А нахал отвечает: «Мы с друзьями хотим послушать концерт Имы Сумак». Им тут же вынесли контрамарки, но предупредили: «Больше не появляйтесь!»

Бывали и на интересных выставках, как правило, представляясь: «Мы из кружка «Хотим все знать».

«До десятого класса никто из нашей компании водки в рот не брал, — утверждал Свидерский. — На праздники, может, и приносили бутылку сухого вина или хорошего «массандровского» портвейна...»

— Зато потом во всех ларьках у нас был кредит, — гордился Володя Малюкин, — нас все знали, нам верили. Вот если мы приходили и хотели, скажем, выпить воды или даже вина — «мальчики, пожалуйста...» А назавтра или через день мы приносили деньги. В «Эрмитаже» водка была по 95 копеек 100 грамм, а билет за вход — рубль. Пролез просто так, считай, еще на сто граммов сэкономил...

А рядом с «Эрмитажем» было кафе с тентами — они вечно полоскались, оторванные ветром. Ребята окрестили заведение «Рваные паруса».

Со временем дружеские встречи случались все реже и реже, ребята постепенно отдалились друг

от друга. Высоцкий пытался разобраться в причинах охлаждения. А охлаждения, собственно говоря, никакого не было, с окончанием школы естественным образом завершался определенный и неизбежный жизненный этап. И в этом не было ничего необычного. Так было, есть и будет так.

Каждый уже всматривался в свой завтрашний день. Кто видел его ясно, кто в тумане. Это сегодня, после смерти Высоцкого, обнаружилось такое количество соседей по парте, что эта скамья была, надо полагать, километра в два длиной.

— ...Ох, Вовка, быть тебе актером, — как-то вечером сказала мама Толи Утевского, нахохотавшись однажды вечером над его очередными домашними «показами». Святая женщина, и легкая ее рука! Она знала, что говорила, ведь в молодости все же несколько сезонов отслужила в театре и подавала, говорят, надежды.

Он любил бывать у своих соседей Утевских, которые жили тут же, на Большом Каретном. Инстинктивно тянулся к Анатолию. А тот охотно, без притворства разыгрывал перед девушками роль старшего брата беспокойного подростка, за которым глаз да глаз нужен, потому время встречи с вами, моя милая Ниночка (Светочка,

Галочка, Валюша и пр.), у меня лимитировано. Простите, у меня для вас не больше часа. Пойдемте же скорее!.. Прошу!

Уже вечером Володя показывал эту мизансцену в «живых картинках» перед взрослыми зрителями, и всем было весело. Иногда, под настроение, читал басни, порой серьезные стихи. В те годы с Угевским-младшим приятельствовал Саша Сабинин, молодой человек без определенных занятий, но подававший сценические надежды. И Толян как-то попросил его:

— Сань, ты ведь, насколько я знаю, какую-то театральную студию посещаешь... А у меня тут сосед по подъезду, Вовка Высоцкий, ты его видел, по-моему, парень интересный. Здорово басни читает, анекдоты травит, стихи декламирует... Может, послушаешь как-ни- будь?..

— Ну, а почему бы нет? — Сабинину просьба приятеля, само собой, польстила — ему предлагали послушать, оценить, высказать мнение. Хотя он сам пока ходил в учениках. — Давай, Толян, хоть сейчас, пока время терпит. Зови пацана, если он дома.

Анатолий тут же сбегал к Высоцким, позвал Вовку: только не тушуйся.

Сабинин позже рассказывал: «Увидел пар-

нишку с хриплым голосом... Вовка... сразу мне понравился, потому что был очень веселый и одновременно застенчивый. Он был моложе нас, лет пятнадцати, но страшно тянулся к старшим. Стал читать мне всякие басни — «Слон-живописец», «Волк на псарне». Читал Крылова «Кот и повар» смешно и интересно... И сразу было видно, что передо мной одаренный человек А так как у него был идеальный слух, он еще умел всякие диалекты, нюансы передавать».

В то время Сабинин посещал драмкружок в Доме учителя на улице Горького, который вел Владимир Николаевич Богомолов, молодой мхатовский артист, будущий профессор Школы-студии МХАТ. Сабинин пришел к мастеру и сказал: есть парнишка такой, Вова Высоцкий. Тот согласился: приводи...

На Богомолова новичок произвел хорошее впечатление — юный, обаятельный. «Почти сразу стало ясно, что это еще и необычайно искренний и жизнерадостный человек, — вспоминал Владимир Николаевич своего ученика. — Он любил смеяться и смешить других — последнее ему нравилось особенно, и поэтому он хохотал, кажется, громче и заразительнее тех, кого смешил.

Первым моим вопросом к нему было: «Что ты

умеешь?»

— Утесова могу изобразить, — отвечает.

— Ну, давай.

— «Раскинулось море широко».» — это было очень похоже и очень смешно.

— А что еще можешь?

— Аркадия Райкина могу показать.

И опять — похоже и смешно. Радость и веселье, казалось, были его привычной атмосферой».

Ну так хотелось бы написать: «Так Владимир Высоцкий сделал первый шаг на театральной сцене...»!

Но вот незадача: сцены как таковой в драматическом кружке Богомолова и в помине не было. Занятия, а позже спектакли приходилось ставить прямо на полу. Но этому руководитель кружка был только рад — романтик театра считал, что это обстоятельство только придавало характер студийности. Достаточно было только переступить порог, и ты фазу попадал в какой-то нереальный, непостижимый, придуманный мир, где все было пропитано духом таинства актерской профессии, творчества, поиска и открытий. Это были месяцы напряженного ученичества.

Кроме всего прочего, на кружковцев наверняка действовала и атмосфера старинного купеческо-

го особняка, в котором располагался Дом учителя. Комнаты здесь были отделаны штофом, мореным дубом. Вдоль стен стояли замечательные кожаные диваны, был камин, висели зеркала в бронзовых рамах. Даже огромная трехкомнатная квартира профессора юриспруденции Утевского по сравнению с этим великолепием выглядела бедновато.

Будущему актеру Высоцкому, безусловно, повезло, что на его пути встретился именно Владимир Богомолов, человек яркий, талантливый, не просто бесконечно преданный театру, но еще и умевший обращать в свою любовь и веру юные сердца. Не зря в ряду своих театральных учителей Высоцкий первым называл именно Богомолова, и только затем Юрия Любимова. Молодой актер пробовал на кружковцах многие свои режиссерские задумки, пытался работать с ними, как с профессионалами. И многое у него, в итоге, получилось. Из старого купеческого особняка вышло немало отличных артистов, ставших впоследствии народными. Виктор Павлов, например. Или Алла Покровская, прима «Современника».

— Нам было хорошо с ребятами, — рассказывал Богомолов, — занимались мы когда угодно и сколько угодно. Ставили самое разное — и сцены,

и спектакли, большие и маленькие. Кружковцы все делали сами... Хорошо помню нашу работу по Чехову — «Из записок вспыльчивого человека». Это был настоящий спектакль — с замыслом, с музыкой, с оформлением, но не декорационным, а аксессуарным. Это очень смешное представление шло под свадебный марш Мендельсона». Когда Владимир стал уже известным киноартистом, он мне очень серьезно предлагал сделать фильм по этому спектаклю — очень ему нравилась эта работа!

Высоцкий играл как раз этого самого «вспыльчивого» и много позже вспоминал, как Богомолов ему, мальчишке, показывал рисунок роли, ставил монолог: «В небе светила отвратительная луна, и в воздухе отвратительно пахло свежим сеном. Когда служанка спросила: «Не хотите ли чаю?» — я ей ответил: «Подите вон!..»

А у Сабинина воспоминания были более прозаические: «Мы тогда звали Володю таким неприличным словом «Вовка-шванц».

Ну и что? — равнодушно воспринимал свое прозвище Высоцкий. Шванц так шванц. По-немецки — хвостик «Высота», конечно, получше звучало. Вовку Акимова назвали Ким Ир Сеном, и ничего,

Свидерский откликался на Аркана, Утевский не

обижался на Толяна. Мишке Горховеру повезло больше — он носил титул «Граф» (тут, правда, не подкопаешься — «Граф» из Лихова переулка жил в фамильном «замке», который до революции принадлежал бабушке «аристократа»). Какие могут быть обиды? Каждый в свое время имел прозвище или кличку, а артисты или писатели и вовсе сами выбирали себе псевдонимы, и прекрасно себя при этом чувствовали. Сам Сашка ведь тоже был далеко не Сабинин, и ничего...

«В НАШ ТЕСНЫЙ КРУГ НЕ КАЖДЫЙ ПОПАДАЛ...»

— Вовка, привет! — окликнула Инна уже убегавшего со двора своего соседа. — Как в школе дела? Ты что-то совсем нас забыл, как Фрины не стало, не заходишь даже...

— Стоп-стоп, Инночка, — притормозил Володя. — Во-первых, привет. Во-вторых, сразу так много вопросов. Все сразу не соображу. Фрину помню, конечно. В школе — все нормально. А что не захожу, так тебе вроде бы сейчас не до нас. Вон к тебе какие пижоны шастают.

— Какие «пижоны», Вовка?! Не фулигань. Заходи обязательно, я тебя с Левой познакомлю. Он о тебе, кстати, спрашивал. Ему Толян Утевский уже успел о тебе понарассказывать... В общем, приходи, вечером ждем. Левушка сегодня вроде рано должен освободиться.

Впервые Лева-Левушка, он же Левон Суренович Кочарян, появился на Большом Каретном в качестве жениха очаровательной соседки Высоцких Инны Крижевской и мимоходом, на напрягаясь,

мгновенно влюбил в себя половину дворовых аборигенов.

Современники отзывались о нем нежно и исключительно в превосходной степени. Однокурсник по юрфаку МГУ Утевский считал Кочаряна удивительным, актер Геннадий Ялович — гениальным организатором и очаровательным человеком. «Такого человека я больше в жизни не встречал, — признавался Аркадий Свидерский. — Он был нам и отцом, и страшим братом, и другом. Невероятной одаренности человек...».

До юридического Кочарян учился в Институте восточных языков, затем якобы в какой-то сверхсекретной школе КГБ. Чуть позже взахлеб увлекся кино и в конце концов стал «лучшим вторым режиссером Советского Союза», от которого были без ума авторы, актеры, осветители, гримеры и, главное, режиссеры-постановщики. Когда возникла проблема с утверждением отснятого материала по роману Михаила Шолохова «Поднятая целина», к классику был командирован Левон. На Дону он пропал на неделю. А после его отъезда режиссер-постановщик картины получил телеграмму из станицы Вешенская от самого Шолохова: «Закончите вторую серию, пусть приезжает только Кочарян».

Левон был мастер на все руки. Шил себе рубашки, делал абажуры, на съемках водил танки, свободно пришвартовывал корабль к морскому пирсу... Друзья утверждали, что Лева обладал невероятной силой, но пускал ее в ход лишь тогда, когда его к этому вынуждали, и что героя своей песни — «*Я силен, к чему скрывать, я пятаки могу ломать. Я недавно головой быка убил...*» — Высоцкий списал именно с Кочаряна. В нем бурлило мальчишество и авантюризм, он любил удивлять окружающих: выпить бокал шампанского и закусить фужером, спокойно сжевать лезвие бритвы или проколоть щеку иглой *(«могу одновременно есть бокалы и Шиллера читать без словаря...»*— пожалуй, и этот персонаж Высоцкого был с той же натуры).

Счастливчики, которые хотя бы однажды были удостоены чести общения с самим Левоном, затем слагали о нем саги, были и легенды. А учитывая магнетическую притягательность и коммуникабельность Кочаряна, количество таковых (авторов былин) не поддавалось счету. К тому же на каком-то этапе своего творческого пути он был одним из режиссером самой популярной на то время телепередачи «Голубой огонек».

С середины 50-х дом Кочарянов — Левона и

Инны — притягивал самых известных и самых разных людей. Актеры и актрисы, поэты и спортсмены-рекордсмены, художники и космонавты, режиссеры и писатели, музыканты и гроссмейстеры, ученые и звезды эстрады, альпинисты и моряки. Профессия гостя значения не имела. Главное, чтобы у человека был талант, индивидуальность, характер. Здесь появлялись кинорежиссеры Андрей Тарковский, Эдмонд Кеосаян и Алексей Сахаров, художник Илья Глазунов, композитор Арно Бабаджанян, моряки Анатолий Гарагуля, Олег Халимонов, поэты Григорий Поженян, Роберт Рождественский, Давид Маркиш, писатель Михаил Рощин, молодые, но уже известные актеры Евгений Урбанский и Олег Стриженов. Не гнушался посидеть тут за одним столом знаменитый криминальный авторитет Миша Ястреб и личный переводчик Хрущева Витя Суходрев. Все они были постарше — кто на пять, кто на семь лет — Владимира Высоцкого и его друзей, но разница эта скрадывалась общей атмосферой взаимного доверия, равноправия и интереса друг к другу.

Девушки? Ну, разумеется! Здесь, по мнению одного их апостолов компании, будущего писателя Артура Макарова, «они чувствовали совсем

другое отношение и сами начинали к себе по-другому относиться. Изысканные комплименты Андрея, Володины песни. А «шалава»... В этом не было ничего оскорбительного. «Шалава» — это было почетно... это еще надо было заслужить».

Если Левон Кочарян был душой компании, притягивающей центробежной силой, то Артур — ее идейным столпом. Ему нравилось изображать из себя таинственного и могущественного «пахана». Жизнь заставила, иначе было не выжить. В 1937-м его отца арестовали, а маму собирались отправить в ссылку. Муж ее сестры, знаменитой киноактрисы Тамары Макаровой, не менее именитый режиссер Сергей Герасимов, пользуясь своими связями, спас мальчишку и усыновил.

Артур с юношества писал прозу, был принят в Литературный институт. Но с первого курса был отчислен за вольнодумство. Стараниями отчима и его друзей Артура восстановили на заочном отделении. Так и оказался он в кругу близких друзей Кочаряна. Позже говорил, что именно он привел туда и Василия Шукшина, а затем Андрея Тарковского и Михаила Рощина. Упоминая их, к каждой фамилии следовало бы придавать эпитет «будущий»: будущий знаменитый писатель, актер, режиссер, драматург...

Все у них еще было впереди. А главное, они не сомневались, долгая счастливая жизнь. Один из них — Геннадий Шпаликов — именно так и назвал свой первый и последний фильм — «Долгая счастливая жизнь». Уже тогда они знали: главное — держаться вместе.

...Опальный заочник Литинститута явился на защиту в сопровождении друзей. Когда председатель госкомиссии объявил: «А теперь приступим к диплому Артура Макарова», они бурно зааплодировали. Преподаватели опешили:

— Молодые люди, вы перепутали. Здесь не театр!

«У нас тогда была хорошая компания, — рассказывал Рощин. — Через Артура я познакомился с Володей Высоцким, Левой Кочаряном... Был такой период, когда все были влюблены друг в друга — еще существовала чистая мужская дружба. Каждый из нас уже что- то сделал, у всех были свои дела, судьбы, все как-то определялось. Это было еще до моей драматургии, я усиленно занимался прозой. У Артура был культ мужской дружбы, он был преданный товарищ Возможно, нас всех собирал, соединял, цементировал Володька Высоцкий. Я даже склонен думать, что многие Володины песни вдохновлены история-

ми, делами, путешествиями Артура, редкостного и талантливого рассказчика...»

Первым допущенный во взрослую компанию, Высоцкий, ощущая ответственность, постепенно, не спеша, но настойчиво перетащил сюда, «под крыло Кочаряна», «своих». Так здесь возникли Гарик Кохановский, Володя Акимов, некоторые другие ребята.

«...Это было самое запомнившееся время моей жизни, — как бы подводя итоги, говорил Высоцкий. — Позже мы все разбрелись, растерялись... Но все равно я убежден, что каждый из нас это время отметил... Можно было сказать только полфразы, и мы друг друга понимали в одну секунду, где б ни были; понимали по жесту, по движению глаз — вот такая была притирка друг к другу. И была атмосфера такой преданности и раскованности — друг другу мы были преданы по-настоящему... Сейчас уже нету таких компаний: или из-за того, что все засуетились, или больше дел стало, может быть...»

***

«РСФСР Министерство просвещения

Аттестат зрелости

Настоящий аттестат выдан Высоцкому Владимиру Семеновичу, родившемуся в г. Москве 25

января 1938 года, в том, что он, поступив в 1949 году в среднюю школу №186 Коминтерновского района г. Москвы, кончил полный курс этой школы и обнаружил при отличном поведении следующие знания по предметам:

Русский язык — 4
Всеобщая история — 5
Русская литература — 5
Конституция СССР — 5
Алгебра — 4
География — 5
Геометрия — 4
Физика — 4
Естествознание — 5
Астрономия — 4
История СССР — 4
Химия— 4
Тригонометрия — 4
Иност. язык (фр.) — 4

Настоящий аттестат дает право его владельцу поступления в высшие учебные заведения Союза ССР.

Директор школы (подпись)

Заместитель директора по учебной части (подпись)

Выдан 24 июня 1955 г. г. Москва»

Ну, вот и все. Получая аттестат из рук директрисы, никаких особых чувств, не говоря уж о душевном трепете, Владимир Высоцкий не испытывал. Не веха, не рубеж. В последние недели все эти школьные проблемы, выпускные экзамены уже казались ему мелкими, не имеющими никакого особого значения, пустыми детскими забавами. Куда больше его тревожили, нервы выматывали бесконечные, нудные разговоры на тему «Куда пойти учиться?» Отец, мама, тетя Женя, Лида, отец, мама, тетя Женя, соседи — и вновь по новому кругу, одно и то же, одно и то же, прямо осада какая-то!

Чем ближе подступало лето, тем отчетливей у выпускников московских школ проступали признаки опасной лихорадки: поступать! обязательно поступать! куда угодно, но поступить! стать студентом! непременно!.. Идти работать? Тут даже закоренелые троечники поднимали головы: «А зачем тогда мы получали среднее образование?..»

Владимир тоже хотел учиться дальше, проверить свою зрелость не только по аттестату, выданному в средней школе №186. Но на кого учиться? — поначалу не признавался даже самому себе.

— Ну, молодежь, какие планы? — Семен Владимирович был в добром расположении, по-отечески поглядывая на сына и его приятеля Гарика. Ему очень нравилась его роль добродушного наставника. — Куда собрались поступать?

— Гарик вроде в строительный собрался, — начал Владимир, — а я хотел бы... в театральный попробовать.

— С ума сошел, какой еще театральный?! Ты чем думаешь? Женя! Иди сюда, послушай умника... Никаких театральных! Все! На Шрика посмотри. Молодец, все правильно решил. Надо иметь в руках верную специальность. Чтобы всегда был кусок хлеба, нужен механический вуз, и только. А у тебя ветер в голове гуляет — театральный... Как ты мог до такого додуматься? Не веришь мне, с матерью посоветуйся.

Пока Владимир добирался до Мещанской, Семен Владимирович успел позвонить, проинструктировать.

— Отец прав, — уже с порога сказала Нина Максимовна. — Поступай вместе с Гариком. Станешь инженером-строителем, хорошая профессия. Будешь дома строить, города...

Сын для вида кивал: «Ладно, мам, я подумаю». А она знала: упрямец. Как задумал, так и сделает.

Никто ему не указ — ни я, ни отец. Обязательно надо будет Владимира Семеновича попросить, пусть с внуком поговорит. Он человек образованный, юрист, умеет убеждать. Непременно получится...

В своем решении стать профессиональным актером Владимир оставался наедине с самим собой. Даже Богомолов сказал как-то кисло и двусмысленно: «Со временем ты сам в себе разберешься, и все станет на свои места». Разве что только Лева да Толян твердили: иди и не раздумывай, тебе место на сцене, не сомневайся.

А он сомневался. Вдруг не получится ни черта, что тогда? И все поймут, что ты бездарь, ничто, и что все эти басенки-стишочки, ужимочки глупые — чепуха на постном масле. Рожи корчить, петь под Утесова — много ума не надо. Вон у Саши Сабинина со Школой-студией, кажется, опять «облом» приключился... А я? Ну, ладно, разберемся...

— Гарик, а где этот твой инженерно-строительный?

— О, созрел, наконец-то! Решил? — обрадовался Кохановский. — Молоток, завтра идем. У меня пригласительный билет на день открытых дверей в МИСИ где-то валялся, красивая такая открыточка... По-моему, институт тут, рядышком.

В приемной комиссии им выдали кучу бумажек: «Заполняйте, ребята. Автобиографии можно в произвольной форме. Но поподробнее».

Писаниной решили заняться прямо здесь, на месте. Чего туда- сюда кататься, время терять? Вперед!

«Родился в 1938 году 25 января в г. Москва в семье служащих. Когда началась война, мой отец, Высоцкий Семен Владимирович, окончивший к этому времени техникум связи, уехал на фронт, а я и моя мать, Высоцкая Нина Максимовна, остались в Москве. В 1943 г. я и моя мать, Высоцкая Нина Максимовна, эвакуировались в г. Бузулук Казанской обл. В 1945 г. мы возвратились в Москву, и я поступил учиться в 273 школу Щербаковского района в 1-ый класс. В 1947 г. отец, находившийся на военной службе, был направлен в ГДР в г. Эберсвельд, я также поехал с ним. Возвратился в 1949 г. и поступил в 5-й класс 186 школы и в 1955 году окончил 10-й класс. В апреле 1952 г. был принят в ряды ВЛКСМ. Взысканий не имею. За время пребывания в комсомоле был членом комсомольского бюро. В 10-м классе был редактором стенной газеты...»

Вроде бы все, перечитал написанное Володя.

— Гарик, а в 49-м ГДР уже была?

— Вроде, еще нет. Да какая разница? Сейчас же есть! — Кохановский заглянул в бумажки:

— Дату ставь.

Высоцкий послушно написал внизу странички — «25 июня 55 г.»

— Теперь заявление. Вот образец.

«Директору Московского ордена Трудового Красного Знамени Инженерно-Строительного Института

От окончившего в июне месяце 1955 года полную среднюю школу № 186 Коминтерновского р-на г.Москва Высоцкого Владимира Семеновича, проживающего в г. Москве по 1-й Мещанской улице, д. 116/126, кв. 62

Заявление

Прошу допустить меня к приемным испытаниям на 1-й курс механического факультета вверенного Вам института.

Прилагаю следующие документы...»

Девушка в приемной комиссии быстро просмотрела все бумаги;

— Все в порядке. Завтра — консультация. Подойдете в 31-ю аудиторию к десяти утра. Не опаздывайте! Удачи вам!

На выходе из института новообращенного аби-

туриента Кохановского окликнули: «Поступаешь, парень?»

— Поступаю.

— А на какой факультет?

— Механический.

— О, ты-то мне и нужен. Спортивный разряд есть?

— Есть.

— Какой?

— Первый?

— А по какому виду?

— Хоккей с шайбой.

— Да ты что?! Все, идем, мы тебя берем. Фамилия?

— Минуточку, — мгновенно смекнул Игорь, — подождите, я не один. Я с другом...

— Ладно, не волнуйся. С другом так с другом. Он что, тоже спортсмен?

— А как же! — разошелся Гарик — Еще лучше меня. Он...

— Все-все, договорились. У вас первое сочинение? Когда?

— Завтра скажут. На консультации.

— Найдешь меня на кафедре. Зовут меня Пал-Палыч. Поговорим...

Прав оказался тренер армейской хоккейной

команды, когда ругал Игоря за пропущенные тренировки: старайся, оболтус, тебя в любом вузе с твоим разрядом с руками оторвут. Рук пока не оторвали, но уже пытаются...

Все вузы той поры, как выражался Кохановский, были жутко спортивные, и в приемных комиссиях стояли «ловцы душ» и просеивали толпу абитуриентов своими прямыми вопросами о спортивных разрядах. Надо отдать должное, меценаты действительно помогали. Накануне экзамена Пал-Палыч сообщил темы сочинений, и друзья, на всякий случай, обезопасили себя шпаргалками по каждой. Придя на экзамен, вытянули из рукавов «домашние заготовки» и добросовестно переписали их уже на проштемпелеванные листы.

Вечером усталый экзаменатор развернул очередное сочинение. «Обломов и «обломовщина» какого-то Высоцкого Владимира Семеновича, окончившего среднюю школу... Так, план... Вступление... Главная часть 1) Воспитание Обломова в патриархальной дворянской семье... 2) Черты характера, резвившееся в результате такого воспитания: а/ лень и апатия б/ безволие и несамостоятельность... 3) «Обломовщина» как следствие бездеятельности. Борьба Гончарова с

«обломовщиной» и всем феодально-крепостническим укладом... Заключение...

Вроде бы все нормально, и выводы просто-таки замечательные: «Роман имеет большое значение как для того, так и для нашего времени. Для того времени он важен тем, что помог передовым людям понять причину «обломовщины», помог бороться с ней. В наше время он помогает бороться с остатками «обломовщины», является ценным литературным наследием...» Блеск! К чему тут придерешься? Слог страдает, полета мысли нет? А на кой ляд они будущему прорабу или начальнику участка?.. Ошибки есть? Нет. Хотя вот запятая пропущена. Хорошо. Вот пусть и будет «хорошо». Для пущей важности экзаменатор подчеркнул пару слов в последней фразе — стилистика! — поставил оценку, расписался и, обреченно вздохнув, взялся за следующее творение. Опять «Обломов». О боже!..

Остальные экзамены проскочили без сучка и задоринки. Хотя волновались, конечно, прилично. «Иду по коридору МИСИ, — позже вспоминал другой безусый абитуриент Игорь Кио, — смотрю: в толпе перепутанных абитуриентов знакомое лицо — Володя Высоцкий. Мы были знакомы еще подростками, он учился в той же школе, что и

мой двоюродный брат... Потом учились мы на разных факультетах, но в концертах встречались: я, естественно, со своими фокусами, Высоцкий очень здорово читал «Стихи о советском паспорте» Маяковского...»

Но до студенческих концертов и «Советского паспорта» еще дожить надо было. Хотя Гарик друга успокаивал: все будет в лучшем виде, мне обещали! Волнения улеглись только тогда, когда увидел на доске объявлений:

«Приказ №403 от 23 августа 1955 года. Зачислить в число студентов 1-го курса механического факультета т. Высоцкого В.С. без предоставления общежития...»

Теперь можно было вздохнуть с облегчением, родителей успокоить. Семен Владимирович гордился: «Володя пошел в строительный институт по моей просьбе. Я шагу туда не сделал, а он сдал...» Мама выпросила у знакомых чертежную доску, при взгляде на которую будущий инженер-строитель, скорее всего, испытал жгучее желание нацарапать нехорошее слово.

„Уже через неделю занятий первокурсников стройными рядами и колоннами отправили «на картошку». Механиков определили в Волоколамский район.

— Ну, «дети каменных джунглей», — напутствовал их куратор от деканата, молодой преподаватель Николаев, — за работу!

Работка оказалась та еще, нормы какие-то несусветные. Да и кормежка — не ахти. Приезжих москвичей расселили кого куда. Володю Высоцкого и еще нескольких ребят отправили на постой в сельский клуб. Спали на сене. Зато с погодой повезло, сентябрь оказался на удивление теплым, ребята даже на речку бегали купаться.

Но, в целом, от непроходимой тупости деревенской жизни они пребывали в унынии. Было бы совсем худо, рассказывал однокурсник Олег Харо, если б не Володька. Он сам не сидел на месте и нам не давал. Сочинял какие-то смешные стишки, эпиграммы. Постоянно что-то напевал, рассказывал анекдоты. Заприметив гуляющих без упряжи лошадей, тут же решил обучиться верховой езде. Падал, вновь карабкался на круп, опять падал, поднимался, и через некоторое время уже довольно уверенно оседлал «гнедка» и принялся обучать приятелей». Ребята после картошки падали замертво, а он еще успевал на деревенские танцульки под гармонь. С этого «круга» придет часов в 12 ночи и начинает... Кохан злился, а из Володьки все прямо прет. Игорь

говорил: «Ребята, все, мы не смеемся. Пусть хоть до утра треплется. Спим». Все лежат, делают вид, что спят. А Володька не унимается. Потом кто-то один не выдержит — хмыкнет, и следом все грохнут. На него невозможно было злиться. Вообще, вокруг Володи все было как-то по-доброму... Все ему было интересно. Исписал целую тетрадку старых частушек» Они с Кохановским обо всех частушки сочиняли типа: «Был у нас пацан в колхозе, все он нам рассказывал. Спросишь, кто там фармазон, — на Харо показывал».

Насчет трудовых подвигов будущих строителей в ходе «битвы за урожай» говорить трудно, но то, что за те недели они сдружились, факт. Встречались после лекций, гуляли с девушками, дулись в картишки.

Осенние месяцы пролетели очень скоро. Мы были так довольны, что поступили, говорил Кохановский, так рады, что на этих радостях первое время очень прогуливали занятия. Высоцкий пребывал в какой-то меланхолии. Видимо, огорчала начертательная геометрия, с эпюрами и прочими прелестями. Сам Гарик тоже не отличался прилежанием, всерьез увлекшись стихами. Даже выиграл анонимный поэтический конкурс, который проводила институтская многотиражка.

По этому поводу Высоцкий тут же накропал:

Тебе б литфак был лучшим местом,
Живешь ты с рифмой очень дружно.
Пиши ты ямбом, анапестом,
А амфибрахием не нужно!

В институт Володя ходил, как на каторгу, замечали друзья. Однажды Утевский не выдержал и напрямую сказал ему: «Володя, ну чего ты маешься?! Бросай все, иди в свой театральный». Он знал: Высоцкий уже чувствовал в себе артиста — может быть, еще не поэта, не певца, но актера — точно!

Между тем неотвратимо накатывала первая сессия. И тут выяснилось, что ни у Высоцкого, ни у Кохановского не сдан зачет по черчению. А без него их к экзаменам не допустят. Последний срок сдачи чертежей был «черным днем календаря» — 2 января. «И мы решили (первого же чертить не будешь!) Новый год не встречать, — гордясь собой и другом, рассказывал Кохановский, — а сидели у Нины Максимовны и чертили. Наварили кофе крепкого, чтоб не спать, разделили стол пополам книжками... Что он чертил — я не знал, что я чертил — он не знал. Во второму часу ночи решили перекурить и выпить по чашке кофе.

Потом он перешел на мою сторону, а я — на его... Я дико захохотал: то, что он там начертил, никто бы не понял. Стало ясно, что, конечно, эту работу не примут. И тогда он грустно-грустно взял кофе, который остался от заварки, окропил им чертеж и сказал: «Васечек! Я больше в этот институт не хожу!»

— Ну ты даешь! Мы с таким трудом туда поступили... Благодаря, между прочим, моему первому разряду, а ты...

А Высоцкий стал упрямо повторять: «Нет, я больше не могу, не хочу, я думаю поступать в театральное училище...»

Простим поэту Игорю Васильевичу Кохановскому творческие вольности с некоторыми деталями «исторического новогоднего вечера». Допущены они были, надеюсь, исключительно с целью достижения литературно-театрального эффекта, не более того. На самом деле заявление об отчислении из института по собственному желанию студент Высоцкий В.С. подал 23 декабря 1955 года, а уже на следующий день соответствующий приказ был подписан.

Но вечер за чертежными досками дома у Нины Максимовны действительно имел место. И залитый кофе чертеж тоже — в качестве веществен-

ного доказательства испорченный ватманский лист мама хранила где-то на антресолях. И крик сына: «Все! Хватит! В этом институте я больше не учусь!» — она слышала отчетливо.

Суть не в деталях. Главное: Высоцкий принял бесповоротное решение.

Мама была в панике. Наутро бросилась за советом к мудрому свекру Владимиру Семеновичу. Тот сказал: иди в деканат и там ищи союзников, чтобы удержать парня от глупостей. Нина Максимовна помчалась в институт. Декан при ней стал выговаривать нерадивому студенту:

— Высоцкий, не делайте опрометчивого шага, у вас явные способности к математике.

— Возможно, но инженером я быть не хочу и не буду. Это не мое, понимаете? Так зачем же мне занимать место, которое кому- то нужнее, чем мне?.. Вот увидите, осенью приду и покажу вам другой студенческий билет — театрального института.

Дома сын, как мог, утешал Нину Максимовну: «Тк, мама, не волнуйся, все будет нормально. Я буду на сцене, а ты будешь сидеть в зале, и тебе захочется рядом сидящему незнакомому человеку шепнуть: это мой сын. Я стану актером, хорошим актером, и тебе за меня не будет стыдно».

Мама как-то фазу в это поверила и успокоилась.

Семен Владимирович принимать участие во всех этих событиях физически не мог — находился на больших учениях на Дальнем Востоке. Там его и нашла трагическая телеграмма от Евгении Степановны: «Крепись. Володя бросил институт». Когда через три месяца Семен Владимирович возвратился в Москву и вызвал сына, Владимир твердил одно: «Ведь ты, папа, не знаешь, чем я живу. Этот строительный институт — хорошее дело, но не для меня...»

Свое 18-летие Владимир Высоцкий встречал в постели — сильная простуда. «Он был... обмотан теплым маминым шарфом и почти не мог говорить. Мы, конечно, выпили за его день рождения, рассказывал Кохановский, — за мою первую сессию. И тогда же мы написали длинную песню о том, что с нами произошло за последний год. Написали мы ее на мотив известной песни «А парень с милой девушкой на лавочке прощается». Было там о том, как мы поступили в институт, как Володя захандрил, как он ушел, как заболел теперь в каникулы:

Смотрю с тоской на градусник,

Вся ртуть ушла в конец шкалы.
*Мороз под сорок градусов_*

А заканчивалась песня так

А коль во МХАТ не попадет,
Раздавим поллитровочку.
Васек в солдатики пойдет
Носить ружье-винтовочку».

Потом он стал просто избегать общения с родителями. Семен Владимирович с опозданием раскусил тактику сына: «Володька — хитрый. Матери говорил, что он у нас, а нам говорил, что пошел к матери...». На самом же деле неделями жил у друзей. Но, в основном, пропадал в богомоловском драмкружке. Много репетировал, азартно мастерил декорации, придумывал костюмы.

Нина Максимовна знала, где его искать. Как-то забрела в особняк на Горького. Шла репетиция «Безымянной звезды»: Володя изображал крестьянина, который пришел на вокзал и требует у кассира билет, ему отвечают, что билетов нет, а он добивается своего... В спектакле «Не хлебом единым» Володя-мальчик играл пожилого помещика начала века, облаченного в халат.

Мне казалось, говорила мама, это странным и смешным, в этом было какое-то несоответствие... Помню свое удивление, — настолько неожиданны были для меня все его актерские приемы. После репетиции я подошла к Богомолову и спросила: «Может ли Володя посвятить свою жизнь сцене?» — «Не только может, но должен! У вашего сына талант».

Куда идти учиться? — такой вопрос Богомолову Высоцкий мог даже не задавать. Вчерашний выпускник мхатовской Школы-студии боготворил свой Лицей.

К вступительным экзаменам Владимир Богомолов посоветовал тезке готовить монолог Олега Баяна из «Клопа» Маяковского: «У тебя получится!»

«МОЙ МОЗГ, ДО ЗНАНИЙ ЖАДНЫЙ, КАК ПАУК..»

— Смотрите!

Володя небрежным жестом вытащил из кармана ковбойки новенький студенческий билет и продемонстрировал собравшимся во дворе ребятам:

— «Читайте! Завидуйте! Я — ...» И так далее, как у Маяковского...

«Министерство культуры СССР. Школа-студия им. В.И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР им. М. Горького.

Студенческий билет № 398

Фамилия — Высоцкий. Имя — Владимир. Отчество — Семенович.

Время поступления — 01.09.56 г.

Факультет — актерский.

Билет действителен по 24.01.57 г.

Дата выдачи — 01.09.56 г.

Директор — /подпись/»

— Ну, Вовка, молоток, поздравляем!

— Артист! — вздохнули девочки.

— Дай-ка взглянуть. Так, «Школа-студия имени Немировича-Данченко» — звучит. А вот это както не очень, смотрите: «...СССР им. М. Горького» — такое я впервые вижу. Как это понимать, а?

— Да ну тебя в баню!.. МХАТ имени Горького!

— Ты не виляй, ноги в руки — и чеши, пока в «Бакалее» еще чего осталось!

— Ладно, через полчаса у Левы.

***

«Поступал Володя честно, без всяких протекций, — заверял тогдашний лаборант кафедры актерского мастерства Школы-студии Борис Поюровский, которому доподлинно было известно закулисье вступительных туров. — За него не было никаких ходатайств. Он был **ничейный**. Поступал хорошо, никаких проблем не возникало...» Даже Саша Сабинин не сдерживал удивления: «Я поступил на актерский не сразу, а он — с первого раза!»

Хотя проблемы были, и серьезные. Экзаменаторов смущал необычный, непрофессиональный, как они выразились, голос абитуриента. В толпе болельщиков под стенами училища мама фаем уловила отрывок разговора: «Это какой Высоцкий? Который хрипит?..» Комиссия на всякий

случай направила Высоцкого на консультацию к врачам-специалистам. Профессор-отоларинголог выдал горемыке справку: «Голосовые связки в порядке, голос может быть поставлен...» А потом Владимир Семенович с улыбкой оглядывался в прошлое: «Считали, что у меня больной голос. Пока этот голос стал модным, прошло... целое десятилетие...»

Человек по духу «артельный», Высоцкий с первых дней занятий пытался поскорее вжиться в новую среду обитания, сам искал знакомств.

«Несколько человек были приняты раньше других, — рассказывала Марина Добровольская. — Ленинградец Вильдан, москвичи Ялович, Портер и Высоцкий. А поздно вечером объявили, что приняты Лена Ситко и я... И всем нам было велено прийти на следующее утро.

Кто-то слышал, что в залах Академии художеств на Кропоткинской открылась интересная выставка Павла Кончаловского. Айда? Студенты-новобранцы решили отправиться туда. Потом долго гуляли по Александровскому саду... Высоцкий и Ялович все время «хохмили». Но если Гена был смешным сам по себе, то Володя кого-то изображал, играл какой-то типаж...»

Таю Додину зачислили на курс последней,

по дополнительному набору. Она стояла возле студии, еще не верящая в свое счастье, когда к ней подошел незнакомый паренек Удивительно солнечный день, жарко, вспоминала Тая, а он — в таком толстом пиджаке — о, Господи, что за явление?

— Ты новенькая?

— Да, только поступила.

— Ну, расскажи, где ты, что ты, как ты?

Я ему рассказала немножко о себе: где училась, какая у меня семья. Володя говорит:

— А я вот бросил строительный и пришел сюда...

Нет-нет, в училище юный студент «любовей» с однокурсницами благоразумно не заводил, инстинктивно чувствуя, что добром это не кончится. Да и Лева с Толяном насчет этого предупреждали...

Хотя «кадры», безусловно, имелись. Аза Лихитченко, Роза Савченко, Луиза Неделько, Лола Евгенина, Вика Платова... Тут в одни имена можно было влюбиться! Но лучше поберечься. Хотя бы на первых порах...

Живший неподалеку от мхатовского училища литератор Анатолий Макаров практически каждый день встречал будущего Гамлета — «то на

пороге почтенного этого вуза, то возле кафе, расположенного дверь в дверь через дорогу, то возле входа в «Бакалею», славную на весь микрорайон своим разнообразнейшим винным отделом. Надо признать, что в те годы... неизвестный никому и незнакомый мне студиец, мало мне нравился. Его нарочитая «понтярская» приблатненность не вызывала у меня симпатий. Тем более, что настоящие-то блатные, «загребные», «залетные», которых немало толклось тогда в окрестностях нашего переулка, не были моими героями. А уж тут-то я безошибочно чувствовал стилизацию. Правда, основательную, можно сказать, внутренне оправданную, не только в кепке «букле» с разрезом явленную и не в одной лишь лихо закушенной папиросе, но еще и в особой якобы боксерской шаркающей походке, и в нагловато-вызывающем, «глотническом» взгляде, но все равно форсированную, шибающую тем самым ежевечерним театром, какой представляли в те годы все московские «плешки»...»

Это — на улице. А в стенах училища юный студент преображался. «Меня потрясло, — с восхищением рассказывал один из преподавателей, — с какой серьезностью Володя относился к репетициям.. Белоснежная рубашка, красный

пуловер... Производил очень сильное впечатление...»

Школа-студия МХАТ среди театральных вузов отличалась своим особым уставом, традициями, нравами, даже манерами поведения. Мхатовское училище завистники называли пажеским корпусом. Здесь доминировал **стиль**. Первокурсники непременно первыми раскланивались со старшими. Будущие актеры с обожанием следили за нарядами преподавателей — строгие «тройки», белые рубашки, бабочки, галстуки, платочек «в цвет». И, конечно, с непременными значками-«чайками» на лацканах пиджаков. Мастера казались студентам образцами совершенства, недосягаемой элегантности

Душой Школы-студии был ректор Вениамин Захарович Радомысленский, «Папа Веня», как называли его и педагоги, и «студиозы», каждое 1 сентября, как полководец, неизменно освящал призывным кличем: «Ну, по коням!»

Руководителем курса Высоцкого был Павел Владимирович Массальский. «Тонкий педагог, Массальский понимал необузданные потенциальные возможности Володи, весь этот полет фантазии и редкий поэтический дар, — писал однокурсник Валентин Никулин, — но острое

чутье и многолетний опыт подсказывали Павлу Владимировичу, что талант нужно организовывать и направлять, что нельзя позволять ему разбрасываться. Массальский сыграл важную роль в формировании творческой личности Владимира Высоцкого — и в отношении воспитания вкуса, и в развитии общей культуры. Он знал: возможности Володи огромны и разносторонни, но именно тут-то и требуется твердая, направляющая рука педагога, чтобы помогать ему строже отбирать нужное, отбрасывать несущественное... Ему очень импонировало, что Высоцкий безмерно предан Школе-студии. Володя словно бы был счастлив уже тем, что его туда приняли...»

Большинство студийцев сходились в мнении: «Массальский обожал Высоцкого». А Владимир отвечал Мастеру взаимностью: «В жизни интересно иметь дело с личностью, с тем человеком, который имеет свое мнение и суждение о тех вещах, о которых он говорит. Таким человеком является мой учитель — Павел Владимирович Массальский, оставивший большой след в моей душе... Это был изумительный человек...»

К сожалению, руководитель курса бывал на занятиях не чаще двух раз в неделю, а иногда... и раз. Второй педагог Александр Комиссаров по-

являлся чаще, но тоже не всегда. Фактически все занятия проводил Иван Тарханов.

При глубоком почтении Владимира к педагогам, их общение было очень близким и дружеским, личностным. Им импонировала его дотошность, живой, неподдельный интерес ко всему новому. Наблюдательный Геннадий Яхлович не раз замечал: «Лекция заканчивается, и почти всегда рядом с преподавателем — Володя, все еще что-то доспрашивал...»

Все однокашники говорили, что у них на курсе преобладала атмосфера спокойного равновесия, без какого-либо острого соперничества, конкуренции, и «Высоцкий не был самым ярким, не был ведущим. Но учился хорошо, вернее сказать — легко», «Ни о каком первенстве речи не было, он был, что называется, хорошист... Володя не был ни надеждой и гордостью курса, но и не причинял особых неприятностей. Он шел ровно...». Только комсомольский вожак Владимир Комратов был принципиален: «...сказать, что Володя безумно любил учиться, — это, по-моему, неверно. Он не был в числе интеллектуалов, но как-то плыл так, плыл... Жил эмоционально. Он не был хорошим учеником, не был плохим — он так плыл...»

Вспоминая своих преподавателей, однокурс-

ники Высоцкого на комплименты не скупились: «легендарные педагоги, которые влюбляли нас в свои предметы и в себя», «просто замечательные, прекрасные люди»... С их помощью, по мнению Таи Додиной, «Володя за эти четыре года совершил скачок из детства во взрослую жизнь».

Философию преподавал Аверий Яковлевич Зись. Володя был одним из первых его учеников, завидовала Тая, все очень быстро схватывал и очень здорово во всем разбирался. Для большинства философия была темным лесом, а у Высоцкого всегда пятерки, хотя признавался: «Не прикасаюсь ни к учебникам, ни к конспектам. Прихожу, открывается дверь в стене, и я все помню...»

Мхатовские студентки того поколения поголовно были влюблены в преподавателя истории изобразительного искусства Бориса Николаевича Симолина. В него невозможно не влюбиться! Он умел уносить их в другие миры силой своей любви и вдохновения... Он мог читать историю изобразительного искусства, восточную и западную — какую угодно, но его истинной страстью была старославянская, дохристианская мифология. На занятия приносил какие-то иллюстрации, редкие книги, труды Афанасьева. Всех завора-

живали рассказы Симолина о Змее-Горыныче и Чуде-юде... А поскольку перед ним были будущие актеры, на семинарах Симолина они исполняли этюды на мифологические темы, даже придумывали костюмы.

Александр Сергеевич Поль («Поль, но не Робсон; Александр Сергеевич, но не Пушкин» — так он представлялся) читал студийцам лекции по зарубежной литературе... чуть ли не на всех языках, чтобы они могли почувствовать вкус и мелодику подлинника. Лысоватый, маленького роста толстячок с золотым зубом. О нем говорили: если с Поля сдернуть одежды и обрядить в тогу, — ни дать ни взять абсолютный римлянин времен упадка. Он появлялся в аудитории, швырял на стол набитый бумагами портфель и начинал читать гекзаметры. Любое неловкое движение, шуршащий конспект для него был смертельным оскорблением, и реакция была непредсказуемой. Перед его лекциями дежурный вывешивал на дверях объявление: «Осторожно, Поль!». Он ненавидел опаздывающих. Если дверь в аудитории открывалась после звонка, туда немедленно летела трость, портфель, все, что попадалось в этот момент Полю под руку. Однажды досталось даже ректору, случайно заглянувшему в зал. Сдать эк-

замен Александру Сергеевичу по классическому эпосу представлялось делом совершенно безнадежным. В анналах Школы-студии сохранилась легенда, переходящая от поколения к поколению, о студенте, который на экзамене вытащил билет по «Божественной комедии». В предвкушении интересной беседы Поль спросил: «Ну, как вам?» — «Божественно», — единственное, что смог вымолвить бедолага. «Идите, пять», — сказал преподаватель.

Высоцкому удалось повторить этот подвиг. Помог случай. Накануне один из студентов, готовясь к экзамену по сценической речи, читал вслух гомеровскую «Илиаду». Раз, другой, третий. В конце концов соседям по комнате он надоел, и его выгнали. На следующий день Высоцкий предстал пред светлыми очами Поля, вытащил билет... «Илиада»! Он фазу заверил преподавателя, что безумно любит Гэмера, знает поэму наизусть и начал:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал...

Поль умилился, утер набежавшую слезу и при-

двинул к себе зачетку — «отлично».

«Французский язык у нас вела одна очень интеллигентная дама. И я честно скажу, что мы ее интеллигентностью пользовались, — позднее каялся другой однокурсник Георгий Епифанцев. — «Можно выйти?» — «Да, пожалуйста». Поднимается второй: «А мне разрешите выйти?» — «Идите»... Она, в силу своей интеллигентности, просто не могла отказать, хотя, наверное, знала, что мы не выходили, а уходили с занятий. И когда в аудитории оставалось уже совсем немного людей, она обращалась к Высоцкому: «Ну а вы, Володенька, я надеюсь, останетесь?» И он занимался один, как будто предчувствовал, что французский язык ему еще пригодится».

Русскую литературу преподавал милейший Абрам Александрович Белкин, авторитетнейший специалист по Достоевскому. Приступая к занятиям, он обращался к студентам — и все затихали. Именно Белкин в 1958 году привел в Школу-студию Андрея Донатовича Синявского как специалиста по русской советской литературе первой половины XX века. Синявский объяснял, что стал работать в мхатовском училище «в силу случайных обстоятельств».

«Пришел к нам такой немного странный че-

ловек, — рассказывала Марина Добровольская, — молодой, но уже с бородой. Глаза тоже странные: не поймешь, на тебя смотрит или нет... И говорит очень тихо, с расстановкой, немного растягивая слова. Сразу же — ощущение доброты и доверия... Но самое главное —**что** говорит! Называет имена, которые мы не знали. Рассказывает о вещах, которые мы не читали... Бунин, Цветаева, Ахматова... Мы узнаем, что муж Ахматовой, Николай Гумилев, был расстрелян, а сын репрессирован... У нас были не только лекции, но и беседы. Синявскому можно было сказать, что Бунин тебе ближе, чем Горький... Только он всегда требовал, чтобы твое мнение было обосновано. Почему нравится? А почему не нравится? Синявский учил нас мыслить....»

Рассказывая им о Булгакове, он мельком вспомнил, что хранительницей рукописи его великого и пока неопубликованного романа «Мастер и Маргарита» является вдова писателя Елена Сергеевна.

— А почитать его можно? — заинтересовались студенты.

— Не знаю, — смутился Синявский, не зная, не выдает ли он чью-либо тайну. — Кажется, она иногда разрешает почитать. Но у себя дома. На

руки нет, не дает.

Можно только представить, сколько времени и сил потратили энергичные мхатовские студенты Епифанцев и Высоцкий, чтобы «выйти на след» таинственной Елены Сергеевны и, заручившись необходимыми рекомендациями, уговорить ее разрешить им прочитать легендарный роман.

Но с тех пор Владимир, отвечая на вопрос о самом любимом писателе, неизменно отвечал: «Михаил Булгаков».

Один из наиболее одаренных критиков своего поколения Андрей Синявский, по мнению многих, оказал серьезное влияние на формирование внутреннего мира Высоцкого. Тогда мало кто знал, что скромный преподаватель театрального училища и научный сотрудник Института мировой литературы «скрывал свое истинное лицо» под псевдонимом «Абрам Терц» и был первым советским литературным диссидентом, осмелившимся передать свои прозаические опыты (без разрешения!) западным издательствам.

А вот лекции Синявский, вспоминали студенты, читал очень скучно. Чувствовалось, что к своему курсу — «советская литература» — он был равнодушен. Зато как человеку, попавшему в новую среду, его, прежде всего, интересовали

его студенты. Он впервые оказался в окружении ярких творческих индивидуальностей и пристально к ним присматривался. Даже приходил на их экзамены по специальности, с удовольствием смотрел «капустники». А потом случайно проговорился о своей тайной любви к блатному фольклору.

«Когда группа Высоцкого сдавала экзамен по русской литературе, — вспоминала жена Синявского Мария Васильевна Розанова, — подошли к нему студенты и сказали: «Андрей Донатович, мы знаем, что вы любите блатные песни, пригласите нас в гости, и мы будем вам целый вечер петь». И вот пришла целая куча студентов: там был Жора Епифанцев, Высоцкий, Гена Ялович. И они действительно замечательно пели. Настолько замечательно, что я позвала их еще раз. И как-то мы их очень полюбили, они полюбили нас...»

Среди «шлягеров» той поры особым успехом пользовался драматический дуэт Высоцкого и Яловича.

Один: Я вышел в сад весенний прогуляться.

Стоит она...

Другой: Стоит одна?

Один: Не в силах воздухом весенним наслаждаться

Он подошел и речь завел:
«Нельзя ли с вами прогуляться?»
Другой: Она в ответ...
Один: Она в ответ сказала: «Нет».
И не мешайте мне другого дожидаться!

В непринужденной домашней обстановке Андрей Донатович разошелся-раздухарился и затянул с Машей свои заветные — «Там девочки танцуют голые», «У ней такая маленькая грудь...», «Алешка жарил на баяне, гремел посудою шалман. В дыму прозрачном, как в тумане, плясал одесский уркаган...». Как жаль, что тогда, в конце 50-х, магнитофоны были наперечет. В прямом и переносном смыслах.

Вне аудиторий Синявский раскрылся перед своими студентами совершенно неожиданными гранями, поражая их парадоксальностью суждений. Особенно когда речь заходила о Пушкине. Может быть, молодой преподаватель обкатывал на них «устную версию» своей, еще не написанной, главной книги «Прогулки с Пушкиным»? Он говорил:

— Ребята, мне обидно за Пушкина. В массовом сознании он — памятник на одноименной площади. А в моем представлении

Александр Сергеевич — личность очень свет-

лая и внутренне радостная. Пушкин в широком смысле — это смеющийся гений. На фоне достаточно трагичных фигур русской литературы — унылой и скорбной... Да-да, — Андрей Донатович подчеркивал, чуя зреющий ропот, — унылой и скорбной, Но даже само имя «Пушкин» заставляет улыбнуться. А у нас читают из Пушкина лишь «Клеветникам России» и превращают его в сурового и строгого ментора. Делать из него «охранителя» — простите, противоречит самой природе Поэта... Ведь настоящий литератор — нарушитель. Писатель обязан переступать запретную черту. И не поучать, а сострадать...

Близкие к Высоцкому люди говорили, что «Володина культура и то, что под конец можно назвать его эрудицией, — это заслуга Синявского. Ни от одного человека Володя не воспринял так много, и никому он так не доверял...

***

Преподаватели специальных дисциплин в Школе-студии были особой кастой. Среди них выделялась Елизавета Григорьевна Волконская-Никулина. Кто же еще мог преподавать «манеры», как не настоящая графиня, представитель древнего рода? Статная, породистая дама — в старинных

украшениях, руки в перстнях. Ее сравнивали с Идой Рубинштейн с известного портрета Серова, чуть постаревшую и поседевшую. Коротко стриженная, нос горбинкой, длинные пальцы, папиросы «Беломор». Остроумная, элегантная. «Мальчишки млели. Мы восхищались», — не скрывала Тая Додана.

Она замечательно с ними общалась, в стиле доброжелательной иронии. Как войти в комнату, как подойти к женщине, как отодвинуть стул, сесть за стол. Учила мелочам, но очень важным мелочам, почти утраченным. На первом же занятии Волконская предупредила: «Сколько ни пытайтесь, дворян из вас не получится... Дело не в том, как вы будете ходить, садиться, вставать, а во внутренней культуре». Присмотревшись, посоветовала Высоцкому: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство».

А вся преподаватель вокала, профессор Сарычева, изначально на Высоцкого рукой махнула, не находя в нем никакой «голосовой перспективы». Укрепляя ее уверенность, он предпочитал появляться на ее «парах» с закутанным горлом.

Педагоги понимали, что Высоцкому **дано**. Но в

то же время, вспоминая студентов набора 56-го года, профессор Виталий Виленкин считал, что Высоцкого они все **проглядели**.

На одном из семинаров по эстетике Радомысленский пригласил студентов поразмышлять на тему «Актер и человек». Высоцкий решил поерничать:

— Вениамин Захарович, а если не так, а «Актер, но человек»?.. Ну, то есть я только хотел сказать, что и актер человек

У «папы Вени» с юмором было все в порядке. Он улыбнулся:

— Высоцкий, у вас в дипломе (если все окончится благополучно и вы его получите) будет написано — актер драматического театра и кино, а вы — неисправимый сатирик

С этим курсом Массальский с самого начала допустил ошибку, считал Иван Михайлович Тарханов. Он решил, что талантливым людям не стоит тратить время на этюды, которые несут в себе известную долю надуманности, вымученности. И он заставил их сразу делать отрывки, сцены.

Таисия Додина отчетливо помнила первые пробы: «Сцена была такая: Володя — домоуправ, а я приходила жаловаться — не работал водопровод-

ный кран. Я жаловалась, а он звонил. Я просила, а он не замечал...»

Потом Павел Владимирович Массальский предложил сделать отрывок из гончаровского «Обрыва». Но репетировали без особого энтузиазма. И тогда у Тарханова возникла идея:

— Ребята, а что бы вы сами хотели сыграть?

Наутро Высоцкий принес чеховскую «Ведьму». Тарханов одобрил выбор, но предложил ему второстепенную роль. Инициатор постановки огорчился, но согласился, взамен вытребовав для себя монополию на «производство шумов» — колокольчики, завывание вьюги, ветра и прочие шалости.

В конце второго курса Тарханов загорелся идеей сделать инсценировку «Золотого теленка» по Ильфу и Петрову. «Начал, — рассказывал он, — прямо с «Пешеходов надо любить...». Полглавы авторского текста, история «детей лейтенанта Шмидта», трактир «Тарелочка с голубой каемочкой» и опять авторский текст. Получалось примерно на час. Володя, от автора, вел композицию. Гена Ялович играл Остапа... Это было очень смешно!.. Не потому, что это было гениально, а просто подобрались ребята с хорошим юмором. Все со вторым планом. Володя и Гена просто

попали на свое дело. Мы потом играли во ВГИКе (приезжали и «халтурили»), так там со стульев падали! Смешно это было до такой степени, что я сам хохотал до невозможности... Володя... Он же лукавый человек. Они какой-то свой фокус нашли...»

Но всех — и преподавателей, и студентов — сразил Высоцкий своим следователем Порфирием Петровичем в инсценировке отрывка из «Преступления и наказания». Вильдан-Раскольников говорил: «Володя впервые раскрылся как артист драматического плана. Ведь когда нас брали в студию, то, как обычно, навешивали ярлыки по старым театральным канонам: это — комик, это — трагик... И Володя первые два года «проходил» как комик. А... на Достоевском он раскрылся как человек с большой внутренней глубиной, как актер с большим драматическим накалом. Ставил эту сцену Виктор Сергачев, молодой педагог, человек нашего поколения. И именно Сергачев помог Володе раскрыться в новом качестве». Того же мнения был и Геннадий Ялович: «Порфирия Петровича Володя сыграл неожиданно сильно и глубоко. Второй курс, мы были еще мальчишками, и вдруг такая внутренняя сила».

А вот у Володи Комратова, судя по всему, отно-

шение к тезке было, мягко говоря, не ахти: «...У него был всплеск, когда он сыграл Порфирия Петровича на втором курсе. Всем нравилось, Белкин был в восторге, вообще это считалось одной из удач экзамена. А вот мне не очень нравилось, потому что он был всегда как-то внутри себя. Он не был абсолютно живым...»

Но настоящая драматургия, более серьезная и жизненная, с прологом и эпилогом, жанр которой невозможно определить, начиналась для 18-летнего дебютанта Владимира Высоцкого только в 18 лет.

«И МЫ С ТОБОЮ СРАЗУ СТАЛИ ЖИТЬ, НЕ ОПАСАЯСЬ ПАГУБНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ...»

Как уже говорилось, традиции мхатовского училища диктовали не только почтительное отношение младшекурсников к старшим. Обязательным было также шефство выпускников над молодежью, первокурсниками и абитуриентами.

«Володин курс для нас был «мальчики и девочки», — рассказывала Иза Мешкова, студентка III курса. — Их курс был такой «хулиганский», озорные ребята — в общем, не «бомондные»...

Старший курс — люди серьезные, солидные, думающие о завтрашних премьерах — уже начал готовить свой дипломный спектакль по пьесе Александра Штейна «Гостиница «Астория».

— И нам, — продолжала рассказ Иза, — понадобился солдат, кажется, бессловесная, но очень ответственная роль. «Кого? Кого нам пригласить с младших курсов?» — и очень дружно все сказали:

«Вовочку! Вовочку Высоцкого».

Как же так? Как зеленому первокурснику Высоцкому удалось фантастически быстро если не разбить сердца, то хотя бы стать столь популярным среди женской половины народонаселения? И где?!. В храме искусств, прихожанки которого с помощью чутких и мудрых педагогов усердно постигали азы обольщения и дальнейшего приумножения полчищ поклонников. За какие такие заслуги выделили они среди толпы достойных юношей именно Володю Высоцкого? Ну уж не за внешность или стиляжный вид (какой же из него стиляга в буклетистом потертом пиджачке?). Скорее за легкий, добрый нрав, ласковый взгляд, забавные затеи, бесконечные шуточки-прибауточки, неожиданные песенки, умение внимательно слушать и в случае нужды приходить на помощь.

«Вокруг Высоцкого всегда люди... Володя органически не мог быть один», — замечал однокурсник Роман Вильдан. «Симпатичен, обаятелен. Так что не случайно многие девушки нашего курса, как говорится, положили на него глаз. Была и я среди них...», — скромно признавалась Иза. Первые впечатления? «...С лестницы, чуть подпрыгивая, носками врозь, счастливо улыбаясь, сбегал румяный мальчик в пиджаке в

пупырышек Его звали Вовочка, Володя, Вовчик и даже Васек... Он весь — радостная готовность... выручить, просто так поздороваться...»

Поздороваемся и мы.

Итак, Иза Константиновна Высоцкая: «В детстве я была Изабелла Николаевна Павлова... Но отец по дороге в ЗАГС забыл «...беллу», и осталось короткое и непонятное Иза».

Паспорт девушка получала уже на фамилию Мешкова, и отчество имела иное — Константиновна. Как призналась мама, истинным ее отцом был Константин Павлович Мешков, погибший в 1942 году на фронте. Иза училась в Школе-студии как Мешкова, но диплом получала как Жукова.

Разобрались? Нет? Тогда заполним последние клеточки замысловатого биографического кроссворда. Человек творческий, Иза Мешкова уже в училище успешно реализовала «сверхзадачу», выйдя замуж за друга детства Юру Жукова. Посему диплом получала под этой фамилией.

Быстро сориентировавшись в столичном вузе, Иза сообразила, что на фоне девчонок-однокурсниц выигрышнее она будет смотреться замужней, зрелой женщиной. Выпросила у кого-то длинную косу, соорудила вокруг головы корону, оделась построже. Женская интуиция не подводила. Во

всяком случае, старший преподаватель курса Виктор Карлович Монюков, мужчина видный, обеспеченный, холостяк к тому же, на комплименты не скупился. А муж? Что муж, ковырялся где-то техником на аэродроме в Таллине.

Репетиции «Астории» шли быстро и легко, пьеса-то простенькая. Уже весной был готов первый акт. Решили отпраздновать творческий успех вместе с педагогами. Длиннющий «стол» был прямо на полу. Море вина и шуток. «Папа Веня» произносил блистательные тосты. Монюков был, как всегда, галантен. Все смеялись, хмелея от молодости и беззаботности больше, чем от вина.

Расходились под утро. Светский лев Виктор Карлович пригласил Изу с ее подругой Гретой на утренний кофе. Но «бессловесный солдат» Высоцкий был начеку. Молча взял Изу за руку и повел гулять по еще сонной Москве. О чем-то рассказывал, пытался обнять, поцеловать. А она повторяла на все лады, интонационно проверяя текст несыгранной роли: «Я замужем...»

Что было дальше? «Потом мальчик с торопливой, чуть вздрагивающей походкой, дерзкий, смешной стал родным и любимым, — исповедовалась она. — В свои 19 лет он был мужчиной, по-настоящему.. С того самого дня, точнее, но-

чи, он вообще был при мне, со мной. Помню, он принес мне спелый апельсин и туфли, от которых оторвал каблуки... Чтобы на прогулках мы были одного роста, и меня можно было держать за шею — это тогда было модно... «Шпильки» создавали лишние проблемы... Глупый мальчик, влюбленный во всех девочек сразу. Очень скоро убедилась, что Володя не может некрасиво ухаживать. И сама не заметила, как вдруг его стало не хватать».

Осенью Володя привел Изу из общежития на Трифоновке домой на 1-ю Мещанскую. Маме и ее Жоре строго представил: «Познакомьтесь, это моя жена». По договоренности с соседями молодым отдали общую комнату. Она была проходная, и на ночь приходилось ставить ширмочку...

Изу сразу приняла компания, по-прежнему собиравшаяся у Акимова. В его «хоромах» Изе нравилось, тем более что здесь она была единственной женщиной. Правда, кто-то в шутку пробормотал что-то насчет баб и кораблей, но ее мужские проблемы не очень-то занимали. Под их бесконечные разговоры она засыпала на старом диване, а когда под утро просыпалась, они все еще о чем-то спорили и что-то решали. Правда, шепотом...

Ей не очень нравились их коллективные, шумной компанией выходы в сад «Эрмитаж». Там они обычно засиживались на длинной террасе, смеясь и дурачась, с крошечным графинчиком коньяка для солидности и куражу. А когда на графинчик не хватало, а только на рюмочку, шли в тир, и рюмочка доставалась победителю...

То ли дело роскошный зал ресторана «Савой», где был зеркальный потолок, стены украшала золотая вязь, а в фонтане медленно плавали живые рыбины. Там играла модная музыка, и можно было потанцевать.

Как-то Владимир не выдержал и шиканул, заказав ей зеркального карпа из бассейна. И Кохановский (он был в тот вечер с ними) тут же изрек

— Никогда ты не окажешься смешным в глазах женщины, если сделаешь что-то ради нее. Пусть это даже будет самым дурацким фарсом. Делай все, что хочешь — стой на голове, неси околесицу, хвастай, как павлин, пой под ее окном. Не делай лишь одного — не будь с ней рассудочным...

Увидев их обалдевшие лица, снисходительно пояснил:

— Эрих Мария Ремарк.

Владимир развеселился:

— Предупреждать надо!

Властителями дум молодой Москвы были Ремарк и Хэмингуэй. «Три товарища» казалась им наисовременнейшей книгой, описывавшей именно их жизнь и ничью иную. Никому и в голову не приходило, что Ремарк написал ее давным-давно, где-то в промежутке между двумя мировыми войнами. Высоцкий был удивлен, когда обнаружил, что книга вышла в год его рождения, в 1938-м... Даже само название ему нравилось. Ремарк, вовсе не имея такой цели, невольно вернул своим молодым советским читателям это слово в его первородном смысле. Обращение «товарищ» было из ходульной официальной лексики, а в их кругу его по возможности избегали. Но примерили «с чужого плеча», попробовали на вкус — и оказалось в самый раз.

«Взгляды героев Хэмингуэя, — признавал Кохановский, — исподволь становились нашими взглядами и определяли многое: и ощущение товарищества... и отношение к случайным и неслучайным подругам с подлинно рыцарским благоговением, и темы весьма темпераментных разговоров и споров, а главное — полное равнодушие к материальным благам бытия и тем более к упрочению и умножению того немногого, что

у нас было...»

Они были способными учениками и старательно подражали книжным героям. При разговорах девушки делали многозначительные паузы, используя преимущества выразительного молчания. Молодые люди по-другому стали подносить рюмку ко рту. Могли даже пригубить. Перекатывали во рту удивительно ароматные слова — «кальвадос», «перно», «ром», — но вслух не признавали, что родная водка вкуснее...

Редко, но случались «домашние вечера поэзии». Владимир совершенно блистательно читал Маяковского, вспоминала Иза. Мы могли быть вдвоем, и я приставала и очень просила его почитать. Она не скрывала, что не любила Маяковского, не понимала его, но когда читал Володя, то обнаруживала для себя совершенно другого поэта.

Во второй половине 50-х нарасхват шли свежие номера журналов старого «Нового мира», новорожденных «Юности» и «Иностранной литературы». Открывались выставки импрессионистов, с аншлагом шла неделя французских фильмов с дебютным киновизитом красавицы-колдуньи Марины Влади в Россию...

«Мы прорывались всеми способами на интерес-

ные спектакли, — позже рассказывал Высоцкий. — Когда в Москве гастролировал французский театр «Комеди франсэз», я на его спектакли через крышу лазил». Он помнил свои впечатления от «Сида» Корнеля. В одной из сцен актер Андре Фалькон спускался по белой лестнице, идущей откуда-то из-под колосников до самой авансцены. На нем был блестящий красный колет, ботфорты, бархатный плащ, огромная широкополая шляпа, которую он на протяжении своего сошествия медленно-медленно снимал. И когда он все-таки снял свою шляпу, женщины, сидевшие в зрительном зале, устроили овацию. «Если б такое, — мечтал будущий таганский Гамлет, — свершилось в моей жизни!..»

У памятника Маяковскому в центре Москвы стайками собирались молодые поэты. Над площадью звучали неизвестные имена и новые стихи.

— Вовка, ты такого поэта Коржавина знаешь?

— Честно говоря, не-а. А что?

— Да вот вчера на Маяковке по рукам ходило. Я переписал, слушай:

Я пью за свою Россию,
С простыми людьми я пью.
Они ничего не знают

Про страшную жизнь мою.
Про то, что рожден на гибель
Каждый мой лучший стих...
Они ничего не знают,
А эти стихи для них.

— Ничего. Как, говоришь, фамилия?

— Наум Коржавин.

— Запомню. Кто такой, не знаешь?

— Говорят, был студентом Литинститута, исключили. Вроде бы даже сидел... Да, а ты слыхал, что Пастернаку в Швеции Нобелевскую премию дали?

— Быть не может! Ты что?!

— Точно. За «Доктора Живаго». Он уже телеграмму в Стокгольм отбил. Мне девки с телеграфа переписали: «А Эстерману, секретарю Нобелевского комитета. Благодарен, рад, горд, смущен. Б. Пастернак. 29 октября 1958 года». Хочешь, бери на память, у меня копии еще есть, — был великодушен завсегдатай встреч у памятника веселый старшеклассник Сева Абдулов.

— Спасибо-

Юность Севы счастливо совпала с хрущевской оттепелью. Позже он вздыхал: «Замечательное было время! Как я попал на площадь Маяковско-

го, совершенно не помню. Иду, смотрю: стихи читают — остановился... Я стал ходить туда достаточно регулярно... Кто хотел — выходил к постаменту, читал стихи. Свои или чужие. Я там много чего читал: Цветаеву, Пастернака... Давида Самойлова — у него тогда много ненапечатанных стихов было. Я старался читать то, что не напечатано, что мало знали... Нас то и дело хватали, арестовывали, сажали на пятнадцать суток... Однажды у меня был серьезный разговор с Володей Буковским, я сказал ему: «Я не революционер. Это не мой путь. Я не делаю подлостей, по мере сил помогаю хорошим людям. Я могу прийти на площадь, почитать мои любимые стихи, и мне плевать, что кто-то запретил их печатать. Но заниматься революционной деятельностью — это не мое призвание».

Кстати, годы спустя, когда Буковского КГБ изолировало от общества, Владимир Высоцкий по просьбе Абдулова бегал по Москве в поисках толкового адвоката для «революционера» Буковского. Но помощь не понадобилась — «обменяли хулигана на Луиса Корвалана...».

***

Но, как позже определил Высоцкий, в отношениях с Изой *«в основном была проза, а стихи были реже...»*. 1-я Мещанская, из метро направо, дом 76, квартира 62. Напротив входной двери — комната Нины Максимовны и Жоры. Рядом — комната Шеи Моисеевны и ее сына Миши. Следующая — общая, так называемая «столовая».

26 апреля 1958 года наконец состоялся дипломный спектакль «Пэстиница «Астория». Даже с афишей и программкой, где в числе исполнителей значились: Полина — И. Мешкова, Боец — В. Высоцкий, студент II курса актерского факультета...

Но далее семейные (гражданские) узы молодых подверглись испытанию на прочность. После смотрин в Театре Советской Армии Изу, как она выразилась, охватило «тягостное чувство неловкости», и она была готова уехать хоть к черту на кулички, а потому безмерно обрадовалась, получив приглашение от Романова, главного режиссера Киевского театра русской драмы имени Леси Украинки.

Но прежде, чем ехать в Киев, устроила смотрины своему новому мужу в Горьком. На вокзале

строгая мама окинула взглядом избранника дочери: «Этот клоун твой муж?» Остановиться у новой родни, как оказалось, было негде, и Высоцкий устроился на дебаркадере. «У нас в доме, — оправдывалась Иза, — негде было раскладушку поставить — да и самой раскладушки-то не было...» К тому же что сидеть в четырех стенах, правда? Иза демонстрировала «московского гостя» своим подружкам. Впечатления были осторожные: «Балагур, сплошь какое-то бесшабашное веселье... Бренчал на гитаре, пел что-то. В общем, веселил нас... Гуляли по набережной, любовались Волгой, ходили в театр...»

Тем же летом с бригадой студентов-мхатовцев Владимир побывал на целине. На концертах они с Геной Яловичем распевали кондовые сатирические куплеты о плохих управдомах и продавцах на мотив популярной утесовской песни «У Черного моря...», пытались что-то изображать. Высоцкому, например, очень хотелось показать китайский танец с лентами, всех убеждал: «Я это сделаю!» Но прямо на сцене коварные ленты путались и выскальзывали из рук..

Перед проводами Изы в Киев Владимир занялся ее гардеробом. Шились платья, закупалась парфюмерия. А потом, как говорила Иза, вся наша

жизнь стала состоять из телефонных звонков, бесконечных разговоров по ночам, писем и редких свиданий.

***

Ну, а в родимой Школе-студии, как в песне поется, *«из-за синей горы понагнало другие дела…»*

«За годы учебы на нашем курсе образовалась «троица», которую сразу же, не хвастаясь, Павел Владимирович Массальский очень полюбил, — рассказывал Валентин Никулин. — Владимир Высоцкий, Роман Вильдан и я... Все мы, конечно, были совершенно разные, но дополняли друг друга творчески и человечески. Наш триумвират Массальский считал наиболее подвижным и зрелым на курсе. Три разных темперамента, три характера: Высоцкий с такой буйной, безудержной фантазией, утонченный «теоретик» искусства Вильдан и я — средний между тем и другим.

Видимо, Павел Владимирович любил во всех нас индивидуальное. В стенах школы ярко проявилось и расцвело многогранное дарование: «капустники», пародии и прочие выдумки — везде и всегда инициатором и первым заводилой был Высоцкий...»

Старый педагог Борис Ильич Вершилов смотрел-смотрел на их забавы и сказал:

— А знаете что, ребята... Что же вы не делаете настоящих «капустников»? Таких, какие когда-то были во МХАТе!

— Как? У нас нормальные «капустники»!

— Да нет... Вы все изображаете педагогов, все про свою Студию... А вот во МХАТе делались пародии на все виды искусства. Попробуйте такой!

Почему бы не попробовать? Режиссуру поручили Яловичу, который для начала выяснил, кто во что горазд. Епифанцев признался, что с детства пишет стихи, Высоцкий скромно сказал, что знает несколько аккордов на пианино.

— Вот вы и напишите песню для «капустника»!

Автор будущего гимна, вооружившись бумагой и карандашом, предложил соавтору в поисках вдохновения отправиться на прогулку. Конечно, оказались в «Эрмитаже». Выпили бутылку вина на двоих, больше денег не было... Однако Муза так и не снизошла. Тогда Высоцкий отобрал у товарища поэтические «инструменты» и быстро набросал:

Среди планет, среди комет

Улетаем на крыльях фантазии
к другим векам, материкам,
к межпланетным Европой и Азиям…

И на этой скамейке, рассказывал Епифанцев, как когда-то Бурлюк Маяковскому, я повторил исторические слова: «Володя, да ты же гениальный поэт!»

С тех пор Высоцкий, если нужны были «художественные слова на белом листе бумаги», был тут как тут. Кстати, именно тогда Вершилов напророчил ему бешеную популярность, как у Жарова, и сказал: «Вам очень пригодится этот инструмент», указывая на гитару.

Как бы то ни было, они сделали прекрасный «капустник». Там была пародия на драму — играли «Отелло», на цирковое представление, где мужская половина группы восседала на тумбах для зверей, а дрессировщица — «цыганка Аза» Лихитченко заталкивала голову в «пасть» кому-то из ребят. Потом звучала команда: «Алле! Ап!», свист хлыста — и начиналась массовая свалка. Финальным аккордом был цыганский табор. Под клич: «Танцуй, Васек, черноголовый!» на сцену выскакивали Большаков с Высоцким и пускались в пляс, а потом Владимир затягивал французско-

цыганскую абракадабру под Ив Монтана:

Жэм прямо через Гран-бульвар,

Атанде шоз, атанде шоз, атанде шоз нуар!

Тротуары и бульвары,

Аксессуары!

Пурген кашнэ, Ален журне!

И все подхватывали:

Ай не-не, не-не! Ай, не-не!»

«Капустник» пользовался огромным успехом в Школе. Потом ребят стали зазывать в ВТО, Дом журналиста, в соседние институты...

Хватало и других развлечений. Любимой игрой была игра «в бороды». Идешь с кем-нибудь по улице, увидишь человека с бородой, и надо успеть сказать: «Моя борода!» Кто первым наберет «три бороды», тот и победитель. Борода в машине или на велосипеде — две «бороды». Борода у милиционера — три «бороды». А если кто «застукал» милиционера с бородой в машине? — сразу пять «бород»! А в стенах студии ребята упражнялись в «чикирому» — подобие современного мини-футбола, только с теннисным мячиком. На финальные матчи даже преподава-

тели приходили поболеть.

Высоцкий забавлял бесконечными фантастическими историями о своем мифическом соседе Сереже-«Синезе», славном парне, немножко дефективном, не выговаривавшем 30 букв алфавита. И когда он встречал «Синезу гднуснава-гднуснава», — а встречались они чуть ли не ежедневно, — получался очередной замечательный экспромт. Андрей Синявский ценил устные рассказы Высоцкого не менее, чем уличный фольклор.

Жаль только, свободных дней становилось все меньше, а душевных мучений и тягостных дум о том, что будет завтра, все больше.

Итоговой работой третьего курса стала чеховская «Свадьба». Посмотрев ее, Массальский даже записал в дневнике:«... Удивительную, неожиданную пару противоположных характеров представляли собой два шафера: Владимир Большаков и Владимир Высоцкий...»

Потом сделали «Золотого мальчика» по Клиффорду Одетсу. «Володя, — рассказывал Иван Тарханов, — играл Сигги... Такой пи- жончик при папочке. Очень хорошо его играл Володя. Таким хитрым. Для Володи это была очень полезная роль, характерная». И выносил окончательный

вердикт: «Володя — настоящий комедийный, характерный актер...»

***

«У Володи академических срывов не было. Никогда. По линии поведения — были, — печалился Поюровский. — Но Павел Владимирович... так все «замазывал», что от этого и следа не оставалось. И не только по отношению к Володе, но и по отношению к любому своему студенту. Он этим славился. С ним никто ничего не мог сделать, и его студенты всегда грешили дисциплиной. Павел Владимирович был человеком несказанной доброты и редкостного благородства... Обожал Володю, и я считаю, что беда Высоцкого в дальнейшем была во многом связана с обожанием Массальского. На других курсах очень строго было насчет выпивки, на этом — просто. Правда, в те годы Павел Владимирович был уже болен и говорил мне, что после шести вечера ему нельзя пить даже чай. Только стакан кефира. Но из-за того, что он когда-то выпивал, был снисходителен к этому греху у других. И, конечно, его студенты этим грешили».

Да-да, соглашалась с коллегой милейшая Вера Кацнельсон, ведавшая на курсе профсоюзными

делами: «Володя был студент как студент. Но курс был очень неудачным для него по части выпивки. А он уже пришел с этим... Говорят, пил он от неудовлетворенности, но это не совсем так в школе-студии он был еще мальчишкой, а мы без конца его обсуждали... Однажды в выходной мы в очередной раз собрались у ректора, чтобы его обсуждать, он опять что-то натворил. Я ему потом говорю:

— Володя, у меня сын только в школу пошел, я и так совсем дома не бываю. А из-за тебя пришлось в выходной приходить.

Он отвечал:

— Все, Вера Юлиановна, больше не буду, чтобы не портить вам выходной!»

Тарханов слыл либералом: ««А кто не выпивал?.. Если копнуть грехи окружающих, то Высоцкий в результате окажется просто святым...»

***

Испытав на прочность мхатовские (пусть даже учебные) подмостки, понюхав закулисной пыли, почти готовые актеры всеми правдами и неправдами стремились проникнуть на съемочные площадки. Они прекрасно понимали, что такое кино: слава, популярность, поклонники,

кому — девочки, кому — мальчики, фестивали, премьеры, поездки, гонорары, наконец! А на каком удивительном языке общаются между собой киношники?! Лихтваген, тонваген, рапидная съемка, титры, наплыв...

Потенциальные работодатели с первых дней их ученичества внимательно приглядывались, присматривались, что-то помечали в своих поминальничках, приценивались, как барышники. Ты на виду, все напоказ. А что? Нормально, ты сам этого хотел, выбирая профессию; тебе нужно, чтобы на тебя обращали внимание, значит, учись торговать физиономией, играть бедром. Не будь похожим на других, выделяйся! Внешне? И внешне тоже. Статью, голосом? Да. Но не только...

Вон Жорка Епифанцев вытащил счастливый билетик взяли, да еще на главную роль! А роль какая — Фома Гордеев!.. «Володя мечтал сниматься, — вспоминала вечная его «болельщица» Тая Додина. — И когда приглашали кого-то, он очень переживал: «Когда же я-то буду сниматься? Почему же меня, елки-палки, не снимают?»

Хотя, вообще-то, перед кинематографом у студийцев существовал «великий страх». «Нам категорически, вплоть до исключения, запрещали

сниматься в кино, — жаловалась Аза Лихитченко. — Когда Епифанцев снялся в фильме «Фома Гордеев», то его исключили. Потом, правда, ему эту роль засчитали как дипломную работу. Меня... много раз приглашали и на пробы, и сниматься, но я боялась и отказывалась. Многие у нас так поступали, и Володе наверняка тоже приходилось этим где-то жертвовать... Если он и снимался, то все это тайно, в расчете на то, что никто, а главное — педагоги, этой картины не увидят...»

Но от искушения безумно сложно было отказываться. Все-таки запретный плод... Смолоду Высоцкий понимал: «Первое и самое главное, ради чего все идут сниматься в кино, то, что у кино такая колоссальная аудитория — несколько десятков миллионов человек. А в театре — это один спектакль, тысяча человек, и все...»

Первый раз я увидел Высоцкого в 1958 году, осенью, вспоминал Геннадий Полока. (Выпускник ВГИКа тогда начинал у Бориса Барнета, «запустившегося» с фильмом «Аннушка», вторым режиссером.) Я послал ассистентов в Школу-студию МХАТа — сказали, что там наиболее интересный курс. Все пришли такие громадные, огромные, плечистые, с басами. И пришел с ними мальчик — очень стройный, с великолепной фигуркой,

как игрушка: талия, прелестные ноги, плечи чуть вислые, вперед, как у гимнастов бывают, с очень нежным лицом и с сиплым голосом. Не тем хриплым, который мы знаем, а сипловатым, иногда высокие ноты просто не говорил — видимо, несмыкание было в то время, что ли? Он был тихий, кроткий... Барнет заинтересовался... Он держался особняком от своих нарочито шумных товарищей, изо всех сил старавшихся понравиться режиссеру. За внешней флегматичностью в этом парне ощущалась скрытая энергия.

— Кажется, нам повезло, — шепнул Барнет, не сводя глаз с щупловатого студийца. — Вот кого надо снимать...

Разочарованные ассистенты принялись горячо отговаривать Бориса Васильевича, и он, только что переживший инфаркт, устало замахал руками:

— Ладно, ладно! Успокойтесь!.. Не буду...

И снял другого, который всех устраивал.

Были и иные робкие попытки молодого актера утвердить себя на экране. Но дальше фотопроб к фильмам «Над Тиссой», «Северная повесть» дело не шло. Назвать прорывом кинофильм «Сверстницы» — значит соврать. «Моя первая роль в кино, — с улыбкой вспоминал Высоцкий,

— где я говорил одну фразу: «Сундук и корыто». Волнение. Повторял на десять интонаций. И в результате — сказал ее с кавказским акцентом, высоким голосом да еще заикаясь... Первое боевое крещение».

Спасибо, хоть какую-то копейку за эту канитель платили. «О его первых массовочных съемках я ничего не знала... Как он зарабатывал деньги на поездки в Киев, он мне не говорил», — говорила наивная возлюбленная Иза.

На 240-рублевую стипендию, конечно, было не разгуляться и не наездиться. Надо было выкручиваться. Добро, хоть жил дома. А каково было ребятам в общаге? Вильдан вспоминал, как Высоцкий «иногда таскал нам жратву, когда особенно было голодно... Часто говорил: «Роман, пойдем ко мне, попьем чайку». И накормит как следует. Всегда это было очень кстати. Однажды в особо трудный период, перед самой стипендией, он приготовил дома целый противень горячей картошки с мясом и, старательно накрыв его, перебежал через дорогу и принес в общежитие. Надо было видеть наш восторг...»

Но тут еще выяснилось, что дебютантке Изе жить в Киеве негде. Только через какое-то время директор поселил новенькую в свободной комна-

тушке (то ли бывшей гримерке, то ли кладовой) в самом театре.

По соседству в подобных же условиях (вернее, вовсе без оных) обретался еще один беспризорный, но неунывающий молодой член труппы Паша Луспекаев (будущий знаменитый таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни»). В один из своих приездов к молодой жене еще более юный и пылкий Высоцкий едва не подрался с темпераментным Луспекаевым, когда тот, изрядно «заложив» от тоски и одиночества, стал ломиться в двери к симпатичной соседке, ласково называя ее то ли «киской», то ли «рыбкой». Ситуация анекдотическая. То есть, с точностью наоборот. Или, как в будущей песне

Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята…

Рядом с «жилплощадью» Изы был кабинет заведующего труппой, где имелся телефон. Молодожены, само собой, вели ночами нежные разговоры. Нина Максимовна вспоминала, что в их коммуналке телефон находился в прихожей, и сын во время своих амурных междугородних

переговоров накрывался подушкой, дабы не потревожить соседей. Разговоры были долгими, и когда нетерпеливые телефонистки произносили сакраментальное: «Ваше время истекло!» Владимир умолял: «Девочки милые, подождите минуточку, мы сейчас опять про любовь начнем...» Кто знает, не с тех ли пор поэт питал возвышенные чувства к девушкам, законспирированным под именем «07»?..

Как приняли в Киеве мхатовскую выпускницу? По-разному. Актриса Александра Смолярова увидела в ней «угловатую девчушку с острым носиком», которая «ничем особенным никого не сразила». Прима Мальвина Швидлер как достоинство новенькой отметила, что та была «совсем не пижонкой, не высокомерной, и в то же время, держась особняком, никогда не вникала ни в какие театральные дрязги, сплетай». А Сергей Филимонов и вовсе обратил внимание на молодую актрису лишь потому, что Иза на каждую репетицию приходила с новой прической и режиссеры встречали ее вопросом: «Ну-с, какой же прической вы нас сегодня порадуете?..»

Стремясь «к воссоединению семьи», Высоцкий попытался устроиться в киевскую труппу. К счастью, неудачно. При знакомстве с дирек-

тором театра Иза робко заикнулась: «Я не одна. Послушайте моего мужа — артиста Владимира Высоцкого, он там, на порожке сидит...» На что раздался грозный директорский окрик «Какой еще муж?! Какой еще Высоцкий?! Скажи спасибо, что мы тебя взяли!» Одна только Швидлер рассмотрела Изиного спутника: «небольшого роста, с румянцем во всю щеку, совершенно незаметный... Но можно было догадаться, что это не такой простой мальчик, как могло показаться на первый взгляд: не было в нем зависимости, улыбочек, этакого актерского желания понравиться».

В один из своих приездов в Киев Высоцкий тайком пробрался на репетицию и затаился на балконе. Присутствие посторонних в зале главный режиссер категорически запрещал. Посреди репетиции Михаил Романов гневно обернулся на шорох: «Кто там еще?» Высоцкий встал и признался: «**Пока никто**».

В общем, не сложилась карьера Высоцкого в столице советской Украины, и слава богу.

Летом выездная бригада студентов Школы-студии отправилась развлекать своими мини-спектаклями по чеховским рассказам и концертами подмосковных колхозников. «Уже

тогда, — отметила Аза Лихитченко, — ...Володя умел захватывать аудиторию, что-то в нем было такое... Выходил... читал Щукаря... Полностью овладевал залом и заканчивал при громовом хохоте и аплодисментах».

В книге отзывов появилась запись: «28 июня 1959 года студентами МХАТа для молодежи комсомольских строек и колхозов Ступинского района в Доме культуры поселка Михнево был дан большой эстрадный концерт. Все номера концерта зрителями были встречены с большим воодушевлением. Дирекция Дома культуры благодарит студентов за большое исполнительское мастерство».

По возвращении Буров с Высоцким решили навестить Массальского. По школе-студии ползли слухи: хворает старик. Может, жара действует?.. Но Мастера дома не оказалось — пошел в больницу. Друзья оставили записку: «Дорогой Павел Владимирович! Были у Вас... Хотели перед отъездом Вас повидать. Все остальные или уже отдыхают, или собираются... Мы надеемся увидеть Вас 1 сентября отдохнувшим и, как всегда, бодрым и веселым. Хотели рассказать Вам о поездке, которая прошла, в основном, удачно. Были почти все 2 недели в районах Ступино — По-

дольск — Серпухов. Принимали хорошо. В одном отзыве написали даже, что мы «можем быть в прославленном МХАТе». Подробнее расскажем по приезде. Ваши студенты Буров, Высоцкий».

«С этим курсом, — писал в своих воспоминаниях Тарханов, — Массальский сумел реализовать еще одну свою мечту: взял для дипломного спектакля «На дне»... Его привлекла полемика с классическим спектаклем Художественного театра, хотя сам он в течение многих лет исполнял в нем роль Барона. Он восстановил финал второго акта, исключавшийся во МХАТе... В этом спектакле снова раскрылся целый ряд ярчайших актерских дарований: В. Высоцкий — Бубнов, В. Большаков — Лука, Г.Епифанцев — Татарин.... Он стал тем преподавателем, который умел воспитывать в будущих актерах творческую личность во всей совокупности высших профессиональных качеств, приводя своих учеников к созданию (по выражению Станиславского) «артисто-роли»... Бубнов... Вот такая характерная роль. И играл это молодой человек, выпускник, которому всего 22 года. И как он играл Бубнова! Что же его ждало дальше? Он уже становился мастером...»

Даже вечный оппонент Высоцкого комсорг Комратов соглашался, что «Бубнова он хорошо

играл, но... не могу сказать, что потрясающе». Довольный Мастер в дневнике записал: «1960. 20 апреля. Утром в 10 часов — Школа: прогоняли всю пьесу «На дне». Безусловно, много хорошего. Радуют Большаков, Мохов, Высоцкий, Никулин, Буров, Комратов, Ситко. Это уже большое дело!..»

Но весомее комплиментов профессоров и однокурсников были слова одной анонимной дамы-театралки, которая на премьере дипломного спектакля сидела рядом с Ниной Максимовной и шепнула ей, указывая на молодого исполнителя роли Бубнова: «За этим мальчиком я буду следить всю жизнь...»

Впереди замаячило распределение. Но не совсем такое, как в обычных вузах. В театральных училищах объявлялись торги, «ярмарки тщеславия». Кого в какой театр позовут. В Школе-студии право «первой ночи», безусловно, было за МХАТом. Но разве позволительно было хотя бы заикаться об этом?..

«Володю, хоть он и учился нормально, устроить... было трудно, — вздыхал Поюровский, — из-за его внешних данных: тяжелый прикус, тяжелая челюсть, небольшой рост». Ну и голос, естественно.

Питерец Рома Вильдан решил не ждать ми-

лости от природы, а махнуть в родной город, показаться в местных театрах. Позвал с собой Высоцкого и Никулина: подыграете, а там чем черт не шу- щт_. Конечно, если бы пригласил Товстоногов или Акимов, никто бы не отказался. Но «северная столица» с ходу остудила пыл. «Товстоногов просто не стал смотреть, — расстроился Роман. — Он позвал нас к себе в кабинет, сказал, что ему, дескать, очень лестно, что к нему приезжают молодые актеры из Москвы, но прямо сказал, что мест нет, поэтому просмотр не будет иметь смысла. Акимову мы хоть показались, но он сказал приблизительно то же самое. Еще показывались в театре имени Комиссаржевской, там нам сказали, что ждут пополнения из ленинградских училищ..»

Была в их компании и Роза Савченко, тоже ленинградка. Она не скрывала: «Я всячески соблазняла Володю перспективой устроиться в одном из наших ведущих театров, хотя... прекрасно понимала, что он неотделим от Москвы, что в Ленинграде он работать не будет. Просто мы дружили, и мне хотелось, чтобы именно он мне подыгрывал. Думаю, ему это тоже было интересно — с точки зрения самооценки: вот так вот сразу — возьмут или не возьмут...». В итоге Розу в

театр имени Комиссаржевской взяли, Высоцкого — нет.

«Обидно мне, досадно мне, да ладно!» — чем не строчка для нового вирша?.. Запомню. Нет, лучше где-нибудь запишу.

На репетиции в Школу-студию весной зачастили режиссеры московских и провинциальных театров. Николай Охлопков захотел посмотреть молодежь на сцене своего театра имени Маяковского. Только что назначенный главный режиссер театра имени Пушкина Борис Равенских посмотрел в учебном театре в Гнездниковском переулке все мало-мальски интересные работы, а потом объявил, что этот курс ему подходит. Светлана Аннапольская, которой он поручил заниматься обновлением труппы, особо ратовала за Высоцкого: «Он не был похож ни на кого... очень богатый внутренне парень... Он действительно поразил меня как актер...» К тому же оказалось, что она хорошо знает всю его киевскую родню, включая самого Семена Владимировича. Так что дело, считай, было в шляпе. А после того как Равенских гарантировал ему главную роль в новом спектакле «Свиные хвостики», Высоцкий и вовсе воспарил.

Одним из последних в череде «покупателей»

объявился главный режиссер Ленинградского театра имени Ленинского комсомола Ролан Быков. Посмотрел «На дне». Все вроде бы правильно, но без особых всплесков. Хотя вот этот парень, что Бубнова играет, вроде бы ничего. Лицо мужское, даже мужицкое, голос подходящий, грубоватый, и вообще выделяется среди этих желторотиков. Чем? У него была своя позиция, играл по-своему, от себя, в свое удовольствие.

Сам Быков Высоцкому тоже понравился. Хотя когда тот подошел к нему после спектакля, то особого впечатления не произвел: ну, мужичок как мужичок, небольшого росточка, заметно лысеющий. Но шустрый. Стоило Ролану Антоновичу заговорить, активно при этом жестикулируя, фазу возникала активная симпатия, заражавшая собеседника энергией, напором, силой.

— Не будем терять времени даром. Ищу актера, героя. Но такого, понимаешь, настоящего. Чтобы у него было внутреннее достоинство. Был в «Щуке» — увы и ах. Вот к вам заглянул. Ты мне подходишь.

— А вы раньше ведь театром МГУ руководили?

— Верно. Видел наши спектакли?

— Видел. А вы правда без всяких разрешений свой театр открыли?

— Правда. Похулиганил маленько, на понт взял, как говорится. Я ведь знал: начну дозволения спрашивать — сразу запретят. А начал втихаря, и все в порядке. Партком думает, что разрешил горком, в горкоме — что профсоюз, а тот — валит на комсомол... И никто не виноват. Никто даже не додумался, что мы по-партизански действовали...

— Здорово!

— Тебя как зовут?

— Володя.

— Так вот, Володя, иди ко мне в театр.

— Спасибо. Я вам понравился, да? А что я буду играть?

Нахал, подумал Быков и сказал:

— Пока не знаю. Просто приглашаю как хорошего актера, там посмотрим...

— Вы знаете, Ролан...

— Антонович.

— Ролан Антонович, я очень хотел бы к вам, но мне вот сейчас предложили главную роль. Театр Пушкина, новый главреж — Борис Равенских, слышали, наверное?

— Слышал, — поскучнел Быков. — Ну, тогда, ладно, бери свою главную роль, когда я ее тебе еще найду?.. Удачи тебе.

Быков развернулся и ушел. С прямой спиной, быстрой, уверенной походкой. Высоцкий смотрел ему вслед: молодец мужик, чуть постарше меня, а столько уже успел. Молодец...

— Вовка! Ты конспекты по истории дашь, в конце концов?! — раздался голос из глубины коридора и вернул его к жизни.

— Сейчас!

— Вечером нас в общаге на Трифоновке ждут, девчонки приглашали. Ты как?

— Спрашиваешь!

Аза Лихитченко всячески (порой даже чрезмерно рьяно) отрицала какую-либо лирику в отношениях с Высоцким. Хотя Нина Максимовна была уверена в обратном. «После смерти Володи, — рассказывала Аза, — она спросила у меня: «Азочка, у тебя же был роман с Володей?» — «Не было у меня романа, не было». — «Нет, был», — все время говорила мне она...

Это мое. И все же романа не было, было другое...»

***

Между тем Иза последовательно осуществляла свои планы — «что-то нужно было делать с нашей московско-киевской жизнью. И прежде всего

меня нужно было развести. А как? Полагалась публикация в газете — очереди по несколько лет; суд по месту жительства ответчика, а это Таллинн, и сам суд — дело нескорое».

С разводом, публикацией в прессе помогли влиятельные и состоятельные друзья киевской бабушки Володи Ирины Алексеевны. Лучший косметолог Киева легко взяла в оборот свою клиентку — народною судью, и вопрос был решен. «Скорый суд на украинском языке, — вспоминала ликующая Иза, — мало что поняла, но мне сказали по-русски, что свободна и сумму выкупа».

В театре она подала заявление об уходе. Романов сказал ей, что она полная дура. Осенью — гастроли в Москве, во МХАТе. Сыграешь Соню, тебе дадут орден. Не уходить? Но Володю же они брать не собираются. Директор Мягкий хоть дурой не называет, наоборот — сулит отдельную квартиру и повышение оклада.

Нет, решено: в Москву. «Мы снова будем вместе за ширмой, будем вместе спать и просыпаться, чудесно ссориться и чудесно мириться, — мечтала она. — И снова Володя будет носить меня на руках вокруг стола и дарить мандарины. Не надо квартиры, не надо ордена — долой разлуку!» Она была уверена: ради нее Володя горы свернет,

устроит в приличный театр, хватит с нее «киевской ссылки», она достойна лучшей участи.

Из Киева в Москву Изольда привезла чемодан писем от Высоцкого. Говорила, что писал он ей каждый день. (А в памяти вертится его строка: «Не пиши мне про любовь, не поверю я.». Потом другая: *«Я сжал письмо, как голову змеи. Сквозь пальцы просочился яд измены...»*)

Ну привет, Москва! Теперь пора решать две задачи: законный брак и трудоустройство. Регистрацию назначили на 25 апреля. «У нас не будет свадьбы, ну зачем? — упорствовала Иза. — Ведь мы и так давно муж и жена. Позовем Володечку Акимова, Гарика Кохановского, Аркашу Свидерского и славно посидим в ресторане, как солидные люди». На всякий случай придумали и другой вариант — «домашний». Отпраздновать опять-таки впятером, но в другом составе: «молодожены», Володины родители и «тетя Женя». Тесно? Устроимся у Акимова — там метраж позволяет. Нина Максимовна сходила туда, осмотрелась, вымела из-под дивана два ведра окурков, обнаружила в общем коридоре ничейный огромный стол и заключила: сойдет!

Но воспитанной в восточных традициях Евгении Степановне сумасбродные идеи молодых

показались кощунством. Она стала названивать мужу в Ленинград, где в Академии связи постигал премудрости армейских наук Семен Владимирович. Высоцкий-старший с мнением жены согласился, сказал, что молодежь в этой жизни ни черта не смыслит — один ветер в головах, и велел гулять свадьбу как следует, с размахом, по-нашему, по-настоящему, а то как-то не по-людски будет. Соберемся на Большом Каретном! Все!

Невеста с восторгом утонула в предсвадебных хлопотах: «Собираются срочно родственницы... готовится пир на весь мир... Мчит меня Евгения Степановна на улицу Горького в магазин «Наташа», и начинают мне в примерочную носить замечательные платья. Вот прелестное белое, простое и нарядное, шелковое. «Берите, берите — оно вам очень идет», — говорит случайная покупательница. Само же платье пышное, скользяще-шелестящее, кремовое в палевых розах — перлон! «Берем!»... Туфли, естественно, без каблуков, бледно-лимонные...»

Жених пусть будет просто в рубашечке, хотя костюм ему приобрели. А накануне он отправился на «мальчишник» в свое любимое кафе «Артистическое» (в их кругу именуемое на французский манер — «Артистик»). Куда ж еще, как

не в «Артисток», податься бедному студенту театрального вуза?!

Когда вышли все сроки и вечеринка затянулась не на шутку, разгневанная невеста заявилась в кафе. Подгулявший жених честно признался, что «пригласил всех!» На Изин вопрос: «Кого «всех»? — последовало: «А я не помню, всех...»

Ну, вот и Рижский ЗАГС. Невеста с охапкой подснежников. Гремит марш из «Укротительницы тигров», новобрачные, давясь от смеха, предстают перед женщиной, которая искренне дает наказ: «Дорогие товарищи, крепите советскую ячейку!»

«Нас быстро приглашают расписаться и объявляют мужем и женой. Отныне я — Высоцкая», — торжествовала Иза.

На свадьбе действительно гуляли, как и обещал жених, все: два курса — и Володин, и Изин, дворовые друзья, соседи. Вот только родители невесты не пожаловали. Но и без них квартира Семена Владимировича оказалась тесной. Даже молодожены пристроились на подоконнике. Было весело, шумно, бесшабашно. Само собой, много пели и плясали.

Своим оригинальным подарком порадовал шутник Гена Ялович, приведя на поводке громадного дога. Гостям (в отличие от жениха и невесты)

подарок понравился, все норовили погладить страшилище по короткой шерстке, а кое-кто, шутки ради, против... (Через пару дней Владимир позвонил дарителю и взмолился: «Что мне с ним делать?! Забери его к черту!») Друзья говорили, что Высоцкий, в общем-то, любил животных, но... на расстоянии.

Свадьба удалась, гуляли до утра. Часа в четыре, «весенней гулкой ранью», законные супруги вместе с Ниной Максимовной возвращались на 1-ю Мещанскую. Там Высоцкий взгромоздился на подоконник и стал зазывать каких-то работяг отметить «лишение свободы»™

А затем наступили «суровые будни». И, как позже признался Высоцкий, *«свой первый срок я выдержать не смог...»*

***

В аудиторию ворвался кто-то из студийцев, размахивая свежим номером «Советской культуры»:

— Ребята, о нас написали!

— Что, рецензия?

— Ну, почти. Читайте.

— Вслух, пожалуйста, — томно попросила одна из девушек

— «Девятнадцать из МХАТа»! Это о нас.. «Сдают экзамен на творческую зрелость 19 учеников Школы-студии…» Дальше: «Выпускной курс, руководимый народным артистом республики П.Массальским, подготовил совершенно различные по темам и жанрам спектакли...

Студийцами поставлена и русская классика — Чехов и Горький. В начале года, к 100-летию со дня рождения Чехова, курс подготовил программу из одноактных пьес и рассказов писателя, выступил на его родине, в Таганроге, на юбилейных торжествах... В «Предложении» интересно раскрылись дарования исполнителя роли Ломова — Р.Вильдана...»

— Ромка, ты теперь «дарование»!

— Не дарование, а «дарования», то есть, их у меня много, слушать надо!

— Прошу не комментировать, а то читать не буду!

«...А с ним отлично взаимодействуют Р.Савченко и В.Никулин Несколько слабее играется «Медведь»... Самое крупное достижение выпускников курса — спектакль «На дне». Постановкой горьковской пьесы студийцы как бы бросили вызов «старшим», и надо признать, что они с честью вышли из рискованного поединка («Ага!

— вскинул большой палец Высоцкий, — выкуси!»). Режиссеры сделали все, чтобы помочь молодым исполнителям найти собственные образные решения...»

— Так, тут дальше про «предгрозовое, гневное, революционное звучание»... Это они где «звучание» услышали? «К сожалению, размеры газетной статьи не позволяют рассказать о каждом исполнителе в отдельности, ведь роли постоянных обитателей «Дна» — костылевского подвала, — сыграны превосходно...»

— Правильно! Дальше можно не читать!

— Это еще почему?! Да нет уж, все читай, до конца.

— «Многим исполнителям удалось найти свою интонацию и акцентировать главное... Бубнов проходит мимо умершей Анны: «Кашлять перестала, значит...» И вдруг, перед последним закрытием занавеса, чудесное перевоплощение: обнажилась человеческая душа: «Кабы я был богат... я бы бесплатный трактир устроил! С музыкой, и чтоб хор певцов... Бедняк — человек... Айда ко мне в бесплатный трактир!» Артист В. Высоцкий проводит эту сцену с подъемом. В этот момент его Бубнов сверкающе счастлив...»

— Вовка, ты сверкающе счастлив?

— Как слон...

— И финал: «Итак, экзамен на артистичность сдан, но мы повременим ставить точку. Почему надо с такой поспешностью отправлять на слом законченные, профессиональные и представляющие несомненную художественную ценность («Ого!») спектакли? По-хозяйски ли сводить насмарку плоды большого и кропотливого труда?..»

— Не по-хозяйски...

— Неплохо начинаете, ребята, — поздравил всех Павел Владимирович, подойдя к ним. — Есть над чем подумать...

«Приказ №71. Учебный план выполнен полностью, и студент В. Высоцкий допущен к государственным экзаменам 18 мая 1960 года. Всего сдано: 31 предмет, из которых 24 «отлично»,6 «хорошо» и 35 зачетов.

Государственные экзамены:

1. Мастерство актера — май — отлично.

2. Диалектический и исторический материализм — 15 июня — отлично.

Постановлением Государственной экзаменационной комиссии от 20 июня 1960 года присвоена квалификация актера театра и кит.

Председатель ГЭК В.Л.Ершов

Диплом №284453 выдан 20 июня 1960 года

Место назначения на работу — Московский драматический театр имени Пушкина, должность актера»

К «альма-матер» он относился с неизменным пиететом. И не упускал случая напомнить:

Я, дорогие, мхатовский лазутчик,
Заброшенный в Таганку, в тыл врага...

«ТЕПЕРЬ ЕМУ МЕНЬШЕ ОСТАЛОСЬ ПРОЙТИ - УЖЕ ТРИ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ»

Владимир Высоцкий, размышляя о своей судьбе, первый срок отмерял себе в утробе — *«девять месяцев — это не лет».* Потом уточнял: *«Жил я славно в первой трети — двадцать лет на белом свете.»* Но коль уж так Судьба распорядилась, пусть «вторая треть» продолжится хотя бы до гамлетовского, до христова века...

С 1960 года в жизни Высоцкого настал новый этап. Совсем взрослой жизни. Женился. Позади годы ученичества, школярства.

Странное совпадение. В этом же году Булат Окуджава закончил рукопись повести, которую озаглавил задорно и грустно, как тост на посошок — «Будь здоров, школяр!». Вскоре Владимиру на ночь дадут прочесть альманах «Тарусские страницы», где «Школяра» рискнули опубликовать. Проглотил залпом. Запомнились, как напутствие, вступительные слова: «Это не приключение. Это о том, как я воевал. Как меня убить хотели, но мне повезло. Я уж и не знаю, кого за это благо-

дарить. А может быть, и некого... Так что вы не беспокойтесь. Я жив и здоров. Кому-нибудь от этого известия станет радостно, а кому-нибудь, конечно, горько. Но я жив. Ничего не поделаешь. Всем ведь не угодить...»

Я тоже жив-здоров, думал читатель, и ничего не поделаешь. А через несколько лет аукнется лирическая проза Окуджавы грубоватыми поэтическими строками:

Поэтому я — не проходит и дня —
Бью больно и долго, —
Но всех не побьешь — их ведь много.
Ведь всем не угодить, верно?

«В начале 60-х, — вспоминал Высоцкий, — я услышал песни Окуджавы, и меня поразило, что свои стихи можно еще усиливать мелодией, музыкой... И понял, что такая манера излагать свои стихи под гитарные ритмы, даже не под мелодии, а под ритм, — это еще более усиливает влияние поэзии, которой я занимался уже к тому времени немало, ну если это можно назвать поэзией. А именно стихи... И можно придать при помощи шутливой мелодии еще более комедийный оттенок песне, который, возможно, потеряется, если просто эту песню напечатать или прочесть. Стал

делать, конечно, совсем по-другому, потому что я не могу, как Булат, — это совсем другое дело. Но все-таки я стал писать в этой манере именно потому, что это не песни — это стихи под гитару...»

Поселились молодожены, как и прежде, «за «ширмочкой». Но Лома на Мещанской старались бывать пореже. Иза напускала тумана: «Мы не могли быть втроем — я, Володя и Нина Максимовна. В то же время я не имела права уехать, хотя это не значит, что мы тогда бы не расстались. Наверное, расстались бы. Но я со своим горем носилась, жалела себя. А ему-то каково было? За что он-то брошенный?»

Чаще гостили на Большом Каретном. Бывали у Акимова, у кого-то еще. В общем, маялись неприкаянными.

Вскоре актер драматического театра имени АС Пушкина В.С.Высоцкий отбыл в Ригу, где начались гастроли. Там новичков в спектакли не вводили, привлекали разве что к шефским концертам. Главный режиссер велел знакомиться с труппой, репертуаром, Проникаться духом и атмосферой. И вынашивал грандиозные планы.

«Всех уберу, Володя...», — божился молодому актеру Равенских, намекая, что ему очень нужны «свои» люди. Но «никого он не убрал, — расска-

зывал друзьям Высоцкий, — половинчатые меры предпринял, хотя ему был дан карт-бланш на первые полтора-два года: делай что хочешь, а потом будем смотреть на результат твоей работы. Но он так на половине и остановился. Я понимаю, что это жестоко — менять труппу, увольнять людей и так далее. Но без этого невозможно создать новое дело...»

«Старики», предчувствуя, что их все же ведут на «заклание», ревниво наблюдали за новичками. В один голос отмечали, что «из всех молодых Володя оказался... самым добрым по отношению к нам. Он очень уважительно и почтительно ко всем относился...»

Пользуясь положением «особо приближенной особы», Владимир пытался решить проблемы Изиного трудоустройства.

— Борис Иванович, мне бы вместе с женой...

— Я ее возьму.

— Но вы понимаете, так просто ее срывать из Киева нельзя, она там в ведущем репертуаре, — набивал цену Высоцкий.

— Володя, даю слово.

Договорились: по возвращении в Москву главный ее посмотрит. Но при встрече, по рассказам Изы, Равенских егозил, ерничал, цинично острил,

махал руками и покрикивал: «А ну, пройдись, а ну, встань так, а ну, встань эдак!» Отпустил неприличную шутку, и она сказала ему, что он хам... Вопрос о ее зачислении перенесли на осень, мол, будет объявлен конкурс, и все устроится.

— Ничего, Изуль, разберемся, — утешал Владимир расстроенную жену.

По возвращении из Прибалтики Высоцкий наведался в «альма-матер», следуя неписанным правилам. Несмотря на дипломные спектакли, госэкзамены, суету по поводу трудоустройства, выпускники наведывались в приемную комиссию: посмотреть, *«кто пришел за мной»?* «Они болели за нас, — рассказывал абитуриент Всеволод Абдулов. — Володя, наверное, видел меня где-нибудь на первой консультации... Он подсел ко мне, пытался чем-нибудь помочь и пристально следил за всем, что я делал...» Впрочем, заметил Высоцкий шустрого паренька еще на Маяковке, где читали стихи...

Осень принесла сплошные огорчения. Равенских продолжал морочить голову, в списке труппы И. Высоцкая по-прежнему не значилась. Вдобавок Владимир получил оскорбительную оплеуху — вместо обещанной главной роли в этих «Хвостиках» ему сунули в руки огромный

барабан и отправили маршировать в массовке. Печально, пасмурно, под стать календарю... Акимову он писал: «В Москве ничего нового, погода серая. «Эрмитаж» работает, но нами не посещается, ибо я вечерами работаю...»

Кем, барабанщиком? В том, что «Володя начал сильно пить, в этом в какой-то мере был виноват Борис Равенских, — считала Аннапольская. — Он почувствовал, какой у Володи большой потенциал. И сразу дал ему главную роль. Володя начал репетировать... А тут кто-то сказал, что на эту роль в Свердловске есть хороший комедийный актер Раутбарт... Равенских вызвал его, снял Высоцкого с роли... На премьере он напился. И, проходя по сцене, упал в оркестровую яму. Слава богу, музыканты подняли руки и удержали его. После этого Высоцкий называл Равенских не иначе как «фюрером»...»

От беспощадного гнева «фюрера» Высоцкого хранила Фаина Георгиевна Раневская. Подругам она рассказывала: «Прихожу как- то в театр, на доске объявлений приказ: «За опоздание на репетицию объявить выговор артисту Высоцкому». Прихожу второй раз — новый выговор, в третий — опять выговор. Посмотрев в очередной раз на доску объявлений, воскликнула: «Господи, да

кто же это такой, кому объявляют бесконечные выговоры?!» Стоявший рядом юноша повернулся ко мне и сказал: «Это я». Смотрю, стоит передо мной мальчик-малышка. Говорю ему: «Милый мой Володечка, не опаздывай на репетиции, а то тебя обгадят так, что не отмоешься!»

А сама отправилась хлопотать к главному. Хотя и о Равенских, и о тогдашнем «Пушкинском» великая актриса отзывалась, мягко говоря, не лестно: «Это не театр, а дачный сортир. Туда я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости — рвать зубы».

А вот в своей симпатии к молодому Высоцкому была не одинока. Гримерша Надежда Моисеева с восторгом рассказывала, как он фантазировал, когда гримировался под Бабу-Ягу или Лешего: посмотреть на это зрелище сбегалась чуть ли не вся труппа. «После каждого спектакля мы брали гитару, покупали вино и ехали на городской бульвар или к кому-нибудь домой, — рассказывала она. — У меня дома компании долго засиживаться не удавалось. Мой отец был очень суровый, в десять часов вечера всех выгонял. Ему не нравилось, что артисты шумели, выпивали, а порой и скандалили. В тот период театр был очень пьющий...»

«Для меня Володя, — говорил Иван Тарханов,

— **это — театральный человек**. Это **театральная личность**. Школа-студия дала ему точное становление, как характерного актера... Это — главное. Это то, что помогло ему уцелеть после школы. Ведь когда он пришел в театр Пушкина, был момент, когда он мог погибнуть... Чего стоило держать его, заставлять приходить в театр. Он же был глубоко ранимым человеком...»

Как нельзя кстати подоспели съемки фильма «Карьера Димы Гърина». Еще весной как-то забрели в Школу-студию молодые ребята, выпускники ВГИКа Мирский и Довлатян, подыскивая актеров для своей дебютной картины. Посмотрели чеховское «Предложение», кое-кто из ребят показался им подходящим типажом. Поговорили, обменялись координатами, пообещали пригласить. На том дело и закончилось. Владимир о них даже думать забыл. И тут — неожиданный вызов.

Картина как картина. Надо воспеть романтику труда. Естественно, труда физического, который даже из хлипкого «очкарика» делает человека. Плюс любовь, само собой. Вот и вся фабула. Героем Высоцкого был монтажник с дурацким именем Софрон. Молодым исполнителем режиссеры были довольны: «Он вечно что-то придумывал, во многом заною создавая свою роль, дописывал ее,

тормошил нас».

Самым крупным эпизодом стали шутливые ухаживания Со- фрона за красавицей бригадиршей, которую играла известная актриса Татьяна Конюхова. Никто не ожидал, что актер, который казался таким живым и непосредственным, перед камерой зажмется, засмущается и откажется обнимать роскошные Танины плечи. Тани Конюхоюй. Даже пытался предлагать:

— А может, я что-нибудь другое сделаю? Как-то это мне все... Может быть, я ей что-нибудь скажу лучше?

Слава богу, режиссеров было двое. Они убеждали дуэтом:

— Брось валять дурака. Ты мужик или нет?! Читал сценарий? Читал. Хочешь сниматься? Вот и обнимай!

Даже Конюхова вмешалась:

— А ну перестань, Володя! Смелее обнимай! Ну что ты, в самом деле?

В конце концов он согласился. И не пожалел. Сам потом говорил: приятно было. Однако продолжение эпизода было не из приятных: «Когда я ее пытался обнять, это все видел в маленькое окошко Дима Горин, — рассказывал Высоцкий. — Он, намотав предварительно кепку на кулак,

должен был бить меня в челюсть. Теперь самое страшное. В кино — это самый реалистический вид искусства — все должно делаться по-настоящему. Экран большой, лицо громадное — метра три величиной. И поэтому, если вы не донесете кулак до лица — сразу видно... Эту сцену мы снимали девять дублей подряд, потому что шел дождь, и все время у оператора был брак... Даже Демьяненко — он играл Горина — подошел ко мне и говорит: «Володя, ну что делать? Ну, надо! Давай я хоть тебя для симметрии по другой половине, что ли, буду бить». И поэтому я действовал по Евангелию — подставлял другую щеку, чтобы не распухала одна сторона больше другой».

Попытавшись продолжить «отношения» с Конюховой вне съемочной площадки, Высоцкий получил отпор. Воспитанная на классике, Татьяна Георгиевна заявила кавалеру: «Вы знаете, Володечка, я не очень люблю блатные песни». И увидела: он сжался, как от удара...

Следующей весной «Дима Горин» вышел на экраны. Приняли картину доброжелательно. Даже «Комсомолка» удостоила снисходительного напутствия: «Это фильм о молодежи, дружбе и любви, о воспитании чувств, юли, ума, о становлении характера нашего современника...»

Изе оставалось «отчаянно трудно переносить безделье». Но переносила. Потом была на коротком контракте в одном из театров, где восстанавливали «Что делать?» по Чернышевскому. Публика не шла. Строем водили старшеклассников, которым спектакль тоже не нравился. И не только им. Муж в зрительном зале не появлялся, сидел на вахте и ждал, пока опустится занавес

Помимо профессиональных неудач, Иза терзалась и домашними проблемами. В квартире объявился племянник Нины Максимовны, некто Коля. Он приехал из Сибири, где (за кражу колосков или за что-то подобное) отбывал срок. Больной туберкулезом, тихий, безобидный, он сразу нашел в двоюродном брате открытую душу и жадного слушателя. Спать Колю пристроили на кухне, там они пили водку, разговаривали, по просьбе брата бывший сиделец тихо пел жалостливые лагерные песни. Как вспоминал Абдулов, «схлестнулись» они с Володей на неделю, если не больше... А вскоре после этого Володя разразился своим первым блоком «уличных» песен.

Существовал еще один раздражитель: у сына соседки Шеи Моисеевны Миши без конца толклись какие-то молодые люди. Шумели, спорили, хохотали. Володя у них часами пропадал. Потом

восторгался, какие замечательные ребята.

— Кто они такие? — учиняла допрос Иза.

— Сережа Муратов, на телевидении работает. Помнишь, года три назад была такая передача по телевизору «КВН» — вечер веселых вопросов?..

— Ну, помню.

— Он был ведущим. Еще Алик Аксельрод, врач, кажется. Они сейчас с Мишкой новую передачу делают. Послушай, только что фразочку услышал: «У меня перестал болеть зуб, и я спокойно слез со стены». Как?

— Смешно. Ну, а ты при чем?

— А я так не умею. Я — народ. Они на мне свои хохмы проверяют. Например, название для своей передачи — «КВН».

— Почему КВН?

— Ну вспомни, как этот деревянный гроб с экранчиком называется? КВН? Только название телевизора — по первым буквам инициалов его создателей. А у них — «Клуб веселых и находчивых». Спросили мое мнение, я сказал: «Класс!» Скоро выйдет, обязательно надо будет посмотреть...

Изу мучила ревность к Володиным друзьям, которым он отдавал массу времени. Бесила иезуитская манера мужа звонить по вечерам от

кого-нибудь из приятелей и говорить: «Я еду». Потом, минут через 15, сообщать: «Выезжаю». Спустя полчаса — очередной звонок «Я уже еду». И так он «ехал» часами...

Тогда Иза пошла на женскую хитрость. По ее просьбе на вечерний звонок Володи отозвалась Шея Моисеевна и невинным голосом сообщила, что Изочки нет, мол, оделась, «как экспонат», и ушла. А куда, неведомо. Ревнивец обзванивал всех подруг Изы, мчался домой и, конечно же, заставал жену на диване с журналом мод в руках.

Она не отрицала, что они частенько ссорились. Владимир, безусловно, не был ангелом. Но она не могла устоять, когда он, пунцовый от упреков, тихо и ласково говорил ей: «Изуль, ты только не сутулься». Или что-то в этом роде.

Семейный бюджет трещал по швам. Иза плакалась в жилетку мужа: «Володя, нет денег». Жилетки, впрочем, тоже не было. Но он кротко говорил: «Ничего, Изуль, добудем». «Как он добывал, меня это не очень интересовало, — признавалась она. — Он был муж Он меня даже к портнихе возил. Помню, привез как-то отрез — серебряный, под березку. А пальто кораллового цвета с начесом!.. Сам надел, сам обул, сам причесал...»

А потом еще спел, нахал: *«Одел-обул и вытащил*

из грязи...». В доме появился новый член семьи — гитара.

Своими откровениями Иза выдавала себя с головой: «...Трудно себе представить, какой это был кошмар — первые Володины шаги А постижении игры на гитаре. Часами он мог сидеть, выбивая всего лишь ритм, и заунывно тянуть одну и ту же цыганскую песню, где были такие «бессмертные» слова: «...ны-ны-ны, есть ведро, в нем нет воды, значит, нам не миновать беды»... Когда по ночам зудело его бесконечное «ны-ны-ны», мне на самом деле начинало казаться, что беды какой-то точно не избежать... Мучил меня своим бреньканьем. Песням, которые он тогда сочинял, я не придавала никакого значения, и время от времени злилась, что гитаре достается больше внимания, чем мне...» На всякий случай, уточняла: «Я, как примерная супруга, приносила ему кофе и старалась не мешать... Иногда даже поднимала бунт... Мне казалось — нельзя заниматься никакими песнями! Надо заниматься только женой!»

Но — *«Ошибка вышла, вот о чем молчит наука...»*

А вскоре в семье Высоцких настал период абсолютной трезвости: они ждали ребенка! И

казалось, ничто не может разрушить этой тихой радости. Жили только этим. Даже исчезновение Жоры прошло мимо. Им и в голову не приходило, что от этого кому-то может быть плохо. Нине Максимовне, к примеру.

К сообщению о будущем пополнении семейства соседи отнеслись сдержанно. А Нина Максимовна устроила истерику, не желая становиться бабушкой. Иза сделала аборт. Через много лет Акимов ей рассказал, как плакал тогда Володя под окнами больницы...

А что у него в театре? Ни-че-го. Беспросветно. Ни-че-го... На пробы вызывают на «Ленфильм». Картина так чудно называется — «713-й просит посадку». А тут Иза со своими новостями: звонят из Ростова, зовут фазу в два театра, представляешь?! Ответить нужно завтра.

Они долго и трудно говорили об этом. Он уговаривал ее не спешить, все должно наладиться. Разберемся, Изуля. Нет, она решила бежать. Владимир опять просил, но она предъявила последний аргумент:

— Если я когда-нибудь пожалею, что уехала, мне достаточно будет вспомнить твою мать!

И уехала. Безработная, бездетная, разобиженная на весь белый свет и, как ей казалось, никому

не нужная, отправилась на поиски своего актерского счастья. Было ли это лучшим выходом? Для нее, видимо, да. В Ростове ее встретили, обогрели, накормили, поселили в гостиницу. Владимир часто звонил, обычно под утро, часа в четыре, и вместо фразы «Здравствуй, это я!» Иза слышала: «Изуль, передай трубку!»

Насчет проб на «Ленфильме» Владимир не шутил. У 2-го режиссера Анны Давыдовны Тубеншляк, «десантом» нагрянувшей в Москву на поиск актеров для картины, было профессиональное чутье. Плюс терпение: добросовестно пересмотрела картотеки на киностудиях, обошла все театры. В Пушкинском обратила внимание на молодого актера: «Очень любопытное, неординарное лицо». После спектакля они поговорили, условились о скорой встрече. Правда, старый знакомый Борис Чирков, работавший в этом театре, покрутил носом: смотри, Аня, натерпишься, хотя парень, конечно, одаренный...

Но Тубеншляк доверяла своей интуиции, и летом 1961 года вызвала Высоцкого на кинопробы. «На роль американского морячка, — рассказывал режиссер Григорий Никулин, — претендовало несколько кандидатов. Володя произвел впечатление скромного парня, очень покладистого,

стеснительного. Всегда молчаливо стоял в стороне, прислушивался... Он очень хотел работать». Его утвердили, подписали договор. Съемки намечены на осень. Жди вызова, парень.

В театре по-прежнему было пресно и скучно. В спектакле «Трехминутный разговор» роль Высоцкого стопроцентно соответствовала названию пьесы: он присутствовал на сцене не более трех минут. В «Дороге жизни» изображал силуэт красноармейца с винтовкой. В толстовском «Изгнании блудного беса» — народ».

То, что в молодости Высоцкий находился на задворках профессии, не был вовремя оценен как талантливый, необычный актер, видимо, сказалось. И, даже став зрелым мастером, он всю жизнь вынужденно отстаивал свое право быть не таким, как все.

Дома сидеть было невмоготу. А вот легендарная Трифоновка, ще рядышком стояли общежития — и Школы-студии, и ГИТИСа, и Щепкинского, и Щукинского, и Шесинского училищ и даже циркового, — всегда манила и ждала вчерашнего веселого студента по прозвищу «Высота». Проблем с проникновением на заповедную территорию не возникало.

Какие тут случались вечеринки, какие встречи!

Убогие комнатки превращались в литературные салоны, кафе-шантаны, дома свиданий. «В общежитии Щукинского, — рассказывал Анатолий Васильев, будущий собрат по «Таганке», — у нас были две «свои» комнаты, где мы могли посидеть: выпить, покалякать, попеть песни. В студенчестве не очень-то попьешь: так — одна «фугаска» на троих да килька в томатном соусе... Сидели просто так — гитара, разговоры, треп обо всем и ни о чем... И вдруг вошел коротко остриженный парень в буклетистом пиджаке, прилично выпивший. Как мне тогда показалось — типичный московский парень с недалекой окраины, даже слегка приблатненный. И все наши дамы к нему потянулись, просто бросились:

— А, Володя, Володя!..

И он понес какую-то мешанину самых ранних песен, что мне очень не понравилось. Может быть, потому, что я лидерство потерял в тот момент».

С будущей примой Таганки Зиной Славиной он так и познакомился. Остановил меня, вспоминала она, и говорит: «Вот тебе я хочу спеть, посиди, послушай. Есть у тебя время?» Он меня первый раз видел, просто по глазам выбрал. А я тогда еще даже не училась — поступать приехала. Послу-

шала, говорю: «Это что-то необыкновенное, ты такой талантливый, что у меня даже слов нет». А он пел, не щадя себя, перед одной мной так, словно перед большой аудиторией, как будто это был его суд: как я скажу, так и будет...

Застолье было естественной средой. Они говорили и пели вполголоса, но порой их было слышно на всю Москву. В прямом и переносном смысле. Молодой драматург Михаил Рощин рисовал по памяти картинку: «Моя мать... простая русская женщина, коренная москвичка, еще когда жили мы все в одной комнате и набивались молодой своей компанией в эту комнату «погудеть», посидеть с девочками или одни, — просто мы все любили друг друга, не могли расстаться, дружили упоительной, почти мальчишеской еще дружбой, — так вот, моя мать, Тарасовна, как мы ее все звали, фазу его выделила. Отметила, хотя все мы были... талантливые и острые, показавшие свои первые зубы и уже получившие по этим зубам, — а он-то был помоложе, считай, пацан, ему еще надо было заявиться. Впрочем, нет, его приняли сразу, но у него, при его всегдашней скрытой деликатности и тонкости, был даже некоторый пиетет перед иными из нас, кто уже «держал банк»... Мать его выделила и приняла

сразу, услышала, поняла... Мы свет выключали, сидели в обнимку по углам, уходили на кухню, на лестницу, — вижу его с гитарой сидящим у матери в ногах, он поет, она слушает, бра на стенке горит — лампа, обернутая газетой. Мать то носом зашмыгает, прослезится над «жалостной песней», то захохочет и попросит повторить: «Как? Как?» И он опять споет, и раз, и два — пожалуйста: *«Она ж храпит, от же грязная, и глаз подбит, и ноги разные, всегда одета, как уборщица. — А мне плевать, мне очень хочется»*... Наши же «старшие» учили нас «мужчинству»: не трусить, защищать слабого, платить первым, в кровь стоять за друга, жалеть детишек и баб. Но пуще всего — беречь свою честь, держать марку, не подличать ни ради чего... Мы и сами были с усами...»

Странная у него тогда была слава, как бы **внезаконная**. Он постоянно пребывал в том самом неподцензурном ахматовском «соре», из которого «растут стихи, не ведая стыда». Говорил и писал языком улиц и дворов, пел нахраписто и громко, чтобы его слушали и слышали.

Лето 1961 года благодаря друзьям у Высоцкого выдалось напряженным. Сначала Андрей Тарковский задумал сделать из него капитана Холина в своей дебютной картине «Иваново детство».

Позвал на пробы. Правда, потом благополучно их зарубил. Затем верный товарищ Левон Суренович Кочарян пристроил юного друга-горемыку в киногруппу фильма «Увольнение на берег». Съемки в июле в Севастополе, представляешь? Это — раз. Черное море — два, солнце — три, копейку заработаешь — четыре, ну и так далее, сплошная лафа. Какого лешего слоняться по душной Москве? Поехали?! Поехали! Тем более компания подбиралась подходящая.

«Я играл моряка, — рассказывал Высоцкий. — Его не пустили на берег — значит, тоже не очень положительный человек И он просит своего друга предупредить любимую девушку на берегу о том, что он не придет. Мы снимали этот фильм на крейсере «Кутузов»... Я жил там целый месяц. Спал в кубрике. Учился драить палубу и еще кое-что погрязнее... Меня уже за своего держали...»

Сходя на берег, Высоцкий уединялся в гостиничном номере Кочаряна и с утра до ночи записывал песни на магнитофон. Свои и чужие. Когда приехала жена Левона Инна, то обнаружила «целый комплект песен». А автор ей жаловался: «Иннуль, ребята не верят, что это я написал, ты уж подтверди...»

Высоцкий вспоминал: «Лева Кочарян сказал:

«Подожди одну минуту!» — и нажал на клавишу магнитофона. И так случилось, что первый раз мои песни были записаны на магнитофон. Тогда никто не обратил на это внимания, ни один человек не думал, что из этого получится дальше. Но случилось, что кто-то это услышал, захотел переписать. И началось вот такое... шествие этих песен».

В августе уже пришлось покинуть ласковое черноморское побережье и возвращаться — режиссер Филиппов ждал на съемках «1]решницы». Ну и прекрасно. Владимиру даже нравился напряженный график, постоянные переезды, новые знакомства. Тогда он был благодарен кино — не за куцые роли, конечно: «С детства в каждом сидит страсть к перемене мест, все хотят каких-то дальних стран, новых людей. А кино снимается в разных местах, поэтому много поездок, много новых встреч, великолепные места, чудесные...»

Сегодня Москва, завтра Чоп, Питер, потом Крым, что будет послезавтра?.. Пускай Ростов-папа!

Владимир все же предпринимал попытки хоть как-то подлатать свою прохудившуюся «любовную лодку»: то прилетал, то приезжал (однажды даже на крыше вагона) к жене в Ростов. И один, и с друзьями, на гастроли с театром. Пел, шутил,

балагурил, очаровывая окружающих, удивляя щедростью и широтой. «У него все — на раздачу, — сетовала Иза. — Купили ему дюжину рубашек, все было моментально роздано. Уезжал в новой, приезжал в чьей-то старой...»

Кроме того, всерьез строил планы покорения Донской столицы. Изе обещал: «Все телевидение будет наше!» Главный режиссер местного театра уже присмотрел для него роль в спектакле «Красные дьяволята». Вновь перекрестимся, как здорово, что и эти планы не осуществились. Иначе говорили ли бы мы сейчас о Высоцком как о Высоцком?..

Закончились гастроли Пушкинского театра в Ростове. «На рассвете они улетают, — рассказывала Иза. — Володя привез с выездного спектакля огромные грозди черного винограда. Предчувствие беды — обороняюсь злостью. Володино недоуменное, растерянное лицо. Умоляющие глаза. Мы вышли в сад в еще серый предрассвет. Тогда мы не знали, что расстаемся...»

«ТО БЫЛА НЕ ИНТРИЖКА, ТЫ БЫЛА НА ЛАДОШКЕ...»

На съемки в Питер Высоцкого провожали, как водится, «шумною гурьбою». Отъезд друга в экспедицию (пусть даже в кино-), естественно, отметили. Хорошо посидели дома у Гарика. Свидерский раздобыл «малую толику» на первое время. После застолья отправились на Ленинградский вокзал. Там Миша Туманишвили узрел в окне вагона красивую молодую женщину. Толкнул локтем приятеля: смотри! Стоявшая рядом Тубеншляк сообщила: это тоже актриса, Люся Абрамова, будет сниматься в нашем фильме. Миша тут же ляпнул в шутку: «Ты смотри, Володя, эту девочку из Ленинграда обязательно привези!»

— Обязательно! — поклялся Высоцкий.

Однако Люся, девушка гордая и независимая, к знакам внимания давно привыкшая, обратить внимание на веселую компанию не пожелала.

Дальнейшие события развивались по стандартному сценарию. Кохановский рванул в привокзальный буфет за «посошком». Пока гонец был на задании, ребята вольготно разместились,

начались анекдоты, шуточки, откуда-то появилась гитара... А лопуха Коха- новского все не было. Когда нетерпеливый Свидерский выглянул в коридор в поисках неизвестно куда запропастившегося друга, проводница всплеснула руками: «Милый, да мы уж полчаса как едем...»

В поезде Владимир с Люсей, к счастью, не встретился. Почему «к счастью»? Да потому что известно, чем обычно заканчиваются дорожные знакомства, когда *«в конце пути придется рассчитаться»,* и одолевает жгучее желание поскорее, раз и навсегда, распрощаться с попутчицей. Хотя, может быть, и не всегда...

Высоцкий легко вписался в съемочную группу. «Володя был работяга. На съемках — всегда как стеклышко, — не мог нарадоваться режиссер-постановщик. — Не было такого, чтобы он опоздал на съемку, пришел не в форме или после выпивона — он был железный в этом отношении. Профессионал во всяком случае». Ну, а после работы... «В гостинице «Октябрьская» собирались у него в номере, — вспоминал Григорий Георгиевич. — Володя был, что ли, «гитарным центром»... У него можно было хорошо посидеть, отдохнуть после съемок. Это были великолепные вечера — не попойки, а вечера его песен. Если он тогда

и писал какие-то свои тексты, то мы об этом не знали: пел блатные песни, всякие другие, потом просто бил по гитаре и пел абракадабру — работал под английскую песню. Со своим хриплым голосом, со своими эмоциями и напором, со своим обаянием...»

Молодая, изящная, со сногсшибательной внешностью начинающая актриса Людмила Абрамова, носившая титул «мисс ВГИК», мгновенно оказалась предметом внимания. «Люся... была необыкновенно красивой, — вздыхал Никулин, — с огромными серо-голубыми глазами. По роли она должна была быть западной актрисой, и когда сделали грим, и мы на нее взглянули, то поняли — это то, что нужно. Мы сразу ее взяли, даже не искали больше никого».

У московской красавицы мигом образовался круг «постоянных друзей-поклонников»: драматург Александр Володин, художник Гера Левкович, молодой питерский актер Карасев... Они знали толк в женской красоте, были галантными, остроумными и... нищими.

11 сентября 1961 года, просадив последние деньги в «восточном» зале ресторана в гостинице «Европейская», кавалеры проводили свою московскую гостью на окраину города, до «Выборг-

ской», опаздывая на последний перед разводом мостов трамвай. У каждого оставалось как раз по три копейки на брата...

У входа в гостиницу Людмила увидела перед собой прилично выпившего человека. «И пока я думала, как обойти его стороной, — рассказывала она, — он попросил у меня денег, чтобы уладить скандал в ресторане. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый ленинградский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то фазу поняла, что этому человеку надо помочь...» Люся обратилась к администраторше гостиницы — та оказалась сварливой бабой, отказала, мол, дашь денег, а потом ищи-свищи... Пробежала по номерам, где жили коллеги по картине, — увы, все сидели на бобах.. У самого состоятельного Левика Круглого в кармане оказалась трешка (тридцатка до 61-го года). Тогда Люся решительно сняла с пальца золотой перстень с аметистом (бабушкин, фамильный!) и отдала страдальцу. Тот отнес кольцо мэтру, предупредив, что завтра непременно выкупит.

Люся независимо удалилась к себе в номер на третий этаж, переполняемая собственным благородством. Вскоре раздался тихий стук в дверь, и

в номер бочком протиснулся бывший потерпевший с гитарой и бутылкой под мышкой. «Сдача», — объяснил он, показывая на коньяк

«Потом Володя мне пел, — вспоминала Люся. — И даже чужую песенку «Вышла я да ножкой топнула», которую Жаров в фильме «Путевка в жизнь» пел как шутливую, он пел как трагическую, на последнем пределе. Еще секунда — и он умрет. Я видела гениальных актеров уже... Круг общения был такой, что я, еще ничего не зная о Володе, смогла понять: это что-то совершенно необыкновенное... Этот человек может немыслимое, непредсказуемое, запредельное…»

Им не захотелось расставаться. Она даже не поинтересовалась, кто он и откуда. Когда утром они вместе вышли из гостиницы, оказалось, что им по пути. Приехали, подошли к проходной киностудии, одновременно достали одинаковые пропуска. Он удивленно спросил, из какой она группы. Люся ответила — и Высоцкий остановился как вкопанный. У нее тоже был легкий шок… Вечером Люсино кольцо было выкуплено и возвращено на изящный безымянный палец законной владелицы.

Вскоре в киногруппе их роман ни для кого не был секретом. Они поселились в одном номере. В

свободное время гуляли по городу. В ближайшей забегаловке с восторгом угощались пончиками, которые тамошние кулинары называли «кривыми» и продавали за полцены, как некондицию. В заведении классом повыше, защищая честь дамы сердца, Высоцкий буквально летал по залу, расшвыривая соперников. А восхищенные музыканты ресторанного оркестра стоя аплодировали ему. Победителю схватки и его спутнице был выставлен весьма приличный обед.

«Люду он очень ревновал, — вспоминает Г.Никулин. — К любому. А выражалось все это в том, что он был жесток. Если он видел, что она не так на кого-то посмотрела или не то сказала.» Володя был парень жестковатый, он мог ей и врезать».

Некоторые дамы кинематографическою Питера были убеждены, что Григорий Георгиевич, положивший глаз на Люсю, ретировался, опасаясь молодого и рьяного соперника. «Когда я узнала, что у Люси с Володей роман, — делилась внутрицеховыми сплетнями актриса Людмила Шагалова, — я обалдела: «Что, она не могла себе найти кого-то поприличнее? Ну и видок у него! Настоящая шпана!» Шагалову здорово задела первая встреча с Высоцким, когда он по простоте душевной задал ей, заслуженной (!) артистке,

лауреату Сталинской (!) премии, детский вопрос: «А вы уже где-то снимались?..» Это она-то?! Сдержавшись (все-таки профессионал), Шагалова хладнокровно ответила: «Да, в «Молодой гвардии», например». — «О, а я не видел эту картину. А кого вы там играли?» Она онемела. Ей казалось, что не было в стране человека, который бы не знал ее Валерию Борц. А вот Высоцкий не видел, что тут скажешь?.. Дикарь!

Единственное, что подкупило актрису, — его музыкальность: «Как-то вечером мы собрались у него в номере. Что-то отмечали. Пили вино. Высоцкий», вел себя как мальчишка». Когда начинал петь, преображался. Однажды что-то запел на английском языке. Английский-то я немножко знаю, а тут ничего не разобрать, абракадабра какая-то! «Володь, признайся, это же не по-английски». Высоцкий рассмеялся: «Нет, конечно. Но правда ведь похоже?!» — «Очень».

Однако его «английский» репертуар уже потихоньку уходил в прошлое. «Первую свою песню, — рассказывал Владимир Высоцкий, — я написал в Ленинграде. Дело было летом, ехал я в автобусе и увидел впереди себя человека, у которого была распахнута рубаха и на груди была видна татуировка — нарисована была очень красивая

женщина, а внизу написано: «Люба, я тебя никогда не забуду!» И мне почему-то захотелось про это написать. Я сделал песню «Татуировка», только вместо «Любы» поставил для рифмы «Валю»:

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди…

Люся легко отодвинула в его жизни все. Даже съемки, которых он так ждал, стали делом второстепенным. Хотя и не происходило там ничего выдающегося. Разве что очередной «мордобой». «Режиссер все время говорил, что искусство требует жертв, — рассказывал Высоцкий, — так что я снова был жертвой... Я приставал к кому-то... А меня за это отшвыривал Отар Коберидзе и бил... Человек он восточного темперамента, у него глаз загорался фазу нехорошим огнем. Я смотрю и думаю. «Сейчас убьет, точно...»

А партнер по «поединку» удивлялся другому: «Каждое утро, перед выездом на съемку, он обязательно звонил мне в номер и начинал читать новый стих Закончив, добавлял: «Ну, батя, заслужил я завтрак или нет?» Съемки были тяжелые,

ночные, и непроизвольно я задавал вопрос: «Когда же ты успел написать, Володя?» Он начинал хохотать с хрипотцой, прекращая мой восторг: «Я жду тебя в буфете!»... Володе почему-то не нравилось называть меня по отчеству. При всем при том он хотел приблизиться,- желание иметь близкого друга, кому было бы излить горячую свою душу, — тогда он был влюблен!..»

Киногруппа паре Высоцкий — Абрамова покровительствовала. Ефим Копелян проводил влюбленных на свои спектакли в БДТ. Консультант фильма — летчик Спартак Гриневич — прихватывал их с собой, когда летал из Ленинграда в Москву, и прятал Люсю с Володей в кабине экипажа.

Не в силах сдержать чувства и вовсе не желая этого, Высоцкий отбил телеграмму в Москву Толяну Утевскому: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза».

***

Всевидящие доброхоты тоже не дремали. Оперативно донесли Изе «все-все-все»: и про Ленинград, и про съемки, и про Люсю, само собой, тоже. «Задушевная» подруга Грета и вовсе ошеломила: «Абрамова ждет от Высоцкого ребенка! Ты

должна знать!» Потом еще кто-то из однокурсников позвонил, порадовал: «Володя всех знакомит со своей новой женой». В расстроенных чувствах Иза, *«собрав вещички и закрыв кавычки»*, покинула берега Дона и укатила осваивать театральные просторы Перми.

Много позже, отвечая на вопрос о причине разрыва с Высоцким, Иза Константиновна кротко говорила: «Честно говоря, я и Сама не знаю. Нет конкретной причины. Расстались, и все. Наверное, это судьба: встретились, какое-то время побыли вместе и пошли дальше, в другую жизнь...»

В редкие минуты откровений виновницей своей скороспелой. И неудачной женитьбы Высоцкий называл мать, которая, не успев даже толком разглядеть и понять Изу, тут же принялась уговаривать своего непутевого сына остепениться и жениться на такой славной девушке. Возможно. Через десять лет после встречи с Изой из-под пера поэта на бумагу коварно просочились строки:

Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что была она вовсе не девушка...

Скорее всего, молодой человек женился, чтобы избавиться от обидного прозвища «Шванц», стать, наконец, совсем самостоятельным, совсем взрослым, попытаться создать свой дом. Тем более, перед глазами были примеры душевного и прочего благополучия окольцованных друзей с Большого Каретного.

Дальнейшая судьба Изы Высоцкой (эксперименты со сменой фамилий она решила прекратить) в профессиональном смысле вроде бы удалась. До звания «народный артист России» ее бывший супруг так и не дослужился, а вот ей удалось! Для этого, правда, пришлось изрядно помотаться по провинциальным театрам. Чтобы разыскать Изу и развестись для оформления брака с Людмилой Абрамовой, Высоцкий приложил немало усилий. Впрочем, Иза в затянувшейся процедуре развода винила бывшего супруга: «Он все время терял документы...» В будущем Владимиру Семеновичу пришлось усыновлять своих собственных сыновей от Людмилы Абрамовой.

Позже Иза вышла замуж, родила и окончательно осела в нижнетагильской труппе драмтеатра. В Москве бывшие супруги изредка встречались. Пару раз по приглашению Высоцкого бывала на Таганке и на его концертных выступлениях.

Когда Владимир Семенович стал уже известен и, по ее понятиям, всемогущ, Иза обратилась к нему за помощью в решении каких-то проблем своего нового мужа. Высоцкий подобной просьбой был обескуражен. Даже не просьбой, а Изой. Точнее — собой.

«Когда мы расстались, — ревновала Иза, — у меня было такое ощущение, что его женщины должны быть очень счастливы. Потому что у него был дар — дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно. То есть обычный будничный день не мог пройти просто так, обязательно должно было что-нибудь случиться. Вот даже такое: он не мог прийти домой, чего-нибудь не принеся. Это мог быть воздушный шарик, одна мандаринина, одна конфета какая-нибудь — ну, что-нибудь! — ерунда, глупость, но что-то должно быть такое. И это делало день действительно праздничным. И потом, он тоже умел всякие бытовые мелочи: выстиранную рубашку, жареную картошку, стакан чаю — любую мелочь принимать как подарок. От этого хотелось делать еще и еще. Это было приятно...» Был искренен Высоцкий, когда пел:

Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной...

Вот такая история. «Я — бывшая жена, — подводила итоги Иза Константиновна. — Вот уже жизнь подходит к концу. Ни мужей, ни мужчин давно уже нет. А Володя — это Володя... Если бы не было песен, ролей, а он был просто Володя, просто актер, он для меня все равно бы остался самым значительным из всего, что произошло в моей жизни».

***

После затянувшихся съемок в Питере Люся и Владимир возвращались в Москву уже вместе. Люсина двоюродная сестра — литератор Елена Щербиновская — описывала свой первый визит на

Беговую. Пришла в двухкомнатную квартирку, в которой обретало фазу три поколения Абрамовых — дедушка с бабушкой, сестра бабушки Аллочка, мама и, собственно, любимая дочь. Отец Владимир Аркадьевич, работавший главным редактором издательства «Химия», чаще жил у своей матери, которая постоянно хворала.

У Люси был выгороженный уголок — нечто вроде своей «комнаты», куда с опаской и заглянула Елена, чтобы познакомиться с Высоцким. «Он держался очень просто, одет был бедно: старень-

кий свитер, простенький пиджачок. Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...» Пел здорово — мурашки по коже! Общаться с ним оказалось фазу очень легко, так, словно давно уже мы знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог моей сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение... Говорил простым, отнюдь не литературным языком, казался немного грубоватым, чем поначалу шокировал нашу «профессорскую» семью...»

Впрочем, она напрасно иронизировала над родней. Дед их действительно был профессором-энтомологом. Кроме того, слыл тонким знатоком восточной культуры, занимался переводами с фарси. Его жена, то есть Люсина бабушка, Евгения Евгеньевна Абрамова (кстати, единственная из всей семьи сразу и безоговорочно принявшая Владимира) профессионально переводила Киплинга, читала внукам Гумилева и Мандельштама...

У остальных домочадцев появление нового Люсиного «квартиранта» восторга не вызвало. «Может быть, — предполагала Людмила, — у них было какое-то тщеславие: я — студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами

и сделает препозицию насчет их дорогого дитя... Хотелось чего-то стабильного, серьезного».

В «довысоцкой» биографии Люси уже имелся невеликий брачный опыт. Пережив жар пылкой девичьей влюбленности, она в 10-м классе ушла из дома, сняла комнату и, переведясь в вечернюю школу, зарабатывала на жизнь подсобницей во МХАТе. От одиночества и безысходности позволила влюбиться в себя сыну хозяйки квартиры Игорю со звучной фамилией Дуэль. Парень подавал надежды как журналист. Едва ей стукнуло восемнадцать, она тут же вышла за него. Союз их продлился недолго. Но только в 62-м, когда Людмила уже ждала от Высоцкого сына, она наконец оформила развод с Игорем Дузлем.

***

О том, чтобы создать новую «ячейку общества» на Беговой, речи, разумеется, не было. Нужно идти на поклон к маме. Нина Максимовна к появлению Люси отнеслась прохладно. Хотя признала: «Действительно, она красива». Но на том — стоп. Тем более Владимир официально все еще был женат.

Так и оказался он между небом и землей. И в семье, и в театре. За что хвататься?

От Равенских надо было уходить, и чем скорее, тем лучше. Но куда? В качестве спасательного круга был выбран Театр миниатюр под руководством Владимира Полякова, соавтора прославленной «Карнавальной ночи».

Театр был легкого жанра, только что созданный, соответственно, еще не обремененный старомодными традициями и повышенными требованиями к творческим работникам. Да и Владимир Соломонович — милейший человек, наивный, как дитя. Спросит, почему не был на репетиции, отвечай: был у врача. Поверит, даже если на ногах не стоишь. Но если ему шепнут, что пьян, тогда берегись, будет орать: «Все! Домой! По шпалам!» В общем, решай, Володя.

— Завяжешь, уговорим Полякова взять тебя в театр, — заверял Высоцкого знакомый по студенческим компаниям актер Зяма Высоковский.

— Слово даю.

Высоцкого зачислили в штат, и в феврале 1962 года он вместе с театром уже укатил на гастроли в Свердловск. Поначалу все складывалось удачно. Владимир быстро вошел в репертуар, в каждом представлении исполнял по несколько ролей. Уральцы, народ неизбалованный, на спектакли валом валили. Появились интересные предложе-

ния. «Хотят инсценировать мою «Татуировку», — с воодушевлением сообщал он Люсе. — Сделать пародию на псевдолирику и псевдо же блатнянку. Я буду петь, а в это время будут играть то, что там есть, например: «Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху, и гляжу, гляжу часами на тебя!» Актер, играющий Лешу, рвет на груди рубаху — там нарисована женщина-вампир, или русалка, или сфинкс, или вообще бог знает что. Другой становится на колени, плачет, раздирает лицо и глядит, а сзади часы — стрелки крутятся... Но это — проект. И потом — мне немного жаль Алешу, Валю и самого, у кого душа исколота снутри...»

Ему в самом деле было жаль себя, вынужденно занимающегося какой-то чепухой, бездарной клоунадой. Признавался Люсе: «Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю так. Я считаюсь очень крупный специалист-песенник, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенный и Окуджавы... Идут пачками, мешают мыслить, учатся, переписывают, перенимают... Платные уроки сделали бы меня миллионером. Я стал бы богаче Шагаловой...»

На всякий случай, заверял в безусловном своем благонравии: «Я — отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я — отец Сергий. Пальца, правда,

не отрубил — не из-за кого... Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8 марта капустником... Там есть такая песня:

Как хорошо ложиться одному —
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий.

И как бы мимоходом замечал: «Относительно алкоголя!!! Нет его и не предвидится. Если так пойдет дальше — государство начнет терпеть убытки».

Заключает признанием: «Люблю. Я — Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь, обменяю комнату, буду с тобой... 24 года от рода. Влюблен. В тебя. Высоцкий».

«Он не пил, держался, — вспоминал Высоковский. — Но в один прекрасный день спустился в ресторан — и все... Я иду после репетиции, и мне говорит горничная (мы жили в гостинице «Большой Урал»): «Там ваш товарищ., в ресторане...» Я спускаюсь и вижу Володю с гитарой, а вокруг него гуляет весь «Большой Урал»...» Полякову доложили, что Володя «развязал». И тогда он взял клочок бумаги и написал приказ: «Уволить арти-

ста Высоцкого В.С. в связи с полным отсутствием чувства юмора». Недолго довелось артисту откликаться на прозвище «Вовчик-миниатюр». Ну и ладно, все равно надолго задерживаться не собирался: «В веселом театре «Миниатюр» — мрачные личности».

Исторический приказ Полякова Высоковский много лет хранил в своем домашнем архиве. Потом как-то показал Высоцкому, тот почитал и серьезно сказал: «Поляков — святой человек».

На семейном совете принимают решение: попытаться поступить в «Современник» — в то время театр №1 в Москве. Высоцкого предупреждают: туда не поступают, а прорываются. Да-да, подтверждала Алла Покровская, уже работавшая в театре, его старая знакомая еще по занятиям в кружке Богомолова, поэтому, если хочешь пройти, Володя, готовься очень серьезно.

Показ в тогдашнем «Современнике» был сродни обряду древнеримской инициации, жестокой экзекуции. Изощренным ритуалом, рожденным юношеским максимализмом. Приятно было «отцам-основателям» театра почувствовать себя небожителями, верховными жрецами, ощутить на себе ласкающий тело и душу шелк тоги патриция, решающего судьбу гладиатора. Они, дети

советской эпохи, еще свято верили в спасительную силу «коллективизма», в справедливость «большинства». Им казалось, что с помощью голосования можно разрешить все на свете вопросы. От приема в труппу актера до осуждения сталинизма.

«Поступающий, — вспоминал былые годы старожил «Современника» Михаил Козаков, — играл, как правило, в фойе театра. Сидит вся труппа — худсовет, главный режиссер. Поступающий лишен привычной атмосферы спектакля, беспристрастного зала, естественных его реакций... А на втором туре... — что-нибудь из репертуара «Современника», актеры которого решают его судьбу».

Высоцкий сразу был допущен на второй тур. Он выбрал отрывок из комедии «Третье желание» и роль Глухаря из пьесы «Два цвета». Эти роли в театре до него исполняли ведущие актеры — Олег Табаков и Евгений Евстигнеев. Выбрать именно эти две роли было со стороны Высоцкого, мягко говоря, безрассудством, считали искушенные люди. Куда вернее было наметить два слабых звена в цепи актерских работ «Современника» и продемонстрировать свое абсолютное превосходство. Высоцкий, конечно же, это понимал, но

решил идти напролом, пощекотать нервишки. Себе и коллегам-конкурентам.

«Сыграл, надо сказать, неплохо, — говорил Козаков, — но не блистательно — до наших ему и впрямь было далеко... Мы его не дали, собственно, не по злобе, а просто не сумели разглядеть и донять».

Но потом случайно появился крошечный шанс зацепиться в этом театре. Его пригласили заменить Евстигнеева в одном из спектаклей. Конечно, в зале было полным полно родных, знакомых лиц. Сидела Люся, рядом был Лева Кочарян с Инной, пришли братья Стриженовы — Олег и Глеб, другие ребята.

«Он играл Глухаря так, как мог это сделать только он, — не скрывал своего восхищения Стриженов-младший. — Володя до мелочей знал жизнь своего персонажа, его подноготную — этого «блатного». Он не играл, не «перевоплощался» — он был, жил в этой роли. Делал все с таким блеском, с таким искрометным юмором, присущим ему, что невозможно было себе представить, что это ввод или дебют... Закатанный рукав пиджака, надвинутая кепка- малокозырка, штаны «пузырем», сапоги-«прохоря» с вывернутыми голенищами, хрипловатый голос, блатные ухват-

ки. Клянусь: сто из ста, встретив его на улице, ни секунды бы не засомневались в его социальной принадлежности. Перевоплощение было настоящим. Володя ничуть не выпадал из ансамбля, а наоборот — очень органично вписывался в уже сложившийся коллектив... Впечатление было такое, что это не ввод, что Высоцкий репетировал эту роль со всеми вместе от начала работы над спектаклем и до премьеры. Несмотря на яркость рисунка образа, он не «наигрывал», не «пережимал» — был естествен... Никогда я не видел столь блистательного дебюта. Мы были в полной уверенности, что он уже там, в театре, — уже принят в труппу. Поздравляли с тем, что он наконец нашел свой театр, свое место. Все за него радовались. Оказалось — напрасно. Володю не приняли. Я не знаю, какими соображениями руководствовался худсовет, поскольку к игре его... претензий предъявить, на мой взгляд, было невозможно».

Ну, не пришелся ко двору. Человек не злопамятный, а памятливый, Высоцкий через несколько лет иносказательно намекнет художественному руководителю «Современника» Олегу Ефремову об их несостоявшемся творческом альянсе:

Вы в цвет угадали еще в «Двух цве-

max»...

Стало быть, осталось одно — кланяться в ножки Борису Ивановичу Равенских, каяться во всех смертных грехах, проситься обратно. Гримироваться под Лешего, точно помнить свое место в строю безымянных немых героев. Смирил гордыню, семью кормить надо.

Летом опять гастроли — и надо же, опять Урал, опять Свердловск, знакомые места. И та же старая песня в исполнении Бориса Ивановича.

«У них постоянно возникали какие-то споры, творческие и нетворческие. Борис Иванович был поборником жесткой дисциплины, — дипломатично объяснял ситуацию коллега Высоцкого Александр Стрельников. — Володя работал всегда с исключительной самоотдачей, но при условии, если он делал дело, которое понимал и принимал. А у нас... он не имел творческой реализации и, как следствие этого, мог порой относиться к службе в театре, скажем, без должного почтения...»

В труппе знали: «Уступать Высоцкий не любил, да и не умел — тормозов у него в ту пору было мало. Когда у них с главным режиссером возникали разногласия (назовем это так), то нам приходилось Володю отстаивать. Периодически Равенских отстранял Володю от репетиций и

спектаклей, но через несколько дней обычно сам же возвращал его обратно... Володя ушел от нас, когда театр был в Челябинске...»

После того, как ему предложили место редактора в литчасти театра.

Пропало лето. Добро, хоть Левка Кочарян в очередной раз выручил, пристроил в съемочную группу Александра Столпера, который под Истрой снимал натуру для «Живых и мертвых». Условия были сносными — жили в пионерлагере, зарплата шла плюс суточные. А роль? Так, какой-то «веселый солдат» в ничтожных трех эпизодах Хорошо еще, Игорь Пушкарев халтурку придумал — проводить «встречи со зрителями». В местном клубе выступить, рассказать «о творческом пути», в каких фильмах снимался, пару баек киношных надо обыграть, спеть что-нибудь. Негусто, но платили. А в воинских частях от пуза кормили и поили.

Опять настал период «взапчит», только теперь уже — фантастики. От Лема и братьев Стругацких до альманахов «Эврика». Однажды по случаю купил книжку с замечательным названием «Физика звездного неба» Шкловского. Автор, оказалось, астрофизик, пишет о внеземных цивилизациях. Но уж больно мудрено. Только все

равно эти «тарелочки», НЛО, пришельцы здорово будоражили. Он даже в любви Люсе признаваться стал по-иному: «...ты как Альфа Центавра из прочитанной мною книги «Магеллановы облака». Там звезда ужасно яркая и красивая».

Аркадий Стругацкий, познакомившись с Люсей, назвал ее глаза марсианскими. Высоцкий ревновал, но сравнение это ему очень нравилось.

...Так или иначе, но работы как таковой не было, а времени свободного — ого-го! Чуть-чуть подкармливали так называемые «квартирники». Изредка приглашали в разношерстные компании, в большие, красивые квартиры, где устраивались для «своих» вечера гастролеров-развлекателей. Гости совали хозяину трешки-пятерки, бывало, и червонцы, а тот уже по совести расплачивался с исполнителями. На одном из таких «квартирников» Высоцкий встретился с Люсей Гурченко. Сначала он ее даже не узнал: Бог ты мой, что сталось с ослепительной звездой, сверкнувшей в той самой «Карнавальной ночи»?! Подурнела, постарела, что-то напевает сиплым голосом, но фигурка, правда, все та же, талия осиная, и в глазах иногда искорка проблеснет...

Появившийся с гитарой Высоцкий для Гурчен-

ко отнюдь не был героем ее романа. Позже она рассказывала: «Хоть я уже знала, что внешне он совсем не такой, каким его представляла, у меня все равно была надежда, что я подсмотрю в нем особенное. Нет. Было разочарование. Но недолгое. Потому что, как только он поздоровался со всеми и перебросился несколькими словами с хозяином, он тут же запел. Пел, что хотел сам. Пел беспрерывно. Казалось, для него главное — что его слушали. Слу-ша-ли! Впечатление было, как от разрыва снаряда. Да нет, если бы он не пел, он бы просто с ума сошел от внутренней взрывной энергии... Он не мог найти нужного равновесия из-за огромной внутренней непрекращающейся работы, когда нет сил (или времени?) посмотреть на себя со стороны. А вот так, будучи самим собой, — выпотрошенным, усталым, непарадным, — он, конечно же, рисковал многих разочаровать. Он все время был обращенным в себя и в то же время незащищенным, как на арене цирка. Чувствовал, что надо удивить, но одновременно понимал, что этого ему не простят... Тогда я попросила; «Но тот, кто раньше с нею был..». Потом его рвали во все стороны, что-то говорили, пожимали ему руки. Но были и лица равнодушные «Ну и что тут такого?»

Ну и Бог с ними. Ведь были и другие «квартирники», с иной атмосферой и «действующими лицами». Лишь исполнитель оставался прежним. Свои новые песни Высоцкий обязательно показывал Андрею Синявскому. Поначалу он даже не признавался, что это его песни, потом только раскрылся. Жена Андрея Донатовича, решив сделать мужу подарок, специально достала через третьи руки (купить тогда было просто невозможно) магнитофон, пригласила Высоцкого и записала несколько его песен и рассказов, которые Синявский особенно ценил. Поэтому в доме Синявских, как любил говорить сам Высоцкий, он «находился в скрученном состоянии, но чувствовал себя хорошо».

Андрей Донатович, даже много позже, уже находясь в эмиграции, не забывал о своем ученике, которого учеником, впрочем, не считал, а скорее — единоверцем. Вспоминал старое «Как-то мы собирались ехать на день рождения к Даниэлю, и вдруг — уже выходим, телефона у нас не было, — пришел Володя в гости. Что ж делать? Мы решили его взять к Даниэлю. Это был одновременно как бы подарок Даниэлю, потому что невозможно, чтобы он не пел и не рассказывал... Там было очень много народу.. И я даже опасался

за Высоцкого. Как-то все перешептывались, перемигивались, а он пел... Через каждую песню он пел одну песню — «Песню о стукаче»:

В наш тесный круг не каждый попадал,
И вот однажды — проклятая дата!..

Буквально через каждую песню, давая понять, что если кто-нибудь здесь «настучит», то его убьют... Это было очень здорово...»

А дома певца терпеливо ждала Люся. Вместе с еще совсем-совсем маленьким Аркашкой. Когда в один из ноябрьских вечеров Владимир ворвался в дом и радостно объявил: «Ма-альчик! Сын у меня! Сын!» — мама его, конечно, поздравила, расцеловала, оставив зарубку в памяти: «Он стал отцом в 24 года, а я в 50 лет стала бабушкой», которую потом часто повторяла.

„.Как-то вечером Владимир тихо-тихо (чтоб не разбудить юного Высоцкого) убеждал Люсю, какая эта все-таки замечательная штука, кино. Мне тебя подарило — раз. Грузовики на съемках водить научился — два. Верхолазом тоже могу... Палубу драить... Не пропадем, солнышко.

Как нельзя кстати зазвонил телефон:

— Вовка, привет! Это Трещалов. Ты чем занимаешься?

— Пеленки стираю, а что?

— Да так, тут вроде бы наклевываются более-менее приличные съемки где-то в Казахстане. Учти, комедия. Тебе такая фамилия — Дорман — знакома?

— Про Бормана слышал. О Дормане — нет.

— Невелика потеря. Он тебя, кстати, тоже не знает. Но ты не переживай. Я тебя уже сосватал...

— Вот спасибо. А что за фильм-то?

— Говорю тебе — комедия. Называется вроде «Штрафной удар». Приезжай завтра к 10 на студию Горького, там все узнаешь. Пока!

Что бы он делал без друзей-приятелей?.. Володя вернулся к прерванному разговору: «Так вот, Люсик, пора мне осваивать новую профессию... Завтра еду на Горького, посмотрим...»

Оказалось, смотреть там было не на что. Сценария как такового не было — просто какой-то раскрашенный фельетон из журнала «Крокодил». Роли, соответственно, тоже. Режиссеру не актер нужен был, а манекен, который бы умел стоять на коньках и клюшку в руках держать. А его герою к тому же надо было еще и на коне скакать. Эх, где мои дни золотые «на картошке» от МИСИ?!. Вовка Трещалов, умница великая, режиссера заверил: для Высоцкого что конь, что лошадь — ерунда!

Он, дескать, на Беговой же живет, каждый день на ипподроме тренируется. Теперь не отбрешешься. Хорошо хоть немного удалось позаниматься в спортзале МГУ на Ленинских горах. А сразу после Нового года отправились в путь-дорогу, в далекий Казахстан.

До Алма-Аты добирались трое суток Без приключений не обошлось. О них потом даже вспоминать было тошно. Но Люсе в первом же письме честно сообщил (не указывая имен): «У нас двое отстали, а потом догоняли поезд на ручной дрезине».

Дорман был, конечно, не Борман, и, конечно, не «фюрер» Равенских, но комедии ему снимать было явно противопоказано. Само собой как-то срифмовалось — «Искусству нужен Веня Дорман, как ...который был оторван», в компании под рюмку ляпнул, а Вениамину Давыдовичу тут же стукнули. Какая уж тут комедия?!.

Всю киногруппу вывезли после Алма-Аты в Чимбулак, на базу горнолыжников. Артистов поставили на лыжи и стали обучать слалому. Хотя сначала договаривались вроде бы о хоккее. Но режиссер был суров: «Сценарий читать надо внимательнее. Хватит того, что ты уже на катке умудрился коньки сломать! Вперед!»

Ладно. Погуливая по горным склонам Высоцкий с серьезным видом объяснял ребятам: «Хочу посмотреть снежного человека». А домой писал: «...снимаем в горах, на высоте двух тысяч метров. Уши закладывает, как в самолете. Дышать тяжеловато. Но красиво там. Лучше, чем в Швейцарии, потому что там одни швейцарцы, а здесь казахи, и они наши советские люди...», «Я все время вижу тебя во сне, и в очертании гор, и вообще наяву. И если скоро тебя не увижу, и сына не увижу, и никого не увижу — одичаю и приеду варваром».

Когда спустились с Медео в столицу Казахстана, оказалось, что случайный знакомый еще по Москве Анатолий Галиев «запускался» на местной киностудии со своим фильмом «По газонам не ходить». Галиев быстро смекнул: занять в дебютной картине московских, пусть даже не очень известных актеров, большая удача, и принялся искушать: снимем все быстро, заработаешь, отдохнешь, поживешь как белый человек в лучшей гостинице, а хочешь, в санатории совминовском. Заставлять на лыжах ходить не стану, клянусь! Все вроде бы устраивало, да и деньги были не лишние, но домой тянуло так, что сил не было еще тут задерживаться. Тем более, очень скоро понял, что «Казахфильм» — это кошмар» А тут

еще и неприятность приключилась — прямо на съемках сознание Потерял. Кто говорил о разреженном воздухе, кто на другое намекал- Ну и черт с вами!

***

...С Кариной Филипповой, бывшей Изиной однокурсницей, встретились случайно, у «Елисеевского». «О, привет! Тыщу лет...» — "Привет. Ты куда пропал, Володя?» — «Да так, то съемки, то гастроли... Суета, в общем». — «Заходи, поболтаем, у меня, кстати, ваши ребята часто бывают: Буров, Роман... Вы хоть видетесь?» — «Знаешь, не часто. Как-то все разбежались в стороны...» — «Вот и зря! Завтра. Приходи, часикам к восьми. Ты свободен?» — «В каком смысле?..» — «Да не в том, о каком ты подумал, я на тебя не претендую. Знаю, что женат. Люся — мисс ВГИК, да? Я о работе...» — «Завтра в восемь? Хорошо». — «Тогда я ребят обзвоню. Пока!»

Конечно, повидаться было бы неплохо. Ведь действительно все как-то разошлись в стороны, как обиженные супруги.

Карина оказалась гостеприимной хозяйкой, ей нравилось быть хозяйкой, принимать гостей, угощать их кофе, вести интеллектуальные бе-

седы, расспрашивать о выставках, журнальных новинках Было похоже, на свое актерство она уже рукой махнула и нисколько о том не жалела.

Вспомнив уроки Волконской, Владимир даже поцеловал даме ручку. Но потом действие плавно перешло в традиционное застолье и шумный, беспорядочный разговор: кто где, что успел, где был и так далее. Спеть? Пожалуйста. Гитара есть? Конечно! И понеслось:

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мое фамилье, имя, отчество
Прекрасно знали в КГБ…

Были и другие песни. Он пел и радовался, видел: ребятам нравится.

А потом стали вспоминать свой лицей, преподавателей, мастеров. Кажется, Гена Ялович завел разговор о студенческих спектаклях

— Да, ребята, вы хорошо начинали, — сказала хозяйка.

Туг Ялович прямо орлом вспорхнул: а статью о нас «19 из МХАТа» помните?! Как там писали — по-хозяйски ли отправлять на слом спектакли готового театрального коллектива? Чего мы ждем? Разбросало всех по разным театрам,

каждый в своем дерьме ковыряется, пардон Кариночка. А ведь у нас уже был, в сущности, готовый репертуар. Что бы нам не попытаться создать новый театр? Вон Ефремов со своими не побоялся, и теперь в «Современник» не попасть. Ни в качестве зрителя, ни в качестве актера. А чем мы хуже? Давайте думать. Надо найти помещение, какие-нибудь небольшие деньги на реквизит. А главное — тащите идеи...

Как водится, к практическому осуществлению грандиозных планов руки дошли не скоро. Дела текущие, сиюминутные поиски себя и жанра, халтурки на прокорм прожорливой семьи не пущали. Тормошил всех Ялович. Он тогда уже преподавал в Школе-студии, у него были связи, вокруг были умные люди. Нелегальный пока театр нашел приют в клубе Дзержинского на Лубянке. Костяк составили выпускники Школы-студии 1960 года — Валентин Буров, Роман Вильдан, Елена Ситко, Марина Добровольская, Мила Кулик. На какое-то время к ребятам прибился Валентин Никулин. Постепенно подтягивались актеры из других театров — Лев Круглый из «Современника», Михаил Зимин из МХАТа. Высоцкий же появлялся время от времени. Прибегал, что-то рассказывал, смотрел на репетиции, бросал пару

дельных замечаний — и исчезал.

Но все были увлечены, работали как проклятые и даже особо не задумывались, насколько реальна их мечта. Сделали спектакли «Белая болезнь» по Чапеку, потом осилили непростую пьесу Осборна «Оглянись во гневе». По случайному совпадению премьера по Осборну одновременно состоялась и в «Современнике». Гонцы от Ефремова пришли к коллегам на генеральную репетицию: пустите? Да ради Бога!

Потом они сказали:

— Вы счастливые люди. У вас — ни Главлита, ни худсовета, никого, сами себе хозяева. Если бы у нас так было!.

«Дзержинцы» скромно соглашались: да-да, наверное...

Весной в «Вечерке» появилась доброжелательная статья «Молодо, свежо, увлеченно»: «...На улице Дзержинского в одном из клубов каждый понедельник идет «Белая болезнь» Чапека. Играют моло- дне актеры московских театров... Они стали гримерами, декораторами, костюмерами, рабочими сцены в «своем» театре. Они не знали и не знают усталости. Они сами для себя выработали трудную и строгую дисциплину... Спектакль проникнут молодой влюбленностью

в искусство».

Энтузиасты верили: вот-вот их официально признают. Появились новые лица — студент Сева Абдулов, юная актриса Ирина Печерникова, изредка приходила Люся Абрамова. Попытались поставить фантасмагорию Жоры Епифанцева «Замкнутый спектр». Потом Высоцкий привел Василия Шукшина и предложил поработать над его пьесой «Две точки зрения», долго подбивал на постановку бабелевского «Заката». С воодушевлением взялись за пьесу Сагаловича «Тихие физики». Ядерный институт в Дубне обещал свое покровительство. Эрнст Неизвестный собирался делать декорации. А Высоцкий, напичканный сверх меры новомодными астрофизическими идеями, сочинил маршевую песню для будущего спектакля:

Тропы еще в антимир не протоптаны,
Но, как на фронте, держись ты!
Бомбардируем мы ядра протонами,
Значит, мы антиллеристы!

«Но потом, — шутя, объяснял Владимир, — пьеса не пошла. Потому что там сведения, наверное, устарели или, наоборот, были секретные сведения... И один человек мне сказал потом: «Ты ее

не пой!» — «А что, там много ошибок?» — «Ошибок нет, за исключением абсолютного незнания материала».

А со временем центростремительные силы стали центробежными и окончательно разбросали в стороны вчерашних однокурсников и единомышленников. Сами потом признавали: «Распались по собственной глупости. Радомысленский и Ялович начали спорить, кто будет главным... Сами себя на корню сгубили, хотя начинали очень хорошо».

По этому поводу Владимир не очень-то и расстраивался. Чувствовал, что затея эта окончится ничем. Ребята изначально выбрали колею, уже проторенную ранее другими.

— ...В общем, Мишка, не переживай, все еще наладится. — Подбодрив друга, Высоцкий засобирался домой. Он уже вставал из-за столика, когда к ним подошел какой-то незнакомый, средних лет мужчина:

— Торопитесь, ребята? Можно присесть?

— Пожалуйста.

Обстановка в буфете Театра киноактера была вполне демократичная, располагавшая к общению.

— Позвольте представиться. Я — Виктор Вой-

тенко, администратор Калмыцкой филармониа. А вы в театре работаете?

— Я — да, — сказал Михаил Туманишвили, — а мой друг в кино снимается.

— Вот вы-то мне и нужны, — оживился Войтенко. И фазу взял быка за рога. — Заработать хотите?

— Ну, а кто ж не хочет?

— Тогда у меня есть к вам предложение. От нашей филармонии постоянно работает концертная бригада. У меня в кармане договора на «площадки» в Сибири, на Алтае, в Казахстане. Соглашайтесь.

«Мы с Володькой посмотрели друг на друга и сказала «А что, мы готовы. Только мы же ничего делать пока не умеем — нет у нас подготовленных номеров», — вспоминал Туманишвили.

Войтенко успокоил:

— Время у вас еще есть. Сейчас я лечу в Томск — там работают Зина Кириенко и Чубаров. К Новому году я обещал их отпустить. А вы, стало быть, их смените. Ну, по рукам?

— Ага.

Ну, поговорили и забыли, но администратор оказался парнем деловым. Через пару недель прислал телеграмму: билеты заказаны, жду.

Авантюра чистой воды. 30 декабря партнеры были в Томске, без копейки в кармане, небритые и голодные. Когда Войтенко увидел их, глаза у него стали квадратными. Но поволок в гостиницу, засунул в ванную, накормил, напоил. Сказал, что завтра — 31-го — первое выступление. На всякий случай уточнил: «Соберется вся местная интеллигенция...»

А с чем выступать? Для начала двинули в местную контору кино-проката, очаровали девчонок, с их помощью нашли в фондах копии картин, в которых принимали участие, настригли эпизодов и слепили так называемые рекламные ролики. Вечером в местном дворце культуры был аншлаг. На экране демонстрировались фрагменты кинофильмов, со сцены выступали гастролеры, читали стихи, какие-то прозаические отрывки, и создавалась полная иллюзия того, что в гости к сибирякам приехали известные киноартисты Зал аплодировал.

Новогоднюю ночь провели в гостинице, репетируя к следующему выступлению инсценировку рассказа Карела Чапека — у Высоцкого случайно оказалась с собой его книжка.

«Площадок» в Томске оказалось много. Затем перебрались в Колпашево, а оттуда — в тур по

Алтаю. После, как и обещал Войтенко, был Казахстан, и — наконец, адью!

Москва встретила привычной суетой. Высоцкому пришлось побегать за всякими справками по разным конторам, помогая маме в оформлении будущего жилья (тьюфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!). Попутно занимался домашним хозяйством — у Люси были свои хлопоты с ее вгиковской аспирантурой, пытался привести в относительный порядок обрывки своих зимне-весенних набросков. Надо же, хоть что-то уцелело. Ведь забывается, зараза, сколько уже раз сам себе говорил: носи в кармане какой-нибудь блокнотик..

На халтурку летом трудно было рассчитывать — мертвый сезон. Поэтому когда молодой поэт Петр Вегин предложил поехать в подмосковную столицу ядерщиков — Дубну: «И Понтекорво будет, и все остальные засекреченные! Все льют кипятком от желания увидеть и услышать нас. Дают два автобуса, гостиницу и жратву на два дня», то обрадовался и сразу согласился, но только вместе с Кохановским. Вегин обещал, что в Дубне по физикам будет нанесен мощный «лирический» удар: кроме поэтов, там будет еще и выставка работ молодых художников — Эрнста Неизвестного, Бориса Жутовского, Юло Соостера,

Юры Соболева... Любопытно будет взглянуть, а то с этими гастролями совсем от жизни отстал. Спасибо, Люся просвещает. Хотя кто-то сказал: «Просвещенная монархия просвещает абсолютно»...

Поехали? Поехали!

После выступлений и теплых встреч всей компанией они лениво валялись на берегу неширокой тут Волги, купались, балагурили. Владимир и Гарик с диким ором и плеском топили в волнах привезенных подружек Девки визжат, но им это жутко нравится, считал наблюдательный Вегин, и вообще все очень хорошо. Даром что ли кумир «звездных» мальчиков и девочек тех лет Василий Аксенов один из своих рассказов так и назвал — «Жаль, что вас не было с нами...»?

...Когда уже стало совсем невмоготу, Высоцкий решил продать свои песни. Но как продать? Это все-таки не цветы, не кулек семечек, на улице не поторгуешь, любому не предложишь. За советом обратился к дальнему родственнику Паше Леонидову, который уже давно крутился среди эстрадников в Москонцерте. Павел согласился, даже классика припомнил: «Не продается вдохновенье...» Пообещал свести Владимира с хорошими певцами. К корифеям не суйся — у

них устоявшийся репертуар, свои, прикормленные авторы. А молодым новые песенки нужны. Попробуем! Через пару дней в «Эрмитаже» будет большой концерт, в антракте подойдешь, я тебя со всеми познакомлю.

Леонидов провел Высоцкого по гримерным, знакомил, хотя в представлении эстрадные певцы не очень-то нуждались. Их имена — Майя Кристалинская, Лариса Мондрус, Вадим Мулерман, Владимир Макаров, Иосиф Кобзон — уже были известны, ни один «Голубой огонек» без них не обходился. Они слушали песни Высоцкого и не понимали, как **это** можно петь. Для Кобзона Владимир спел «Звезды». Иосифу понравилось, рассказывала Люся Абрамова, и он сказал: «Я сейчас не возьму ничего. Володя, ты сам станешь петь свои песни. Заработаешь — отдашь». И очень тактично дал четвертной.

Владимир вздохнул — ну хоть что-то! — и укатил в Латвию на очередные съемки. Режиссер Филиппов (говорили, что он был учеником Сергея Эйзенштейна, но не самым лучшим) решил доверить ему ведущую роль — бригадира Маркина в фильме «На завтрашней улице». «Проба получилась отличная, — говорил постановщик, — поэтому я других актеров пробовать не

стал...» Крой был настолько положительный, говорил Высоцкий, что «я не могу без смеха об этом вспоминать. Он такой хороший — бригадир земснаряда Маркин! Все его любят: жена любит, дети, начальство... Он такой прекрасный просто! Живет в палатке, палатка течет, жена плачет, ребенки кашляют. А он говорит: «Не буду брать квартиру, другим нужнее»... Таких людей не очень интересно играть».

Но что делать? Надо работать. Вот если бы ему кто предложил жилье...

На съемки он потащил за собой чуть ли не половину состава несостоявшегося театра на улице Дзержинского: поехали — и отдохнете, и копейку заработаете. Не беда, что ролей для них в сценарии не было — сами сцены придумывали, выписывали новый сюжет, рассказывал Всеволод Абдулов, а Филиппову эта самодеятельность нравилась.

Круглое лето компания провела в прекрасных местах у Даугавы, в поселке Айзкраукле, рядом со строящейся Плявенской ГЭС. «Это было великолепное время в моей жизни, — вспоминал потом Высоцкий. — Я видел, как прорывает перемычку, видел, что такое аврал, как перекрывают реку. В общем, впервые в жизни видел, как создается эта

махина, которая потом на фотографиях выглядит так красиво и безобидно... Я видел, как ее создают своими руками люди...»

Все это ему действительно было интересно. Происходящее вокруг по-настоящему удивляло и восхищало. Он буквально вдыхал в себя новую информацию, новые впечатления, подобно мощной всасывающей воронке.

Съемочная группа жила в палатках, в лесу. По воскресеньям играли в футбол, давали концерты строителям. «Мы, — говорил Абдулов, — снимали убогий фильм не самого хорошего режиссера, радости работа не приносила — это мы прекрасно понимали. Но как радовались жизни!»

Только вот, писал он Люсе, «никак, лапа, не посещает меня муза, — никак ничего не могу родить, кроме разве всяких двустиший и трехстиший. Я ее — музу — всячески приманиваю и соблазняю: сплю раздетый, занимаюсь гимнастикой и читаю пищу для ума, но... увы — она мне с Окуджавой изменила. Ничего... это не страшно, все еще впереди. Достаточно того, что вся группа, независимо от возраста, вероисповедания и национальности, — распевает «Сивку-бурку», «Большой Каретный» и целую серию песен о «шалавах». А Севка Абдулов получил письмо от

геологов из Сибири: они просят тексты песен и говорят, что геологи в радиусе 500 км от них будут их распевать. Так что все в порядке, и скоро меня посадят как политического хулигана...»

...В один из дней в разгар съемок помощник режиссера примчался с телеграммой: «У Высоцкого сын родился!» И «бригадир Маркин» помчался на машине догонять убегающий поезд.

Нина Максимовна рассказывала: «Все мы — бабушки и дедушки — стояли под окнами родильного дома в Покровском-Стрешнево. Люда выглядывала из окошка четвертого этажа, а Володя, достав из чемодана синее кожаное пальто, размахивал им в воздухе. Своим громким голосом кричал: «Это тебе подарок... за сына!»

— ...Старик, ты уже стал знаменит, как... Лебедев-Кумач. Или Михаил Исаковский. Поздравляю...

— ?

— Твои песни уже в спектаклях поют.

— Правда? И где же?

— Ну, пока не во МХАТе, но все же... Есть такой театр драмы и комедии.

— Это который на Таганке?

— Ну да. У них там главным был Плотников. А сейчас туда назначили Юрия Любимова, слы-

шал?

— Конечно. Даже видел его студенческий спектакль по Брехту. С Люсей ходили...

— Там сейчас происходят интересные вещи. Любимов привел в театр своих выпускников из Щукинского, набирает молодых актеров, сменил репертуар. Из старых спектаклей оставил «Микрорайон». Вот там и поют твою «В тот вечер я не пил, не пел...».

— Шутишь?

— Какие уж тут могут быть шутки? Сходи, послушай...

«ПРИПОДНИМЕМ ЗАНАВЕС ЗА КРАЕШЕК..»

...и обнаружим сцену Театра драмы и комедии на Таганке. Именно он и стал судьбой Владимира Семеновича Высоцкого. В начале этого повествования была подвергнута сомнению категоричность формулировки Натальи Крымовой: «Высоцкий — поэт, рожденный театром». В союзники беру выдающегося художника одного из столпов «Таганки» Давида Боровского, который говорил так «Театр сформировал Высоцкого? Нет, это процесс взаимный, разорвать нельзя. И трудно сказать, кто кому больше дал».

«Первый спектакль, который я посмотрел, был «Добрый человек из Сезуана», — неоднократно вспоминал Владимир Высоцкий. — Я тогда был просто поражен...»

Что поразило Высоцкого? Необычная для советского театра драматургия? Безусловно. Нарочная условность, образность сценографии? Конечно. Игра актеров, их открытая, яростная искренность? Да. Но главное — он «увидел, что песни, которые поются в атом спектакле, близко лежат

к тому, что я тогда делал...». И понят — это тот театр, который он так долго и мучительно искал.

Сбежав со съемок в Москву, чтобы в окошко роддома увидеть Люсю, он все же успел наспех переговорить и с Юрием Любимовым. Уже из Прибалтики сообщил домой: «Лапа!.. Там все в порядке, закончу здесь — и туда».

Однако до «порядка» было далеко. Закончились «рижские каникулы», Владимир вернулся в Москву, а «Таганка» все держала паузу.

Вечная хлопотунья (еще с институтской скамьи) Таисия Додана рассказывала: «О Володе я разговаривала... с Николаем Лукьяновичем Дупаком — директором театра. Пришла к нему и очень просила принять Володю как чрезвычайно талантливого человека. Я говорила, что у Володи так трудно сложилось в жизни, что он оказался не у дел ни в одном театре, ни в другом. Но поверьте моему слову — он талантливый человек Он — музыкальный и владеет гитарой, что у нас в театре немаловажно... Дупак сказал Любимову...»

«Все ребята — Артур Макаров, Кочарян — просили помочь устроить его в театр или на телевидение, — вспоминал режиссер Анхель Гутьеррес. — С Любимовым мы встречались... И вот я подумал, что самое лучшее, что может

быть для Володи, — это новый театр. Я знал, что Юра полюбит Высоцкого, он понравится сразу не только как актер, но и как комплексный такой современный художник — поющий, хорошо двигающийся. И я ему предложил: «Юра, у нас есть один актер интересный, возьми его». — «А где он, что он закончил?» — «Студию МХАТа» — «А ты его видел?» — «Видел». — «Хороший?» — «Очень хороший!» — «Высокий?» — «Нет». — «Ну а где он сейчас?» — «Из Пушкинского выгнали...» — «А-а, это плохо, нет». — «Ты послушай его: он поет, песни сочиняет». — «Да?! Приведи». И я его привел...»

А Владимир Высоцкий говорил: «Порекомендовал меня туда Слава Любшин». Любшин, работавший тогда на Таганке, не отрицал:

— Володя, хочешь, я скажу о тебе Любимову?

— Скажи.

И я рассказал Юрию Петровичу. Он говорит «Приведи его...».

Какая, в сущности, разница, кто первый назвал фамилию «Высоцкий» Любимову — Додина, Любшин или Гурьеррес? Никакой. Каждый сказал пару слов, а получился дружный хор. Главное, что все срослось, и Высоцкий обрел свой дом.

В отличие от «Современника» на таганских

показах царили вольные нравы. Сидел Юрий Петрович, директор, актеры входили- выходили...

«Его кто-то привел, думаю, что наши дамы, — припоминал Любимов. — Вошел. Кепарь, серенький пиджачишко из букле. Сигаре- точку, конечно, погасил. Прочитал что-то маловразумительное, бравадное, раннего Маяковского, кажется, что-то довольно стандартное. Я говорю: «А гитарка чего так скромно стоит? Кореша, значит, вам уже сообщили, что шеф любит, когда играют на гитаре?» — «Нет, я хотел бы спеть, если вы не возражаете».

И вот он пел мне сорок пять минут. Через двадцать минут я спросил: «А что за тексты, скажите, пожалуйста?» Он так скромно говорит: «Тексты мои»... Я тогда был поражен.

Спрашиваю: «А где же вы выступаете?» — «Больше так, для друзей, в компаниях пою». Я ему сразу сказал: «Приходите работать». Мне тут же: «Зачем берете? Он сильно пьющий. Намучаетесь». А я говорю: «Какая мне разница: одним алкашом больше, одним меньше. Этот хоть проспится, так умный. С ним интересно дело иметь...»

Но директору театра хотелось все-таки оставить последнее слою за собой. Он пытался уточнять: «Любимов жестко высказался: «Парень талантли-

вый, но нам незачем брать еще одного алкаша — у нас своих хватает!» Я возразил: «Юрий Петрович, давайте попробуем, возьмем его на договор на три месяца. Что мы теряем?» Так что изначально, так уж выходит, он обязан своей театральной судьбой Додиной, во вторую очередь мне, и уж затем Любимову...»

Как хочется вслед за Высоцким предложить: *«Так оставьте не нужные споры. Я себе уже все доказал...»*

***

Вечером Владимир пришел домой, тихий и усталый. И в ответ на немой вопрос сказал:

— Да, берут.

В штат театра он был зачислен 10 сентября 1964 года с окладом 85 рублей.

«Я не верила, что это на самом деле состоялось, и он сам боялся, что не состоится», — говорила Людмила Владимировна.

***

Вскоре на выездной площадке Дворца культуры завода «Серп и молот» прошла ночная репетиция, потребовался срочный ввод Высоцкого на роль

2-го бога — заболел актер Климентьев. Один из трех «богов» Вениамин Смехов фазу заметил: «Репетирует™ уверенно, быстро перехватывает инициативу, и уже через час не всем было ясно, кто кого здесь вводит? Мы с Колокольниковым или он нас?.».

Из любопытства Владимир посмотрел «Микрорайон». Вполне добротная постановка. Дождался сцены, во время которой симпатичный парень — главный герой Князев — непринужденно стал напевать «Но тот, кто раньше с нею был...». Пел парень спокойно, с насмешечкой, слова, правда, перевирал. После спектакля подошел к певцу, познакомились.

— Леша, один вопрос Ты вот песню поешь, она откуда взялась?

— Черт его знает. Фоменко бросил клич: нужна какая-нибудь уличная песенка, и все что-то стали предлагать. Выбрали ту, что Леня Буслаев напел.

— А это кто?

— Наш актер. Хочешь, познакомлю?

На Буслаева Высоцкий сходу насел: что да как, почему слова другие?

— А откуда ты взял, что другие?

— Да потому что эту песню я написал!

— А-а, тогда другое дело. Да я ее слышал в

Ногинске, там так пели. А что ты вообще расстраиваешься? Чудак человек. Народ поет, прибавляет-убавляет, подумаешь? Ничего страшного. Значит, считает песню своей. Ik песню для кого писал? Для людей, чтобы они пели?..

— Чтобы слушали...

В театре понимали: на одном-двух спектаклях не продержаться. В лихорадке поиска подходящего литературного материала Юрий Петрович обратился к классике. Тем более близился юбилей Лермонтова. Так почему бы не взять «Героя нашего времени»? В союзники Любимов призвал своего старинного знакомого Николая Робертовича Эрдмана, удивительного драматурга, безупречному вкусу которого он полностью доверял. Инсценировка, по мнению Любимова, получилась просто замечательная, много интересных ходов было придумано. Обратился к артистам: давайте идеи' И он отбирал, отбирал, отбирал, вспоминал Валерий Золотухин, и Володя был очень активен в этом.

Но... Директор театра своими глазами видел, как Анатолий Эфрос, приглашенный на премьеру, в ужасе сбежал из зала прямо во время действия. С самого начала спектакль не задался. Актеры — народ суеверный, и когда в дебюте

вдруг дал сбой, закапризничал и зарычал световой занавес — гордость молодого театра! — все решили: дурной знак

Однако роковой оказалась дата премьеры — 15 октября 1964 года.

Заметив за кулисами незнакомого человека, который о чем-то шушукался с Любимовым, Высоцкий спросил у Смехова (Веня знал тут всех и вся):

— Кто такой?

— Юра Карякин, журналист, — скороговоркой ответил Сме- хов. — Не волнуйся, хороший парень...

— А что он там «шефу» все шепчет, не понравилось?

— Да не в том дело. Хрущева сняли. Завтра в «Правде» будет.

— Фьюить! — не удержался Высоцкий. — Вот вам и «герой нашего времени»...

— В точку попал. Но «...в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья...», сам понимаешь...

— Слава богу, хоть не «английский шпион», — подключился к разговору кто-то рядом, из «старичков».

Тайный поклонник символизма Смехов тут же

списал все на мистику, голос свыше: «Вот отчего рычал наш занавес, никак не давая двигать историю дальше-.». А Высоцкий неудачу лермонтовского спектакля объяснял проще: «Нам сказали: «Сделайте спектакль к юбилею, а мы вам — ремонт». Мы сделали спектакль к юбилею, нам сделали ремонт. Но крыша продолжала течь. Каков ремонт — таков был и спектакль».

Ему в «Герое...» досталась роль драгунского капитана, подзуживавшего Грушницкого к дуэли: «Не бойся, все вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!» По общему мнению, даже в куцей сцене Владимиру удалось раскрыться, после чего в «Добром человеке...» он уже был не богом, а Летчиком, которого стал играть по очереди с Николаем Губенко.

«Герой...» быстро сошел с репертуара. Любимов сделал вывод: «Актеры просто были не готовы. И я был не готов как режиссер неопытный... Видимо, с молодой, неоперившейся труппой и с молодым, начинающим режиссером браться за такое произведение было нельзя...» Но все же с осени 1964 года о любимовском театре уже говорили как о состоявшемся коллективе. Счастливое стечение обстоятельств обусловило его появление в нужное время и в нужном месте. И позволило поэту

Высоцкому победоносно воскликнуть:

Разломали старую Таганку —
Подчистую, всю, ко всем чертям!

Новая Таганка сразу заняла особое место в столичной театральной иерархии. Не первое и не последнее. Свое, отличное от других. В своем театре Любимов занимался тем, что было ему действительно интересно. По мнению Юрия Петровича, его театр стал местом, где люди дышали ворованным воздухом свободы. Он собирал вокруг себя людей, — не важно, зрителей, авторов или актеров, — которых волновало то же, что и его. Сюда, как в дом родной, потянулись молодые музыканты, художники, писатели, ученые с мировыми именами. Булат Окуджава говорил: «Я любил Таганку как клуб порядочных людей».

Стоило в Москве появиться чему-то оригинальному, свежему, авангардному, это обязательно оказывалось на Таганке. Алексей Козлов с «Арсеналом»? Зовем! Космонавты знают что-то новое об НЛО? Милости просим. У знаменитого детского доктора Станислава Дсшецкого возникли новые идеи о совершенствовании личности и месте человека в обществе? Ждем! Что уж говорить о поэтах, писателях, художниках?

Любимов, как и Высоцкий, был из породы мастеровых, все без исключения рассматривая с точки зрения практической пользы: как бы это приспособить к своим нуждам.

В «Новом мире» появилась интересная повесть Владимира Войновича «Хочу быть честным» — завлит Элла Левина тут же кладет голубенькую книжку журнала на рабочий стол шефа.

— Кто такой Войнович? — заинтересовался Высоцкий.

— Знаменитый поэт, — пошутила Левина. — Песенку про четырнадцать минут слышали? Ну, которые до старта остались... Это Володя Войнович написал. Работает где-то на радио, кажется. Юрий Петрович велел его срочно разыскать, пригласить. Может быть, что-то получится..

Скоро в репертуарном «портфеле» театра появилась инсценировка повести Войновича «Кем бы я мог стать». Режиссура была поручена Петру Фоменко, а главная роль — Владимиру Высоцкому. Еще шли репетиции, а в прессе уже промелькнуло сообщение о скорой премьере. В театре завздыхали: плохая примета. Предчувствия сбылись. Фоменко разочаровался в пьесе, и он под благовидным предлогом отошел в сторону. Спасать ситуацию кинулся сам автор. Но

это уже не устраивало актеров. Высоцкий стал отлынивать, сетовал Войнович, правда, «время от времени мне звонил, говорил: «Знаете, я что-то плохо себя чувствую...»...В конце концов, я понял, что взялся не за свое дело».

Высоцкий по этому поводу не переживал. Он и без Войновича знал, кем он станет.

В театре уже начались репетиции композиции по книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Когда Юрий Петрович читал актерам сценарий, все, благоразумно изображая внимание и живой интерес, на самом деле пребывали в смущении. Суть сомнений уловил Вениамин Смехов: «Как ни прочен был сговор единомышленников-студийцев творить сценические эксперименты, однако привычка к драматургическим канонам была сильнее. Раз уж сказано «пьеса», так подайте действующих лиц и сквозной сюжет... И «друг нам выдают за готовую пьесу, а разрозненные эпизоды, сотни персонажей, хаос картин вне видимых связей меж собой...»

Юрий Петрович не собирался всем объяснять, как и кто его вызвал и вежливо предложил подумать над революционной ремой. Он себя оправдывал: «Считалось, что эти «Десять дней...»

нельзя поставить в театре. А я думал: раз нельзя, надо попробовать!~ Нужно преодолеть артистов. Нужно преодолеть и привести к общему знаменателю художника, композитора. Я люблю синтетические дела. Значит, я должен все цеха свести... И стремиться к гармонии... Чтобы было не очень понятно, но все-таки красиво...»

Доверие к родителю «Доброго человека» победило. Тем более Любимов снова ждал от каждого свежих мыслей, идей и предложений. В спектакле будут участвовать все актеры театра. Закон студии — отдача сил без расписания. Работа шла без отдыха и пауз. В гримерных, в фойе, в буфете, дома, на кухне, в общежитии. Придумывались живые сценки, пантомимы, фрагменты оформления, варианты одежды, сочинялись куплеты и песенки под гитару Высоцкого, аккордеон Хмельницкого. Каждый ощущал себя соучастником. Даже на посиделках случались какие-то «пробы пера».

Общежитие у Павелецкого вокзала. Голые стены, матрасы скручены для сидения, питье, закуски прямо на полу. Застолье без стола... Шутки-прибаутки, подковырки, забиячество и просто «ячество»... Мы не знали, что мы — самые лучшие, а знали, что самый молодой, моложе всех

нас — Любимов, хоть он и годился нам в отцы, и к каждому новому лицу относились мы как к родному, вспоминал Вениамин Смехов. Вечер. Один из нас женился, и мы собрались разделить с ним эту «беду»... Все было молодо-зелено (от «зеленого змия»), и не пил только один человек — Володя. Он сидел с гитарой... Спел для нас несколько своих песен: «Где твои 17 лет...», «Я подарю тебе Большой театр...», еще что-то. Мы были поражены. И юмором, и чем-то еще... Но тогда самым важным оказалось то, что этими песнями, этим юмором и чем-то еще он соединил всех, создал атмосферу искусства, поэзии, и мы вдруг оказались сопричастны этой атмосфере... И еще он поразил нас своим изменением. Казалось бы, мы его знали-знали, и вдруг он начал петь, и у него произошла какая-то перефокусировка, какая-то модуляция, какой-то скачок извне вовнутрь, и он стал как-то опасно собранным, он стал спортивно беспощадным и начал гвоздить бестолковых, грешных и родных ему людей — правдой. Пускай через юмор, пускай через жанр, но — правдой! Это произвело впечатление бомбы... Он только внешне тот же Володя, но звук, глаза, руки и страсть — другие, новые, неласковые и несвойские...»

Наутро была очередная репетиция. Шеф упрекал за потерю ритма, напоминал, что определение «мятый» относится не только к рубашкам, но и к физиономиям, а они — ваш рабочий инструмент, господа артисты. Высоцкий прохаживался довольный, улыбался и озорно подмигивал. Он был счастлив уже тем, что он здесь, среди своих, работает под началом замечательного режиссера, и все ребята вокруг замечательные, и сам он полноправный участник создания спектакля, которого еще никогда и ни у кого не было. И что работает он не только как актер, но и как соАвтор. На днях Любимов похвалил его «белогвардейскую» песню. Сказал, что она очень мощно организовала всю картину «Логово контрреволюции».

В куски разлетелася корона!
Нет державы, нету трона.
Жизнь России и законы —
Все к чертям!

В поспешных, рваных, словно под пыткой вырванных словах фазу ощущалась напряженность, звуковая, ритмическая, эмоциональная, и все строки обжигали энергией.

...После репетиции оставалось еще несколько

часов до вечернего спектакля. Каждый спешил по своим делам: кто — по домашним, кто — по сердечным, кто в Дом звукозаписи, везунчики — на кинопробы. Наступавший новый год заставлял отдавать долги.

На доске объявлений белел листок желающие участвовать в вечере поэта Вознесенского на сцене театра могут присоединиться и явиться в кабинет главного режиссера тогда-то вместе с обязательным составом... Далее следовали фамилии — Губенко, Славина, Высоцкий, Золотухин, Хмельницкий, Васильев...

Сверхчуткий барометр общественных настроений, Юрий Петрович Любимов чувствовал острую потребность в живом поэтическом слове. Стихотворную лавину, это говорящее время, нельзя было остановить. Площадь у памятника Маяковскому была уже тесна. С другой стороны, любая толпа на улице потенциально опасна. «Когда появлялись афиши с именами Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Булата Окуджавы, невозможно было достать билет в Лужники, — любил вспоминать Высоцкий. — И такой интерес к чистой поэзии, просто к тому, что поэты читают свои стихи «живьем», просто читают... этот интерес есть только в России, и он традиционен.

И, наверное, не только потому, что... они великие стихотворцы, но, наверное, еще и потому, что они себя всегда очень прилично в жизни вели, поэты. Были достойными гражданами, приличными людьми...»

Как-то Андрей Вознесенский подарил Любимову три своих поэтических сборника — «Мозаика», «Треугольная груша» и «Антимиры», вовсе не рассчитывая на их сценическую судьбу. Но случилось иначе. «Ко мне в комнатку на Елоховской, — рассказывал Андрей Андреевич, — приехал... моложавый Юрий Любимов в черной пузырящейся куртке на красной подкладке... Он позвал меня выступать в новом театре. Театр подготовил из моих стихов одно отделение. Я читал второе...»

Но перед тем была работа в третью смену. Днем репетиции, вечером очередные спектакли, а в перерывах между ними и по ночам подготовка «Антимиров». Актеры пытались соединить поэзию с гитарой, пантомимой, танцем и актерством. Высоцкий предложил Смехову сделать «на двоих» фрагмент из поэмы «Оза». Им удалось превратить его в свой маленький спектакль, чтобы «внятно объясниться в любви и в ненависти». Смехов, читая «под Андрея», изображал романтического долдона, звал приятеля в дальние дали.

А Высоцкий, лежа на сцене с гитарой, то с тоской, то зло, то нежно вопрошал: «А на фига?» Зал неистовствовал от восторга.

«Он до стона заводил публику в монологе Ворона, — говорил Вознесенский. — Потом для него ввели кусок, в котором он проявил себя актером трагической силы. Когда обрушивался шквал оваций, он останавливал его рукой. «Провала прошу...» — хрипло произносил он. Гас свет. Он вызывал на себя прожектор, вжимал его в себя, как бревно, в живот, в кишки, и на срыве голоса заканчивал другими стихами: «Пошли мне, Господь, второго». За ним зияла бездна. На стихи эти он написал музыку. Это стало потом его песней»

...Таяла черная пропасть зала, маятник отбивает секунды, на пурпурном заднике графически четко проступают фигуры актеров, соединяются антимиры — иконописный лик мадонны и скафандр человека будущего — и начинается спектакль. «Время, остановись, ты — отвратительно...»

Стоит помост в виде треугольной груши, уточнял Высоцкий, как рисунок на одной из книг Вознесенского. Мы выходим такой футбольной командой, в одинаковой одежде, как это было во времена «Синей блузы», некоторые с гитарами,

другие без — читаем его стихи.

Творцы «Антимиров» прикидывались: это вовсе не спектакль, просто поэт читает свои стихи, а актеры ему помогают. Хитрость была в том, что ранее опубликованные тексты не нуждались в дополнительной цензуре Главлита. Горком партии мог лишь скромно предложить включить в общую композицию отрывки из ленинской поэмы Вознесенского «Лонжюмо». Хорошо? Нет проблем!

Однако дерзкая затея с поэтическим представлением могла столь же лихо завершиться, как лихо началась. Один из «Антимиров» пришелся на 3 февраля 1965 года. Все как обычно: зал переполнен, люди «висят на люстрах». При штурме парадного входа разбита витрина...

Начиная спектакль, поэт со сцены сказал: «Сегодня у нас особо счастливый день... Сегодня день рождения завлита театра Эллы Левиной. Она очень любит мою поэму «Лонжюмо», сейчас я ее прочитаю». Все захлопали. Наутро директор театра Дупак был вызван «наверх». Там топали ногами: «Как вы могли позволить себе говорить про счастливый день?!»

Оказалось, в этот день на Красной площади были похороны могущественнейшего партийно-

го деятеля Фрола Романовича Козлова, по сути, второго лица в государстве. Какая радость, когда в стране траур?! С немалыми трудностями скандал замяли.

Успех «Антимиров» был невероятным. С тех пор таганские актеры стали нарасхват, их приглашали на так называемые «устные журналы» в НИИ, в «почтовые ящики», к студентам. Организаторов «левых» концертов гоняли, как зайцев, но количество выступлений таганцев лишь множилось. Состав время от времени менялся, но костяк оставался прежним — Высоцкий, Смехов, Золотухин.

А «Антимиры» не старели. Высоцкий объяснял все просто: «Вознесенский нам приносит все время новые стихи, и мы обновляем — вместо одних номеров входят другие...» Только автор с некоторых пор стал появляться лишь на «юбилейных» представлением — сотом спектакле, трехсотом... За что едва не поплатился. На одном из таких юбилеев Вознесенский начал читать, в зале вдруг потребовали:

— Пусть Высоцкий выступит!

Андрей Андреевич смутился, насторожился и замолчал. Неловкость сгладил Высоцкий. Он вышел на сцену и сказал:

— По-моему, происходит какое-то недоразумение. В афишах сказано, что это пятисотый спектакль «Антимиров» Вознесенского, а не концерт Высоцкого.

Раздались аплодисменты — публика была рада видеть Высоцкого. А Вознесенский продолжил...

Нас с Высоцким сблизили «Антимиры», утверждал Вознесенский. В его квартире на Котельнической набережной они встречали Новый год под его гитару.. Пахло хвоей, разомлевшей от свечей. Эту елку неожиданно пару дней назад завез Владимир с какими-то из своих персонажей. Гости, сметя все со стола... жаждали пищи духовной... Ностальгический Булат, будущий Воланд Веня Смехов... Олег Табаков... Юрий Трифонов... Белла... Майя Плисецкая...

«Когда он рванул струны, дрожь пробежала... Страшно стало за него. Он бледнел исступленной бледностью, лоб покрывался испариной, вены вздувались на лбу, горло напрягалось, жилы выступали на нем. Казалось, горло вот-вот перервется...»

***

Хватит шляться по фойе,

Проходите в залу.
Хочешь пьесу посмотреть —
Так смотри сначала!

Высоцкому очень нравилось играть разбитного матроса-зазывалу в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир». Перед представлением он в бескозырке, с гитарой в руках, в сопровождении Золотухина с гармошкой, озорно подмигивая, терся возле чинной публики в фойе.

Может быть, где-то театр начинался с вешалки. На Таганке — у входа. «Вас встречают не билетеры, — рассказывал Высоцкий, — а актеры нашего театра, переодетые в революционных солдат, с повязками на руках, с лентами на шапках, с винтовками, отрывают корешок билета, накалывают на штык, пропускают вас. Входите в фойе, оформленное под то время. Висят плакаты. Помост деревянный, пирамида из винтовок... Девушки в красных косынках накалывают вам красные бантики на лацканы. Даже буфетчицы в красных косынках и красных повязках.

Почему мы так решили сделать?.. Владимир Ильич Ленин сказал, что революция — это праздник угнетенных и эксплуатируемых. И вот как такой праздник решен весь спектакль». Вы вхо-

дите в зал и думаете: наконец мы отдохнем, откинемся на спинку кресла и будет нормальное спокойное действо. Но не тут-то было. Выходят рабочий, солдат, матрос — с оружием выходят на сцену и стреляют вверх. У нас помещение маленькое. Они стреляют, конечно, холостыми патронами. Но звука много, пахнет порохом. Это так немножко зрителя взбодряет. Некоторых слабонервных даже иногда у нас выносят в фойе, они там выпьют «Нарзану», но так как билет достать трудно, то приходят досматривать». Начинается оправдание вот этой самой афиши. То есть, правда, «и буффонада, и стрельба, и цирк, и пантомима». Двести ролей в этом спектакле — каждый артист играет по пять-восемь. Переодеваться только успевай. У нас такое творится в гримерных...»

Наверное, Высоцкий был самым успешным, как принято нынче говорить, «агентом по рекламе» своего театра. Он с нескрываемой любовью, жаром, темпераментом, в самой превосходной степени, до мельчайших деталей рассказывал о каждом спектакле Таганки, о больших и маленьких режиссерских находках, художественных изобретениях Боровского, актерских и прочих талантах товарищей по сцене. Тем самым

молниеносно и многократно умножал армию потенциальных поклонников театра со странным, почти диссидентским, чуть ли не тюремным именем — «на Таганке». И для него не имело никакого значения, где и кому все это рассказывает — дубненским физикам, самарским студентам, кавказским кагэбистам, дальневосточным рыбакам или новокузнецким металлургам. Заключая свои рассказы о театре, неизменно приглашал в гости: «Найдете меня, напомните, что вы из Рязани (Кишинева, Киева, Перми), и будем что-нибудь придумывать».

В «Десяти днях...» он переиграл много ролей — от того самого матроса до премьера Керенского. В случае нужды подменял кого угодно, зная весь текст назубок. Ну, а возникала необходимость, вместо него выходил на сцену кто-то другой. Но выходил с оглядкой.

«Театр — это конвейер, — говорил он мне в Запорожье в 1978 Роду, отвечая на вопрос о «прелестях» актерской профессии. — Но $огда ты приходишь в девять часов утра и видишь около театра Зимой замерзших людей, которые стояли в очереди всю ночь и отмечались — на руках писали номерки, то после этого как-то не поднимается рука играть вполноги. Мы играем в

полную силу всегда...»

***

Первый период работы в Театре на Таганке для Владимира Высоцкого были своего рода годами учебы в Литературном институте. Самым ответственным экзаменом для себя он считал спектакль «Павшие и живые». Идею сделать композицию по стихам поэтов, павших в годы Отечественной войны, Любимову подсказал Константин Симонов. Юрий Петрович пригласил в соавторы фронтовика Давида Самойлова. Тот нашел других литераторов, чуть ли не однополчан.

«Создание этого спектакля — одно из самых главных событий в жизни нашего театра, — считал Высоцкий. Он с большим уважением и нежностью говорил о своих героях. — Они погибли, когда им было по 20—21 году. Это Коган, Багрицкий, Кульчицкий... Они ничего не успели сделать, кроме того, чтобы написать несколько прекрасных стихов и еще умереть. Но это много!

Мы не гримируемся, не пытаемся внешне походить на поэтов... Существо Поэта — это его стихи. Самое главное, что он сделал в

своей жизни — поэзия... Внешне изобразить поэта невозможно. Он потому и поэт, что инди-

видуален, ни на кого не похож».

На сцене Таганки впервые в Москве запылал вечный огонь. На авансцене стояла медная чаша, и в ней загоралось пламя. Выходил артист, просил почтить память погибших минутой молчания, и весь зрительный зал, как один, вставал. А по трем дорогам, ведущим к Вечному огню, выходили поэты и читали свои стихи. «А потом, — рассказывал своим слушателям Высоцкий, вводя их в ткань спектакля, — загораются красным эти дороги, и уходят назад, в черный бархат... Уходят, как в землю, как в братскую могилу, уходят умирать, а по ним снова звучат стихи, песни... Это такой спектакль- реквием по погибшим поэтам».

Работа над спектаклем была авральной. Собирались отметить премьерой 20-летие Победы. Даже в Ленинграде, куда театр отправился на свои первые гастроли, репетиции продолжались.

Но параллельно — вот что удивительно! — там, на гастролях, он успевал писать свои песни. «После «10 дней» мы все разгримировывались и переодевались, спешили очень после спектакля по своим делам, — вспоминала Алла Демидова. — И вот — лестница, а на лестнице стоял Высоцкий (в неизменном своем пиджачке под твид) с

гитарой и пел. Ну просто так пел — от хорошего настроения — только что сочиненную песню «На нейтральной полосе цветы».

Так случилось, что в те же дни в Питере оказался Давид Самойлов. С Высоцким они столкнулись у гостиницы «Октябрьская»: «И вдруг Володя мне говорит: «Давид Самойлович, хотите, я вам спою?» Я даже еще не знал (ну, на сцене-то он пел), что у него есть песни. Я говорю: «Конечно, Володя»... Коньяку купили, пошли...»

Потом Высоцкий с гордостью рассказывал, что песня «Вцепились они в высоту..» стала любимой у Самойлова: «Он мне говорил: «Дай я ее напечатаю!» Много позже Давид Самойлов напишет в своем дневнике: «Гений не отличается от народа, он и есть народ в его тончайшем воплощении. Эта мысль Пастернака в высшей степени относится к Высоцкому. Народ сам выбирает гения, назначает его. В том состоянии, в котором находится народ, ему нужен именно Высоцкий, художник синкретический, впитавший и воплотивший всю сумятицу вкусов и нечто высшее и вместе с тем доступное...»

Но, может быть, как раз после того вечера у создателей «Павших» и родилась идея привлечь к созданию спектакля Высоцкого да только как

исполнителя, но и как автора современных песен о войне. И ровесник погибших поэтов скажет. «Павшие и живые» — очень дорогой для меня спектакль, потому что в нем я не только читаю стихи... Это был первый спектакль, для которого Любимов вопросил меня написать песни, то есть моя поэзия тоже входит в этот спектакль...»

Он принес в театр песню «Солдаты группы «Центр». Тут был элемент сотворчества. Сам увидел, вернее, услышал, что в новелле «Диктатор-завоеватель» очень нужна песня: «Выходят четверо немецких солдат с закатанными рукавами, с автоматами, бравые И наглые, как они шли в начале войны. (Ну, как они уходили — это все знают по хроникам, когда их проводили по Москве — несколько десятков тысяч, а потом дезинфицировали улицу.) Но вначале они были уверены в себе... Нужна была бравая песня — такая радость идиотов должна была изображаться. Довольно жестокая песня...»

Школьный друг Высоцкого Владимир Акимов считал себя свидетелем рождения «Группы «Центр». Происходило это на квартире Кочаряна. Ребята сидели, бездельничали, болтали о том, о сем. А Володя, занятый какими-то своими мыслями, помалкивал. Потом взял гитару, ушел

в другую комнату и пропал. Только на минуту вышел, чтобы спросить:

— Какая группа немецкой армии воевала на Украине?

Он знал, что Акимов серьезно увлекался военной историей.

— В основном, там группа армий «Юг», но участвовала и группа «Центр», которая шла по Белоруссии, захватывая север Украины. 2-я армия брала Киев...

Высоцкий кивнул и снова исчез. А ребята продолжали разговор. Потом Владимир вернулся и с ходу спел. Позже объяснял, зачем нужна была подсказка: «Ты пойми, «центр» — слово намного лучше. Это — как затвор щелкает!»

Выпустить «Павших» к двадцатилетию Победы не получилось. Определили новую дату — к годовщине начала Отечественной войны. На 22 июня управление культуры Мосгорисполкома назначило официальную сдачу спектакля. После обсуждения на двери театра появилось объявление — «Спектакли «Павшие и живые», назначенные на 24, 27 июня; 3, 5 июля, отменяются»

Один из друзей театра, фрондирующий партийный функционер из ЦК КПСС Лев Делюсин

рассказывал: «К спектаклю управление отнеслось отрицательно. Особенно их раздражало два мотива. Первый — заостряющий проблему Сталина, а второй — еврейский. Противники спектакля составили список поэтов: Пастернак, Самойлов, Казакевич, Коган и даже Кульчицкий попали в евреи. Любимову совершенно открыто говорили, что он поставил еврейский спектакль».

Инструктор горкома партии некто Ануров сидел в зале и ставил галочки — кто еврей, а кто нет. Левина подсмотрела, принялась помогать: «Вы все перепутали, вы не там ставите. Например, Кульчицкий — чистокровный русский дворянин, а вот Семен Гудзенко — как раз еврей».

Через неделю состоялась очередная открытая репетиция. У «госприемки» замечаний появилось еще больше: «Стихи Бергольц звучат тенденциозно!», «Новелла о Казакевиче занимает непомерно большое место», «Вечный огонь Пастернаку не верен!»... Хорошо, соглашается Любимов, давайте сделаем так актеры будут стоять у чаши с вечным огнем, а он не будет зажигаться...

Спектакль отложили до нового сезона. Чиновники отправлялись в отпуска. Актерам тоже было рекомендовано отдохнуть.

К тому времени у Владимира, по мнению Люси,

уже начал складываться более-менее устойчивый статус актера театра на Таганке, он начал получать стабильную зарплату, которая, впрочем, вся уходила на няньку. Люся считала, что должна все время быть рядом с ним: «Во-первых, я сама хотела постоянно быть рядом, а во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет».». В общем, Люся прочно «прописывается» на Таганке. В зрительном зале она всегда сидела в первом ряду, и, как говорили актеры, по выражению ее лица, а главное — по глазам, узнавали, как они сегодня работают. Боря Хмельницкий выражался образно: «Люся брызгает слезами нам на коленки».

Ей льстило, что сам Любимов видел в ней свою союзницу и надежную помощницу в непростом деле соблюдения трудовой дисциплины актером Высоцким. Говорили, что Юрий Петрович ценил Людмилу Владимировну и как актрису. И вроде бы даже предлагал ей вступить в труппу. Но что-то не сложилось. Возможно» эту идею и сам Владимир не очень одобрял: на кой ему нужно, чтобы и днем, и ночью, и дома, и на работе на него было направлено недремлющее око (*«пришел*

домой — там ты сидишь...»)? Пусть уж лучше пацанами занимается, верно?

Тем не менее, окончательно завершив все свои прежние бракоразводные процедуры, В.С. Высоцкий и Л.В.Абрамова официально стали мужем и женой. А Высоцкий к тому же еще и законным отцом своих сыновей.

После репетиции всей компанией расселись в три такси и поехали праздновать «свадьбу». Очень весело сидели, вспоминал Смехов: Сева Абдулов пел «Кавалергардов» Юлия Кима — Володя гордо сиял, Коля Губенко пел «Течет речечка» — Володя громко восторгался. Пели вместе, острили, анекдотили, а потом — он сам поет, прикрыв глаза, с какой-то строчкой уходя в никуда, в тунель какой-то Меня прошибла песня и ее припев: *«А счетчик щелкает... В конце пути придется рассчитаться...»*

На лето у Владимира был запланирован краткосрочный, изначально обреченный на провал роман со «Стряпухой». Как говорила его партнерша по съемкам Светлана Светличная, этой своей роли в фильме Высоцкий просто стеснялся, чувствовал себя униженным. Но момент для него был кризисный, и верный Левон Кочарян уговорил начинающего режиссера Кеосаяна взять

друга в киноэкспедицию. «Он тогда, — деликатно говорила Светлана, — чуть-чуть попивал больше, чем нужно. К съемкам мы его отхаживали кислым молоком...»

На съемках всем все было до лампочки, замечал 2-й режиссер Владимир Акимов. Не было никакого энтузиазма — только бы Кеосаяна не подвести В Краснодарской станице мы два месяца снимали без выходных. В 5 утра я уже всех поднимал, в 6 часов выезжали в степь на съемки и — пока не стемнеет. А потом набивалось в хату много народу, появлялась гитара со всеми вытекающими последствиями — часов до двух ночи пение, общение... Эдик Володю пару раз чуть не выгнал, был страшно недоволен, скандалил, грозился отправить в Москву Мы брали Володю на поруки, а сам он брал бумагу и сочинял письмо Кочаряну: «На Большой Каретный, дедушке Левону Суренычу. Милый дедушка, забери меня скорей отсюдова! Эдик меня обижает...»

..А вот вестей из Минска по-прежнему не было Что они тянут? Серенькая книжка сценария Шпаликова по-прежнему пылилась в ящике его столика в гримерке, уже на отдельные листочки рассыпалась. Сколько раз читал, материал нравился, себя узнавал. Точнее, свои впечатления

детские. Роль танкиста Володи классная, ясно видно, как играть. Человек серьезный. Прошел войну, горел в танке, был тяжело ранен, в 30 лет — седой, с искореженным лицом... Но не озлобился, остался добрым, чутким парнем... Полгода лежал в госпитале, боялся посмотреться в зеркало... Потом приходит домой. Дома нет мебели, потому что все сожгли — было холодно, нечем топить. Только гитару пожалели и зеркало. И вот он впервые видит свое лицо после госпиталя. Протирает зеркало и смотрит... Все в роли есть — и настроение, и судьба.

Неужели опять пролет?..

Оператор Саша Княжинский, который подсунул ему сценарий, ни в чем не виноват. Он свое дело сделал, уговорил режиссера вызвать на пробы в Минск. А оказалось, Туров просто хотел познакомиться с человеком, который пишет необычные песни.

Ну, приехал, познакомились Провели пробы. Потом побрели в общежитие, где квартировали операторы, посидели.

— Получился хороший разговор, — рассказывал Виктор Туров. — Мы делились воспоминаниями, впечатлениями, все это перемежалось песнями... И мы с Высоцким почувствовали какую-то вза-

имную симпатию. Это возникает непроизвольно и необъяснимо — нам просто почему-то не захотелось расставаться... Отправились на вокзал, сдали его билет, потом поехали ко мне домой и всю ночь напролет говорили.

Именно в ту ночь Высоцкий узнал о детской трагедии Турова: «На его глазах немцы казнили отца, а потом угнали его с матерью в Германию. Ему было 7 лет... Когда их освободили американцы, они с матерью ушли. И потеряли друг друга Он полгода скитался по Европе — добирался до России. И пришел к себе на родину, в Могилев, сам, пацаном девятилетним».

На следующий день Высоцкому кровь из носу необходимо было быть в Москве, в театре. Ранним утром они поймали какого-то мотоциклиста и помчались в аэропорт. «И вот когда Володя уже уходил за турникет — бежать к самолету, — вспоминал Туров, — он вдруг повернулся и сказал: «Витя! Возьми меня. Увидишь — не подведу!» Самые обычные слова. Но было что-то в его голосе такое, что я... отказался от той пробы, которую для себя первоначально Наметил, и утвердил Высоцкого.

В августе в краснодарскую станицу передали вызов на съемки фильма «Я родом из детства». С

трудом удалось улизнуть от Кеосаана со «Стряпухой» на несколько дней в Минск.

Там намучился с гримом, с костюмерами. Шрамы делали с помощью коллодия — всю щеку стягивало, воняло жутко. Форму капитана-танкиста с нашивками о ранениях носить пришлось даже вне съемочной площадки. И он так вжился в образ, что как-то на улице одна старушка его остановила, поглядела, погладила по рушу кителя: «Ой, милок, как же тебя война проклятущая изувечила...» А «милку» только двадцать семь стукнуло...

***

В сентябре на первом же после каникул сборе труппы было Объявлено о начале репетиций пьесы Бертольда Брехта «Жизнь Галилея». Представили и нового актера — Александра Калягина... Связи между этими двумя новостями никто не видел. «Часть людей я знал, — вспоминал Калягин. — ...Стоял паренек в каком-то пиджаке, абсолютно стоптанные под 45 градусов каблуки, и я был потрясен, когда мне сказали — Высоцкий».

Конкуренция, ревность — в актерской среде дело обыденное, привычное и естественное.

Вначале и речи не было о том, что Высоцкий

будет играть Галилея. Все были уверены: только Губенко. А Высоцкий и сам не думал о Галилее. Даже публично обозначил это мимоходом. Журнал «Театр» проводил заочную конференцию актеров. На вопрос «Нужна ли нам тренировка?» Высоцкий простодушно ответил: «Мне это необходимо, так как боюсь, что для роли уличного певца в «Жизни Пшилея» может не хватить умения владеть своим телом...» На большее он не претендовал, покорно соглашаясь с мнением жены, что Любимову он нужен, прежде всего, как исполнитель брехтовских зонгов.

Свои амбиции были у новобранца Таганки Калягина. «Коля Губенко ушел, — рассказывал он, — я был назначен на главную роль и, как молодой актер, конечно, хотел проявиться...»

Но на время галилеевы проблемы отошли на второй план. Осенью развернулись решающие бои за «Павших». Все верили в слова Бориса Слуцкого, который предлагал: «Давайте выпьем, мертвые, во здравие живых!»

Любимов без устали ходил по инстанциям, актеры репетировали до седьмого пота. Высоцкому, кроме Михаила Кульчицкого, Чаплина, Гитлера, Юрий Петрович неожиданно поручил роль Семена Гудзенко. Очень важная роль, финальный

аккорд.

Он аж взъерошился от этого назначения, вспоминал Смехов. Это мечта — играть такого поэта. Тут и самолюбие актерское, и просто отличная роль. И Володя попросил помочь: «Я прочел стихи ему... Он слушал, как ученик Я подумал, что он запомнит музыкальную линию и потом воспроизведет. Вечером он мне прочел этот кусок с экономией сил. Любимов присутствовал при мини-репетиции, что-то ему сказал по поводу перспективы роли, Володя ему кивал, но он уже был беременен этим образом, уже у него что- то крутилось... И вдруг я увидел совершенно новое лицо. Как конь, который навострился на далекое расстояние, он вышел — сама пружина, держась за автомат, в плащ-накидке, с каской... Хоть бы что-нибудь из того, что я утром так бережно ему втолковывал, а он кивал и повторял, — куда все это девалось? Все по-новому! И даже некоторые слова заменил — это уже было право поэта. У Гудзенко: «У каждого поэта есть провинция, она ему ошибки и грехи, как мелкие обиды и провинности, прощает за правдивые стихи...», а Володя читал: «..лее мелкие обиды и провинности, прощает за хорошие стихи». Это был поток параллельного авторства, соавторства. И доверие

Любимова...

Что касается «инстанций», то знающие люди посоветовали подключить Юрия Владимировича Андропова. Много позже Любимов рассказывал об этой истории западным журналистам: «Когда мне закрыли спектакль «Павшие и живые», то друзья устроили мне встречу с ним. Он был секретарем ЦК Он начал ее с того, что сказал «Благодарю вас как отец». Я не понял, говорю: «За что?» — «За то, что вы не приняли моих детей в театр». — «Да, — говорю, — они очень хотели в артисты и пришли ко мне... Я сказал им, что все хотят в театр, но сперва нужно окончить институт. Они вернулись в слезах «Жестокий дядя отказал и долго читал нам мораль». И за это Андропов меня зауважал... Когда я с ним разговаривал, он произвел на меня впечатление человека умного. Он сразу мне сказал: «Давайте решим небольшую проблему, всех проблем все равно не решить». Я говорю: «Конечно-конечно, самую маленькую. Вот если бы вы помогли, чтобы пошел спектакль «Павшие и живые». Это же о погибших на войне, в их память. А тут подняли такое... Дошли до того, что предложили заменить поэта Кульчицкого поэтом Михаилом Светловым...»

Потом как-то в театр пожаловал Микоян, ко-

торый был в ту пору председателем Президиума Верховного Совета СССР, смотрел «10 дней». После спектакля Анастас Иванович для приличия поинтересовался у главного режиссера, как дела, как живется, какие сложности. А тот возьми и пожалуйся.

— Да вот, закрыли «Павших и живых».

— А почему?

— Говорят, состав не тот...

— ?

Юрий Петрович и ему рассказал обо всех злоключениях

— А вы спросите их, разве решения XX и XXII съездов партии отменены?

— Я, конечно, могу спросить, — нашелся Любимов. — Но не лучше ли вам, как президенту, спросить их о выполнении этих решений?..

Кто именно из вождей помог, не в этом суть. Главное — 4 ноября спектакль получил право на жизнь, а Высоцкий — право выйти на сцену и сказать от имени Гудзенко

Нас не нужно жалеть,

Ведь и мы никого б не жалели..

Даже пожилой генерал пожарной службы, грозивший самолично затоптать вечный огонь

на сцене «во имя пожарной безопасно- ста», посмотрел спектакль, встал вместе со всем залом и шепнул режиссеру: «Пусть себе идет, я беру огонь на себя». Помолчал, потом спросил: «Есть у тебя коньяк? Пойдем, помянем».

Время от времени в Белоруссию на съемки «Детства» наведывалась Люся. Как-то даже с детьми. Ребята из киногруппы, узнав, что Высоцкий, оказывается, еще и отец семейства, изгалялись: «Что у вас, света не было?»

А однажды Люся появилась в гостинице «Минск», переполненная свежими светскими новостями, и с порога торжественно сказала мужу:

— В Москву приезжает Лем!

— Серьезно?

— Ариадна Григорьевна сказала, так что сведения точные. И еще, самое главное: кому-то из начальников в нашем Союзе писателей Лем сказал, что в Москве он должен обязательно увидеть трех человек братьев Стругацких и Высоцкого.

— Меня-то он откуда знает?

— От Громовой.

В первой половине 60-х годов Ариадна Григорьевна Громова уверенно входила в первую пятерку лучших советских фантастов. Страстная поклонница песен Высоцкого, она владела самой

полной на то время коллекцией его «магнитиздата», но, в отличие от многих других собирателей, охотно делилась своими запасами с другими. Ее шикарный четырехдорожечный магнитофон «Комета» постоянно находился в раскаленном состоянии — записи-перезаписи длились круглосуточно. Громова, видимо, снабдила записями Высоцкого и своего польского собрата.

Но вечеринка у Громовой, устроенная в честь Станислава Лема, не слишком удалась. Отчасти по вине Высоцкого. Он сразу предупредил: «Петь я не буду. И пить не буду», чем весьма смутил хозяйку. Когда она обиженно спросила: «Ну что же мы так ничего и не послушаем?» — он ответил: «Михаил Григорьевич Львовский принес записи Окуджавы — вот это я с удовольствием!..»

Громова включила «Комету», зазвучали песни Булата, все разговоры стихли, стали кулуарными. «Высоцкий очень хорошо слушал, — видела хозяйка и ее гости. — Он сел совсем близко к магнитофону, подставил руку под подбородок и слушал очень цепко, как собака, которая сделала стойку на дичь...»

А польский фантаст, послушав немного, повел светскую беседу с очаровательной женой Высоцкого.

— Не хотелось бы вам самой быть актрисой, работать в театре?

— Нет, — держала марку Людмила. — Я категорически против того, чтобы женщины играли в театре. Я за то, чтобы в театре, как во времена Софокла и Еврипида, играли одни мужчины: надевали женское платье, выходили на сцену, — это было прекрасно. Поэтому и в голову не приходит быть актрисой.

— А что вы делаете в жизни, помимо того, что вы — жена Высоцкого?

— Призвание женщины — быть матерью. Я за это. Я воспитываю своих детей. Это то, чем я занята в жизни...

На память о фантастической встрече пан Станислав вручил ($ою последнюю книжку «Bajki robotow». Вежливо перевел: «Сказки роботов». Достал диковинную ручку и черкнул дарственную Надпись: «Z najwyzszym uznaniem I wdziecznoscia znakomitemu Wolodi Lem Moskwa 65».

А «знаменитый Володя» в те дни думал совсем о другом писателе-фантасте, а точнее, о своем учителе Андрее Синявском. Мотаясь из Москвы в Минск и обратно, ныряя в «Антимиры» и выныривая в «Детстве», он как-то совершенно отрешился от происходящего вокруг. Во время

очередного «дружеского визита» домой Люся огорошила новостью: 8 сентября арестовали Андрея Донатовича. Шел на занятия в Школу-студию и.... Через два дня во Внукове задержали его друга Юлия Даниэля. Как, за что? Пока никому ничего точно не известно.

В декабре Высоцкий с тревогой сообщил Кохановскому: «Ну, а теперь перейдем к самому главному. Помнишь, у меня был такой педагог — Синявский Андрей Донатович? С бородой, у него еще жена Маша. Так вот, уже четыре месяца, как разговорами о нем живет вся Москва и вся заграница. Это — событие номер один. Дело в том, что его арестовал КГБ. За то, что он печатал за границей всякие произведения: там — за рубежом — вот уже несколько лет печатается художественная литература под псевдонимом Абрам Терц, и КГБ решил, что это он. Провели лингвистический анализ — и вот уже три месяца идет следствие. Кстати, маленькая подробность. При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще — с рассказами и так далее. Пока никаких репрессий не последовало, и слежки за собой не замечаю, хотя — надежды не теряю. Вот так, но — ничего, сейчас другие времена, другие методы, мы никого не

боимся, и вообще, как сказал Хрущев, у нас нет политзаключенных...»

Съемки в Белоруссии продолжались под непрерывный бой гитары Высоцкого. Автор гордился: «Мы в этом фильме с Виктором Туровым нашли несколько возможностей, чтобы эти песни звучали. Вот, например, я прихожу в первый раз к себе в комнату, в которой не был четыре года. Взял гитару и начинаю вдруг петь песню, как будто бы я недавно совсем ее написал в госпитале: *«Мне этот бой не забыть нипочем...»* Потом вдруг инвалид на рынке моим голосом — когда объявили конец войны, идет и играет себе на гармошке — поет: «Всего лишь час дают на артобстрел_» Еще песня о штурме высоты, «Братские могилы»...»

Он пел в фильме Турова:
Как нас дома ни грей,
Не хватает всегда
Новых встреч нам
И новых друзей...

Но не хватало не только новых встреч и друзей. Катастрофически не хватало денег. Потому и хватался за любое предложение подзаработать. Ездил с концертными бригадами, соглашался на любую, самую малюсенькую, поганенькую роль,

написать песню для фильма. «Саша-Сашенька» — сочтемся! «Последний жулик» — пожалуйста! «Иван Макарович» — песня инвалида «Полчаса до атаки...» подойдет?

В письмах к жене проскальзывали строки: «Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и это плохо!..», «Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет...», «Почему, интересно, из Минска не шлют постановочных? А? Безденежье, лапа, это плохо, но это временно...»

Все будет нормально. Иногда кажется, полный фарт пошел. Все могу, все успеваю, все «пропью, но флот не опозорю!». Но «другу, учившему в Магадан» вынужден сообщать и не самые приятные новости: «Письмо твое я получил, будучи в алкогольной больнице, куда лег по настоянию дирекции своей после большого загула. Отдохнул, вылечился, на этот раз, по-моему, окончательно, хотя — завлекалась ворона не клевать, но... хочется верить. Прочитал уйму книг, набрался характерностей, понаблюдал психов. Один псих, параноик в тихой форме, писал оды, посвящен-

ные главврачу, и мерзким голосом читал их в уборной...»

Получилось:

Вот главврачиха — женщина!
Пусть тихо, но помешана.
Я говорю: «Сойду сума!» —
Она мне: «Подожди...»

***

И еще раз вспомнил он о брехливой вороне, которая зарекалась клевать, когда в самом начале нового, 1966 года, его неожиданно пригласили выступить перед сотрудниками Института русского языка Академии наук. Предложение, конечно, было лестным, самому интересно, как профессиональные филологи оценят его тексты. А с другой стороны, Институт русского языка™ Что-то знакомое вертится в голове. Стоп, а у Синявского какое было основное место работы? Тоже какой-то академический институт — то ли языка, то ли литературы. Не этот ли?.. Может, хитромудрые деятели со злым умыслом его приглашают, послушать, что им споет бывший ученик подследственного?.. Это просто какое-то иезуитство получается! Нет, быть такого не мо-

жет. Какие же искалеченные мозги надо иметь, чтобы такую пакость задумать?!.

Слава богу, Тая Додина успокоила: Синявский работал в Институте мировой литературы. Но это дело не меняет, все равно надо будет построже там с репертуаром. Однако как же этот страх животный и подозрительность во всех нас въелись! Неужто вправду сорок лет нужно, чтобы они напрочь выветрились?..

Напрасно он опасался, ученые принимали хорошо, много смеялись, хлопали от души, благодарили. Никакого «санпропускника» для песен делать не стал. Да и не знал автор, какие можно петь на публике, а какие — нежелательно. «Нинку» можно? Можно. А «Завистника»? Тоже можно. А «Штрафные батальоны»? Наверное. В «У тебя глаза, как нож»? Нет. Почему? Не знаю. Значит, можно. В общем, спел он ученым-филологам почти три десятка песен. Когда закончил, ушел от любопытных глаз и снял пиджак, — рубашку можно было выкручивать.

Буквально через десять дней ему на глаза попался свежий номер «Известий» с большущей статьей «Перевертыши»: «Сочинения» этих отщепенцев насквозь проникнуты клеветой на наш общественный строй, на наше

государство, являют образчики антисоветской пропаганды...Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит... На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью...». Еще через неделю Люся принесла номер «Литературки». Там Синявский и Даниэль уже названы «наследниками Смердякова». Общественный обвинитель на суде Аркадий Васильев был страшнее прокурора: «Товарищи судьи! Я от имени всех писателей обвиняю их в тягчайшем преступлении и прошу суд о суровом наказании!»

***

16 февраля 1966 в театре состоялся долгожданный литературный дебют Вени Смехова. С утра было объявлено о читке на труппе композиции «Послушайте. Маяковский» Ю. Любимова и В. Смехова. Высоцкий слушал внимательно. Во-первых, радовался за товарища: получилось, ей-богу, получилось! Во-вторых, очень интересным показался ход, предложенный Юрием Петровичем, — «Пять «Маяковских» — пять граней поэта. Только исполнители должны быть единомышленниками...».

А вот своим выступлением при обсуждении на худсовете остался недоволен: «Образ Маяковского

— глыба. Очень современное произведение. Даже война — все звучит ярко. Это продолжение линии театра». Все как-то по-казенному, без души, а ведь работа-то понравилась! Может, извиниться перед Венькой за косноязычие?..

В феврале был объявлен приговор по делу Синявского и Даниэля: пять и семь лет ИТК строгого режима. За что? За антисоветскую деятельность, публикацию за рубежом клеветнических произведений.

До негласному уговору тема «Синявский — Даниэль» в театре не обсуждалась. Лишь однажды «шеф» как-то мимоходом спросил: «А вы этого Терца что-нибудь читали?» — «Читал. Синявский же у нас преподавал, как-то давал мне свой рассказ «Пхенц». — «Интересный?» — «Да, очень. Но я же не знал, что он его уже на Западе опубликовал как Абрам Терц». — «А вы не оправдывайтесь! — в шутку прикрикнул Любимов. — Я хоть и из «органов», но протокол писать не стану».

Угадав невысказанный вопрос, Юрий Петрович воодушевился:

— А я разве не рассказывал?! Когда меня призвали в армию, я попал в транспортные войска НКВД То сортиры мыл, то казармы. А в это время товарищ Берия начал формировать свой ансамбль.

Какие там были силы! Охлопков, Вольпин, Рубен Симонов, Эрдман. Хором заведовал Свешников, танцы ставил Голейзовский, Сережа Юткевич программы ставил, Шостакович музыку писал, а я плясал. Очень Лаврентию Палычу хотелось переплюнуть Александрова. Поэтому он компанию такую замечательную и собрал. Понимал толк в кадрах. Вот и получилось, что Лубянка для многих в ту пору была концом, а для меня началом. То есть я — практически человек с Лубянки... Но это так, к слову. Протокол я писать не буду, как и обещал, а вот приговор объявлю: завтра начинаем работать над Галилеем. Текст знаете?

— Да.

— Лучше учите текст, Володя.

Позже Высоцкий рассказывал: «...И вдруг я сыграл Галилея. Я думаю, это случилось не вдруг, а вероятно, режиссер долго присматривался, могу я или нет. Но мне кажется, для Любимова основным является даже не актерское дарование, хотя и актерское дарование тоже, но больше всего его интересует человеческая личность...»

Всем, наверное, известна красивая легенда о том, как великий Галилей, сдавшийся под пытками инквизиторов, все-таки сумел подняться с колен и на весь мир выкрикнуть: «И все-таки

она вертится!» Брехт знал, что эта история — выдумка. На самом деле Галилей сдался, когда ему только пригрозили пытками. Потому что хотел жить, получать удовольствия. И потому драматург доказал, что компромисс с теми, кто против истины и свободного развития мысли, губителен для человека, даже если он гений. И если он способен махнуть рукой и сказать: «Ладно, завтра ошибку исправим», он уже ничего исправлять не будет и не сможет.

Любимов попытался повернуть постановку к проблеме «Власть и ученые». «Моя интуиция мне подсказывала, — говорил он, — что это надо делать, потому что мир все больше и больше скатывается к ужасу, и нужна какая-то — как присяга врачей — так присяга ученых». Отпали две прежние кандидатуры — Губенко и Калягин. Надо пробовать Владимира. «Когда я увидел его на репетиции пьесы «Галилея», — вспоминал Валерий Золотухин, — я был так потрясен, что не удержался и воскликнул: «Этот человек гениален!» Мы были молоды. Если нам нравилось, мы говорили: «Гениально!» Если нам не нравилось, мы говорили: «Дерьмо!»

Высоцкий сразу уловил главную формулу Брехта и Любимова. И стал раскручивать маховик

действия дальше: «Два финала. 1-й: вот Галилей, который абсолютно не интересуется тем, что произошло, ему совершенно не важно, как в связи с его отречением упала наука. 2-й — это Галилей, который прекрасно понимает, что сделал огромную ошибку: он отрекся от своего учения, и это отбросило назад науку.

Последний монолог я говорю от имени человека зрелого, но абсолютно здорового, который в полном рассудке и прекрасно понимает, что он натворил. Брехт этот монолог дописал. Дело в том, что пьеса была написана раньше 45-го года, а когда была сброшена бомба на Хиросиму, Брехт дописал целую страницу — монолог об ответственности ученого за свою работу, за науку, за то, как будет использовано то или иное изобретение».

Покаяние Галилея застает его в центре сцены: «Я отдал свои знания власть имущим, чтобы те употребили их... или злоупотребили ими... и человека, который совершил то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей Науки...» Но театр возвращает яркий праздничный свет. Сцену заполняют дети. Они яростно раскручивают маленькие глобусы. Земля весело вертится...

Высоцкий медленно, постепенно вводил своих

слушателей и собеседников в мир спектакля о Галилее: «Есть магическое слово «представьте себе». Представьте себе — и зритель охотно представляет себе... Я не клею себе бороду, усы, не делаю глубоких морщин или седого парика. Играю со своим лицом... Никто не рисует сзади площадь Генуи или дворцы Венеции, где происходит действие. Ничего подобного. Есть ворота. И они распахиваются в зрительный зал и дают возможность выйти прямо к зрителям и начать спектакль зонгами, песнями. Потом снова войти в действие...

И зритель принимает эти правила игры. Через пять минут никого уже не смущает, что, например, Галилея я играю без грима, хотя в начале пьесы ему 46 лет, а в конце 70. А мне, когда я начинал репетировать, было 26 или 27... Я играю со своим лицом... У меня вроде балахона, вроде плаща такая накидка коричневая, очень тяжелая фок в то время были материалы), очень грубый свитер... В конце он дряхлый старик, и я играю старика, человека с потухшим взглядом Совершенно. Его ничего не интересует, такой немножечко в маразме человек. И он медленно двигает руками...»

А начало? Начало было вовсе ошеломляющим.

«Я, — рассказывал Любимов, — просил Высоцкого начинать спектакль, стоя на голове, и разговаривать. И когда пришло цензурное начальство, они сказали:

— Что это за безобразие, немедленно убрать! Великий Галилей, такой ученый, стоит на голове.

— Почему? Только что был в Москве Неру, его так принимали! А вы знаете, что он каждое утро стоит полчаса на голове? Это знаменитое упражнение йогов, это очищает и просветляет мозги и отгоняет глупости из головы.

— Ну ладно. Мы это проверим. Если так, то оставим».

Проверили, оставили. Но консервативная «Советская культура» не удержалась и снисходительно-ласково лягнула: «Галилей В. Высоцкого ярок в своей плотоядности. Однако эта плотоядность, то, как он увлеченно делает стойку, как жадно хватает служанку за грудь и так далее и тому подобное, заслоняет могучий интеллект ученого, силу его разума и характера, проявляющуюся не только в его открытии, но и в категорическом осуждении самого себя, своего предательства».

***

Когда после премьеры «Галилея» директор объявил о предстоящих гастролях в Тбилиси и Сухуми — летом! у моря! — все зааплодировали, потому что это показалось щедрым даром судьбы, увеселительной прогулкой, дополнительным отпуском. Но Грузия их встретила 40-градусной жарой, кошмарными гостиничными номерами, отвратительным общепитом.

Высоцкий слал шутливые отчеты в «солнечный Магадан» другу Кохановскому: «Васечек, как тут обсчитывают! Точность обсчета невообразимая... Вымогать деньги здесь, вероятно, учат в высших учебных заведениях... Так и думаешь: этот окончил экономический, этот — химический, а этот просто сука. Больше ничего плохого грузины нам не делают, правда, принимают прекрасно, и вообще народ добрый и веселый... Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов аллаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но — лучше уж подстраховать, так она решила...»

После Тбилиси труппа отправилась в Сухуми. Люся жаловалась: «Мы все время ходили не жрам-

ши. Сколько бы мы ни спускались в ресторан — столы накрыты, пустота абсолютная и никого не пускают... И на улице поесть негде...»

Впечатления свои и Люсины Высоцкий тут же зарифмовал:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, что сзади нас, —уже едят...»

Потом, когда начал исполнять, песню-зарисовочку принялись препарировать, искать подтекст, второе дно, и в конце концов сочли антиобщественной. Почему? А потому..

Хорошо хоть к «Гимну космических негодяев» и «Тау Кита» претензий никто не предъявлял. Высоцкий радовался своей хитрости: всем объявлял, что «Гимн» «навеян чтением западной, конечно, фантастики. А в «Тау Кита», наверное, «они» просто не поняли, как это можно «размножаться почкованьем»...

«ВПЕРЕД И ВВЕРХ, А ТАМ...»

Только что назначенный на должность директора Одесской киностудии Геннадий Пантелеевич Збандут был мрачен и зол. Определенно, эти ребята, взявшиеся снимать фильм «Мы — одержите», ошиблись с названием. Его надо назвать «Мы — идиоты». & он тоже идиот, купился на их азарт, бредовую романтику альпинизма, как мальчишка. Ну как же — выпускники Высших (!) режиссерских курсов, такие не подведут. Директор картины тоже лопух. Доложил ему о грозящей катастрофе, когда подготовительные работы уже завершались, когда вылетели в трубу немалые денежки. А какие были выбраны объекты съемок? Фильм об альпинистах эти «одержимые» решили снимать не в горах, а на... Красной площади. И штурмовать собирались не какие-то заоблачные, снежные вершины, а натуральную кремлевскую Спасскую башню... Авангардисты хреновы. Но смех смехом, а положение действительно было ужасным. На календаре — май, а срок сдачи картины — декабрь. О том, чтобы изъять фильм из плана, и речи быть не могло.

Но Збандут не привык опускать руки. В качестве «смертников» он отыскал двух дипломников ВГИКа Станислава Говорухина и Бориса Дурова, предложил им перелопатить сценарий и снимать, как Бог на душу положит. «Написали сами все совершенно по-другому, но такую же лабуду, и поняли, что фильм прогорит, — рассказывал Говорухин. — И нас вдруг осенила идея построить весь фильм на песнях, сделать такую романтическую картину..» Кроме того, должны были выручить подлинные горные пейзажи.

Соавторы распределили роли. Станислав, имевший кое-какой альпинистский опыт, улетел на Кавказ, выбирать натуру, а Дуров отправился в Москву — срочно искать актеров и автора. Обратился к Юрию Визбору. Тот почитал сценарий и посоветовал дебютанту самому подобру-поздорову «линять с этого проекта». Потом кто-то вспомнил фамилию актера Высоцкого, который вроде бы сам сочиняет и поет песни. В картотеке актерского отдела «Мосфильма»

Борис Дуров нашел фото, координаты. Правда, местные дамочки закудахтали:

— И не думайте его брать! Он недавно нашему Эдику Кеосаяну чуть съемки не сорвал! Хулиган!

Однако молодым режиссерам отступать было

некуда, вызвали этого Высоцкого в Одессу. При первом знакомстве Говорухин насторожился: «Я представлял себе могучего человека, воевавшего и много повидавшего. А при встрече он оказался стройным, спортивным, улыбчивым московским мальчиком. Вероятно, так были разочарованы крестьянские ходоки к Ленину...»

Только эти впечатления тут же испарились, едва начались условные пробы. «Сидим на лавочке во внутреннем дворике, — рассказывал Дуров. — В руках у Володи гитара. Рельефно выступают вены на шее, совершенно очевидно, что он отдается каждой песне до конца. Мы с Говорухиным переглядываемся, понимая в этот момент друг друга без слов: «Он! Он! Только он будет писать песни для нашего фильма!» Это так радостно, но впереди неприятный разговор, который сейчас кажется просто бестактным. Но снимать нам в горах, где каждый неверный шаг может быть последним. Я все рассказываю. Володя мрачнеет, потом говорит: «Это — правда, но на вашей картине этого не будет, даю слово. Она мне очень нужна...»

Хотя и понимал: «Плохой сценарий, но можно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, набираю пары, — писал жене Высоцкий. — В

конце письма напишу тебе песенную заготовку. Ты, лапа, умница, ты посоветуешь, ты научишь, ты подскажешь...»

Все решалось быстро, на ходу. В начале августа наспех сколоченная киногруппа уже отправилась в Кабардино-Балкарию, в Приэльбрусье. «Сейчас я сижу в гостинице «Иткол», — сообщал жене Высоцкий, — а из соседнего номера подвыпившие туристы поют какие-то свои песни, Окуджаву и Высоцкого, который здесь очень в моде, его даже крутят по радио. Это меня пугает, потому что если докатилось до глухомани, значит, дело пошло на спад...»

Но его переполняли совсем иные впечатления и соображения: заснеженные горы, дикая природа вокруг, а главное — люди, «очень любопытные и не похожие на всех нас, которые внизу... Я раньше думал, как, наверное, почти все, кто здесь не бывал: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Теперь для меня это глупый каламбур, не больше. Пойдет он в гору, умный, и по самому трудному маршруту пойдет. И большинство альпинистов — люди умные, в основном интеллигенция. А мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно, поэтому и песни не выходят. Я,

наверное... не могу писать о том, что знаю, слишком уж много навалилось, нужно или не знать, или знать так, чтобы это стало обыденным, само собой разумеющемся. А это трудно. Я и английскую речь имитирую оттого, что не знаю языка, а французскую, например, не могу...

Хоть здесь и интересно, но по тебе скучаю очень, а по детишкам — аж прямо жуть...»

Съемочная группа, оказавшись в Сванетии, поселилась в альплагере. Жили по-семейному в одной большой комнате. Спали не развеваясь, ибо, как шутил Владимир, «альпинизм — это прекрасный способ перезимовать летом». «Ночью, — рассказывала Лариса Лужина, игравшая одну из ролей, — по нам бегали мыши, и по гитаре Володиной тоже, струны перебирали, вдруг такой звон раздавался...»

И тогда, и много лет спустя Лужину донимали вопросами, был щ у нее роман с «радистом Володей»? Как-никак, и обстановка располагала, да и песни Высоцкий ей посвящал. Нет и еще раз нет! — уверяла актриса.

«Даже если Володя пытался ухаживать за мной, то это было нормальное ухаживание со стороны молодого человека к молодой девушке или, точнее сказать, к партнерше по фильму.. Он говорил

мне комплименты, но это совсем не значит, что была любовь... В основном, стихи читал, пел свои песни... Время от времени уезжал... а когда приезжал, всегда первым делом приходил ко мне, пел новые песни, какие-то знаки внимания оказывал. Незначительные вроде бы — руку подаст, скажем, но я ведь женщина, я чувствую, когда мужчина хочет понравиться... И всегда привозил мне бутылку моего любимого шампанского...»

Лариса тоже в должниках не ходила: «...он в моих шмотках снимался. Я только со съемок из Германии вернулась, а у немцев в моду вошли облегающие спортивные костюмы... В Союзе ничего подобного не было. Я же привезла несколько брюк, свитеров. Вот Володя и форсил...»

Вдобавок ко всему в горах у Высоцкого обнаружился соперник — актер Александр Фадеев «У нас с ним такой роман случился, — признавалась Лариса, — что не до Володи было. Саша — высокий, красивый, настоящий мужик. А Володя — маленького росточка, просто симпатичный парень.. Может, если бы не Саша Фадеев, я бы в Володю и влюбилась, но он был явно героем не моего романа...». По этому поводу режиссер Говорухин высказался лаконично: «У нее (т.е Лужиной) вкуса не было».

Так что напрасно старался Высоцкий, пел, глядя ей в глаза: *«...Альпинистка моя скалоласковая»*. Просто по сюжету так было нужно. «Природа, романтика, горы, и я по сценарию должен был к ней приставать, — улыбаясь, объяснял Владимир, — я никогда этого не позволяю по отношению к женщинам, — а тут очень настаивал режиссер, — и вот была у нас сцена приставания. Было очень даже приятно, в общем, но в фильме этого ничего не осталось совсем, все это вырезано; мы там только ходим по камушкам, я очень скромно себя веду., только говорю- «Посмотри, как красиво»... Песня в фильм не вошла».

Зато жизнь этой песне была дарована долгая и счастливая. И было не счесть претенденток, желавших, чтобы все думали, будто стихи про альпинистку-скалолазку были посвящены именно ей. «Я где-то читала, что песня «Скалолазка» посвящена Ларисе Лужиной. Но ведь это не так, — обижалась другая участница съемок Маргарита Кошелева. — «Скалолазка» посвящена именно мне, я так думаю. По фильму-то я в горы ходила, а не героиня Лужиной...». Девушки-альпинистки, помогавшие группе на съемках, открыто и втайне рассчитывали, что именно их выбрал автор в качестве своей высокогорной музы.

Ежевечерне к лагерю киноэкспедиции в Боксанском ущелье слетались, словно мотыльки на огонь, стайки (если не стаи) представительниц прекрасного пола, и появлялась гитара, и всю ночь звучали песни, и без конца усердствовал щедрый виночерпий, абориген, егерь и альпинструктор-консультант фильма Хусейн Залиханов. Он утверждал, что к «поющему телу» допускались далеко не все, и он лично занимался селекцией. Ах, какие это были золотые дни: «Высоцкий был душой компании Водка, песни под гитару рекой лились К нашему очагу всегда собирались из соседних альплагерей «тушканчики» (так Хусейн ласково называл начинающих альпинисточек — Ю.С.). И уж скольких мы с Володькой тогда приласкали — со счета сбились. Хорошие то были времена!..»

Правда, уже после съемок одна питерская студентка прислала Эалиханову паническое письмо: «Жду ребенка. Жена Высоцкого об Этом и слышать не хочет. Рвет письма. Помоги, дорогой Хусейн, до Володи добраться!..»

По договоренности с режиссерами, Высоцкий время от времени отлучался в Москву — «себя показать»: сезон на Таганке уже шел Людным ходом. Если в «10 днях..», «Добром человеке»,

«Антимирах» у Владимира были дублера, то «Галилея» и свои партии в «Павших и живых» он делить ни с кем не хотел. Возвращаясь в горы, объявлял праздник «Все, уезжаем в Тырныаузе!» А потом пел свои новые песни.

«Когда я начал работать в кино с песнями, — рассказывал он, — я поставил такое условие: что мои песни будут иметь такую цену в фильме (не денежную, а творческую), как и все остальное, как и изображение. И первый опыт в этом смысле был очень удачен... Я считаю, что песня никогда не ухудшала никакое произведение драматическое, а только улучшала..»

«Горный цикл» Высоцкого стал быстро известен в Приэльбрусье. Высоцкий писал Люсе: «Мне народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев торжественно поклялся, что через совет министров добьется для меня звания заслуженного деятеля искусств Кабардино-Балкарии. Другой балкарец, великий восходитель, хозяин Боксанского ущелья, тигр скал, — Хусейн Залиханов, которого, по слухам, знает сама королева Великобритании (она-то и обозвала его тигром скал), так вот он присоединился к обещаниям кавказского стихотворца и сказал, будто я могу считать, что я уже деятель Потому что я якобы написал про

горы, а они, горы, в Кабардино-Балкарии, значит, все решено...»

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом –
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в нем одном!

Вот эту песню он уж точно мне посвятил, отстаивала свой приоритет Лужина. И даже вспоминала определенные обстоятельства. Когда она вернулась в киногруппу из поездки в Берлин, «одержимые» встретили ее с восторгом. Лариса знала, как удивить одичавших в горах мужиков — приволокла с собой ящик (!) немецкого (!) пива! Дегустация состоялась вечером, а уже на следующий день Высоцкий спел ей, нахально улыбаясь:

Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они — я лучше переживу!.

Ларисе поначалу песня показалась обидной. «Мне казалось, говорила она, — что... Высоцкий представил меня какой-то идиоткой. Но шутливость песни как раз и подчеркивает то, что

между нами не было серьезных отношений..» А через пару лет поняла, что, пожалуй, и Париж, и Мишель Марсо в этой песне появились отнюдь не случайно, что где-то там, внутри, французские мотивы уже чуть-чуть были слышны, как шелест струн гитары...

Покорив все вершины, на которых еще не бывал, Высоцкий возвратился на равнину. Стопроцентно прав оказался Говорухин, когда переименовал их «Одержимых» в «Вертикаль». Как в воду глядел, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Но пока дела у Высоцкого тоже шли в этой победной плоскости — «вперед и вверх, а там...». В Одессе его ждал приятный сюрприз в лице кинорежиссера Киры Муратовой Еще до поездки в Боксанское ущелье ему дали на прочтение сценарий. Свои впечатления он тут же сообщил Люсе: «Режиссер — женщина, Кира Муратова, хороший режиссер, хороший сценарий, хорошая роль, главная и опять в бороде... сделали кинопробу, дали за нее денег. Посмотрели: хорошо я сыграл, хорошо выглядел, хорошо говорили (ударение следует делать на слове хорошо). Но это вряд ли выйдет по срокам, а жаль. Можно было отказаться от альпиниста, но жалко песен и места съемок...».

Хитрил. Наверняка боялся сглазить.

Герой — непростой парень, недосказанный, не одной краской писан, много за кадром прожито. В чем-то геолог Максим был бра- том-близнецом радиста Володи из «Вертикали». Тоже фигура в какой-то степени загадочная.

Для Муратовой фильм «Короткие встречи» был первым самодеятельным кинематографическим опытом. До этого она снимала фильмы с мужем — Александром Муратовым. Кира ужасно боялась Довершить ошибку и, может быть, именно поэтому как будто притягивала к себе все тридцать три несчастья. Роль главного героя она сразу примеряла на Станислава Любшина. Актера недобрым (Вдовом потом поминал оператор картины Геннадий Карюк. «...Недосягаемый и красивый Хорошо попробовался, занял деньги у Киры Муратовой и исчез навсегда. Ни героя, ни денег...» А исчезновение Любшина объяснялось просто: подвернулась шикарная роль советского разведчика в многосерийной картине «Щит и меч». Это, конечно, не странный геолог Максим, плюс к тому же съемки Предполагались за границей, а не в какой-то там Одессе. Все подавно?

А Кире-то что делать? Она вспомнила Высоцкого, который Пробовался у нее. Где он сейчас?

Говорят, на съемках в горах. В общем, пришлось Муратовой идти на поклон, написала она этому Высоцкому покаянное письмо. Владимир не обиделся — вернулся. Кира Георгиевна говорила, как она была «...благодарна Высоцкому, что он принял ситуацию очень спокойно... С ним работать было тень приятно».

Но на этом проблемы у режиссера-дебютантки не закончишь. Захворала актриса, исполнявшая главную роль, а выздоровев, вдрызг разругалась с административной группой — и сделала ручкой. Опять Муратова оказалась у разбитого корыта. Пока муж не подсказал на свою голову: чего ты маешься, ты так хорошо показываешь на репетициях, что и как делать, вот и играй сама. Так достал, что Кира отчаянно махнула рукой: согласна!

Так, волей случая и обстоятельств в фильме «Короткие встречи» родился совершенно непривычный для тогдашнего отечественного кинематографа дуэт влюбленных друг в друга взрослых людей. Их чувства были настолько искренни, что казалось: такое сыграть невозможно. По сюжету отношения геолога Максима (Высоцкий) и чиновницы Валентины Ивановны (Муратова) были довольно сложными, не дели-

мыми строго на черные и белые полосы. Рядом с нежностью друг к другу постоянно присутствовала тщательно оберегаемая независимость двух сильных характеров .

— Что у тебя в театре? — как-то спросила Кира.

— Хун-вэй-бины.

— То есть?

— В Китае есть такие ребята, называют себя хунвэйбинами. Хулиганы, наверное. И вот они делают там культурную революцию. Я про них недавно песню написал. Коль ты газет не читаешь, я ее тебе спою. Хочешь?

— Хочу.

...Чем еще уконтропупишь
Мировую атмосферу?
Мы покажем крупный кукиш
СэШэА и эСэСэру!

— «Уконтропупишь» — это смешно. Ну, а серьезно, чего вы там у себя на Таганке напридумывали?

— О, там много чего меня ждет. Сейчас приеду — сразу берусь за есенинскою «Пугачева» и за Маяковского. Как тебе такая компания?.. А ты чем думаешь заниматься?

— Пока не знаю...

Жаль, Кир, встречи оказались короткими, сказал на прощанье Высоцкий. Не удержался и пообещал: мы обязательно встретимся. И не обманул — очень скоро они вновь увиделись в Одессе на съемках «Опасных гастролей». Для Муратовой по просьбе Владимира была придумана роль, совсем крошечная, так, эпизодик.

Но разве дело в роли?..

***

— Володя, привет, это Аркадий Стругацкий. Я не слишком поздно!

— Привет! Какой там «поздно»?! Я только из театра, у нас сегодня «ночные» «Антимиры» были.

— «Антимиры»? Значит, я к месту, как пришелец. У меня такой неожиданный к тебе вопрос: как ты посмотришь, если мы в своих «Гадких лебедях» используем твою песню — якобы ее написал наш главный герой?

— А какую?

— «Лечь бы на дно, как подводная лодка, и позывных не передавать...» Она по настроению просто идеально подходит. Как?

— Да берите, ради Бога. Буду только рад соавторству.

— Вот спасибо. Только мне нужен твой точный

текст, ладно?

— Ладно. Пока!

В театре Аркадий Стругацкий впервые появился в октябре. Посмотрел «10 дней», понравилось. Потом был «Галилей». После спектакля восхищенный фантаст пригласил Высоцкого поехать в гости к своему другу, известному математику Юре Манину. Владимир, конечно, там пел, в нем еще бурлил весь «горный» цикл, а потом и "Тау Кита», и «Космических негодяев». Хозяин дома любовался гостями: «Ничем не была омрачена их взаимная симпатия. Оба были крепкими мужики, знавшие себе цену, оба признавали друг в друге и уважали этот внешний образ, совпавший с внутренним самоощущением».

...А в театре доску объявлений украшал очередной грозный приказ: «6 ноября — прослушивание записи голосов поэтов: Маяковского, Есенина, Пастернака, чтеца Яхонтова и др. Явка обязательна».

Как ни странно, но сценической истории у драматической поты Сергея Есенина «Пугачев» не было. Вернее, была, но предыстория. Поэму очень хотел поставить Всеволод Мейерхольд, но просил автора кое-что дописать, исправить. Есенин упрямился и говорил: «Она у меня так написалась, и

я ничего не буду переписывать и дописывать». Мейерхольд отступил и отказался, Есенин грустно сказал: «Тогда ее никто не поставит».

Эту театральную то ли легенду, то ли быль Любимову рассказал Николай Эрдман. Рассказал и с невинным видом, чуть заикаясь, спросил:

— Почему бы вам, Юра, не поставить эту поэму? Ведь она так до сих пор и не идет в театрах.

Он знал, на какой крючок можно подловить Любимова.

Режиссер рассказывал, что он долго ходил вокруг поэмы, все не мог придумать форму, как ее перенести на сцену. «И когда у меня неожиданно в башке возник этот помост наклонный, и внизу плаха, и вся эта идущая лавина, несущаяся с гор, — вот этот образ, тогда я понял, что я могу приступить... А ключом послужили, к счастью, сохранившиеся записи Есенина — они и актерам, и мне очень помогли. Я впервые услышал голос Есенина и крайне удивился, во-первых, огромнейшему темпераменту. Я думал, что он тенор, а он оказался баритоном. Манера его чтения дала тональность всему произведению, и я понял, что этот наклон поможет, эта стремительность избавит действие от ложного правдоподобия быта, натурализма. Актерам сначала было неудобно,

они сопротивлялись... Владимир попал в интонацию сразу же с удивительной точностью: читал неистово, как и сам Есенин».

Объявив перерыв в репетицию, Юрий Петрович подозвал к себе Высоцкого и Смехова, сделал пару замечаний: «Володя, ты начинаешь хохмить, а это тебе не капустник в ВТО!.. Ты подначиваешь его и других, все теряют серьезность... Думать надо, думать». А потом неожиданно сменил тему: «Сегодня вечером вас ждет к себе на ужин Николай Робертович, хочет послушать, что вы сочиняете. Не опаздывайте».

Молодые актеры от неожиданной перспективы праздника оторопели. Заикнулись: «Так, может, что-нибудь...» — «И не думайте! — замахал руками Любимов. — Знаете, что он мне сказал? «Юра, я же все-таки сочинитель, я же должен угостить господ артистов».

Вечером они прибыли к Эрдману точно в оговоренное время. Кроме хозяина квартиры на Чайковского, гостей поджидали верный соавтор Николая Робертовича Михаил Вольпин и друг Таганки, знаменитый доктор Левон Бадалян. Обещал подойти и Любимов, который жил в соседнем подъезде, но потом позвонил, извинился — захворал.

Смехов впервые на публике читал свои рассказы. Эрдман и Вольпин их комментировали.

«Высоцкого слушали долго, с явным нарастанием удивления и интереса, — вспоминал Смехов. — Песни первого периода — знаменитую стилизацию лагерного и дворового фольклора — принимали с особым удовольствием... Володя «бисировал» по просьбе хозяина дома. *«Открою кодекс на любой странице — и не могу, читаю до конца...»*

За ужином немного посудачили на театральные темы. Эрдман сдержанно похвалил инсценировку «Послушайте!», правда, заметил: «По-моему, явное недоразумение понимать, что Маяковский воспевает советский паспорт. Ведь это неправда. Никаких паспортов уж тогда ни у кого не было. Если тебе давали «краснокожую паспортину», то только для поездки за границу. Значит, если поэт кричит, что ему очень приятно ходить с этим документом — его можно понять: читайте и завидуйте, я от вас за границу укатил, дорогие товарищи».

Вслед за Маяковским в разговоре замелькали другие, не менее урвите имена — от Есенина и Мейерхольда до Сталина и Берии.

— Вам Юра, вероятно, рассказывал о нашей сов-

местной службе в доблестном ансамбле НКВД?.. А как вы думаете, молодые люди, почему Гиммлеру не пришло в голову создать ансамбль песни и пляски гестапо?.. Творческого подхода не хватало. А вот Лаврентий Палыч умел подбирать кадры...

— А вас, Николай Робертович, Лаврентий Павлович в лагере подобрал?

— Да нет. В лагере мне, слава Богу, побывать не довелось. Когда взяли, времена еще были не такие страшные. Ссылкой обошелся. Сначала в Енисейске, потом в Томске. Проживал я там, кстати, на улице имени товарища Сталина.

— А за что вас взяли? — не утерпел Высоцкий. — Вы же были Явкой известный драматург, сценарист. «Волгу-Волгу» написали.»

— За стишки, за басни. Сказали: вредные, контрреволюционные. Сталин сильно сердился, хулиганскими называл.

— Теперь не пишете?

— Нет. Остановился, когда написал про Эзопа. Прочесть?.. Пожалуйста:

Однажды ГПУ пришло к Эзопу
И взяло старика за жопу.
А вывод ясен:
Не надо басен.

— Так вы и мне, Николай Робертович, советуете не «хулиганить»?

— Да нет, просто учитесь работать с «ними», Володя.

— А как?

— Коля, расскажите молодым людям, как мы сдавали «Смелые люди», — предложил Вольпин.

— Да, это классика. На худсовете раздолбали наш фильм подчистую, а правили бал там ребята из ЦК А я, когда нервничаю, начинаю острить без удержу. Ну, им это, конечно, не понравилось: «Вы еще шутить смеете? Что вы себе позволяете?» и так далее. Тогда я встаю и говорю: «Я думал, что пришел на худсовет, а это совсем другое учреждение». И Вольпина прошу: «Михаил Давыдовыч, я заикаюсь, будьте любезны, пошлите их всех на х..!» И ушел. Мертвая тишина, пауза, как у Гоголя в «Ревизоре»...

— А вы, Михаил Давыдович?

— А что я?.. Они ко мне: «Что скажете?». Я скромно пожал плечами: «Повторить не могу, а больше сказать мне нечего». И тоже ушел.

— И чем же все закончилось?

— Прекрасно! Дали Сталинскую премию... Иосифу Виссарионовичу картина очень понравилась.

Любимов позже в деталях расспрашивал о

встрече у Эрдмана. Смеялся, кивал. Мимоходом вспомнил, что после того как Есенин назвал Николая Робертовича главной надеждой литературы, тот стал всем представляться: «Здравствуйте, я — надежда русской литературы». — «А что вы написали?» — «Ничего не написал, поэтому и надежда. Вот если б написал, то уже никакой надежды бы не было». Но это так, к слову. Просто сейчас постоянно Есенин в голове. Завтра репетиция...

В театре Любимов сделал Эрдмана «устыжающей инстанцией», высоко ценя его мнение, вкус, тонкость замечаний. Общение с ним, признавали актеры, прочищало мозги, в его присутствии все боялись сморозить глупую банальность.

К середине марта 1967 года спектакль «Послушайте» был готов к показу. Поднаторевший к тому времени в чиновничьих играх, Любимов взялся, как он выражался, «швейковать», то бишь косить под дурачка, изображать невинную простоту. На обсуждение, которое проводило Московское управление культуры, по его приглашению «просочились» совершенно посторонние лица. Но с какими именами — Виктор Шкловский, Лев Кассиль, Семен Кирсанов, живые классики!..

Несостоявшийся артист, прикрывший свою

творческую импотенцию дипломом Высшей партшколы, некто Шкодин, зачитал перечень претензий и указаний, путая ударения, рифмы и даты. Его коллега, дама из Министерства культуры, агрессивно высказала свои замечания. Да так, что поэт Семен Кирсанов всплеснул руками и воскликнул, обернувшись к Шкловскому: «Витя! А мы в Союзе писателей держали наших чиновников за головорезов! Да они же ангелы в сравнении с этими!»

Несмотря на осаду, Любимов спуску ни себе, ни актерам не давал: нельзя терять форму, расслабляться, — перегорите. Отмахивался от доброхотов из управления культуры: «Вы еще два месяца «помогайте», и спектакль сам собой умрет!» Буквально за ночь перекроили второй акт. На репетицию, господа артисты!

А театр, предчувствуя очередные наскоки на «Маяковского», подтягивал свежие силы. Андрей Вознесенский на очередном обсуждении не выдержал: «Да как вы смеете судить поэзию и художников-мастеров! Поэт — певчая птица, а вы... Ведь соловей не поет на морозе!»

— Что вы такое сказали?! — побагровело начальство.

— Это не я, это Маркс, — кротко пояснил поэт.

Один из пяти «Маяковских» по фамилии Высоцкий очень серьезно говорил тогда,- «Я хотел бы выступления, которые были с обеих сторон, прочитать в газете, чтобы вышел спектакль, и я читал бы критическую статью о нем. Я хотел бы прочитать в статье, что возникает тема одиночества. Почему об этом говорят перед выпуском спектакля?.. Сейчас речь идет о том, чтобы спектакль начали играть, потому что мы год жизни отдали на него. Я так же волнуюсь, как и все. Мы можем растерять все». Срывается темпераментная Зинаида Славина: «Поверьте нам!.. Мы ведь тоже люди! Мы тоже люди, мы уже заикаемся, когда выходим на сцену..» Любимов тут же возмутился и одернул:

— Что ты просишь, как нищая?!.

А кто-то за спиной прокомментировал: «Это Эрдман стал заикаться от Советской власти». Николай Робертович, словно услышав шепоток, встал и отчеканил: «Я считаю, что этот спектакль — лучший венок на могилу Маяковского». Свою скромную красную гвоздику к подножию памятника поэту положила и Лиля Брик «Я много плакала на этом спектакле. Такой спектакль мог поставить только большевик и сыграть только комсомольцы...»

В зале кто-то почтительно зааплодировал. После премьеры зрители стоя провожали пятерку «Маяковских».

«Мы... не пытаемся походить на него внешне, — говорил Высоцкий. — Мы играем различные грани его таланта. По этому поводу было много споров и вне театра, и внутри. Потому что каждый из нас хотел отдельно играть Маяковского. Один. Я считал, что я могу сыграть, Веня Смехов — что он, Хмельницкий — что он, Золотухин — что он... Все мы считали, что один человек должен играть... надеясь, что это будет он. Потом бросили все эти споры, потому что спектакль выиграл намного оттого, что там было пятеро Маяковских, а не один».

Правда, товарищ Шкодин переживал: показаны «...разные грани, а вот грани пролетарского поэта нет».

«КАК ВСЕ МЫ ВЕСЕЛЫ БЫВАЕМ И УГРЮМЫ...»

Как-то на Таганку завернул Сева Абдулов:

— Володь, ты «Республику ШКИД» помнишь?

— Помню, конечно, вместе смотрели. Хороший фильм. Режиссера забыл, фамилия какая-то чудная...

— Полока. Он начинает новую картину по пьесе Славина «Интервенция», читал?

— Слыхать слыхал. Но не читал.

— Прочти обязательно. Там сюжет вроде детектива. Представь, Одесса, интервенты, подпольщики... А вчера я в газете прочел его интервью. Полока говорит, что собирается снимать новый фильм, что хочет возродить, с одной стороны, русских скоморохов, а с другой, традиции революционного театра 20-х годов.

— Ну и молодец. А я тут при чем?

— А при том! Он заявил, что ищет единомышленников, ждет предложений.

— Сев, да авантюра все это чистой воды. Ну кто вот так актеров-единомышленников ищет? Хочешь, сходи, поговори. А у нас тут извини, с

этой премьерой черт знает что творится, Содом и Гоморра! Давай один, потом расскажешь... Пока!

Абдулов оказался парнем настырным. Высоцкий, напевая в домашних компаниях *«Если я чего решил — я выпью обязательно...»*, нередко кивал Севе: дескать, это про тебя!.. Он-таки разыскал этого Загадочного режиссера Полоку, разговорил, потом потащил с собой % Компанию, куда в тот вечер обещал заглянуть и Владимир. А им знакомиться не пришлось — быстро вспомнили друг друга по встрече на съемочной площадке фильма «Аннушка», куда Высоцкий попал еде студентом, а Полока был 2-м режиссером. «Хотя я тогда ни на кого не смотрел, — говорил Владимир, — только на Барнета, после «Подвига разведчика» он был для меня актером №1».

— Ты «Интервенцию» читал, Володя? — спросил режиссер.

— Да, Сева приносил Славина. Материал очень интересный.

— Ну, тогда ты мой. Зря, что ли, Барнет хотел тебя снимать...

— Что, правда хотел?

— Сам от него слышал. Ладно, у меня такое предложение: поехали ко мне домой, тут все равно поговорить не дадут, а у меня дома никого,

там вам и расскажу, что хочу сделать.

У Геннадия Ивановича они засиделись заполночь. Больше других говорил Полока, Высоцкий и Абдулов лишь изредка задавали какие-то уточняющие вопросы. Потом начался хоккей, смотрели между делом. А в перерыве Высоцкий спросил:

— Ген, а у тебя гитара есть?

— Есть. Приятель один оставил, все никак не заберет.

— Тащи. Я вам сейчас песню новую покажу про профессионалов.

И Высоцкий запел. И про профессионалов, и сказки, и что-то про Мао. Песни совсем новые, хозяин дома их еще и не слышал.

— Володя, я хочу, чтобы в фильме было много музыки и песен.

— Будут, — пообещал Высоцкий, — я этого тоже хочу.

— В общем, договариваемся таю я вам с Севой сейчас дам сценарий. Читайте, предлагайте свое, через три дня обсудим, что будем делать дальше. Съемки уже запланированы в Ленинграде и Одессе. График я покажу, согласуем сроки.

— «Ах, Одесса...». Меня Люська скоро убьет, ей богу. И будет права.

В Люсе, прекрасной и замечательной Люсе,

тонко осознававшей потенциальный масштаб личности мужа и уникальность его таланта, которая сама была далеко не бездарным, творческим человеком, испытавшим, пусть даже чуть-чуть, магию кино и вкус малых театральных побед, уютно чувствовавшем себя в пестрых компаниях художников, актеров, музыкантов и их непременных муз, иногда взбрыкивал совершенно естественный нрав женщины, требовавшей спокойной, размеренной семейной жизни в отдельной квартире, вечернего ничегонеделания, ухоженных детей, степенного супруга, умного, ироничного, который бы время от времени брал в руки гитару и, перебирая струны, говорил ей: «Люсенок, я тебе песню новую написал. Послушай...»

Конечно, у Люси и Владимира было много счастливых дней. Он окутывал ее нежными словами, произнося их своим бархатнорокочущим голосом. Для него она была «Люсик... любимая... солнышко... лапик мой хороший... малышик... Люсенок...». В любви у них родились два сына. Он как-то сказал ей, что она относится к нему не как к мужу, а как к старшему сыну.

Людмила Владимировна вспоминала, что он любил, когда она читала ему вслух. Всеми прав-

дами и неправдами, из-под земли Люся добывала крайне необходимую ему для работы литературу. Как-то выпросила у кого-то на время редкую тогда книгу Куна «Легенды и мифы древней Греции», и Владимир по ней сверял, не ошибся ли он в чем в своей «Кассандре». Люся, воспитанная бабушкой на стихах поэтов «серебряного века», школьницей посещавшая занятия литературного объединения «Юность», сама писавшая стихи, была для мужа неистощимым источником литературных познаний. Друзья, знакомые восхищались ею. Подруги жалели и завидовали.

Она все понимала в современной жизни. В том числе и особенности интенсивной гастрольно-киноэкспедиционной жизни мужа. В том числе и своенравие, необузданность характера, темперамент Владимира. Но не хотела смириться с тем, что переделать, перебороть его невозможно. Все попытки были тщетны. Он просто был другой. Иноходец. Водолей. Где-то она читала, что на Водолеев ни в коем случае нельзя давить. Ими правит Уран — планета независимости и изменений, что делает их жизнь похожей на смерч. Еще один признак — непредсказуемость, могучая целеустремленность. Инструкции и строгие предписания для них не предназначены.

Высоцкому, гуляке и «вечному страннику», замотанному бесконечными кинопутешествиями и гастрольными поездками в поисках лишнего рубля, естественно, тоже хотелось налаженного быта, уюта, горячей пищи, чистых рубашек и носков, жены, встречающей у порога (*«чтобы пала на грудью...»*), то есть всего того, что бы резко контрастировало с его вынужденно, еще с детских лет, бесприятно-разъездным образом жизни.

Как-то Виктор Туров вместе с молодой женой Олей, оказавшись в Москве, навестили Владимира. «Посещение комнаты Высоцкого в Новых Черемушках, — потом рассказывала Ольга, — Произвело на меня шокирующее впечатление. Я долго не могла перевести дух от железных солдатских кроватей, табуреток..» Хотя после успешных работ в Одессе и Белоруссии Высоцкий уже стал более-менее прилично зарабатывать. Причем не столько как актер, сколько как автор песен. Случались и «левые» концертные вечера. Еловом, семья, пожалуй, не так уж бедствовала. Но молодого мужа Я отца изредка, но все-таки возмущало, что «полотенца лишнего в доме нет, дети засранные... А «она» — одну сберкнижку профукала, вторую, деньги на кооператив тоже...»

«Боялась ли я, что Володя ходил к женщинам?

Нет, абсолютно, — уверенно говорила Людмила Владимировна. — У меня и тени этой мысли не было... Его же уже все любили, он уже был Высоцким...»

***

Когда окончательно было согласовано, что 31 мая в московском Доме актера состоится творческий вечер Владимира Высоцкого, друзья собрали «малый худсовет». Чем удивить, что показать?

...Перед входом в ВТО толпы жаждущих, такие же, как и ежевечерние на Таганке. «Получилось так, что мы все почувствовали себя именинниками, — вспоминал Вениамин Смехов. — Доброе слово, веселый азарт, славная жизнь — фрагменты из свежих премьер... На авансцене — кубик, на нем гитара. Вот и вся декорация. Закрыли занавес. Таганцы на занавес смотрят, как туземцы на паровоз. Что за дикость — занавес. Объяснили: здесь положено, ибо перед началом должно прозвучать вступительное слово. За кулисами — список отрывков: кто, что и за кем творит на этой, на редкость трудной, сцене. Комната за сценой набита актерами, реквизитом, костюмами. В дальнем углу — Володины веща Ну, начали...»

С опозданием открыл вечер авторитетнейший

искусствовед, член художественного театра Александр Аникст. Накладку объяснил с улыбкой: не мог войти, пока не сказал, что он и есть Высоцкий, тот, кого вы ждете, но без него не начнут. Только тогда толпа расступилась.

Потом функции ведущего взял на себя Валерий Золотухин. Смехов тоже чувствовал себя как рыба в воде. Высоцкий безумно волновался. Калейдоскоп фрагментов из кинофильмов, песни, сцены из «Павших и живых», «Послушайте», потом на сцене — маскарад Временного правительства. Появляется премьер Керенский, и Высоцкий доводит до истерики публику своей исторической речью — то ли на троне, то ли на толчке, составленном из министерских чемоданов. «Александр Федорович, будьте покойны.»» — «Что? Покойным я быть не желаю! Вы меня не хороните. Я измазан народом, тьфу!.. Я помазан народом поднять Россию из гроба!» — и овации...

***

Спасая «Послушайте», Любимов призвал в союзники лучшие литературные силы. А в случае с есенинским «Пугачевым» неожиданно столкнулся со скепсисом современных поэтов, которые считали поэму литературно весьма слабой. «Я

так не считаю, — вступался за Есенина Высоцкий. — Там есть такая невероятная сила и напор... она на едином дыхании написана. Так, вдохнул, выдохнуть не успел — а она уже прошла. Все его образы, метафоры... Он там луну сравнивает с чем угодно — «луны мешок травяной», «луны лошадиный череп»... Он тогда увлекался имажинизмом, образностью, но есть в ней невероятная сила... У него повторы, когда он целую строку произносит на одном дыхании, одним и тем же словом: «Послушайте, послушайте, послушайте!» Он пользуется разными приемами, чтобы катить, катить как можно быстрее и темпераментнее эту поэму...»

Любимов сделал спектакль в рекордно сжатые сроки. Но оказалось, что спешил чуть ли не на эшафот.

***

«То, что он будет играть в «Интервенции», — говорил Полога, — для меня стало ясно сразу. Но кого? Когда же он запел, я подымал о Бродском. Действительно, революционер-подпольщик, прикидывающийся то офицером-интервентом, то гувернером, то Моряком, то соблазнителем-бульвардье, то белогвардейцем, он только в

финале — в тюрьме, на пороге смерти, может наконец Стать самим собой и обрести желанный отдых. Трагикомический каскад лицедейства, являющийся сущностью роли Бродского, как йвяьзя лучше соответствовал творческой личности Высоцкого».

Утвердили его сравнительно легко. Всех перевесил голос художественного руководителя «Ленфильма» Григория Михайловича Козинцева.

«Высоцкий принес в нашу группу такую страстную, всеобъемлющую заинтересованность в конечном результате, которая свойственна разве что молодым студийцам, создающим новый театр», — рассказывал режиссер. Владимира занимало буквально все: эскизы, выбор натуры, музыки, на равных он спорил с композитором картины Сергеем Слонимским, бывал на репетициях. Особое внимание уделял подбору партнеров. По каждому — Аросевой, Татосову, даже по Толубееву и Копеляну — высказывал режиссеру свое мнение. Когда Полока окончательно отказался от Абдулова, для Высоцкого это был удар. Но, посмотрев Севины пробы, безоговорочно согласился:

— Севочке эту роль играть нельзя. Он артист

хороший, но это не его дело. Я с Севочкой поговорю... Тут должен быть Гамлет! Вернее, пародия на Гамлета. — Секунду подумал, и тут же выдал. — У нас в театре есть такой, Валерка Золотухин. Бери, Гена, не пожалеешь.

«Магия его личности действовала на всех без исключения, — не раз замечал Полока. — У нас был старый реквизитор, всю жизнь проработавший в кино и при этом ни одного артиста не знавший. Ну не интересны они ему были! Всегда имел дело с режиссерами, на остальных даже не смотрел... А от Высоцкого он ошалел. Подходил перед съемкой каждый раз и деликатно так осведомлялся: «Владимир Семеныч, вы нонче как, при сабле или нет?»

В то лето Высоцкий держал строгую форму. Не позволил себе ни рюмочки даже на таком святом мероприятии, как день рождения режиссера-постановщика. «Мы жили в гостинице «Красная», напротив филармонии, — вспоминал «виновник торжества». — Сидим, пьем-гуляем, а в филармонии был концерт кого-то из наших маэстро, чуть ли не Ойстраха. Весь цвет Одессы, все отцы города, теневики, подпольные миллионеры съехались... Концерт закончился, публика стала выходить на улицу, шум-гам, такси, троллейбусы

подъезжают... А Володя сидит на подоконнике и поет для нас. И на улице наступила тишина. Выглядываем в окно: перед филармонией стоит тысячная толпа, транспорт остановился, все слушают Высоцкого. Оркестранты вышли во фраках, тоже стоят, слушают. А когда Высоцкий закончил петь, сказал «все», толпа зааплодировала...».

На начальном этапе съемок Высоцкому приходилось совсем туго из-за загрузки в театре. Но старался вырваться в Питер, а потом в Одессу при каждом удобном случае. Любимов хмурил бровь, фыркал: «Это верх наглости... Ему все позволено, он уже Галилея стал играть через губу, между прочим. С ним невозможно стало разговаривать... То он в Ленинграде, то в Куйбышеве, то в Одессе... Шаляпин... второй Сличенко».

«…Я УВИДЕЛ ЕЕ - И ПОГИБ!»

В первых числах июля 1967 года фотохудожник Игорь Гневашев стал непосредственным свидетелем встречи Высоцкого и Марины Влади. Место встречи: коридор за кулисами Театра на Таганке. Время: после репетиции есенинского «Пугачева». Высоцкий независимо и спокойно шел навстречу, увидел Влади — и все, «мгновенно, с ходу... Увидел «колдунью», чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо-театральным голосом воскликнул: «О, кого мы видим!..» Она остановилась: «Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны...». Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару...»

Сама Марина Владимировна лишь уточняла: «Я увидела его в «Пугачеве»... Он очень сильно играл... Ну, а после представления пошли все вместе обедать. Володя сел рядом, глаза — в мои глаза. А потом: «Знаете, я люблю вас, и вы будете моей женой». Подобное от многих я слышала не раз. И потому лишь улыбнулась... Мы смотрим

друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это - ты...»

Летопись дат и событий можно легко исправить и переписать. Так что же говорить о хрупкой хронике чувств, которая меняется в зависимости от капризов настроений и обстоятельств?

Абсолютно верно одно: в июле французская кинозвезда Марина Влади приехала в Москву на V международный кинофестиваль. В один из вечеров московский корреспондент газеты «Юманите» Макс Леон, который помогал Марине в странствиях по российской столице, сказал ей: «В Москве сегодня один театр — на Таганке, и в нем — Высоцкий». После спектакля Леон познакомил их, большой компанией они поехали в ресторан ВТО, а затем сидели у Макса на квартире, слушали, как поют Владимир Высоцкий, потом Золотухин, затем опять Высоцкий. Марина пыталась им подпевать.

«Мы подружились...», — стеснительно скажет она.

Спустя время любопытный Станислав Говорухин спрашивал ее:

— Скажи, что он тебе говорил в первый вечер?

Марина смеялась:

— Ты что, не знаешь своего друга? Он же такой

наглец был. Сразу сказал: «Будешь моей женой!» Я только посмеялась...

Правда, потом, уже после смерти мужа, когда время несколько притупило горе и память, в интервью Би-Би-Си Марина Владимировна сказала, что поводом для знакомства был спектакль «Маяковский»: «В то время я плохо еще говорила по-русски и не могла ему сказать, как я считала, какой он гениальный актер и замечательный поэт... То есть, это не было такой, как говорится, кутфуа... Я думаю, что он был влюблен. Но больше в миф — «Марина Влади», чем в меня, женщину... А потом мы стали дружить, и так — потихоньку — влюбились. По-настоящему... Он был небольшого роста, такой серенький, блондин, немножко кругленький тогда был. То есть, он не был красавчиком, но он был жутко талантлив...»

Затем была попытка вновь повторить тот вечер, не слишком удачная. Зато Высоцкий, приобняв Марину в цыганском платке за плечи, пошел ее провожать. Мужики завидовали Владимиру. А женщины, шипя на них, тоже завидовали. Но Марине.

Он был человеком жеста. Это важно для женщины, которая любит сильных. Когда Владимир выходил на сцену и брал первую ноту, он такое

делал с залом, что мурашки по спине бегали. Это Марина, видимо, очень хорошо поняла при первой же встрече.

В пресс-баре гостиницы «Россия» на прощальном банкете Марину в легком ситцевом платье кое-кто фазу не узнал: девочка, да и только. Первым спохватился искушенный в женских хитростях и искусстве перевоплощений маститый кинорежиссер Сергей Герасимов (тот самый, отчим друга юности Высоцкого Артура Макарова), только что ставший лауреатом фестиваля. Он был именинником, он галантно пригласил Влади на танец, шутил, она смеялась. Но потом она танцевала только с Высоцким. Его друзья во главе с вездесущим Левоном Кочаряном образовали вокруг них живое кольцо, не допуская никого из охочих плейбоев. Только потом она просила их: «Ребята, вы, пожалуйста, его уведите с собой, а то он будет ломиться в номер...»

Все казалось похожим на знакомую сказку со знакомыми героями — Иван-царевич, Василиса прекрасная... Былина.

Как во городе во главном,
Как известно — златоглавом,
В белокаменных палатах,

Знаменитых на весь свет,
Воплотители эпохи,
Лицедеи-скоморохи,
У кого дела не плохи
Собрался на банкет...

В соавторы фантастического романа набивались многие. На роль «свахи» претендовала, к примеру, звезда №1 советского кино 60-х годов Татьяна Самойлова. Она утверждала, что Марина Влади в тот раз приехала в Москву при ее участии: «Мы познакомились на показе фильма «Летят журавли». И когда наши киношные бонзы предложили Марине посетить Москву, она сначала засомневалась, но мы ее убедили. Она приехала, познакомилась с Высоцким, и между ними вспыхнул роман...» Поэт Евгений Евтушенко искренно верил, что именно он был первым, кто ей рассказал о существовании Высоцкого: «У меня была идея, я рассказал ей историю Володи и сказал: «Марина, ну что тебе стоит, познакомься с ним». Директор театра на Таганке Николай Дупак всех уверял, что он, и только он устроил Высоцкому свидание с «Колдуньей»: «Познакомились-то Володя с Мариной после спектакля «Жизнь Галилея» в моем кабинете, а не в знаме-

нитом любимовском...»

А сколько было анонимных миротворцев! Да Бог с ними.

Продажная западная пресса, конечно, не могла обойти сенсацию стороной. По мнению авторов югославского журнала «Дуга» легендарное знакомство выглядело так «Чтобы до нее достичь и обнять ее, он залез на фасад отеля, где она жила. Перелезая с этажа на этаж, с балкона на балкон, с выступа на выступ, он добрался до ее комнаты, и когда возбужденная Марина отворила окно, он ей безо всякого прямо заявил: «Хочу на тебе жениться, хочу с тобой и быть твоим мужем». Но и Марина была с ним откровенна, резко сказала: «А я всего этого не хочу. Мне все это неинтересно. Я в тебя не влюблена. Нет смысла портить приятельские отношения, которые существуют между нами». Владимир исчез, и ночь он провел с друзьями. Он пил. Ему пришла в голову дурацкая идея: из-за любви к Марине поставить на карту свою жизнь, сыграть в «русскую рулетку». Вынув из кармана револьвер, он зарядил его двумя патронами и повернул вслепую барабан. Владимир нажал на курок. Револьвер не выстрелил...»

No comments. Но некоторые детали ночного разговора Марина Владимировна косвенно под-

тверждала. Когда Высоцкий заявил ей о своих притязаниях, она холодно ответила: «Прежде всего, я не свободна. Во-вторых, я этого не желаю...»

Дома ее ждали сыновья, новые дела, молодой любовник, наконец. Пора было возвращаться. Марина уехала, не дав Высоцкому и малейшего шанса на успешное продолжение знакомства. И легли на бумагу строки влюбленного поэта, страдающего от разлуки и безысходности:

В душе моей — все цели без дороги,
Поройтесь в ней —ивы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги,
А остальное — Франция, Париж...

В отчаянии Владимир попытался *«от себя бежать, как от чахотки...»*. Без предупреждений и звонков внезапно (даже для себя) улетел на «край края земли» — в Магадан, где в местной газете без устали трудился друг-приятель Игорь Кохановский. Высоцкому казалось, что именно он сможет понять и поймет все его проблемы. «Проговорили мы всю ночь, — вспоминает Кохановский. — Тогда я узнал, что Володя влюбился в Марину Влади. Но я как-то не придал особого значения этой новости, так как родилась она, насколько я мог понять, во время... загула. А в

такие периоды с Володей могло произойти все что угодно и прекращалось сразу же, как только прекращался и сам загул. Я подумал, что и на сей раз с этой новоявленной любовью будет то же самое...»

Ничего-то, оказывается, не понял Кохановский в своем друге. Поэт не понял поэта. Значит, один из них не поэт?

...В театре на утренней репетиции был переполох. Любимов спрашивает, где Высоцкий. Пауза.

— Зоя! Ассистенты! Здесь есть кто-нибудь? Кто-нибудь знает, где Высоцкий?

— Юрий Петрович, Высоцкий не может приехать на репетицию...

— Предупреждать надо, если он болен. Почему это — полная неизвестность? Почему я не знаю, где кто из артистов находится? Не звонят, не приходят. Кончать надо эту богадельню!

— Он не может прийти, потому что он... далеко, — мнется бедная Зоя.

— Как далеко?

— Он из Магадана звонил...

А взбешенный Высоцкий буквально силой поволок Гарика на магаданский почтамт: звоним Марине в Париж! Представляете себе телефонную линию Магадан — Париж? То-то. Но Высоцкому

удалось обаять телефонистку, наговорив массу приятных вещей и комплиментов. Она все-таки связалась с Москвой. Там посмеялись и сказали, что дадут Париж, только если разговор закажет сам Ален Делон, в крайнем случае, Жан Марэ. Ни на того, ни на другою Высоцкий явно не тянул. «Володя был с хорошего похмелья, — вспоминал Кохановский. — Это было заметно даже непосвященному происходящее накануне. К тому же он был небрит — с утра не мог заставить себя побриться... Володя как-то быстро успокоился и стал рассказывать, какой Марина в Москве произвела фурор... и как за ней увивались и Женя Евтушенко, и Вася Аксенов, и еще — какой-то режиссер с «Мосфильма», и как она всем этим знаменитости предпочла его... «Нет, еще ничего не было. Но, кажется, будет...»

Потом он упросил Игоря позвонить «Люсечке» и сказать, что ту него и с ним все в порядке. Кохановский просьбу исполнил. Люся отвечала устало и как-то обреченно, сказав, что уже разучилось волноваться. Но все же напомнила, что Володю послезавтра ждут съемки в Одессе. На следующий день Кохановский усадил Высоцкого в самолет, вручил стюардессе коньяк и попросил давать его уставшему артисту только в крайних

случаях и очень маленькими дозами...

В Одессе «уставшего» артиста действительно ждала съемочная группа Евгения Карелова. Но и там он думал только о Марине. Но, Может, это помогало входить в образ? Был суров, малоразговорчив, Шподим. А потому шокировал Инну Кочарян, обратившись к ней на пляже: «Иннуля, надо поговорить... Слушай, у меня роман с Мартой Влади...» Когда об этом узнали в съемочной группе, все просто умирали от хохота. «У него роман с Мариной Влади. Это какая Марина Влади? Подпольная кличка «Как ее зовут?». Никто не поверил».»

Вечером он заставил себя сесть за письмо Люсе, которая укатила отдыхать в Юрмалу: «Люсечка, любимая моя, Люсечка!.. Я, правда, забыл, что такое — отдыхать. И, наверное, это прекрасно... Сейчас у меня всю дорогу день-два съемок, а потом перерыв, потом опять день, а потом опять перерыв, а вот когда перерыв — я изнываю, мотаюсь от гостиницы до студии, от Золотухина и Говорухина и злюсь, что время уходит, а я не работаю, ничего не пишу и скучаю по тебе... А тут я продал новую песню в Одессу, на киностудию. Песню писал просто так, но режиссер услышал, обалдел, записал — и сел переписывать сценарий,

который называется «Прокурор дает показания», а песня — про подводную лодку... А у Вити Турова... успел я чуть-чуть сняться, теперь должен лететь в Минск на 2 дня спеть... После чего поеду в Измаил и заставлю что- нибудь снять, чтобы было легче потом...»

«Мне кажется, что я магнит...» — в Измаиле новая картина. Опять времена гражданской войны. Но, по иронии судьбы, теперь большевик-подпольщик Бродский уже белый офицер Брусенцов. Как там по роли он говорит своей визави: «Все с ума посходили! И вы тоже сумасшедшая. Ты покойник лежит, вам бы плакать, молиться, а вы про «белое дело» рассуждаете... Ну что ж, давайте про «белое дело»...», так вроде бы?..

Роль поручика хороша. Это, конечно, не Софрон, не бригадир Маркин или Андрей, как там его, Пчелка. Но и не аристократ-белогвардеец Говоруха-Отрок из «Сорок первого». Тут характер помощнее, независимый, настоящий «кирпич», как Любимов в таких случаях говорит.

Но за Брусенцова пришлось побороться. Утверждение проходило трудно. Высоцкий даже не ожидал такого упорства от режис- сера-постановщика Евгения Карелова. Гуревич, начальник актерского отдела «Мосфильма» оказался насто-

ящей сукой (хорошего человека Адольфом не назовут), кричал, что дойдет до директора студии, Карелов отвечал, что он тоже дойдет. Этот фашист стал грозить именами руководителей Госкино, Евгений Ефимович предложил для экономии времени ходить по начальству вместе. Мотив у Гуревича был один, объяснял Владимир жене, мое старое: питье и «Стряпуха», и Кеосаян.

Все решилось просто. Карелов набрался нахальства, поехал на дачу к больному мастеру Михаилу Ильичу Ромму, привез его на студию, показал отснятые пробы, и старик заявил, что Высоцкий его убеждает. «После чего, — победоносно завершал письмо Высоцкий, — Гуревич мог пойти уже только в жопу, куда он и отправился незамедлительно... Я целую тебя, Люсик, и люблю, хоть это и нахально с моей стороны».

Один из авторов сценария Валерий Фрид рассказывал, что после кинопроб все поняли, «что именно таким... и должен быть Брусенцов... Невысокий, кряжистый и какой-то «непородистый». Зато в каждом движении — характер, яростный темперамент, а в глазах — тоска и ум. В зале был и Высоцкий, сидел слегка смущенный, застенчиво улыбался и, по-моему, не очень верил в то, что роль отдадут ему. Карелов пробовал и Олега

Янковского, но получилось совсем неинтересно. Олег играл на пробе всех поручиков, которых видел до этого в кино».

В фильме рушилась старая Россия, вера, идеи, и на этом все- |енском катастрофическом фоне казалась незначительной пес- |$щкой гибель любви двух человек. Волей случая и режиссера в трагедийно-любовном дуэте судьба свела Владимира Высоцкого и Ию Саввину. Поначалу в представлении Ии актер Высоцкий совершенно не смыкался с поэтом Высоцким. До самого первого съемочного дня. А потом, «когда он спел, я в ту же минуту влюбилась в его песни. Ну, абсолютно. Вся целиком, без остатка... И я, что называется «с открытой варежкой», спросила: «Володя! А кто это все сочиняет?» Он посмотрел недоуменно, и вся группа с явным подозрением, что я немножко не в себе. И только поняв по моему лицу, что я не издеваюсь, а действительно — темнота непробудная в Этом плане, он спокойно сказал: «Моя жена. Все песни мне сочиняет моя жена».

Вениамин Смехов как-то сказал, что когда Высоцкий увлекался человеком, которого он избирал себе в друзья, этот человек автоматически становился Ротшильдом, даже не ожидая того. Высоцкий знал, что Смехов не любил кино, очень

возмущался этим и буквально силой вытащил его на съемки. Сказал, что у Карелова есть роль барона какого-то. Мы сделаем из нее большую роль, ты — вылитый барон...

«Это — прекрасный порыв, — говорил «барон», — за который я очень благодарен этому человеку, порыв мужской дружбы — он меня вытащил из Москвы, из-под каблука супружеского, и я полетел на Дунай, в Измаил... «Да кому я там нужен?» — «Ну, поехали, я тебе говорю, тебя там ждут!» Мы подъехали, а там массовые сцены, где все идут по Сивашу... Евгений Карелов узнал, что приехал Высоцкий... Володя что-то суетится, кому-то подмигивает, я ничего не понимаю, иду в полной темноте, под какие-то всполохи света прожекторов, там подготовка к съемке: «Подготовиться ко второму дублю!»... Потом вдруг: «Внимание! В честь прибывших артистов театра на Таганке...» — и запускают наши имена — «салют!»... Действительно, салют! Володя смотрит на меня- «Видал, а?!» На следующий день была какая-то съемка... У него роль главная, ему о себе заботиться надо, а он все время ко мне: «Ну, как себя чувствуешь? Нормально? Давай! Ты текст, главное, знаешь?» — «Да там и текста- то никакого нет». — «Давай-давай!»... «О, усы! Шикарные усы! Типичный

барон! Все, делаем!»... — сняли! Вместе улетаем. Я говорю- «Черт, так Одессу и не посмотрел».

Ровно через неделю вызов: «Ваше прибытие необходимо!».. Звонит Володя - у тебя есть два дня, я точно знаю по репертуару, прилетай, потому что усы не подходят, в усах ты какой-то генацвале... надо тебя обкорнать...» Я прилетел в Одессу, он стоит, улыбается, говорит, что в Измаил не надо лететь по погодным условиям, прилетишь через неделю. Два дня у тебя свободных, поедем по Одессе... И он **подарил** мне Одессу., причем сделал это так, как это мог сделать такой человек, очень просто и необыкновенно»

А в качестве «свадебного» подарка новобрачному, повенчанному с кино, стали бесхитростные, добрые стихи:

Служили два товарища
В одном и тем полке.
И третьего товарища
Варили в котелке.
... ...
Всегда уверен в Вене я,
Его изображения
Да наводнят «Экран»!

Через несколько лет кинорежиссеры Алов и Наумов, рискнувшие экранизировать «Бег» Михаила Булгакова, решили, что на роль белого генерала Хлудова больше других подходит Владимир Высоцкий. Хватит, дескать, ему играть поручиков Брусенцовых, перерос, пора лампасы примерять. Но, оказалось, не все так считали.

***

Высоцкий защищал есенинского «Пугачева» от собратьев-поэтов, а Любимов как постановщик зрелищ чувствовал безусловную правоту великого режиссера Мейерхольда, в свое время предлагавшего автору дописать поэму. За помощью Юрий Петрович обратился к соседу Николаю Эрдману. Старый сказочник предложил Писать оригинальные интермедии. Высоцкий же сочинит частушки-куплеты для трех рассейских забулдыг-комментаторов происходящего:

«Андрей, Кузьма!»
«А что, Максим?»
«Чего стоймя
Стоим глядим?»
Вопрос не прост,

И не смекнем:
Зачем помост
И что наем?»

А перед тем между «господами сочинителями» состоялся не жнее примечательный диалог.

— Николай Робертович, а вы пишете что-нибудь сейчас — сценарий, пьесу или прозу?

— А вы, Володя?

— Я пишу. Только на магнитофоны.

— А я, Володя, — на века...

— Да и я, в общем-то, Николай Робертович, тоже кошусь на эти века.

— Коситесь, Володя, коситесь, у вас получается.

Эрдман писал свои сценки, внимательно проштудировав сочинения просвещенной императрицы. В том числе о потемкинских деревнях. Согнали народ на смотр перед встречей с Екатериной. ГЬнерал придирчиво осмотрел «массовку», нахмурился:

— У вас что, другого народа нет?

— Есть, Ваше превосходительство, счас сделаем, — взяли под козырек уездные наместники. И нахлобучили на народные головы патрицианские венки: готово!..

Любимов хохотал и говорил, что это напомина-

ет ему кадры послевоенного фильма «Кубанские казаки», в котором он имел честь сниматься. Герои картины тоже были сытыми и счастливыми.

На самом деле интермедии исполняли роль подсадной утки, которая должна была спровоцировать справедливый гнев начальства и требование «Немедленно убрать!». Художники в таких случаях обрекали на заклание невинную собачку, нарисованную специально в углу картины, чтобы, исполняя высочайшую волю, спешно ее заретушировать, «дабы общий вид не портила».

17 октября состоялось расширенное заседание художественного совета. «За» голосовали обеими руками. И историки, и искусствовед, и поэты. Особо выделяли монолог Хлопуши. «Это самое сильное место в спектакле, — говорил поэт Степан Щипачев. — Актер Высоцкий доносит его блестяще...» Драматург Эдвард Радзин- ский вторил ему срывающимся тенорком: «Все, что я видел в этом спектакле, это меня потрясает. Актеров, которые работали на этом помосте, я видел раньше и знал, что они прекрасные, блестящие актеры, но в этом спектакле они меня потрясли, особенно Высоцкий, и все, что я мог бы сказать ему хорошего, я ему говорю...»

Монолог Хлопуши для Высоцкого был особенно важен: «Есенин больше всего из своих стихов любил этот монолог... беглого каторжника... Горький рассказывал, что он видел, как Есенин читал этот монолог, и что он до такой степени входил в образ, что себе ногтями пробивал ладони до крови...»

В Хлопуше, по мнению его товарищей по театру, совпало все. Все, чем наградила его природа: талант, широта натуры, яростный темперамент. На прогоне, вспоминал давний приятель Александр Сабинин, Володя рвался вперед, рвался из этих цепей, а в конце зала стоял Любимов... И Володя хрипел, рычал:

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!.

Володя делал ударение — **этого! человека** — и делал жест в сторону Любимова! Это был момент истины — два больших таланта соединились воедино! Потом актеры спустились со сцены, Юрий Петрович подошел сделать замечания... Затем взял Володю за загривок, привлек к себе и поцеловал...

Но была и иная инстанция, устрашающая «госприемка». Появился приказ управления

культуры о прекращении репетиций «Пугачева». Главный удар пришелся как раз по интермедиям. Их потребовали вымарать. Вечный игрок на бегах, называвший себя «долгоиграющим проигрывателем», Николай Эрдман благородно сказал: «Юра, спектакль получился, и Бог с ними, с интермедиями!» «Закрасили собачку». Из театра пошла челобитная в ЦК КПСС с просьбой положительно решить судьбу спектакля, многозначительно указывая на то, что спектакль поставлен «к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Снизошли.

Театр не остался в долгу и принял повышенные социалистические обязательства на 1968 год:

1. Провести основную работу по созданию литературного материала к спектаклю, посвященному 100-летию со дня рождения В.И.Ленина.

2. Выпустить новые спектакли «Живой» Можаева, «Тартюф» Мольера, «Хроники» Шекспира» на высоком идейно-художественном уровне.

3. Завершить работу с авторами над пьесами по договорам: с Г. Владимовым, Д. Самойловым и А. Вознесенским.

4. Продолжать улучшать и совершенствовать идейно-воспитательную работу в коллективе театра.

5. Строго следить за тем, чтобы спектакли текущего репертуара сохраняли премьерный вид, шли на высоком художественном уровне.

6. Обеспечить переход театра на 5-дневную рабочую неделю.

7. Продолжать эксперимент по внедрению цветомузыки.

8. Бережно относиться к материальным ценностям.

9. Сократить статью расходов «Эксплуатационные расходы» по содержанию здания театра за счет улучшения работы обслуживающего персонала, бережливого отношения к хозяйственному инвентарю.

10. Наладить работу театрального буфета.

11. Соблюдать в театре чистоту.

12. Экономно и бережно расходовать электроэнергию.

13. Экономно расходовать деньги на рекламу.

А Высоцкий помнил свои личные обязательства. После знакомства с Мариной он в запале сказал себе и друзьям: «Я не буду Высоцким, если на ней не женюсь!»

Сумасшедшая влюбленность превращала его в несмышленыша, толкала на дурацкие, отчаянные поступки. В Одессе он обратился к своей

партнерше по «Интервенции» Ольге Аросевой с совершенно неожиданными вопросами и просьбой:

— Оля, а вы когда летите в свои Карпаты?

(Она в то лето параллельно с «Интервенцией» снималась в «Трембите» и постоянно моталась из Одессы в Западную Украину.)

— Завтра, если ничто не помешает, а что?

— А не прихватите ли с собой письмецо?

— Прихвачу, конечно. А кому, куда, из рук в руки, что ли?

— Ну, из рук в руки у вас вряд ли получится... Понимаете, Оля, письмо в Париж, — окончательно смутился Высоцкий. — Марине Влади.

— Влади?! Так у вас правда это серьезно, что ли?

— У меня — да. Так прихватите письмо, Оля?

— А что я там с ним буду делать?

— Из Одессы я, честно говоря, отправлять побаиваюсь. Мало ли что... Знающие люди не советуют. А там, в Карпатах, все-таки граница рядом... Может, проще?

— Ой, чудак же вы, Володя! Гуцулы, по-вашему, письма через границу перебрасывают без почты?.. Возьму, конечно. Стану для вас почтовым голубем... Наивный вы человек. Это на вас,

наверное, Бродский плохо действует — тому ведь всюду контрразведка мерещилась...

Сплетни по поводу Влади и мужа Людмила Абрамова комментировала лаконично, сдержанно и сухо: «Любвеобилен...»

В январе 1968 года съемки «Интервенции» закончились. Белые потерпели поражение. Наши победили, радовались в киногруппе, не подозревая, насколько проиграли они и что очень скоро всем будет не до шуток

Композитор Сергей Слонимский, работавший в картине, рассказывал, что «запрещали «Интервенцию» с треском. За то, что смешно, слишком веселятся. Революция изображена как фарс. Большевика с фамилией Бродский играет Высоцкий. Какая-то тройная дуля показана. Какой же это большевик, когда мы знаем, что это поэт-диссидент? И почему Высоцкий его играет? И почему все происходит в Одессе? И почему он веселый остряк, а не унылый партиец? А это был мюзикл, который задумал Полока по принципу «Шербургских зонтиков».

По мнению режиссера, выйди «Интервенция» своевременно, кинематографическая судьба Высоцкого сложилась бы совсем по-другому. Когда спустя 20 лет картину в конце концов «сняли с

полки», многие были разочарованы: а из-за чего, собственно, весь сыр-бор? Какая тут была крамола? Ну, скоморошничали, ерничали, и что? С другой стороны, возникли вопросы к режиссеру, который в течение двух десятилетий без устали уверял всех, что «Интервенция» была прорывом, новаторством в отечественном кинематографе, Правда? Если это так, то почему же фильм успел так безнадежно состариться и стать малоинтересным, а песни Высоцкого, написанные для него, слушают и поныне?

«Эстетику фильма растащили, — пытался оправдаться Геннадий Полока, — разворовали все ходы...» Пусть будет так.

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ - ЭТО ВРЕМЯ СВЕРШЕНИЙ...»

Так, кажется, поет этот странный питерский парень со смешной фамилией Кукин. Фигурист или тренер. Левой ногой свои песенки пишет, как бы шутя, даже не догадываясь об их глубине «Тридцать лет — это поиски смысла...» Талантливый парень, но, зараза, пьет и совсем мало пишет.

А ты-то сам?

В душе моей — пустынная пустыня, —

Ну что стоите над пустой моей душой?!

Обрывки песен там и паутина, —

А остальное все она взяла с собой...

Надо Гарику написать, что-то он там в своей «столице Колымского края» подзасиделся. А ведь главные дела здесь происходят. «Встречаюсь со своими почитателями, пою в учреждениях, в институтах и так далее, — бодро распортовал он другу. — Раздал автографов столько, что, если собрать их все, будет больше, чем у Толстого и Достоевского... Получил бездну писем с благодар-

ностью за песни из «Вертикали». А альпинисты просто обожают. Вот видишь, Васечек, как все прекрасно! Правда?..»

Но в сердцах выплескивается: «Ебаная жизнь! Ничего не успеваешь. Писать стал хуже — и некогда, и неохота, и не умею, наверное. Иногда что-то выходит, и то редко. Я придумал кое-что написать всерьез, но пока не брался, все откладываю... Друзей нет! Все разбрелись по своим углам и делам. Очень часто мне бывает грустно, и некуда пойти, голову приклонить... Часто ловлю себя на мысли, что нету в Москве дома, куда бы хотелось пойти».

И не буду никуда ходить, пускай ко мне приходят — пожалуйста! Когда угодно! Сколько угодно! И последовал срыв, «уход в пике». А далее — больница, врачи, медсестры, процедуры. Страшная, постылая палата, откуда его возят в театр на спектакли.

В феврале 68-го в Москве вновь возникает Марина Влади. Режиссер-постановщик картины «Сюжет для небольшого рассказа» Сергей Юткевич решил закрепить свое прежнее каннское знакомство с французской звездой творческим альянсом, пригласив ее на роль чеховской возлюбленной Лики Мизиновой.

«Месяцы съемок, холодная зима, — с ужасом вспоминала Марина Влади. — Мы работали страшно медленно. Вначале это меня раздражало. В субботу — выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром... И только когда я поняла, что такое время «по-русски», мне стала ясна такая манера работать. Время — не деньги: человек видит перед собой бесконечность. Поначалу меня удивляло какое-то полное отсутствие у русских представления о времени: разбудить приятеля в три часа утра, прийти к нему только потому, что на тебя «нашла тоска» — они не считают ни невежливым, ни чем-то исключительным. Найдут время, чтобы выслушать — столько, сколько нужно...»

Высоцкий мечется между театром, больницей, Ленинградом и Одессой. Вся Таганка обсуждает приказ об увольнении артиста Высоцкого В.С. по 47-й статье Кодекса законов о труде. Прямо как в песне — *«Открою кодекс на любой странице и не могу — читаю до конца!.»* В больнице — жуть, в Ленинграде — бесконечный перемонтаж, переозвучка, устранение каких-то новых замечаний. Марина, дом... Хотя дома, кажется, уже нет. В Одессе, к счастью, уже на финишной прямой «Два товарища».

Плюс ко всему поступает совершенно неожиданное — лестное и шальное — предложение от известного драматурга Александра Штейна — написать песни к его новой пьесе «Последний парад». Кино — еще куда ни шло, к спектаклям в родной Таган- тоже дело привычное. Но к еще ненаписанной пьесе? Самому интересно. Но после разговоров со Штейном, с режиссером Театра Сатиры, где собирались ставить пьесу, все более-менее прояснилось. Сочинил ось все сравнительно легко — и песня-монолог «Нат Пинкертона»-Геращенко, и ария Сенежкина, и хоровая «Утренняя гимнастика»... Если уж супруга драматурга оценила — Прелестно!» — значит, все в порядке... Только актеры долго не могли понять, как эти песни исполнять. Особенно мучился Анатолий Папанов.

«Он все время просил меня научить его ее петь, так как я пою, — смеясь, рассказывал автор песен. — Он нарочно срывал голос, глотал холодный воздух, но у него ничего не получалось. Да и вообще это не стоит делать. Пел он ее очень хорошо и по-своему. А это самое главное и ценное в нашей жизни, чтобы была своя индивидуальность у человека...»

Правда, доброхоты донесли: на партийном

активе Фрунзенского района столицы некто Сапетов грозно вопрошал: как, мол, мог Штейн, написавший в свое время пьесу о Ленине, предоставить трибуну пьянице, антисоветчику Высоцкому?! Ладно, переживем.

А вот на Таганке — дела хуже некуда. Над Любимовым сгущаются черные тучи И из-за него, Высоцкого, в том числе. Но главное — к прежним претензиям по «Пугачеву» прибавляются новые, теперь уже по «Живому».

Хотя ничего не предвещало беды. Когда «Можаич» (писатель Борис Можаев. — *Ю.С.*) вручил «шефу» свою новую повесть «Из жизни Федора Кузькина», он вовсе не рассчитывал, что ее каким-то образом можно приспособить для сцены. Но не на того напал. Петрович «Кузькина» тут же прочел и взял в оборот автора: делаем инсценировку! Потом начались репетиции. Золотухину досталась роль Живого, Высоцкому выпал Мотяков, тот еще тип, почище Адольфа Гуревича. Чиновники крамолу проморгали, дали добро. А уже на прогонах последовал знакомый окрик «Вы чей хлеб едите?!» Дошло до того, что бюро Кировского райкома партии рекомендовало управлению культуры рассмотреть вопрос «об укреплении руководства Театра драмы и коме-

дии»...

Где комедия, там и драма. Покатилась тягомотина. Комсомольское собрание, партийное бюро, письма в инстанции с просьбой «разъяснить факт распространения зловредных слухов о «подыскивании» нового главного режиссера Театра на Таганке... дабы здоровье производства и производственные нормы были восстановлены. Комсомольцы и несоюзная молодежь театра единодушно подтверждают этим собранием свое полное доверие и единство взглядов с руководителем театра главным режиссером Ю.П. Любимовым...»

— Когда театру было плохо, — рассказывал Юрий Петрович, — актеры являлись ко мне. А я все время говорил: «Ну, чего вы паникуете? Еще не вечер!» И эту фразу Володя взял рефреном в свою песню...

Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

26 апреля состоялось общее собрание коллектива театра. Высоцкий, не стерпев, выступил: «Хорошо, когда лицо (театра) веселое или серьезное, но не хмурое или злобное. Но, к сожалению, все эти четыре года лицо это вынуждено было

и хмуриться, и очень часто, перед каждой премьерой, принимать выражение болезненного ожидания, а иногда и отчаяния. Кто теперь может сомневаться в лояльности «10 дней», а ведь и с этим спектаклем были трудности. И каждый раз после нескольких месяцев работы, а работают у нас вы знаете как, Любимов не уходит из театра иногда по 16 часов, смотрит почти все спектакли, чтобы держать их в форме, то же можно сказать и об актерах. После спектакля «Пугачев», например, Бояджиев сказал, что он за много времени наконец увидел святой актерский пот. Пот и нервы. И вот перед премьерой начинаются только нервы. Кто-то уже информировал наших руководителей, и они или идут с предвзятым отношением, или не идут вовсе. Мнение должно сложиться у людей после творческого акта — просмотра спектакля, а не до. Критике всегда должно предшествовать творчество, а не наоборот... Хотелось бы послушать представителя райкома...»

Ну, раз народ требует, выступил «куратор Таганки» тов. Сакиев. Сообщил много интересного: «Любимов не снят с работы и, как видите, он работает в театре. Вы стали жертвой очередного слуха, который, кажется, две недели тому назад был передан в эфир западногерманской радио-

станцией. Я не знаю, кто в театр принес этот слух, но должен вам сказать, что радиостанции враждебных нам стран часто распространяют всякого рода слухи, чтобы вызвать волнения, сомнения, брожения в социалистических странах. Это одна из программных задач империалистической пропаганды. Вы знаете положение дел в Польше и Чехословакии... Надо в репертуарной политике ориентироваться на показ современной жизни, а мы все копаемся в грязном белье прошлого... Ну что нам дает в этом плане «Живой» по повести Можаева? На мой взгляд, ничего хорошего...»

Действительно, ничего хорошего. «Я еще ходил в театр, но приказ об увольнении должен был вот-вот выйти, — рассказывал Юрий Петрович. — Однажды вечером в доме собрались гости, играли в преферанс... И вдруг звонок. Взял трубку. Оттуда раздался слабый голос глубоко больного человека: «С вами говорит Паустовский». Сначала подумал, что меня разыгрывает какой-то дурной артист...

— Я узнал, что вас увольняют, лишают возможности работать, и все никак не мог придумать, как бы помочь вам в эту трудную минуту. На днях мне сказали, что, оказывается, моим поклонником, — говорил он с трудом, с одышкой и

как бы стесняясь, — является Алексей Николаевич Косыгин. И я написал ему письмо о том, что нельзя губить театр, нельзя снимать главного режиссера...»

Затем Любимов решает: пора обратиться к самому Брежневу. Выше — только Бог.

«Уважаемый Леонид Ильич! Понимаю, насколько Вы заняты. И все же позволю себе обратиться к вам по вопросу, который хотя и может, на первый взгляд, показаться мелким, незначительным, но на самом деле является вопросом принципиальным. Речь идет о Театре на Таганке... Меня можно снять с работы. Можно даже закрыть Театр на Таганке. Дело не в личной судьбе одного или группы артистов. Здесь встают более общие вопросы. Кому это выгодно? Какие проблемы это решит?..»

Чуть позже Любимову позвонили из канцелярии Брежнева: «Спокойно продолжайте вашу работу. Товарищ Леонид Ильич Брежнев желает вам удачи». Великодушный генеральный секретарь даровал театру жизнь.

А Константин Георгиевич Паустовский тихо скончался 11 июля того же, 1968 года.

В конце мая Высоцкий залег в Люблинскую больницу — надо бы привести себя в форму перед

сибирской поездкой на натурные съемки фильма по можаевскому сценарию «Хозяин тайги». Лежал себе в палате будущий бригадир Рябой, тихонько напевал под нос «Цыганка с картами. Дорога дальняя. Дорога дальняя, казенный дом...» И накаркал. Очередной посетитель, сунув гостинцы в тумбочку, вручил свежий номер «Савраски» — «Советской России» и пробормотал: «Почитай, Володь. Я понимаю: гонцов, приносящих дурные вести, казнили. Но ты уж меня пожалей..»

Ну вот, и дождался. Ты жаждал славы, признания? Получай, вот тебе статья «О чем поет Высоцкий»...

«Летом был в отпуске в Москве, — рассказывал Кохановский. — Звонит Володя и спрашивает, читал ли я сегодняшнюю «Советскую Россию» — «Нет, — говорю, — не читал. А что там такое?» — «А там, — говорит Володя, — жуткий материал про меня».

«...Быстрее вируса гриппа распространяется эпидемия блатных и пошлых песен, переписываемых с магнитных пленок.. Мы очень внимательно прослушали... многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными... В них под видом искусства

преподносится обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью...»

А вот уж совсем не к месту:

«В программной песне «Я старый сказочник» Высоцкий сообщает:

Но не несу ни зла я и ни ласки..

Я сам себе рассказываю сказки...

Ласки он, безусловно, не несет, но зло сеет. Это несомненно».

Значит, и Кукину бумерангом досталось. А Юра Визбор вообще может привлечь Высоцкого за плагиат, коль он, по воле этих журналистов, считается автором песни про технолога Петухова.

«Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса.

Г. Мушта, преподаватель консультационного пункта Государственного института культуры, А. Бондарюк (наш кор.), Саратов».

— Ну, как, Гарик, прочел? — в конце дня опять позвонил Высоцкий. — Что посоветуешь? Ты ж у нас матерый газетный волк?

— Прежде всего, не пороть горячки, — успокоил друга Кохановский. — У меня в «Савраске» товарищ есть, Новиков. Мы с ним вместе в Магадане работали. Я попробую его найти, что-нибудь выясню. Кстати, они крупно прокололись, раз чужие песни тебе приписали. Не переживай!

Новиков оказался надежным мужиком, навел справки: было указание опубликовать статью по Высоцкому, но для острастки, без «оргпоследствий».

Ага, но через неделю звонит Котеночкин, который еще недавно предлагал озвучивать Волка в своем первом мультике «Ну, погоди!».

— Володя, извини, пролет. На пленуме ЦК комсомола сказали, что ты — одиозная фигура, тлетворно влияющая на советскую молодежь. Утвердили Папанова.

Да пошли вы все!..

Зато Мариночка снова в Москве, приехала доигрывать свою Лику Мизинову. Высоцкий возобновил осаду, ищет встреч, днюет и ночует на съемочной площадке «Сюжета», часами просиживает в гримерных. Это ему дорого обходилось:

Таганка предъявляла счета. За Высоцкого перед Любимовым оправдывался Сергей Юткевич: дескать, это он виноват, не доглядел, не удержал... Словом, нес вздорно-прелестную чепуху. Впрочем, авантюрной натуре Юрия Петровича фантастический роман актера **его** театра очень даже нравился. Мол, мы тоже не лыком шиты...

Однажды во время съемок Владимир появился немного подшофе. Марина уже привыкла к его неожиданным возникновениям- «А вот и мой паренек'» «Я находила его симпатичным, немного смешным, кем-то вроде «середнячка», — рассказывала Влади. — «Русский молодец» небрежно одет, коротко стрижен. Он невысок и круглоголов. И вдруг он меня приглашает танцевать. Он пытается поцеловать меня в шею! Я хохочу, как бы говоря этим: «Но послушайте, нет, как же так?!» Потом он говорил мне, что был этим ужасно раздосадован. Это было так смешно! Мне казалось совершенно немыслимым, чтобы наши отношения были иными, нежели дружескими».

Марина просит оградить ее от приставаний — у нее роман с румынской кинозвездой, который дожидается ее в Париже, и при каждом удобном случае она рвется домой.

Высоцкий об этом знал, во всяком случае,

сплетни такие слышал, и все равно не оставлял планы «взятия Бастилии или Дарданелл». Как-то в ресторане ВТО атаковал вопросами свою давнюю симпатию, актрису Валю Малявину, которая только-только вернулась из Румынии со съемок совместной картины:

— Как там Румыния, Валюш? Румыны не приставали?.. Ты там не слышала случайно о таком актере Кристи Авраам? Говорят, звезда...

— Слышала. И даже видела. Знойный красавец.

— У него, говорят, роман с Мариной...

— Не знаю. И знать не хочу. А ты если любишь — люби. И никого не слушай.

— Я люблю Марину. До сумасшествия. Она уехала в Париж. Что мне делать?

— Жди.

Он встал и вышел... через раскрытое окно ресторана. А потом взял и написал: *«Я встал и, как всегда, в окно, но на окне — стальные прутья…»*

«Что была ей, французской актрисе с мировым именем, страсть барда с хриплым голосом, пусть даже суперпопулярного у себя на родине? — трезво рассуждал свидетель «поединка» Влади-Высоцкий Игорь Гневашев. — Там, где сдавались без боя любые отечественные крепости, француз-

ский форт стоял непоколебимо. Не думаю, что это уязвляло его самолюбие, он был выше этого. Скорее это подхлестывало его еще больше, может быть, впервые за последние годы он встретил такое сопротивление: пить — так пить, любить — так королеву. За Володю волновались. Он же просто шалел от любви. Таким он был совершенно беззащитен, все страдания легко читались на его лице».

Вот и кончилось все, продолжения жду,

Хоть в других городах,

Но надежды, надежды, одной лишь надежды хотим мы.

Словно все порвалось, словно слышится SOS

На далеких судах...

Или нет — это птицы на запад уносят любимых...

Высоцкого считали мистическим человеком, провидцем от Бога, Кассандрой в мужском обличии, обладателем потрясающей интуиции. Иначе как объяснить появление имени недостижимой Марины Влади в ранней песне Высоцкого *«Сегодня в нашей комплексной бригаде...»*, напи-

санной за несколько лет до их непосредственного знакомства? Неужто исключительно благодаря удачно найденным парам рифм (*«бригаде — маскараде — зоосаде — наряде — дяди — засаде — параде — Нади — Христа ради — Влади»*)? Или настолько неизгладимым оказалось впечатление от кинофильма «Колдунья» по Куприну (*«Я увидел ее — и погиб...»*)? Или все же подспудным предчувствием неминуемой встречи (*«Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий...»*)?

А может быть, сказалось расположение звезд? Отнюдь нет. Астрологи, наоборот, считают, что союз Тельца (Влади) и Водолея (Высоцкий) практически невозможен. В женщине-Тельце проявляются высшие материнские качества земной Венеры, Богини любви, сошедшей на Землю. Гармония и покой, дом, дети, семья — требования Тельца. А свободный, оригинальный Водолей не стремится к домашнему очагу. Он вечно в поисках приключений: творческие планы, друзья, тяга к переменам мест, путешествиям в его жизни важнее любой привязанности... Его дом — это весь мир, да у него зачастую и нет дома. Маститые астрологи считали, что «именно этот союз является классическим примером брака, который не подчиняется законам. Союз Тигра

(Марина) и Вола (Владимир) — из числа приключений, а не брачных союзов... В этом тандеме Вол — прекрасная добыча кровожадного Тигра...»

Таким образом, Владимир и Марина звездам не подчинялись, действовали вопреки. Но во что-то же они верили?! В «черную магию», что ли? Не знаю.

Тогдашняя официальная пассия Высоцкого таганская актриса Татьяна Иваненко очень хотела, чтобы именно ее считали главной разлучницей Владимира с Людмилой Абрамовой. Людская же молва перекладывает всю вину в случившемся разрыве на Марину Влади.

На сей счет Людмила Владимировна Абрамова имела свое мудрое мнение: «Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это **его** выбор. Его! Не то, что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора — это самый главный святой закон...»

***

Высоцкий искренне признавался: «Тот, кто вдохнул воздух павильонов и услышал когда-нибудь команду «Мотор!» — тот отравлен кинематографом навек. Я отравлен — и это прекрасно».

Самолетом до Красноярска, оттуда — поездом до станции Мана. А там уже рукой подать — Выезжий Лог. Настоящий медвежий угол, берлога. Туда-то и прибыла киноэкспедиция Владимира Назарова на съемки картины «Хозяин тайги».

«Есть у нас раскладушка, стол и бардак, устроенный Золотухиным. — сообщал Владимир другу Вене Смехову в далекую, ставшую призрачной уже столицу. — Как истинный деревенский житель, он живет и в ус не дует и поплевывает на грязь, неудобства, навоз и свинцовые мерзости деревенской жизни. А я умираю...»

А через год с небольшим, сидя за накрахмаленной скатертью, уставленной хрустальными фужерами и мельхиоровыми приборами, в роскошном московском ресторане «Узбекистан», они с первобытной тоской вспоминали свое выезжелогское житье. Как же хорошо там было! Банька, изба, стол, на нем — самогоночка, нарезанное сало, лук, чесночок, хлеб. В подполе — молоко. В кастрюле — холодные остатки поросенка... И кудахтанье кур во дворе, напоминал Золотухин...

Хотя насчет «свинцовых мерзостей» Высоцкий не преувеличивал. Местный неторопливый уклад расхолаживал, таежный воздух нагонял сон. Валерий Золотухин фиксировал в своем

вечном дневничке: «Высоцкий так определил наш бросок с «Хозяином»: «Пропало лето. Пропал отпуск. Пропало настроение...» И все из-за того, что не складываются наши творческие надежды. Снимается медленно, красивенько... На площадке постоянно плохое халтурное настроение весь месяц, и ругань Высоцкого с режиссером и оператором Случалось, что Назаров не ездил на съемки сцен с Высоцким, что бесило Высоцкого невообразимо...»

Не ездишь — и не надо. На репетициях перед съемками Высоцкий брал режиссерские обязанности на себя. Ставил сцену подавления наклевывавшегося бунта на сплаве:

— Мне драка нужна. Понял? Он — моя правая рука — Варлашкин. Никто за него не заступится. Я два года вас всех в кулаке держу, — ему приходилось орать. — Вы со мной связаны. Пока вам милиционер не помог. Понял, нет?.. Это не должно быть простой дракой. Это — издевка. Он сильнее тебя физически, а ты его спокойно раза два ногой в воду столкни и почти ласково: «Успокоился?.. Все, теперь иди, работай...

Он говорил: «Мне было интересно работать над ролью Рябого.. Человек он сложный и неоднозначный... Главное же, на мой взгляд, в противо-

речивости его характера. Личность, несомненно, сильная, привлекательная. Рябой способен на большое чувство... В общем, мне хотелось сыграть незаурядного человека, попытаться на примере Рябого показать, что мера отношения к окружающим людям есть одновременно мера отношения к себе самому...»

В августе, в разгар съемок, прикатил Станислав Говорухин. Просто в гости к другу, на охоту за тридевять земель. «Глубокой ночью вхожу в село, — рассказывал он. — Бужу всех собак, с трудом нахожу нужный мне дом. Стучу... Открыл мне Валерий Золотухин... В доме темно — ни керосиновой лампы, ни свечки, электричество отключили в одиннадцать часов вечера. Мы обнялись в темноте. Володя сказал... Что может сказать разбуженный среди ночи человек, которому в шесть утра вставать на работу?

— Какую я песню написал! — сказал тогда Володя. Я еще рюкзака не снял, а они с Золотухиным уже сели рядышком на лавку и запели на два голоса «Баньку»:

Протопи ты мне баньку, хозяюшка, —
Раскалю я себя, распалю.
На полоке,у самого краюшка,

«И сразу наладил наш быт, — обрадовался появлению Говорухина Золотухин. — В доме появилось завсегда молоко, мед, поросенок, гусь, курица, банька по-белому и по-черному... Забрал Высоцкого на пару дней».

Говорухин решил познакомить Владимира с большой наукой. «В Новосибирске физики показывали нам настоящий ускоритель, — вспоминал он. — Объяснял, что к чему, молодой бородатый ученый. Вскоре я отвлекся от объяснений, так как перестал что-либо понимать... Смотрю, Володя кивает, поддакивает. Ну, думаю, играет, а на самом деле ничего не понимает, как и я. Вдруг он стал задавать вопросы бородатому физику. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Словно мячики кидают друг другу. Вскоре я понял, что мой друг свободно разбирается в предмете разговора. А ведь он был чистым гуманитарием...»

Но вернулся из Новосибирска Высоцкий, и сразу тоска в деревеньке улетучилась. Золотухин ликовал: привез подарки от художников, бутылку армянского коньяку и наброски новых песен. «По ночам Владимир работает, пишет. Иногда что-то проверяет гитарой. Лампа электрическая, в миллион свечей — другой нет...»

«Я люблю, когда мои песни, которые я пишу специально для фильмов, звучат на титрах, или в конце картины, или на каких-нибудь видах, чтобы действие, то, что происходит на экране, не отвлекало вас от содержания песни, — рассказывал Владимир. — Потому я всегда пишу песни, чтобы они могли жить самостоятельно, не только на сцене или на экране...»

Одна из песен стала чем-то вроде современной серенады:

Дом хрустальный на горе для нее,
Там, как пес бы, так и рос в цепи.
Посмотри, как я любуюсь тобой,
Как Мадонной Рафаэлевой...

А для серенады, естественно, нужен объект внимания и воздыханий — как же без него? Вернее, без нее. На роль искусительницы Нюрки была приглашена Лионелла Пырьева. На пробах в Москве она артачилась: «После фильма «Братья Карамазовы» мне... предложили роль современной героини в «Хозяине тайги»! Сначала я была возмущена. Высоцкий меня по-дружески высмеял. В фильме подобрался неплохой коллектив...»

Разве можно было вчерашней Грушеньке устоять на красноярском пленэре под мощным напо-

ром *«бывшего лучшего, но опального стрелка»*? Тем более, сценарий предполагал романтические отношения и глубокие чувства. Хотя человек воспитанный и деликатный, Высоцкий о делах сердечных, происходивших в таежном краю, умалчивал и в целях конспирации уныло писал Смехову в белокаменную: «Эх! — думаю я. — Нет среди нас Веньки и баб. А жаль!..»

Наблюдательные аборигены поселка Выезжий Лог судачили: «Они жили вместе и, не скрывая чувств, обнимались и целовались у всех на виду». А дед по фамилии Басистный «по секрету» рассказывал, что актриса, поссорившись с Высоцким, даже пыталась травиться, и за ней из Красноярска якобы прилетал вертолет. Спасли.

Даже в «медвежьем углу» Высоцкий не забывал о своем обещании, данном одесскому режиссеру Георгию Юнгвальду-Хилькевичу: по возможности сочинить песни для будущих «Опасных гастролей». И теребил, не давал покоя другу: «Дорогой мой Юра! Это оказалось довольно трудно, чтобы и стилизация, и современность, и юмор, и лесть, и шик, и элегантность, и одесское чванство. Насколько удалось — увидим. Нужна музыка. Пусть композитор начинает, а потом мы вместе. Как там сценарий? Пиши, Юра, получше! Не слу-

шай советчиков, подавляй автора интеллектом, а при отсутствии такового — угрожай всеми возможными средствами... Например, припугни, что возьмешь править сценарий Муратову или главного героя тоже сделаешь грузином..»

В конце августа лимит времени, отпущенный актерам Театра драмы и комедии на Таганке на отдых и съемки, иссяк. Учитывая «особые обстоятельства», на первом сборе труппы необходимо было быть вовремя, кровь из носу... А получилось с «перевыполнением»: день общего собрания на Таганке сдвинули. Не беда, зато удалось поспеть к прогону «Последнего парада» в Сатире. Все понравилось, кроме самой драматургии. Скоро премьера. Штейн обещает, что в сборнике его пьес «Парад» будет опубликован с текстами песен и указанием автора.

Домой совершенно не тянуло. Да и дома-то не было. Люся все- таки ушла. Убежала к себе, на Беговую. Такой вот каламбур. Надо будет Веньке «продать», он такие штуки обожает.

Людмила Абрамова задавала себе вопрос: боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет — «все». А потом, когда пришел конец всему, я сразу по-

няла, что надо уйти. Просто надо было с силами собраться и сориентироваться...

Кроме всех житейских претензий, в душе Людмилы Владимировны, наверное, тлел уголек обиды на мужа за ее несбывшуюся судьбу как актрисы Еще бы — такой блестящий старт. «Мисс ВГИК», она еще студенткой получает главную роль в кино, потом занимается пантомимой в модном театре, задумывается над научной карьерой. Но — одна беременность, следом вторая. Неустроенный быт, безденежье и косые взгляды родни: дескать, говорили мы тебе... В конце концов, неопределенный статус гражданской жены, затянувшийся аж на три с лишним года. Вот откуда возникла ею самой придуманная роль эмансипированной женщины, чье призвание — дети, семья, а не презренное лицедейство. Роль, которую она напрасно пыталась разыгрывать перед тонким польским интеллектуалом Лемом.

Вплоть до середины 60-х годов Владимир живо интересовался творческой карьерой Людмилы, следил за ее работой в экспериментальном театре пантомимы Александра Румнева, советовался с друзьями, куда бы ее еще пристроить, подыскивал подходящий киносценарий для нее... Последний раз Абрамова мелькнула на экране в

1969 году в совместном с немцами фильме «Мне не забыть тебя, Юсте». А потом со служением музам покончила раз и навсегда. Попыталась отрезать от себя все — и Высоцкого, и его песни, и кино, и Таганку, и большинство прежних друзей...

В 1980 году Вероника Долина написала о ней печальную песню «Его отбросило волной, ее прибило... А ей остались сыновья с его чертами...».

Едва закончилось первое после летних каникул собрание в театре, Высоцкий подошел к Алле Демидовой, помахивая августовским номером «Юности»:

— Читал, читал. Поздравляю. Значит, ты хочешь сыграть Гамлета?

— Да. Хочу и буду.

— Ты подала мне хорошую мысль, Алла.

И ушел независимой походкой, не оглядываясь. Вечером подсунул журнал Золотухину, дескать, почитай откровения нашей Аллы Сергеевны «Почему я хочу сыграть Гамлета»:

«В свое время я собиралась репетировать Гамлета с Охлопковым. И вот телеграмма из Ленинграда, из группы «Гамлет». Естественно, я решила, что меня будут пробовать на Гамлета. Бросила все, полетела в Ленинград. Оказалось,

вызывали на Офелию... Гамлет актуален всегда. Ведь Гамлет (может быть, это моя сугубо личная трактовка) — это, прежде всего, талант. Человек, которому дано видеть больше, чем другим. А кому много дано, с того много и спросится. Разве это не имеет отношения к извечной проблеме о месте художника в жизни, об особой ответственности таланта за все, что его окружает? О невозможности играть в прятки со временем?.. Вот почему Гамлет не может бездействовать, хотя знает, что это приведет его к гибели. И он решает: быть — вступает в бой».

Рассуждения Демидовой пришлись по душе Белле Ахмадулиной. Она сказала ей: «Это идея поэтов. Гамлет — поэт. А вы актриса — и в какой-то степени поэт...» Зато Владимира остро царапнуло это противоестественное, чуть ли не кощунственное, по его мнению, желание Аллы Сергеевны.

Позже он признавался, что хотел **так** сыграть Гамлета, чтобы никогда ни одной актрисе даже не приходила в голову мысль претендовать на эту роль. Офелия, Гертруда — пожалуйста, сколько угодно. Но Гамлет?!

Владимир Семенович долго пытался разгадать истоки «трансвеститной», крамольной идеи Аллы. В интервью болгарскому литератору Любену

Георгиеву он высказывал предположение: «У них (женщин. — *Ю.С.*) меньше интересных ролей... Ну, на таком уровне, может быть, леди Макбет в мировой литературе — и все!.. Гамлет не мог быть женщиной. Шекспир... написал мужчину!»

Своим Гамлетом Высоцкий Аллу Демидову убедил: он — лучше и лучший.

Во всяком случае, когда главный режиссер решил заменить Высоцкого на Золотухина, она «сочла за лучшее не участвовать в репетициях».

***

В Москве поклонники следовали за Мариной Влади по пятам. И какие! За ней увивались самые знаменитые, самые модные, самые именитые на ту пору кинорежиссеры, актеры, поэты, писатели, художники, успевшие привыкнуть к тому, что обычно именно к их ногам падали поклонницы, а не наоборот. В случае с Мариной им самим приходилось вспоминать подзабытые амурные хитрости юных лет, пыхтеть, пыжиться и напрягаться. Сергей Юткевич недоумевал: «Марина, здесь у ваших ног и лучшая проза, и лучшая поэзия, что вы еще хотите?»

Даже после того, как постоянным спутником Влади стал Высоцкий, преследования не прекра-

щались. Но что толку? С появлением Владимира Марину внезапно окружила прозрачная, но абсолютно непрошибаемая стена.

Весьма популярный в те годы прозаик Анатолий Гладилин отнекивался: «У меня никакого романа с ней не было. Мне просто очень льстило, что Марина Влади со мной дружит, ну а ей, видимо, требовалось, чтобы около нее были какие-то люди, которые смотрят с обожанием, как-то ей помогают, развлекают... Когда мы с Мариной где-то появлялись, я же видел, какой ажиотаж вокруг начинался. Помню, когда я впервые привел ее в ресторан ЦДЛ... тут же пронеслось: «Посмотрите, в пестром зале сидит Гладилин в своем старом свитере, а рядом с ним Марина Влади!..»

Разумеется, Марина не только ходила по ресторанам. Анатолий Гладилин завлекал ее своими друзьями. Водил в гости к Григорию Горину (малоизвестному тогда сатирику), который угощал их настоящим грузинским ужином, потом к друзьям-физикам, затем в легендарное Переделкино на дачу Валентина Катаева. «Живой классик», «любимый ученик самого Бунина» суетился, долго разжигал костер, созывал народ. Вместе с народом появился и Евтушенко. Когда Гладилин предложил Марине возвращаться в Москву на

его допотопном, конечно же, «Москвиче», Евгений Александрович встрепенулся: «Никогда не оставлю Марину Влади наедине с Гладилиным! Еду с вами!»

Но имя главного сердцееда Москвы с сибирской станции Зима так и не перевесило чашу весов в его пользу. Осознав свое фиаско, Евтушенко вынужденно сделал дарственную надпись на своем очередном сборнике «Идут белые снега»: «Марине и Володе, чтобы, даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословенна Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мыть Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко».

Напрасными были и потуги преуспевающего кинорежиссера, плейбоя Андрона Михалкова-Кончаловского, считавшего себя наследником классиков «неореализма». Он попытался ехидно поизмываться над «плебеем Высоцким, вырядившимся в нелепые для ресторана кожаные джинсы», но, увы... Марина стихи слушала, скептическим замечаниям сноба-режиссера внимала, ласково кивала, улыбалась, но только — Высоцкому.

В русском языке есть такой забавный глагол — «домогаться». Влади действительно домо-

гались. Все кому не лень. А таких находилось немало. Завсегдатаи ресторана Дома литераторов вспоминают один из новогодних вечеров. За праздничным столом — Высоцкий с Мариной и Игорем Кохановским. На Влади, естественно, пялились все посетители. Но особенно упертым оказался писатель Александр Рекемчук Дождавшись, когда Кохановский выбрался из-за стола и направился в туалет, Рекемчук ухватился за рукав автора «Бабьего лета»: «Гарик, познакомь с Мариной Влади!» — «Пусть Володя тебя знакомит». — «Да я и с ним не знаком...», — замялся Рекемчук — «Ты не знаком?!. А кто с ним прошлой ночью за водкой на грузовике ездил?..» Вспомнил Рекемчук было, ют же черт!..

Всякие случались истории. Не менее примечательная произошла с другим посетителем ЦДЛ, поэтом-неудачником Сеней Сориным. Сомнамбулически бродя по залу, он неожиданно обнаружил прямо перед собой французскую кинозвезду. Уселся за ее столик и... уснул. Бахус шалил. Когда Марина стала прощаться со Спутниками, по очереди пожимая каждому руку, Сорин очнулся, увидел протянутую руку и — лизнул. Все обалдели И Марина в том числе. Но Сорин знал, что он делает. Он неторопливо достал из кармана

химический карандаш и написал на Маринной ладошке (на месте, которое лизнул) номер своего телефона. Компания расхохоталась, Влади тоже...

Аксенов был «шармирован» (выражение Гладилина) Мариной. Как-то они втроем славно сидели в уютном местечке. Смотрели на Влади влюбленными глазами. А она взяла да и ошарашила: «Толя и Вася, если бы вы знали, как мне хорошо с вами. Только я одно не могу понять — почему вы оба такие антисоветчики? Вы живете в прекрасном мире социализма и все время его критикуете! Что вам не нравится в Советском Союзе?» Завелась: мол, вы просто не представляете, каково жить на Западе! Безработица, расовое угнетение, равнодушие друг к другу, налоги и так далее. На налоги она особенно ополчилась — ты всегда останешься нищим, если не будешь получать деньги в конверте под столом. Слава богу, молодым прозаикам хватило ума не спорить о политике с красивой женщиной: *«Мол, жизнь научит, мол, жизнь накажет...»*

Так и получилось. Когда через пару дней ее не пустили в ресторан гостиницы «Советская» в брючном костюме и порекомендовали переодеться, в номере она закатила истерику и орала на ни в чем неповинного Гладилина: «Как ты

можешь жить в этом фашистском государстве? Фашистские законы! Фашистские запреты!»...

Кипящая от возмущения, и оттого еще более прекрасная, она рассказала своему «Володье» эту историю. Он расхохотался:

— Мариночка, слушай по этому поводу анекдот. Откуда родом Адам и Ева? Конечно, из Советского Союза! Голые, босые, одно яблоко на двоих и считают, что они в раю.» Смешно? Ну, не грусти, Мариночка. Все будет хорошо...

Скрипачка Айше Чулак рассказывала: «Как-то в перерыве съемок... мы с Мариной шли обедать, и она позвала меня в дамскую комнату.» Она стояла в уголке, что-то поправляла и вдруг говорит. «Айше, что мне делать?» Она в это время решала свои отношения с Володей. Я говорю: «Как, что делать? Если ты его любишь, он тебя тоже, так при чем тут другие?» — «Понимаешь, много сложностей». И тут я увидела такие глаза! Русалочьи, горячие, страстные. Обычно у нее они невинные, голубые, а тут — зеленые! Никогда их не забуду...»

Затем был удивительный вечер у старого знакомого Макса Леона. Высоцкий пел «Охоту на волков» и весь свой ошеломляющий цикл 68-го.

Все! Марина полюбила его в мгновение... Уже после бракосочетания ее спрашивали:

— Ты что, во всей Франции не смогла найти себе мужа?

А она отвечала:

— Там — шарман, здесь — мужик

О вечеринке у журналиста «Юманите» Валерий Золотухин рассказывал: «15.10.68. Ну вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот. Во-первых, не хотела ехать жена — «не хочу и все, потом объясню... там будет эта... Влади, я не хочу ее видеть, я прошу тебя туда не ездить»... Как-то мне удалось ее уломать, а теперь думаю — зря... Посещение Макса должно было состояться втайне от Иваненко, по крайней мере, присутствие там Володи. Танька с Шацкой потихоньку у меня по очереди выведывали, должен ли быть там Высоцкий... Кончается спектакль, стоит счастливая Танька и говорит, что ей звонил Володя и «все мы едем к Максу.- машина нас уже ждет. Приехал за нами его приятель»... Меня Это обескуражило, честно говоря, но я подумал: а что? Высоцкий йе такое выкидывал, почему бы и нет? А вдруг так захотела Марина или он что-то замыслил. Но всех нас надула Танька, а меня просто сделала, как мальчика. Мы приехали к Максу, когда там не было еще ни Володи, ни Марины, и весь обман мне стал ясен... А когда

вошли счастливые Марина с Володей и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас, что я наделал и что может произойти в дальнейшем... Танька сидела в кресле, неприступно-гордо смотрела перед собой в одну точку и была похожа на боярыню Морозову..»

Наибольшее впечатление в доме Макса Леона на Золотухина (кроме, разумеется, самой Марины, инопланетянки) произвела медвежья шкура на полу и множество всяких экзотических по тем временам напитков.

Кое-кто из гостей припоминал, что поначалу французская гостья даже обрадовалась свиданию с Татьяной и Ниной, все приговаривала: «Девочки, как хорошо, что вы пришли!» А закончился вечер традиционно, ala russ, то бишь со скандалом.*«После литры выпитой...»*, когда все были уже изрядно подшофе, «разборки» затеяла Таня Иваненко, которая заявила Марине Влади, что ОН мой — и только, и завтра же придет ко мне. А Марина, не собираясь демонстрировать свои отношения с Володей, вовсе не стремилась возражать, спорить, а только спрашивала Таню: «Девочка моя, да что это с тобой?» Высоцкий пытался вмешиваться в перепалку, то затыкал рот Татьяне, то вдруг сорвал с Марины колье и

рассыпал сверкающие жемчужины... В общем, было «весело». Угомонились только к трем часам, когда одному из гостей — кинорежиссеру Анхелю Гутьерресу — удалось в конце концов увести Татьяну домой. Рыцарь Высоцкий поймал ночной молоковоз, отвез в гостиницу Марину и в ее номере безмятежно уснул.

Гостеприимный дом Макса всегда был открыт для гостей с Таганки. Обычно все начиналось после ужина в ВТО. Пили водку, пели песни. И всем было хорошо. Но Марине тоже порой хотелось почувствовать себя хозяйкой, и тогда она созывала гостей в свой гостиничный номер...

Но вновь дела семейные, киношные и прочие постоянно тянули Марину Влади домой, во Францию.

Моменты ее отлучек Высоцкого терзают чуть не физически. Он не выдерживает, звонит в Париж. Маринина мама, наблюдая за дочерью во время странного телефонного разговора, говорит ей: «Ты влюблена...»

***

Семейная история Поляковых-Байдаровых, судьба самой Марины Влади уникальна и причудлива, словно история государства российского,

и сама по себе (даже без Высоцкого, а с ним — тем паче!), по меньшей мере, увесистого тома достойна.

Марина Владимировна гордилась, что род ее, кроме русских, имел еще и шведские, и татарские корни. Дед по материнской линии происходил из старинной фамилии Энвальдов, обосновавшихся в России еще при Петре Великом, когда после Полтавской битвы шведский офицер присягнул российскому императору.

Один из продолжателей славной фамилии Энвальд стал адмиралом Балтийского флота. Прабабушка Марины (удивительной красоты татарочка) была дочерью влиятельного муллы. По настоянию родителей деду Евгению Васильевичу Энвальду тоже пришлось пойти по военной стезе. Дослужился до генеральских эполет. Участвовал в первой мировой войне, стал георгиевским кавалером. Во время гражданской сражался с большевиками. Не взирая на строгость своего ремесла, всю жизнь втайне мечтал о сцене. Несостоявшийся служитель Мельпомены судьбе не сдавался и даже в военных лагерях сооружал амфитеатры со сценой, где по выходным ставились любительские спектакли для солдат и офицеров.

В 1919 году многочисленному генеральскому

семейству пришлось бежать из России. В семье выросло шесть мальчиков и столько же дочерей. Старшей была Милица, мать Марины. В ней с детства сказывались «театральные гены» отца. Обожала балет, в 17-м даже успела станцевать в Смольном перед царской семьей. Это был последний выпуск института благородных девиц.

«Моя мама, — писала Марина Владимировна в книге «Мой вишневый сад», — была олицетворением безопасности, добра, теплоты. Расцвет ее юности пришелся на революцию — в семнадцатом году ей было 18 лет... Она была среди тех, кто, воодушевившись новыми идеями, вывесил в день восстания красные лоскуты на окнах. Потом она видела, как грабили евреев-суконщиков, и на всю жизнь запомнила, как отливающие разными цветами огромные куски ткани валялись, размотавшись по всей улице. Потом убили ее любимую классную даму — и она, как и многие другие девушки, в страхе бежала за границу...» В эмиграции Милица поначалу танцевала в Белграде. Выйдя замуж, переехала в Париж и поступила в труппу прославленного театра «Гранд-Опера».

Отец Марины Владимир Васильевич Байдаров накануне первой мировой учился в Московском технологическом институте и одновременно в

консерватории. В 1914-м юный Владимир решил, что место мужчины на фронте. Он был одним из первых в России авиаторов и мечтал стать военным летчиком. Но, по законам царской России, это оказалось невозможным: единственного сына вдовы не имели права призывать в действующую армию. Молодого человека это не остановило. Он добрался до Парижа и вступил волонтером во французский военно-воздушный флот. Достойно сражался против германцев. Был ранен, награжден воинским крестом.

По окончании войны Владимир Васильевич посвятил себя сцене. Пел в оперных театрах Парижа, Монте-Карло, Латинской Америки. Во время гастролей в Югославии влюбился в русскую балерину со старинным именем Милица и увез ее во Францию. В счастливом браке у супругов рождались только девочки, имена которых со временем стали известны всему миру — Таня (Одиль Версуа), Елена (Элен Валье), Милиция (Ольга Варен). Когда на свет появилась Марина, отцу было уже пятьдесят, а маме — за сорок. В метрике записали — De Poliakoff-Baidaroff Marina Katrin.

Опера была не единственным увлечением Владимира Васильевича. Он хорошо рисовал, лепил, проявлял незаурядные изобретательские спо-

собности. Но самой главной, всепоглощающей, была иная страсть... Даже не подозревая об увлечениях своего будущего тестя, ни разу в жизни не видевший его в глаза, Владимир Высоцкий как будто бы о нем написал: *«...ну, а после, конечно, мы рванем на бега!»*. Именно на ипподромах спустил Поляков все состояние своего отца, бывшего владельца знаменитых самарских самоварных заводов.

В своей первой автобиографической книге «Бабушка» она писала: «Я не проснулась однажды утром с решением, что буду актрисой! И не выбрала эту профессию случайно — меня к ней сознательно готовили... Еще ребенком работала на радио и в дубляже. Меня это очень развлекало, но я еще и гордилась тем, что зарабатывала деньги... Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы заниматься чем-то другим. Кроме того, это был способ избавиться от бедности. Наш дом всегда был полон людей из артистической среды. У меня и моих сестер было все необходимое, хотя и жили мы бедно...

Родители решили устроить представление, чтобы немного заработать. Накануне мама три дня пекла пирожки. Прошло столько времени, а я четко помню, и как тянулась за пирожками, и

как танцевала и пела: «Что танцуешь, Катюня? — Польку- полечку, мамуня...» Позже Марина уточняла: «Родители давали представления в православной церкви в Клиши и в русской консерватории в Париже... Папа с мамой, заметившие, что я помню наизусть песни и танцы, которые вместе с ними исполняла моя восьмилетняя сестра Елена, решили использовать в этой роли и меня...».

Благодаря бабушке, появившейся в Париже в 36-м, в доме говорили только по-русски. Она много рассказывала о себе, своей нелегкой судьбе, о своем муже, Маринином дедушке. Он был неисправимым гулякой, баловнем богатого московского семейства, частенько исчезал на несколько дней в компании цыган в «местах сомнительных удовольствий». Бабушка, безумно любившая своего шального супруга, прощала ему все. Марина находила много общего в своей судьбе и жизни бабушки.

Как вспоминала будущая актриса, бабушка «учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне углубилось...» Марина воспитывалась на русской классике: Чехов, Булгаков... На вопрос о любимом литературном

произведении неизменно отвечала: «Лев Толстой «Смерть Ивана Ильича». Это шедевр. Абсолютный. Туг все: и стиль, и философия, и нежность, и динамизм, и доброта». Хота к глубокому пониманию русской культуры она приблизилась позднее, через Высоцкого.

В годы второй мировой войны Поляковы-Байдаровы оказались «под немцем». «Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время... Голод... Моя мать похудела на 30 килограммов» Она ничего не ела, все отдавала детям... У нас не было отопления, спали одетыми... У отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный, кто в семье ел мясо, потому что работал. Он мне давал кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец был совсем не коммунист. Он был анархистом, но родители очень переживали за Россию...»

В девять лет Марина начинает подрабатывать на радио, ее пришли в хореографическую школу при «Гранд-Опера». Через год она вместе с Таней-Одиль впервые появляется на съемочной площадке фильма «Летняя гроза», который ставил известный режиссер Авдре Кайятт. Потом снимается в английской картине «В жизни все

устраивается». В 14 лет она заключает контракт с известной итальянской кинокомпанией «Чинечитта», переезжает в Рим и участвует в съемках еще трех картин

В ней расцветает женщина: «Из костлявой плоской соплячки я преобразилась в пышную высокую женщину ростом 175 сантиметров. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой...» Во время «римских каникул» Марина целыми днями бродила улицами вечного города босиком, с распущенными волосами, в брюках и расстегнутой блузке, без бюстгальтера и «чувствовала себя богиней, привлекающей всеобщее внимание...».

Именно в Италии начались ее первые романтические приключения: «...я познакомилась с Марлоном Брандо. Я была не просто его фанатичной поклонницей, два года я сходила от него с ума... Когда он расстегивал мне лифчик, зазвонил телефон. Какой-то приятель интересовался, чем он занят. Я услышала его ответ по-английски: «Как раз собираюсь лишить девственности одну соплячку». В ту же секунду мое желание остыло. Я встала, надела блузку и вышла. Больше я никогда с ним не виделась... Мужчины — негодяи!..»

«Соплячка» уже в 15 лет смогла себе позволить

купить дом с усадьбой в пригороде Мэзон-Лаффит, что в 30—40 минутах езды от Парижа. Секрет своих тогдашних финансовых возможностей она объясняла просто: «Гонорар за 12 картин в Италии. Мы там работали по 15 часов в день... Я совершенно ни на что не тратила, экономила, не одевалась, не ела в ресторанах и т.д. Но зато вся семья получила возможность здесь жить... Мама моя, мои сестры, все наши дети, — а у нас их 14, — жили в этом доме...»

Отец не дожил до ее триумфа. В память о нем Марина взяла себе творческий псевдоним — Влади, к которому очень быстро привыкли режиссеры, продюсеры и миллионы зрителей, обожавших молодую яркую актрису.

Жизнь Марины круто изменила встреча с талантливым актером и начинающим режиссером Робером Оссейном. Оссейн — он же Роберт Андреевич гуссейнов — был сыном перса и русской актрисы. «Когда я впервые увидел Марину Влади, — вспоминал Робер, — она была совсем ребенком, «маленькой мышкой» — балеринкой... К 15 годам Марина была дьявольски красива! Я был на десять лет старше, но при ней робел, словно мальчишка... Я готов был на что угодно, лишь бы обратить на себя внимание...»

Оссейн знал безотказный способ покорения юной красотки: пригласить ее сниматься в своем фильме. Картина «Негодяи спускаются в ад» принесла Марине и, естественно, режиссеру мировую известность. В 17 Марина вышла замуж за своего партнера, режиссера и любовника. Поначалу ее мама рвала на себе волосы: «Муж, дети — это конец карьеры! Живи с ним, раз уж так случилось, но не посвящай ему всю себя!» Но Марина стояла на своем: «Он идеал: творец, режиссер, актер. И так красив!..» Мама ошиблась относительно краха карьеры — творческий взлет дочери только начинался. Но вот в супружеских отношениях после посещения в 1957 году таинственной, загадочной и далекой России появилась трещина. Как писал в свое время Маяковский: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва...»

Москва влюбилась тогда в «русскую парижанку» стремительно и безоглядно, посмотрев фильм «Колдунья» по мотивам куприн- ской «Олеси». «Мой успех был необычайным, и Робер не мог этого вынести, — чувствовала Марина. — Он не покидал гостиничного номера, а я одна разъезжала по приемам, пресс-конференциям. Все, что я говорила, вызывало восторг, аплодисменты...»

Вскоре по возвращении домой они расстались. Причины разрыва были, конечно, не только в ревности Оссейна к популярности жены в красной России. Много позже Марина по-своему объясняла причины семейного краха: «У меня были надежды иметь шестерых детей, организовать свой театр. А он стремился делать только кино. Детей иметь не хотел...» Но, тем не менее, за пять лет брака Марина успела родить «соблазнителю лолит» двух сыновей — Игоря и Пьера.

Следующий — Владимир — появился у Марины от второго мужа — летчика Жан-Клода Бруйе, совладельца крупной авиакомпании в Габоне. Он был «настоящий такой мужик. Авантюрьер... Гасконец к тому же», — посмеивалась Марина. Со своим «авантю- рьером» Влади сполна вкусила все прелести роскошной жизни, радость путешествий, романтических морских круизов под тугими парусами белоснежных яхт. В 1965 году ее пригласили на очередной Московский кинофестиваль. И вновь, как несколько лет назад, Марина была в центре внимания, а Бруйе играл роль «немого» мужа.

Марша Владимировна никогда не скрывала: «Я всегда искала в своих мужьях нечто, напоминавшее бы мне моего отца. Но твердость и защиту,

которые казались найденными в таком человеке, лишенном предрассудков, как Робер, или в героическом пилоте, как Жан, — все это мне дал только третий муж — Владимир Высоцкий...»

***

В маленькой, теплой квартирке Валентина Савича на улице Веснина спокойно и уютно. Отсюда не хочется уходить, было такое чувство, что там, за окном, на улице все дела и заботы, все неприятности. В театре «шеф» злится: «Тартюф» не клеится. Не лежит у Владимира душа к этому Оргону, ну его к лешему. Подумаешь, главная роль! Галилей, Хлопуша — куда главней... С Дупаком уже оговорил тылы, план отхода, а с Петровичем все оттягивал. Недавно была очередная репетиция. Смехов потом нахваливал: «Прекрасно!». А когда узнал, что Высоцкий решил отказаться, удивился: «Ты тогда хотя бы похуже репетировал, чудак!» А он не умел иначе. Наконец, собрался, пошел в кабинет к Любимову:

— Юрий Петрович. Пускай репетирует Феликс Антипов, а мне — вот так надо!

Что тут началось!.. Крик, шум, проклятия, просьбы! Слава богу, потом шеф все же угомонился...

Ладно, людям новые песни обещал показать. «Валентин, ты готов? — спросил хозяина. — Ну, поехали!..»:

У нее все свое — и белье, и жилье, —
Ну а я ангажирую угол у тети.
Для нее — все свободное время мое,
На нее я гляжу из окна, что напротив...

Кто-то из ребят, послушав в первый раз про «популярного артиста из «Таганки», пошутил: «Окно, что напротив...» — уж не в славном ли городе Париже?»

Горько-сладкое послевкусие осталось после премьеры «Служили два товарища». В фильме осталась треть роли Брусенцова, все остальное ушло в корзину. И сцена свадьбы с Сашенькой — Ией Саввиной, как черт из бутылки, вылезает. А ведь до этого были громадные эпизоды, где было показано, что он за человек, его философия. Но это велено было убрать. Осталось голое действие. Ия тоже жалела замечательную сцену: «Мне ее так жалко, ну просто не передать! Сколько было любви, сколько нежности у этого Брусенцова. По фильму он резкий, озлобленный, а тут был нежнейший человек, любящий. Я так тогда негодовала, была просто вне себя!.. И выбросили эту

сцену именно затем, чтобы не показать, будто белогвардейцы могут так любить».

Хотя, честно говоря, картина получилась. Ему удалось показать трагедию человека, волею судеб оказавшегося в числе защитников белого дела. Такие, как Брусенцов, понимали свою обреченность. Жить вне России для них было невозможно, а новую Россию они принять не могли...

— Володь, а что там с Сатирой, спектакль-то вышел? — поинтересовался Валик Савич.

— Да, все в порядке. Песни мои поют, и довольно неплохо, я даже не ожидал. И «Шмнастику», и «Корабли». Будешь записывать? Давай. Там еще одна была, послушайте, это как бы семейная хроника...

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье, —
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу!..»
В общем, так один Жираф
Влюбился — в Антилопу!

После премьеры в Театре Сатиры, как водится, был банкет в малом репетиционным зале за длинным столом. Когда за ним остались самые стойкие, попросили спеть. Конечно, почему нет?!

Милая актрисочка Танечка Егорова смотрела на него во все глаза. Захотелось петь ей одной — и про жирафа, и про девочек, которые скоро сменят шинели на платьица, и другие песни...

Татьяна Егорова потом вспоминала об этом странном вечере и о Высоцком: «Вокруг него образовался круг артистов. Я взяла свой стул и села неподалеку. Он впился в меня глазами и вместе со стулом подвинулся к моему.. Ударил по струнам... Встал. Налил водки. Выпил. Налил бокал шампанского — протянул мне. Опять ударил по струнам и новая песня — глядя мне в глаза... Мой цензор был во хмелю и крепко спал, и я без руля и без ветрил бросилась в «поток» под названием «Высоцкий». Он это чувствовал, у нас произошло сцепление... Какого рода сцепление было у Высоцкого, мне не дано знать, скорее всего, это было вечное одиночество... В этом небольшом зале летали невидимые огненные стрелы, вспыхивали невидимые молнии — напряжение было такое, как во время грозы. Своим рычащим и хриплым

голосом, впившись в мои зрачки, Высоцкий продолжал... Я сидела, улыбаясь, в малиновой юбке, в белой кофточке, как во сне, раскачиваясь на стуле, с остатками шампанского в прозрачном бокале... Я явно ему нравилась, Андрюша (Миронов. — *Ю.С.*) все это видел и пришел просто в невменяемое состояние от ревности. Сказал: «Пойдем, я тебе покажу фотографию». Вывел меня в коридор и ка-ак даст! Там была полная тьма, и он не понимал даже, куда бьет. Так что эта горбинка на переносице — имени Высоцкого и Миронова. У Андрюши после этого случая на руке остался шрам. И в душе тоже...»

Бывает. Зря, что ли, Высоцкий пел: *«Спешу навстречу новым поединкам и, как всегда, намерен побеждать!»?*

Как же, как же, «победитель»... Из Парижа — ни гу-гу. Весь ноябрь в театре не играет, постоянные (и справедливые) претензии, висит там буквально на волоске. Потом опять больница, черт бы ее подрал, надо ломать график съемок «Опасных гастролей». Хотя при чем тут больница и лекари, сам во всем виноват!

В середине декабря состоялся худсовет Таганки по поводу восстановления в гражданских правах артиста В.С. Высоцкого. Ребята потом

пересказывали (хорошо иметь всевидящее ухо) речь Любимова: «Есть принципиальная разница между Губенко и Высоцким. Губенко — гангстер, Высоцкий — несчастный человек, любящий, при всех отклонениях, театр и желающий в нем работать». Строгий дядюшка Дупак якобы предложил перевести Высоцкого в рабочие сцены. Хотя бы временно, на какой-то срок. Дескать, есть же на Западе общественные работы, в той же его Франции, например.

Уел, чапаевец. Не иначе, от своей женушки, дочери героического комдива, мозгов поднабрался. Разберемся...

А тут еще Славина, прости Господи, свинью подложила. Пришел к ней за советом, как к товарищу: что делать, Зин? Она и присоветовала: встань перед Любимовым на колени и скажи: «Отец родной, не погуби!» Он послушался, дурак. А когда рухнул перед шефом, тот решил, что Высоцкий пьян и заорал: «Щенок, встань с колен! Ты что ползаешь, встать уже не можешь?!.» В общем, удружила Зина, научила...

На днях звонила Марина, обещала приехать на Новый год. Тогда все и наладится.

Перед праздником в театре решили устроить предновогодний «домашний огонек». Многое

изменилось за четыре с небольшим года, раньше каждый день рождения был общим праздником, а теперь? Стареем... Болгарский журналист Любен Георгиев, случайно оказавшийся среди гостей на том вечере, видел: «Каким мрачным и молчаливым выглядел Владимир... Возле его столика стоял пустой стул. Должна была приехать Марина (два или три раза он выходил и куда-то звонил по телефону), но она не приехала...»

«ОСТАЕТСЯ ОДНО: ТОЛЬКО ЛЕЧЬ ПОМЕРЕТЬ!..»

Очередная новость «извне»: на каком-то большом совещании в горкоме упомянули фамилию «Высоцкий». Приятного мало: «Театр на Таганке выгнал Высоцкого, так его подобрал «Мосфильм». Во- первых, театр не выгнал, на днях даже репетировал в горьковской «Матери», а во-вторых, если кто и подобрал, то не «Мосфильм», а Одесса.

Юнгвальд-Хилькевич задумал нечто вроде оперетки на революционные темы. Материал документальный — знаменитое «лит- виновское дело» 1910 года, когда большевики с помощью артистов переправляли из-за границы в Россию нелегальную литературу и оружие. Сценарий примитивный, зато есть где разгуляться. Тем более всю эту буффонаду, костюмированное представление Георгий-

Юрий предложил насытить всякими веселыми вставными номерами, в том числе и песнями. Канкан, девки пляшут, ногами машут, шансонье Жорж Бенгальский (он же подпольщик Николай Коваленко) поет куплеты:

Все в Одессе—море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте,
—
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра-варьете!

Не желаете разрешать концерты вживую — я вам с экранов зашарашу, лишь бы «Ангвальд» в последний момент не струхнул. Хотя к чему там можно придраться? Тема вполне идеологически выдержанная. Песни-пляски, ну и что такого? Если Владимир Ильич говорил, что революция — праздник порабощенных, то какой же праздник без веселья, переодеваний и маскарада?

Как ни странно, с утверждением Высоцкого особых проблем не было. «Тогда это была сумасшедшая прихоть зампреда Госкино Баскакова, — рассказывал режиссер. — У него была такая фраза: «Вот джинсы в кино изобрели. Я хочу, чтобы наш революционный герой был такими джинсами-символом».

Из «глубины сибирских руд» — памятного Выезжего Лога — в Одессу вслед за Высоцким прибыла Лионелла Пырьева. Ее ждала роль «несравненной

мадемуазель Софи», верной соратницы господина революционера. Режиссер-постановщик «Гастролей» горевал: «...не утвердили Риту Терехову. Это был своего рода компромисс за утверждение в роли Высоцкого. У Тереховой осталась обида. Я не борец!..» После проб Маргарите Борисовне расторопные ассистенты Хилькевича прислали телеграмму, мол, вы нам не подходите из- за сильной разницы в росте с главным героем картины. Она долго хохотала, рассказывая о благовидном поводе для отказа «революционеру Коваленко». А он возмущался: «Дураки! Хумингуэя не читали: «В постели все одинокового роста»!»

Обстановка на съемочной площадке царила легкомысленно-лирическая. Лионелла Пырьева хохотала, вспоминая, как в «Хозяине тайги» она Высоцкому-Рябому пощечину дала (по сценарию), а теперь у него появилась возможность «отомстить» — «там он мне две пощечины «отвесил», а целовал бессчетное количество раз...»

Но когда посреди съемок в Одессу врывалась Марина Влади, все тотчас менялось: «Подкатила на «Волге», — обиженно поджав губы, вспоминала Пырьева. — Володя тотчас увидел ее, подлетел к ней, затем последовал долгий-долгий поцелуй, как иной раз бывает в фильмах... Окружившие их

были в полнейшем восторге: «Ой, вы посмотрите сюда, это же Марина Влади!..» Поселилась наша романтическая пара не в гостинице, а на даче — или у Говорухина, или у Юнгвальд-Хилькевича...»

Правда, одесские гранд-дамы, замечая на улицах родного города Высоцкого в обнимку с Мариной Влади, шушукались: «Она такая красивая, что она в нем нашла?»

Когда закончились «Опасные гастроли», их создатели с садистским наслаждением принялись ждать реакции критики. В ожиданиях не ошиблись. Все — от «Правды» до «Литературки» — заклеймили авторов фильма под общим девизом: «Нельзя превращать героику в игру!»

— Володь, почитай «Советский экран». Там на «Гастроли» уже рецензии-эпиграммы стали печатать:

Нам выдал киноаппарат
Гибрид ревю и мелодрамы.
И смесь подпольных эскапад —
С красотами Одессы-мамы.

— И кто, Михалков? Нет? Волин? Первый раз слышу. Ну что ж, спасибо ему за рекламу. Правда, народ в кино и так валом валит...

***

«Театр выгнал, а «Мосфильм» подобрал...» Большего оскорбления придумать было нельзя. В начале мая артист Высоцкий вновь работает на Таганке.

— Почему мы вернули его? — пытался объяснить Любимов. — Потому что мне показалось, что он что-то понял.

Высоцкий действительно что-то понял. И не только о производственной дисциплине. Но и то, что ему уже становятся тесноваты рамки актерской профессии. Начала тяготить самая нижняя ступенька в творческой, театральной и киношной иерархии. Сам публично говорил: у нас ведь как — внизу актер, потом — режиссер, затем — автор, а выше только господь Бог.

Поэтому заинтересованно включился в работу над спектаклем «Час пик». Инсценировку по модной повести Ежи Ставинского написал Смехов. Высоцкий вместе с Буровым был официально назначен ассистентом режиссера-постановщика. На первой же репетиции дебютант смутил всех чрезмерным напором, азартом и общим неприятием артистов: «Он что, будет нам что-то объяснять, учить?» Плюнул, развернулся и уехал.

В следующий раз появился на «Часе пик» только на премьере.

...Видимо, его задели мои настырные вопросы о Таганке как сугубо режиссерском театре. Он начал отбиваться: был Станиславский — был его театр, Вахтангов, Брук — у них родились свои коллективы. Все нормально... У режиссера Любимова свой театр, почему нет?.. Но в то же время чуть-чуть иронизировал, скрывая улыбкой скопившееся раздражение, и раз за разом повторял, что в театральной иерархии актер где-то на самой нижней ступеньке...

Его теснили жесткие рамки, хотя и понимал, что без дисциплины, без режиссерского диктата спектакля никогда не будет. И любимовский призыв — «Тащите все, что придумаете!» — может быть безжалостно перечеркнут, отброшены твои идеи, если уже выстроена, сконструирована незыблемая схема, и шаг влево-шаг вправо считается наглым побегом за флажки...

Высоцкий сопротивлялся. Хотя и говорил, что «для меня Любимов был и остается режиссером номер один. На мой взгляд, большинство удач нашего театра — результат найденного Любимовым принципа совмещения условного с безусловным. Не знаю, насколько этот принцип первичен или

вторичен, разбираться в этом — дело театроведов. Важно, что благодаря ему театр обрел индивидуальность. И, конечно, благодаря постоянному поиску, постоянному эксперименту. Одно время я думал: может быть — хватит? Может быть, пора остановиться? У театра есть свое лицо, свой зритель, чего же еще? А потом понял: этот поиск и есть «лицо» театра, остановиться — значит, потерять его».

Соглашаясь с требованиями Любимова, поэт Высоцкий в своих песнях невольно, может быть, сам того не желая, через образ, через метафору обнажал суть их взаимоотношений.«Но тот, который во мне сидит, считает, что он истребитель.», «Я скачу, но я скачу иначе...», «Я устал от ударов ладоней...» Но конфликты между ними были конфликтами из разряда тех, которые бывают между самыми близкими и дорогими друг другу людьми.

***

«Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцам кем-то занят!» — предлагал поэт своей любимой.

Первым «раем в шалаше» стала для них квартира верного друга Севы Абдулова в самом центре

Москвы, на Тверской (тогда улице Горького), в знаменитом доме, стены которого могли бы успешно Заменить мемориальные доски. «Мы, — вспоминает Марина, — тут в первый раз вместе жили, как говорится. И Севочка одолжил нам свою комнату. Меня трогает очень это место. Оно полно воспоминаний...» Она очень целомудренно вспоминала тот вечер и свои чувства к Владимиру: «Мы обедали у одного из его друзей. И я говорю ему: «Я остаюсь с тобой». От радости он безумствует. Я тоже. И так тихая любовь становится страстью. Я действительно встретила мужчину моей жизни... В Володе есть что-то от бесконечной преданности, одаренности, от личности исключительной, общей с моим отцом...»

Осмелюсь предположить, что встречавшиеся в ее жизни мужчины были намного красивее, изысканнее, утонченнее Владимира, но ни от одного из них не исходило такой простоты и ясности, такой пронзительности и неожиданности, как от Высоцкого. И эти его чисто мужские качества Марину по-женски и по-человечески просто пленяли.

Она в самой превосходной степени говорила о своем «Володье»: «Он был очень-очень нежный. С ним было так легко жить... Когда был в своем

нормальном состоянии, он был мягким, добродушным, тактичным и очень щедрым. Он был работяга. Работал днем и ночью. В этом смысле он был очень сильным, но не был «твердым» Ее слова словно бы аукались с поэтическими признаниями мужа: *«Я не был тверд, но не был мягкотел...»*

Людмила Абрамова говорила, что ушла от Высоцкого, когда почувствовала, что уже не нужна ему как опора, как помощник, как поддерживающее начало. А может быть, ему и не нужна была именно такая жена, которая бы видела свое призвание в том, чтобы выступать дисциплинирующим стержнем, егерем, выставляющим на снегу красные флажки, чтобы строптивец осознал в конце концов, что *«мне нельзя налево, мне нельзя направо. Можно только неба кусок, можно только сны»*?

«Мы всегда на краю расставания и новой встречи, что заставляет не замечать ненужные мелочи, раздражаться, — признавалась Марина. — Долгие годы мне нравилось быть любимой. Я любила мужчин — мне нравилось в них мое отражение... Я любила любовь, удовольствие, получаемое мною, и сознание обладать кем-либо. И, безусловно, я верила, что отдаю всю себя, и не выносила,

не получая взаимности. Для меня невыносимо быть обманутой, я рвала все отношения... Либо живешь с человеком и никого рядом, либо живи одна. В моей жизни всегда было так! Никаких авантюр! Никогда! Это вовсе не пуританство. Это моя личная мораль... У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем. И если я замечаю, что это совсем не то, я спускаюсь с небес. Володя заставил меня измениться!.. Иногда он нуждается в материнской помощи, чтобы я потрепала его за уши. Он меня подавляет своими признаниями: «Я приношу все к твоим ногам, но отдавай мне тоже все»...Безумие нас обоих. Общее наше безумие...»

Влюбленная женщина гордилась: «Я умею любить. Это точно. Я умею любить потому, что отдаю все. Но и беру все тоже, конечно... Максималистка... Решение всегда остается за женщиной...»

Им всего лишь по тридцать. Как считает Марина, между тридцатью и сорока — лучший возраст для женщины. Ею уже пережито многое, материнство, любовь... Она уже в полной зрелости своего ума, но она еще молода. «Она может новую жизнь начинать — то, что у меня было с Володей. Это самый богатый момент. Я тогда выглядела на восемнадцать, а у меня уже было трое детей...»

Самые зоркие люди — художники. Борис Диодоров говорил, что когда Владимир пел, «Марина воспринимала его совершенно восторженно. Как-то очень по-женски она впитывала каждое слово... Марина восхищалась им тогда...». В память фотографа Валерия Плотникова врезался мимолетный момент, когда ему при съемке мешали волосы Высоцкого: «Я попросил Марину: «Причеши Володю». Марина начала причесывать, и я вдруг увидел, что лицо у него стало детским, таким, каким бывают лица детей, когда их причесывает мама...»

Человек доброжелательный и общительный, в Москве Влади легко находит подруг. Одно время была неразлучна с Ией Саввиной, знала многих таганских актрис. В редких (поначалу) моментах конфликтов с любимым оттаивала душой в компании с актрисой Ириной Мирошниченко. Женщин сближало многое, в том числе французский язык, музыка. Но прежде всего — общность жизненной философии. Ирина Петровна исповедовала принципы эмансипе: «Женщина должна иметь свой стиль, неповторимый, ее личный. Если он хорош, как ей и окружающим кажется, всегда нужно его сохранять, а не менять... Надо быть всегда такой, какая ты есть... Женщина в

некоторых ситуациях должна быть ниже мужчины. В личных взаимоотношениях женщина не должна быть впереди, чтобы мужчина не чувствовал себя ущемленным, слабаком перед ней, а, наоборот, ощущал себя личностью, мужчиной. Это очень тонкая вещь, которую женщина должна соблюдать, если она не хочет потерять этого мужчину».

Некоторое время Марина тепло приятельствовала с женой кинорежиссера Александра Митты художницей Лилей. Когда отношения с Владимиром стали серьезными и Марина стала приезжать в Москву с детьми, присмотр за ними доверялся только Лиле. А, учитывая особый кулинарный дар хозяйки и ее гостеприимство, многие праздники — дни рождения, премьеры, Пасху, Рождество, 7 ноября или день взятия Бастилии (почему же нет?) — отмечали именно в доме Митты. Как-то один из гостей, собравшихся у Александра Наумовича и Лили за новогодним столом, глядя в упор на Владимира, сказал: «А вы знаете, что мы должны понять, что статистически мы — самые счастливые люди. Потому что если бы сейчас каждого спросить в Советском Союзе о десяти человеках, с которыми бы он хотел встретить Новый год, то каждый на первое место

поставил бы Володю, а потом всех остальных. Все они были бы разные, а он был бы первый». Все посмеялись, подумали — шутка, не более того...

Правда, у Марины Влади были иные критерии счастья. Когда она только появилась в нашей компании, рассказывал режиссер, то воскликнула: «Ваше счастье, что вы не понимаете, насколько бедны!» А им не с чем было сравнивать. Даже если в доме оставался рубль, Лиля всегда умудрялась накрыть стол для гостей: покупала буханку «Бородинского» и пару-тройку плавленых сырков. Бутербродики ставились в духовку, потом украшались крохотными кусочками огурца и помидорки... Пальчики оближешь!

Марина гордилась тем, что была свидетелем создания и первым слушателем многих сочинений Высоцкого: «Были тексты, которые очень долго не материализовывались, он про них думал. Я чувствовала, как они рождаются... Вдруг он вставал ночью и, стоя, писал там на бумажке какие-то обрывки, и из этого рождалась песня через какое-то время. Ему нужно было написать то, что у него в голове было. Я всегда была первый зритель или слушатель. Он очень любил, когда работал, чтобы я лежала на диване, около стола. Я засыпала, конечно. Он меня будил, пел. Я снова

спала...» «Мы общались не только как муж и жена, мы общались как люди, как актеры. И я думаю, что, конечно, ему помогала. Не писать, конечно, — это не моя сфера...» Когда Марина говорила о том, что не помогала Высоцкому писать, она напрасно скромничала. Без нее не родились бы у поэта прекрасные стихи: *«Нет рядом никого, как ни дыши.»,«Это время глядело единственной женщиной рядом..», «Не сравнил бы я любую с тобой, хоть казни меня, расстреливай!..», «Кровиночка моя и половинка..!», «Я жду письма_ Мне все про тебя интересно...», «Люблю тебя сейчас, не тайно — напоказ!..»..*

Друзья, в частности Иван Дыховичный, считали, что Марина «исключительно положительный персонаж в творчестве Высоцкого. Она его приобщила ко многим вещам, которых он до нее не знал... Была бы рядом с ним какая-то красотулька или обывательница, или баба, которая бы просто заставляла бы его бабки зарабатывать, он пел бы без конца концерты, ни одной новой песни бы не написал. Просто тиражировал бы то, что уже сделано...».

Да, Марина приближалась к российской культуре через андеграундную культуру Высоцкого. А он через Марину приобщался к шедеврам ми-

ровой культуры. И, сам того не замечая (видели друзья), с каждым общением с новыми людьми на Западе он с точки фения культуры становился глубже и тоньше.

Их жизнь с Мариной переполняла высокая поэзия, но случалась и черствая проза. Такие мелкие, но чувствительные укольчики. Слава богу, Марина не обращала на них внимания.

Как-то в театре они случайно встретились с почтенным кинорежиссером Эльдаром Рязановым. Владимир решил познакомить его со своей очаровательной спутницей. Тот галантно запротестовал, мол, к чему, кто же не знает непревзойденную Марину Влади! Разговорились о том, о сем. Потом Высоцкий поинтересовался, правда ли, что режиссер собирается экранизировать «Сирано де Бержерак»? Сказал: «Мне бы хотелось попробоваться». Рязанов потом казнился, что, не подумав, ляпнул: ««Понимаете, Володя, я хотел бы снимать в этой роли не актера, а поэта». — «Но я тоже пишу», — застенчиво возразил Высоцкий.

...В гримерке театра на столике валялся какой-то журнальчик. «Молодая гвардия», апрельский номер. Владимир полистал, открыл наугад первую попавшуюся страничку, ого! — «...Хочу сознаться, что в последнее время мне как-то

разонравились песни о кострах, тропах, палатках и прочих туристических атрибутах. И даже во многих песнях о горах я научился улавливать фальшь, наигрыш... Я это уже слышу, например, в таких словах, как «можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы», мол, «выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа»...

Хм, надо же. Любопытно, это кто ж такое написал? Ага, Владимир Чивилихин. «Пестрый камень». Повесть в письмах». Даже не слыхал о таком. И что же тезка еще пишет?..

«..Даже охватывает презрение к такой позе, к такому вранью. Ни один высокогорник нарочно не выберет трудный путь, да еще столь же опасный, как военная тропа, если можно его избежать. Он именно свернет и обрыв обогнет, чтобы зря не свернуть шеи...»

Тьфу ты! Он что, этот Чи-ви-ли-хин, считает, что я инструкцию по альпинизму в стихах должен сочинять? Идиот. О чем же еще в этих «письмах»?..

«..А еще хуже, что есть среди авторов таких ходячих песен подонки, которые подсовывают грязненькие текстики, спекулируют на политике, сеют в здоровой среде микробы подозрительности и неуверенности, отражая, должно быть, суть своих слабых душонок. Один мечтает «расска-

зать бы Гоголю про нашу жизнь убогую», другой модернизирует блатной жаргон и осмеивает все, даже самое святое...»

Интересно, кому этот Чи-ви-ли-хин свои «письма» адресует? Прямо в ЦК или на Лубянку? Вот же паразит. *«На теле общества есть много паразитов...»*

Настроения — как не бывало. Душу бы юн из этой «слабой душонки». Мне только этих «писем» сейчас не хватает. Там «шеф» рвет и мечет, а тут еще Чи-ви-ли-хин нагадить норовит... Когда же они угомоняться? Ладно, разберемся. Так, Марина ждет возле «России» к 12. Успеваю...

В этот полуденный час в пресс-баре международного кинофестиваля посетителей было совсем мало. За столиком у громадного окна потягивали пиво двое молодых людей.

— Скоро начнут подтягиваться, — ухмыляясь, сказал один из них в сером костюме. — Как тебе пивко, Данек? Легче стало?

— Да, Сережа, спасибо, — из вежливости ответил второй, красивый, статный, уверенный в себе парень с роскошной шапкой золотистых волос. Говорить ему сейчас совершенно не хотелось.

— Данек, ты на прием поедешь?

— Да нет, неохота. После вчерашнего как-то

не тянет...

— Наш человек! — обрадовался первый и вдруг уставился в окно. — Смотри, кто идет! Высоцкий!..

Рыжеволосый парень увидел, как к интуристовскому автобусу, стоящему возле отеля, быстрым шагом приближался какой-то невысокий, крепкий человек в джинсах У дверей автобуса его остановил милиционер и что-то начал требовать. Крепыш эмоционально принялся отвечать, тыча в окно автобуса рукой. Но перепалка продолжалась, и в конце концов страж порядка бесцеремонно оттолкнул нахала, который рвался в автобус с важными иностранными гостями фестиваля. Парень вырвался из его рук и принялся яростно пинать автобусные колеса! Все напоминало старое немое кино: за стеклом не было слышно, кто там и что кричит, но по выражению лиц легко было догадаться. Вокруг уже собралась толпа зевак Милиционер стал махать руками — и автобус выкатился со стоянки. А парень, который пытался ворваться в запретную машину, медленно и обреченно, дыша, как побитая собака, побрел к гостинице.

— Это — Высоцкий, Данек, — быстро сказал своему визави мужчина в сером костюме. — Я его

немножко знаю, сейчас познакомлю.

Парень в джинсах заходит в пресс-бар. Спутник Данека приветственно поднимает руку: «Володя!» Тот подошел:

— Привет.

— Володя, познакомьтесь, это — Даниэль Ольбрыхский, молодой польский актер, участник фестиваля.

— Высоцкий. А ты кто?

— Я? — спохватывается серый. — Я переводчик Пиво будете?

Высоцкий отрицательно покачал головой, потом кивнул напрощание и отошел от столика.

«Ты знаешь, кто это? — спросил «переводчик». — Это классный артист. Но это не главное». — «?..»— «Это великий певец. Но и это не главное». — «А что же самое главное?» — терял терпение Ольбрыхский. «Главное, — уважительно прошептал «переводчик», внимательно глядя по сторонам, — что он спит с Мариной Влади!»

О конфликте возле автобуса, который увез его Марину, а его, оплеванного и оскорбленного, бросили на стоянке, Владимир никому ничего не сказал. Даже Севе Абдулову. Просто пришел к нему домой и стал ждать, пока приедет Марина. Она знала, где его найти. Ведь сегодня в доме

Абдуловых предполагался большой прием.

«Тогда впервые приехали в Москву все сестры Марины со своими мужьями. Была радостная встреча. Были друзья, был замечательный вечер», — рассказывал Всеволод. «Севина мама, — дополняла рассказ Марина, — приготовила чудесный ужин». «Володя поет, потом куда-то выскакивает, — перебивал Абдулов. — Я смотрю на Марину. Марина вся белая. И тоже не понимает, что происходит. Потом включились сестры, как родные, они тоже что-то почувствовали. А он все время выскакивает и выскакивает. Я за ним. Он в туалет, наклоняется: у него горлом идет кровь. Таким бешеным потоком. Я говорю: «Что это?» Он говорит: «Вот уже часа два». Он возвращается, вытирается, садится. Веселит стол, поет, все происходит нормально. Потом все хуже и хуже...»

Первой пришла в себя Марина, закричала, что срочно нужно в больницу, у Володи уже пульса нет! Она позвонила Левону Баделяну. «Скорая» приехала через час, но сразу везти в больницу не хотели: врачи боялись, что больной умрет в дороге. Владимир лежал без сознания, на иглах, уколах. Думали, что прободение желудка, тогда — конец. Марина устроила форменный скандал. Только тогда Владимира доставили в больницу.

Оказалось, лопнул какой-то сосуд в горле. Литр крови потерял, долили ему чужой... После этого Высоцкого забрали в институт Склифосовского. 18 часов откачивали...

Уже дома их навестил Золотухин: «Он чувствовал себя «прекрасно», но говорил шепотом, чтоб не услыхала Марина... Володя... в белых штанах с широким поясом, в белой, под горлом, водолазке и неимоверной замшевой куртке. «Марина на мне...» — «Моя кожа на нем...»

Андрея Вознесенского случившаяся беда вдохновила на «Реквием оптимистический, посвященный Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу».

За упокой Семенова Владимира
коленопреклоненная братва,
расправивши битловки,
заводила его потусторонние слова...
... ...
...О златоустом блатаре
рыдай, Россия!..
Какое время на дворе,
Таков Мессия!

Все отказались их публиковать. Актера Вы-

соцкого упоминать еще позволялось, но как певца и автора песен — ни-ни. «Тем не менее, стихи удалось напечатать в журнале «Дружба народов», — вспоминал автор, — который... был смелее других. Все же пришлось изменить название и... вместо «Высоцкий воскресе» напечатать «Владимир воскресе». Стихи встретили кто с ненавистью, кто С радостью. На авторских вечерах я читал их целиком. Как Володя радовался этому стихотворению! Как ему необходима была душевная теплота!».

В том же 1969 году Марина привозила в Россию маму и познакомила ее со своим суженым. «Он ей очень понравился. Она сказала: «Очень хороший мальчик...» Добавила, что у него очень красивое имя. Марина, правда, корректно ей возразила: «Он очень хороший человек, но не очень хороший мальчик...» Но все же признала, что мама «впервые приняла в твоем лице мужчину в моей жизни...». Но проговорилась, что маму устраивало еще и то, что Высоцкий не мог уезжать из своей страны и, следовательно, не мог претендовать на их дом, вторгаться на их фамильную территорию. Это было удобно. Он не был обременителен...

Всю советскую общественность будоражили слухи о романе Высоцкого и Влади. Золотухин

жаловался: «В Ленинграде меня замучили: «Правда, что он женился на Влади? А в посольстве была свадьба? Они уже получили визы и уехали в Париж?» Даже колле- ги-актеры (например, Стрежельчик и Соломин) не могли удержаться от расспросов: «Правду говорят, что он принял французское гражданство? Как смотрит коллектив на этот альянс? По-мое- му, он ей не нужен...» В самом театре все те же «слухи, как старухи...». Режиссер-практикант Геннадий Примак по простоте душевной сунулся было к Высоцкому: «У меня спрашивают...» Последний, естественно, рассвирепел: «Ну и что, ну и что, что спрашивают? Ну, зачем мне-то говорить об этом? Мне по 500 раз в день это говорят, да еще вы...»

«То, что за его спиной всегда что-то шептали, что-то говорили, сводили-разводили, влезали в его жизнь, — это ужасно раздражало, — видел Иван Дыховичный. — Хотя ведь в театре всегда так.. И он старался держать небольшую дистанцию и держал ее иногда довольно резко. В нем появлялась такая холодная снисходительность...»

По поводу фантастического романа столкнулись два мнения. Одно: «Кумир нарушил правила игры. Толпа не простит ему измену с западной

звездой...» Другое: «Своей женитьбой на француженке, на всемирно известной, красивейшей женщине Марине Высоцкий украл заветную мечту всех мужчин Советского Союза».

Он старался сделать будни праздниками. Он открывал ей свою любимую, порой ненавистную родину-мачеху, которая втихаря тоже любила своего непутевого сына, но на людях больно пинала. Высоцкий нуждался в постоянном присутствии Марины рядом, тянул ее в гости к друзьям, на съемки — в Белоруссию, Прибалтику, Гагры, на гастроли в Ленинград, просто отдохнуть на Черном море — в Ялте или Сочи, на концерт в Одессу. Ей был даже любопытен малоустроенный, походный быт. Она не жаловалась на неудобства, лишь скромно недоумевала по поводу сомнительных удобств российских общественных ватерклозетов.

Зато приходила в восторг, видя, как ее Володю встречают, как радуются, обнимают, целуют, как ему аплодируют, как любят и всегда ждут. Марина рассказывала, что «Володя старался показать мне как можно больше всего из того, что он любил, что было ему дорого... Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показы-

вают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. Со всякими заповедными уголками, чем-то близкими и дорогими ему... Мы очень любили вечерами бродить по московским улицам. И что больше всего меня поражало, изумляло, покоряло: чуть ли не из каждого окна слышны были Володины песни...».

Виктор Туров подарил своим молодым друзьям «дикий» отдых в белорусских лесах, под Новогрудком, у озера Свитязь — святом для Адама Мицкевича. Он встретил их в Барановичах и привез на озеро. «Было воскресенье, из Барановичей и Новогрудка понаехало много отдыхающих, — вспоминал Туров. — И по пляжу, по озеру пошел такой шорох, шум, взволнованность некоторая... Я оставил их одних погулять в лесу вдоль озера. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: «Знаешь, там бить собираются Высоцкого и Влади!.. Их приняли за самозванцев...» У публики бытовало мнение, что Высоцкий — это бывший белогвардеец, со шрамом на лице, огромного роста... Марина Влади в обыкновенном ситцевом сарафанчике, в поношенных босоножках, с собранными в пучок волосами выглядела просто обаятельной женщиной. За «самозванство» их чуть было не отколотили...»

Владимира и Марину поселили в деревне: ночлег на сене, под крышей крестьянского хлева, где внизу всю ночь по-доброму вздыхала корова, пережевывая жвачку... Через неделю деревенской жизни на Новогрудчине Марина подошла к Виктору Турову и писателю Алесю Адамовичу:

— Ну, уговорите Володю, чтобы он не торопился отсюда! Ну, уговорите Володю...

Время от времени они приезжали, вспоминал Адамович, приходили к нам в «партизанский лагерь», молодые, счастливы друг другом и каждый — талантом другого.

Еще был Крым, Черное море. Они заехали к Славе Говорухину, который снимал на натуре свой «Белый взрыв». Говорухин со смехом жаловался: «Володя, я тут каждый день борюсь... с песнями Высоцкого. Представь, ровно в семь утра кто-то на полную мощь врубает твои записи, и на всю округу через громкоговоритель несется: «Здесь вам не равнина...» Все уже затыкают уши ватой, накрывают головы подушками. Однажды я уже не выдержал и выстрелил из винтовки по проводам. Полчаса удалось поспать, но эти сумасшедшие нашли обрыв...»

Пока были на базе у Говорухина, Владимир даже успел в крошечном эпизодике сняться. Потом

обсудили песни для фильма. Война и горы. И то, и другое тебе близко, убеждал режиссер: «Хотя сюжет у фильма сжатый, упругий — вроде бы не до песен». Но, пообещал Говорухин, появятся песни — и, если они будут хорошими, сами найдут себе место в ткани фильма.

А вот с дальнейшими поездками неожиданно возникли проблемы. Местные власти, милостиво позволив иностранке отдохнуть в Ялте, на ее вольные поездки по Крыму наложили грозное табу. Тогда друзья организовали прогулочный катер якобы для выбора места съемок. Марина надела черные очки. На катере они объездили весь полуостров, даже в Форосе побывали...

В конце лета, когда Говорухин валялся в постели после вертолетной аварии, от Высоцкого пришло звуковое письмо. На магнитофонной ленте были записаны две песни. Первая, говорил Говорухин, мне показалась несколько иллюстративной:

И когда шел бой за перевал...

«Вторая же понравилась безусловно. И простотой мысли, и простотой формы, и запоминающейся мелодией.

И пусть пройдет немалый срок.

Почему-то ни одну из этих песен я в картину не вставил. Сейчас жалею. Но тогда мне показалось, что песни не могут органично войти в фильм и вообще снижают драматизм происходящего на экране.

Володя крепко обиделся. До этого обычно его песни выкидывало из фильмов кинематографическое начальство. А тут — режиссер, товарищ Помню наш разговор:

— Я знаю, почему ты не вставил мои песни.

— Почему?

— Хотел посмотреть, получится ли у тебя без меня...»

Не получилось. Кто сегодня этот «Белый взрыв» помнит? А вот песни живут. Их поют:

А день, какой был день тогда?

Ах да, среда...

Но с работой в Москве у Марины пока ничего не ладилось. Нет, ее постоянно куда-то приглашали, предлагали для прочтения какие-то сценарии, угощали, приглашали вечером встретиться, посидеть, обсудить. Самые нахальные заводили разговоры о Володе, скептически при этом улыбаясь, другие, подвыпив, напрямую говорили: «Ну, мать, ты и выбор сделала! Посмотри вокруг.

Разве я хуже? Я лучше его!» Хуже, мягко говорила она, много хуже.

Однажды в Москве чиновник из Союза кинематографистов сказал ей, что с ней хочет поговорить известный советский кинодраматург Алексей Каплер. Они встретились в уже знакомом ей ресторане ВТО.

Каплер оказался немолодым, седовласым, потрясающе обаятельным мужчиной, с хорошими европейскими манерами. Трагическая история, которую он ей рассказал, была основана на документальном материале о героине французского Сопротивления, русской княгине Вике Оболенской, которую фашисты обезглавили в своей тюрьме. После войны советское правительство посмертно Наградило Оболенскую орденом Отечественной войны, а французское — орденом Почетного легиона. Сценарий уже давно готов, говорил Каплер. Мы его написали вместе с Юлией Друниной, известной советской поэтессой, между прочим, участницей войны.

— Вы, Марина, ведь как-то говорили то ли на пресс-конференции, то ли где-то в интервью, что мечтаете о героической роли. Вика Оболенская как раз для вас, — убеждал ее опытный мастер. — Прочтите сценарий, я вам его передам. Решите,

тогда мы займемся всем остальным.

Сценарный материал действительно был хорош, а в Оболенскую Марина просто влюбилась. Самая идея казалась ей выигрышной. К съемкам можно привлечь ее французских коллег, обеспечить мощное паблисити. И тогда реально рассчитывать на международный успех. Она согласилась, и тут же сообщила об этом Каплеру. Он обрадовался, но сказал, что потребуется время для необходимых согласований и пр. Но затем потянулась обычная череда бюрократических проволочек, бесконечных и бессмысленных переговоров, уточнений. Дальше — больше. Только потом Марина узнала, что у некоторых ответственных советских товарищей возникли определенные сомнения в благонадежности и лояльности по отношению к СССР (нет, не Влади, а казненной Вики Оболенской). На том все и закончилось, сценарий благополучно похоронили.

Через некоторое время Владимир познакомил ее со своим добрым приятелем, энергичным и веселым режиссером Петром Тодоровским. Тот как раз начинал снимать фильм «Загадочный индус», и для Марины у него была маленькая, но забавная роль учительницы французского языка. Но что-то там тоже застопорилось. Фильм вышел

под названием «Фокусник», но без Марины. После этого Слава Говорухин стал носится с идеей экранизации повести Станюковича «Пассажирка», предлагал своим кинематографическим боссам привлечь к будущим съемкам Влади. Марина не очень верила в осуществимость этой затеи, но повесть, по просьбе режиссера, прочла. Ей все понравилось. Но как-то вечером позвонил Говорухин и тусклым голосом сказал, что советское Госкино не склонно приветствовать фильмы без большой идеи, а на «пустячок», даже с участием европейской звезды, лишних денег нет.

Потом возникла идея сделать ведущими знаменитого телевизионного «Голубого огонька» Марину Влади и Владимира Высоцкого. Эльвира Александровна Бенкендорф, родоначальница режиссерской династии и первый режиссер «Огоньков», рассказывала: «От жены Коли Гринько я узнала, что должна приехать Марина. Пошли мы к нашему начальству, и главный наш начальник — Лапин — сказал только: «Вы думаете, это будет кому-то интересно?» — «Да, — говорим, — думаем». — «Делайте!» Мы договорились с Высоцким — он должен был писать половину сценария, подобрали приблизительный репертуар. Буквально за месяц приходим на окончательное

утверждение плана, и вдруг Лапин говорит: «А кто ведущий? Марина Влади и Высоцкий?! Какой дурак вам это разрешил?!» Мне так хотелось ответить: «Этим дураком были вы». Лапин на самом деле был умный человек, но очень уж законопослушный... За Высоцкого и Марину Влади мне стало очень обидно и не захотелось работать...»

Ну, нет так нет. Тогда Высоцкий стал фантазировать, и пришла ему мысль сделать русско-французскую эстрадную программу «Москва — Париж»: «Миша, — убеждал он Жванецкого, — я пою и говорю по-русски, Марина по-французски. Мы оба на сцене — ведем концерт... Подумай, может, вместе что-нибудь выкрутим?..»

А однажды Владимир Высоцкий настойчиво предлагал известному питерскому драматургу Александру Володину написать сценарий для него и Марины Влади по сюжету, который Высоцкому приснился. Сюжет этот, в сущности, повторял фабулу рассказа азербайджанского писателя Анара «Каждый вечер в 11» о бесконечном телефонном романе двух влюбленных. Высоцкий возражения не принимал и стоял на своем: «Это все мне приснилось!..» Но у Володина были другие планы.

Острой занозой в душе Высоцкого остался отказ

Андрея Тарковского без объяснения причин от идеи снять Марину в роли матери в своем фильме «Зеркало». Хотя Владимир даже не просил его об этих пробах. А Марина проявляла чисто западный профессионализм. «Андрей, — предупреждала она, — если я тебе не подойду, то ты мне прямо скажи об этом, чтобы я напрасно не ждала». Однако Тарковский промолчал, а через несколько месяцев прислал ее пробы обратно с курьером... Высоцкий был оскорблен даже больше Марины.

***

В конце 1969 года Высоцкий, отбросив сомнения относительно возможной чопорности семейства Поляковых-Байдаровых, пишет нежно-дипломатичное письмо в Париж будущей теще: «Дорогая Милица Евгеньевна! Это первое письмо, которое я пишу Вам. Не сомневаюсь, что будут и другие, и много!... Марина очень много мне рассказывала об отце... сказала мне, что я немного его напоминаю, и если это так, то мне очень приятно, потому что я хотел бы быть похожим на него. Марина очень любит отца... А я, конечно же, живу наполовину ее чувствами и смотрю на людей ее глазами и отношусь к ним, как она. И мне хорошо оттого, что Вы всегда рядом с ней, а значит, немного и со

мной... До скорой встречи. Володя».

Марина потом рассказывала: «Она каждый день читала мне твои письма, потому что я еще не умела тогда бегло читать по-русски...»

***

Стоило кому-то из ассистентов шепнуть режиссеру во время репетиции: «Юрий Петрович, это уж слишком, это не пропустят», — Любимов тут же вскипал:

— Да перестаньте вы треножить свою фантазию! Хотя бы на репетиции работайте вольно, без оглядки. Надо сделать вещь, как мы ее хотим сделать, а потом (не волнуйтесь) те, кто за это получает деньги, придут и скажут, где слишком, а где не слишком. Наше дело — творчество, а их дело — сами знаете, и перестаньте нашептывать глупости, не отбивайте хлеб у товарищей из министерства!

На Таганке полным ходом шла подготовка нового спектакля по стихам Вознесенского. Хотя представление «Берегите ваши лица!» никак не подходили под шаблон сценической постановки. Скорее это была репетиция будущего спектакля.

«Спектакль был экспериментом, — говорил Юрий Любимов, — в нем мы применили принцип

открытой режиссуры. Был очень фрагментарен, без сюжета. Я обращался к публике, что она пришла вовсе не на спектакль, в строгом значении этого слова, и должна отнестись к увиденному именно как к репетиции... Конечно, наш спектакль в принципе готов — и я лишь в крайних случаях буду его прерывать, чтобы объяснить актерам и публике возможные ошибки. Я говорил, что мы прибегли к такой форме, чтобы ввести зрителей в лабораторию актерского творчества, чтобы публике был очевиден смысл наших поисков. Такая форма, как мне кажется, вполне законна: ведь не удивляет, что художник, например, выставляет свои эскизы и зарисовки, а писатели публикуют дневники, заготовки и записные книжки... Есть у Репина «Государственный совет». Мне кажется, что этюды к картине — и так многие художники, не только я, считают — лучше ее самой. У художника Иванова «Явление Христа народу» — замечательная картина, но этюды к этой картине, мне кажется, сильнее. И об этом периодически говорят, что лучше — картина или этюды...»

Им всем казалось, что зрителям интересно будет увидеть театральную кухню. Во время спектакля в зале был включен свет, и Любимов

из зала командовал, как на репетиции, иногда даже заставляя актеров по несколько раз повторять стихи, объяснял погрешности... Рядом с режиссером сидела кассирша: кому из зрителей репетиция не нравилась, могли подняться, получить свои деньги и уйти. За четыре представления «Лиц» лишь однажды произошел такой случай.

«Впервые, к чести Андрея, он согласился, чтобы Володя спел свою песню, — рассказывал Любимов. — И вот он впервые спел, официально спел, со сцены «Охоту на волков». И зал разразился в аплодисментах, ногами топали и орали: повторить, повторить, повторить!.. Зал просто неистовствовал, не давая продолжать. Успокоились все с трудом, причем после моих молений: «Хватит, мы подали ваше отношение, прекратите. Вы не понимаете, что не надо этого делать, ведь они припишут демонстрацию...»

Сидевшая в зале, белая от волнения, муза Вознесенского Зоя Богуславская вспоминала свои ощущения на премьере: «Трудно забыть ту зловещую тишину, воцарившуюся в зале после «Охоты на волков»... шквал аплодисментов, долго не отпускающих его из зала, И сразу же холодок предощущения беды. *«Я из повиновения вышел*

— за флажки, — жажда жизни сильней! Только сзади я радостно слышал удивленные крики людей» — это звучало как призыв к действию».

Для композитора Юрия Буцко «Охота» была отчаянием и злобой на мир за это отчаяние, и они достигают такого же накала, как s «Злых скерцо» Шостаковича. Эта песня — центр притяжения в довольно слабом, по его мнению, спектакле, вызвавшая на сдаче такую бурную реакцию. Особенно досталось именно Высоцкому. Дама-критикесса искренне негодовала:

— Как это можно — то Бах звучит у вас, то — Высоцкий... Низкий стиль и высокий... Эклектика!

Буцко царапнуло именно это непонимание принципа театра: если музыка работает на спектакль, значит, она годится, значит, она нужна. Значит, они равновелики в данной ситуации — Бах и Высоцкий. Как это может не понимать тот, кто должен первым это понять, — театральный критик!

Когда все расходились после памятного худсовета, Высоцкий остановил Юрия Марковича, схватил за руку и, притянув к себе, сказал полушепотом одно слово:

— Спасибо!

В зеркале, растянутом вдоль сцены, отражались

лица зрителей. Выше были нотные линейки, на которых сидели, как черные птицы, актеры, и Высоцкий пел свою песню о нотах, вернее, о нас, чьи лица были видны в безжалостном зеркале. «Потом, — рассказывал Владимир, — эти пять линеек превращались в трибуны стадиона, шли стихи «Левый крайний, левый крайний... А я играл старуху и собирал бутылки после матча...»

...Когда в театре узнали, что в «Лицах» Высоцкий будет исполнять женскую роль — тети Моти, все хихикали. И не зря. На премьере зрители хохотали вповалку. Даже самый строгий из них —

Андрей Вознесенский — признавал: «В образе тети Моти, в дурацком и таком узнаваемом платочке, он был уморителен и упоителен. Высоцкий исполнял мое стихотворение «Время на ремонте». Эти стихи были центром композиции... Когда он их играл и пел, он понимал, что следующей песней будет «Охота на волков» и, как делал часто, сознательно шел на гротеск... Стихи эти цензура все время снимала. Власти потребовали изменить первоначальный текст, снять все бытовые подробности. Мое стихотворение начиналось так

Как архангельша времен,

На часах под Воронцовской
Баба вывела «Ремонт»
И спустилась за перцовкой.
Верьте тете Моте —
Время на ремонте.

Со сцены же звучал совсем другой текст:

Как архангельша времен,
На ночных часах над рынком,
Баба вывела «Ремонт»,
Снявши стрелки для починки.

А строчки про тетю Мотю вообще запретили. Но все в зале знали, какие произвели изменения и, конечно же, животики надрывали. Высоцкий очень хорошо понимал всю серьезность этого стихотворения. Не случайно рефрен: «Прекрасное мгновение, не слишком ли ты подзатянулось» — он не пел, а произносил, не заговаривал, а специально выговаривал, осознавая точность и важность этих слов. «Время остановилось. Время ноль-ноль. Как надпись на дверях».

И был восторг публики, наивно поверившей в победу свободной мысли, в торжество праздника на сцене — красочного и озорного.

..А потом спектакль прикрыли. Аргументы

были смехотворны. Например, у Вознесенского фраза-перевертыш — «А луна канула» — читалась и так, и эдак В этом усмотрели издевку: американцы как раз в это время высадились на Луне. Еще одна причина — неконтролируемая реакция публики (т.е. взрыв восторга) на песню Высоцкого «Охота на волков». На разборе спектакля в ЦК партии требовали, помнил Вознесенский, отказаться от Высоцкого вообще. Как они увещевали: «Давайте снимем Высоцкого, и тогда будет легче договариваться». Но я писал роль Поэта именно для Володи, Причем этот спектакль был единственным, где я, автор, разрешил исполнителю петь собственные стихи... Для меня — и тогда, и теперь — он является единственно возможным исполнителем роли Поэта: только он умел так сочетать иронию и серьезность, бытовую хохму и высокий трагизм».

А потом Высоцкий напишет:

От наших «Лиц» остался профиль детский,

Но первенец не сбит, как птица влет.

Привет тебе, Андрей, Андрей Андреич Вознесенский,

И пусть второго Бог тебе пошлет!...

Открытую репетицию решили не продолжать.

Здесь автору вспомнился фрагмент разговора с Владимиром Семеновичем на театральные темы. Высоцкий говорил тогда, что ему гораздо интереснее и важнее именно репетиции, нежели сами спектакли. Интересен поиск, творчество, сомнения, споры. То есть, репетиция — тоже этюд, набросок. А спектакль... Да, премьера — итог, публичная демонстрация результатов большой, кропотливой работы. В какой-то мере праздник. Приносят удовлетворение первые пять, ну, десять спектаклей. Идет притирка, устраняются некоторые шероховатости. А дальше — конвейер, повторение пройденного, и Любимов стоит в глубине зала со своим фонариком, нажимает кнопочки, мигает то красным, то белым, контролирует действия, движения, интонации актеров от начала до конца. Не дай Бог, вправо-влево наклон...

Премьера спектакля состоялась 10 февраля 1970 года.

А до этого, в тот же день, состоялось еще одно немаловажное событие — с третьей попытки был официально оформлен развод

Абрамовой Людмилы Владимировны и Высоцкого Владимира Семеновича.

На первом заседании суда им предложили еще подумать: все- таки двое детей... На следующем на вопрос судьи, настаивает ли муж на разводе, Владимир неожиданно сказал: «Не настаиваю...» Ну, а на третьем заседании их развели за пять минут.

Бывшие супруги вышли на улицу, постояли, поглядели друг на друга. Владимир предложил поехать в Черемушки, на улицу Телевидения, посидеть на прощание. Людмила согласилась. Дома никого не было. Заранее был накрыт роскошный стол: икра, дорогая рыба, диковинные бутылки... Потом он взял гитару и начал петь. И новые, и старые песни, которыми она раньше восхищалась. Пел долго, часа четыре. Чуть на вечерний спектакль не опоздал. Нина Максимовна все это время стояла на лестничной площадке, не решаясь войти. Только в половине седьмого она отважилась позвонить в дверь. Бывшие муж и жена поймали такси и помчались: он в театр на «Берегите ваши лица!», она — на той же машине — в противоположную сторону.

«Я тяжело переживала, — говорила Нина Максимовна, — жалела детей. Сын успокаивал меня: «Мамочка, ты не волнуйся, так будет лучше для нее и для меня». Когда родные Людмилы узнали,

что ее брачный союз с Высоцким окончательно распался, то сначала вздохнули с облегчением. А потом поняли, что потеряли возможность доставать своим важным знакомым билеты на Таганку, иронизировала Людмила Владимировна, перестав быть родственниками Высоцкого.

Но ему предстояло разрубить еще один узел.

По мнению многих друзей Высоцкого, лучшей из его таганских пассий являлась Татьяна Иваненко: «...была она хороша собой необычайно — создатель потрудился на славу. Сокрушающая женственность внешнего облика завораживала, вызывала неодолимое, немедленное желание выказать себя рядом с ней абсолютным мужчиной и раз и навсегда завладеть этим глазастым белокурым чудом. Но не тут-то было... За хрупкой оболочкой ундины таилась натура сильная, строптивая, неуступчивая. Она казалась пугающим воплощением физического и душевного здоровья, и по-армейски прямолинейная правильность ее жизненного графика обескураживала. Принципиально непьющая и некурящая, волевая и уверенная, разительно отличалась она от своих юных сестер по ремеслу, разноцветными мотыльками бестолково порхающих в свете рампы...». Даже Людмила Абрамова признавала,

что «самой умной из да женщин, к которым Высоцкий был неравнодушен, оказалась Иваненко... Я ею восхищалась и ей завидовала».

Когда молодая актриса пришла в Театр на Таганке, Владимир Семенович не мог не обратить на нее внимания. С осени 1966 года их роман стал темой закулисных пересудов. Лариса Лужина, дружившая с Таней, как могла, старалась помочь влюбленным в решении непреодолимых в те годы квартирных проблем («несколько раз они «встречались у меня дома, а я на время уходила...»). Лужина считала: «Роман у них был красивый... У Володи была безумная любовь... Он же увел ее от мужа... Отношения между влюбленными складывались непросто: бурные ссоры сменялись великим примирением, обожанием. Как-то пришли к нам счастливые-пресчастливые, поклялись, что больше никогда не расстанутся. Я была искренне рада, поскольку очень любила эту пару. И вдруг трах-бах! — не проходит и двух Месяцев, как среди ночи Володя заявляется... с Мариной Влади. Леша (тогдашний муж актрисы. — *Ю.С.*) давай меня будить: «Вставай скорее, к нам сама Влади пожаловала!» А я за это на Высоцкого разозлилась — словами не передать. Сработала женская солидарность: «Ну и что, если Влади?

Не выйду к ним, и баста! Даже чистого белья не дам. Пусть на раскладушке как хотят вдвоем укладываются. И водку свою сами пьют — я даже не пригублю...»

Околотаганской публике («сырам») Татьяна Иваненко запомнилась разве что ролью Женьки Комельковой в спектакле «А зори здесь тихие...». Остальные работы были из разряда «на подносах»: 2-я придворная дама в «Галилее», плакальщица в «Пугачеве», подруга дома в «Мастере» и т.п. То ли из желания, чтобы Таня почаще была рядом, то ли из стремления помочь ей подзаработать Высоцкий то впихивал ее в концертные бригады, то упрашивал Карелова или Юнгвальд-Хилькевича снять ее хотя бы в крошечных эпизодах.

Однако позже именно Высоцкий восстал против того, чтобы Татьяна исполняла роль Офелии в «Гамлете», так как Марине будет неприятно видеть их вместе на сцене. Но стоило Влади отлучиться из Москвы, свидетельствовал «Ангвальд», Володя тут же притаскивает Таню к нам в Одессу.

Романы Высоцкого с Иваненко и Влади шли как бы параллельно. Сердце разрывалось напополам, но он ничего не мог с собой поделать.

Кремлевский вольнодумец, переходящий из

рук в руки, как эстафетная палочка, вечный помощник вождей ЦК КПСС Георгий Шахназаров, в доме которого нередко гостевал Владимир (с гитарой и без), вспоминал, как Высоцкий, близко никого не подпускавший к обсуждению своих личных проблем, вдруг затеял странный разговор, на ком ему жениться. Дескать, стоит перед выбором — или актриса нашего театра, или Марина.

«— Володя, я тебе удивляюсь, женись на той, которую любишь

— В том-то и дело, что люблю обеих, — возразил он, и мне на секунду показалось, что не шутит, действительно стоит перед выбором и ищет хоть какой-нибудь подсказки.

— Тогда женись на Марине, — брякнул я безответственно, — все-таки кинозвезда, в Париж будешь ездить...»

Поначалу серьезной соперницы в Марине Влади Татьяна не видела. И напрасно. Только почувствовав жар, полыхающий от безумного романа с «белокурой французской русалкой», она инстинктивно насторожилась и начала плести паутину вкруг ускользающего из объятий возлюбленного.

«Были слезы, угрозы, все одно и все то же...»

— бесконечное выяснение отношений с глазу на глаз, по телефону, в театре и среди друзей. Доводила до исступления Нину Максимовну: «Если эта сука и шантажистка не прекратит звонить по ночам и вздыхать в трубку, я не посчитаюсь ни с чем, приду в театр и разрисую ей морду — пусть походит с разорванной физиономией». Мама считала, что «надо поскорее разбить его романы. Тот дальний погаснет сам собой, все-таки тут расстояние, а этот, под боком, просто срочно необходимо прекратить».

Как утверждал Юнгвальд-Хилькевич, «Иваненко занимала в жизни Володи места не меньше, чем Марина Если не больше. Володя, к сожалению, не признавал родившегося ребенка.. Для меня Таня всегда была любимой женщиной Высоцкого. Однажды, сидя рядом с ней в театре, я попросил поцеловать ее в щеку. Она укусила меня под глазом и сказала: «Я, кроме Володи, никого не целую». Даже поцелуя не могла себе позволить. Гениальная девка!..»

«Не дававшая поцелуя без любви» Иваненко умудрилась стать причиной размолвки старинных приятелей — Высоцкого и Кохановского. Игорь Васильевич считал, что история выеденного яйца не стоит: «Ну, выпили мы лишнего.

Ну, поцеловались. Я потом Володе честно во всем признался... Она-то... и поссорила. Ей почему- то все время казалось, что все ее хотят. Переоценивала свое женское обаяние и не стеснялась делиться своими фантазиями с Высоцким...»

Кто знает, может быть, Владимир Семенович просто сам искал повод для расставания с Иваненко? Или с Кохановским? Куда благоразумнее поступил не менее известный сердцеед, актер Михаил Козаков, опрометчиво положивший глаз на Татьяну. Когда его предупредили, что это женщина Высоцкого, Козаков счел за благо от своих амурных планов отказаться: тягаться с таким соперником было не только трудно, но и опасно.

Видимо, Татьяна совершила ту же роковую ошибку, что и Людмила Абрамова, — переоценила силу и степень своего влияния на Высоцкого, попыталась им руководить, управлять. В кругу фузей Высоцкий не раз растерянно возмущался ее поведением и собственным бессилием, не зная, что с ней делать. Она могла себе позволить резко оборвать разговор Высоцкого с кем-то из приятелей, бесцеремонно скомандовав: «Хватит, пошли». Могла запретить ему петь. И в то же время была фанатично предана избраннику, всякий раз бросаясь в бой, когда кто-то бросал камешек

в огород Высоцкого или пытался отобрать у него роль. Когда в апреле 1969 года Любимов в «воспитательных целях» заменил Высоцкого на Бориса Хмельницкого в роли Галилея, в финале спектакля кто-то всучил новому исполнителю веник с траурной лентой «Не в свои сани не садись». Золотухин подозревал в пакостничестве Татьяну.

Лишь в конце 90-х годов прошлого века Иваненко отважилась на публичное признание своих минувших отношений с Высоцким, поведала о существовании дочери Насти, отцом которой был назван Владимир Семенович. Татьяна уверяла: «У меня много свидетелей, что это Володина дочь... Это и его мама, и Люся, и его дети, которые Настю называют своей сестрой, и все наши друзья. Почему я не дала дочери фамилию Высоцкого? Такой уж у меня характер, такой был у нас жизненный период. Хотя... Володя на коленях меня просил записать ребенка на его имя....» Правда, свидетель Люся не верила в легенду о дочери Высоцкого на стороне и говорила: «Если бы это было так, то Володя о ней заботился и не скрывал бы этого...»

В одном из интервью Татьяна Васильевна утверждала: «Я знаю одно — она (Марина Влади. — *Ю.С.*) хотела от него ребенка, но он был против. А я вот — родила...»

Родилась Анастасия Иваненко 26 сентября 1972 года. Отчество носит Владимировна... А Татьяна Васильевна сохранила стихи Высоцкого, посвященные ей, Тате:

Как все это, как все это было
И в кулисах, и у вокзала!
Ты, как будто бы банное мыло,
Устранялась и ускользала…

Эти поспешные, не слишком совершенные, но искренние строки стали отголоском старой новеллы Высоцкого «О жертвах вообще и об одной — в частности». Главный герой — актер Владимир — именно в кулисах шептал: «Таня! Я вам звонил!.. Я так хотел вам сказать, что я вас люблю... Я вас люблю!»

***

С утверждением в жизни Высоцкого Марины Влади его привычный круг общения постепенно стал меняться. Николай Губенко понимающе разводил руками: «Как только появилась Марина Влади, то все резко оборвалось... Володя настолько влюбился в нее, что на какое-то время забыл о своих друзьях, он был поглощен только

Мариной. Ею жил, ею дышал, без нее и дня не мог прожить...»

Уходили старые друзья. Появлялись новые.

Как-то в Москву нагрянул капитан Анатолий Гарагуля с женой Валерией. Позвонил поэту Ваншенкину: «Костя, Володя Высоцкий пригласил в театр, билеты оставил в кассе — нам с Валерой, вам с Инной и Булату с Олей... Какая пьеса? Какой-то «Сезон», что ли...»

«Сезон» оказался «Добрым человеком из Сезуана». Высоцкий сказал:

— Потом встречаемся у театра и едем к Абдуловым, — и, предупреждая возможные возражения и интеллигентские сомнения, добавил. — Нас там ждут...

У Абдуловых шел ремонт. Но гостей там все равно ждали и сразу усадили за стол. А вскоре, рассказывала жена Ваншенкина Инна Гофф, «из прихожей доносится серебристый смех, и в проеме дверей, как в кадре, снятом крупным планом, возникает Марина Влади. Простоволосая, в коричневой шубке-манто. Она улыбается всем, но видит только е г о. А он уже рядом, и они страстно целуются, забыв про нас. Нам говорят, что Марина только что прилетела из Парижа... Они садятся рядом... Она в черном скромном платьи-

це. Румяное с мороза лицо. Золотисто-рыжеватые волосы распущены по плечам. Светлые, не то голубые, не то зеленые глаза... Звезда мирового кино. Колдунья... Вот и е г о заколдовала... Приворожила... Они забыли о нас. Они вместе. Они обмениваются долгими взглядами. Она ерошит ему волосы. Кладет руку ему на колено. Мы не в кино. Это не фильм с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это — ***жизнь*** с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Словно очнувшись, они включаются в общий разговор».

Высоцкий говорит ей: «Посмотри, кто сидит напротив тебя. Узнаешь?» Марина смотрит на Гарагулю и радостно восклицает:

— О, капитан! Толя!

Еще бы забыть одесского капитана Гарагулю! Того самого, который организовывал им умопомрачительный черноморский круиз на теплоходе «Грузия» прошлым летом. Анатолий Григорьевич старался исполнить любые Маринины капризы. Бывало, рассказывал он, идем, как вдруг она говорит: «Хочу купаться». Останавливаем лайнер — и Марина погружалась в теплые волны Черного моря...

— Вот, посмотрите! — Марина показала любительский снимок они с Володей в купальных

костюмах на борту теплохода, где им никто не мешал.

— Толя, а это — тебе, — ласково глядя на друга, сказал Владимир, и, отбивая четкий ритм по струнам, запел:

... Я пожалел — что обречен шагать
По суше, — значит, мне не ждать подмоги.
Никто меня не бросится спасать
И не объявит шлюпочной тревоги.

А скажут:

— Полный вперед! Ветер в спину!
Будем в порту по часам.
Так ему, сукину сыну,
Пусть выбирается сам!

«...ЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОЙТИ ВСЕГО ДВЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ» «ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СЕЙЧАС НЕ ТАЙНО - НАПОКАЗ!..»

Церемонию бракосочетания по желанию «молодых» сжали до предела. В ЗАГС Владимир и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимание, Высоцкий упросил заведующую расписать их не в большом зале под Мендельсона, с публикой и цветами, а прямо в ее кабинете. Женщина оказалась понятливая, к тому же предварительный инструктаж и консультации она уже получила у компетентных товарищей. Свидетелями «акта гражданского состояния» были Макс Леон и Всеволод Абдулов.

Банкетного зала в «Метрополе» тоже не было. Обошлись снятой на время скромной однокомнатной квартиркой на 2-й Фрунзенской набережной. Небогатой мебелью и посудой. За рюмками и тарелками пришлось срочно отправляться в ближайший магазин «Уют».

За несколько дней до бракосочетания Владимир подошел к Андрею Вознесенскому и Зое и

торжественно-иронически произнес: «Имею честь пригласить вас на свадьбу... Будут только свои...» Богатое поэтическое воображение подсказывало Вознесенскому, что Высоцкий «мог бы закатить свадьбу на Манежной площади — все равно не хватило бы мест».

Приглашенных оказалось совсем немного. Вознесенский откупоривает шампанское. Зураб Церетели осыпает новобрачных цветами. Суетится Всеволод Абдулов. Притихший, немного растерянный «генерал» Юрий Петрович Любимов с Людмилой Целиковской поднимают тост за молодоженов, желая им счастья на скрещении неведомых франко-русских дорог. Все закуски Лиля Митта готовила у себя дома, а потом с мужем перевезла в этот дом на набережной.

— Жареная индейка занимала полстола, — хвалилась кулинарка. — Я подавала ее на салатных листьях, с консервированными фруктами и делала красивый ореол из «перьев» — хвост из шпажек, на которые были нанизаны огурчики, помидорчики, редиска, виноградины. Так любила Марина.. Еще было фруктовое желе, какие-то салаты... Ну и яблочный пай я испекла — его все очень любили...

Хороший был стол. А настроения нет. Высоцкий

был удивительно тихим в тот день, ничего не пригубил. Пожалуй, художник Церетели раньше других ощутил отсутствие праздника: «А у меня характер такой: чувствую, будто моя вина, что праздник не состоялся. Тогда говорю: поехали в Тбилиси, там гулять будем!

И сделали свадьбу. Грандиозную! Сказку! До шести утра песни цели, на бутылках танцевали, веселились. Моя жена Инесса накрыли стол, блюда подавались на старинном андронниковском сервизе, фрукты и овощи на серебряных подносах. Правда, потом один эпизод случился: Марина случайно ударила ногой по столешнице, и огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. На Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинает сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Я это понял, и все грузины вокруг поняли, но мы постарались виду не показывать, продолжали гулять, будто ничего не случилось...

А тамада сказал:

— Можно начинать сначала...

И праздник продолжается. Крики первых петухов застают молодых в белых одеждах, сидящих во главе стола, заполненного лобио, сациви, мари-

нованным чесноком, пряностями, шашлыками, приготовленными прямо во дворе... Каждому в небольшой рог наливают вино. Бокалы из старинного хрусталя предназначаются только для воды... Звучат проникновенные тосты: «Пусть ваш гроб будет сделан из досок того дуба, который мы сажаем сегодня — в день вашей свадьбы», «Пусть ваши правнуки даже на черном рынке не смогут достать билеты на ваши спектакли...», и, само собой, «Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?!»

В спальне новобрачных ждал щедрый дар гениального мистификатора, удивительного кинорежиссера и художника, «человека не из жизни» Параджанова: пол в комнате устлан ковром из разноцветных фруктов. А на постели с распахнутыми крыльями лежит роскошная старинная шаль с приколотой запиской в два слова: «Сергей Параджанов».

Зураб Церетели признавался: «Я... никогда не забуду лицо Марины Влади, какое было у нее во время медового месяца. Ни в одном фильме, ни на одном, самом удачном снимке она не была так обворожительно, так неотразимо, победительно красива!.. Я видел Марину, когда она утром выходила из спальни, и ее, словно сияние, окружала

любовь. Когда-нибудь я напишу картину. На ней будет сцена, которую я видел тогда: на балконе Высоцкий с гитарой поет у ног Марины, она стоит в белом платье с развевающимися золотыми волосами, а рядом, замерев, смотрит на них моя большая черная собака...»

В один из дней Церетели повел их в дом художника Ладо Гуди- ашвили. Увидев у него на стене работы Модильяни, Марина сказала, что Амадео дружил с ее отцом.

— Как его звали? — спросил Ладо.

— Так же, как мужа, — Владимиром.

Ладо вышел в другую комнату и принес фотографию, где отец Марины вместе с Пикассо, Леже и Модильяни сидят в ресторане «Купель». Гудиашвили долго рассказывал им, как они любили Париж, и Париж любил их..

После свадьбы и замечательных грузинских приключений молодожены вернулись в мрачную и неприветливую Москву. И сразу навалилась масса проблем. И творческих, и просто житейских. Помните Маринино определение: «Там — шарман, здесь — мужик?» «Мужик», само собой, хотел жрать.

Марина оказалась прекрасным кулинаром. Фирменное блюдо? Она гордилась: их было много

— и разнообразные спагетти, и японские блюда из сырой рыбы. А острые соусы, которые она сама придумывала?! Французская кухня, конечно, фантастическая, но, во-первых, отнимала много времени, а во-вторых, в Москве было невозможно достать нужные продукты. Из русской кухни предпочтение отдавалось борщу и супам. Впрочем, «Володе было совершенно все равно, что он ест. Так что не этим я его заманила, — усмехалась Марина Владимировна. — Он не был гурманом. Мог съесть ломоть хлеба с чаем — и остаться довольным».

Она безропотно ходила по полупустым московским гастрономам, наводила порядок в квартире, пылесосила, выносила мусор. Сосед по дому, художник Гриша Брускин, любовался, видя, как «позвякивая пустыми бутылками в плетеной корзине, спешила в приемный пункт стеклотары красивая Марина Влади...».

Московские приятельницы при встречах пристально следили за внешним видом, нарядами, макияжем, манерами, привычками московской парижанки. Звезда советского кино конца 60-х Людмила Чурсина замечала, что Марина «слегка располнела, платье на ней немножечко разошлось по швам, туфельки, наверное, любимые,

новизной не отличались, а волосы по-простому распущены. Но она была так естественна, и прекрасно себя чувствовала!..». Когда одна из знакомых осмелилась попенять Марине за недостаточное, на ее взгляд, внимание к физической форме, Влади изящно ощутилась: «Ты выбрала фигуру, а я выбрала лицо!»

Пожив некоторое время вместе с Ниной Максимовной, молодожены мгновенно почувствовали свою уязвимость, унизительную зависимость и абсолютный неуют. Спешно начали подыскивать отдельное жилье. Сначала сняли квартиру у популярной в прошлом певицы Капитолины Лазаренко в Каретном ряду. Затем нашли временное пристанище у старого мосфильмовского сценариста, который жил в кооперативном доме художников и актеров у станции метро «Аэропорт». Кинодраматург уступил им одну из двух своих комнат. (В день их бракосочетания девушка с глазами цвета морской волны и великолепными тонкими белыми руками принесла новобрачным большой, толстый и тяжелый пакет. Там оказалась икона от этого старика.)

Наконец им повезло, и на целых два года они сняли более-менее приличное жилище в Матвеевском: один из знакомых журналистов уехал

в длительную загранкомандировку. Марина привезла туда какие-то необыкновенные светильники, шторы, посуду и прочие забавные мелочи. Это был первый настоящий уют в жизни Высоцкого.

В тот момент Марина Влади была уже зрелой женщиной. Не в смысле возраста. У нее была абсолютно состоявшаяся жизнь. Но союз с Высоцким вдруг дал ей возможность доказать себе, что она может делать и любить так, как она хочет, наперекор всему.

Ее отговаривали от брака с Владимиром. В том числе сестры. Но больше всего те, с кем она общалась в Москве. Наушничали: «Что ты делаешь, ты круглая дура...» Но Марина очень ясно осознала, кто такой Высоцкий...

Все отмечали, что Марина немало сделала для того, чтобы наладить отношения Владимира с родителями, в частности с отцом. Она с детских лет ощущала значение семьи и старалась передать это Высоцкому. Иногда чуть ли не силой затаскивала его к ним в гости, организовывала званые обеды и прочее.

Семен Владимирович долго никак не мог поверить, что на его непутевого сына позарилась западная кинозвезда. Но когда соседи, знакомые,

сослуживцы в один голос вдруг заговорили: «Сеня, как тебе повезло с невесткой. Мало того, что иностранка, так она еще и Марина Влади!» — мгновенно осознал все прелести своего нового социального статуса. Да и сын вырос в его глазах. Оказалось, его парень не промах...

Марина Влади быстро выучила наизусть весь таганский репертуар. Алла Демидова вспоминала: «После антракта, перед началом второго акта, мы с Володей ждем третьего звонка и через щель занавеса смотрим в зрительный зал. Выискиваем одухотворенные лица, чтобы подхлестнуть себя эмоционально. Показываем их друг другу... В зале сидит Марина Влади. Володя долго смотрит на нее, толкает меня в бок «Смотри, моя девушка пришла». После этого всегда играл нервно и неровно...»

«Я - ГАМЛЕТ. ХОЛОДЕЕТ КРОВЬ...»

Николай Робертович Эрдман был безнадежно болен и больше времени проводил в больничных покоях, нежели дома. Когда Любимов и Высоцкий приехали навестить старика, казалось, он спал. Но едва они приблизились, тотчас открыл глаза:

— Здравствуйте, а я уже давненько вас поджидаю. О своих новостях рассказывать не буду по той простой причине, что их у меня нет. Давайте уж лучше вы. Как «Живой», уже похоронили? Простите за каламбур...

— Отправили на доработку, — ответил Юрий Петрович. — Спасибо, что хоть сами живы остались.

— Кому сказать «спасибо»? — затеял привычную игру слов Эрдман.

— Начальству, вестимо, — подыграл Любимов. — Намекают, что для полной реабилитации нужно поставить что-нибудь из классики. Я говорю: пожалуйста, давайте мы поставим «Исторические хроники» Шекспира. Насторожились: какие еще хроники?.. Я им объясняю: возьмем ряд хроник и объединим их в одну композицию. Они в

штыки: «Хватит с нас ваших композиций. Хотите, ставьте каноническую пьесу Шекспира». Я в злобе и брякнул: «Гамлет»! И тут же — получите! — написал прошение по всей форме: прошу разрешить поставить каноническую пьесу У.Шекспира «Гамлет». Подпись: Ю.Любимов. Дата...». Теперь отступать некуда... — Юрий Петрович поправил свою роскошную шевелюру и кивнул в сторону Высоцкого. — Владимир все время ходит за мной и твердит: «Дайте мне Гамлета! Дайте мне сыграть Гамлета!» Что делать, ума не приложу?..

Они говорили еще долго. Пока не появилась медсестра с кофром и не начала выкладывать на тумбочку щприц, ампулы и прочее. Когда посетители засобирались домой, Николай Робертович тихо, как всегда, чуть заикаясь, сказал Высоцкому:

— Знаете, Володя, вы м-могли бы с-сыграть современного Гамлета-

Эрдман никогда просто так не говорил, попусту бросаться словами не любил.

***

«Когда я решил ставить «Гамлета», я только Владимира имел в виду. — говорил Любимов. — Потом мне стали говорить, что Высоцкому

не нужно там играть. Мол, что за пьяница из подворотни будет хрипатым голосом орать Гамлета? Какой он принц! Я, как мог, парировал: «Вам, конечно, видней. Я принцев не вижу, это вы каждый день с африканцами, там и людоеды есть, общаетесь... Другим может быть только настоящий принц. Вы с ним и договаривайтесь. Если какой-нибудь принц придет, то я подумаю. Пусть играет во втором составе». Я не обращал внимания на эти разговоры...»

Лукавил Юрий Петрович. Изначально ставку он делал на Николая Губенко в надежде сохранить его для Таганки. Затем, вспоминал директор театра Николай Дупак, между ним и главным режиссером якобы состоялся такой разговор: «Какого черта мы с этим «Гамлетом» вылезли? Кто играть-то его будет?» Я отвечаю: «Как кто? — Высоцкий!» — «Ну, какой из Высоцкого Гамлет?! Вы хоть представляете, что это за роль?» — «Юрий Петрович, что мы теряем? Давайте в нашем театре объявим конкурс. Кто, на ваш взгляд, Гамлета сыграть сможет?» — «Ну, может быть, Леня Филатов, может, Валера Золотухин...» И конкурс действительно был объявлен. Любимов занимался с Филатовым, режиссер Глаголин — с Золотухиным, а я — с Высоцким. Через месяц

состоялся показ. Высоцкий «вынес» всех...»

Учитывая особенности творческой натуры Юрия Петровича, достоверность версии Дупака вызывает сомнения. С конкурсом актеров Любимов бы еще согласился, но никак не с состязанием режиссерских подходов.

Так или иначе, Высоцкий уже начинал примерять на себя одежды принца Датского. Первые репетиции, по определению режиссера-постановщика, были адовы. Он рассказывал: «Хотя Володя и ныл: «Гамлета... Гамлета», но выяснилось,что реально у него не было ни концепции роли, ничего. Просто желание. Как полюбил свою Марину — и добыл, так и Гамлета должен играть, и все!.. А чего играть, и сам не знает».

Затем репетиции продолжались, но... в отсутствие самого Гамлета. Лишь спустя время Высоцкий позвонил Золотухину, попросил поговорить с шефом, сказать, что переведен в другую больницу, где обещают поправить здоровье и поставить окончательно на ноги. И еще просил у всех прощения, просит поверить ему и поблагодарить за Гамлета...

— Придет — посмотрим, — сухо прокомментировал пересказ «плача» Высоцкого Любимов. И в сердцах добавил: — Я скоро сбегу от вас, плюну и

уйду, честное слово... Нас закрывают, а он устраивает загул... бросает, плюет на театр, куда-то летит... Он думает, что после всего этого я доверю ему такую работу? Наивный он человек...

25 мая 1970 года Владимир шлет Марине отчаянное письмо: «Любимов пригласил артиста «Современника» репетировать роль параллельно со мной. Естественно, меня это расстраивает, потому что вдвоем репетировать невозможно — даже для одного актера не хватает времени. Когда через некоторое время я вернусь в театр, я поговорю с «шефом», и, если он не изменит своей позиции, я откажусь от роли и, по-видимому, уйду из театра. Это очень глупо, я хотел получить эту роль вот уже год, я придумывал, как это можно играть... Конечно, я понимаю Любимова — я слишком часто обманывал его доверие, и он не хочет больше рисковать, но... именно теперь, когда я уверен, что нет больше никакого риска, для меня эта новость очень тяжела. Ничего, разберемся...»

Собравшись с духом, Золотухин вновь рискнул обратиться к шефу:

— Юрий Петрович, я удивлен слухами о Кваше.

— А вы считаете, что у нас есть Гамлет? — услы-

шал он в ответ.

Игорь Кваша не отрицал: «Меня несколько раз приглашал к

себе Юрий Петрович Любимов... Но по своей эстетике это не мой театр, хотя его спектакли мне нравятся. К тому же со многими актерами Таганки я дружил. Тот же Высоцкий часто бывал в моем доме. В самый сложный для Володи период, когда его всюду запрещали, «Современнику» удалось пробить песни Высоцкого в спектакле «Свой остров».

— Они поднимали пьесу на другой уровень, — с жаром говорила постановщик Галина Волчек, — и делали ее для меня интереснее, чем она была на самом деле. О песнях мы с ним сразу договорились. Кваша исполнял их очень хорошо. Володе нравилось. Из всех, кто пытался петь его песни, он принимал одного Игоря, потому что исполнение Кваши было совершенно не похоже на то, как он пел сам. Кваша: «Учил я их с голоса, так как музыку Володя сочинял, а записывать не умел...»

Примерно за две недели до сдачи «Своего острова» — к какому-то очередному юбилею Советской власти — ей сказали: «Все, что угодно, но только не песни Высоцкого». Режиссер стояла на своем: «Будут песни только Высоцкого». Начальник

управления культуры начал уговаривать: «Галина Борисовна, ну любые песни... Возьмите любого поэта, даже Северянина». (Странно, почему в глазах чиновника безобидный Игорь Северянин был опаснее Высоцкого? Может, просто инерция мышления сработала — автор пьесы Каугвер был эстонцем, а поэт-символист закончил свои дни в Прибалтике? Не берусь судить — странная штука чиновничьи вкусы и знания. — *Ю.С.*)

«Я не поддавалась. Я была счастлива и горда тем, что это были первые Володины песни, которые были залигованы, — рассказывала Волчек — У меня была цель — внедрить Володины песни официально, чтобы они были не просто иллюстрациями, но абсолютно необходимой частью повествования. Но через какие барьеры мы прошли! Володя мне говорил: «Галина, перестань. Уже понятно, что они не выпустят спектакль»... И все-таки мы победили. Я была очень счастлива...»

Позже Галина Волчек поставила эту пьесу с песнями Владимира в Болгарии. Известный болгарский поэт Любомир Левчев говорил: «Первая встреча с его песнями стала для меня потрясением. Я испытал чувство, схожее, пожалуй, с эмоциями того моряка с каравеллы Колумба, ко-

торый первым увидел Новый Свет и воскликнул: «Земля!» Да, это было действительно открытием нового света, только я, как и Колумб, не сразу понял это...» Когда позже Левчев приехал в Москву, Галина Волчек познакомила его с Высоцким. Владимир пришел без гитары, поэтому он просто читал свои стихи. Левчев попросил его переписать для него стихи. Объяснил, что полностью оценить литературные достоинства может, лишь читая поэтические строки. На следующий день болгарский поэт получил пачку отпечатанных стихов с автографом на первой странице: «Дорогой Любомир! Это первая надпись на моих стихах (напечатанных на машинке). Может быть, когда-нибудь напишу и книгу. С уважением и надеждой на дружбу. Высоцк..»

А английскому поэту Шекспиру тоже был необходим поэт Высоцкий. Любимову хотелось, как понимал актер, чтобы на сцене был человек, который не только будет **играть** роль Гамлета, но еще будет вносить — своей личностью, своей ли фигурой — нечто, чего режиссер даже не будет диктовать.

Когда только начинали репетировать мизансцену перед прологом, гитары в руках у Высоцкого еще не было. Он просто выходил на

авансцену и громко читал Бориса Пастернака: «гул затих! Я вышел на подмостки!..» У Любимова сразу возникло какое-то недоумение, а потом он сорвался:

— Вышел?

— Да, а что?

— Ну, и уходи отсюда.

Высоцкий сперва не понял.

— Нет-нет, уходи!

— Почему? Что?

— Потому что так нельзя! Что ты за фрукт? Ну и что, что ты вышел?

Позже Любимов изменил задачу:

— Владимир, попробуй сделать так — будто ты сейчас, в данный момент, рождаешь эти стихи. Ты поэт, тебе это должно быть понятно.

— Хорошо, Юрий Петрович, — отвечал Высоцкий и читал точно так же.

— Володя! Ну как же так?!. Ты молотишь уже готовый текст. Ты играешь, я тебя прошу... Я могу даже показать. Вот, смотри: «Гул затих.. я вышел...» Ну как-то так, понимаешь? С какими-то, грубо говоря, паузами, будто ты ищешь слово или строфу. Не очень долго ищи, но как будто бы — рожай стихи! Рожай сейчас! Чтобы они не были готовыми.

— Хорошо, Юрий Петрович, — и опять по-старому читает: — «Гул затих, я вышел...»

— Владимир! Да что ж ты опять то же самое! — уже кричит шеф.

— Юрий Петрович, а у меня, между прочим, именно так часто и рождаются стихи. Сами идут, без пауз...

Он мучительно пытался разобраться в тайных законах собственного стихосложения. Объяснял друзьям: «Ты знаешь, как будто тебе их кто-то диктует. Пишу быстро-быстро-быстро, лишь бы успеть, пока звучит какой-то внутренний голос. Как будто кто-то мне говорит: пиши-пиши-пиши! Идут, идут, и вдруг — стоп! И тут уже затык в стихе. Не идет!.. В общем, по-разному бывает. Иногда одним махом пишу, как у Пушкина: «минута — и стихи свободно потекут». А иногда — очень сложно: не могу найти для рифмы слова — все! Нет слова! Ищу, ищу и не могу найти...».

Потом Высоцкий взял гитару. Он (еще не Гамлет) поет под тревожные аккорды стихи Бориса Пастернака. И после слов «Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить — не поле перейти», — страшный удар инструмента об пол. Звон или стон гитары — звук непередаваемо страшный. Разбитая дека и повисшие в лучах световых

пистолетов струны — искривленные спиралью лучами. Задуманная режиссером, выполненная актером **игра**!

Против этого решительно восстал композитор Юрий Буцко: «Ведь это как ребенка убить... Этого **нельзя** делать!»

И Владимир с ужасом смотрел на обломки, как будто думал: «Что же это я наделал?» — и молчал. Только тогда Любимов уступил: «Ладно, битники, не будем бить гитару. Поступим проще».

Юрий Буцко, кстати, не сразу согласился работать над музыкой для «Гамлета». Как он объяснял, мешали «авторитеты». Высоцкий переубеждал:

— Вы обязаны работать.

— Что вы, Володя, ведь страшно: Шостакович написал музыку к «Гамлету», Прокофьев и другие великие... Ведь страшно — провалиться.

Это его «страшно» вызвало в Высоцком небывалую реакцию гнева, почти ярости. Он закричал:

— А мне не страшно?.. Гамлета сыграли многие: Пол Скофилд, Смоктуновский! Мне что, не страшно? А я буду играть!

Почему Высоцкий говорил, что любит репетиции больше самих спектаклей? Потому что репетиции — творчество, кровь, пот и слезы. Драматург Эдуард Володарский считал, что Любимов

в этой работе Высоцкого изо дня в день тиранил: «Это не та роль, тут, Владимир Семеныч, хрипом не возьмешь, тут играть надо». На одной из репетиций раз пятнадцать заставлял повторять монолог «Быть иль не быть». Володька мокрый, как мышь, внутри весь кипит...

В этом спектакле актеры носили солдатские пгыки в деревянных ножнах — вроде кинжалов. И когда Любимов в очередной раз его прервал, Высоцкий страшно завизжал, выдернул штык и швырнул в Петровича. Счастье, что не попал: штык ударился в спинку кресла, только щепки брызнули. У Любимова на лице не дрогнул ни один мускул. Выдержав паузу, он лишь сказал администратору: «Миша, соберите кинжалы и велите затупить. Стульчик надо починить. Позовите кого-нибудь. Продолжаем, Владимир Семенович...» (Впрочем, сам Любимов эту историю напрочь отрицал, говорил, что чистой воды выдумки: «Набрехали, что он кидал в меня штыки... У него всей этой советской сволочной галиматьи в голове не было. Он был поэт...»)

Юрий Петрович часто повторял: «Поэзию труда выдумали бездельники».

Конечно, освоить гигантский материал, предложенный Шекспире»», было безумно тяжело.

Друзья убеждали еще незаконнорожденного принца крепиться во имя «Гамлета». Была в их компании такая традиция взаимного поддержания. Подбадривали Золотухина, когда у того из рук юн плохо шли дела с Кузькиным-«Живым», подшучивали, поднимая настроение печальному Смехову, застрявшему на перекрестке в своем «Часе пик». А этот вечер был посвящен Высоцкому. Хозяин дома Вениамин Смехов вспоминал: «Было накурено очень, а у меня дети в соседней комнате, дома не курят, поэтому отбыли балкон, февраль... Володя к концу этого вечера распелся, пел тень здорово и много. И я не понял, сколько уже времени, а когда уже провожал, то выяснилось, что уже пять часов утра, и тогда я удивился: обыкновенный дом в нормальном микрорайоне, за Таганкой, на втором этаже, открыты окна — и никто не постучал... И потом мне какие-то люди сказали: «А вот вы помните, у вас был Высоцкий?» — «Да. И никто не отреагировал!» — «Как никто не отреагировал? На всех балконах стояли в шапках и слушали! Молодежь унимала своих родителей — только не смейте звонить!..»

А как было не слушать! «Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет...», «Она была чиста, как снег зимой...», «Капитана в тот день называли на

«ты»...», «Баньку», само собой, а потом «То ль — в избу и запеть...», «Она во двор, он — со двора..... Песни тянулись одна за другой просто так, под настроение, но настроение безрадостное.

Под утро Полока вдруг вспомнил: «А «Ноль семь»?» — «Да ладно, Ген, потом...»

В жизни Влади и Высоцкого постоянно присутствовал VIP (очень важная персона) — телефонистка международной станции «07». Для Марины Влади телефонный аппарат был живым существом: «...бурный, временами слишком молчаливый, ненавидимый или любимый...». Телефонистки, невольные и незримые свидетельницы взрывов нежности и любви, их ссор и размолвок, помогали Высоцкому разыскивать Марину по всему свету. Они находили ее в римской гостинице, в бассейне в Швейцарии, на съемочной площадке в Южной Америке или в Испании только ради того, чтобы он мог сказать своей Мариночке, что любит ее. Любит именно в эту минуту: «Ну, здравствуй, это — я...»

Польский друг Даниэль Ольбрыхский, прилетевший на сороковины Высоцкого в его московский дом на Малой Грузинской, 28, среди многочисленных знаменитых гостей, участвовавших в поминальной трапезе, обратил

внимание на скромную заплаканную девушку: «...это была Люся, телефонистка с международной станции, помогавшая Высоцкому дозваниваться до Марины Влади. Однажды Люся нашла ее даже у парикмахера в Бразилии, куда Марина улетела после ссоры с Володей, никому ничего не сказав».

Ту самую «Тому, 72-ю» из знаменитой песни Высоцкого на самом деле звали Людмила Орлова. Ее роль в бережном сохранении хрупких взаимоотношений Высоцкий — Влади не переоценить. Она умела искусно улаживать назревающие скандалы и ссоры, разряжать и предупреждать неловкости. Остывая от страстей и взаимных претензий, они по телефону или с глазу на глаз благодарили ее. В 1974 году звездная пара примчалась к Люсе домой, чтобы поздравить своего ангела-хранителя с двадцатилетием свадьбы, вручить огромного плюшевого медведя и роскошный букет голландских тюльпанов.

«...Однажды, — вспоминала Марина, — к нам в разговор «влез» маленький голос. Это была женщина, которая сказала, что «не надо так говорить, мы не в порядке, мы вам перезвоним...». Ну, я положила трубку. Через какое-то время мне позвонил Володя — в лучшем виде... И эта Люся,

прелестная женщина, она просто взяла на себя наше общение телефонное... Без нее, вероятно, не было бы такого общения, потому что мы каждый день говорили, даже когда я долго работала на Западе. А когда я находилась в Москве, а он где-то на судне с товарищами — она его находила в порту! То есть она подвиги совершала всю жизнь!»

Людмила Харитоновна помнила их первый разговор: «Володя весь пылающий: «Мариночка, любовь моя, солнышко мое...» Такие полуфразы, недоговоры — чувствуется, что человек влюбился. Она — довольно-таки сдержанно, кокетничает с ним... Она хорошо с ним говорила, но очень спокойно... Я Марину даже ревновала... То есть я на нее злилась. Володя ей весь отдавался, а она ему только: «У меня Игорь то-то, Петька с Вовкой то-то... дома — украли, обобрали, мама больная!» У нее чисто женское такое — свои проблемы. А он здесь: «Я песню написал!» Я чувствую, что ей не до песен: «Ну ладно, давай!» Он начинает петь, а она его прерывает — что-то вспомнила!.. Я злюсь ужасно — человек ее так любит, а она!.. Как же так можно?! Ну, это первое время так, а потом стало сердечко таять». А потом она здесь пожила, стала ласковее, сама стала звонит..»

«Монопольное право» Орловой на Высоцкого

пытались оспаривать. Журналисты разыскали старую телефонистку центрального переговорного пункта Москвы Ирину Владышевскую, которая за 30-лет службы вдоволь наслушалась телефонных монологов Высоцкого.

— Он очень часто писал стихи у нас, прямо на переговорном пункте, — вспоминала Ирина Викторовна. — И потом тут же читал их Марине Влади, пел по телефону. Я много, много раз соединяла их — Париж и Москву. Высоцкий всех наших девчонок по имени знал... Приходил к нам на «Огоньки». Пел. В день его смерти я дежурила в ночную смену, из Москвы мы тогда, помню, всю ночь искали Марину... Разыскивали их друг для друга, иногда по всей страда. Ведь у них же любовь по телефону была! Мне очень нравилась эта пара...

Орлова, Владышевская — какая, в сущности, разница? Задумаемся о другом. Ведь еще Владимир Одоевский в письме Александру Пушкину оказался пророком: «Письма в будущем сменятся електрическими разговорами...» Именно так — «електрическими». И оказался прав.

Высоцкий звонил Марине отовсюду, стоило ему увидеть телефонный аппарат. Лариса Лужина, например, вспоминает, что Высоцкий,

«когда приезжал к нам в гости на улицу Удальцова, всегда первым делом садился и звонил ей, Мариночке. Он потом долго мне при встречах говорил, что за ним один неоплаченный счет за телефонные переговоры — 40 рублей. Кстати... его песня «07» тоже посвящена мне. Или — моему телефонному аппарату...». Ну, тут Лариса Анатольевна явно загнула. Может быть, хватит ей «Альпинистки» и «Она была в Париже»?

Иван Бортник, часто бывавший в доме на Малой Грузинской, неоднократно наблюдал, как его друг часами говорил с Влади по телефону. «Он мог в течение двадцати минут повторять: «Мариночка, Мариночка...» Мне становилось неловко, и я уходил на кухню.

И вот сидишь на кухне, одну чашку выпьешь, вторую, полпачки сигарет выкуришь, а он все: «Мариночка, Мариночка...»

Рассказывая о Высоцком, кинорежиссер Геннадий Полока любил вспоминать один эпизод: «Мы сидели, выпивали дома у Севы Абдулова в его квартире на улице Горького. Высоцкий позвал всю смену телефонисток с Центрального телеграфа, человек семь (они ему всегда, в любое время обеспечивали связь с Парижем). Потом мы пошли их проводить до стоянки такси у «Мос-

ковской Астории», как мы называли на старый манер гостиницу «Центральная». Сева уже был очень пьяный, зачем-то рванулся вперед... Вдруг мы слышим крики, Володя говорит: «По-моему, Севу бьют». Меня поразило, как небольшого роста Высоцкий в считанные секунды разметал здоровенных мужиков. А Сева в это время неподвижно лежал на мостовой и спал...»

Когда у Любимова закрутился роман с очаровательной венгеркой Каталин, возникли коммуникационные проблемы Им даже по телефону не давали возможности переговорить. «Я Володю Высоцкого просил помочь, — рассказывал Юрий Петрович, — и он соединял нас через какую-то знакомую телефонистку. «Разъедини ты этих начальников, у него сын должен родиться», — хрипел он в трубу. «А ты зайдешь?» — спрашивала она. — «Зайду, зайду..»

***

Шекспировская трагедия во многом определила Владимира как личность, считал Любимов. Вначале он не очень соображал, что играет. Придумал, что Гамлет — человек эпохи Возрождения. Это что, рвет мясо руками? Я его начал убеждать в обратном, что таких людей долго готовят к

престолу. Что друзья, которые его предали, только что окончили университет. А, по последним изысканиям, они есть и в реальных списках университета — Розенкранц и Шльденстерн. Потом учтем прекрасный перевод Бориса Леонидовича Пастернака. И Володя, конечно, делал, что мог, но поначалу ему было трудно репетировать...

Любимову хотелось, чтобы пастернаковский монолог «Авва Отче! Чашу эту мимо пронеси...» был как исповедь, как мольба за себя, за товарищей, за театр: «Господи! Ну неужели мы окажемся банкротами?..» Это та же разминка, только психологическая какая-то, молитва перед началом: «Господи, ну дай мне... неужели я сегодня плохо буду играть такую роль?..» Дальше: «Но продуман распорядок действий...» — все запрограммировано, зритель пришел, играть надо, и определил всех партнеров своих, с кем тебе играть... И вот эпиграф к нашему спектаклю: «Я один, все тонет в фарисей- <гтве. Жизнь прожить — не поле перейти» — вот о чем мы будем играть. Ясно? Перестаньте разговаривать!!! Почему у вас такая бестактность, как у лабуха у плохого?!. Поехали...»

Володарский был свидетелем того, как Высоцкий после репетиций, совершенно измоча-

ленный, клял отца-основателя Таганки: «Сука, фашист, я его убью, я его зарежу — подкараулю и зарежу!» А бывало, он бесследно исчезал на неделю, и тогда уже Любимов материл своего премьера ровно с таким же энтузиазмом и почти в тех же выражениях: «Я его на фонаре перед театром повешу! Сволочь, мерзавец, подонок, негодяй!» Но когда Володя, наконец, появлялся и опухший, с подбитым глазом заходил в кабинет главрежа, Юрий Петрович принимался его бережно ощупывать, рассматривать, как игрушку: «Цел, ну, слава богу. Ну, Володя, как же так, ты же два спектакля сорвал, ну мать честная, кто ж так делает?..» Высоцкий как-то признался: «Любимов — единственный человек, которого я не могу послать.»»

Если вначале Владимир не очень чувствовал концепцию — почему Гамлет не действует? — был далек от библии и вопросов религии, то постепенно он вгрызался в тему. «Гамлет» — это ведь одна из немногих пьес, где затронуты вопросы веры. Принц размышляет, а не был ли явившийся дух — дьяволом, который решает его искусить и потому действует во зло? Гамлет не ищет трона, он ищет доказательств. Если это искушение, то его надо побороть. Но потом в

спальне ему является призрак — он его видит, а королева нет.

Владимир схватывал уроки мастера на лету. Вскоре он уверенно говорил: «Поиски нового совсем не обязательно ведут к усложненности формы. Часто бывает и наоборот. В «Гамлете» у нас было 17 вариантов решения встречи Гамлета с Призраком. Среди них был очень неожиданный и эффектный — с огромным зеркалом. Гамлет как бы разговаривал сам с собой, со своим отражением. А Любимов остановился на самом простом варианте, который своей простотой подчеркнул необычное решение всего спектакля».

Юрий Петрович считал, что у Высоцкого было гениальное ухо к поэзии. Но не менее чуток Владимир был к каким-либо операторским или актерским находкам в кино, театральным «ходам», придуманным режиссером или сценографом (вроде того же зеркала). Он откладывал их в памяти как бы «на потом», на будущее. Лишь единожды принц датский с Таганки обмолвился: «Может быть, когда- нибудь я захочу поставить «Гамлета». Ему было искренне жаль безвинно похороненных вариантов решения тех или иных сцен.

В театре шушукались: «Даже оформление и

костюмы придумывают под Высоцкого». Кто-то слышал, как Любимов, глядя на будущего Гамлета, обмолвился: «Какой, Володя, у тебя красивый свитер! Надо всем такие свитера сделать, и занавес такой же!» Хотя, может быть, это легенда. Но, тем не менее, главным — не героем — действующим лицом таганского спектакля стал шерстяной занавес.

«Когда вы входите в зрительный зал, — раскрывал замысел Любимова и художника Боровского Высоцкий, — вы видите этот серый занавес, сплетенный из шерсти. Занавес десять на двенадцать метров. Мы придумали очень остроумно: взяли рыболовную сеть и в нее вплели в 90 ниток этот занавес. Только на Таганке так могли придумать! Использовали мы для этой работы поклонников нашего театра, сказали: «Если вы сплетете занавес, то пустим вечером на спектакль». Они сплели.

Этот занавес движется во всех направлениях. Он работает иногда просто как Судьба, как крыло Судьбы. Ведь на сцене ничего нет, только впереди вырыта могила со свежей землей. Иногда, когда кончается сцена, особенно после сильных мест, он (занавес) сталкивает в могилу правых и виноватых.. Иногда разбивает сцену на куски. Дает

возможность кинематографического приема...»

В разгар репетиций Любимов был опасно суров. Попадаться ему под руку в неподходящий момент, опоздать или даже заболеть в это время — Боже упаси. Но вот — беда! Молодому актеру Ивану Дыховичному предстояло днем ехать в загс (нет, он не считал это бедой), а утром он обнаружил пропажу паспорта. Только Высоцкий мог найти выход Он взял жениха Ивана за руку и повел в кабинет шефа. Сейчас должна начинаться репетиция.

— Юрий Петрович, случилось несчастье.

— В чем дело? Почему вы не в репетиционной форме?

— Юрий Петрович, я везу Ивана в милицию, срочно! — Высоцкий объясняет ситуацию.

— Да-да, быстрее езжайте!

Они, захватив гитару из реквизита, отправились к милицейскому начальству:

— Вы сейчас срочно делаете этому молодожену копии украденных документов, а я все это время буду петь вам свои песни.

И Высоцкий пел для них. Два часа подряд...

Он всегда очень ревниво относился к распределению ролей, подбирая себе партнеров. Умел сказать товарищу по сцене какой- нибудь ком-

плимент и выразить свою симпатию, если ему что-то нравилось, помочь.

Таганской Офелии — Наталье Сайко откровенно повезло: только-только вырвавшись из «Щуки», как раз подоспела к распределению ролей в «Гамлете». Ей долго не давалась сцена сумасшествия, где Офелия напевала песенку и раздавала веточки вербы. «Я измучилась, — признавалась она, — но не могла найти верную интонацию. И Володя дал совет: возьми, говорит, вот эту строчку тоном выше. Обладая абсолютным слухом, он мгновенно определял, что мне мешает. И все получилось!..»

Алле Демидовой Высоцкий в шутку как-то спел: *«Я жаль мне, что Гертруда — мать моя, и что не мать мне — Василиса — Алла!..»* Он восхищался ее профессионализмом и говорил товарищу: «Смотри-ка, ведь ей не дано от природы ни внешности «звезды», ни безумия страсти... А она ведь всех обошла!..»

Ее давнишнее публичное признание «Почему я хочу сыграть Гамлета?» сопровождало Высоцкого весь период подготовки спектакля, и всеми силами он старался доказать ей и всем остальным, что это **мужская** роль, принадлежащая только ему одному. В конце концов, она безоговорочно

согласилась с его Гамлетом: «Высоцкий — один из немногих актеров, а в моей практике — единственный партнер, который постоянно достойно вел мужскую тему. Вести женскую тему на его крепком фоне было легко. От его неудержимой силы, мужественности, темперамента сама собой у меня возникала тема незащищенности, слабости, растерянности... Вся энергия Высоцкого была направлена на безусловное преодоление ситуации, безотносительно к наличию выходов и вариантов.

В любой безысходности — искать выход. В беспросветности — просвет! И во всех случаях знать и верить: «Еще не вечер! Еще не вечер!» Дерзание и дерзость..»

Но через много лет, уже после смерти Владимира Семеновича, руководитель театра «А» — Алла Демидова — все же поставила своего «Гамлета». Это был моноспектакль. Все роли были ее. И даже театральные костюмы были придуманы ею.

Беда Ивана Дыховичного с его бракосочетанием была, конечно, сущей безделицей по сравнению с настоящим несчастьем, которое едва не случилось на Таганке: на репетиции рухнула полуторатонная конструкция декораций. Спас гроб Офелии, который принял не себя удар балки,

удержав махину. На сцене в этот момент было два десятка актеров, они шли за этим гробом, играл траурный марш, и всех накрыло занавесом. Фантасмагория. Одеревеневший Любимов, сидевший в зале, только и смог выдавить из себя: «Никого не убило?..»

Композитор Юрий Буцко увидел в этом Знак будущей Беды или Судьбы. Это было как колдовство, как шаманство — с предчувствиями и предсказаниями. Актеры говорили: «Мистические явления и прорицания Тени отца Гамлета проникали в нас, во всех участников этой работы, и прошли через наши судьбы».

Намеченную на июнь премьеру перенесли на осень.

***

«Нам повезло, — считала Марина, — что мы оба были знаменитыми. Но не было у нас борьбы за первую роль... Мы были на равных. Мы не тянули каждый на себя, потому что у каждого была своя публика. Нам повезло тоже, когда он стал немножко-немножко зарабатывать, немножко денег, немного, но как-то, все-таки... Вначале было очень тяжело, потому что я человек, естественно, как кинозвезда, я зарабатывала много

денег. И это могло быть проблемой, как и в любом союзе. И это не было долгой проблемой. А в смысле власти в паре, да, ну, я думаю, что я его все-таки держала немного в руках. Как все бабы, в общем, когда мужик такой шальной, нужно держать его в руках...»

Но она сознательно разрушала свою профессиональную карьеру. На Западе продюсеры уже остерегались подписывать с ней контракты, зная, что в любой момент Влади может отказаться, сорваться в Москву по первому же намеку, что у Владимира что-то не так, или подчиняясь своей интуиции. Летел к черту весь график съемок. Но зато наступал покой — и в ней, и в нем. И они оставались наедине друг с другом. Даже в толпе.

Венгерский журналист Ласло Далош видел их в Московском Дворце съездов во время очередного кинофестиваля: «Они в перерыве между показами фильмов стояли за одним из столиков в буфете верхнего банкетного зала... Он стоял рядом с ней, и его глаза лучились какой-то покорностью, преданностью, смущенностью. Они вели непринужденный разговор. И он все делал неторопливо, делал все, чтобы ей услужить, выполнял все, о чем просила эта удивительная женщина. То он подает ей тарелку с салатом, то ломтик Хлеба,

и все так сдержанно, спокойно, что, на первый взгляд, и не Чувствовалось связи между ними. Видно, как он стремится сделать все, чтобы она была довольна... Это не театр и не кино, и нет с ним гитары. За что же ему держаться?..»

Летом они вырвались на Черное море в гости к капитану теплохода «Шота Руставели» Саше Назаренко, который пригласил их в круизный рейс Одесса — Батуми. Все было прекрасно. Если бы только не верхнепалубная публика, от которой приходилось постоянно прятаться. Слава богу, у капитана на борту власть абсолютна, как у монарха. Без его разрешения к «люксу» Высоцкого никто даже приблизиться не смел. Разве что еще один «гость капитана» — актер Зиновий Высоковский пользовался некоторыми привилегиями.

В один из вечеров Высоцкий пел для Назаренко. Одна из песен была только что закончена, и автор, исполняя ее, подглядывал в текст, написанный на фирменном бланке «Шота Руставели»:

Лошадей двадцать тысяч
В машины зажаты —
И хрипят табуны,
Стервенея, внизу.
На глазах от натуги

Худеют канаты,
Из себя на причал
Выжимая слезу...

— Это ты из меня слезу выжимаешь, Володя, — сказал Назаренко, когда Высоцкий закончил петь.

А подвыпивший Высоковский принялся давать советы: «Володя, тебя надо читать. Ты своей гитарой забиваешь слова. А тебя надо читать!!!»

— Ну, почитай, — улыбнулся Высоцкий.

Зиновий стал читать: *«Был шторм. Канаты рвали кожу с рук И якорная цепь визжала чертом...»* Наступила пауза, и, прервав молчание, Владимир вновь улыбнулся и сказал: «Марина, меня может читать только Зяма...»

Она была благодарна Владимиру за отношение к ее сыновьям: «Он открыл им Россию. Если бы не он, им, может быть, никогда бы и не довелось ее увидеть... Володино влияние было колоссальным. Мои сыновья обожали его, если не сказать — боготворили. Он не был им отцом по крови, но они, может быть, даже сильнее, чем можно любить отца, любили его — как друга, своего парня, как брата... Особенно любил его мой младший — Володька...». «Они тогда были маленькие

и тянулись к Володе, как крошечные зверечки, ласкаясь и получая нежность и ласку, доброту и сердечность, — вспоминала Марина. — И только потом, позже, когда подросли, поняли, с каким человеком их свела судьба, великим человеком, которого они и поныне называют отцом. Хвастают, словом...»

Когда ее средний — Пьер-Петька увлекся игрой на гитаре, Владимир подарил ему свой инструмент. С его легкой руки юношеское увлечение сына Влади позже стало его профессией.

В сентябре Таганка выехала на гастроли в Киев. Репетиции «Гамлета» продолжались в «походных условиях» — в перерывах между плановыми спектаклями. Плюс к этому концертные выступления — за последнее время новые песни шли какой-то лавиной, одна за другой. После выступления в Доме ученых к нему подошла женщина, представилась — Наталья Преображенская, научный сотрудник Института микробиологии и вирусологии, предложила выступить у них.

— Так вы же меня слышали, зачем же еще приглашаете?

— Хочу поделиться с другими! — ответила киевлянка.

Пока ехали, Наташа предупредила, чтобы поэт

не удивлялся, когда увидит «товарищей ученых» не в белых халатах, а в фуфайках и сапогах — многие приедут прямо с уборки картошки. Он только усмехнулся: «Знакомая картина».

В актовом зале было не протолкнуться — стоять было негде. Пел Высоцкий, как обычно, полтора часа. «В конце Владимир Семенович, — вспоминала Преображенская, — сказал: «Мне тут Наташа рассказала, что вы были на картошке. Обещаю вам, что к следующему выступлению, если, конечно, вы меня пригласите, обязательно напишу песню об этом...»

Слою он сдержал. И вскоре инструктировал «доцентов с кандидатами»: *«Автобусом до Сходни доезжаем, а там — рысцой, и не стонать! Небось, картошку все мы уважаем, когда с сольцой ее намять!»*

В день прогона «Гамлета» в кабинете Любимова сидел Евгений Евтушенко. Обе часовые стрелки упали вниз — половина седьмого. Высоцкого в театре еще не было. Любимов вышел встречать очередных гостей.

« —Вдруг раздается звонок, — рассказывал позже Евтушенко, я снял трубку и услышал:

— Это Володя. Кто говорит? Женя? Только не надо Юрия Петровича звать Женечка, я вчера

немножко загулял, ребята хорошие попались, пилоты. Они меня умыкнули во Владивосток, а тут погода нелетная. Ребята пообещали, что завтра меня привезут. Женя, уговори Юрия Петровича, попроси прощения за меня. Ну, сделай что-нибудь.

Объяснил:

— Володя не виноват, простите его, ради бога.

Любимов начал кусать ногти и сказал:

— Единственная возможность, как ты можешь его выручить — давай объявим вечер твоих стихов. Тогда никто не уйдет».

Вероятнее всего, так и было. Но кое-кто все же ушел.

Мой финиш — горизонт, а лента — край Земли.

Я должен первым быть на горизонте!

Он говорил об этой своей песне: «Она родилась по ночам... Может быть, в связи с тем, что у меня была премьера «Гамлета». Я играл Гамлета, и у меня были такие серьезные намерения, настроения. И в связи с этим такая серьезная песня...» Как молитва:

Но тормоза отказывают — кода!

Я горизонт промахиваю с хода!..

В канун премьеры «Гамлета», окончательно назначенной на 29 ноября, Любимов, Боровский, Высоцкий, само собой, ведущие и неведущие исполнители, все, как один, «*легли на дно, чтоб не могли запеленговать*» ни друзья, ни родственники, ни знакомые Просвещенные рабочие сцены пытались применить на практике испытанные приемы зощенковского монтера-шантажиста. Ценность невесомого квиточка на премьеру «Гамлета» измерялась в каратах.

...В глубине сцены у белой стены сидел Высоцкий и перебирал струны гитары. Он чувствовал себя, как на лобном месте. Выходят остальные герои, каждый с траурной повязкой. Неторопливо начинают свою печальную работу могильщики. Кричит петух — и настает час Высоцкого.

Гул затих Я вышел на подмостки...

Потом будет очень много рецензий. Но самую лаконичную и точную оценку дал в первый же вечер главный советский кинематографический Гамлет Иннокентий Смоктуновский: «Это можно принимать, можно не принимать, но с этого дня играть Гамлета так, как играли раньше, уже нельзя».

Даже двадцать лет спустя после таганской

премьеры, когда Любимов ставил «Гамлета» на родине Шекспира, он мысленно возвращался к образу, созданному Владимиром Высоцким, и говорил, что исполнитель главной роли Даниэл Уэбб «чем-то похож на Высоцкого и даже играл в черном свитере, который был так к лицу Владимиру. На афишах и в программках театра Хеймаркет значилось «У. Шекспир — «Гамлет» — Памяти Владимира Высоцкого».

***

Высоцкий говорил: «Я бы хотел, чтобы зрители, встречаясь с Гамлетом в зале нашего театра, волновались, как и я, чтобы они понимали, как труден и драматичен путь к гармонии человеческих отношений...»

За десятилетие жизни принца Датского на таганской сцене он менялся. Вначале для него не существовало проблемы «Быть или не быть?». Только — «Быть!». А в конце Гамлет Высоцкого — мудрый усталый философ, перед которым стоят вечные вопросы и на которые нет ответа.

На то были причины внутренние и внешние. Высоцкий, птица вольная и независимая, то скрывался в неизвестном направлении, ТО срывался. Любимов сатанел: «Ему наплевать на

театр!» Искал выход из «мышеловки».

— Иван, — не выдержав, обратился к Бортнику. — Я не могу зависеть от вашего друга Высоцкого. Я прошу вас... играть Гамлета. У вас одинаковое качество темперамента, и мне не нужно будет перестраивать спектакль...

При случае Бортник рассказал о планах шефа Владимиру. «А х..., играй», — сказал тот совершенно спокойно.

«Потом Любимов меня встретил: зачем ты передал Высоцкому? — рассказывал Иван Сергеевич. — Я даже опешил: а как вы думали, он останется в неведении, а я буду где-то тайно репетировать его роль? Провокационная была ситуация. Но надо знать Юрия Петровича. Он подключил писателей — Абрамова, Можаева, свою жену Людмилу Васильевну. Она смеялась мефистофельским смехом: «Ха- ха! Юра, он не хочет играть Гамлета!» Я отказывался: ну как вы себе представляете, вот сядет Бортник у стены с гитарой?» С таким же успехом меня можно посадить на сцену с баяном или гуслями — ну и что дальше?.. Длились увещевания долго — около двух лет.

Слава богу, Золотухин согласился, и от меня отстали... Когда на улицах города появились афиши с надписями: «Гамлет — Валерий Золотухин», лю-

ди сжигали плакаты... «Мы с Володькой подходим к репертуарной доске, а там приказ — «Назначить на роль Гамлета Золотухина». «Вань, посмотри», — не поверил Высоцкий. Он долго стоял у доски. Я помню, как дергался его подбородок. Потом мы сели в машину. Всю дорогу он молчал, смотрел в одну точку. Спустя некоторое время он прошептал: «Черт, е... твою мать, этого не может быть».

Может.

Но ведь маска Гамлета уже абсолютно и навсегда приросла к лицу и судьбе Владимира Высоцкого. В «Гамлете» он, конечно, сыграл себя. **Играл** смерть Гамлета — и получил смерть... Или **выиграл**?»

«ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК? ВРОДЕ ВСЕ, КАК ВСЕГДА..»

Весь «гамлетовский» период — от начала репетиций до премьеры — отношения с кино у Высоцкого не складывались: уж слишком «прожорлив» оказался принц. Но по этому поводу Владимир не очень переживал.

Ну, не утвердил худсовет его пробы в новом фильме Полоки «Один из нас» — жалко, конечно, но не смертельно. Сценарий — далеко не шедевр. Желание Полоки продолжить эксперименты, начатые в «Интервенции», на новом материале, — не внушало доверия. Обидно было другое: на заседании худсовета этот Сиплый, народный артист Советского Союза Санаев, публично заявил, что Высоцкий, этот полушпана, полуартист, выступающий на каких-то подпольных вечерах, не достоин выступать в роли героя советской разведки. И якобы зампред КГБ Филипп Денисович Бобков, куратор культуры, пообещал «башку оторвать» кинобоссам Романову и Баскакову, если они утвердят Высоцкого на роль Бирюкова в этой картине. Это уже был звоночек малоприятный.

Получается, не напрасно в свое время пел: *«Мою фамилью-имя-отчество прекрасно знали в КГБ.»*

А вот с фильмом братьев Климовых «Спорт, спорт, спорт» сам все испортил. Замысел авторов — показать мир спорта изнутри, с изнанки, уже сам по себе был любопытен. Климовы внушали уважение и доверие. За плечами старшего из братьев, Элема, была блестящая картина «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен». А Герман, хотя и был только начинающим сценаристом, зато знал спорт как свои пять пальцев, будучи известным легкоатлетом, неоднократным призером чемпионатов СССР по прыжкам в длину и десятиборью.

Высоцкий встретился с братьями и быстро уловил суть уготованной ему роли: сделать отдельный эпизод картины, подать как некий философско-поэтический спор о спорте, столкновение двух взглядов, но не прямое, плоскостное, а создающее объем. Один поэт, говоря о реалиях спорта, о его вышибающих искры парадоксах, гнет свою линию наступательно, жестко и зло, другой, не вступая с ним в полемику, отвечает возвышенно и косвенно, говорит о духовной подоплеке поражений и побед, о потаенной сути спорта... Они видели так первый поэт — Владимир

Высоцкий, его оппонент — Белла Ахмадулина. Как идея? Здорово, только и смог ответить Высоцкий. Но выдвинул условие: рассказать ему о спорте все без утайки!

Драматургия спорта занимала его. Высоцкий буквально вцепился в Германа, детально выспрашивая обо всех тонкостях прыжков в длину, что такое «заступ», почему с заступом прыжки у него, как назло, были самыми дальними и до заветных восьми метров Ой так не допрыгался. А коль Герман занимался еще и десятиборьем, то страшно интересовался другими видами: почему все прыгают с левой ноги в высоту, а левши только с правой. Какая психология у марафонцев и чем она отличается от психологии спринтера?» Метатель молота, почему именно молот?

Потом они еще пару раз встречались, обсуждали детали. Высоцкий даже принес кое-какие наброски: *«Спорт — это как прыжок в высоту: одно мгновение наверху — и вниз. Взлет и падение, взлет и падете. Плюс на минус. Ноль. Никакого смысла. Так зачем это нужно?.»*

И вдруг пропал, сказали: уехал. А сроки поджимали. Наконец, звонок все, завтра встречаемся и работаем всю ночь. Назавтра *(ушел в пике»... Ждать уже было нельзя, эпизод сделали без Вы-

соцкого. Потом он пришел, страшно переживал, винился... Но была еще одна причина для отказа, о которой Владимир умолчал. В климовском эпизоде он увидел некоторый повтор. В «Антимирах» Вознесенского у них со Смеховым уже был использован подобный прием — диалог циника и романтика — «Как-то раз в тени печальной возлежал я возле чайной...».

Ладно, не получилось, так не получилось. Зато Герман Климов вооружил его такими познаниями, что вскоре спортивные песни просто сплошным блоком пошли — и про прыгуна в длину, и про прыгуна в высоту, и про метателя молота, и про марафонцев, и про футбольного вратаря...

А нереализованной идеей Элема — свести в духовном противостоянии Высоцкого и Ахмадулину — через некоторое время попыталась воспользоваться его жена, Лариса Шепитько, тоже первоклассный кинорежиссер. Она задумала делать фильм по сценарию Шпаликова «Ты и я», и в качестве любовного дуэта остановилась именно на Владимире и Белле. Но возникли различные помехи. Вот тут Высоцкий уже по-настоящему сожалел об утраченном...

Как и о том, что пришлось поставить жирный

крест на идее Романа Виктюка сделать с ним и Ритой Тереховой шекпировский цикл на телевидении. Целых семь ролей! Даже начали работать. А потом, как рассказывал Роман, какой-то телевизионный начальник встал в позу: мол, он никогда не покажет этого говна советским зрителям.

Генеральный директор «Мосфильма» Николай Сизов в отличие от своих коллег не собирался никому откручивать голову, никого не называл «полушпаной» и «говном». Просто за день до начала съемок фильма «Земля Санникова» вежливо, но твердо сказал режиссерам: «Его не надо», имея в виду исполнителя роли главного героя картины Высоцкого. Один из режиссеров, Альберт Мкртчян, робко поинтересовался: «А почему?» — «Не подходит он вам». — «Но если режиссер я, то мне он подходит». Сизов вздохнул и сказал тугодуму: «Слушайте, вы что, не понимаете? Он вам не подходит».

Потом поручил своим помощникам: придумайте что-нибудь, скажите, что Высоцкого нельзя снимать. Его... вчера по западному радио крутили. Мкртчян, услышав эту версию, заткнулся, и в фильме не стало не только самого Высоцкого, но и его песен. Словно предощущая нечто подобное, поэт выкрикивал в пустоту свои каверзные

вопросы:

До чего ж вы дошли?!
Значит что, мне уйти?
Если был на мели,
Дальше нету пути?..

— В тот же день я позвонил Высоцкому, — заметался отважный режиссер, — что будем делать? Назавтра мы должны были на съемки уезжать... Все были совершенно уверены, что Володю утвердят, и даже билеты на поезд взяли для него и для Марины Влади. У нее был маленький эпизод невесты руководителя экспедиции. Высоцкий спросил, смогу ли три дня не снимать, ждать его. Я пообещал... Приехали мы в экспедицию на Финский залив. А на третий день получаю телеграмму: «Можете взять любого. Меня не утвердили»...

Владимир тоньше понимал ситуацию. Другу Славе Говорухину он сообщал: «...Я не так сожалею об этой картине, хотя роль и интересная, и несколько ночей писал я песни, потому что (опять к тому же) от меня почему-то сначала требуют тексты, а потом, когда я напишу, выясняется, что их не утверждают где-то очень высоко — у министров, в обкомах, в правительстве, и денег

мне не дают, и договора не заключают, но возвращаясь к началу фразы, нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я — одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, а всем будет плевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую обязательно искажу, а то и уничтожу своей неимоверной скандальной популярностью…»

А ему так хотелось на всю страну, чтобы сразу все услышали, выплеснуть свою мольбу:

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Вы тугую не слушайте плеть!

Но что-то кони мне попались привередливые —

И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Кроме того, его очень разочаровала позиция режиссера, который не решился до конца отстаивать свой выбор. «А ведь смелый был человек, — горячился Владимир. — Но хоть бы слово сказал!»

Казалось бы, к подобному уже можно было бы привыкнуть, только не хотелось Высоцкому

верить, что «...вырубят меня с корнем из моей любимой советской кинематографии. А в другую кинематографию меня не пересадить, у меня несовместимость с ней, и на чужой почве не зацвету, да и не хочу я...». Однако несыгранных киноролей с каждым годом у него становилось все больше. И беспощадная эксплуатация в театре изматывала донельзя.

— Валера, я не могу, я не хочу играть, — признавался он Золотухину. — Я больной человек. После «Гамлета» и «Галилея» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат. После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок.. Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил... Я бегаю, как загнанный заяц, по этому занавесу. На что мне это нужно?.. Хочется на год бросить это лицедейство... это не профессия... Хочется сесть за стол и спокойно **писать**, чтобы **оставить после себя** что-то.

Он постепенно овладевал искусством высвобождаться, увиливать от ролей, которые были ему малоинтересны и мешали. Благополучно спрыгнул» с Органа в «Тартюфе», под благовидным предлогом ушел от роли отца Павла Власова

в горьковской «Матери», потом бежал от еще более безнадежного текста «Что делать?» Николая Гавриловича Чернышевского. Отказался от участия в композиции по поэме Евтушенко «Под кожей статуи Свободы». Выбрал удобное объяснение: «Я в этом спектакле не участвую, естественно, поскольку это поэзия Евтушенко, и не пишу никаких песен».

Потом, дурачась, скаламбурил: «Посвящаю Евту-шутку — Евту-Женьке!»

***

Когда в феврале 72-го года умерла мама Влади, у осиротевшей Марины возникла мысль навсегда переехать вместе с детьми в Москву. Эта шальная идея у Высоцкого особого восторга не вызывает. В своем дневнике он записывает: «Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю почему, может быть, потому, что никогда не жил так, и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что ж, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть...»

Потом замаячил новый прожект — приобрести дом где-нибудь под Москвой. Они начинают поиски. Вместе с художником Борисом Диодоровым

попутешествовали по деревням. «Решил купить себе дом, — сообщал друзьям Высоцкий о своих планах. — Тысяч за семь... Три отдам сразу, а четыре в рассрочку. Марина подала эту идею... Дом я уже нашел, со всеми удобствами, обыкновенная деревянная дача в прекрасном состоянии, обставим ее... У меня будет возможность там работать. Марина действует на меня успокаивающе...»

Она настаивала, что ее Володя «...был простой русский человек — легкоранимый, хрупкий, ласковый, и в то же время неистовый, непримиримый, упорный. Умел стоять на своем. Был и отходчив... Но не такой уж он был добрый, хороший, спокойный мальчик У него внутри все кипело, он сжигал свою жизнь. Он был из крови, из нервов, и душа его болела все время. И даже то, что он пил, — это он сам. Его разрывало внутри сердце... Не надо делать да него ангела. Он и сам не хотел слыть им...»

Не хотел. И каялся, вымаливая у Марины прощения за свой жуткий прокол, когда со сна назвал ее чужим именем, а потом за tor скандал, который он учинил, когда пришлось запираться в ванной, чтобы она бутылку не отняла... Просто затмение какое-то тогда нашло. Прости, любимая.

Говоря о главных качествах характера мужа,

Влади на первое место ставила щедрость. «Это дар, которым обладал Володя. Он был очень трудный человек, но очень щедрый. У него была колоссальная сила, и он всю ее отдавал...». И еще: «Он был «врун, болтун а хохотун». Я его ругала... Я очень любила его юмор. И я считаю, что в человека, который может рассмешить, очень легко влюбить- at То есть, это очень большое качество у мужчин, чтобы, целуя его, шесте могли бы смеяться...»

Поздним вечером он позвонил в Париж.

— Мариночка, ты в Прибалтике была? Как ты к Таллину относишься?

— Прекрасно. А при чем тут Таллин? Им что, там?

— Да нет, Марин, я еще в Москве. Но утром уже лечу.

— А как же я? У меня ведь завтра вечерний рейс на Москву. Я думала, ты меня встретишь...

— Я все продумал, не волнуйся. Севка тебя встретит в аэропорту. Там заказан билет на твое имя на рейс в Таллин на послезавтра, выкупи. А там уже я тебя встречу, ладно? Не сердись, скоро увидимся. Севка все организует. Целую.

В Домодедове парижский рейс встречал сияющий Абдулов. И фазу затормошил, заговорил,

сообщая последние новости, передавая приветы и так далее.

— Так, в Матвеевское тебе ехать нет смысла. Володька утром умотал, там наверняка не убрано и жрать нечего. Поехали прямо к нам. Мама ждет, стол накрыт, все в порядке. Переночуешь у нас, а завтра я тебя отвезу на самолет в Таллин. Все будет о'кей! У Володьки все в порядке, он уже звонил. Ждет.

— Сева, ты хоть объясни, что за пожар? Почему вдруг Таллин? Я ничего не знала...

— Да там целая интрига. Ты ж знаешь своего мужа-хитрюгу. Насколько я знаю, где-то месяц назад в театре побывали ребята с эстонского телевидения, решили сделать с ним часовую передачу, песни, роли и так далее. Пригласили в Эстонию.

— И что, Юрий Петрович согласился?

— А он не мог не согласиться! Володька ребятам подсказал: прежде чем заводить разговор обо мне, сделайте интервью с шефом. Он в Прибалтике любит отдыхать, у него там друзья. Они так и сделали. Сделали сюжет с Любимовым. Он расчувствовался, как всегда, завел свои истории. А когда они спросили, можно ли пригласить на съемки в Таллин вашего Владимира Высоцкого,

легко махнул рукой: да пускай съездит на недельку, развеется. Вот так все и получилось...

В Таллинском аэропорту Марину встречал Владимир с огромным букетом роз на длинных стеблях Рядом стоял какой-то высокий парень, который скромно поклонился и представился: «Мати Тальвик».

Гостей поселили в лучших апартаментах интуристовского «Таллина».

— Марин, а ведь тебе тут собираются устроить официальную встречу, — улыбался Владимир. — Я не шучу. Вот Мати уже звонили из ЦК, они каким-то образом пронюхали, что ты прилетаешь, и вот теперь маются в сомнениях, как лучше организовать прием. Ты ведь не только актриса, но и тоже как бы член французской, правда, компартии. Что делать будем?

— А ничего не будем, — Марина в такие моменты всегда собиралась и говорила твердо. — Ничего. Объясните им, пожалуйста, — обратилась она к Мати, — что я здесь как частное лицо, приехала к мужу. На свидание. Это можно?

— Конечно.

— Вот и отлично!

В самом деле, все получилось без лишней суеты и проблем. Неделя — целая беззаботная

неделя! — в прелестном старом городе Таллине. Чудесная, почти летняя погода. Мати и его жена Алиса оказались хорошими гидами, знали, куда повести гостей, что показать: Вышгород, Ратушная площадь, парк Кадриорг... Каждый кабачок, ресторанчик был своеобразен и уютен — «Мюнди баар», «Кянну Куук».. А варьете «Астория»?.. Ночные прогулки по узким улочкам. Один из вечеров был посвящен сауне на окраине Таллинна, в Мяннику, в окружении соснового леса. А в подвале там был оборудован тир, где можно было пострелять из старинных арбалетов...

— Ну, а делом когда займемся? — устав от отдыха, спросил Владимир.

— Завтра. Студия уже заказана. Я за вами заеду в гостиницу в двенадцать.

Когда Тальвик приехал в «Таллин», в номере Высоцкого на столе уже лежало три листа бумаги.

— Мати, я тут кое-что набросал для передачи. Посмотри. Пусть эго будет называться «Маска и лицо», хорошо? Там примерно все, о чем мы говорили в Москве...

Тальвик взял листки, профессионально быстро пробежал наи- Ососою «Готовый сценарный план! По нему и пойдем...»

В студии было тепло, если не сказать жарко. Марину усадили в кресло сразу за камерами. Высоцкий предложил:

— Начало сделаем такое: в камере — ведущий и актер. Представь скромно: «У нас в гостях — актер Московского театра на Таганке Владимир Высоцкий...» Ну, парочку вопросов о биографии, только творческой, хорошо?..

Запись делали без перерывов, уложились в пятьдесят пять минут. Потом посмотрели на мониторе — все остались довольны...

А завтра вновь была Москва и знакомые таганские подмостки, «Гамлет» прошел как надо. Веня Смехов смотрел из зала, похвалил: «Великолепно».

Потом на юбилейной афише 400-х «Антимиров» Высоцкий ему написал:

Только Венька — нету слов! —

Четыре-Старожил Антимиров!

Хотя каламбуры это, конечно, Смехова парафия. Как он однажды выдал, увидев гигантскую люстру: «Какой светильник раз ума повис!»?!. Гениально! Этому не научишься, это свыше...

— Зато рифмы у тебя случаются просто потрясающие, — утешала Высоцкого Белла Ахмадулина.

В их отношениях с Беллой присутствовал элемент нежного обожания. Она рассказывала: «Со мной он всегда радовался, блистал... При мне он нисколько не тушевался. Я уверена, свое место он знал и знал, что место это единственное. Но при этом он искал суверенности, независимости от театра, от всего, чему он что-то должен. Ему, конечно, более всего хотелось писать... Он был замечательным артистом, прекрасным человеком — добрым, милым, щедрым. Но полагал он себя, прежде всего, поэтом. И был абсолютно прав. А место его в литературе — оно одно, оно уникально...»

Даря Высоцкому свой сборник «Стихи», Ахмадулина написала: «Володя, как я люблю тебя! Как я счастлива, что — ты! Марина, моя нежность к тебе, мое безмерное восхищение — как объяснить? Люблю. Целую. Белла».

Он после ей ответил:
...И пели мы Белле.
Молчали мы Белле.
Уйти не хотели,
Как утром с постели...
Идите смягчиться не к водке,
а к Белле!.

Вспоминая Высоцкого, Ахмадулина грустила: «...Вот на этих ступеньках он сидел, читая нам стихи и совершенно искренне горюя об их неиздании. Я очень старалась ему помочь, пробить туманное и непонятное сопротивление официальных лиц. Но что я могла... Я иногда шутила: «Володька, меня скоро выгонят из Союза писателей, иди на мое место»... А как ждал Володя своей книги при жизни, как удивительно наивно, по-детски хотелось увидеть ему свое слово напечатанным...»

Постепенно он, как строгий редактор, стал выстраивать свои выступления, как небольшие стихотворные сборники. Обязательно повторяя при этом: «Мой цензор — моя собственная совесть...»

В компании друзей-приятелей он пел что попросят или пробовал совсем новые песни, проверяя их реакцию на его стихи, Волнует ли тема, удачен ли ритм, точны ли слова, сравнения, акценты. На публичных выступлениях четко определял последовательность исполнения, начиная с ударного, легко узнаваемого, «братские могилы», например, звучали в начале чаще всего. Дальше — две-три песни серьезные. Потом постепенный переход к шуточным, а затем —

вновь резкая смена тематики — в зависимости от настроения аудитории и своего собственного. И кода — тоже что-то такое, с восклицательным знаком — «Парус» или «В суету городов...».

И главное — быть предельно собранным, держать себя в руках, помнить:

Я весь в свету, доступен всем глазам, —
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофонам встал, как к образам..
Нет, нет! Сегодня точно — к амбразуре.

И — все. Эта последняя песня, как перевернутая последняя страничка. Не надо просить продолжения, я спел все, что хотел. В следующий раз будет по-другому.

По мере «накопления критической массы материала», песни естественным образом объединялись в циклы. Сказочные и военные, лирические и спортивные («По количеству видов спорта, как в «Спортлото»...). Эти циклы не были замкнутыми, со строго очерченными границами, критериями, не подгонялись под одну гребенку. С натяжкой «Четверку первачей» можно было отнести к спортивным песням, а «Мой горизонт» — к автомобильным. И так далее. Они появлялись

сами по себе, *«как-то вдруг, вне графика»*, и жили вполне самостоятельной жизнью. В записях, на пластинках, в фильмах, спектаклях, ведь сам он считал, что *«истины передают изустно»*.

Лишь однажды, году в 1974-м, Высоцкий обмолвился о плановой работе, что «начал работу над большой песенной поэмой — она будет состоять примерно из 40 песен. «Как-то я подумал о том, какими могут предстать основные этапы истории человечества с точки зрения... лошадей. Ведь они самые верные помощники человека, наравне с ним несшие тяготы войн, пахавшие землю... В поэму должны войти «Баллада о колеснице», «Баллада о телеге», «рассказы» лошадей великих военачальников — Александра Македонского, Наполеона, Кутузова... У меня есть целая серия песен о лошадях, «лошадиная» — «Бег иноходца», «Старый дом», «Кони привередливые»... Я все время обращаюсь, сам того не подозревая, очень часто к лошадям. Я их люблю. И даже с детства мечтал, что когда-нибудь буду жить среди лошадей. Но это не получилось. И как эпиграф ко всем этим песням будет четверостишие:

Мы верные, испытанные кони,
Победоносцы ездили на нас,

И не один великий богомаз
Нам золотил копыта на иконе...

И я хочу, чтобы в этой поэме многие-многие кони высказались — и водовозы, и те, которые возят катафалки, и те, которые возили полководцев. Мы ведь знаменитых людей помним, а в переносном смысле — они ездили на народе...»

К сожалению, не состоялась поэма. А, может, к счастью. Вот Вадим Туманов, золотоискатель, легендарная личность, его новый товарищ, с которым год назад познакомились и с тех пор все не могут наговориться, рассказывал как-то о себе: «Однажды меня чуть не завалило в шахте. Но успел выскочить. А мне 25 лет от роду и 25 лет — сроку. Сижу на пригорке возле шахты, грустное такое настроение... Кому ж, думаю, хуже, чем мне? И в это время — после дождя в июле развезло дорогу — лошадь бредет по брюхо в грязи, тащит на соседнюю шахту телегу, а в ней электромотор и ковш. Ей и так тяжело, а еще оводы кусают, и погонщик бьет. Я подумал: «У нее жизнь хуже, чем у меня! Хорошо, что я не конем родился...».

Высоцкого тянуло к каким-то новым формам. Муж Карины Филипповой, художник Боря Диодоров, работавший в «Детской литературе», дал

дельный совет: «Сочини что-нибудь для их издательства Лучше что-то покрупнее, чтобы сразу на книжку потянуло. Слава богу, в сказочном жанре ты себя уже пробовал — и «Лукоморье», и «О несчастных лесных жителях», и даже «Вещего Олега» умудрился пересказать. И сказки Шергина в театре, кажется, вы собирались инсценировать, сам говорил, что тренируешься в фольклоре.

— Я говорил, что это антисказки.

— Неважно. Главное, их дети поют.

— Ага. Вон Маринкин Петька был летом в пионерлагере в Подмосковье, потом приезжает, говорит: «Мама, там про тебя песню веяи!» — «Какую?», спрашиваю. — «Сегодня в нашей комплексной бригаде прошел слушок о бале-маскараде... Я буду нынче, как Марина Влади...»

— Ну и что? Поют ведь, это главное. Не тушуйся, в общем. И имей в виду: умных людей не зря от детской темы за уши не оттащить. Тиражи у нас сумасшедшие — от ста тысяч и выше, гонорары, соответственно, двойные-тройные. А планка требовательности — нулевая.

Нет, Михалкова, конечно, трогать не моги — это святое, это fуру, он талант-многостаночник хочешь — гимн, хочешь — басню, хочешь — «Фитиль» кому надо вставит, но кормит и его самого,

и всех его прожорливых детишек все-таки «Дядя Степа». В общем, думай и дерзай».

И он дерзнул. Полистал книжки, которые принес Борис, чтобы, как он сказал, ориентироваться во времени и пространстве. Сам извел кучу бумаги. Вышло нечто пространное, почти былинное «Вступительное слово про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного». Показал в издательстве, редакторы похихикали, похвалили, уложили листы в папку, аккуратно завязали тесемки на крепкий узел и сказали, чтобы заходил. Все понятно, сам пел:

Спокойной ночи!До будущей субботы!

Как в воду глядел…

Потом была еще одна попытка пробы пера в совсем другом жанре. Своему питерскому приятелю балетмейстеру и литератору Кириллу Ласкари Высоцкий как-то обмолвился, что с удовольствием бы написал мюзикл на чисто российском материале. Представь: кулаки, чекисты, бандиты, нэп! Американцам и не снилось. Ищи, Кирочка.

Ласкари наткнулся на повесть Алексея Толстого «Необычайные приключения на волжском пароходе». Позвонил ночью Владимиру, пересказал сюжет. Тот одобрил: «То, что нужно! Я в эту игру

играю. Давай пиши пьесу, оставляй место для стихов, только чтоб были не вставные, а входили в сюжет...». «Через месяц, — рассказывал Кирилл, — я передал ему черновой первый акт с пропусками для песен. Вскоре он приехал и привез несколько номеров, кроме «Волги» — основной песни, лейтмотива спектакля... Объяснял: «Понимаешь, сбивает «Издалека долго течет река Волга». Наша должна быть не хуже. Послушай набросок «Как по Волге-матушке, по реке-кормилице...». Он пропел несколько строф и замолчал, недовольный. А за завтраком неожиданно вскочил из-за стола, схватил гитару и быстрым шагом ушел в соседнюю комнату. Я плотно прикрыл дверь и стал читать песни, которые он привез. Это было поразительное попадание, удивительное ощущение жанра! А через час я услышал и всю песню о Волге... Георгий Фиртич написал музыку... Показали в театре имени Ленинского комсомола главному режиссеру Геннадию Опоркову... Потом напросились в Министерство культуры. Набился полный зал. Пели, играли и даже танцевали. Все хвалили. Но вновь:

Спокойной ночи! До будущей субботы!

Как-то случилось мимолетное свидание с «Екатериной III» — Екатериной Алексеевной

Фурцевой в кабинете у шефа в театре.

Глядя на него, министр культуры сказала задумчиво:

— Слушала пленку. Много такого, от чего уши вянут, но есть и прекрасные песни... «Штрафные батальоны», еще что-то... Володя, а почему вы никогда ко мне не заходите? Как вы живете?

— Трудно, Екатерина Алексеевна

— Что так? — удивилась Фурцева. — Помочь не могу?

— Можете, наверное. Я прошу об одном — разрешите мне официальные выступления. Я пытался говорить в разных инстанциях, доказывать, но все впустую... Как глухие. Не орать же мне.

— Зачем же о таком серьезном деле вы разговариваете с разной мелкой сошкой? — улыбнулась Фурцева. — Приходите прямо ко мне. Вот вам мой телефон. Помогу.

Воодушевленный Высоцкий позвонил. Ответил референт:

— Знаете, Владимир Семенович, у Екатерины Алексеевны сейчас совещание. Позвоните, пожалуйста, позже.

Хорошо. Позвонил еще раз.

— К сожалению, Екатерину Алексеевну пригласили на Старую площадь, в ЦК Давайте завтра...

— Завтра суббота.
— Ничего, мы работаем.
Словом,

Сколько лет, сколько лет —
Все одно и то же:
Денег нет, женщин нет —
Да и быть не может...

Конечно, отказываться от предложения Александра Борисовича Столпера сняться в главной роли в экранизации симоновской пьесы «Четвертый» было глупо. После серии неудач в кино Владимир был готов браться за любую более-менее приличную роль, Только, конечно, не Пчелки из «Стряпухи», за которую по сей день стыдно. А Столпер — это не попрыгунчик Эдик Кеосаян, а Константин Симонов — не Софронов. Эти имена — знак качества.

«Четвертый» была не самой удачной пьесой Симонова. Режиссер по мере сил пытался оживить пресноватую драматургию. Но все равно работать было скучно. Даже имени у героя, которого играл Высоцкий, не было. ОН — и все. Картина получалась камерная, пафосная, с надуманной многозначительностью. Но не спорить же с классиками? Зато пресса изображала живой интерес.

В интервью Высоцкий напускал тумана, предпочитал говорить на отвлеченные темы: «Мысль в фильме важная — даже сильный человек может обманываться в самом себе. Успокаивать себя, когда знает твердо, что поступки его мелки и недостойны его. Но что-то в нем накапливается. Приходит время выбирать, судить себя. Задуматься, когда говорить «да», а когда «нет»... Мой герой весь во власти страха, парализующего, подавляющего сознание... Но наступает у человека такая пора, когда он мучительно чувствует груз прожитых лет, берет верх то, что от природы заложено в нем хорошее, и он чувствует, что лучше умереть, чем жить мерзавцем...». Потом перечитывал, смеялся и объяснял друзьям: «Пьеса сложная, потому что там действуют покойники...»

Но «покойников» играли живые люди, прекрасные актеры, с которыми было интересно общаться и за пределами съемочной площадки. Армен Джигарханян, Лев Дуров, Александр Кайдановский, Сергей Шакуров, Марис Лиепа... Столперу не откажешь во вкусе, говорили в киногруппе, имея в виду Маргариту Терехову и Татьяну Ицыкович, которые тоже принимали участие в съемках. Подсуетился Высоцкий, и с трудом, но втиснул в небольшой эпизод Зи-

ну Славину. Ну, почему ее так редко снимают? Некрасива? Зато как выразительна! Возьмите, Александр Борисович, не пожалеете.

Терехова выделяла Высоцкого — «так глубоко проникнуть в природу зла мог только очень талантливый актер и (как это не кажется парадоксальным) хороший человек... Он не играл любовь, ее сыграть нельзя! Он нес ее в себе! Высоцкий — гений! Разве это не ясно?..»

Татьяна Ицыкович была еще более откровенна: «Его отвергнуть — нельзя, а я не смела даже влюбиться в него. Там была Марина Влади. Он каждый день писал ей стихи, а потом нам их читал в группе». Ну, и кроме прочего, мешал еще один нюанс. Прекрасная Татьяна была на голову выше своего любовника (по сценарию). Во время съемок она придерживала лесенку, по которой Высоцкий взбирался на одну-две ступеньки. «И все было нормально, как... в Кама-Сутре», — усмехалась Татьяна. Кино — великая вещь.

Натуру тоже выбрали с умом — Рижское взморье. Когда прилетела Марина, все вообще стало прекрасно! Соседом по юрмальской гостинице случайно оказался все тот же сказочник Сергей Параджанов. Однажды он их здорово выручил и одновременно ошеломил. Когда в номере Вы-

соцкого внезапно отключили воду, он попросил Параджанова разрешения воспользовать его душевой.

— Конечно, — сказал Сергей Иосифович. — Я через пять минут исчезаю. Ключ будет у портье.

Войдя в комнату, Марина и Владимир увидели на столе боржоми, фрукты, сигареты, лимонад.

— И это все? — удивился Высоцкий. — Что-то не похоже на Сергея, обязательно должен быть какой-нибудь сюрприз.

Марина открыла дверь в ванную и ахнула:

— Смотри, Володя!

К душу-«журавлику» Параджанов прикрепил букет — и вода утекала на купальщицу Марину с лепестков роз...

***

Когда Владимир по телефону как бы между прочим сказал Марке, что его приглашают работать в фильме по повести Чехова «Дуэль», она просияла:

— Даже не сомневайся, ты просто не представляешь, какая это ведь!

— Да я и не сомневаюсь, но ты же знаешь, не все от меня зависит.

— А кто режиссер? — сразу по-деловому поин-

тересовалась Марина. — Я его знаю?

— Может быть. Очень известный у нас режиссер, патриарх, Герой, лауреат, кажется, даже Каннского фестиваля и так далее. Ты йогла видеть его «Даму с собачкой» по Чехову, кстати...

— С Иечкой?

— Нуда.

— Тем более не сомневайся. А что, она тоже там?.. Нет? Уточни, пожалуйста, кто будет играть главную женскую роль. Это важно.

— Хорошо. Мне предложили роль фон Корена. Съезжу в Ленинград, посмотрим, поговорим.

Среди советских кинорежиссеров той эпохи Иосиф Ефимович Хейфиц славился исключительной дотошностью, скрупулезностью. Каждый кадр, каждая мизансцена у него была, как говорится, вылизана до мельчайших деталей. Характер каждого героя выверен. Своих актеров он погружал в мир психологизма, предварительно понуждая анализировать каждый жест и взгляд.

Он говорил: «Илья Эренбург, говоря об этой повести, писал, что Гитлер ходил еще под столом, когда Чехов в образе фон Корена предугадал будущего фашиста. Однако мне не хотелось просто и примитивно трактовать эту роль... Я пришел к выводу, что, помимо всех прочих черт фон Ко-

рена, в нем живет еще одна очень важная черта, или, вернее, комплекс. Это комплекс человека маленького роста, у которого... возникает чувство какой-то маленькой собственной неполноценности. Ему кажется, что... это недостаток. И он пытается восполнить этот недостаток другими качествами, которые могут проявить в нем достоинство и силу. И вот я подумал, что надо сделать фон Корена человеком щуплым, небольшого роста, но в то же время с мужественными и сильными чертами.

Кино — настолько безжалостное искусство, оно настолько обнажает душу и существо человека самим методом своим, своим безжалостным приближением жизни человеческого духа к самому экрану, когда вы читаете все в глазах, когда солгать трудно, гораздо труднее, чем в театре. Вот я и решил, что нужно найти такого актера, который будет обладать такой психологической организацией...»

Второй режиссер картины Евгений Татарский, который занимался поисками актеров, предложил мастеру Владимира Высоцкого.

Человек деликатный, Хейфиц, естественно, сначала и словом не обмолвился Высоцкому о своем понимании образа, об этом комплексе.

«Мне казалось, — вспоминал он, — что он может быть травмирован этим как-то или даже обижен... Это был человек небольшого роста, хилой организации. Но в то же время — необычайно мужественное лицо. Прекрасные сильные глаза, выражающие какую-то сложную внутреннюю жизнь... Передо мной тонкий, умный и чрезвычайно талантливый человек... Тогда я рассказал всю правду ему, что такое фон Корен...».

Мудрый Иосиф Ефимович угадал. Комплекс такой у Высоцкого на самом деле присутствовал. Своей первой жене Изе он не покупал туфли на высоком каблуке, вторую — Люсю — всегда просил: «Да не иди ты рядом. Иди чуть-чуть сзади». С Мариной тоже были свои проблемы. На сцене Высоцкий чувствовал себя комфортно, если рядом (скажем, на репетициях спектакля по Пушкину) стоял актер Рамзее Джабраилов, рост которого был 163 сантиметра. А как воодушевился Владимир, когда вычитал, что Пушкин был еще ниже, сантиметров на десять!.. Радовался, как мальчишка.

***

«Когда он приехал в Ленинград и Хейфиц начал репетиции, — рассказывал Евгений Татарский, — Володя был просто в ЯЮковом состоянии: ока-

зывается, бывает и такое кино... Актеров стали одевать — костюмы, то-се. Долго — полчаса — обсуждалось: «давайте на костюме фон Корена... одну пуговичку сделаем полу- оторванной: он — холостяк и, наверное, некому за ним ухаживать. У Володи были круглые глаза от того, что можно настолько подробно заниматься деталями. Наверное, никто из зрителей никогда в жизни не заметил бы эту полуоторванную пуговичку, но ша была. И всю картину мы следили за тем, чтобы она держалась на одной ниточке...»

Хотя после долгих разговоров с режиссером из характера фон Корена исчезла поверхностная, физиологическая сторона. И чем глубже вживался Высоцкий в роль, чем успешнее шла подготовка, Тем все чаще предрекал он свой неуспех, не скрывал, что его что- то тяготит. Хейфиц рассказывал: «Однажды он сказал мне: «Все равно меня на эту роль не утвердят. И ни на какую не утвердят. Все — мимо. Наверное, «есть мнение» не допускать меня до экрана». А после кинопробы, в которой подтвердилась принятая нами характеристика «фон коренщины» и сложность характера проявилась даже в небольшом отрывке, Володя, отозвав меня в сторону, сказал. «Разве только космонавты напишут кому следу-

ет. Я у них выступал, а они спросили, почему я не снимаюсь... Ну и обещали заступиться».

Видимо, письмо космонавтов дошло, верил старый, седой, но наивный режиссер, Володю утвердили на роль.

***

...В Москве был тихий вечер. После спектакля Владимир приехал домой один, без обычной компании, но и без настроения тоже. Марина ждала, приготовила ужин. Сели по-семейному, на кухне. Ухаживали друг за другом. Чуть-чуть выпили, были какие-то вкусные рыбные консервы, паштет.

— А на десерт у нас сегодня ананасы, — сказала Марина. Заметив недоумение, пояснила: — В «Березку» ездила...

— Сигареты купила?

— Конечно. Два блока «Винстона» там, в комнате, на подоконнике... У тебя все в порядке?

— Как будто да. Просто настроение какое-то... среднее. Кто звонил?

— О, много. Я там записала... Витя Туров из Минска, какой-то Костя, фамилию не сказал.

— Да ладно... О, Марин, забыл тебе сказать. Сегодня в «Литера- турке»... еще двое «покаялись». Даже Булата нагнули. Вот послушай:

«В течение ряда лет некоторые печатные органы за рубежом делают попытки использовать мое имя в своих далеко не бескорыстных целях. В связи с этим считаю необходимым сделать следующее заявление. Критика моих отдельных произведений, касающаяся их содержания или литературных качеств, никогда не давала реального повода считать меня политически скомпрометированным, и поэтому любые печатные поползновения истолковать мое творчество во враждебном для нас духе и приспособить мое имя к интересам, не имеющим ничего общего с литературными, считаю абсолютно несостоятельными и оставляю таковые целиком на совести их авторов. Б. Окуджава. 18.XI.72».

Кстати, твой Толичка Гладилин тоже «покаялся».

— Почему это он мой?

— А потому! Думаешь, я забыл, как он вокруг тебя вился, хоть и знал, что ты уже со мной была...

— Ой, оставь, Володя, такое придумываешь.

— Ладно, забудем... Погано мне что-то, Марин, ей богу.. Давай- ка чайку соорудим...

Он достал из навесного шкафчика свои разнокалиберные жестяные коробочки, большой заварочный чайник и принялся колдовать — бро-

сил щепотку одного сорта, второго, принюхался, добавил какой-то травки... Наконец все залил кипятком. Чашки на стол!

— Завязался я с этим «Пушкиным», Мариночка, сил никаких нет. Шеф недоволен, постоянно ворчит. Выйду я, наверное, потихоньку из этого «Товарища», душа не лежит. Вопрос не в Пушкине. Но ведь идею пяти поэтов мы уже эксплуатировали с Маяковским, разве нет? В «Послушайте!» была «великолепная пятерка» — Высоцкий, Смехов, Хмельницкий, Золотухин, Насонов и «вратарь» Юрий

Петрович Любимов. Сегодня был прогон «для умных людей». Хвалят — шеф слушает, начинают делать замечания — перебивает. Никому не доверяет, никого не слушает. Мне просто стыдно было, ей-Богу, Хоть заявление пиши. А «шеф» одна, вы мало вкладываете в спектакль, от вас я вправе требовать большего. Я «мало вкладываю?! А я не вижу, куда мне вкладывать... Бросить бы все это на годик-другой, сесть за стол и писать, просто писать. А на жизнь я концертами больше заработаю, в кино по-быстрому снимусь...

Ему, действительно, было скучно участвовать в спектакле «Товарищ, верь». Хотя и знал, что своим отказом участвовать смертельно обидит

«хозяйку» — Людмилу Васильевну Целиковскую, которая подала мужу идею инсценировать Пушкина. А потому попытался незадолго до премьеры «выползти» из роли тихо, деликатно, без скандалов. Многим это показалось капризом «принца крови». Лишь Золотухин понял: «Ему активно не хочется быть впятером и прыгать из возка в возок...»

Покинув таганский «возок», в начале февраля Высоцкий улетел в Новокузнецк. Обычная поездка: гастрольный тур — четыре дня, десяток-полтора выступлений, как получится. Все довольны — местный театр выполнит кассовый план, выплатит зарплату своим артистам, погасит долги, починит крышу. Смекалистый администратор, организовавший эти «безопасные гастроли», поблагодарит «конвертом» приезжего артиста, не забыв, конечно, и себя. Практика всем известная. Главное было угадать с «именем», на которое народ валом пойдет. Высоцкий? Отлично, сборы гарантирую!

«ПЕРЕД ВЫЕЗДОМ В ЗАГРАНКУ ЗАПОЛНЯЕШЬ КУЧУ БЛАНКОВ...»

Даже не испытав на собственной шкуре прелестей этой процедуры, Высоцкий попал в «десятку», сочинив еще в 1965-м свою «Инструкцию для выезжающих за границу и возвратившихся оттуда». Приехав из Новокузнецка, Владимир вплотную занялся оформлением документов для поездки во Францию к законной, между прочим, жене.

Пошло-поехало: заявление-анкета — «прошу разрешить... во Францию на 45 дней — с 15 апреля до 30 мая 1973 года... в гости к жене, де Полякофф Марина-Катрин (Марина Влади)...», характеристика с места работы, справка из домоуправления, приглашение: «Я, нижеподписавшаяся, Марина-Катрин... приглашаю на полное материальное обеспечение своего мужа, Высоцкого В.С. сроком...» (представьте, каково ему это было читать? — *Ю.С.*) и т.д. Наконец, документы сданы. Теперь — томительное ожидание.

В нем жил страх, что ему не разрешат выезд, никогда никуда не выпустят. Он очень точно ощу-

щал, что есть пределы, точно определенные для него властью *(«кто-то скупо и четко отсчитал нам часы...»*). Боялся, но скрывал свою ненависть к тем, от кого зависит это решение. «Инстинкт самосохранения был в нем очень развит, — замечал Дыховичный. — Высоцкий... дружил с чиновниками, умел с ними дружить — умел с ними хихикать, он умел с ними пить водку (во всяком случае, делать вид, что с ними пьет), умел дарить им пластинки, общаться, спрашивать «как дела?», заботиться... Им было приятно посадить его рядом с собой за стол, пригласить его куда-нибудь на дачу. При этом, правда, Володя уровень их прекрасно понимал и довольно часто не шел туда, где ему, казалось, собираются уж совсем злодеи. Даже из этих людей он пытался выбрать каких-то относительно более достойных. Но все-таки он с чиновниками заискивал, потому что очень сильно от них зависел. Страх невыезда был постоянный и жуткий. Он скрывал этот страх, но его колотило от всего этого. Колотило от ненависти к ним, от того, что он зависим от них. Потому что был Володя все-таки человек-бунтарь. Но он не махал просто так шашкой. Он уже, когда только совсем был доведен до края, тогда мог в отчаянии сказать что-то... И был в этих вопросах

осторожен...»

Все должно быть хорошо. Чтобы увидеть как можно больше, Марина предложила поехать на машине. Пригнала из Парижа «Renault 16» — гонорар за съемки в рекламе. Высоцкий, правда, расколошматил машину в первый же день, въехав на остановке в автобус. Слава богу, левши-умельцы в автосервисе «Рено» довольно быстро восстановили.

И тут, как назло, в «Советской культуре» появляется (специально, что ли, подгадали?) заметочка под заголовком «Частным порядком». Сердобольный журналист М.Шлифер информировал: «Приезд популярного артиста театра и кино, автора и исполнителя песен Владимира Высоцкого вызвал живейший интерес у жителей Новокузнецка... Едва ли не на второй день пребывания Владимира Высоцкого в Новокузнецке публика стала высказывать и недоумение, и возмущение: В. Высоцкий давал по пять концертов в день!.. Десять часов на сцене — это немыслимая норма!.. Даже богатырю, Илье Муромцу от искусства, непосильна такая нагрузка!» Донос комментировали возмущенные руководители Росконцерта: «Директор театра, нарушив все законы и положения, предложил исполнителю «коммерческую»

сделку, а артист, нарушив все этические нормы, дал на это согласие, заведомо зная, что Идет на халтуру...» А редакция заключала всю эту подборочку так «Хочется надеяться, что Министерство культуры РСФСР и област- Вюй комитет партии дадут необходимую оценку подобной организации концертного обслуживания жителей города Новокузнецка».

Ничего, приходилось глотать пилюли и погорше.

Я бодрствую, но вещий сон мне снится.

Пилюли пью — надеюсь, что усну.

Не привыкать глотать мне горькую слюну:

Организации, инстанции и лица

Мне объявили явную войну —

За то, что я нарушил тишину,

За то, что я хриплю на всю страну,

Затем, чтоб доказать — я в колесе не спица...

Потом разберемся! Пока по всем статьям — считай, амнистия. Главное — паспорт с визой был уже в кармане. Адью, товарищи! Что там Эрдман говорил о стихах Маяковского о советском пас-

порте? То-то же.

«Может быть, нескромно это сказать, что он из-за меня многое приобрел, я могла ему открыть какой-то мир, который он, конечно, не мог бы открыть без меня», — говорила Марина Влади. Он, действительно, был благодарен ей, что увидел мир, причем не глазами туриста.

Их битый «Renault 16» без устали катил вперед, *«наматывая мили на кардана...»* Единственная в мире женщина сидела рядом, иногда дремала, ворошила неугомонному волосы, поила кофе на ходу, удерживая чашечку в своих изумительных ладонях.

— Давай я сменю?

— Потом, Мариночка, потом. Уже после Бреста.

На белорусском КПП *«четыре границы шлагбаумы подняли вверх»*, и непроизвольный общий вдох-выдох — уф-ф! — уже в Польше выдал потаенную радость легальных беглецов. Душу отпустило, и сами собой случайные слова стали складываться в строки.

— Марин, прими-ка руль на полчасика. Я тут кое-что запишу, чтоб не забыть...

И сумбурные мысли,
Лениво стучавшие в темя,

Устремились в пробой —
Ну, попробуй-ка, останови!
И в машину ко мне
Постучало просительно время —
Я впустил это время,
Замешанное на крови...

Получается, получается! Только б не спугнуть...

В польской столице их ждали друзья. Под «Выборову» вольно текли воспоминания о былых московских встречах. Анджей Вайда, Ежи Гофман говорили о веселых вечерах у Гали Волчек, расспрашивали об общих знакомых, сожалели о том, что у Марины и Володи так мало времени — в Варшаве есть что посмотреть. Потом ворвался Данек Ольбрыхский, всех растормошил и рассмешил рассказом о своем первом знакомстве с Высоцким на Московском кинофестивале...

Но они действительно спешили как сумасшедшие. Промахнули Германию. Где-то там, севернее, остался городок Эберсвальде, в котором Владимир жил с отцом и Евгенией Степановной сразу после войны. Не тронуло ничуть.

Марине так хотелось поскорее показать Владимиру свою францию, а ему — увидеть ту страну, где родилась его любимая женщина. Вот он, Па-

риж. Поместье Мезон-Лаффит, о котором столько рассказывала ему Марина, как о каком-то сказочном островке счастья и покоя...

Марина пошла открывать ворота. Владимир, припарковав машину, начал по-хозяйски снимать дворники и зеркало заднего вида. За этим занятием его застал ажан. Взял за локоть, начал что-то говорить и, по всей вероятности, собирался вести в полицию. Слава те Господи, вернулась Марина. Страж порядка пытался ей Объяснить, что этот незнакомец пытался ограбить «рено». «Он из Москвы, русский». Бдительный полицейский принес свои извинения.

Машиной они пользовались, чтобы выбраться в центр Парижа. h там Марина начинала свои бесконечные пешие прогулки по своим любимым местам, напоминая ему: «Ты же водил меня по Москве...». А Владимир и не сопротивлялся, он смотрел во все глаза на жизнь обычных парижан, и она ему казалась интереснее и ярче музейных экспонатов.

Через некоторое время с помощью Марины он дозванивается в Москву. Всех успокаивает: не волнуйтесь, все в порядке. Он счастлив. Марина везде его водит, со всеми знакомит. Нет, не как на ярмарке, нет, не как слона. Ошибаетесь, то-

варищи, и не надейтесь. И, вообще, весь Париж говорит по-русски. Наверное, Марина постаралась. Его знают, о нем слышали. И песни слушают с удовольствием. «Володю, — потом рассказывала Марина, — быстро полюбила вся моя родня, все мои парижские знакомые, как ни странно, даже те, кто никогда не был связан с Россией, с Советским Союзом ни по языку, ни по политическим убеждениям. Песнями заслушивались...»

В мае Марину пригласили в Канны, на открытие кинофестиваля. На следующий день все французские газеты украшали ее большие портреты с загадочным русским мужем. Высоцкий был в смокинге, смотрелся чопорно, вполне посветски, не по-советски.

Марина знакомила его с таким кругом знаменитостей, что он, как потом рассказывал, просто балдел от фамилий людей, которых знал лишь заочно и которые вот сейчас вместе с ним выпивали и не выпивали, просто сидели за одним столом, общались с ним, пытались (с помощью Марины) разговаривать о жизни, искусстве, просили спеть. Но самое сильное впечатление на него произвела встреча со знаменитым парижским цыганом Алешей Димитриевичем. Владимир был поражен тем, что Димитриевич,

старый, усталый, больной, как только запел, сразу преобразился и превратился в ту самую вокальную легенду русскоязычной Франции...

По возвращении в Москву, Высоцкий всем говорил, что больше всего его удивила свобода общения. Магазины? Да, конечно, они тоже. Другу Олегу Халимонову жаловался: «Иду по улице мимо магазина, вижу — на витрине персики. Вроде не сезон, и такие роскошные персики. Цена — 16 франков. Марина любит. Конечно, дороговато, ну ничего... Плачу 16 франков — мне протягивают один персик..»

Но ведь надо было справиться и со всеми обязательствами, которыми его наградили при проводах. Кому лекарство, кому джинсы, кому духи. Он случайно услышал, как Марина кому-то жаловалась, что ее Володя очень боится забыть что-то кому-то купить:

— Это нескончаемый поток..

Она, конечно, все понимала и сказала это почти с восхищением.

В Москве его ждали, встречали. У него, вспоминал Иван Дыховичный, была дикая радость от того, что он поехал. И была дикая радость от того, что он приехал обратно, потому что все-таки он был, конечно, местный фрукт. И Володя ясно,

быстро, как абсолютно талантливый, душевно интуитивный человек, понял, что там, конечно, не его жизнь. И он был счастлив тем, что никогда там не приживется.

Внимательные, строгие и ревнивые женские глаза замечали, что вернулся он другим. Люсина сокурсница Галя Польских с понятным осуждением говорила: «Прилетел от Нее из Парижа — в белых брюках, в новом заграничном свитере, с красивой модной стрижкой. Влюбленный и счастливый. Таким я его раньше не знала...». Непобежденной скалолазке Ларисе Лужиной показалось, что «до Франции он был крепыш... Потом на нем появился другой отпечаток, он сделался субтильным. Из невысокого, но могучего русского парня как бы ушла сила. Такой французик... Я встречала его «этом... в джинсовом костюмчике, худенький, маленький...». Алла Демидова почувствовала, что «Высоцкий после заграницы несколько дней жил в каком-то другом ритме. Видимо, шлейф не нашей жизни...».

В начале лета наконец завершилось «новокузнецкое дело». По решению суда Высоцкого обязали выплатить 900 рублей за «левые» концерты. Много это или мало? В феврале 1973 года ставка артиста Высоцкого В.С. в Театре на Таганке

составляла 150 рублей.

На коллегии Министерства культуры директору театра Дупаку Н.Л. был вынесен выговор за плохую воспитательную работу в коллективе. Был также поставлен вопрос о несоответствии тов. Дупака занимаемой должности.

Дома переписал набело стихотворение «Я бодрствую...». Нет, это слишком личное, совсем не для печати. Чиновников можно пронять только доступным их пониманию способом. То бишь, челобитной. Напишу-ка я ее Демичеву, «Ниловне», как его называет Юрий Петрович. Что я теряю? Да ничего. А молчать просто стыдно. Захотят опубликовать, как «покаяния» Булата или Гладилина, ради Бога. Так ведь вряд ли захотят.

«Уважаемый Петр Нилович! В последнее время я стал объектом недружелюбного внимания прессы и Министерства культуры РСФСР. Девять лет я не могу пробиться к узаконенному официальному общению со слушателями моих песен. Все мои попытки решить это на уровне концертных организаций и Министерства культуры ни к чему не привели. Поэтому я обращаюсь к Вам, дело касается судьбы моего творчества, а значит, и моей судьбы.

Вы, вероятно, знаете, что в стране проще отыс-

кать магнитофон, на котором звучат мои песни, чем тот, на котором их нет. Девять лет я прошу об одном: дать мне возможность живого общения со зрителями, отобрать песни для концерта, согласовать программу.

Почему я поставлен в положение, при котором мое граждански ответственное творчество поставлено в род самодеятельности? Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая поет и слушает мои песни, несмотря на то что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации. Но я вижу, как одна недальновидная неосторожность работников культуры, обязанных непосредственно решать эти вопросы, прерывает все мои попытки к творческой работе в традиционных рамках исполнительской деятельности. Этим невольно провоцируется выброс большой порции магнитофонных подделок под меня, к тому же песни мои в конечном счете жизнеутверждающи и мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают. Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей, не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему

обществу. Есть миллионы зрителей и слушателей, с которыми, убежден, я могу найти контакт именно в жанре авторской песни, которым почти не занимаются другие художники.

Вот почему, получив впервые за несколько лет официальное предложение выступить перед трудящимися Кузбасса, я принял это предложение с радостью и могу сказать, что выложился на выступлениях без остатка. Концерты прошли с успехом. Рабочие в конце выступлений подарили мне специально отлитую из стали медаль в благодарность, партийные и советские руководители области благодарили меня за выступления, звали приехать вновь. Радостный я вернулся в Москву, ибо в последнее время у меня была надежда, что моя деятельность будет наконец введена в официальное русло.

И вот незаслуженный плевок в лицо, оскорбительный комментарий к письму журналиста, организованный А.В. Романовым в газете «Советская культура», который может послужить сигналом к кампании против меня, как это уже бывало раньше.

В Городке космонавтов, в студенческих общежитиях, в академических и в любом рабочем поселке Советского Союза звучат яри песни. Я

хочу поставить свой талант на службу пропаганде нашего общества, имея такую популярность. Странно, что об этом забочусь один я. Это не простая проблема, но верно ли решать ее, пытаясь заткнуть мне рот или придумывая для меня публичные унижения?

Я хочу только одного — быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить, в согласии с идеями, которые организуют наше Общество.

А то, что я не похож на других, в этом и есть, быть может, часть проблемы, требующей внимания и участия руководства.

Ваша помощь даст мне возможность приносить значительно больше пользы нашему обществу. В. Высоцкий».

Перед тем, как отправлять послание, показал опытным людям. Мнения разделились. Кто советовал не будить лихо, пока оно тихо. Кто вспоминал классика, который заявил: «Не могу молчать!» А один из друзей, кажется Ваня Бортник, притащил машинописную копию письма Зощенко товарищу Сталину. Почитай, мол, сравни:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Я никогда не

был антисоветским человеком... Я всегда шел с народом. И этого у меня никто не отнимет. Прошу мне поверить — я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если я пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Уверяю Вас...»

— Как, думаешь, помогло? Ага. На дату обрати внимание — 24 августа 1946 года. Через две недели товарищи «пысьменники» порешили: «исключить Зощенко М.М. из Союза Советских писателей как несоответствующего в своем творчестве требованиям...»

— Спасибо, что не посадили...

— В общем, решай сам. Во всяком случае, из Союза писателей тебя исключить не смогут. Потому как ты туда и не поступал. Как ты там пел: «Ерунда! Не вернусь, вероятно, потому что я не уезжал!..»? Теперь можешь спеть — «Исключай! Не вступлю, вероятно, потому что я и не вступал!»...

Посмеялись.

Все, теперь с легким сердцем можно отправляться на дуэль. То есть на съемки фильма

«Дуэль». Хотя Хейфиц, кажется, уже придумал для будущей картины более завлекательное название — «Плохой хороший человек», в которое так просится какой-нибудь знак препинания, только вот какой и куда его всучить? Почти «Казнить нельзя помиловать»...

Сначала были студийные съемки в павильонах «Ленфильма». Прилетела Марина, выкроив целый месяц. Накануне Высоцкий переговорил с Татарским:

— Слушай, а может, Хейфиц все-таки попробует Марину?

«Чувствовалось, что Марине жутко хочется сняться в картине, — видел Евгений Маркович. — Почти все время съемок в Ленинграде... Марина приходила каждый день и сидела со всегда открытым томиком Чехова: еще раз перечитывала эту повесть...»

Татарский переговорил с Иосифом Ефимовичем, но того эта идея не вдохновила, и он ушел от разговора... Ну что ж, не получилось, так не получилось. Но Марина все равно осталась рядом с мужем. Участники съемок не спускали глаз со звездной пары. «Высоцкий в гриме фон Корена готовился к очередном кадру и о чем- то беседовал с красивой женщиной, лицо которой

мне показалось очень знакомым, — рассказывал постановщик трюков Александр Массарский. — Я наблюдал, как она заботливо поправляет ему прическу, пытался вспомнить, где мы могли с ней встречаться, и понимал, что мы не знакомы. Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным влюбленным взглядом. Она посмотрела в мою сторону, и я понял, что это Марина Влади. На ней было простое ситцевое платье, настолько скромное, что, когда по студии пошел слух о присутствии Марины Влади во втором павильоне и студийные девушки под любым предлогом заглядывали в декорацию, ожидая увидеть размалеванное «чудо», они равнодушно скользили взглядом по лицу актрисы, на котором не было вызывающей косметики, и разочарованно уходили, не узнав ее. Володя познакомил нас, и в это время его позвали к съемочной камере. Разговаривать с Мариной было легко, и вскоре мне стало казаться, что мы и впрямь с нею давно знакомы, но о чем бы мы говорили, она неизменно переводила разговор и все рассказывала или расспрашивала о Володе...»

К ее присутствию на съемках быстро привыкли,

и никто не удивился, когда по просьбе Высоцкого парижская «колдунья» без- ропотно отправилась за пивком для изнемогавших от небывалой питерской жары актеров: «...Повязала голову каким-то платочком, взяла самый обыкновенный бидончик, который оказался у кого-то, в пошла в ближайшие бани, где торговали хорошим пивом. И быстренько его принесла, все были очень довольны — и поведением Марины, и вкусным пивом...».

Затем съемки продолжились на черноморском побережье. Режиссер считал, что Высоцкому в роли очень помогала внутренняя музыкальность: «Мы говорили с ним о ритме его речи... Когда человек... хочет... казаться мощным при своей не очень мощной фигуре, у него возникает особый ритм речи. Он говорит всегда чуть медленно, потому что говорить быстро — он считает — как бы лишает его достоинства...»

Подготовительная работа, сам процесс съемок производил сильнейшее впечатление на актеров, отвыкших и от репетиций, и от умного, тонкого, подробного разговора с режиссером. Когда работа закончилась, Высоцкий признался коллегам: «Я к Хейфицу Пойду на любой эпизод. Если он в следующий раз меня на роль звать не будет, а

предложит маленький эпизод, самый ерундовый, — я всегда к нему пойду!»

Снимаясь в «Плохом хорошем человеке», Владимир уже думал о будущей работе. Смехову удалось заинтересовать останкинское начальство своим предложением поставить двухсерийный телеспектакль по «Воспитанию чувств» Постава Флобера. Кремль готовился к приезду французского президента Помпиду, и премьера инсценировки Флобера была бы как нельзя кстати.

«Руководство охотно шло на все мои предложения, — рассказывал Вениамин Борисович, — по сценарию, по характеру съемок, по актерским кандидатурам, в том числе и по поводу Высоцкого. Однако артист был на «особом счету», и список исполнителей пошел «наверх» — за одобрением... Через неделю мне ответили удивительно странно: участие Высоцкого разрешаем, но только в том случае, если в роли героини выступит Марина Влади... Хотел бы я сегодня перечесть мою телеграмму в Пицунду. Как это мне удалось смягчить обиду от столь витиеватого оскорбления «сверху», помню лишь многословие своего объяснения и дальнейшее спокойствие Володи по поводу репетиций пьесы без него».

От участия в постановке Высоцкий, естественно, отказался. Но Помпиду место в песне нашел:

Да, я проникся! В квартиру зайду,
Глядь — дома Никсон и Жорж Помпиду!
Вот хорошо — я бутылочку взял:
Жорж — посошок, Ричард, правда, не стал.

***

Что бы там не говорили, а на Старой площади, в ЦК КПСС, в старые же времена сидели старые и серьезные люди. Во всяком случае, промедлений с рассмотрением писем они не допускали. Уже 14 июня заместитель заведующего отделом культуры ЦК З. Туманова информировала товарища Демичева: «...По сообщению Министерства культуры (т. Зайцева Е.В.), гастроли т. Высоцкого В.С. в гор. Новокузнецке были проведены помимо «Росконцерта», на который возложена организация концертов и ответственность за их качество. Тов. Высоцкий В.С. не имеет аттестации государственной комиссии, необходимой для получения права на концертную деятельность. В связи с этим ему не утверждалась тарифная ставка для

оплаты его концертов.

За нарушения «Положения о порядке организации и проведения гастрольно-концертной деятельности в стране», утвержденного Министерством культуры РСФСР, на директора Новокузнецкого театра... и начальника Кемеровского областного управления культуры... наложены строгие административные взыскания.

В беседе, состоявшейся у начальника Главного управления культуры Мосгорисполкома т. Покаржевского Б.В., автору письма разъяснен порядок прохождения аттестации артистов и организа- ции их концертных выступлений...»

Разъяснили и утвердили «автору письма» филармоническую Ставку как артисту разговорного жанра — 11 рублей 50 копеек за выступление.

***

В театре Владимир по мере сил придерживался уже испытанной тактики деликатного, мягкого увиливания от участия в спектаклях, работа над которым не обещала ни малейшего удовлетворения ни уму, ни сердцу. Некоторые осложнения возникли с пьесой «Пристегните ремни», которую сочинили Григорий Бакланов Я Юрий Любимов. Читки ее начались еще в конце года. На новый

литературный опус шефа Высоцкий посматривал с опаской. Пьеса была странной. Главные герои — безымянные Режиссер, Писатель, Начальник строительства. Действие происходит в салоне летящего самолета. И все пассажиры знают, что через час они разобьются и Начинают вспоминать о войне, фронтовых друзьях, на нервном срыве говорят о сегодняшних проблемах.

Роль Режиссера Любимов доверил Высоцкому: «Ты можешь играть кого-то другого, а можешь — и меня». Владимир заверил: «Я сыграю вас обязательно!», но при этом подумал, что играть Любимова у Любимова — задача практически невыполнимая. Он обязательно скажет: «Непохоже!»

В конце концов, с роли Режиссера удалось соскользнуть. За ним осталась роль солдата и песня — «Мы вращаем землю». По зрительному залу шагал боец в полной выкладке, сзади — автомат, впереди — гитара наизготовку. И пел:

От границы мы Землю вертели назад —
Было дело сначала, —
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,

Отбирать наши пяди и крахи, —

Но мы помним, как солнце отправилось вспять

И едва не зашло на востоке.

Мы не мерят Землю шагами,

Понапрасну цветы теребя. —

Мы толкаем ее сапогами —

От себя, от себя!

Ради одной этой песни стоило смотреть спектакль на Таганке.

...Оказываясь в цейтноте, он ругал себя последними словами. Катастрофически не хватало времени. Даже жесткий репертуарный график в театре не всегда дисциплинировал. Там тоже можно было при необходимости отыскать свои лазейки — в «Десяти днях» выручал Золотухин, в «Добром человеке» Васильев, в «Антимирах», «Послушайте!» и даже в «Пугачеве» уже появились дублеры, в крайнем случае можно заменить объявленный спектакль на другой. Хоть это и ЧП, но ведь бывало... Только к Гамлету и Галилею Высоцкий никого и близко не подпускал.

Театральные «распевки» он принципиально не посещал — у него и без того чуть ли не каждый день свои распевки. Добро хоть шеф на эту вольность глаза закрывал. Без работы — тошно, а когда навалится вдруг со всех сторон — хоть караул кричи! Только что-то спланируешь, прикинешь, распределишься: куда, когда, к кому, непременно кто-то вмешается, предложит встретиться, поговорить, мол, есть некоторые предложения — и все летит к черту! А потом еще окажется, что дальше того, «чтоб я попел, — зря, что ль, поили?!», этим доброхотам ничего и не нужно. Но только ведь случалось и иное, а потому, надеясь на авось, всегда хватал телефонную трубку, едва раздавался звонок.

— Алло! Владимир Семенович? Володя, это Милькина Софья Абрамовна. Узнал? Очень приятно. Мы с Михаилом Абрамовичем хотим дать тебе посмотреть режиссерский сценарий по киноповести Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли». Прочти и скажи, не хотелось бы тебе в качестве автора и исполнителя заняться балладами для будущего фильма. Швейцер набросал подстрочники к отдельным эпизодам.

— Давайте.

Встретились где-то в коридоре «Мосфильма».

Милькина передала ему сценарий и сказала, что время терпит. Через неделю он перезвонил и сказал:

— Мне очень нравится. Я берусь.

— Можно встретиться у нас дома, обсудим.

— Хорошо, в воскресенье я приеду..

Когда Швейцер вместе с женой и постоянным соавтором Софьей Абрамовной Милькиной взялись за киноповесть Леонида Леонова, им пришла в голову идея заострить порядком устаревшую драматургию современными мотивами. Для чего они и придумали новое действующее лицо — уличного, хиппового певца Билла Сигера, который должен был комментировать своими балладами безыскусным языком улицы основные философские коллизии фильма. Так возникла кандидатура Высоцкого.

Он прибыл точно в оговоренное время. Пришел в такой коротенькой черной куртке, вспоминала Милькина, в джинсах и с гитарой. Волновался, и это выглядело ученически наивно. Супруги удивились — нервничали именно они, не зная, как он оценит предложенные идеи. А Высоцкий вдруг сказал:

— Ребята! А я написал уже все баллады. Даже большие. Я сам их спою. Понравятся — хорошо,

а нет — вы мне скажете, буду делать еще. А что лишнее — отбросим. Только я предупреждаю: они длинные.

Он сел на диван, поставил перед собой стул и вытащил стопку листов, исписанных карандашом. Он еще их даже наизусть не помнил! Дал Милькиной эту пачку, чтобы она держала перед ним и снимала пропетые листы. Швейцер включил старенький «Грюндиг». Когда Владимир спел все баллады — и о маленьком человеке, и об оружии, и о Кокильоне, и «Кто-то высмотрел плод...», и песню хиппи «Вот это да!», он сказал:

— Вот все это я написал для себя — я же буду играть этого Билла Сигера.

Швейцер был ошеломлен. Не говоря уже о Софье Абрамовне.

А Высоцкий, распрощавшись, полетел дальше. Напоследок попросил: если понравилось, пусть композитор превратит все это в музыку.

Даже близкие друзья Владимира Высоцкого в ранг высочайшей его доблести возводили то, что «он не умел писать по заказу». В том-то и дело, что умел! И в этом проявлялся класс его профессионализма. В любую тему, в любого героя, в любой сюжет, пусть даже в уличную сценку он вгрызался с жадностью первооткрывателя, охот-

ника-добытчика, при этом исповедуя главный принцип, им самим сформулированный:

Ни единою буквой не лгу —
Он был чистого слога слуга.

Он в каждом деле уважал профессионала, мастера.

Мы говорили на эту тему. «Песни по заказу? — переспросил он меня. — Конечно, пишу. И для театра, и для кино. Здесь я — автор текста, музыки, исполнитель — в каком-то смысле являюсь соавтором драматурга, сценариста и режиссера. Во всяком случае, я так это понимаю. Я занимаюсь этим профессионально. Как? Режиссеры дают мне «материал» — сценарий или пьесу, иногда просто обозначают тему. Я читаю, а потом... стараюсь напрочь все забыть, то есть какие-то незначительные детали, сюжетные повороты. Мне важно обострить ситуацию, характер. Эти песни я всегда стараюсь сочинить так (научен горьким опытом), чтобы они могли жить и вне того или иного фильма или спектакля...»

— Но дальше, — он встал, одернул легкий свитерок, в котором перед этим был на сцене, прошелся по просторной комнате, — композиторы, режиссеры начинают гнуть свою линию, предлагать

что-то переписать, доработать, убрать и так далее. Я понимаю: они видят по-своему. Но ведь и у меня есть свой взгляд на ту же тему, на ту же ситуацию. Ну, своя рука владыка... В результате, получается, может быть, и не хуже, но не совсем то, что я хотел сказать... А бывает, я песни напишу, их приладят, а потом возьмут да и выбросят.

— Как в «Мак-Кинли»?

— Примерно. А перед выходом на экраны давали большую рекламу, писали, что я там играю чуть ли не главную роль и что я там пою много баллад. Это вранье! Я там ничего не играю, потому даэ полностью вырезан, там вместо девяти баллад осталось полтора, и те — где-то на заднем плане.

Рассказывали, что автор киноповести Леонид Леонов был очень недоволен появлением в фильме этих неизвестных ему песен. И он резко сказал Михаилу Швейцеру, что у него такое ощущение, будто он застал в своей постели чужого мужчину..

Композитор Исаак Шварц, который занимался всем музыкальным оформлением «Бегства мистера Мак-Кинли», признавался режиссеру-постановщику:

— Я не знаю, как трансформировать Высоцкого.

Я не знаю, как делать баллады Высоцкого. Писать другую музыку — это значит, «го уничтожить, а как их подправить, я не знаю!

На подмогу был приглашен композитор-мелодист Кальварский, который попробовал довести неуклюжие, с точки зрения музыкально грамотных мужей, баллады Высоцкого до удобоваримых кондиций».

Повсюду — на натурные и павильонные съемки «Мак-Кинли», на «озвучку» Владимир возил с собой Марину, как талисман, приносящий удачу. Однажды звукорежиссер Виктор Бабушкин, записывая баллады для фильма, случайно обнаружил в холодной, непротопленной студии окоченевшую французскую кинозвезду. Он напустился на поющего поэта: «Высоцкий, ты с ума сошел. Ну что ж ты делаешь, а? Мариночка, пойдемте к нам, да не волнуйтесь, никуда он не убежит». Он увел ее, насквозь продрогшую, к себе в аппаратную, напоил чаем, попотчевал печеньем и конфетами. И заодно стал уговаривать: «Вы — актриса, попробуйте воздействовать на Володю. Вот здесь надо то-то, а здесь немного по-другому». «Ясно, поняла, я сейчас поговорю, — вспоминали очевидцы быстрый ответ Влади. — Они пошептались, и Высоцкий подошел к микрофону абсолютно другим

человеком...»

Вскоре Швейцер протрубил общий сбор, вызвал композиторов из Питера в Москву: срочно надо записать баллады — через два дня Высоцкий улетает в Париж. В назначенный час на студии собрались все: режиссеры, технический персонал, оркестр Гараняна в полном составе, Шварц с Кальварским.

«Ждем Высоцкого. Приезжает — с Мариной, — рассказывал Исаак Иосифович Шварц. — Послушал один кусок, другой. Вроде бы можно писать. А он: я сейчас. Полчаса его нет, час, два. Все сидят, ждут... С девяти утра без дела сидим. В три я не выдержал — позвонил Высоцкому домой. К телефону подошла Марина. Отвечает как-то уклончиво: Володя, дескать, куда-то заехал, но не волнуйтесь — скоро будет. Дальше сидим. Все на нервах. Но не до бесконечности же сидеть! В шесть я распустил оркестр, но прежде мы записали фонограммы. Взял я всю ответственность на себя.

В начале седьмого — как метеор! — влетает Володя. И сразу накинулся на бедного Швейцера: «Так, почему баллада сокращена?! А эта почему?!» Известно, лучшая защита — это нападение, тем более неожиданное и такое мощное. Ох, как я

ненавидел его в эти минуты! Я презирал его! Но, чтобы как-то сгладить обстановку, предложил:

— Может, все-таки начнем работать?

И Высоцкий стал петь — под готовые фонограммы. Ах, как он пел! Без всякой репетиции — в совершенстве! Он настолько был в себе уверен, настолько себя смог предельно мобилизовать, что за какие-то 15—20 минут мы все записали. Я слушал его, и у меня на глазах проступили слезы. Бог ты мой, какой талант! Я был готов простить ему все!..»

...Уже дома Владимир неожиданно вспомнил:

— Мариночка, помнишь ты привозила «Монд» с открытым письмом Солженицына «Жить не по лжи», кажется?

— Помню, конечно. А что?

— Да, Слава просил Говорухин. Ты же знаешь, он сейчас французским увлекся, хочет попрактиковаться.

— Сейчас поищу в столе... Вот, нашла.

— Еще раз переведи, Мариночка. Я не все помню...

— Сколько раз я тебе говорила: учи язык! У тебя же институтская база есть...

— Ладно, не шуми. Займусь. А пока прочти...

«..Уже до донышка доходит, уже всеобщая

духовная гибель высунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжет и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему все улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия ваших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара...

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он созерцательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих, и современников. И с этого дня он:

— впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;

— такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;

— живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает...»

— Как будто бы, по сути, все верно сказано. Разве не о том все наши бесконечные разговоры закулисные, что на Таганке, что на Чистых прудах? И с Петровичем, и с Венькой, с Карякиным и Мо- жаичем, с Олегом и Эрнстом. Только разве так нужно говорить с людьми, чтобы по-настоящему задело? Менторская тональность проповедь пастыря-духовника не цепляет. И даже по форме письмо Солженицына, как инструкция ЦК ВКП(б): первое, второе, третье... То нельзя, это не смей... Никого не тронет, этими инструкциями все перекормлены...

— Ну как не тронет? — возмутилась Марина. — У нас в прессе такой шум, столько знаменитых людей об этом письме только и говорили...

— А из-за чего шум? Истины-то прописные, всем известные. На каждой кухне только о том и болтают.

— Вот именно, что на кухнях! Только это вы и можете...

— Ух ты, пламенная моя революционерка.

Клара Цеткин! Жанна д'Арк! Жанюрочка моя, Жа-Нюрка... А я, ну ты помнишь? «*Ни единою буквой не лгу, не лгу...*» Хочешь спою, Маринет-точка?

— Ночь на дворе

— Самое время. Я тихонечко.

— Володенька...

...На премьере «Мак-Кинли» в кинотеатре «Россия» 8 декабря 1975 года Высоцкий вышел из зала, не досмотрев фильм. На пустой лестнице обернулся, увидел Милькину, махнул ей рукой на прощанье-

Спокойной ночи! До будущей субботы!...

И быстро сбежал вниз, постукивая коваными каблуками.

«МЕЛОДИИ МОИ ПОПРОЩЕ ГАММ...»

— ... Ты посмотри, что я нашел! — Высоцкий протянул Марине бумажный прямоугольный конверт с какими-то разводами. — Это я, моя первая пластинка, дай Бог памяти, какого, кажется 68-го, года.

Влади взяла в руки невесомый конвертик «Вот это?»

— Ну да, а что? У нас выпускались такие гибкие пластиночки с популярными песнями. Брали на киностудиях записи и штамповали огромными тиражами. Народ расхватывал, тем более цена им была копеечная.. Вот на этой мои песни из «Вертикали».

— И это все?

— Все... Но ничего, я что-нибудь придумаю. Мне уже обещали помочь.

Марина не отрицала, что очень рассчитывала на выход в Союзе дисков Высоцкого, по крайней мере, по двум причинам: «...если пластинка выйдет, это будет своего рода признание твоего статуса автора-композитора. И потом — мы

довольно укромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают...» Директор Таганки Николай Дупак видел, что «Володя страшно комплексовал из-за того, насколько он, по сравнению с Мариной при всей своей популярности, нищий. Потому он так много и концертов давал, чтобы не жить за ее счет..».

Но пробиться хотя бы в очередь на запись в студию «Мелодия» было делом нереальным. Тем более с такой репутацией, как у Высоцкого. В музыкальных кругах ходили слухи, что, возмущенный вторжением в свою вотчину чужака с какими-то сомнительными Лесенками, «мэтр советской песенной поэзии» Евгений Долматовский (спокойно зарабатывающий себе на хлеб с маслом бессмертными «Комсомольцами-добровольцами») на заседании художественного совета фирмы «Мелодия» взбунтовался: «Любовь к Высоцкому — это неприятие Советской власти. Нельзя заблуждаться: в его руках не гитара, а нечто страшное. И его мини-пластинка — бомба, заложенная под нас с вами. И если мы с вами не станем минерами, через 20 лет наши песни окажутся на помойке. И не только песни».

Что ж, в провидческом даре Долматовскому не откажешь.

Популярный в 70-х годах эстрадный певец Эдуард Хиль, смеясь, вспоминал аналогичное заседание «суда инквизиции» — худсовета, утверждавшего его программу. В ней были три песни Вениамина Баснера на «морские» стихи Высоцкого. Члены совета возражают.

— Так это не тот, — тут же нашелся Хиль. — Это Василий Высоцкий, наш ленинградский малоизвестный поэт.

Тексты прошли на «ура». Пластинка Хиля с песней «Когда я спотыкаюсь на стихах» вышла, а позже текст и ноты были опубликованы в сборнике «Поет Эдуард Хиль». Автор — В. Высоцкий.

Владимир объяснял себе и другим: «Есть люди, которые не любят мои песни. Бог с ними! Как говорится, на вкус и цвет... А есть просто люди туповатые...»

— Когда он подошел ко мне в Доме звукозаписи на Качалова, — вспоминал Георгий Гаранян, руководитель фирменного ансамбля «Мелодия», — и предложил записать диски с его песнями. Я в ответ: «Ха-ха! Как это может быть? Тебе и с концертами еле-еле и непонятно где позволяют выступать...» А он: «Все в порядке. Не веришь?» И выложил подписанный наряд на запись 24 песен! У меня челюсть отвисла... Думаю, за него замол-

вила слово Марина Влади, которая была членом Французской компартии, причем нерядовым. Видимо, советские власти не смогли ей отказать.

Работоспособность у него была потрясающая! Мы по 10 часов работали без перерыва и просто валились с ног от усталости. Он говорил мне: «Я ничего в музыке не понимаю, кроме того, что пишу песни». Предоставил записи своих песен, которые надо было сначала расшифровать, а затем написать по ним партитуры, и это работа, надо сказать, не из легких. Но мы сделали ему аранжировки, то есть «одели» его песни в одежку и записали их... Работалось с ним очень весело. Чтобы развлекать нас во время долгих и утомительных сессий записи, он время от времени брал гитару и пел свои песни... Как-то во время записи у нас в студии оказалась группа артистов из Большого театра. До сих пор помню, как мэтры классики валились от смеха, впервые услышав Володину песню «Шмнастика».

Музыканты, технические работники студии каждый раз с нетерпением ждали появления Высоцкого и Марины Влади. Звукорежиссер Игорь Вагин глаз от них не отводил: «Марина на диванчике сидела... Ноги мне ее запомнились: такие красивые, в тончайшие чулки затянутые. Очень

элегантно у нее получалось почесывать одну ножку другой... Представляешь, моль огромная откуда-то вылетела и прямой наводкой к Влади. Высоцкий так ретиво ее от насекомого спасал, что даже аппарат нам снес, «Штуцер 37». А работал, записывался Володя очень легко. С Мариной, конечно, повозиться пришлось...»

Одновременно с ними на «Мелодии», но в другой студии записывалась Людмила Гурченко. Они случайно встретились: «Богиня экрана обаятельно, делово, с напором доказывала, что нужно выпустить «гран-диск» Воледи. «Мариночка, Мариночка», — останавливал ее Володя своим чудным голосом. Да, действительно, Володя был другим. Красивым, высоким, и неземная Марина не казалась родом с ним большой, затмевающей. И пел по-другому. В его голосе появились такие нежные, щемящие обертоны... «Воледя, спой еще! Ой, Воледя, что ты со мной делаешь!» И обнимала его, и голову ему на плечо укладывала... От этой пары исходило такое сияние, что — ну не знаю — если на свете и есть настоящая любовь, то, ей- богу, это она!»

Потом оказалось, что записать песни — это полдела. Главное — получить разрешение на выпуск тиража, требовался новый завизирован-

ный наряд. Георгий Шахназаров, один из плеяды андроповских вольнодумцев, решил вмешаться в ситуацию. Тут, вспоминал си, раздался звонок, и властный женский голос спросил: «Это товарищ Шахназаров?». «Да, Екатерина Алексеевна», — ответил я, узнав Фурцеву.

Последовал диалог:

— Вы проталкивали пластинку с песнями Высоцкого?

— Да.

— Зачем вы это делали?

— Потому что это талантливый человек, которого зажимают, ему надо дать дорогу.

— Так вот, не вмешивайтесь не в свои дела.

— Как ответственный работник ЦК, считаю, что мне до всего есть дело.

— Я вас предупредила. Будете продолжать — вылетите! — и повесила трубку».

Ну, а режиссеры «Мелодии» по две-три песни расхватывали записи Высоцкого и потихоньку выпускали: сегодня — одну, завтра — другую, послезавтра — третью...

Позже была еще одна большая сессия звукозаписи на «Мелодии», фотохудожник Валерий Плотников сделал изумительные снимки для обложки будущего альбома. Но и записи, и иллю-

страции еще долго пылились в архивах фирмы с пометкой «До особого распоряжения». Хотя новый союзный министр культуры Демичев клялся-божился «ускорить процесс». Они с Мариной были у него на приеме. Внешне все выглядело максимально доброжелательно. А Высоцкий смотрел на министра и почему-то вспоминал Бабеля: «Мы встретились со Сталиным и, к моему несчастью, друг другу не понравились».

Когда после смерти Высоцкого Марина поинтересовалась судьбой записей, ее, по словам Плотникова, просто отшили: «А кто вы теперь такая? Так, вдова...» Позже спохватились.

«ЧТО ОСТАЕТСЯ ОТ СКАЗКИ ПОТОМ?..»

Нина Максимовна всплеснула руками, узнав, что сыну предлагают заняться сказкой Кэрролла о девочке Алисе:

— А я ведь тебя хотела Алисой назвать. То есть, не тебя, конечно, — смешалась мама, — если бы вместо тебя родилась девочка...

— Святителям спасибо. А насчет сказки я еще ничего не решил.

Когда знакомый еще по Школе-студии Олег Герасимов предложил Высоцкому поучаствовать в дискоспектакле «Алиса в стране чудес», он искренне удивился: «А при чем тут я?..» Выяснилось, что Высоцкий к тому времени Кэрролла не читал. Владимир попросил книгу. А когда прочел, твердо решил отказаться. И, видимо, остался бы при своем мнении, если бы не Марина. Она только что закончила озвучивание Алисы в постановке парижского радио, и еще пребывала под обаянием сказки Кэрролла.

— Уговаривали мы Володю невероятно долго, — рассказывал Всеволод Абдулов. — Марина объ-

ясняла, что это лучшее произведение для детей. Дети всего мира читают его, и это будет замечательная работа... Это был штурм, эмоциональная лекция о мировом значении Льюиса Кэрролла, о предрассудках, мешающих восприятию классики, и о многом другом, касающемся поэзии...

Актер и режиссер Олег Герасимов уже имел опыт постановок детских сказок для «Мелодии». Загоревшись «Алисой», потерял покой. Когда были написаны первые главы, вспоминал он, возникла необходимость пригласить поэта. С «Мелодией» работало довольно много профессиональных поэтов. Но для такой сложной и нетрадиционной для нашей детской литературы вещи, как эта «сказка для детей и сумасшедших математиков», нужен был поэт, как ему казалось, необычный в такой же степени. Абдулов и назвал ему имя Высоцкого.

— Работа шла очень тяжело, — рассказывал Герасимов. — Временами Володя впадал в истерическое состояние (как, впрочем, и я); потому что не мог из-за своего реалистического склада внутреннего перейти к абстрактному математическому ходу мышления Кэрролла... В конце концов, потребовал, чтобы в сценарии я просто указал, где нужна песня и какая именно по со-

держанию... Правда, Володя был далеко не таким человеком, чтобы рабски следовать заданию, и в дальнейшем он во многом отходил от режиссерских установок.. Многие песни были для меня полнейшей неожиданностью и были, конечно же, талантливее самого задания.

Так с чем мы подошли к неюбилею?
За что мы выпьем и поговорим ?
За то, что все вопросы и в «Конях», и в «Пелагее», —
Ответы на историю с «Живым».
... ...
Таганка, славься, смейся, плачь, кричи,
Живи и в наслажденье и в страденье!
Пусть лягут рядом наши кирпичи
Краеугольным камнем в новом зданье!

Победно — с восклицательным знаком! — завершил Высоцкий свой «Театрально-тюремный этюд на таганские темы» на 10-летие театра. И, следуя совету автора бессмертной поэмы «Москва — Петушки» Венички Ерофеева, немедленно выпил. Но это было вечером, после «Доброго человека из Сезуана», в банкетном зале ВТО.

А ровно в полдень 23 апреля в фойе театра за-

жглись свечи, и основоположники — «кирпичи» — Славина, Демидова, Кузнецова, Комаровская, Полицсймако, Петров, Колокольников, Возиян, Хмельницкий и Васильев — торжественно прошествовали мимо исторических афиш и пригласили всех на шампанское. Потом хлынул поток гостей с поздравлениями и подарками. Вознесенский соригинальничал, презентовал большого, розового, с голубыми глазами и красным лаковым ошейником щенка. Заверил, что это — волкодав и что он будет охранять театр...

Еще на заре «таганской юности» преданный друг театра, академик Капица обронил многозначительную фразу: «Во всех театрах мне скучно, потому что я все там знаю. А с Таганкой появилась новая эстетическая информация...» Позже его молодые ученики пытались посвятить Высоцкого в тайны математического анализа информационной нагрузки поэтических произведений. В качестве образца цитировали Пушкина.

Создавая стихотворную летопись родной Таганки, Высоцкий умудрился в каждую строку втиснуть столько битов информации, что досужему исследователю для расшифровки оной потребовалась бы уйма времени. «Этюд» был для знатоков. Но главное — ни один из сидевших за

огромным праздничным столом не был обойден добрым словом — от «атамана» до последнего рубаки из «таганского казачества».

Высоцкий всегда с высоким пиететом говорил о работах своего театра, даже о тех спектаклях, к которым, казалось бы, не имел ни малейшего отношения. Для него это не имело никакого значения, все они были постановками его Театра, а потому не были «чужими». Он бывал на репетициях, принимал живейшее участие в обсуждениях, по душам беседовал с актерами. Критик, который похвалил тот или иной спектакль Таганки, становился его лучшим другом и удостаивался немыслимых комплиментов. Он переживал за судьбу «Живого», «Деревянных коней», пьес Петера Вайса. Автор, который приносил в театр свои произведения, молниеносно «кооптировался» им в «белый список» неприкасаемых классиков.

Он следил за рождением спектакля по повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие..» не как внимательный зритель, но как соучастник творческого процесса, соавтор. И везде и всегда говорил о нем в превосходной степени: «Поэзия присутствует в спектаклях нашего театра не только, когда они сделаны на поэтичес- ком

материале, но и в спектаклях, которые сделаны на нормальной прозаической драматургии... Сам автор сказал, что у нас в театре стало интереснее, чем в повести. Этот спектакль неожиданно — и для нас, и для автора повести — вырос до размеров греческой трагедии... У нас бывают такие прорывы, что в течение трех месяцев во время репетиций никто не может ничего понять. У всех полное ощущение, что ничего из этого не получится. Я был на репетиции, на которой случился **спектакль**. Любимов — мастер своего дела. Я давно работаю с Любимовым, но отчего так случается — не понимаю. Какой-то демон поэтический. Есть поэзия или нет — это как деньги: есть — есть, нет — нет. И талант точно так же».

При этом, говоря о театральных постановках, Высоцкий неизменно повторял: «Мы». **Мы** взяли повесть, **мы** нашли хоралы, **мы** использовали музыку, **мы** придумали декорации...

***

Он мчался в Закарпатье, и в уме складывались строки, под Стать обстоятельствам и настроению:

В дорогу — живо! Или в гроб ложись.

Да! Выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь —
Мы к ней для верности прикованы цепями…

Всего денек удалось выкроить на югославов, и то спасибо юбилею, — шеф пребывал в прекраснодушном настроении и разрешил кратковременную отлучку.

Это будет началом песни-монолога его героя, скованного немцами шофера. Такой сюжет за столом не придумаешь. В 44-м была такая история: фашистский танковый полк застрял без горючего, и немцы направили туда, в горы, колонну бензовозов. Водителями были русские военнопленные, прикованные к плите в полу машин цепями. Игра со смертью. Это — единственная дорога:

Мы не умрем мучительною жизнью —
Мы лучше верной смертью оживем!

Из Ужгорода Владимир всего на пять дней выскочил на съемки своего эпизода в Черногорию. Легендарная страна, чудные люди. Услышанные здесь истории сами просились на бумагу:

Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою всегда в чести, —

Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.

В Москве пересказывал — не верили. А знаете, что они говорят? «Наша страна — до Владивостока». Еще в 1904 году черногорцы объявили войну Японии, поддерживая Россию. Так японцы долго искали на карте, где эта Черногория? А к тому времени она только стала самостоятельным государством, ее на карте не было... Так что, до сих пор Черногория находится в состоянии войны с Японией... О них еще Пушкин писал: «Что за племя черногорцев?..»

Кстати, об Александре Сергеевиче. Была ведь потенциальная возможность не на сцене, а в кино сыграть роль великого поэта. В первоначальном варианте сценария «Звезда пленительного счастья» Пушкин присутствовал. Режиссер Владимир Мотыль даже говорил, что планирует на эту роль Владимира Высоцкого. Но ему мягко порекомендовали не делать этого. А там и эпизод исчез, и роль, естественно, тоже.

Но, как сказал поэт, пора, мой друг, пора, покоя сердце просит. Пора домой. Ничего, в августе они с Мариной еще вернутся сюда, в Югославию, на отдых. На бегу договорится.

А в Москве ждали проблемы — театральные, жилищные, песенные, все вперемешку. Впереди гастроли в Набережных Челнах, с жилкооперативом дело движется, но мучительно медленно. А вот с обязательствами перед друзьями надо разобраться. Сам же писал.- *«У меня долги перед друзьями...».* Была там, правда, и вторая строчка: *«А у них зато — передо мной!»*

Прежде всего, Славик Говорухин с его «Контрабандой». Мелодия для песни про острова-корабли вроде наклевывается. Со второй — пока никак Надо ему чего-нибудь черкнуть подбадривающее, а то он совсем закиснет;

«Славик, а давай напишем ни про что и ни про кого. Будет называться:

Одесская киностудия

Сценарий

А дальше — 100 чистых страниц, а потом так и снимем

Фильм

А дальше — полтора часа черного ракорда и...

Конец

Здорово! Хотя очень похоже на весь наш теперешний кинематограф... Но я сейчас поеду на КамАЗ... потом всякие мелкие выезды. а потом в Одессу, надеюсь. Там и поговорим. Обнимаю

тебя и целую».

В Набережных Челнах выяснилось, что Театр на Таганке вообще был первым театром, который туда добрался. Но опасения — мол, работяги не пойдут — оказались напрасными. Аншлаги чуть не похлеще московских Впрочем, для таганских актеров это было делом обыденным.

Главным же открытием для всех стало осознание истинных масштабов безмерной любви этой не самой изысканной публики к Владимиру Высоцкому. Конечно, и до того сомнений в его известности, популярности ни у кого не возникало. Но то, что довелось почувствовать и увидеть воочию здесь...

Даже непревзойденный постановщик уличных массовых зрелищ Юрий Петрович Любимов подобного не ожидал: «В выходной день мы приехали на КамАЗ всем театром. Вышли и пошли по улице в дом, где нам надо было жить. Все строители открыли окна — улица длиной с километр — выставили магнитофоны, и звучали весь километр его песни на полную мощь. И он шел как Спартак, как гладиатор...»

Отчаянный и страстный, он входил в любой зал, в любую квартиру, зная, что обязательно победит. Они был и гладиатором, и ребенком

одновременно.

Городское руководство, пользуясь случаем, попросило Любимова, кроме спектаклей, дать концерт. Мол, театр театром, а в концертах мы тоже разбираемся — у нас Зыкина выступала. Короче, давайте Высоцкого под кодовым названием «концерт театра на Таганке» Был сооружен колоссальный шатер — зал тысячи на три, со стенами высотой метров пять. Снаружи стены мгновенно обросли лестницами, так что полон был не только зал — но и эти высоченные стены. «Все хотели культурного развития, — рассказывал Смехов. — А мы, как и обещали, решили выставить лучшие силы. Вышла «известная по многим кинофильмам» Демидова, стала читать Блока. В зале — мрачный скепсис. Ушла. Следующий — не приняли Ушел. Выхожу я — мне уже прямо говорят- «А-а! Уходи отсюдова...» Мне показалось это хамством. И вдруг вышел Володя, отодвинул меня и наступила не просто тишина... Они словно вобрали в себя всю свою предыдущую жизнь — одним движением диафрагмы, одним вдохом, — они увидели Его... И он сказал — совсем другим тоном, чем мы привыкли слышать. «Если вы, такие-сякие (он им интонационно уточнил), сейчас же замолчите, **я вас уважать не буду**, выступать

не буду, потому что вы сейчас обидели не только моих ближайших друзей, но и артистов высочайшего класса Вы обидели...» И перечислил одного, другого, третьего... И нам. «Ребята, продолжаем...» Тишина настала мертвая, все чуть не плакали от расстройства, и **лица** стали видны!

Ну, прочел я Маяковского, потом пел Золотухин. Но, чувствую, в зале хоть и молчат, но идет оттуда какой-то такой напор: давай- давай, быстрее, слышали уже, знаем, дальше. А потом вышел Володя. Я даже не стал его особенно и объявлять — сказал- «Теперь выступает Вла...» — и дальше лавина аплодисментов, криков! Мы приросли с Золотухиным к кулисе и смотрели...

Дело даже не в том, что понимали его по-разному, и даже не в том, что понимали вообще... Внешне реакция на его песни выражается в каком-то рефлексе, «балдежном» состоянии — от одного звука его голоса. Но причина-то, конечно, глубже, чем «свой парень», мужественный и все такое.. Есть, видимо, какая-то всечеловеческая потребность дышать воздухом жизни. А в его песнях есть этот воздух. И, помимо мыслей, в них заложенных, есть какой-то трудно понимаемый рационально витамин. Мужикам он придает потребность оставаться мужиками, женщинам,

детям, старым и молодым он дает этот витамин, веру в жизнь и в необходимость оставаться человеком до конца...

Потом кончился концерт, мы вышли, и — незабываемое зрелище! — автобус, в котором сидел Высоцкий, подняли на руках. Спокойно и легко».

После смерти Высоцкого замечательный писатель Виктор Шкловский сказал: «Люди слушали Володю и вспоминали, что они **люди**».

С берегов Камы театр отправился в Казахстан. Там к Любимову приехал командующий военным округом- «Уговорите Высоцкого, чтобы он спел для солдат». Памятуя новокузнецкий опыт, Любимов отнекивался: «Мне начальство московское запретило». А у генерала взыграла кровь: «Я тут хозяин. Я командую округом, а не ваше начальство Прошу вас, поговорите, уверен, он не откажет». Владимир сразу согласился: «Пожалуйста. Поедем». Собралось огромное количество народу Автобус, на котором он должен был выступать, солдаты перенесли на небольшой холм. Пел больше часа, и когда закончил, командующий вздохнул: «Мне бы такое влияние на солдат иметь, как Высоцкий...»

Новый сезон Театр начинает в Прибалтике, пока на Таганке идет капитальный ремонт. Настро-

ение препаршивейшее, физическое состояние того хуже. Искры проскакивают в отношениях с Любимовым.

И — как удар молотком по темени где-то на съемках умер Шукшин!

Сразу, как на столе монтажера, в памяти замелькали кадры — обрывки нечастых встреч у Кочаряна, неудачная попытка пристроить раннюю Васину пьесу в их такой же неудачный театрик на Дзержинского, какое-то шумное застолье. А дальше — полный штиль. Будто они продолжали идти параллельными курсами, не пересекаясь. Но пристально следили друг за другом. А задушевный разговор все откладывали на потом: успеем!..

«Он вернулся в Ленинград с похорон Шукшина. Был зол, — вспоминал Смехов, — но не был меланхоличен». Несправедливо ранняя смерть хлестанула по сердцу.

Еще — ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина, —
А в землю лег еще один
На Новодевичьем мужчина
Должно быть, он примет не знал, —
Народец праздный суесловит, —

Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал...

А сам ты сколько раз «понарошку умирал»? На сцене Гамлет. В кино — Брусенцов в «Служили два товарища», Бродский в «Интервенции», Бенгальский в «Опасных гастролях». В стихах и песнях не перечесть — от «Яка-истребителя» до «Монумента»...

Высоцкий умел радоваться чужим талантам, творческим победам друзей. Появилась в «Юности» первая повесть Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему», Высоцкий был неудержим: «Смотрите — с кем работаете!» Услышал, как Иван Дыховичный исполняет романсы на стихи Дениса Давыдова, тут же потащил с собой в Кишинев на выступления, вытолкнул на сцену перед огромным залом и заставил петь. А потом нахваливал: «Ты понимаешь, что произошло?! Тебе в моем концерте бисируют!»...

В гастрольной кутерьме в Ленинграде, на одной из вечеринок Леонид Филатов начал потешать собравшихся своими поэтическими пародиями. «Ему это понравилось, — рассказывал Леонид Алексеевич, — и он решил, что я должен выступать с ними... Во дворце искусств был концерт

с участием артистов театра. Володя был вместо конферансье. И вот он вышел на сцену и объявил меня... Он так расписал мои таланты, что мне стало даже неудобно. Володя сказать, что-то типа: «Вы сейчас обалдеете от того, что услышите»... После концерта Володя сказал, мол, «ты меня слушай, я плохого не посоветую, уж в этом-то я тсшк знаю„»

Однако, превознося чуть ли не до небес таланты друзей, Высоцкий оставался объективен, взыскателен и мог при необходимости осадить.

Когда Таганка собиралась поздравлять с золотым юбилеем Олега Ефремова, на «военном совете» Любимов распределил задачи: Высоцкий — понятно, Филатов — пародии, а за Смеховым — традиционно остались каламбуры и конферанс. Но тут Вениамина внезапно прорвало:

Не речка бушует над хреном,
не Библию зубрят с листа —
Олег Николаич Ефремов
негромко справляет полста!

«Прочитал Филатову, — вспоминал автор, — он пожал руку — то ли с сочувствием, то ли с восторгом... Владимиру показал. Он возмущенно сказал: «Больше не надо! Вот одно четверостишие

получилось — и больше не пиши. Твое дело — каламбуры писать. Каждый должен заниматься своими делами, вот мы с Леней пишем стихи, а ты — каламбуры. Ты это хорошо делаешь». И вечером спел Ефремову:

Мы из породы битых, но живучих,
Мы помним все — нам память дорога.
Я говорю как мхатовский лазутчик,
Заброшенный в Таганку - в тыл врага.
... ...
Волхвы пророчили концы печальные:
Мол, змеи в черепе коня живут.
А мне вот кажется — дороги дальние,
Глядишь, когда-нибудь и совпадут.

Смехов на критику не обиделся, а вот Валерий Золотухин был кровно оскорблен, услышав, как Высоцкий над ним в автобусе при всей труппе начал подшучивать: «Валер, а ты знаешь, как поют дрозды? Точнее, когда?»

— Когда?

— Когда срут! Вот ты тоже так когда берешь гармошку, закатываешь глаза, как глухарь на заре, и ничего не слышишь!..

Во время ленинградских гастролей сразу после

спектакля Высоцкий, «сколотив бригаду» из Филатова, Золотухина, Дыховичного, и подхватив под ручку Аллу Демидову, увлек всех на «белые ночи» в редакцию молодежного журнала «Аврора». Там, рассказывала Демидова, «Филатов читал свои пародии, Высоцкий пел, Ваня пел, Валера пел, я, слава богу, промолчала...»

После импровизированного концерта, когда все друг друга уже любили и без устали поднимали тосты за взаимопонимание, главный редактор журнала Торопыгин бил себя в грудь, обещая немедленно опубликовать все, что ему предложат наши замечательные артисты-литераторы, в том числе и тюи, Володя, любимый, стихи. Что ты хочешь? О войне? Давай! На смерть Шукшина? Давай, Макарыча мы, как и тебя, уважаем...

Но потом, рассказывал Высоцкий, «стали что-то корнать, предложили оставить меньше, чем я написал, и я отказался, мол, печатайте полностью». Но, в итоге, в «Авроре» появился лишь куцый рассказик Золотухина, несколько филатовских пародий и шаржированный портрет Высоцкого.

«Владимир тяжело и с недоумением переживал», — говорил Филатов. — Больно было смотреть».

— Я была свидетелем его телефонного разго-

вора, — рассказывала Нина Максимовна. — Ему позвонили из редакции и сказали, что стихи опубликовать не смогут. «Ну что ж, — ответил он в трубку, — извините за внимание». Потом отошел к окну, постоял немного и вдруг резко сказал: «А все равно меня будут печатать, хоть после смерти, но будут!»

«УКОРОТИТЬ ПОЭТА! - ВЫВОД ЯСЕН...»

В какой-то момент он устал быть **поэтом без читателя.**

Слушатели? Тысячи и тысячи. Плюс сотни километров магнитофонных лент. Но все равно это — **слушатели**.

Для него отпечатанные на пишущей машинке «Эрика» стихи превращались в завершенное изделие, слова как бы обретали плоть, и уже не терпели никакого вмешательства. Ничьего, кроме самого автора. Рукописный черновик можно многократно черкать-перечеркивать, переделывать строки, пары рифм, отдельные слова на обрывках, открытках, на изнанке телефонных счетов, на чистых полях журналов или на несвежих салфетках.

Очень часто его публичные выступления, концерты также становились теми же черновиками, пробой пера, заготовками. Он сочинял на ходу. Вслух пробовал на вкус и звук слова, метафоры и ритм, предлагал слушателям на выбор различные варианты одной V той же песни. Иногда, под

настроение или с учетом аудитории и обстоятельств, даже меняя идейную суть стихотворного произведения. Такая публичная, открытая редактура «черновиков» шла каждодневно. Он, не таясь, прокладывал путь, обозначал «свою колею». Не позволяя себе ни минуты простоя в поиске убедительных доказательств своей кровной принадлежности к племени поэтов.

В песне-манифесте он открыто провозглашал:

Я не люблю насилье и бессилье,

И мне не жаль распятого Христа...

Но, ощутив настороженность первых слушателей, не побоялся совершить крутой «переворот в мозгах из края в край», окончательно для себя решив:

Вот только жаль распятого Христа!

Его «Я не люблю!» было близко к Нагорной проповеди, после которой никакой Конституции не нужно, не говоря уж о Моральном кодексе строителя...

Свое будущее, считал Золотухин, Владимир Семенович предугадывал и про себя знал, какой он поэт и что он значит для России. С той лишь разницей, что одному слава приносит радость, а

другому — страдания.

«Люди тянутся не только к стихам, но и к поэтам, — говорил Высоцкий. — Вот у нас семь тысяч членов Союза писателей СССР. Сейчас любого спроси — быстро назовет не более тридцати, кто- то назовет пятьдесят, но уж никак не сто. А ведь все печатались, у всех есть книги. Я говорю о поэзии в большом смысле слова, о поэтах с большой буквы...»

В его святцах Поэтов было куда меньше тридцати. От Христа и Пушкина до Вознесенского. От современников, профессиональных стихотворцев он, прежде всего, хотел услышать простой и ясный ответ на мучавший его вопрос: достоин ли он сам высокого звания поэта, имеют ли право жить его стихи?

«Он — было время — приносил им, как школьник, свои стихи... и они редактировали, — вспоминал Леонид Филатов, — вымарывали строчку, морщились, говорили: «Нет, это никуда не годится, это не по-русски написано... Это все несерьезно, ты занимайся песнями, не надо это тебе, а ты все стихи... Ну, зачем?» И такие разговоры были очень часты. Володя эти разговоры очень тяжело переживал, принимал близко к сердцу, оттого, что ему казалось, что он занимается не

собственно поэзией, а они как раз занимаются именно поэзией».

Евгений Евтушенко мог позволить себе пригласить Высоцкого на званый вечер на дачу, где будут его итальянские издатели, заметив походя: «Володь, гитару захвати...». Роберт Рождественский возмущался, когда приглашенный к нему в Переделкино Левон Кочарян привел с собой Высоцкого: «Зачем?.. Тут серьезные люди собрались...»

Андрей Вознесенский, восхищаясь своей отвагой, после смерти Владимира Высоцкого отчаянно доказывал: «Я первый сказал, что он поэт». В застолье, может быть. Но публично, в печати слово «поэт» применительно к Высоцкому впервые использовал некто Н.М. Ходаков в своей книге под названием «Молодым супругам» (издательство «Медицина», 1971 г.): «Действие алкоголя на половое влечение весьма тонко подметил поэт, писавший: «Пойдем в кабак — зальем желание». Стремление к интимной близости легко ликвидировать: для этого достаточно сильного алкогольного опьянения...»

У него, как у драматического актера, была уникальная возможность постоянно работать, то есть взаимодействовать со словом, интонационно

доводя каждую строку, реплику до наивысшего, проникающего звучания. Но это были **чужие**, не его слова. Пусть даже аккомпанирующие его миропониманию, чувствам, сердцебиению. Такой вот парадокс Высоцкого. Публичный, площадный (в хорошем смысле слова) певец, актер-лицедей, он более всего доверял чистому листу бумаги, *«свято верил в чистоту снегов и слов»,* в то, что поэзия и искренность по сути своей синонимы.

Подрамник превращает холст в картину и утверждает художника. А книга стихов — поэта.

«Советовался не только со мной, — рассказывал Андрей Вознесенский о тщетных попытках Высоцкого пробиться в официальную литературу, — но и с Александром Межировым и Давидом Самойловым о том, как составить рукопись, как отобрать стихи... Он хотел чувствовать себя поэтом, но даже друзья считали его бардом тогда. Несколько раз он советовался с Виктором Фогельсоном, который редактирует поэтические книжки... Рукопись — отпечатанные на машинке стихи (а печатал, вероятно, он сам, так как строчки в ней были неровные, скакали), папку с его стихами я показал Фогельсону, а затем Егору Исаеву... Исаев был за то, чтобы издать книгу... Но уже тогда мне было понятно, что рукопись надо

«пробивать». Был разговор о ней и с возглавлявшим тогда издательство «Советский писатель» Лесючевским, человеком 30-х годов. Можно сказать, что в том разговоре он высмеял меня: как можно печатать книгу, автор которой не может опубликовать ни строчки?..»

Вскоре после смерти Владимира Семеновича многие вспоминали, сколько раз они безуспешно пытались «пробить» стихи Высоцкого в печать. Но, твердили они, всякий раз перед ними вырастали глухая стена непонимания, рогатки цензуры и тд. Возможно. Хотя по мнению далеко не последнего в советской номенклатуре чиновника, министра культуры РСФСР 70-х годов Юрия Мелентьева, «если бы хотя бы раз по-настоящему захотели издать стихи Высоцкого, у них бы все получилось. Они же вхожи во все кабинеты. Одно их заявление — и стихи Высоцкого вышли бы без проблем».

Но между собой именитые друзья называли Высоцкого дворовым художником, певцом-самоучкой без культуры писания. При этом, пряча самодовольство, дарили сборники своих стихов с трогательными дарственными надписями: «Володя, милый, спасибо за Ваш талант, Вашу распахнутость — страшно за Вашу незащищен-

ность в этом мире. Андрей Вознесенский». Они дарили ему **свои** книги и считали, что пока этого для него достаточно.

Художник Сергей Бочаров специально знакомил Высоцкого с главным редактором журнала «Юность» Андреем Дементьевым: «Я подвел Дементьева к Владимиру Высоцкому, а сам держал в руках тетрадку с его стихами, от руки записанными самим Высоцким. Говорю Андрею Дементьеву: «Вы же главный редактор, Вы же можете несколько страниц в журнале дать для стихов Высоцкого». И протягиваю ему тетрадку. А он как-то фамильярно так отвечает, похлопывая Высоцкого по плечу: «Пописываешь все...», и эту тетрадку взял у меня. Но эти стихи так и не появились». Зато после смерти Высоцкого Дементьев поспешил отметиться: «И снова слышен хриплый голос. Он в нас поет. Немало судеб укололось о голос тот». Даже пообещал читателям: «Возьму упавшую гитару. Спою для вас...». Но, слава богу, признал: «Мне так не спеть...»

«Мало кто знает, как Высоцкий хотел вступить в Союз писателей, — рассказывала Белла Ахмадулина. — И я несколько раз пыталась ему помочь, встречалась с разными людьми, но он, естественно, об этом даже не догадывался...

Высоцкий считал, что этим членством в Союзе писателей он подчеркнет свою независимость как сочинителя, как художника, как личности. Но ничего не выходило. Он мечтал освободиться от театрального гнета, но без театра не мог, хотя театр, как известно, помыкает актером, держит его в дисциплине...»

Попросил Григория Поженяна дать ему рекомендацию в Союз.

— Володя, я, конечно, могу дать тебе рекомендацию, — ответил бесстрашный поэт-фронтовик, — но о чем ты говоришь, какой же Ты поэт? Ну, песенник ты, бард, если хочешь так называйся, но не поэт ты. Пушкин — это поэт...

Правда, позже Поженян сожалел: «Был у меня грех перед ним. Я не всегда понимал, как ему было необходимо именно тогда напечатать все, что написано и что спето... Горе нам, если смерть должна учить нас — поэтов и не поэтов — добру к ближнему... Стихи, не ушедшие к людям типографским способом окрепшими, к нам не возвращаются. Ненапечатанные, они нас душат, прижимают к земле, заставляют самоутверждаться, додавать себе недоданное. Не извлекая уроков, мы учимся дальше и порой все реже летаем».

— Да на кой ляд тебе сдался этот Союз писателей? Что они из себя представляют? Бежать надо из такого Союза, — убеждал Высоцкого Юрий Петрович. Даже рассказывал байку о недавнем хурале азербайджанских писателей, страсти на котором кипели исключительно по поводу дележа мест на городском кладбище. Акыны дрались за место на солнечном склоне...

Но даже шутки не помогали. Любимов видел: «Володя переживал... Я его утешал, как мог, говорил, что ему не нужен этот союз, что он работает в театре и, как Бродского, его за тунеядство не осудят».

Правда, отдельные «товарищи» восприняли любимовский совет «бежать из Союза» как призыв к эмиграции.

После ошеломляющей стихотворной лавины «Вертикали» люди с более-менее чутким поэтическим слухом, но по жизни наивные до удивления, принялись спрашивать в книжных магазинах сборники стихов Высоцкого. Продавцы пожимали плечами. Затем покупатели повзрослели, кое-что поняли в этой жизни и подобных вопросов больше на задавали, а занялись «самиздатом»: снимали с полузатертых пленок тексты песен и переносили их на бумагу. Толстые рукописи

превращались в машинописные книжки, которые по знакомству переплетали, и они обретали подобие книги.

Автор этих строк сам тем грешил в молодости, «выпустив» первый том в 1974 году на бумаге формата А-4. Даже с обложкой с портретом Высоцкого. Позже появился двухтомник, который и был вручен Владимиру Семеновичу составителем весной 1978 года в Запорожье. С фотографиями, фрагментами редких рецензий и пр.

Высоцкий был растроган. В закулисной гримерке возле столика, за которым мы сидели, толпились Николай Тамразов, Иван Бортник и Владимир Гольдман. Высоцкий просматривал первый том. Они листали второй. Я ревниво следил за ними. Тамразов сказал:

— О, Володь, глянь, тут даже это есть, — и ткнул тощим пальцем в перепечатку давней реплики «Частным порядком».

Высоцкий оторвался от своего тома, взглянул: «Ага...»

Я вмешался: «А почему нет? Все, что было».

— Да нет, все верно, — согласился Высоцкий.

Я ему подарил, естественно, первый экземпляр (первую копию) двухтомника. А он в благодарность написал на втором: «Сушко Юрию

Михайловичу с уважением к его настойчивости и терпению. В. Высоцк.. Запорожье, 78».

Когда увиделись следующим днем, я спросил,-

— Володя, книги просмотрели?

— Конечно. Долго сидел. Ошибки в текстах, конечно, есть...

— Записи не всегда качественные.

— Да я не в претензии... Ну, ладно, еще раз спасибо. Садись. Так о чем ты хотел спросить?..

Беседа затянулась на несколько счастливых для меня суток..

Отвечая, собирается ли он публиковать свои стихи, Высоцкий, как правило, отвечал: «Я-то собираюсь. Сколько я пособираюсь, не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, — тем более мне неизвестно... Как будет называться — как вы понимаете, об этом пока даже разговора нет серьезного... Чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделать строчки, лучше сидеть и писать. Вместо того, чтобы становиться неудачником, которому не удается напечататься. Зачем? Можно писать и петь вам. Это же примерно то же самое. А вы не думаете, что магнитофонные записи — это род литературы теперешней? Ведь если бы были магнитофоны

при Александре Сергеевиче Пушкине, то я думаю, что некоторые его стихи были бы только на магнитофонах...»

Он верил: «Как в девятнадцатом веке была литература не только печатная, но и рукописная, так теперь есть литература магнитофонная. Новая техника и новый вид литературы» Недаром кто-то заметил, что аппарат и гений не нуждаются друг в дате. Гений создает новые структуры: Ломоносов — университет, Пушкин — «Современник», а Высоцкий — магнитофонную культуру.

Но иногда он сожалел, что некоторые свои стихи вынужден петь, делать их песней. О той же балладе «Памяти Шукшина» говорил: «Я считаю, что ее хорошо читать глазами, ее жалко петь, жалко...»

«...БРАТОМ ВОВЧИК БЫЛ ШЕМЯКЕ»

В один из первых парижских вечеров Марина предупредила: «Сегодня идем в «Гранд-Опера», танцует Миша Барышников, он нас пригласил».

— Мишка! Вот замечательно! Сто лет его не видел, — обрадовался Владимир. — А он же вроде в Штаты перебрался. Как он?

— По-моему, прекрасно, — сказала Марина. — Здесь на гастролях, бешеный успех, скрывается от поклонниц. Живет у Тани...

— Здорово. А как же граф?

— А при чем тут граф? Таня Мише как старшая сестра.

Танцевал Барышников превосходно. Владимир, не считая себя

большим знатоком и поклонником балетного искусства, глядя на отточенность, завершенность каждого движения танцовщика, понимал, почему шеф все время ставит им в пример балетных артистов. Конечно, они являлись для Юрия Петровича идеальными исполнителями воли постановщика. Ни шага влево, ни шага вправо.

Все безукоризненно строго, четко, выверено до миллиметра. А у Миши ко всему рвалась на волю душа, и он не сдерживал свой темперамент. Зрители это чувствовали, аплодировали каждому удачному прыжку и даже жесту.

Когда представление закончилось, Высоцкий с Мариной отправились за кулисы. Она в здешних лабиринтах ориентировалась, как в собственной квартире. Зря, что ли, танцевала тут еще девчонкой?..

У входа в артистическую комнату стоял суровый страж. Но Миша выглянул — и во всю ширь распахнул двери:

— Прошу!

С Мишей Барышниковым Высоцкого давным-давно познакомил Иван Дыховичный во время одного из набегов на славный город Питер. Тогда Мишка еще был солистом Кировского театра, красавец, молодой Аполлон. Карьера складывалась на удивление удачно, в 25 уже был заслуженным артистом. И кто бы мог подумать, что во время гастрольной поездки он посмеет остаться на Западе. Чиновники возмущались: мы ему только-только «Волгу» дали!..

Теперь Миша — звезда мировой величины. Правда, без «Волги».

Обнялись, расцеловались.

— Не боишься? — подмигнул Барышников Высоцкому.

— Тебя, что ли? — рассмеялся Владимир. — Это ты меня бойся!

В большой гримерной было тесновато от незнакомой публики.

Хозяин тут же принялся исправлять свою заминку:

— Знакомьтесь, господа, это мой друг — знаменитый русский певец и актер Владимир Высоцкий...

— Знакомьтесь...

— А это, Володь, тоже из наших — мой тезка, художник Миша Шемякин. Из Ленинграда, между прочим.

— Из Санкт-Петербурга, — без тени улыбки поправил танцовщика молодой стройный парень в очках, затянутый во все черное. — Много о вас слышал, — сказал он, обращаясь уже к Высоцкому. — Вернее, много вас слушал.

— Тебя, — исправил Высоцкий. — Я о тебе тоже слышал, но картин, честно говоря, не видел...

— Это легко исправить. В любой момент...

— Все, потом договорите! — прервал беседу Барышников. — Поехали, нас ждет Таня.

Пока ехали к старинному особняку, в котором жила сестра Марины Таня — Одиль Версуа, Владимир спросил Шемякина:

— А почему Санкт-Петербург?

— Старая привычка. Я так всегда свои картины подписывал — «Шемякин. СПб». Когда в психушке лежал, врачам объяснял, что это аббревиатура такая — «Специальная психбольница»...

— И долго ты в психушке был?

— Долго, — вздохнул Михаил.

— Я тоже, — в ответ выдохнул Высоцкий.

У Тани гостей ждали. Ее муж — итальянский граф — отсутствовал. Но зато был великолепный стол, мерцание свечей и очень теплый, дружеский, но не светский разговор.

«Потом Володя много пел, — рассказывала жена Шемякина Ревекка. — А я ревела. Миша тоже был совершенно потрясен... На следующий день Володя с Мариной были у нас дома... В тот вечер мы пешком шли по Парижу.. И говорили, говорили, говорили...»

Больше говорил Шемякин, Высоцкий слушал, лишь изредка что-то уточнял. Их детские биографии были схожи. Они оба были сыновьями фронтовиков, профессиональных военных, служивших после войны в Германии в оккупаци-

онных войсках...

У них были примерно одинаковые творческие судьбы. Правда, до неприкрытого «выдавливания» из Союза у Высоцкого дело не дошло. Но живые примеры были перед глазами... Шемякин был интересен ему как эмигрант с трехлетним опытом, сумевшим не просто выжить, но и добиться успеха и признания на чужой земле. Хотя художнику, конечно, сделать это проще, его язык общения с публикой интернационален. Может, на эсперанто начать стихи писать? Тогда его еще хотя бы один человек поймет — создатель языка...

В общей череде парижских впечатлений лишь короткая встреча с Барышниковым да знакомство с Мишей Шемякиным и его картинами были светлыми пятнами, а так... После второй поездки во Францию, замечали московские друзья, Высоцкий вернулся иным. В обыденности растаяло очарование прежде манящего города. После «Парижска» он показался Вениамину Смехову каким-то расстроенным, чересчур язвительным и обманутым.

«...ЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОЙТИ НЕ БОЛЬШЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ» «С МЕНЯ ПРИ ЦИФРЕ «37» В МОМЕНТ СЛЕТАЕТ ХМЕЛЬ...»

К фатальным датам и цифрам Владимир Семенович относился с настороженным вниманием. И в тридцать три, и в тридцать семь он чувствовал, *«как холодом подуло..»*.

Во второй половине января он вновь отправился во Францию. Золотухину объяснил: «Для того, чтобы сидеть и работать... Сказал.., что страдает безвременьем... Ничего не успеваю. Пять месяцев ничего не писал...».

Когда перед поездкой разговаривал с Парижем, спросил:

— Марин, у тебя ведь Чехов в оригинале весь?

— Ну, конечно. А что тебя интересует?

— «Вишневый сад». Хочу перечитать, у нас тут вроде кое-что намечается. Приеду, расскажу подробнее.

В начале 1975-го на Таганке не просто намечалось, но уже происходило нечто неординарное. Впервые к режиссерскому «пульту», который,

казалось, намертво был прикован к Любимову, был допущен человек со стороны — Анатолий Васильевич Эфрос. Личность в театральном мире зрителями любимая и уважаемая, а начальством — с огромным трудом переносимая.

Любимов впервые надолго и по доброй воле покидал театр — уезжал ставить в «Ла Скала» оперу своего друга Луиджи Ноно, и не без оснований подозревал грядущий «разгул демократии» в труппе, связанный с его отсутствием. Вынужденно предложил Эфросу попробовать поработать с его актерами, поставить что-нибудь. Анатолий Васильевич выбрал «Вишневый сад». Определил исполнителей. Лопахина должны были готовить Высоцкий и Виталий Шаповалов.

Перед отъездом Любимов объявил о будущем спектакле по булгаковскому «Мастеру». Владимиру на пару с Золотухиным достался поэт Бездомный. Особого энтузиазма подобное решение шефа у Высоцкого не вызвало. Он рассчитывал, по крайней мере, на Воланда. Ну, ладно, потом, все потом.

Дорога на Париж оказалась — с приключениями. Но не веселыми, а печальными. Машина заглохла еще до Бреста. Пока искали механиков, убили массу времени, переночевали — и снова

в путь-дорогу. Слава Богу, хоть на границе попались знакомые таможенники, проскочили без проверок и скоро были в Варшаве. Там успели на премьеру спектакля Анджея Вайды «Дело Дантона», вечером отметили это событие. В числе гостей был Данек Ольбрыхский и Моника— «разломавшаяся пара». Но поляки, к сожалению, немецких машин не чинили. Еле-еле дотянули до Западного Берлина. Пока договорились с ремонтом «BMW», пока устраивались в пансионат «Антика», проголодались. А перекусив, отправились гулять по центру Берлина. И вдруг на Курфюрстенштрассе Владимир ощутил себя зажатым, стал тихо говорить, ступал неуверенно. Пожух совсем, решил про себя Рассердился на себя за то, что стеснялся говорить по-русски. Вспомнил отца в послевоенном Эберсвальде и подумал, что быть в положении оккупационного солдата лучше, чем туристом одной из победивших держав в побежденной стране.

В Париже, за исключением обязательных визитов к родственникам Марины, светских вечеринок, грустной поездки в психиатрическую клинику Шарантон, где лежал в то время сын Марины Игорь с наркопроблемами, основное время Владимир проводил за письменным столом.

В прошлом году во время рижской встречи Сергей Тарасов как & мимоходом забросил удочку относительно новой совместной работы. С Серегой, пожалуй, можно иметь дело, попробовать сварганить что-либо стоящее, — авантюризма в нем хоть отбавляй. Они сидели тогда в гостиничном номере, попивали кофеек пополам с рижским бальзамом и перебрасывали друг другу, как горячие угольки из ладони в ладонь, разные идейки на тему кино. Пока Борис Хмельницкий не предложил: «А давайте сделаем фильм про разбойников. Только не российских, тут могут быть вопросы. А о Робине Гуде, к примеру». — «А что, материал классный, и ни один редактор не подкопается, — тут же подхватил Тарасов. — Но какую-нибудь связку, легкий намек нужен, для чего мы это снимаем...». И тут Владимира осенило:

— Я знаю, как это сделать. Вот пролог. Я — весь такой современный парень, Борька тоже. Мы входим в кадр, как обычные ребята с московского двора, такие уличные пацаны. Я пою о старых временах, — и перехожу на развалины средневекового замка.

А Борька — Робин гуд в кадре уже в старых одеждах, с мечом. И я уже шут...

На том и порешили.

И вот теперь в Париже он с удовольствием вышагивал по булыжным мостовым старинных улочек, рассматривал храмы, а дома у Миши Шемякина листал альбомы с репродукциями. Пытался сочинять. «Но пишется мне здесь как-то с трудом, — жаловался в письме Бортнику, — и с юмором хуже на французской земле...». Но все же:

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки — из прошлого тащим, —
Потому что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

С Тарасовым, конечно, работать было проще, чем со Швейцером. По крайней мере, Сергей не навязывал какие-то свои «подстрочники». Оговорили общие темы и направления баллад — и все, дальше — на свое усмотрение. Долго не давалась «Баллада о борьбе», пока не нащупал точку отсчета — детство.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт, —
И дрались мы до ссадин,

До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Но больше всего пришлось помучиться с «Балладой о любви». Казалось бы, ют он, предмет обожания и восхищения, рядом, тихо сидит в кресле, поджав ноги, листает чеховские пьесы, время от времени нежно посматривая в твою сторону, но — нет, ни черта не выходит! Поэтому, выходит, правы те, кто говорит о предмете **немого** обожания. Или действительно о любви все сказано? Ангел спускается неохотно, и ощущение, что поймал его за крылышко, не приходит. Но мучения все-таки вознаграждаются, и мозг начислит работать. Главное образ появился и потащил за собой все остальное:

Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь —
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было сорок сороков....

...Вечером за ужином в выпуске теленовостей Владимир уловил знакомую фамилию — Синявский: «Мсье Синявский...»

— Марин, что там о Синявском? Переведи-ка...

Он не понимал половину (в лучшем случае) из того, что говори с экрана диктор. Его это раздражало, но раздражало и других.

— Автор книги «Голос из хора» русский писатель, эмигрировавший из Советского Союза, Андрей Синявский удостоен премии французской критики за лучшую иностранную книгу года. Церемония награждения состоится завтра, — пересказала Марина.

— О, молодец Андрей Донатович! А где будет церемония?

— Я пропустила. Через час повтор новостей, узнаем. А что, ты это знаешь?

— Еще бы, он у меня в институте литературу преподавал! Уникальный мужик. Его в 66-м посадили, не слышала? Громкий процесс «Синявский — Даниэль»...

Назавтра Владимир был на вручении премии имени Даля Андрею Синявскому, хотя Марина и не советовала.

— Андрей Донатович, разрешите вас поздравить. Честное слово, я за вас очень-очень рад.

Марина тоже вам привет передает.

— Володя, спасибо. Ну, премия — хорошо. Вот вы для меня, как подарок, ей-богу. Здесь, сейчас! Фантастика. Я о таком даже не мечтал. «В наш тесный круг не каждый попадал...» — по сей день помню.

— Было дело.

...Отодвинутый на тысячи километров от страны, отгороженный границами, Синявский не забывал своего своенравного студийца. В журнале «Континент» он, цитируя песню «У меня гитара есть...», писал; «Так поют сейчас наши **народные** поэты, действующие вопреки всей теории и практике насаждаемой сверху «народности», которая, конечно же, совпадает с понятием «партийности», и никого не волнует, никому не западает в память, и существует в разреженном пространстве — вне народа и без народа, услаждая слух лишь начальников, да и то пока те бегают по кабинетам и строчат доклады друг другу, по инстанции, а как поедут домой, да выпьют с устатку законные двести грамм, так и сами слушают, отдуваясь, магнитофонные ленты с только что ими зарезанной одинокой гитарой. Песня пошла в обход поставленной между словесностью и народом, неприступной, как в Берлине,

стены и за несколько лет буквально повернула к себе родную землю. Традиции современного городского романса и блатной лирики здесь как-то сошлись и породили совершенно особый, еще неизвестный у нас художественный жанр, заместивший безличную фольклорную стихию голосом индивидуальным, авторским, голосом поэта, осмелившегося запеть от имени живой, а не выдуманной России. Этот голос по радио бы пустить — на всю страну, на весь мир — то-то радовались бы люди...»

Конечно, заявиться в «логово махровой эмиграции» было делом рискованным. Поздним вечером по радио пошла информация о крупном событии в культурной жизни Парижа и его участниках. Как они все-таки, суки, оперативны... Понятно, что без воспитательной беседы в Москве уже не обойтись.

Иногда накатывали приступы меланхолии и хандры. Брал гитару, трогал струны, вспоминая свои старые стихи. Ничего не помогало. Только одно свербило: зачем я здесь? Не пишется — или больше не могу, или разленился, или на чужой земле — чужое вдохновение только для других? А дома буду отговариваться тем, что суета заела. Захотелось пообщаться, хотя бы заочно, душу

излить. Бортнику, что ли, письмецо черкнуть?

«Дорогой Ваня! Вот я здесь уже третью неделю. Живу. Пишу. Немного гляжу кино и постигаю тайны языка. Безуспешно. Подорванная алкоголем память моя с трудом удерживает услышанное. Отвык я без суеты; развлекаться по-ихнему не умею... На всякий случай записываю кое-что, вроде как в дневник Читаю. Словом, все хорошо. Только кажется, не совсем это верно говорили уважаемые товарищи Чаадаев и Пушкин: «Где хорошо, там и отечество». Вернее, это полуправда. Скорее — где тебе хорошо, но и где от тебя хорошо. А от меня тут — никак...

...Ваня, мы с тобой в Париже

Нужны — как в бане пассатижи...»

Теперь звонок маме: не волнуйся, у нас все в порядке, как у тебя? Что там с квартирой? Слава те Господи!!!

Наконец-то сдали их кооперативный дом на Малой Грузинской, 28, Нина Максимовна тянула жребий, достался восьмой этаж Хорошо хоть не первый и не последний. Говорит, что вошла в квартиру, как полагается, с хлебом-солью, в бутылку с водой поставила березовую веточку. Мама вздыхала: «Так хорошо. А ты и у меня в

гостях, и у отца в гостях, и у Марины тоже гость... Теперь хоть свой угол есть. И какой! Шикарная трехкомнатная квартира...» — «Вот и хорошо, видишь, сколько у меня ангелов-хранителей! В общем, мамочка, скоро будем!» — «Да, но там еще такой ремонт предстоит сделать, как же вы?» — «Ладно, мам. Что-нибудь придумаем».

Следующий звонок — Дыховичному. «Вань, привет. У нас тут, понимаешь, вот какая проблема...» — «Володя, это не проблема. Мы живем вдвоем. Ребенок у бабушки. Все будет нормально. Будете жить у нас, если Марину это не смущает...» — «Ну все, тогда мы вернемся с морей, и из Парижа прямо к вам».

С окончательной победой весны они осуществили давно намеченное — отправиться в средиземноморский круиз. Две недели полного отдыха. Тихо, спокойно и так не похоже на прежние морские путешествия с Толей Гарагулей или Сашей Назаренко по Черному морю. Никто никого не узнает, не лезет в душу, никому ни до кого нет дела. Но иногда ловишь себя на том, что абсолютное невнимание и безразличие тоже задевают. И сразу не сообразишь, что лучше: постоянно находиться под прицелом неусыпных глаз или спокойно делать все, что тебе заблагорассудится

и не обращать внимания на окружающих?

В Париже его ждет нервная телеграмма от Демидовой: немедленно приезжай, если не хочешь потерять Лопахина! Значит, в самом деле, пора.

Перед отъездом долго, пристально смотрел на себя в большое зеркало: ну что, похож на купца Лопахина? Вроде бы, да. Борода, чуток поправился, глаз горит. Вперед!

«Они мне позвонили, — рассказывал Иван Дыховичный, — что они уже выезжают. Купили машину «мерседес»... Володя все время звонил с дороги и говорил: «Ты не представляешь, на чем я еду, ты увидишь, ты оценишь, что это за автомобиль»... Я помню, они въехали во двор, а на крыше лежал огромный двуспальный матрас... Мы с Володей очень долго, смешно заносили этот матрас в дом. Все тетечки, которые на скамеечке сидели, с ненавистью контролировали процесс и все не могли поверить, что это реально Володя, а рядом с ним Марина Влади, что они будут жить в этом доме. А мы тем временем внесли матрас в квартиру, положили его на пол, и они на этом матрасе прожили где-то полгода в нашем доме...»

26 мая в репетиционный зал на Таганке тихо вошел Высоцкий, сел неслышно и стал наблюдать за работой на сцене. Его даже не сразу узнали — так

изменила борода. Позже он смеялся: отращивал для Лопахина, потому и чуток задержался.

«Играл Лопахина дублер. Я с ним долго работал, упорно, — рассказывал Анатолий Эфрос. — Но однажды... я почувствовал, как что-то странное меня притягивает к той части зала, в которой сидят актеры на замечаниях... И я невольно начинаю говорить только туда. Говорю свои замечания, и постепенно начинаю видеть два ка- ких-то невероятных глаза, впившихся в меня, слушающих. Я не сразу сообразил, только потом, — что Высоцкий приехал и пришел на репетицию. И он хотел в один раз все догнать — вот он так меня слушал. Это было невероятно...»

«Я попал в момент, когда Эфрос ходил с актерами, — вспоминал Высоцкий. — У него есть такая манера, когда он ходит по сцене вместе с актерами, о чем-то с ними разговаривает. Он не объясняет, что ты должен сделать. Он просто наговаривает текст этого персонажа, и в результате что-то получается. Ты за ним следишь, это очень заразительно... Потом он сидит в зале и больше уже ничего не говорит. Может, он так только с нами работал, но вот смешение его режиссуры с работой артистов нашего театра имело удивительный эффект. Ведь этот спектакль у себя, в

Театре на Малой Бронной, со своими актерами он не мог бы поставить. Все актеры привыкли играть Чехова в театре с «четвертой стеной», они произносят свой текст либо себе, либо партнерам. А в нашем театре есть другой прием — отчуждение, обращение в зал. И в этом спектакле очень многие чеховские монологи мы говорим прямо зрителям, не стесняясь, выходя из образа, разговариваем со зрителем... Получился колоссальный эффект от эфросовской постановки Чехова с... приемами любимовского театра. Мешанина очень интересная была...»

С головой погруженная в эту работу, Демидова чудом успевала записывать: «6 июня... Репетиция «Вишневого сада». Поражаюсь Высоцкому: быстро учит текст и схватывает мизансцены... Быстро набирает, хорошо играет начало — тревожно и быстро... Прогон. Вместо Высоцкого — Шаповалов. Очень трудно... Без Высоцкого очень проигрываю».

Постановщик спектакля не отрицал: «..Действительно, он додал за несколько раз, и мне пришлось очень обидеть Шаповалова, потому что, когда Высоцкий начал репетировать, это было что-то неимоверное...»

Все замечали, что Высоцкий начал работу в

очень хорошем состоянии. Был собран, отзывчив, нежен, душевно спокоен. Очень деликатно включился в работу, и эта деликатность осталась в роли... Исполнительница главной женской роли полагала, что Высоцкий играл абсолютную влюбленность в Раневскую, но поскольку Раневская была в том спектакле прообразом «Вишневого сада» и, соответственно, прообразом уходящей культуры, то это была иная влюбленность. Не только и не столько в женщину, сколько в иную ипостась земного существа. В этой любви был другой слой чувств! Желание иной жизни! Ненасытное карабканье по гладкой стене куда-то... в никуда. Высоцкий играл с трагическим ощущением. Может быть, из- за предвосхищения своего скорого конца? Это был трагический Лопахин; человек, закончивший свои дни, как многие крупные купцы XIX — начала XX века: Мамонтов, Третьяков...

А на Малой Грузинской ударными темпами шел капитальный ремонт. «Вдохновителем и организатором всех наших побед» была Марина Влади.

В Лопахине Высоцкий играл современного делового человека, полного сил шагать в ногу с веком, хозяйствовать по-новому на земле беспеч-

ных гаевых. Он был вызывающе элегантен — в светлом модном костюме, в белоснежной сорочке с бабочкой, с модной стрижкой, сделанной у дорогого мастера, чуть нарочито небрежной. Выглядел удачливым бизнесменом с большими руками, которые могли бы и червонцы пересчитывать, и на гитаре играть Трофимов — Золотухин с завистью говорил то ли Лопахину, то ли самому Высоцкому: «У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа».

Демидова вспоминала: «Как замирал зал, когда Высоцкий—Лопахин подходил к авансцене и тихо говорил: «Иной раз, когда не спится, я думаю. «Господи, Ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по- настоящему быть великанами». Чеховский текст Высоцкий подавал, как свою исповедь, чуть нараспев, с легким волжским оканьем, и от того, что к зрителям напрямую обращался никто другой, как «наш Володя», его Лопахин приобретал... особую значительность Работяга Лопахин — единственный в пьесе деловой человек на этой сонной земле, что «прокисла, опухла от сна..». Он представал делателем российской истории.

Третий акт заканчивается продажей имения.

Прикатывал с торгов ликующий Лопахин: «Я купил! Погодите, погодите, господа, сделайте милость. У меня в голове помутилось... Вишневый сад теперь мой. Мой!.. Скажите мне, что я пьян, не в своем уме... Не **смейтесь** надо мной!..»

Высоцкий хохочет, топочет ногами, пускается в пляс и поет...

«Какие-то слова он действительно почти пел, — писала Демидова—Раневская, — тянул-тянул свои гласные на хрипе, а потом вдруг резко обрывал».

Чеховский текст Высоцкий произносил в этой сцене на свой особый, распевочный лад. Он удивительным образом превращал Чехова в поэта:

Ах-х-х, Ермолай,
Битый, малограмотный
Ерм-м-олай,
Который зимой
Бос-с-иком бегал-л-л...

По мнению Эфроса, Высоцкий играл эту сцену «так буйно, так неистово танцевал, так прыгал, стараясь сорвать ветку, что невозможно было не зааплодировать... «Звук лопнувшей струны» (так говорится в ремарке Чехова) невольно навевал ассоциацию с жизнью и судьбой барда».

Влюбленная Марина видела: «Он играл то, что не очень часто Заказывают на сцене, — любовь молодого мальчишки к женщине, которую всю жизнь боготворил... Володя был чудесен»

Но спектакль Эфроса приняли кисло, предубежденно. Любимов морщился, мол, не наш спектакль, слишком утончен, нет таганской условности, дерзости, открытых перекличек с современностью, все слишком «запсихологизированно» и «неуловимо». А дальше началась и вовсе некрасивая история Анатолия Эфроса пригласили в управление культуры и сказали, что к ним приходил Юрий Петрович Любимов и потребовал, чтобы они сняли «Вишневый сад», так как режиссер искажает русскую классику.

На дуэль Анатолий Васильевич коллегу не вызвал, просто написал ему письмо: «Здравствуй, Юра, здравствуй, прогрессивный режиссер!.. Когда ты так странно вел себя на первом показе спектакля, я удивился и ничего не понял. Помнишь, Володя Высоцкий уже вышел на сцену и сказал первые реплики, а ты сидел, отвернувшись, и говорил мне, глядя в зал: это что, твои клакеры? И актёры не понимали, почему ты не смотришь на сцену и совсем не уважаешь ни их, ни меня. После худсовета я сказал, что ты просто

болен...

Ты перевел «Вишневый сад» на утренники для детей, — твое дело. Хотя смешно, согласись, что Высоцкий приезжает из Парижа, Чтобы играть Гамлета и Лопахина, а играть должен на утренниках. Кстати, я благодарен ему, Демидовой, Золотухину, что они все-таки тогда, после худсовета, отстояли «Вишневый сад», свои актерские работы и наш общий труд. Смешон ты со своими идеологическими ярлыками, мой прогрессивный друг, неужели ты этого сам не понимаешь? Жаль. Тем же работникам управления ты доставил удовольствие».

Была еще одна жертва «Вишневого сада» — Виталий Шаповалов, который полгода репетировал Лопахина и в последний момент был отодвинут даже не на задний план, а вовсе за кулисы. По его мнению, в этой истории «Володя никоим образом не выглядит плохо. Там Эфрос поступил просто бестактно... Я назначен на роль Лопахина, я его репетирую-репетирую-репетирую. В театре говорят; Шапен репетирует первым номером... На одной из репетиций в перерыве подходят Любимов — он уже вернулся из Италии — и Эфрос. Любимов говорит: «Шапен, ты не волнуйся, дело в том, что Володя Высоцкий тоже хочет играть

Лопахина, но на тебе это никак не отразится. Сдавать будешь ты, но Володя тоже будет играть». — «Юрий Петрович, а когда я боялся конкуренции? Мы же не конкуренты, мы же с ним не похожи, мы очень разные с Володей...»

Но перед сдачей спектакля он заехал на примерку в мастерские Большого театра, а там говорят: костюм Лопахина сшит на Высоцкого. После этого Шаповалов предупредил Эфроса: «Не надейтесь, что буду у вас играть, когда Володя уедет в Париж». И не играл.

Возможно, эта история добавила холодка в общую атмосферу теплой доброжелательности в отношении к Владимиру Высоцкому. Кому-то, получается, все, а кому-то — пшик.. Далеко не все понимали величину Высоцкого: близость мешает осознанию истинных пропорций.

Тем не менее, его Лопахина многие театралы ставили в один рад с Гамлетом. Все та же Алла Сергеевна Демидова делилась своими наблюдениями: когда репетировался Гамлет, то мифа о Высоцком еще не было. А Лопахин — это 75-й год, когда Высоцкий уже состоялся. Когда он был уже почти заложником мифа о самом себе и знал, что нужно быть в профессии серьезным художником... Изначально Лопахин у него был

крупнее, чем изначально Гамлет. Но потом обе эти роли выровнялись и проявили Высоцкого как гениального, крупного и многогранного актера.

Он окончательно состоялся как мастер. Сам Эфрос смущался в его присутствии: «Во время наших контактов он выглядел старше, я был «младше». Разговаривал несколько свысока. Снисходительно. Он был человеком дерзким, говорил резко, хотя и негромким голосом. Маленький, аккуратненький, чистенький, он появлялся в театре через пять минут после начала. Уже давно надо было быть на сцене, спектакль задерживается, а он мне говорит. «Все хорошо».

Все равно Анатолию Васильевичу работать с Высоцким нравилось. Не желая расставаться, предложил ему записать для радио пушкинского Дон Гуана. Высоцкий, не раздумывая, согласился. «Никакой трактовки не было, — рассказывал Эфрос. — Актер, режиссер, художник вообще должны иметь слух. Я говорил: «Володя, прочти этот текст. Я тебе буду подавать реплики за Яковлеву, с паузами. Ну, начни...» И он слышит Пушкина — вот и вся трактовка! Чтобы Пушкина прочесть, надо иметь слух. Володя читал, и это была чистая поэзия... Он приходил в студию, снимал свою короткую курточку спортивную, и

с листа читал как **поэт**. Ему не надо было долго объяснять, что такое Дон Гуан. Может быть, надо, чтобы актеры по ночам писали стихи?..»

Позже подобный эксперимент они проделали и с «Мартином Иденом» Джека Лондона, и с «Незнакомкой» Блока, где Поэт — Высоцкий — старался вести свою интонационную партию на полутонах, с аристократической сдержанностью.

Оказавшись в пиковой ситуации после очередной размолвки с Любимовым, Высоцкий в минуту слабости, в сердцах даже ляпнул Дупаку, что бросит Таганку и перейдет к Эфросу на Малую Бронную...

***

В четырехкомнатной квартире в элитном доме в центре Москвы и хозяевам, Дыховичным, и их квартирантам было уютно. «Никто никого не раздражал, все веселились, иногда выпивали, — рассказывал Иван Владимирович. — С Мариной совершенно не было никакой дистанции. Она была прелестным человеком в жизни, к русскости ее были еще прибавлены французский такт и деликатность. Она в доме вела себя свободно, была остроумна, жива, кокетлива... Разгуливала в халатике на голое тело, легко раздевалась, оде-

валась, но в ней никогда не было вульгарности... К нам приходили гости — их, наши — они были вместе общие друзья. И это было очарованием... Есть период в жизни, когда вы хотите видеть все время любимых тобой людей у себя в доме, а тогда же единственная форма общения не ресторан был, а дом. И никакая это была не кухня, а комната, в которой мы сидели, в которой мы спорили, говорили. И Марина, по-моему, была счастлива. Мы жили в разных комнатах, никому не мешали. Была одна ванная, но это проблема не глобальная. Если люди любят друг друга, радуются тому, что они утром садятся вместе пить чай или кофе, что может быть приятнее?..»

Но вот беда: наличие жильцов Дыховичных соседей, мягко говоря, смущало. Тесть как-то обмолвился Ивану, что в высокие инстанции поступают сигналы: в доме поселился подозрительный человек с какой-то проституткой, они разъезжают на машине с иностранными номерами, а самое главное — не здороваются с тетушками, сидящими у подъезда! На следующее утро Высоцкий, выйдя из подъезда, подошел к «заявительницам», поклонился им в пояс и, рухнув на колени, заорал: «Здравствуйте, тетки!» Тетки офонарели...

Кстати, Высоцкий был крестным брачного союза Дыховичного с дочерью члена Политбюро ЦК КПСС Полянского. Иван рассказывал: «Он знал девушку, с которой у меня был долгий роман, и однажды поинтересовался: почему мы, такая красивая пара, не начинаем жить вместе? Я с ним поделился своими сомнениями: «Скажут, женился, чтобы стать зятем члена Политбюро». На что Володя мне, двадцатилетнему; сказал: «Если бы на ней женился, потому что она дочка Полянского, ты был бы мерзавец. Но если ты на ней не женишься, потому что дочка Полянского, ты тем более мерзавец». Эта эффектная фраза очень повлияла на меня...»

***

Пользуясь лопахинской «бородатостью», Высоцкий, несмотря на плотный репетиционный график, все же успел сделать пробу на главную роль в «Емельяне Пугачеве». Автор сценария Эдуард Володарский вспоминал процесс подбора исполнителей: «У нас был консультант Преображенский, историк, в МГУ преподавал, а до этого в Сорбонне несколько лет читал русскую историю... В комнате режиссера висел такой громадный планшет, где были фотографии всех, кто пробо-

вался на роль Пугачева, порядка 40 человек. И мы его попросили (сняв фамилии со всех фотографий): «Сергей Тимофеевич, вот посмотрите, как вы считаете, кто, на ваш взгляд, больше всего годится на роль Пугачева?» Старик так засмущался, потом, опираясь на палку, говорит: «А я ведь никого не знаю». — «Тем более». Он стал смотреть, разглядывал очень внимательно все фото и потом сказал, что больше всего подходит вот этот — и указал на Высоцкого. Потом: «Ой, только не этот» — и указал на Матвеева». В результате Пугачева сыграл Евгений Семенович Матвеев. А Марина Владимировна проявила характер и отказалась от заманчивой роли российской императрицы. «Я мечтала об этой интересной работе, — рассказывала она, — но, увы, этот наш с Володей сон рухнул... Впрочем, как и многие другие... Нам отказали тогда в счастье совместно трудиться под надуманным предлогом: мол, мне, иностранке, не могут платить валютой, хотя об этом с моей стороны не было и речи... Пробы у него были чудесные... Я делала только пробы костюмов. Но самое смешное, что я все-таки снялась в роли Екатерины, только у японцев, а он Пугачева так и не сыграл...»

Отказался от роли Цыгана в «Пугачеве» и Вах-

танг Кикабидзе, когда узнал, что Высоцкого в фильме не будет. Хотя мы, рассказывал он, уже так много нафантазировали, даже что-то там подрепетировали... Только Матвеев очень хотел играть Пугачева, прямо из кожи лез... «Ладно, Володь, не переживай, — попытался смягчить глупую ситуацию Кикабидзе. — Ты мне лучше разреши исполнять своих «Коней привередливых». Дашь?» Он так внимательно посмотрел на меня и сказал: «Нет, не дам. Ты по-своему сделаешь. А мне это не надо...»

***

Никогда еще у Высоцкого не было своего дома, своего жилья. Все — углы, закуточки, в лучшем случае — съемные квартиры, гостиничные номера. А потому слушаешь его грустные слова — *«Как нас дома не грей...»* — и кажется, что он лукавил, и *«в холода»* его тянула не столько охота к перемене мест и любовь к кочевью, сколько гнетущее чувство неуюта, бесконечной беспризорности.

Когда на Малой Грузинской наконец завершился ремонт, Марина предложила не спешить ее обставлять. Завезли сначала только самое необходимое, с остальным решили повременить. В нашем доме все должно быть первоклассным! Но

с самодельным столом и деревенскими лавками на кухне все-таки смирилась.

Ах, как просится фраза — «в своем доме Высоцкий все делал своими руками». И тумбочки сколачивал, и табуретки, и рамочки для картин выпиливал, и краны чинил, и обои клеил, и окна стеклил, и прохудившуюся обувь ремонтировал, и разбившиеся чашки склеивал, и оконные рамы ошкуривал, и плов готовил.

Возможно, огорчу, но — нет. Не строгал, не пилил, не чинил, не стеклил, не готовил. И не пытался.

Алла Демидова вспоминала: «Прихожу... Дверь открывает Марина с дрелью в руках «Марина, — спрашиваю, — что вы делаете?» — «Привинчиваю в ванной шурупы». — «А Володя?» — «А Володя, как настоящий русский мужик, лежит на диване с книжкой».

Как же так? А вот так

Зато он гениально делал то, чего не умел больше никто на свете. Когда он пел Марине — он был для нее богом, а когда просто жил — был для нее мальчиком, мальчишкой в смысле ошибок, опыта, глупостей...

Однако некоторые их знакомые полагали, что в любви Марины к Высоцкому была своя корысть,

свой расчет. Питерская актриса Нина Ургант, партнерша Владимира по фильму «Я родом из детства», была уверена, что Марине «хотелось сделать Высоцкого ручным, домашним. Помню, как она самолетом везла из Франции ручки, задвижки, крючки, гвозди для их новой квартиры. Хотела свить с ним гнездышко. А он же принадлежал всем, не подчинялся никому...». Администратор Москонцерта Нина Обухова горько сетовала, что Влади «пыталась внушить ему ложный образ, стала для него кривым зеркалом. ...Загоняла его вконец: по 5 концертов в день играл человек Деньги на нее зарабатывал. Надорвался...». И уж совершенно неожиданно женскому хору «кумушек» подпевал Михаил Жванецкий: «Насчет Володи Высоцкого знаю одно: почти все в бытовом отношении добивалась для него Марина Влади. Она и квартиру в Москве выхлопотала, и в Париже через мэра пробилась к Брежневу, встретилась с ним и выбила-таки визу для Володи на свободный въезд-выезд. Это все Марина! Ей тоже нужно памятник ставить!»

Не уверен, что в «брачном контракте» Высоцкого и Влади, заверенном на небесах, значились подобные пункты. Была любовь. Она менялась, может быть, даже растворялась порой. Но эти

двое создавали такой удивительно красивый мир, который и пробуждал в соглядатаях не самые добрые мысли.

Лев Толстой считал, что человек есть дробь с числителем и знаменателем. Знаменатель — то, что он о себе думает, а числитель — то, что он собой представляет. И чем больше числитель, а скромнее знаменатель — тем больше дробь. Так вот, Володя и Марина вместе были две очень крупные дроби.

...Однажды Елочка Абдулова сообщила Марине, что наследники Александра Таирова и Алисы Коонен распродают мебель своих великих родственников. «Поехали, посмотрели, она нам очень понравилась, — говорила Марина. — Старинная, красивая, но не какая-то особенно ценная, просто эта мебель имела душу, не то что современная чепуха. Нам была она дорога еще и тем, что принадлежала людям театра...» Они выбрали красивое кресло темного дерева в стиле ампир, антикварный стол с многочисленными ящичками, который, по мнению Марины, был похож и на конторку, и на бюро. Она говорила, что будет сидеть в этом уютном кресле и слушать стихи, которые он напишет за этим письменным столом...

Где поставим стол? Сначала решили: к окну. Но Володю, вспоминала мама, почему-то угнетала видная издали разрушенная немецкая кирха, пострадавшая еще во время войны. Передвинули стол сперва к одной стене, потом к другой. Потом на стенах порядись крепкие, из толстых досок, книжные полки по примитивному рисунку-чертежику ответственного квартиросъемщика. Отдельная — для томиков с дарственными надписями авторов.

Их соседями по дому № 28 были известные, уважаемые люди, интеллектуальная элита столицы — кинорежиссеры Никита Михалков, Александр Митта, художник-график Виктор Щапов, фотомастер Валерий Нисанов, актриса Анастасия Вертинская, художники Виктор Чижиков (автор олимпийского Мишки), Эдуард Дробницкий... Но вот ведь какая незадача: поначалу некоторые позволяли себе посматривать на своего непутевого соседа как на придворного певца. Один из них, как-то устроив вечеринку, решил потешить гостей «угостить» Высоцким. Позвонил:

— Володь, а ну, попой! У нас тут, сам понимаешь...

Высоцкий, по словам Тамразова, побелел, кивнул и пошел к соседу. Там попросил хозяина на

минутку в коридор. Потом вернулся в комнату, сказал хозяйке, что ее муж чего-то там в ванной застрял, и, прощаясь, добавил: «Придет в себя, пусть заглянет...»

В те годы его популярность уже была фантастической. Художник Гриша Брускин рассказывал: «Подъезд осаждали безумицы, прибывающие из различных уголков необъятной нашей родины. Строгие Варвара Ивановна и тетя Надя (консьержки. — *Ю.С.*) в дом их не пускали. Девушки караулили часами на улице...» Другого соседа Валерия Нисанова поражала странная женщина, которая «регулярно, каждый день, к восьми утра появлялась в их подъезде, усаживалась на подоконнике и терпеливо ждала, когда же, наконец, выйдет ее кумир. Высоцкий ее ненавидел». Однажды, вспоминал Нисанов, подходя к подъезду, встречаю разгоряченного Высоцкого: «Еду в аэропорт за Мариной! Умоляю, убери эту гадину!» И показывает в сторону дома. У подъезда уже несколько дней сидела странная девушка и всем говорила: «Я Володина невеста. Он обещал на мне жениться...»

Владимир Семенович жаловался Бортнику: «Ну, опять... Эти сумашеччие!.. Ну что же делать?!.» Отшивал сплошь и рядом. Но они узнавали

адрес, проникали в дом, спали на лестничных площадках, а ночью часа в два-три звонили в дверь. Другие ждали до утра... Пять раз за пять лет на Малой Грузинской менял номер телефона... Какие-то дамы, которые подкупали консьержку, днем забирались на чердак, и часа в три ночи врывались в квартиру. Мы же ночные люди. Сидим, пьем чай, разговариваем — и вдруг звонок в дверь. Открываешь — безумные глаза...» Валерий Янклович знал одну дикарку, которая часами ждала Высоцкого у служебного входа театра, ничего не говорила, слава богу (*«настоящих буйных мало…»*), — не кидалась, только курила и внимательно-внимательно смотрела на кумира. Когда он появлялся дома — она уже была у подъезда. Ночами могла под окнами простаивать...

Поначалу влюбленный в свою долгожданную *«трехкомнатную камеру»,* Высоцкий вскоре возненавидел этот дом и стал называть «гадюшником». Мама говорила, что сын стал поговаривать об обмене на какой-то более тихий район. Мечтал сделать студию — пусть маленькую. Даже изучал, смотрел варианты обмена в одном из арбатских переулков. Посматривал на двухэтажный кирпичный розовый особняк на Сивцевом Вражке. Если с Бульварного кольца — второй слева. А

на чердаке — сделать бы студию! По-доброму завидовал художникам, на законных основаниях имевшим мастерские...

***

...Этого звонка он ждал с раннего утра. Ходил из комнаты в кошту и нетерпеливо посматривал на молчавший телефонный аппарат. И все равно, когда раздался звонок, вздрогнул:

— Петр, ты? Привет! Ну, как? Все в порядке?! Ты едешь мимо? Зайдешь? Нет? Все, я выхожу...

Вегин подрулил прямо к подъезду дома на Малой Грузинской и издалека помахал спешащему навстречу Высоцкому тремя книжками «День поэзии. 1975».

«Вместо приветствия, — вспоминал Петр, — он обнял меня и сказал, как в нашей ранней молодости:

— Старик, здорово размочили! И славно, что мы с тобой рядом печатаны!..»

Потом помчался в театр, хотя до вечернего спектакля была еще масса времени. Впрочем, кажется, сегодня была даже не его очередь. В гримерке никого не было.

«Я когда увидел его, — вспоминал Леонид Филатов, — чуть не расплакался. Он сидел, как ребенок,

как пацан: такой расслабленный, обалдевший. «День поэзии» лежал на столе и был раскрыт на его стихотворении. И он подходил — но не перечитывал! — брал так бережно, подносил к лицу, вдыхал запах бумаги, типографской краски и не мог надышаться... Это был действительно непередаваемый восторг!»

Ожидание длилось,
А проводы были недолги —
Пожелали друзья:
«В добрый путь! Чтобы все — без помех!»...

В том году редактором-составителем традиционного поэтического альманаха «Советского писателя» был Вегин, а руководителем редакционной коллегии Евгений Винокуров. Как член редколлегии Андрей Вознесенский предложил включить в сборник стихи Высоцкого. «Но Вознесенский, — вспоминал Вегин, — сомневался, что Винокуров пойдет на риск, хотя никакого реального риска не было. Привычка преувеличивать сложности у Вознесенского была связана с тем, что последующее преодоление этих сложностей работало на него, увеличивало его славу, авторитет..»

Так или иначе, но Высоцкий через Ахмадулину передал стихи Вегину. Правда, при окончательной верстке редактор «Дня поэзии» Карпова все же вырезала две строфы. Белла Ахатовна рассказывала, когда стихи «вышли в жутко исковерканном виде, при встрече Володя так посмотрел на меня... Не зло, нет, но было в его глазах такое страдание, что у меня слезы навернулись».

***

Высоцкий не уставал восхищаться шемякинской «маниакальной дотошностью». Вскоре после их знакомства Михаил специально приобрел самую совершенную аппаратуру — два «Ревокса», ка- кой-то уникальный микрофон и устроил у себя в мастерской настоящую студию звукозаписи. Даже окончил специальные курсы профессиональных звукооператоров. У него возникла идея — создать полное собрание сочинений Владимира Высоцкого в «чистовом», окончательном варианте. Поначалу к мысли Шемякина Владимир отнесся как к забаве, вполне объяснимому желанию парижского друга иметь под рукой качественные записи, полную коллекцию. Что, дома, в Союзе, такого не было? Еще сколько! Жаль, что заканчивались они обычно ничем.

Не так давно познакомили Владимира в Москве с неким Костей Мустафиди, представили как классного радиоинженера, фанатика электроники и страстного поклонника его песен. У Кости была самая совершенная аппаратура, о которой, говорят, даже Дом звукозаписи не мечтал. Он предложил Высоцкому сделать полный аудиоархив всех песен. Это было заманчиво, и они начали работу. Но вскоре предприимчивый Костя сообразил, что напал на золотую жилу и втихаря начал приторговывать этими записями Его личными записями! Узнав, Высоцкий прогнал Мустафиди с глаз долой. Предательство ненавидел. В любой форме.

Но здесь, у Шемякина, конечно, было другое. Пиратские записи русского шансонье в Париже вряд ли могли кого-либо прельстить, делать на них бизнес — смешно. Но сделать, в конце концов, канонические образцы, как стихи, опубликованные в книге, — нужно было обязательно. Начали пробы.

Марина на первых порах отнеслась к их занятиям прохладно, читала пустой тратой времени, праздным занятием. То, что предлагал Шемякин, все равно было любительством. Не тот уровень. Она привыкла ко всему подходить профессио-

онально. Тем более, Володиному творчеству Марина знала цену. Но не здесь. Париж нехотя принимал пришельцев.

Когда Владимир стал надолго пропадать из дома и заниматься черт знает чем в этой мастерской, просто взревновала мужа к Шемякину, заразившему его этой своей бредовой идеей. С таким трудом и с такими унижениями даются им эти редкие, словно ворованные, недолгие свидания, а тут этот...

«Каждую из песен Володя перепевал семь-восемь раз, добиваясь наибольшей выпуклости, выразительности, — рассказывал Шемякин. — Он обычно, уходя, если был доволен, говорил: «Да, вот здесь я уже остаюсь!» Гитара всегда хранилась у меня. Володя прилетал, и часто из аэропорта «Орли» ехал ко мне... Некоторые песни он писал в самолете и пел затем у меня... Володя просто ставил листки на мой мольберт, поскольку песня была только что записана, к он не мог еще запомнить текст...

Чтобы Володе создавать его вещи, ему нужно было быть абсолютно, предельно, четко трезвым — как хирургу, который делает Операцию на глазу: рука не имеет права дрогнуть — будет разрезан нерв — конец глазу. Володя выполнял эту

операцию с блеском; когда Володя творил, он был трезв. Все его творчество — это творчество одного из трезвейших и самых печальных аналитиков земли русской. Высоцкий — это человек, которого нужно понимать абсолютно по-другому... Он сделал то, чего до него не делал никто, синтез абсолютно бесшабашной русской души — с трезвым мышлением гениального философа. Володя был настоящим метафизиком в глубине души...»

Записи шли порой часами. «Иногда он выскакивал просто мокрым из студии, — вспоминал Шемякин. — Однажды Володя выбежал в коридор, я тоже вышел. «Ох, сейчас бы стакан ледяной водки с соленым огурцом!» — сказал Володя. Но он знал, что завтра снова запись, и стакан проплыл мимо...»

***

Никто из них даже не подозревал о том, что эти домашние записи в скором будущем станут столь же бесценны, как, скажем, рукописи классиков литературы.

Не только к Мише, но и вообще к большинству людей, приезжавших из Союза, и здесь, в Париже, пытались настичь Высоцкого, искали встреч и понапрасну отнимали время, Марина относилась

настороженно. И всячески стремилась оградить мужа от излишнего и обременительного, по ее мнению, общения с заезжими друзьями. Виктор Туров, например, смертельно обиделся, когда, будучи во Франции, набрал номер телефона Высоцкого, а трубку сняла Марина: «Витя, Володя спит, и я его будить не буду...»

Хотя подчас Высоцкий сам не спал и другим не давал. Ольб- рыхский рассказывал об одном вечере в старенькой квартире Марины в доме на улице Дюрок «Я попросил его спеть что-нибудь новенькое. Он тут же взял в руки гитару. Через несколько минут раздался стук в стенку: «Немедленно выключите магнитофон! Безобразие!» Марина пыталась объяснить соседям, что к ней приехал муж из России, но те стали кричать, что вызовут полицию. Будь они русскими, в гости бы напросились. А французы... да что тут говорить!..»

Теперь вот объявился Кирилл Ласкари, приехавший на гастроли с артистами ленинградского Малого оперного. И счастливый только от того, что он в Париже, был в полной уверенности, что этим он доставил и им безумное удовольствие. Но Владимир сказал, что это его друг и надо уделить ему внимание. Гостиница «Скраб», знаешь

такую? Поехали, найдем. Вскоре в номер Ласкари постучали:

— Кирка, привет. Одевайся. Мариночка внизу, в машине.

«За рулем Марина, я рядом, — млел Ласкари. — Володя обнял меня и сунул в карман рубахи пятисотфранковую купюру:

— Ни в чем себе не отказывай. На шмотки не трать. Ешь, пей, ходи в кино. Гуляй, рванина!

Утром я оказался в их доме. Они жили в районе Латинских кварталов на улице Руслей. В Володиной комнате на столе лежал томик Солженицына, листы исписанной бумаги, на стуле гитара. Марина принесла блюдо с сыром.

— Кириль, хочешь коньячка, армянского?

— Хочет, — за меня ответил Володя...

Показывая мне Париж, Володя хотел казаться человеком, чувствующим себя как рыба в воде. Он считал... что, прежде всего, црсно купить джинсовый костюм.

— Я знаю рядом американский магазинчик, там этого говна... И дешево.

Дома Марина ужаснулась нашему легкомыслию: тот подвал считался одним из самых дорогих модных магазинов...

Сходили на Пляс Пигаль посмотреть прости-

туток

— Хочешь прицениться?

— Нет, — твердо сказал я.

Володя подошел к одной, самой вульгарной и не самой молодой.

— Нахалка, — сказал, вернувшись, — цену заломила! Как три дары обуви. Я вот эти штиблеты второй год ношу, — обернулся в сторону проститутки, погрозил пальцем. — Совсем с ума сошла, фулюганка!..»

***

...Самолет приземлился в Софии на 15 минут раньше графика. Летчики почувствовали наше и ваше нетерпение», — пошутил Владимир, попав прямо у трапа в объятия известного местного журналиста и поэта Любена Георгиева. На вопросы налетевших журналистов отвечал коротко: «Тепло! Очень тепло и в воздухе, и в душах!» Потом артисты Таганки сидели в маленьком зале, ожидая багаж. А корреспондентка софийского радио все не могла угомониться: «Как долетели?» — «Нормально, только трясло немного». — Что?» — «Трясло. Это особенно отразилось на женщинах», — объяснил кто-то. — «Наши женщины по-трясены», — уточнял Высоцкий. Любен тут же

вручил гостю местные газеты «Народна армия» и «Студенческа трибуна» с переводом его стихов «На братских могилах» и «Он не вернулся из боя». «Впервые вижу свои произведения напечатанными», — признался Владимир.

Это были первые зарубежные гастроли театра, и означали выход на иную орбиту. Пусть Болгария, но это был уже международный уровень. «Пробивала» гастроли министр культуры, милая женщина Людмила, чья фамилия — Живкова — решала практически все вопросы. По ее просьбе отец, властитель Болгарии, 1-й секретарь ЦК партии Тодор Живков легко договорился с Москвой о приезде Таганки.

Когда в Софии отзвучали последние аккорды «Доброго человека» и вся сцена — от портала до портала — оказалась заваленной цветами, публика стояла и бисировала, а пионеры на улицах отдавали салют актерам, Зинаида Славина, открытая душа, сказала Высоцкому: «Ну вот, Володенька, теперь можно и умирать, так нас чествуют!» Он ответил: «Ну что ты, Зин, что ты — еще не вечер!» А потом поцеловал и попросил больше так никогда не говорить.

Позже, выступая на телевидении, после успешных представлений и в Варне, и Велико-Тырново,

и в Стара-Загоре, и в Пловдиве, Высоцкий говорил, что все здесь было «сверх ожиданий, потому что интерес был не только к спектаклям и нашему искусству, но и просто к людям... Ну, а зачем живем? Для того, чтобы новых людей видеть, новые места. Нам повезло...».

Действительно, в Болгарии он был нарасхват. После спектаклей Высоцкого тянули в компании, где он пел до утра, его портрет писала жена поэта Любомира Левчева художница Дора Бонева. Потом друзья устроили Владимиру полуподпольную запись для будущей пластинки. За музыкальной поддержкой он обратился к Виталию Шаповалову и Дмитрию Межевичу.

— Шапен, хочешь заработать левы?

— Хочу.

— Тогда ночью, после спектакля, едем на радио, запишем диск

— Да я ж не знаю всех твоих песен!

— Ладно, не знаешь! Разок послушаешь — и хорош.

— Работаем. Я начинаю, вы подхватываете. Дима, ты знаешь мои вещи, где какое вступление, давай! Поехали!

«Я, в основном, на басах играл, — вспоминал Шаповалов. — Писали подряд, и диск получился

чистым. Там в одном месте, когда записывали «В сон мне — желтые огни...», и я начинал бить жесткий ритм, он повернулся ко мне, и даже по записи это чувствуется, что он улыбается: ему нравится, что Шапен врубил свои основные мощности. Очень удачная запись, по-моему, получилась. Мне понравилось. Я еще думал: как же так? Обычно репетируют, дубли делают, а он — прямо так! Записано — пошли дальше... Записали очень быстро: приехали часов в одиннадцать, а в три-четыре уже закончили. Еще до утра было время... Тогда еще пошутил. «Володя, ну как же так ты такой махонький — и такие грандиозные стихи у тебя рождаются?!»

— Шапен, если б я играл на гитаре, как ты, я б вообще в театре не работал...»

Весь свой гонорар за будущую пластинку Высоцкий истратил щ дубленки для актрис театра

Правительственный банкет в Софии не обошелся без конфузов. Поэт Левчев (он оказался еще и чиновником — замминистра культуры) осторожно намекнул Высоцкому, который постоянно ходил в коричневой кожаной куртке, что неплохо бы переодеться. «Ты абсолютно прав, — ответил он. — Побегу переоденусь». Он очень быстро вернулся одетым... в черную кожаную

куртку. Но Тодор Живков на огрехи в этикете не обратил внимания, был оживлен, шутил и все просил Владимира спеть еще.

«...ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ РАССКАЗАЛИ?»

Он не ожидал, что работа над «Алисой» настолько затянется, Скачала маялся с песнями, для каждого героя нужно было подоврать свою интонацию, свою мелодию, но с тем, чтобы они вплетались в общую ткань дискоспектакля.

«Мы с Севой Абдуловым часто у него ночами сидели, когда он работал над «Алисой», — рассказывала актриса Ирина Печерникова. — Слушали музыку, трепались, пили джин с тоником, а Володя Сочинял. Иногда приносил листок: «Вот родилась строка». То было Замечательное, какое-то волшебное время. Каждый день я приходила на спектакли или сидела у него дома. Володя писал «Алису...», писал трудно, и я кожей ощущала, что я ему нужна... Может, я ему казалась похожей на Алису из страны чудес? Не знаю...»

Песни в «Алисе» — немногие из песен Высоцкого, где и композитор внес что-то свое, считал Олег Герасимов. Надо было гитарный аккомпанемент переводить в старинную английскую музыку, как-то разнообразить... Работа была в высшей

степени совместная... А потом начались мучения: никто не мог этого спеть. Потому что песни Высоцкого рассчитаны на Высоцкого! Он сказал: «Песню Попугая я обязательно буду петь сам, и «Королевский кроххей» тоже...» А женские партии? Перепробовали колоссальное количество исполнительниц — и драматических актрис, и профессиональных певиц, пока не нашли Клару Румянову, которая великолепно это сделала, причем легко, сразу и очень талантливо.

Олег Герасимов сожалел: «Пластинка ужасна своим жестким метражом, в который надо влезть. Приходится с кровью сердца ужиматься... Володя всегда приходил с гитарой, он ведь не читал стихи, а сразу пел готовую песню. Причем спорить с ним было бесполезно: он **ничего не менял**... Я ему доказывал, что «Где, например, волшебный рожок? Добрая фея куда улетела?..» не соответствует стилю Кэрролла, это скорее немецкая сказка... Не пошел ни на какие уступки. Какие-то сокращения — да, потому что это уже неизбежно... Он очень скромно реагировал, когда его хвалили, а когда ругали — не соглашался, отстаивал свое до конца. По-моему, даже когда понимал, что ошибся... Ни на какие компромиссы не шел. Говорил: лучше пусть песня совсем не пойдет. Не умел переделы-

вать и подгонять под чье-то желание. Но зато мог быть очень убедительным. На предварительные прослушивания мы его не звали. Но когда нужно было решить, годится исполнитель или нет, он был обязательно».

«Мы ее протаскивали, будто это боевик какой-то, — жаловался друзьям Высоцкий, и все повторял Кэрролла: «То, что происходит в действительности, — совсем не то, что происходит на самом деле».

Обычная смена записи — четыре часа, но группа никогда не укладывалась, всегда прихватывала лишний час-полтора. В один из вечеров особенно задержались, шел дубль за дублем. Все страшно устали. Только вернувшийся из Парижа Высоцкий был недоволен — и актерами, и аранжировками, и придирками режиссера. Все ругались, отстаивая свою правоту. Елена Лозинская, ответственный редактор «Мелодии», почувствовала: вот-вот грянет гроза. Она встала из-за пульта и вошла в студию: «Мальчики, я — Маргарита, и балы даю после полуночи, все едем ко мне!» Спорщики обалдело замолчали, засуетились и с готовностью стали собираться.

Лозинская накликала, вызвав дух Булгакова. Дверь студии оказалась заперта. Долго тарабани-

ли, пока не проснулся охранник и не выпустил страдальцев. На улице все набились в «мерс» Высоцкого, поехали на Дмитровское шоссе. Быстренько накрыли стол, и когда, рассказывала хозяйка, «Володя запел, никто не решался жевать, хотя все были безумно голодны. Мы забыли о голоде и жадно слушали... Это была незабываемая ночь. Володя пел почти до 5 часов утра... Все окна были распахнуты настежь. Но ни один сосед не постучал мне ночью в стенку. Все слушали Высоцкого...».

Владимир постоянно присутствовал на записи пластинки, старался не пропускать ни одной смены и ревностно следил за процессом, вмешиваясь только при необходимости. Герасимов рассчитывал, что Высоцкий сам споет максимальное количество своих песен, однако тот отказывался. Ему хотелось быть исключительно автором...

Наконец, работа была закончена. Худсовет «Мелодии», состоявший из хороших писателей и музыкантов, людей умных, тонких и добрых, с восторгом принял спектакль. Но была еще одна «инстанция» — коллегия Министерства культуры. И на ее заседании многоуважаемый специалист по детской литературе и искусству Наталья Сац обвинила «Мелодию» в том, что

она развращает детей чудовищными песнями Высоцкого.

Узнав о «приговоре», Лозинская позвонила Высоцкому: «Все, Володя, кранты!» Потом она рассказывала: «Он меня молча выслушал и сказал, чтобы я никуда не уходила и ждала его звонка. Жду. Наконец раздается его звонок, и Володя рассказывает все о своих действиях.

Оказывается, в то утро Белла Ахмадулина улетала в Париж. Володя... помчался в «Шереметьево». Он сказал, что «ухватил самолет буквально за хвост» и успел поговорить с Беллой. Он описал ей ситуацию и попросил что-нибудь придумать».

31 декабря со страниц «Литературки» Белла Ахмадулина поздравила читателей газеты скромной заметкой «Однажды в декабре»:

«Алиса опять и всегда в стране чудес, как в моем и вашем детстве. «Алиса в стране чудес» — вот еще один подарок — пластинка, выпущенная к Новому году фирмой «Мелодия», пришла ко мне новым волшебством. И как бы обновив в себе мое давнее детство, я снова предаюсь обаянию старой сказки, и помог мне в этом автор слов и мелодий песен к ней В. Высоцкий...»

Все! Существование «Алисы» было официально «залегендировано», и от этого факта уже никуда

было не деться. Хотя к тиражированию дисков еще даже не приступали.

После этого вся группа вновь собралась на квартире у Елены. Композитор Евгений Геворгян приволок деликатесы из министерского буфета, Герасимов — изысканный коньяк многолетней выдержки, Абдулов и звукорежиссер Эдик Шахназарян — фантастические вина. Хозяйка была горда тем, что ей удалось добыть гигантскую индейку. С опозданием появившийся Высоцкий потряс всех громадной кетой. Еще на пороге он, улыбаясь, сказал Лене: «Посмотри, какую рыбу я для тебя поймал!»

Было совсем уже поздно, когда хозяйка удалилась на кухню варить кофе. Внезапно у нее за спиной появился Высоцкий:

— Лен, давно уже хотел спросить тебя, как получилось, что на все мои заигрывания в течение трех лет ты никак не реагировала, просто не замечала?.. Как получилось, что ты устояла, одна из всех?

— Зато, Володенька, я тебя сохранила для себя навсегда...

Он подарил ей свою фотографию, надписал: «Дорогая Елена! Спасибо тебе за многое, да прости за все. С уважением и дружбой и с нежностью»

«ЖИЗНЬ ТЕКЕТ МЕЖ ПАЛЬЧИКОВ ПАУТИНКОЙ ТОНКОЮ...»

Подмостки актеров объединяют. Но они же и разъединяют, превращая вчерашних единомышленников, друзей в конкурентов и ревнивых соперников, амбициозных и самолюбивых. Тема для любого театрального коллектива болезненная, почти закрытая, а для Таганки — и вовсе табу.

Гениальный режиссер и педагог Юрий Петрович Любимов, создавая свой театр, утверждая «строй просвещенной монархии», потому и победил, что изначально проводил тотальную добровольно-принудительную коллективизацию умов и душ. На Таганской площади образовалась семья, род, племя, община.

Но с каждым новым сезоном у актеров первого любимовского призыва, «основоположников-кирпичей» стремление становиться *«краеугольным камнем в новом зданьи»* притуплялось. Ветшали воспоминания об артельной работе, заветам которых свято верил Высоцкий и наивно не мог понять, как это Хмель попытался посяг-

нуть на его Галилея, а в Золотухине шеф увидел его Гамлета?

А сам по-детски обижался: не дали Воланда в «Мастере» — не будет вам и Бездомного! Ну, простите, пропустил «10 дней», так сложились обстоятельства, но ведь есть же в театре готовый Керенский?!

Когда шеф привел на Таганку Юрия Трифонова и объявил о подготовке спектакля по его повести «Обмен», Высоцкий мягко отошел в сторону. Но сам автор его интересовал чрезвычайно. Трифонов писал о вещах простых, обыденных, но почему-то каждая его повесть задевала, тормошила, и журналы с его «Предварительными итогами», «Долгим прощанием», «Другой жизнью», тем же «Обменом» передавались из рук в руки. А ведь он вовсе не был трибуном, напротив — своей спокойной тональностью повествования как бы убаюкивал внимание тех, кто призван был «держать и не пущать», точнее — не допущать каверзных вопросов.

Владимир как-то не удержался и процитировал Юрию Валентиновичу своего Гамлета:

А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса...

Они сидели в темном зрительном зале. Шел прогон сцены из «Обмена». Шеф, как обычно, шумел, возмущался нерасторопностью помрежа, какими-то техническими неполадками... Пользуясь паузой, Трифонов заговорил о том, что в последнее время смотрит на повседневность под углом истории, и обронил многозначительную фразу: «Жизнь — такая система, где все загадочным образом и по какому-то высшему плану закольцовано, ничто не существует отдельно, в клочках, все тянется и тянется, переплетаясь одно с другим, не исчезая совсем...» Потом зашла речь о новом романе Трифонова «Дом на набережной», только что вышедшем в журнале «Дружба народов».

У Владимира неожиданно возникло желание поделиться: «Юрий Валентинович, а я сейчас тоже пишу роман». Трифонов удивился: «Вы, роман?», а потом внимательно посмотрел на Высоцкого и сказал: «Правильно делаете». Жена писателя Ольга Романовна рассказывала, что муж «любил Высоцкого, восхищался им. Для него он был всегда Владимиром Семеновичем, единственным человеком, которого он, не терпевший «брежневских» поцелуев, мог обнять и поцеловать при встрече...».

«Я пришел на Таганку на третьем году жизни театра, — рассказывал художник Давид Боровский. — Была атмосфера взаимной влюбленности — актеров в режиссера и режиссера в актеров. Была искренность и честность позиции: непозволительно играть на технике, всегда — на полной отдаче. Нерв, совесть и доброта были в интонациях Таганки. Театр был явлением страстным!.. Тень кризиса появилась над нами после счастливых десяти лет. Наверное, это свойственно любому театру, трудно выдержать испытание славой. Этому испытанию подвергался и театр, и Высоцкий. К тому времени многие уже состоялись как артисты, как личности и как художники.

Отношение в театре к Владимиру было и с любовью, и с ревностью, и со всем тем, что таит в себе театр. А еще конфликтность была в том, что Высоцкого любил Любимов. Юрий Петрович прощал Владимиру те слабости, которые другим он никогда не прощал».

***

Французский продюсер Москович довольно часто бывал в Союзе, дружил с актерами и режиссерами. И когда узнал, что Александр Митта собирается снимать картину «Арап Петра Ве-

ликого», почувствовал, что она может быть оригинальным проектом, вполне проходном на Западе. Попросил сценарий, а через месяц позвонил Митте:

— Американцам нравится! Гарри Белафонте будет играть главную роль. Ты не упал от счастья?

— Нет, эта роль написана для Высоцкого, — гордо ответил советский режиссер.

Московия этого и слышать не хотел. Он уже успел потратить много денег, заручиться согласием голливудской звезды. Приезжает в Москву и слышит:

— Обсуждаем все, кроме роли Арапа. Потому что тема фильма «поэт и царь», а не «русский и эфиоп».

— Ты идиот! Провинциальный придурок! Ты понимаешь, что фильм с Белафонте изменит всю твою жизнь? Решай немедленно!

— Это исказит всю тему фильма, — стоял на своем упрямый Александр Наумович. — Я хочу показать России поэта Высоцкого в этой роли.

— Да сунь ты в жопу свою тему и своего поэта! — осатанел продюсер. — Я тебя даю шанс вылезти из вашего дерьма! Страна кретинов! Я уже затратил 300 тысяч франков на эту затею!..

Потом возникла угроза от чиновников Госкино.

Режиссеру стали советовать попробовать на роль Ганнибала актера из Эфиопского национального театра. Чтобы отвязались, Митта позвал на пробу студента-эфиопа из Литинститута. Парнишка прибежал на студию с восторгом:

— Мне очень нужна эта роль!

— На кой? — поразился неожиданному напору режиссер.

— Если я сыграю нашего национального поэта, я стану богатым человеком.

— Вашего?

— Конечно! У нас в Аддис-Абебе каждый второй с виду вылитый Пушкин!

Пересказывая Владимиру все эти игры и коварные интриги, Александр Наумович донельзя заинтриговал Высоцкого, пробудил в нем актерский кураж. Однако забыл при этом, что Высоцкий это уже Высоцкий и что с ним далеко не все можно себе позволить.

В разгар съемок Владимир писал Шемякину: «...Много суечусь не по творчеству, к сожалению, а по всяким бытовым делам, своим и чужим. Поэтому бывают у меня совсем уже мрачные минуты и настроения, пишу мало, играю в кино без особого интереса; видно, уже надоело прикидываться, а самовыражаться могу только в стихах, песнях и

вообще писании, да на это — самое главное — и времени как раз не хватает. Только во сне вижу часто, что сижу за столом, и лист передо мной, и все складно выходит — в рифму, зло, отчаянно и смешно. Но решил я: закончу вскоре самую необходимую суету — и все побоку, постараюсь делать только свое дело...»

«У меня особые счеты с «Арапом», — говорил он, — потому что я собирался сниматься совсем в другом кино, а меня втравили в эту авантюру, сделали какую-то полуоперетту. Все было значительно серьезнее и любопытней. Хотя фильм, в общем-то, все-таки сделан достойно и на общем фоне он выделялся...»

Правда, Митта во всем винил цензуру и дирекцию «Мосфильма». Он говорил, что «Царя Петра» начали трепать редакторы, и фильм из трагикомедии о том, как власть и интеллигенция, царь и поэт по-своему любят родину, превратился в незамысловатую комедию. Даже пушкинское — «Арап Петра Великого» — отвергли: много чести. Сами придумали название, длинное, как забор, — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

Однако же Митта сам решил песни Высоцкого не брать. Счел бессмысленным, мол, все равно выкинут. Знал: «Володя был очень деликатный

человек, ничего мне не сказал, хотя и был сильно огорчен...»

***

Как всякий талантливый человек, Любимов обладал потрясающей интуицией и понимал, что в его театре зреет внутреннее недовольство. Кто-то приволок стенограмму заседания коллегии Управления культуры двухгодичной давности, где Юрий Петрович откровенно говорил о взаимоотношениях режиссера с актерами. Дошли слухи, что они зачитывали его тезисы и комментировали.

«Сейчас актеры не достигают замыслов режиссеров даже в спектаклях, которые являются шедеврами. Почему Уланову не унижает то, что балетмейстер ставит каждое движение? Почему актер говорит, что ему неловко, это все не так, дух его закрепощен? А сам говорит плохо, двигается плохо, потом бежит в кино, на телевидение, и там ему все удобно.

Система понята превратно. Она превращается в догму. Все забыли завет Станиславского — каждые пять лет переучиваться. Надо пристально посмотреть, почему Станиславский уходил из театра. Здесь говорили, что Ливанов «зачах» в

театре. Над ним не было руки. Актер не может без руки режиссера. Появляется актер, подает надежды, а через три года мне на него смотреть тошно. Я считаю, что драматический театр должен быть так же поставлен, как ставит балет хороший балетмейстер...»

— Поняли? Идеал шефа — театр марионеток. Повернуться только так, посмотреть только эдак... Шагнуть сюда, сесть здесь...

— Ребята, вы не правы. Нельзя так категорично. Он же на репетициях от каждого из нас требует идей, предложений — от костюма до походки, — запротестовал было Высоцкий. — Есть новая песня, тащи! Интермедия — давай! Разве не так?

— Ну да, так, а потом делает все по-своему..

Хорошо. Хотите воли? Попробуем. Высоцкий ходит и просит: «Спектакль сделайте! Мне! Мне одному» — пожалуйста, попробуем сделать спектакль по его песням.

Любимов предчувствовал сложности — и с автором, и с «проходимостью» представления, и со сценическим воплощением этой необычной поэзии. Но, с другой стороны, понимал: аншлаги гарантированы. А с третьей... это была беспроигрышная возможность окончательно и накрепко привязать Высоцкого к театру, к репертуару.

«Идея конструктивного решения была такова, — говорил Давид Боровский, — «казенный дом и дальняя дорога». Ведь у Владимира огромное количество персонажей — как бы случайных попутчиков, колесящих по дорогам России. А в дороге люди бывают откровенными. Мы хотели использовать его способность перевоплощаться в бесконечных своих персонажей. А еще этот мотив — дороги и постоянное движение — давал возможность создавать ритм, и внутренний, и визуальный. Макет представлял собой двухэтажные качающиеся нары, полки вагона или бани. Были сделаны декорации, они передавали ритм движения, ритм дороги. Владимир считал, что если удастся сделать этот спектакль, то его творчество получит «права гражданства».

Работа была внеплановой, а потому существовала еще одна проблема. Нужны были рабочие сцены, осветители, монтировщики. А это, считал Любимов, особый народ, то запьют, то не придут, вольная орда, кочевая... Но они в свое свободное от работы время приходили, потому что их просил Володя. Он умел просить...

А потом плюнул на все и уехал. Ему вдруг расхотелось. Может быть, почувствовал, что не нужно ему это. Он и так выйдет на сцену с гитарой и все

исполнит. И не надо ему никакого театрального хода. Чтобы петь, ему достаточно — он, люди и гитара.

Спустя некоторое время, идея спектакля «Песни Владимира Высоцкого» частично трансформировалась в представление «В поисках жанра», которое поначалу окрестили «Срезки».

Все произошло спонтанно, но не неожиданно. Внезапно, перед самым спектаклем, когда зрители уже были в зале, заболела Зинаида Славина. Отмена была непозволительна, на смену декораций для другого спектакля ушло бы часа полтора-два, то есть завтра был бы скандал на всю Москву! И тогда на сцену вышел Любимов: «Чтобы не отменять спектакль, мы предлагаем вам наш импровизированный концерт». А перед этим позвонил Владимиру, который, к счастью, оказался дома...

На сцене появились Высоцкий, Золотухин, Филатов, Дмитрий Межевич и показали каждый, кто во что горазд. Зрителям понравилось, а у некоторых актеров даже закралось подозрение, что их шеф (пусть это звучит кощунственно) все заранее срежиссировал. Потом это повторилось еще раз, и Высоцкий с Любимовым уже договорились о форме спектакля. Как говорил Смехов,

шеф решил отхожий промысел актеров — концерты, встречи со зрителями и тому подобное — обратить в профессиональную работу под эгидой Таганки. Владимир выходил, пел «Мы вращаем землю» и все выходили на сцену. Но и композиция, и состав исполнителей менялись в зависимости от обстоятельств.

«ДВЕ СУДЬБЫ МОИ - КРИВАЯ ДА НЕЛЕГКАЯ...»

Перед очередной поездкой во Францию Высоцкий пошел на откровенный разговор с Золотухиным по поводу Гамлета:

— Я уйду из театра. В день твоей премьеры я уйду из театра. Вечером позвонила Марина. Уточняла сроки приезда, подробно говорила о своих делах — дети, съемки, планы на лето и так далее. Мимоходом сказала, что во Франции все только и говорят о приезде известного буддиста, учителя самого Далай-Ламы. Приедешь в Париж, он примет тебя. Хочешь, Мишку тоже возьмем...

Самые близкие друзья понимали, что Марина для Высоцкого была планкой, ниже которой он при ней не мог опуститься. Вначале к его алкогольной болезни она относилась терпимо. Думала, что это можно вылечить, что все это как-то само собой пройдет, что ситуацию можно контролировать. Ведь был же эффект — когда Марина приезжала, он прекращал пить.

Высоцкий убеждал себя и других в том, что это не болезнь, что это просто ему необходимо

для жизни и творчества, что он в любой момент может это сам прекратить. Но только тогда, когда он осознавал, что уже физиологически может наступить конец — тогда он просил, чтобы его отвезли в какую-нибудь больницу, где врачи пытались ему помочь. Иногда помогали.

Марина решила попробовать другой метод.

«Однажды поздним вечером в дверь моей парижской квартиры позвонили, — рассказывал Шемякин. — Открываю — на пороге Володя и Марина. Я очень удивился. Не визиту — это дело обычное, а наряду Володи — вместо обычной джинсовой пары — черный отутюженный костюм с галстуком. Марина тоже вся в черном.

Я молчу вопросительно. Володя говорит: «Птичка, собирайся и быстрее!» Я начал спрашивать, куда, зачем...

— Собирайся!

И через некоторое время мы мчались в машине на окраину Парижа. Остановились у загородного особняка. Марина куда- то отошла, и тут Володя шепнул: «Сейчас будем от выпивки лечиться!»

— У кого?

— У учителя Далай-Ламы.

Володя мне подмигивает, как всегда, лукаво и весело, но вид довольно растерянный.

Входим в ярко освещенную залу. В углу под разноцветным шелковым балдахином восседает старичок. Сам маленький, глазки веселые, плутоватые... Подходит наша очередь. Как-то неудобно занятого человека отвлекать такими пустяками, тут загробные дела, душа, а мы... Наконец, Володя просит; «Ты, Мариночка, скажи, что у нас проблема... ну, так сказать, водочная... Ну, алкоголь... Объясни ему».

Старик вдруг заулыбался и жестами к себе подозвал и рассказал притчу:

«Юный монах проходил мимо дома вдовы, которая заманила его к себе и заперла:

— Я не выпущу тебя, пока ты не выполнишь одно из моих желаний: или проведешь со мной ночь, или выпьешь вина, или же убьешь мою козу, — сказала она ему.

Ошеломленный монах не знал, что ответить. Дав обет целомудрия, он не мог исполнить ее первое желание. Дав обет трезвости, не мог прикасаться к вину. И уж тем более не мог посягать на чью бы то ни было жизнь. Но надо было выбирать. И монах решил, что вино — наименьший из грехов.

Гуру лукаво улыбнулся и закончил рассказ:

— Он выпил вина, потом согрешил с женщи-

ной, а затем убил ее козу».

Потом лама подмигнул, указал на маленький серебряный бокальчик и что-то сказал. Марина нехотя перевела: «А все-таки иногда выпить рюмочку водки — это так приятно для души!»

Лама порвал на полоски желтый шелковый платок и повязал их на шеи Владимира и Шемякина:

— Идите, я буду за вас молиться...»

На этот раз свои парижские каникулы Высоцкий решил сделать командировкой, а не праздным времяпрепровождением. Он прекрасно понимал, что здесь у него нет реальных шансов сниматься в кино, а тем более, в театре из-за языкового барьера. Впрочем, на сцену его и не тянуло, таганской с головой хватало. Оба Мишки — что Шемякин, что Барышников — хитрецы, вовремя сообразили, как жить в искусстве. А ты? *«...Нужные книжки ты в детстве читал»?*

Поэзия **непереводима**. А песни? Нужно попробовать.

Еще в прошлом году они с Мариной начали подыскивать в Париже профессиональных музыкантов, говорящих по-русски. А лучше всего, чтобы русскоговорящим был аранжировщик. Но при этом Владимир выдвигал еще одно усло-

вие; этот человек не должен был быть русским. Чтобы его потом не обвинили, что он работает с русскими эмигрантами или потомками белогвардейцев.

Так получилось, что три-четыре человека, к которым они обратились, назвали имя Кости Казанского.

«Я работал с Алешей Димитриевичем, — рассказывал музыкант, — и была какая-то частная вечеринка в честь американского художника... Там была Марина Влади с каким-то молодым парнем. Мы спели пару песен, и Димитриевич говорит: «Вот, познакомься: Валентин». Он перепутал... И я с каким-то Валентином говорил 10—15 минут. Я не думал, что это Высоцкий. Но я слышал уже о нем. Мне казалось, что Высоцкий должен был быть старше, высоким и много повидавшим человеком...»

Костя Казанский, экс-звезда болгарской эстрады, к тому времени уже пять лет жил в Париже. После долгих мытарств прибился к русским эмигрантам, выступал с ними как гитарист. Разумеется, Казанский обрадовался возможности поработать с Владимиром Высоцким.

Вот его, несколько рваный, монолог

«Мы записали с ним три пластинки. Первая

была двойная — для фирмы «Chants du monde», известной своими коммунистическими пристрастиями. Раньше она уже выпустила диск Окуджавы. Теперь предложили Высоцкому. Но советская сторона разрешила Высоцкому записать только три песни, а вместо остальных предложила ранее уже сделанные в Союзе. Володе эта идея не понравилась. Он сказал: «Они хотят, чтобы были военные песни. Ладно, будут, но записывать мы их будем в Париже». Тогда мы записали еще 10 или 11 песен. Работа шла очень хорошо, потому что оказалось, что у нас были очень сходные подходы... Продюсеры менялись, а он всегда просил, чтобы аранжировщик был я.

Получилось так, что он в Париже себе создал семью. Его приглашали, конечно, повсюду. Но он сам выбирал, куда идти, с кем быть, сколько времени оставаться. У него были 2—3 дома в Париже, в которые он всегда приходил, знал, что может прийти спать, есть, смотреть телевизор, как у себя дома. Это — Марина, но она жила за городом. Потом они сняли квартиру моего дяди. Миша Шемякин. Потом у нас дома. У Таньки, сестры Марины. Он там себя чувствовал очень хорошо. Париж, каким он его себе сам создал, был отдыхом невероятным...»

Однажды Шемякин повел Высоцкого на встречу со знаменитым виолончелистом Мстиславом Ростроповичем. Маэстро принял гостей в своих фешенебельных апартаментах на авеню Фош. Хозяйка дома, Галина Вишневская, слава богу, отсутствовала, никто не мог помешать нормальному мужскому общению... Мешал сам Ростропович. Мэтр не говорил ни о творчестве, ни о музыке. Он хвалился своими орденами и медалями, высыпав их прямо на стол: «Вот это — от английской королевы... это — от президента... это — от принца Монако...» Когда друзья распрощались и вышли на улицу, Высоцкий схватился за голову: «И это — Ростропович?!» Он был поражен такой буффонадой.

— А что ты хотел, Володя?! Забавы гениев. Уважает Слава славу и голубую кровь. Ты, кстати, со мной тоже не очень-то... Мы, как никак, из дворян.

— Что-то я о графьях Шемякиных никогда не слыхал.

— И правильно! Мы — Кардановы!

— То есть?

— Карданы, чтоб ты знал, это старинный род кабардинских князей. В России Кардановы служили при дворе Ивана Грозного, а в Италии в XVI

веке Джеромо Кардано изобрел карданный вал...

— А Пьеру Кардену ты случаем не родственник?

— Очень даже может быть.

— Извиняйте, товарищ мсье шевалье, фон дер Кардан!

— Шути-шути. Ну что, поехали в «Распутин» к Димитриевичу?.. Или — ну его? Ты уже решил, когда летишь в Москву?

— Двадцать четвертого.

«Когда он бывал у меня, — рассказывал Шемякин, — то отгораживал диван стульями, обкладывался книгами со всех сторон и мог так сидеть часами. Самым любимым занятием было — сидеть в тишине, разбирать репродукции, марки... Он открыл у меня Сутина.

— Что это за странный художник, который пишет туши?

— Ты что? Это же наш соотечественник, Сутин! Гений!

Через пять минут Володя был большим поклонником Сутина, чем я...»

Кончал палач — дела его ужасны,
А дальше те, кто гаже, ниже, плоше,
Таскали жертвы после гильотины:

Безглазны, безголовы и безгласны
И, кажется, бессутны тушеноши, —
Как бы катками вмяты в суть картины.

В то время Владимир был особенно грустен, иногда зол, когда не мог избавиться от «зеленого змия», который вцепился ему в холку. «Мы с ним вместе подшивались, — рассказывал Михаил Шемякин, — поскольку я сам страдал запоями, и Марина, ожидая его и нервничая у телефона, тоже стала спиваться. Она подшивалась у того же врача...»

Переполнявшие Высоцкого мучения и горькие мысли в конце концов вылились в трагическую песню о судьбе — кривой и нелегкой. Подтолкнул к ней разговор с Шемякиным о выставке психически больных детей, которую устроила ЮНЕСКО. На обложке проспекта было фото больной девочки с крупной надписью: «Когда я рисую, страхи исчезают...».

Огляделся — лодка рядом,
А за мною по корягам, дико охая,
Припустились, подвывая,
Две судьбы мои — Кривая да Нелегкая.

Греб до умопомраченья,

Правил против ли теченья, на стремнину ли, —

А Нелегкая с Кривою

От досады, с перепою так и сгинули.

Почти полгода эта песня помогала ему удерживаться от запоев...

Заманчиво списать все беды, преследовавшие Высоцкого, на безжалостное и бездушное государство, дурное общество. Но ему было плохо по разным причинам, и по этой, в частности, тоже. Но главный его конфликт жил внутри него. В конце концов, в Европе и Америке он пьянствовал, дебоширил и впадал в отчаяние не меньше, чем дома. Он нес свою трагедию в собственной душе. И в его стихах последних лет все это есть: и тоска, и раскаяние, и почти ежедневное прощание с жизнью. Но нет жалоб на чью-то несправедливость. Внутренне он был абсолютно свободным человеком, и лучшие свои стихи и песни написал в условиях страшной несвободы. В них не было проклятий в адрес власти, бюрократии... В его необычных музыкально-поэтических новеллах всегда анализировались какие-то очень личностно важные движения человеческой души.

«ПРО ВСЕ ПИСАТЬ - НЕ ВЫДЕРЖИТ БУМАГА...»

— Володь, ты наш списочек помнишь? — Туманов помахал зажатыми в кулаке листками бумаги.

— Какой еще списочек? — удивился Высоцкий.

— Да тот самый, «черный». «Врагов народа»!

— А-а, забыл уже. Ты что, его сохранил?

— Ну, а как же! Так вот, Вовка, я тебя в него занесу! Если ты опять «спрыгнешь» и не поедешь со мной в Сибирь, понял? Под третьим номером!

— Почему под третьим?

— А ты вспомни, сколько лет ты уже к нам собираешься! Ровно три года!

...Когда Вадиму Ивановичу представили Высоцкого, бывалый старатель немного растерялся: он никак не мог воссоединить этого щуплого, скромного, спокойного мужика с ревущим рыком певца, который у них, на бодайбинских приисках, надрывался на магнитофонах чуть ли не в каждом полевом вагончике. «Помню, — рассказывал Туманов, — как он смеялся, когда я сказал, что, слыша его песни, поражаясь их интонациям, мне

хорошо знакомым, был уверен, что этот парень отсидел срок..»

— Вадим Иванович... — начал было Высоцкий.

— Постой, давай на «ты».

— Давай, мне так тоже проще. Да, я вот о чем хотел спросить. Ганди говорил, что всякий приличный человек должен посидеть в тюрьме...

— Ты меня извини, Володь, но твой Ганди чушь спорол: человек вообще не должен сидеть.

Туманов никогда и ни от кого не скрывал «темные пятна» своей биографии. Служил на флоте. Повздорил со старшиной-политруком. И тот, нарвавшись на сокрушительный удар матроса-салажонка, в падении порвал портрет товарища Сталина. Те, кому положено, стали разбираться (не политрука же сажать), и при обыске нашли у Туманова ко всем прочим грехам пластинки запрещенных Вертинского и Лещенко, сборник Есенина. В общем, припаяли знаменитую 58-ю статью — «антисоветская агитация и пропаганда». За побег из лагеря навесили еще «четвертак». И получилось, как в песне:

А мы пошли за так, на четвертак, за ради Бога,

В обход и напролом, и просто пылью

по лучу...

К каким порогам приведет дорога?

В какую пропасть напоследок прокричу?

Хотя, скорее, наоборот. Сперва был *«побег на рывок»*, и о нем уже была песня.

Невыдуманные рассказы Туманова для Высоцкого были неистощимым золотым прииском. Но главное, что привлекало, — личность этого матерого, несгибаемого мужика, лучшего золотоискателя Сибири, которого в 1956-м освободили подчистую.

Они встречались всякий раз, когда Вадим приезжал в Москву. Или на Ленинградском проспекте, где у Туманова была квартира, или на Малой Грузинской, где беседы продолжались до утра. «Как- то, — рассказывал Вадим Иванович, — мы пришли к нему, он включил телевизор — выступал обозреватель Юрий Жуков. Из кучи писем брал листок «А вот гражданка Иванова из колхоза «Светлый путь» пишет...» Затем — второй конверт: «Ей отвечает рабочий Петров...» Володя постоял, посмотрел: «Слушай, где этих... выкапывают?! Ты посмотри, ведь все фальшивое, мерзостью несет!»

Предложил: «Слушай, давай напишем по сто человек, кто нам неприятен». Мы разошлись по разным комнатам... Шестьдесят или семьдесят фамилий у нас совпали. Наверное, так получилось оттого, что многое уже было переговорено. В списках наших было множество политических деятелей: Гитлер, Каддафи, Кастро, Ким Ир Сен, только что пришедший к власти Хомейни... Попал в список и Ленин. Попали также люди, в какой-то степени случайные, мелькавшие в эти дни на экране. Что интересно — и у него, и у меня четвертым стоял Мао Цзэдун, четырнадцатым — Дин Рид...»

Это было как тест на определение группы крови. Она у Высоцкого и Туманова оказалась одинаковая.

— ...Ну что, звоним в Иркутск? — спросил Туманов.

— Давай!

— Так, Леня, записывай номер рейса, — прокричал Вадим в трубку далекому невидимому собеседнику. — Встречай!..

После изысканного Монмартра оказаться на берегу Байкала — такое представить сложно. А вот осуществить, — вполне реально. Только Вадиму под силу было организовать такую поездку,

чтобы успеть побывать везде: и на старательских участках, и в замечательной Никольской церкви в Листвянке, и на станции Зима, и на Кутулукском тракте, но главное — повстречаться с таким количеством интереснейших людей, которых собрал вокруг себя Туманов и заставил поверить, что они тоже люди, и внушить каждому: хочешь жить достойно, по-человечески, работай до седьмого пота. Девять месяцев в году без выходных, по 12 часов в сутки. Старайся, старатель!

«Эти люди нужны мне больше, чем я им», — сказал на прощанье в Бодайбинском аэропорту Высоцкий обо всех своих новых знакомых. Может быть, предложить Туманову составить новый список, «белый»?..

Еще до поездки в Сибирь, наслушавшись рассказов Туманова, у Высоцкого возникла шальная мысль сделать фильм о лагерной Колыме. Проехаться с кинокамерой от Магадана до Индигирки. Всех уверял: западные продюсеры с руками оторвут, вернее, озолотят. Потом в Иркутске предложил местному журналисту Мончинскому, опекавшему по поручению Туманова Высоцкого, вчерне набросать общую канву сценария, добавить местного колорита. Журналист, далекий от специфики кино, стал убеждать именитого

московского гостя, что лучше написать роман. А там, глядишь, и сценарий можно. По словам Мончинского, сразу после поездки Высоцкого по приискам, они принялись за работу. Но, думаю, никак не бумажную. Тем более, журналист сам потом говорил, что замечательный актер «абсолютно точно проигрывал будущие сцены в лицах, показывал характеры, как он их понимал. Когда он размышлял о психологии уголовного авторитета или охранника, при этом изображал их, я действительно проникался всем. Но работать над романом в полную силу Володя не мог: мешали постоянные гастрольные поездки, занятость в театре и кино...»

Правда, Евгений Александрович Евтушенко говорил, что Высоцкий именно ему предлагал написать сценарий про Туманова, чтобы в Америке это поставить и чтобы он сыграл. Говорил при этом: «Ты хорошо знаешь Вадима, ты его чувствуешь...»

***

«С середины 70-х он жил отдельной жизнью, — замечала Алла Демидова — А некоторые, может быть... не завидовали, но относились, может быть, несколько скептически к его такой обособленной

жизни... Многие его воспринимали ревностно, не замечая масштаб и другой путь его».

Да и сама Алла Сергеевна, как и другие «кирпичи», за истекшее десятилетие основательно изменилась, повзрослела и стала понимать, что Таганка, начинавшаяся как «театр улиц», уже уходит. Демидова поделилась своими сомнениями с Высоцким и нашла в нем единомышленника. Их желания — сделать камерный спектакль для двоих — счастливо совпали. Сначала была попытка сделать инсценировку по дневникам Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. Но дальше разговоров дело не пошло. Позже Высоцкий занялся поисками малоизвестных пьес зарубежных авторов, но безуспешно.

Когда Демидова поделилась своими творческими проблемами с авторитетным театроведом и переводчиком Виталием Вульфом, тот сразу предложил ей подумать о пьесе Теннесси Уильямса «Крик, или Игра для двоих». «И мы, — рассказывала Алла Сергеевна, — пришли с Высоцким к Вульфу читать пьесу. Понравилась. В пьесе два действующих лица- режиссер спектакля, который ставит пьесу и сам же играет в ней, и сестра режиссера — уставшая, талантливая актриса, употребляющая (по предположению Высоцко-

го) наркотики, чтобы вытаскивать из себя ту энергию, которая в человеке хотя и заложена, но генетически спит и только в экстремальных ситуациях, направленная в русло, предположим, творчества, приносит неожиданные результаты...

По композиции пьеса делилась на три части: 1-й акт — трудное вхождение в работу, в другую реальность, когда все существо твое цепляется за привычное, обжитое, и нужно огромное волевое усилие, чтобы оторваться от всего этого и начать играть; 2-й акт — разные варианты «игры» (причем зритель так запутывался бы в этих вариантах, что не смог бы отличить правду от вымысла), и, наконец, 3-й акт — опустошение после работы, физическая усталость, разочарование в жизни, человеческих отношениях и рутинное состояние театра (сестра погибает от наркотиков и непосильной ноши таланта...).

Перевод Вульфа утвердили в министерстве культуры и сделали пометку о том, что пьеса предназначена для Демидовой и Высоцкого. Поэтому они не торопились с постановкой — куда спешить? Ведь она и так наша. Да и некогда было...

Когда речь зашла о режиссере, Владимир ре-

шил, что им должен стать сам автор пьесы.

Хотя Вульф и понимал, что это было совершенно нереально, тем не менее сказал: «Очень хорошо. Я с ним незнаком. Он никогда в России не был. Но у меня есть его телефон, есть его американский адрес. Будете в Америке — позвоните».

А пока они продолжили самостоятельные репетиции.

«И ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ ПРЕДО МНОЙ РАССТЕЛИЛИ ДОРОГИ...»

— ...Марин, ты только посмотри, у меня такое впечатление, будто перед нами живые Блохин с Буряком! А? — под куполом громадного монреальского супермаркета раздался знакомый голос

Ребята, не веря своим ушам, оглянулись по сторонам и, только подняв головы, увидели стоящего над ними на лестнице Владимира Высоцкого, а рядом с ним — нет, это — наваждение! — была Марина Влади. Быть того не может!

— Может, может, — успокоил растерявшихся олимпийцев Высоцкий. — Привет, Олег! Здорово, Леня! Знакомьтесь, моя жена... Мариночка, а это наши футбольные звезды. Олег, между прочим, обладатель «Золотого мяча» как лучший футболист Европы... Вы уже как, справились?

— В общем-то, да, — сказал Блохин, который первым пришел в себя от неожиданной встречи.

— Тогда вперед!

На улице они заглянули в первое попавшееся кафе. Заказали бутылку русской водки. Высоцкий уточнил: «Вы как?» — «А, — махнул рукой Буряк,

— уже все, что можно на Олимпиаде, мы проиграли!» Посидели, поболтали, вспомнили общих московских и киевских знакомых. «Потом, — рассказывал Блохин, — Володя спросил, можно ли нас украсть на несколько часов. Спустя полчаса мы приехали в симпатичный двухэтажный дом, ключи от которого оставили Марине и Володе уехавшие в Париж друзья».

Пользуясь отсутствием хозяев, Владимир с Мариной приняли гостей по-московски, с размахом. «У Лени накануне был день рождения, — вспоминал Олег Блохин, — и мы, смущаясь, конечно, попросили записать кассету на память. Под рукой кассеты не оказалось, и Высоцкий пошел по дому, нашел чистую... и стал петь. У него было прекрасное настроение, он смеялся, шутил... Мы обменялись адресами и телефонами... К 22.30 нам нужно было вернуться. Володя и Марина вышли и посадили нас на такси...»

Маринина подруга Диана Дюфрен, в доме которой они остановились, перед своим отъездом успела познакомить их со всеми «нужными людьми» и передала Владимира и Марину с рук на руки Жилю Тальбо. Тот, послушав Высоцкого, прикинул финансовые риски и предложил записать диск. Окрыленный неслыханной опера-

тивностью, Высоцкий тут же начал думать о том, кто может сделать аранжировку, искал варианты оформления обложки, созвонился с Максимом ле Форестье и попросил его написать предисловие к пластинке. Потом Жиль повез их к звукоинженеру Андре Перье, «лучшему уху американского континента». В его студии Владимир записал отобранные вместе с Мариной песни.

Легкомысленное, но удивительно приятное канадское путешествие лишь в самом конце было несколько омрачено. У одного из отелей они случайно увидели звезду Голливуда, самого Чарльза Бронсона. Володя упросил Марину: «Познакомь...» Марина подошла к американцу: «Вот русский актер, очень известный, хотел бы с вами познакомиться». Бронсон даже слушать не стал, отмахнулся: «1Ъу эвэй!» — «Ну и хрен с тобой, — сказал, глядя на него в упор, Владимир. — Приедешь в Москву, я тоже с тобой знакомиться не захочу».

В Канаде наши путешественники оказались после кратковременного пребывания в Штатах. Пока летели, Высоцкий был в прекрасном расположении духа, развлекался, вспоминая рассказ О'Генри «Вождь краснокожих»: «Держи его крепче, тогда я успею добежать до канадской

границы!» Марина громко хохотала, смущая соседей по салону. А Владимир все не унимался и тихонько, на ухо, напевал ей:

Пили мы — мне спирт в аорту проникал, —
Я весь путь к аэропорту проикал.
К трапу я, а сзади в спину — будто лай:
«На кого ж ты нас, покинул, Николай!»

В Нью-Йорке они жили у Миши Барышникова, который собирался в Европу, «Желтого дьявола» в городе они так и не нашли. Зато их нашли телевизионщики компании Си-Би-ЭС и пригласили принять участие в программе «60 минут». Соглашайся, советовали новые американские знакомые, передача популярная, там работают нормальные, цивилизованные люди. Споешь несколько песен, тебя узнает Америка. Это шанс! Чего ты боишься?

— Да ничего я не боюсь!

Ведущий Дан Ратгер был доброжелателен и обаятелен. Обсудили, какие песни хотел бы спеть Высоцкий, о чем они. Остановились на трех — «Я не люблю», «Уходим под воду» и «Утренняя гимнастика». Самый острый вопрос прозвучал в конце интервью: «Может быть, это не так, но мне

кажется, кое-кто в СССР беспокоится, вернетесь ли вы обратно. Я не ошибаюсь?»

— Ну почему?! — запротестовал Высоцкий. — Ну что вы! Я уезжаю уже четвертый или пятый раз, и всегда возвращаюсь. Это смешно! Если бы я был человеком, которого боятся выпускать из страны, так это было бы совершенно другое интервью. Я спокойно сижу перед вами, спокойно отвечаю на ваши вопросы. Я люблю свою страну и не хочу причинять ей вред. И не причиню никогда...

Когда прощались, Владимир поинтересовался, когда эфир. «О, точно сказать трудно, — напыжился Раттер. — У передачи очень высокий рейтинг, мы делаем интервью впрок, гости программы стоят в очереди. Вам ведь хорошо знакомо такое понятие «очередь»?» — «Конечно». — «Мы постараемся вам сообщить, может быть, через ваших друзей, когда передача выйдет в эфир».

Ждать пришлось полгода. «60 минут» с его участием вышла только в феврале следующего года. Те, кто смотрел ее, хвалили, говорили, что в студии Владимир не терялся, отвечал уверенно, вел себя раскованно, пел здорово. Правда, к вопросам сделали такие подводки, что мы хохотали.

— То есть?

— Ну, например, сказали, что в юности ты

успел попробовать советских лагерей. А сейчас как актер имеешь деньги и привилегии, какие имеют очень немногие советские граждане. Ну и так далее.

— Вот собаки!

Пока Барышников еще был в Нью-Йорке, Владимир попросил его договориться о свидании с Иосифом Бродским. Миша не очень охотно, но исполнил просьбу. Условились встретиться с поэтом в кафе в Гринич-Виллидж.

Марина лишь краем уха где-то слышала эту фамилию, а со стихами Бродского и вовсе не была знакома. Владимир рассказал ей печальную историю Бродского, приключившуюся с ним в начале 60-х Марина не поверила:

— Как это, поэта посадили за тунеядство?

— Да, — грустно улыбнулся Владимир. — Вот почему Любимов и не советует мне бросать театр, говорит: хоть не посадят, как Бродского...

— А ты что... в самом деле решил?..

— Нет! Пока нет...

При встрече Бродский сразу поставил Высоцкого в тупик «А я о вас знаю. Первый раз услышал фамилию «Высоцкий» из уст Анны Андреевны Ахматовой. Она вас даже цитировала — *«Я был душой дурного общества.»*. Это ведь ваши стихи?..

Посидев недолго в кафе, они отправились к Бродскому, в его малюсенькую квартирку, битком забитую книгами, — настоящую берлогу. Поэт приготовил для гостей какие-то восточные угощения. Потом предложил почитать стихи. Высоцкий читал, чуть слышно отбивая ритм ладонью по столу Бродский слушал внимательно, сдержанно одобрил некоторые рифмы и образы.

Он намеренно не расточал комплименты, потому что сам страдальчески воспринимал любую, даже самую искреннюю, похвалу. Поэт, настоящий поэт сам чувствует удачную строку, и не должен читать стихи в жадном ожидании аплодисментов и лести.

Лишь много позже Бродский скажет о своем московском собрате; «Я думаю, что это был невероятно талантливый человек, невероятно одаренный, — совершенно замечательный стихотворец. Составные рифмы его абсолютно феноменальны. В нем было абсолютное чутье языковое...»

С тем поэтических они неожиданно перешли на воспоминания о коммунальном детстве, о юношеских годах, обнаруживая одинаковость впечатлений.

— В Питере у нас была большая комната, и моя

часть от родительской отделялась перегородкой, — рассказывал Иосиф. — Чтобы попасть к нам из коридора, надо было пройти... через шкаф я снял с него заднюю стенку, и получилось что-то вроде деревянных ворот. Родители все принимали как данность: систему, собственное бессилие, нищету, своего непутевого сына... Когда меня арестовали в первый раз, я был сильно напуган. Ведь берут обыкновенно довольно рано, когда ты только из кровати, тепленький и у вас слабый защитный рефлекс... Приводят в камеру. В первый раз мне, между прочим, очень там понравилось. Потому что это была одиночка...

Высоцкий почти не говорил о своем актерстве. Но не удержался, вспомнил, что один из его киногероев носил фамилию Бродский.

— Да? — удивился поэт. — И что это за фильм? Об одесских подпольщиках-революционерах? Любопытно-

Потом Бродский прочел им собственное стихотворение, написанное по-английски, а на прощание подарил маленькую книжечку русских стихов с названием «В Англии» издательства «Ардис» — «Лучшему поэту России, как внутри ее, так и извне».

Еще одну он надписал для своего старого зна-

комого актера Миши Козакова: «Передайте ему, пожалуйста, когда будете в Москве», другую — для Василия Аксенова

«Он прилетел из Нью-Йорка в Париж и буквально ворвался ко мне, — вспоминал Шемякин. — И такой радостный!

— Мишка! Ты знаешь, я в Нью-Йорке встречался с Бродским! И Бродский подарил мне книгу и написал: «Большому поэту — Владимиру Высоцкому». Ты представляешь, Бродский считает меня поэтом!..

Это было для Володи — как будто он сдал сложнейший экзамен и получил высший балл! Несколько дней он ходил окрыленный...»

Вскоре в Париже Высоцкий сам принимал гостей. Белла Ахмадулина с мужем театральным художником Борисом воспринимали свое путешествие в город «Парижск» как удивительную сказку. Они жили на рю Россле, маленькой улочке, где у Марины была квартира с крошечными комнатами. В тамошних ресторанах балетно-изящные официанты подавали им «кальвадос» и диковинные блюда. И улыбались. Как-то московские путешественники заблудились. «И Володя Высоцкий, — вспоминала Белла, — задумчиво сказал мне: «Знаешь, в одном я тебя превзошел».

— «Что ты! Ты меня во всем превзошел!» — «Да нет. Я здесь ориентируюсь еще хуже, чем ты...»

Но уж ресторан «Распутин» в Париже Владимир мог отыскать и с закрытыми глазами. Он водил туда своих гостей послушать Димитриевича Ахмадулина не понимала: «Господи, на каком языке он поет! Давай напишем ему слова!» — «Оставь, это его язык, русский Алеши Димитриевича!» — отвечал ей «парижанин» Высоцкий.

Алеша Димитриевич — потомок югославских цыган не был похож на цыган в своем пении. Голос зазнобисто не дрожал, не выводил рулады и не рвал страсти в клочья. Да и репертуар был еще тот — уличные, хулиганские песни, одесский блатняк. Немножко добавлял свинга, и песни становились ритмичнее. А тембр голоса был сугубо мужской, глубокий и с хрипотцой

***

Из четырех стран, что «расстилали дороги», две позади — Канада и США. Франция — уже не считается. Остаются еще две — Югославия и Венгрия.

После прошлогоднего оглушительного успеха в Болгарии международного апломба у «таганцев» прибавилось. Любимову уже показалось мало, что театру милостиво разрешили гастроли в

братской Венгрии, так он начал «права качать». Мол, раз трейлер с реквизитом едет в Венгрию через Югославию, то почему бы нам не съездить на десятый Белградский интернациональный театральный фестиваль? Продемонстрировал министерским чиновникам официальное приглашение на юбилейный БИТЕФ. И добавил:

— Когда меня позвали в Париж на симпозиум «Роль художника при тоталитарном режиме», так вы написали французам, что Любимов болен. Когда меня куда-то приглашают, вы говорите, что я при смерти или что «Таганки» больше нет, — и мне это надоело! Я поеду в Париж, а мой театр поедет в Югославию, и уже потом — всем составом! — мы приедем в Будапешт.

В Министерстве культуры помялись и согласились — скандал мог выйти чересчур громким. Но чтобы кровь подпортить, выдвинули условие: «Поезжайте, но следующие товарищи останутся...» — и назвали всех занятых в «Гамлете» евреев, начиная с Высоцкого и Смехова.

— Вы с министром культуры все прекрасно придумали, но я себя плохо чувствую и никуда не поеду, — склонил седую голову Любимов.

— Как так? Это же не ваш, а государственный театр!

— Был бы мой, так я бы не платил людям такие гроши.

Так договорились до того, что Юрий Петрович предложил «химику Ниловне» сыграть на югославском фестивале короля, а его заму Попову — Полония. Ну, а кому Гамлета — начальству виднее.

Не согласились.

В итоге «Гамлет» стал лауреатом фестиваля. Ура!

Но принц Датский даже спиной чувствовал косые взгляды товарищей. Даже Золотухин дулся: «Почему я не в той же гостинице, что и Высоцкий, и Любимов... Он дружит с Володей, приглашает его обедать по разным приемам, и это логично. Володя — герой фестиваля, много играет, везет огромный воз и достоин уважения, но я помню, что шеф высказывал нам обоим перед выездом...»

Из Белграда до Будапешта было рукой подать. Высоцкий работал так себе, играл на технике. Даже посторонние замечали, что его что-то гложет, беспокоит. Все старался уединиться, сторонился коллег. Созвонился с режиссером Мартой Мессарош, с которой познакомился на Московском кинофестивале, напросился в гости. Потом стал

заходить после спектаклей на чай. «Выпивал два литра из огромного чайника, — рассказывала Марта, — и звонил. Звонил таю сначала в Москву на Центральную. Там у него была какая-то знакомая — Наташа, Анюта... Всегда другая. Высоцкий говорил мой номер в Будапеште, и она ему включала весь мир: Нью-Йорк, Париж. Он без конца говорил и курил. Потом уезжал спать часа на три... Когда он не пил, он совсем не мог спать. И не хотел оставаться в номере, потому что у него клаустрофобия... В Венгрии он не пил абсолютно. Если на столе была водка, то подносил рюмку к носу и нюхал...»

Марта опекала Высоцкого, как старшая сестра. Даже возила его на своем авто — из отеля в театр и обратно, он не хотел ехать со всеми в автобусе. Потом устроила ему съемку на местном телевидении, даже как режиссер поставила исполнение песни «Спасите наши души» в каком-то срубе. Организовала концерт Высоцкого для коллег-киношников. Потом признавалась: «В течение этих двух недель от меня потребовалось немало терпения».»

А съемки ее собственного фильма «Их двое» были под угрозой срыва Мессарош ждала приезда исполнительницы главной роли — Марину

Влади, которая задерживалась в Испании. А как ждал ее Владимир!

Марта видела: «Что-то у них не ладилось... Наконец она сказала, что прилетает... Отношения между ними оставались натянутыми... А я старалась придумать что-нибудь такое, чтобы они помирились, чтобы он тоже поехал с нами на съемки в маленький город Цуонак... и предложила Володе сыграть эпизод. В конце концов, атмосфера съемок их помирила...» Марина Влади оценивала эпизод с профессиональной точки зрения: «У нас там прекрасная сцена была, где мы под снегом, флирт такой... И, в конце концов, он меня целует Он там очаровательный просто, и сцена получилась очень красивая..»

Это была единственная совместная киноработа Марины Влади и Высоцкого. В этой «сцене» не было актерства, не нужны были рекомендации режиссера-постановщика, не нужен был текст диалога. Его и не было. Зато были глаза бесконечно влюбленных друг в друга мужчины и женщины.

Спасибо вам, милая мадам Марта.

***

Дома ждали давно начатые, но так и не завершенные дела.

Стрелы Робин Гуда, к сожалению, угодили в «молоко». Поначалу Тарасов вспомнил, что лучшая защита — это нападение, и налетел с обидами: «Володя, что же ты меня так подвел?! Из-за твоих песен чуть весь фильм не зарубили!» А потом выяснилось — на худсовете раздались протестующие голоса: «Да ну, это картина приключенческая, а Высоцкий написал чересчур серьезные песни, какие-то трагические, драматические.» Их надо выбросить!»

А жаль. Тем более, предполагалось, что автор будет исполнять свои баллады совместно с ансамблем «Песняры». Высоцкий рассказывал: «Мы давно с ними хотим работать, они ждут уже Бог знает сколько времени, я тоже... Это будет — с народными инструментами несколько таких на меня совсем не похожих лирических баллад... О любви, о верности, о ненависти... Их надо обязательно с оркестром исполнять. Они рассчитаны на то, что есть фон. Они почти все речитативные. Мне кажется, передают ностальгию по нашему детству, когда все мы бегали и смотрели эти

фильмы... взятые в качестве трофея. Всяких Эрлов Флинов и так далее...»

Напрасны были ожидания.

Так, теперь «Ленфильм» — «Вторая попытка Виктора Крохина». Сценарий Володарского хорош. Эдик молодец. У него ничего даром не пропадает. Была у него средняя пьеса «Уходя, оглянись», пошла она в театрах тоже средне. Он взял и перелицевал готовый материал в живой сценарий. Работоспособности Володарского можно позавидовать, везде успевает. Молодец.

Тема задевалась интересная — послевоенные пацаны, обворованное детство Когда разговаривали с Володарским о тех временах, вспоминали какие-то детали, уже не вспомнить у кого первого возникла мысль сделать для «Крохина» песню. Такую балладу о детстве, а? И баллада пошла.

Ставить фильм взялся некто Игорь Шешуков, начинающий режиссер. Это не беда. Главное, чтобы атмосферу уловил. Песня ему понравилась, а еще он предложил Высоцкому сыграть Степана, колоритного типа послевоенного инвалида у пивного ларька. «Он приехал и сыграл пробу. Сыграл очень быстро, без репетиций, — рассказывал режиссер. — Но потом выяснилось, что он может дать нам на съемки только один день. Это нас не

устраивало».

А позже выяснилось, что и «Баллада о детстве» слишком велика, нужно было убрать два-три куплета.

«Я поехал уговаривать Высоцкого, — рассказывал «парламентер» Володарский, — чтобы он убрал куплеты о Марусе Пересветовой, о напильниках... Володя встретил меня не очень любезно, посмотрел по-волчьи».

— Володя, понимаешь, надо, — начал мямлить Володарский.

— Нет, ни строчки.

— Володя, ну пойми, выйдет картина, песня будет звучать с экрана!

— Нет. Ни буквы. Вынимайте тогда всю песню.

— Ну всю песню не хочется вынимать, песня-то прекрасная.

— Нет. Я ее так написал.

— Ты понимаешь, в Госкино начальство возражает.

— Ну тогда вынимайте всю песню.

— Но без песни картина проигрывает очень.

— Тогда оставляйте песню.

— Ну, Володь, я тебя по дружбе прошу.

— Нет-нет-нет Нет, старик, нет. Я этого сделать не могу.

— Ну, значит, угробимся все вместе. И Шешуков вынимать песню не хочет, но вот эти три куплета.

— Нет. Ну, вместе угробимся Вместе — оно даже лучше...

***

Предстоял еще один разговор. Надо было решать, что дальше делать с их с Демидовой «Игрой на двоих» Он честно пересказал

Вульфу телефонную беседу, которая у него состоялась в Штатах с Теннесси Уильямсом по поводу его пьесы.

— Это очень плохая пьеса, — сказал Уильямс, — она у меня не вышла Это — театр абсурда.» А вы хороший артист? А где вы снимались?

Он ответил, что много снимался, но мэтр вряд ли знает советские фильмы.

— Нет, я их не знаю. Я вообще ничего не знаю про Россию. Я знаю, что в этой стране жил Чехов, это — мой Бог. Простите, но ставить я ничего не буду. К вам пришла глупая идея. Это не моя профессия, я не режиссер.

Но самым страшным открытием для Высоцкого было то, что Теннесси Уильямс, оказывается, не знал, кто такая Марина Влади.

— Как вы не знаете моей жены? Это знаменитая французская актриса!

— Я не очень хорошо знаю актрис второй категории.

Тогда Высоцкий пришел в ярость:

— А я — бард!

— Я не люблю бардов, — равнодушно сказал драматург.

«Представляете?! — возмущался Владимир, придя к Виталию

Вульфу. — Но ничего, я поеду в Польшу, поговорю с Анджеем Вайдой. Приглашу его...»

В конце концов, когда все идеи провалились, Высоцкий сказал Вульфу и Алле Сергеевне: «Поставлю я сам. Я знаю, как это надо поставить».

Вульф обрадовался, а вечером ему позвонила Демидова и сказала: «Напрасно. Он никакой не режиссер, и я не буду играть в его постановке». — «А вы в состоянии это сказать ему в лицо?» — «Я подумаю...»

«СЛУЖЕНИЕ СТИХИЯМ НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ...»

Фотопортрет «старика» — учителя Далай-Ламы висел над столом в парижском кабинете Высоцкого. Точно такой же украшал мастерскую Шемякина. Когда друзья перезванивались, Владимир первым делом спрашивал:

— Ну как, действует? Не пьешь?

— Ну что ты! — отвечал Шемякин, пытаясь придать голосу деловую и бодрую нотку после вчерашней пирушки. — А ты как?

— Мишуня, наш «старик» — умница! У меня все отлично! Завязываю!

Однажды, рассказывал Шемякин, раздался звонок в дверь. Открываю: Володя, только что из Орли, в смешной французской шапочке с пуговкой, довольно-таки нетрезвый. Обнял меня, заплакал: «Птичка, забыл нас «старик»... Забыл».

В тот приезд времени у Высоцкого было в обрез. Поскольку Марина была на съемках, в Мезон-Лаффит он решил не ездить и остановился у Кости Казанского на Монмартре. Начиналась работа в студии фирмы «Полидор». У работавшего в шоу-

бизнесе Жака Уревича возникла идея записать большой диск Высоцкого. Пару песен он предложил исполнить на французском языке. Максим ле Форестье написал неплохие переводы. Но, по мнению тех, кто мог сравнивать их с оригиналом, вся острота терялась. Как рассказывал Казанский, у него был вообще грандиозный проект — «сделать 12 пластинок из 150 песен. И чтобы мы меняли каждый раз аранжировки... Ему казалось, можно сделать оркестровые варианты. Он хотел стать известен по-иному..».

В Москве французские записи Высоцкого вызвали неоднозначную реакцию. Любимов, услышав оркестровое сопровождение, упрекнул: «Владимир, ну что это!..» Зачем, мол, отошел от своего стиля, от гитары, зачем эта пошлость! На что тот с обидой ответил: «Юрий Петрович, ну хоть что-то вышло. Тут уж не до жиру. А вы уже начинаете оценивать, как будто бы я выбираю: хочу — так, хочу — эдак! Я хоть немного ушел с магнитофонов — а вас это уже раздражает. Для вас лучше, чтобы я шел под чистую гитару, а для меня...»

Виталию Шаповалову казалось, что и Юрию Петровичу, и многим в театре хотелось бы, чтобы Высоцкий так и оставался вечным мальчиком-учеником, где-то на гитарном уровне. А

Володе нравилось работать с хорошим аккомпанементом. Тем более что Высоцкий уже вырос в личность, которой не нужно держаться пуповиной за театр, где он состоялся как артист. Он куда-то рвался, ему надо было что-то еще успеть сделать.

Петрович вообще в последнее время что-то часто стал срываться и не скрывать своего недовольства: «Зажрался. Денег у него — куры не клюют... Самые знаменитые люди за честь почитают в дом его к себе позвать, пленку его иметь, в кино в нескольких сразу снимается, популярность себе заработал самую популярную, и все ему плохо... С коллективом не считается, коллектив от его штучек лихорадит».

Не дай бог задержаться на пару лишних дней во Франции и еще опоздать потом на репетицию. Сразу крик

— Ну и где этот господин? Ага, спасибо, что посетили нас, почтили своим вниманием....

— Юрий Петрович, я вам все потом...

— Мне не надо ваших объяснений, Владимир Семенович! Знаю я вас всех насквозь! Ролью надо болеть, такие роли на дороге не валяются... Что вы там себе под нос бурчите?.. Это Шекспир, здесь дыхание должно быть широким, а вы... что вы

там бормочите? И в каком вы виде сюда пожаловали? Что за кокетка? Разве Гамлета можно в таком виде? Прилетел... опоздал... подкатил на «мерседесе»... и в бархатных штанах... о чем вы думаете? В облаках всемирной славы купаетесь? А ну, снимите к чертовой матери эта брюки, репетируйте в нормальной рабочей форме или вообще не надо ничего!..

Зато в Министерстве культуры теперь Высоцкого уже ждал ласковый прием. Петр Нилович Демичев даже спросил с деланой обидой: «Вы не привезли мне из Парижа пластинки?»

— Помилуйте, Петр Нилович, вам-то они зачем? В вашей власти выпустить их в Советском Союзе.

Тогда министр подошел к сейфу, вынул французские диски в глянцевых конвертах и торжествующе съехидничал:

— А мне уже привезли!..

Дома по проверенным каналам в ОВИР удалось пробить разрешение (в порядке исключения) на многократные поездки во Францию. Вроде бы, все приличия соблюдены и рекомендации выполнены. Указано, что жена много работает, а детей оставить не на кого, и что она видный общественный деятель в обществе Франция —

СССР, принося ощутимую пользу обеим странам, и — обязательно! — что я не собираюсь переезжать на постоянное жительство во Францию, и что хочу сохранить семью, и...

В общем,

С уваженьем. Дата. Подпись.

Отвечайте нам! А то...

Нужная виза — «В соответствии с просьбой заявителя разрешаем в порядке исключения установить следующий порядок оформления документов для выезда его во Францию к семье: характеристику с места работы и анкету он должен представлять один раз в год, все последующие поездки должны разрешаться Высоцкому В.С. по его заявлению произвольной формы...» — получена.

Что касается служебной характеристики — пожалуйста, дорогие мои товарищи, вот она, универсальная, на все случаи жизни. Подписи — директор театра Н.Л.Дупак, секретарь партбюро Б.А.Глаголин, председатель местного комитета профсоюза Г.Н. Власова.

Только потом сообразил: театр был единственным для него официальным местом, где он мог получать выездную характеристику для ОВИРа и

иметь трудовую книжку. Обложили, получается, со всех сторон...

Теперь с подарками нужно что-то решить. Перед каждой поездкой во Францию Владимир вечно маялся, чем удивить тамошних друзей. Не матрешками же?! Бывалые люди присоветовали: самым оригинальным подарком будут редкой породы и очень дорогие в зарубежье, но более дешевые в Союзе щеночки. В качестве консультанта и помощника порекомендовали Высоцкому Тамару Шибаеву, лучшего собачьего мастера-парикмахера Москвы.

Высоцкий попросил Тамару найти ему парочку французских болонок. «Разумеется, — рассказывала Шибаева, — я тут же подобрала настоящих «француженок» — двухмесячных, масеньких, с ободковыми черными глазками, черными носиками. Перед самым вылетом он приехал, взял их на ладошку. «Такая капся — и столько стоит!» И заплатил больше. Спрятал щенков под куртку и ушел... Удивительно, правда? Собачки французской породы из России».»

***

«А знаешь ли ты, незабвенный друг мой Ваня, где я? — Высоцкий писал письмо Бортнику и

улыбался сам себе. — Возьми- ка, Ваня, карту или лучше того — глобус? Взял? Теперь ищи, дорогой мой, Америку... Да не там, это, дурачок, Африка. Левее! Вот... именно. Теперь найди враждебный США! Так. А ниже?! А ниже — Мексика. А я в ней. Пошарь теперь, Ванечка, пальчиком по Мексике, вправо, до синего цвета. Это будет Карибское море, а в него выдается такой еще язычок. Это полуостров Юкатан, тут живут индейцы майя... На самом кончике Юкатана, вроде как типун на языке, есть райское место Канкун, но я не там. Мне еще 4 часа на пароходике до острова Косумель — его, Ваня, на карте не ищи, — нет его на карте, потому что он махонький, всего, как от тебя до Внуково. Вот сюда и занесла меня недавно воспетая «Нелегкая». Здесь почти тропики. Почти — по-научному называется суб...»

Здесь у Марины съемки в какой-то картине. Но он тоже не бездельничает. Вот перед ним аккуратная тощенькая стопка машинописных листов, никак пока не озаглавленная. Не в названии, в конце концов, суть. Оно должно быть простым, коротким и понятным, как у того же Трифонова, Абрамова или Можаева. «Дом на Набережной», «Деревянные кони», «Живой», «Мужики и бабы» — все ясно. Вот так, равняясь на классиков, и

назовем — «Роман о девочках».

Зато первой фразой нужно заинтриговать. «Девочки любили иностранцев». Пусть так и остается. Он перечитывал страницу за страницей, изредка правя некоторые слова и фразы. Олечка молодец, хорошо напечатала, именно так, как он просил — с широкими полями и большими пробелами между строк. Легко и приятно править.

Это все-таки, наверное, Эдик Володарский на него так повлиял, всучив своего «Крохина». Когда читал и погружался в ту атмосферу 50-х годов, невольно отмечал огрехи и неточности в деталях, у него перед глазами начинали складываться, как стеклышки в калейдоскопе, в живые картинки дворы и улицы Самотеки, которые он затем насильно втискивал в жесткий стихотворный ритм и размер «Баллады о детстве».

А после, сам не зная для чего, время от времени стал записывать свои подростковые, юношеские впечатления на первых попавшихся листочках. В памяти возникали отдельные строки полузабытых своих же первых уличных песенок, и он расшифровывал их, разворачивая в прозаические фразы.

Она во двор — он со двора:

Такая уж любовь у них,
А он работает сутра,
Всегда сутра работает.

Это будет началом новеллы: «Вырос Колька во дворе, жил во дворе, на дворе и влюбился. Когда Тамара с ним познакомилась, вернее, он с ней, она-то про него давно знала и видела часто, и снился он ей, сильный и бесстрашный, да легенды о нем ходили по всему району...»

Много позже, выстраивая свою гипотезу о возможном месте Высоцкого в мире современной культуры, многоуважаемый российский писатель Василий Аксенов предположил: «Владимир Высоцкий сегодня стал бы романистом или драматургом. Пение на самом деле повергало его в своего рода истерику. А он жаждал вырваться в какую-то спокойную сферу. Это самосохранение, попытка спастись у него была. Он цеплялся за эти формы деятельности, исключающие непосредственный контакт с публикой. Контакт с огромными массами людей его дико выбивал из колеи... Он прежде всего писал бы о самом себе в разных ситуациях. Он ведь был байронист. Это продолжение плеяды Печориных, Онегиных и прочих. Это такой тип романтика, байрониса.

Это не были бы, может быть, мемуарного плана вещи. А может быть, в конце концов, он пришел бы к чисто мемуарному плану..».

Относительно версии о Высоцком как романисте... Не знаю, не уверен. Хотя романисту Аксенову хотелось бы обрести собрата по цеху. Но Высоцкий все-таки был ближе к созданию поэтической драмы, трагедии, может быть, либретто оперы, оратории. Но, конечно, не водевиля и не оперетты.

...Но потом, все потом... А пока они с Мариной решили попробовать понырять. Она ужасно боялась. Смотри, как надо!

Марина потом рассказывала: «Вижу его улыбку сквозь маску, призывный жест — мол, плыви за мной! И вдруг Володя исчез в коралловых зарослях. У меня закружилась голова, я схватила за руку Нептунио (так мы звали нашего гостеприимного хозяина), и он выталкивает меня наверх. Не помню, как плыла к берегу. И только когда увидела счастливое Володино лицо, успокоилась: он — рядом...»

***

...Покинув курортные места, уже в Мехико он записал на 13-м канале мексиканского телеви-

дения целую музыкальную программу. Менять отработанную структуру выступлений Высоцкий не собирался — вначале ударная песня, как визитка, а дальше уже монолог о себе, о стране, о кино и театре, перебиваемый песнями и стихами. Прикинули по времени — поместится четыре-пять вещей. Пусть первой будет «Мы вращаем землю».

— Буэнос диас, мои новые зрители!..

Это вам, мои сеньоры, мой поэтический сборник в переводе на испанский. Растем...

Пришвартуетесь вы на Таити
И прокрутите песню мою.
Через самый большой усилитель
Я про вас на Таити спою...

Глядя в иллюминатор самолета на океанские волны, он тихо-тихо, чтоб не разбудить Марину, сидящую в соседнем кресле, проговаривал слова этой давней своей песни.

Наваждение какое-то. Сочиняя стихи о моряках, он помянул «Таити» исключительно для рифмы. Кто знал, что в будущем все так обернется и сбудется *«тот сон, который в руку»*? Но коль так, впредь надобно поосторожнее обращаться со словами. Хорошо еще, что хоть не Гренландию он

тогда упомянул. А то ведь эти ангелы и не такое нашепчут...

Какая красота, покой, безделие, никто не докучает. Не пишется. Как там у наших современных классиков? «Душа нема. «Ни дня без строчки» — друг мой точит...»? Пусть будет так. Едва-едва заставил себя черкнуть открыточку домой:

«Мамочка! Это — Таити, и мы сейчас тут. Замечательно. И дети счастливы, и мы тоже. В Москву приеду в середине сентября. Писать нам некуда, потому что мы на месте не сидим — или плаваем, или летаем. Я — черный. Целую крепко. Володя».

Едва-едва... Е-два — е-два... Почти что вариант староиндийской защиты. Или сицилианской. Пусть гроссмейстер Говорухин завидует. Кстати, довел ли он уже до ума Вайнеров?.. Ладно, подождем до осени.

«ФРАНЦУЗСКИЕ БЕСЫ - ТАКИЕ БАЛБЕСЫ...»

О предстоящей осенью 1977 года поездке театра во Францию на Таганке говорили все — от директора до монтировщика декораций — еще с марта. Даже те, кто с усмешечкой называл Париж вотчиной Высоцкого, трепетали, как невеста перед свадьбой: возьмут — не возьмут?

Наконец, все решилось. Поздравляя шефа с 60-летием, Высоцкий спел:

Париж к Таганке десять лет пристрастен:
Француз театр путает с тюрьмой.
Не огорчайся, что не едет «Мастер»,
Скажи еще мерси, что он живой! —

и укатил «готовить почву», то бишь, Елисейские поля и «головы беспечных парижан».

На 26 октября был объявлен вечер советской поэзии в «Павий- он де Пари». Компания подобралась приличная — стихи читали Константин Симонов, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Олжас Сулейменов, Виталий Коротич,

Булат Окуджава и еще несколько менее известных поэтов. «Володя не был включен в состав выступающих, — рассказывал Евтушенко. — Но он тогда был в Париже, и мы настояли на том, чтобы он выступал...»

Высоцкий вышел последним, вспоминал Рождественский. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера. Потому что это была не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!

Через неделю начались гастроли театра. Избалованные битковыми аншлагами в Москве, Софии, Питере, Белграде, Киеве, Прибалтике и даже в Набержных Челнах, таганские актеры с первых же представлений почувствовали определенный дискомфорт. Непривычная сцена театра «Шайо» на площади Трокадеро. Безуспешные попытки преодолеть языковой барьер с помощью переводчицы-француженки дают обратный эффект: ее негромкий говорок, многократно усиливаясь через наушники зрителей, монотонным эхом возвращается на сцену к актерам. Публика изображает заинтересованное внимание, но не более. Первые рецензии в парижских газетах также не вдохновляют. Особенно достается «Десяти дням». Шеф делает рокировку и меняет револю-

ционную хронику с «буффонадой и стрельбой» на «Гамлета» и «Мать». В запасе остается «Послушайте!», но на Маяковского надежды весьма призрачные. Высоцкий, уже привыкший к сдержанному и несколько ревностному отношению парижских зрителей к заезжим гастролерам — будь то театральные или эстрадные звезды, — на фурор и не рассчитывал. Но все-таки вспоминал, с каким трудом два десятка лет назад в Москве через крышу он пробирался на спектакль «Сид» парижского театра «Комеди франсэз».

Во время одного из представлений «Гамлета» вдруг раздались жидкие аплодисменты и несмелый голос: «Алла! Бгаво, Алла! Пекасно!» И Высоцкий шепчет на ухо Гертруде: «Ну, Алла, слава, наконец, пришла. В Париже...»

На следующий день в одной из газет появляются-таки добрые слова о его принце Датском: «Это изумительное зрелище, сопротивление Гамлета ощущается порой почти физически».

А ют Иосиф Бродский, который по приглашению Высоцкого специально прикатил из Лондона в Париж на гастроли Таганки, московского «Гамлета» совершенно не принял: «Я прилетел на спектакль, но свалил с первого действия. Это было невыносимо». После спектакля Высоцкий,

Бродский и Любимов сидели в ресторане. «Иосиф все просил Володю петь, — вспоминал Юрий Петрович. — И замечательно он слушал: то со слезой, то с иронией, но сам стихов не читал».

Потом у них состоялась еще одна встреча. Домашний вечер организовал приятель Марины Влади кинорежиссер Паскаль Обье. Владимир представил хозяину дома Бродского, назвав его крупнейшим из современных русских поэтов. Но будущий Нобелевский лауреат неожиданно повел себя в духе обычных московско-питерских пирушек, а когда его понесло, принялся распевать по-немецки «Лили Марлен». Идеологически выдержанный и дисциплинированный член Французской компартии мсье Паскаль, естественно, возмутился: какой-то русский эмигрант горланит в его доме нацистскую песню. Позже Бродский недоумевал: «Что за безграмотные люди? Темнота! Не знают, что «Лили Марлен» не только нацисты пели, но и сама Марлен Дитрих! А она, к вашему сведению, была офицером американской армии. Ну и друзья у вас, Марина! Куда вы меня пригласили?!.»

Готовя себя к французским приключениям, многие из труппы рассчитывали, что Высоцкий будет их встречать и привечать на правах хо-

зяина, бывалого парижанина, и с московским размахом. Но, как замечал Смехов, он был собран, хмур и весь в работе. Почти ни с кем не общался, никого французским бытом не угощал, и это как-то обижало, настораживало. Золотухину показалось, что Высоцкий как-то неловко чувствует себя среди коллег в Париже, особенно в первые дни...

Но однажды после «Гамлета» Высоцкий неожиданно пригласил: «Поехали к Тане...» Они гурьбой отправились в Латинский квартал, один из самых известных районов Парижа. Демидова была в восторге: «Улицы вымощены булыжником. Высокие каменные стены закрытых дворов, красивые кованые ворота. Мы вошли: двор «каре», типично французский. Такой можно увидеть в фильмах о трех мушкетерах. Вход очень парадный, парадная лестница и анфилады комнат — справа и слева. Внизу свет не горел. Мы поднялись на второй этаж, в комнате слева...»

Дальше ее рассказ подхватил Вениамин Смехов: «...Мы ждали великолепия, что приплывут на стол невиданные яства... Ночью, на левом берегу Сены, в старинном замке в честь русских, то бишь иностранных артистов торжественно внесли два гигантских блюда: горячую гречне-

вую кашу и гору котлет... Володя был счастлив за свою выдумку, он обегал нас, узнавал про наше удовольствие с видом чудесного арапа...»

А тут еще за Бортником глаз да глаз был нужен. Надо же было такому случиться, в Париже после спектакля «Мать», в котором Иван исполнял главную роль революционера Павла Власова, к нему подкатилась очаровательная мулаточка и стала осыпать комплиментами. Скромник Бортник растаял и «поплыл». А девочка оказалась непростая, наследница марокканского короля, училась в свое время в Союзе. И так увлеклась Иваном, что устремилась вслед за театром сначала в Лион, а потом в Марсель, принялась уговаривать: «Поедем в Марокко, станешь капиталистом». Высоцкий хватался за голову, увещевал друга: «Что ты делаешь? Роман с иностранкой! Это же самый страшный криминал для советского человека! Лучше водку пей каждый день с утра до ночи. Понял?!» Понял, Иван Сергеевич, и с мулаточкой в Марселе окончательно завязал. С водкой — нет. Ибо помнил завет великого актера Алексея Дикого: «Бойтесь непьющего артиста!»

Марсель, по мнению Высоцкого, оказался городом, очень похожим на Одессу. И тут он начал себя вести точно так же, как когда-то в Одессе,

где из-за его спонтанного концерта в ресторане «Аркадия» публика выставляла оконные стекла.

Рад бы остановиться, но никак Бессилие не только рук и ног. Бессилье головы. Сейчас к нему обязательно кто-нибудь придет. А он не хочет никого видеть. Надо уйти, и поскорее, из этого номера. Не видеть этих завистников и марионеток Зависть в их глазах безграничная — от насмешки до черной злобы! Все шепчут: ну все, конец игре, Европа его Гамлета увидела, чего еще желать?..

Зачем сегодня на этом дурацком приеме у какой-то дамы, крупного марсельского издателя, шеф позволил себе сказать ему и Ваньке, что не худо бы проспаться, поезжайте в отель. Ага! Я без ваших указаний поеду туда, куда сам захочу. И ушел...

Любимов нашел его только на рассвете, в четыре утра, в каком-то припортовом кабаке. «Сопровождающий из Минкульта» Игорь Бычков самодовольно улыбался, изображая понимание и сочувствие. Увидев шефа, Владимир даже немного протрезвел.

— Садись в машину, — только и сказал Любимов.

Он отвез Высоцкого в гостиницу, вызвал врача. Тот что-то колдовал, делал уколы. Наконец Вла-

димир заснул.

«Утром, — рассказывал Любимов, — я стал звонить Марине. Довольно резко с ней говорил. Она сказала, что занята, я говорю: «Нет, мадам, вам придется бросить дела и приехать к мужу». Через некоторое время она явилась. Врачи сказали, что они не отвечают за его жизнь и без расписки не выпустят его на сцену. Он был в таком состоянии, что мог умереть. Тем не менее- «Я буду играть».

Высоцкий проспал под воздействием снотворного до вечернего «Гамлета». А режиссер репетировал с актерами спасительный этюд на тот случай, если Высоцкому станет плохо и его придется, ловко закамуфлировав в занавес, убрать за кулисы. За сценой будет дежурить врач, чтобы вовремя сделать укол. Делаем так, командовал Любимов: выходит король: «Где Гамлет? Немедленно доставить!» Выбегают Розенкранц и Шльденстерн: «Сейчас найдем и вам его представим». На скорую руку сочинили бредовый текст, используя шекспировский размер.

Иван Дыховичный, наблюдая за всей этой кутерьмой, думал свое: «Любимову прежде всего нужно, чтобы он играл, остальное безразлично. Шеф вообще редко учитывает обстоятельства, предпочитая устраняться». Была дурацкая ис-

тория в Москве, когда Володя задурил-запил и пытался в таком виде управлять автомобилем, норовя сбивать встречных гаишников Тогда он отобрал у него руль, запер в машине, а сам выскочил к ближайшей телефонной будке: «Юрий Петрович, помогите!..» И что услышал? — «Я не знаю., я сплю — второй час. Сами разбирайтесь в своем пьянстве... господа артисты» Он не хотел напрягаться. Может быть, и правильно... Когда с человеком возишься, жалеешь, он начинает куражиться еще больше...

Но в тот вечер в Марселе Высоцкий играл необыкновенно Нет, гениально, поправляла Демидова. Так он не играл никогда — ни до, ни после. Это уже было состояние не *«вдоль обрыва, по-над пропастью»,* а — по тонкому лучу через пропасть. «Был бледен как полотно. В интервалах между своими сценами прибегал в мою гримерную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это...»

«Когда сил нет и артист играет по делу, — профессионально разбирал спектакль Юрий Петрович, — он делает именно то, что необходимо. Особенно это важно в трагедии. И Высоцкий словно достиг совершенства. Зал это понял,

догадался... Конечно, каждый раз так работать нельзя».

Вениамину Смехову запомнились слова Юрия Петровича, произнесенные сразу после спектакля за кулисами марсельской сцены: «Вы не понимаете, с кем рядом работаете, и надо забыть в этот день все свои мелкие земные счеты. Потому что вы всю жизнь будете вспоминать, с каким поэтом вы работали рядом».

С тем все и расстались.

В Париже Владимиру Высоцкому предстояли еще концерты на Монмартре, в театре «Элизе». Там был зал с оригинальной, подвижной — в зависимости от наплыва публики — конфигурацией. На первый концерт послушать мало кому известного российского барда собралось около 350 человек, работники советского посольства, торговых представительств, русские эмигранты. «Но мы с Володей очень удивились, — рассказывала Влади, — что пришли французы. Было много публики с улицы — людей, которые, конечно, не знали русского языка». На второй — их количество увеличилось вдвое, и директор-француз издали показал Владимиру большой палец. А на последнем оказалось, что зал не может вместить всех желающих, за стенами театра осталось

несколько сот человек...

«Мы с Володей, вопреки расхожему мнению, почти не пили вместе, — утверждал Михаил Шемякин. — Но когда он начинал «раскочегариваться»... мне приходилось его «пасти»...»

После одного бурного разговора Марина вышибла друзей из дома. И они, не долго думая, отправились к Жану Татляну, некогда популярному советскому, а потом просто армяно-французскому певцу, державшему кабаре «Две гитары». Увидев «дуэт в ансамбле», хозяин немного испугался: «Ребята, я вас уважаю, но если вы не уйдете, вызову полицию». Они ретировались и перебрались в другой кабак

Ресторан «Распутин» на улице Бассано был заведением дорогим, куда без вечерних туалетов вход был заказан. А за бутылку шампанского нужно было выложить не меньше пяти тысяч франков. Это популярное место держала мадам Элен Мартини по прозвищу Сфинкс. На ее красивом лице никто и никогда не видел эмоций — была железная, непроницаемая маска.

Когда в зале появились Высоцкий с Шемякиным, было далеко за полночь. К их несчастью, недалеко за столиком сидел и разговаривал с хозяйкой Юрий Петрович Любимов. Но отступать

было поздно. Владимир прошел мимо Любимова, не глядя на него, сел за столик и потребовал водки. Выпили. Туг же подскочили цыгане.

Воспитанный Шемякин вспомнил о своем дворянском происхождении, подошел к Любимову, поздоровался и сказал:

— Володе плохо.

— А вам тоже вроде нехорошо? — заметил Юрий Петрович.

— Это все фигня. А вот вы, господин хороший, — засранец.

— Почему, Миш? — заинтересовался Любимов.

— Знаете почему? Потому что вы государя императора Николая в своем спектакле повесили вверх ногами, в сапожках. Прекрасно получилось! А вы представьте вот такой момент... В зале ведь сидели столетние старушки и старички. А тридцать или сорок лет тому назад вы осмелились бы вот такой трюк проделать? К вам бы подошли, любимый Любимов, господа офицеры и — надавали бы вам по морде за оскорбление персоны.

И Любимов, очень талантливый человек, очень странный, вдруг взял меня за руку, хвастался Шемякин, обнял и сказал: «Миша, — говорит, — вы правы. Я сподличал...»

А к столику Высоцкого в это время подплыли Алеша Димитриевич и его сестра Валя. Владимир был при деньгах, заказал несколько песен, стал кидать пятисотенные купюры. Валя — представьте себе цыганку шириной со стол — бросилась собирать бумажки и запихивать их в лифчик необъятных размеров... Потом гитару взял Высоцкий и запел «На Большом Каретном».

«Хмель гулял у нас в головах, — вспоминал «гений всех времен» Шемякин. — Когда же Володя дошел до слов «...Где твой черный пистолет?!», я сообразил, что пистолет при мне, и, выхватив наган, бабахнул пару раз в потолок... Все мгновенно нырнули под стол, включая Любимова, хозяйку и цыган. Лишь под одним из столов возвышался, покачиваясь, громадный зад Вали. Лакеи, конечно, вызвали полицию. Ко входу уже подъезжал французский «воронок», когда мы тихо — через кухню — выскользнули и прямиком в другой ресторан «Царевич», где пел один из самых знаменитых русских цыган Володя Поляков, который всегда просил Высоцкого: «Володя, ну спой».

Но Высоцкий, когда пил, ни петь, ни писать не мог...»

А их женщины — Марина и Ревекка — в эту ночь были дома у Шемякиных и вдали. Сидели

на кухне и курили, курили, курили...

«Марина сидела совершенно бешеная, — рассказывала Ревекка. — Я говорю:

— Марин, давай с юмором к этому относиться.»

А ей было не до юмора, — она очень сильно переживала. А еще у нее утром была съемка, кажется, в «Марии-Антуанетте», — ей надо было быть свежей и красивой... Потом она все-таки уехала. Сказала мне:

— Как только они появятся, — позвони.

Только под утро, отпущенные коварными французскими бесами, они пришли домой...»

***

Рядом с «мерседесом» лихо припарковались «жигули», и из приоткрытого окошка донеслось: *«Над Шереметьево, в ноябре, третьего метеоусловия не те...»* Высоцкий, сидя за рулем, покосился и с усмешкой бросил Янковичу: «Видал, шустро работают, ребятам с «Мелодии» бы их оперативность...» Посмотрел на часы: «Все, Валер, парижский рейс уже на сорок минут задерживается. Я уже на спектакль впритык еле-еле успеваю. Значит, так Встретишь Марину, привезешь домой. Вот ключи...»

— Володя, я же машину не вожу, — взмолился Янклович. — Как я ее отвезу?

— Очень просто. Марина сама сядет за руль. Ключи у тебя. От квартиры у нее есть. Но возьми еще и мои, на всякий случай. Все объяснишь. Я побежал.

Он хлопнул дверцей «мерседеса», поднял руку, к нему тотчас подкатило такси, и Высоцкий умчался на Таганку.

Янклович покорно остался ждать Марину. В последнее время он превратился в основного, едва ли не личного администратора

Владимира, занимаясь и концертными, и всякими бытовыми делами. Из соседней машины продолжал, словно и не уезжал, петь Высоцкий: *«...Так веру в Господа от нас увозят потихоньку.»*

Наконец появилась она, такая красивая и совершенно потусторонняя. Янклович поздоровался, поцеловал руку, вручил цветы, объяснил отсутствие мужа.

— А что сегодня? «Гамлет»? — как бы мимоходом поинтересовалась Марина.

— Нет, «Вишневый сад».

Марина уселась за руль. Минут через сорок они были в центре. Вот и Малая Грузинская. Поднялись на восьмой этаж Валерий отдал Марине

ключи. Вошли. Потом он рассказывал Высоцкому: «Она зашла в спальню, и я услышал вскрик Вбежал, смотрю — Марина ошеломленно стоит, а вся постель устлана шкурками соболей... И я увидел ее лицо... Это было такое лицо... Лицо самой счастливой женщины мира».

Когда после спектакля Владимир приехал домой, Марина все еще сидела в спальне и гладила руками нежный блестящий мех Он целый год собирал ей эти шкурки, хотел, чтобы все было так, как он когда-то писал:

В грязь соболя — или по ним, — по праву!..

А потом они долго-долго разговаривали, что-то вспоминали, спорили. Наконец, он не выдержал:

— Теперь послушай песню.

Открытые двери больниц, жандармерий —

Предельно натянута нить.

Французские бесы — большие балбесы,

Но тоже умеют кружить.

... ...

Я рвался на природу, в лес,

Хотел в траву и в воду, —

Но это был французский бес:

Он не любил природу.

А друг мой — гений всех времен, безумец и повеса,

Когда бывал в сознаньи он — седлал крутого беса.

Трезвея, он вставал под душ, изничтожая вялость, —

И бесу наших русских душ сгубить не удавалось.

Закончив петь, он опустил ладонь на струны и выжидательно посмотрел на Марину: как?

— Молодец. Только знаешь...

— Что?

— Странно все получается. Я, пока вы там с Мишкой куролесили, мучилась, рыдала, с ума сходила, а песня посвящена твоему дружку, «гению всех времен»! Хоть бы словечком вспомнил... Как тогда, ни в Париже, ни в Марселе, обо мне не думал, так и здесь...

— Мариночка, да это же шутка такая, веселая песня с подтекстом». Шутка, вроде того «Милицейского протокола», только на французский лад. Там же тебя тоже нет. Тебе я пишу серьезные вещи...

— Спасибо — не надо!.. Вы оба — негодяи! Что ты, что твой Мишка.

— Ну, Мариночка...

Слово за слово, они разругались. Марина схватила чемодан — и улетела домой. Где-то с месяц потом они были в тяжелом разрыве.

Соболиные шкурки тоже пропали. Оказались плохой выделки.

«Она пыталась перенести на русского мужа свое трезвое — во всех смыслах — отношение к жизни, — считал Шемякин. — Была уверена, что именно рационализм, настойчивость, сильный характер оградят Высоцкого от всех бед. А он, умом понимая, где его спасение, душой рвался в «Большой Каретный».

Отдавая должное усилиям Марины Влади в ее сражениях за спасение Высоцкого от алкоголизма и морфия, некоторые друзья Владимира, и прежде всего Эдуард Володарский, полагали, что последние два-три года «дело шло к разрыву, он уже изнемогал под ее гнетом. Характер у Марины стальной — недаром все предшествующие мужья, когда о ней заходит речь, крестятся и плюются. Она сама рассказывала, как однажды повела Володьку к психологу, чтобы вылечить от запоев. Побеседовав с Высоцким, врач пригласил

ее: «Мадам, дела вашего альянса довольно плохи, в представлении мужа вы являете собой огромную черную тучу». «Мадам» впала в бешенство: «Представляешь, какой идиот? Сказал, что я туча! Какая еще туча?!»

Упрекая Марину Влади в излишней жесткости, Володарский и его союзники делали вид, что знать не знают и хотят помнить слова предсмертного признания своего друга, обращенного к любимой:

> *Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним…*

А может быть, прав был Иван Дыховичный, считавший, что роману Высоцкого и Влади просто завидовали, в том числе те, с кем Владимир дружил и тесно общался? И, бывало, чуть ли не в лицо говорили Марине, что она дура, что не понимает, с кем связалась, что он ей постоянно изменяет и пр.

***

В первых числах января Владимир заглянул в кабинет шефа с каким-то спешным вопросом, но, увидев, что Юрий Петрович не один, хотел было ретироваться. Однако Любимов призывно

взмахнул рукой:

— Заходите, Володя, как раз кстати. Хотел вас познакомить — Юрий Федорович Карякин.

— А мы вроде и так знакомы.

— Думаю, не совсем. У нас Юрий Федорович теперь уже наместник самого Федора Михайловича Достоевского на земле.

— Юрий Петрович, вы мне льстите, — засмеялся Карякин. — А с Володей мы в самом деле уже давненько знакомы. Я его помню еще, когда он только в театр поступил.

— О, когда это было!.. Ну, о прошлом не будем, лучше о будущем поговорим. Юрий Федорович к нам не с пустыми руками пожаловал, предлагает инсценировку «Преступления и наказания». Мы с ним в Венгрии уже подобный спектакль делали. Теперь попробуем у нас с Божьей помощью.

— А я только на днях вспоминал, как еще в студии Порфирия Петровича играл, — сказал Высоцкий. — Вот ведь совпадения...

— *«Куда там Достоевскому с записками известными?..»* — процитировал Карякин.

Высоцкий улыбнулся. «Спасибо». И продолжил:

— Юрий Петрович, вы ведь, если я не ошибаюсь, Раскольниковым уже давно занимаетесь..

— Не ошибаешься. Но дельного соавтора не было...

Еще в 19б7-м Любимов впервые собирался ставить «Преступление и наказание». Вертелись в голове какие-то заготовки, к актерам приглядывался: на Раскольникова можно было бы пробовать Золотухина, из Смехова бы вышел Порфирий Петрович, наверное. . Свидригайлов — 1убенко, может быть... Сейчас иной расклад. И намного интереснее...

Золотухин тогда мечтал: «Элла снова сказала при свидетелях, что я буду играть Раскольникова. Высоцкий в поезде мне сказал, что он хочет сыграть этого человека. Думаю, что предстоит борьба, скрытая, конечно, но она состоится. Я не стану лезть на рожон, пусть сами думают и решают. Бог мне поможет...»

После встречи у Любимова Карякин стал частым гостем театра. Сидел на репетициях, пересмотрел весь репертуар, заглядывал в гримерки, приглашал в «верхний буфет». Разговаривать с ним было интересно, причем обо всем. Но, прежде всего, о Достоевском, о литературе. Познаниям Карякина Высоцкий поражался. Даже не столько запасом знаний (это дело наживное), сколько парадоксальностью суждений, неожиданностью

выводов, трактовкой, казалось бы, простых и ясных истин.

— Вот, говорят, Достоевский современен. Неверно, это самообман Нам еще расти, расти и расти до Достоевского. Никакой Достоевский не наш современник... Мы все в плену расхожих фраз. Все цитируют высказывание Федора Михайловича, что «красота спасет мир», но почему все забыли его же слова — «а некрасивость убьет»? Под красотой он понимал красоту христианскую...

Или еще. Совсем неожиданное.

— Володя, а вы думаете о смерти?

— Конечно.

— Без встречи со смертью не может быть ничего, нравственности быть не может. Я так долго думал об этом, что как будто накликал... Я умирал в 9 лет. У меня был дифтерит, был безнадежен.

В палате нас лежало четверо, трое умерли, я их всех помню... А я три раза умирал. Страшный приступ, задыхаешься — и все. Потом как-то прочитал: улетает душа в какой-то тоннель... А я это видел: она улетает, а ты остаешься и видишь себя, тело свое видишь... И чувство жуткой досады, что не успел доделать то, что, наверное, не мне одному нужно...

«Я говорил больше, он задавал очень сильные

вопросы, — вспоминал Юрий Федорович Высоцкого. — Спецификой его восприятия являлась его невероятная впитываемость. Он был, если позволено так сказать, **выпытчик**. Внутри него как бы помещался постоянно работающий духовный магнитофон, который все записывал. При этом Володю отмечала поразительная интеллигентность, состоявшая в том, что он подчеркнуто и, конечно, без унижения какого бы то ни было всегда давал тебе какой-то сигнал о том, что ты, мол, старше, а я — младше, и, соответственно, я веду себя так, а ты — иначе. Он как бы поднимал собеседника, провоцировал на монолог, а сам все это время что-то внутренне записывал, записывал, записывал...»

Литератор, тонкий знаток Достоевского, философ и горький пьяница Юрий Федорович Карякин считал Высоцкого своим младшим учителем. Старшими — Солженицын, Сахаров, Лидия Чуковская, Можаев, Любимов. А из младших «на первом месте, конечно, Володя. Я в полном смысле этого слова считаю себя его учеником, — говорил Карякин. — Когда свои «аккумуляторы» «садились», всегда можно было «подзарядиться» от этих людей...»

Когда в 1964-м Карякин впервые попал на Та-

ганку, то сразу понял, что пропал, влюбившись в этот театр и его актеров. Тогда еще обратил внимание на паренька, который стоял после спектакля в театральном коридоре и что-то пел под гитару, просто так, для себя. «Ему было 26, а мне 34, — вспоминал Юрий Федорович. — Он стал для меня воплощением возможности невозможного. У него было родное им всем, и Маяковскому, и Пастернаку, чувство: идет охота на волков. Была травля, была охота. Но — «я из повиновения вышел». Он первым выскочил из этого, почувствовал восторг свободы. «И остались ни с чем егеря», понимаешь? И мы, старшие, с каким-то недоверием: приснилось, что ли? А он не боится, он идет. Они стреляют, а он идет, по канату, и хохочет при этом! Он был осуществленной дерзостью. Не политической, черт с ней, - человеческой...»

Настоящее же понимание друг друга пришло с началом совместной работы над «Преступлением и наказанием». Они часами репетировали, спорили, вторгались в какие-то философские глубины. Карякин давал ему свои книжки, пичкал бесконечными историями. Рассказывал «младшему учителю» о своей непростой биографии. За спиной была такая череда взлетов и падений, что

на пятерых бы хватило. Попав в опалу ЦК, был отправлен в «почетную ссылку» в Прагу, оттуда — в «Правду». В 1968-м был исключен из партии за дерзкое выступление на вечере памяти Андрея Платонова. После бедствовал, учительствовал, перебивался случайными заработками и писал, писал, писал. В стол. Так что проблемы Высоцкого были ему близки и понятны. В официальную беллетристику Карякину удалось вернуться только в середине 70-х.

Ему очень хотелось проникнуть в таинство силы Высоцкого-актера. Вспоминал, как в перерыве между репетициями вышли на Садовое, стояли, курили, и он спросил его:

— Убей, не понимаю, как ты так быстро «врос» в роль?

— Надо, чтобы стало больно, как тому, кого играешь. Вот, помню, в школе, во время переменки мы заспорили: что слабо, что не слабо? Кто-то сказал: «А вот слабо воткнуть перышко в глаз?..» Один дуралей вдруг взял перышко, подозвал первоклассника — и воткнул... Я тогда как-то сразу многое понял. Как будто в меня воткнули! — объяснял Владимир.

Еще Высоцкий рассказывал, как они студийцами на третьем курсе занимались Достоевским.

Традиционно студенты ограничивались Чеховым и Горьким. А тут Достоевский! Вчерашний студент, их преподаватель Витя Сергачев предложил Высоцкому и Вильдан: «Давайте-ка, попробуем, рискнем поставить отрывок из «Преступления...». Возьмем целиком, без сокращений весь текст Достоевского — последний приход Порфирия Петровича к Раскольникову. Попытаемся полностью буквально выполнять все, говоря по-театральному, ремарки Достоевского, как у него написано, так и будем играть». Мы еще удивились: как, целый кусок? Это же очень много, долго! Если весь кусок играть — выйдет минут сорок. Сергачев молодец, не поддался: «Ну и что, что 40? Подумаешь!..» — «А как кафедра посмотрит? Там же на весь экзамен отводится часа два-три, не больше». — «Ну и пусть себе смотрят, это как раз их дело — смотреть». И они, правда, смотрели, не шелохнувшись...

«ТО БЫЛА НЕ ИНТРИЖКА - ТЫ БЫЛА НА ЛАДОШКЕ...»

О присутствии Ксюши в жизни Высоцкого знали очень немногие. Даже для «домового Таганки» Валерия Золотухина ее существование оказалось полной неожиданностью: «...что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал.„ Ничего. Совершенно далек я оказался в последние годы от него...».

Говорят, Оксану Владимир Семенович называл своей последней любовью. Когда они встретились, ему было под сорок, а ей — вдвое меньше. Но он с ходу, как выразилась Оксана, обалдел.

Особое положение юной девушки на Таганке объяснялось вполне прозаически: услугами ее тетки-стоматолога пользовались актеры любимовского театра, расплачиваясь сверхценным дефицитом — билетами. Дело житейское.

В антракте одного из спектаклей Оксана заглянула в служебную комнату, нужно было позвонить. «Там, — вспоминала она, — сидел Володя, и администратор Яков Безродный сказал: «Ксюша, это Володя Высоцкий. Володя, это

Ксюша». Володя в это время разговаривал по телефону, но сразу повесил трубку. Почему-то мимо аппарата... «Куда вы после спектакля?» — спросил он. «Домой». — «Не бросайте меня, я вас подвезу».

У театрального подъезда неутомимый жуир Смехов, усаживаясь за руль своих зеленых «жигулей», предложил: «Ксюша, давайте скорее, я вас жду». — «Нет, уже подвозят». — «Кто?» Она показала на машину Высоцкого. Смехов тут же скис: «Конечно, куда нам против «мерседеса»?!»

Владимир Семенович подвез Ксюшу, галантно взял телефончик, предложил встретиться. Девочка не только самостоятельная, но и своенравная, Оксана засомневалась, идти ли ей на свидание. Ее терзания возмутили подружку: «Ты что?! Да все бабы Советского Союза просто мечтают оказаться на твоем месте!»

Она мысленно представила количество этих женщин — и пошла.

С первой минуты разговора, казалось ей, у каждого из нас было ощущение, что встретился родной человек У нас было очень много общего во вкусах, привычках, характерах. Иногда казалось, что мы и раньше были знакомы, потом на какое-то время расстались — и вот опять встрети-

лись... Володя даже вспомнил, что бывал у моих родителей дома и знал мою маму.

Уже на следующий день Ксюша рассталась со своим мальчиком — потенциальным женихом. Отныне вся ее жизнь была заполнена только Высоцким: «Мне было достаточно, что мы вместе. И хотя, конечно, были и чувства, и накал, и страсть, о том, что он меня любит, он мне сказал только через год. И для меня это стало сильнейшим потрясением, моментом абсолютного счастья... Когда.. я в первый раз у него ночевала, мы утром встали, и я убрала постель... Он сказал: «Ты — первая женщина, которая убрала за собой постель...» Он вдруг понял, что я делаю это не потому, что он — Высоцкий, а человек, которого я люблю...»

«ЭРУ МИЛОСЕРДИЯ» МОЖНО ДАЖЕ В США...»

Когда к выстроенному павильону бильярдной подкатила машина и из нее появились Марина Влади с сестрой, сообразительный помощник режиссера тут же подлетел и сказал дамам, что мигом позовет Высоцкого.

«Вижу, — рассказывал актер Лев Перфилов, — выскакивает Володя из этой бильярдной. На крохотном пятачке лестницы начинается его невероятный танец на одной ноге. Это и «барыня», и «яблочко», и «тарантелла» одновременно. А между Мариной и Володей — несколько метров. Она смотрит — он танцует. Танец восторга! Забыть это нельзя. Вдруг, так же внезапно, он срывается с места и мчится обратно к камере...»

Едва Высоцкий появился в павильоне и подал условный сигнал, Говорухин тут же хлопнул в ладони и громко объявил: «Все! На сегодня — финиш. Всем спасибо. До завтра». Участники сцены в бильярдной облегченно вздохнули и зааплодировали. Ура, первый съемочный день позади!..

К режиссеру подошел Высоцкий: «Ну что, по-

здравляю с почином. Поехали?.. Марина ждет».

— Поехали!

К приезду гостей на приморской даче уже все было готово. Стол ломился, компания в сборе и в нетерпении. При появлении Марины Влади захлопали пробки шампанского, а навстречу именинице полетели букеты цветов...

Когда отзвучали здравицы в честь юбилярши, тосты за старт «Эры милосердия», Марина мягко коснулась руки Говорухина: «Слава, пойдем поговорим». Они поднялись из-за стола под цветущей старой вишней и пошли в дом. Это была дача друзей Станислава Сергеевича, которую они с Высоцким сняли специально к приезду Марины.

У дома их ждал Владимир. Когда они зашли в маленькую комнату, он запер дверь: «Чтоб никто не мешал».

— Слава, у нас есть просьба, — начала Марина.

— Я слушаю.

— Отпусти Володю с этой картины. Снимай другого артиста.

Говорухин вопросительно посмотрел на нее, а потом на Владимира.

— Слава, отпусти. Мы с Мариной так решили, — заговорил Высоцкий. — Понимаешь...

— Не понимаю, — отрезал Станислав Сергеевич.

— Не понимаю. «Вы так решили»... А обо мне вы подумали?! Потрачены огромные деньги, начался съемочный период. Вы с ума сошли! Отступать поздно. Это невозможно!

— Возможно, — возразил Высоцкий. — Помнишь, Вайнеры еще в прошлом году говорили, что на роль Жеглова подошел бы и 1убенко, и Сережка Шакуров. Забыл?

— Не забыл.

— Ну вот! — усилил напор Владимир. — Снимай, кто тебе мешает? У них получится!

— Весь фильм ставится на тебя. От сценария до партнеров. Ты же сам подбирал, кто тебя устраивает, кто нет. А теперь все это ломать к чертовой матери?! Только потому, что «вы так решили»?!

— Пойми, Слава, — Высоцкий уже не жалел друга, — мне так мало осталось, я не могу тратить год жизни на эту роль! Если хочешь, я на колени перед тобой встану, только отпусти. Я хочу еще мир посмотреть, отписаться, в конце концов. Пойми. Не заставляй ты меня...

— Я и не заставляю, — Говорухин старался говорить максимально спокойно, потому что знал: начнутся эмоции — Высоцкий с Мариной его переиграют. — Но эта роль для тебя. Вспомни, с каким трудом тебя пробивали, сколько мы потом

с тобой обсуждали весь этот долбаный фильм, все сцены продумали, весь антураж, все мелочи — от твоей прически до песен, сколько спорили, мечтали об этой «Эре милосердия». Тебе жаль мечты о путешествиях? А почему тебе не жаль нашей общей мечты об этом фильме?! Ты же знаешь, если ты уйдешь, из моей жизни нужно будет вычеркнуть целый год, чтобы вновь запуститься. Новый исполнитель, новый рисунок роли... Да ты же сам все прекрасно понимаешь, чего я объясняю?!

— Слава, отпусти Володю, — умоляющим тоном сказала Марина.

— Нет. Володя, ты хочешь путешествовать? Пожалуйста. Я для тебя создам самый щадящий режим. Никто не заставляет тебя сидеть весь съемочный период здесь, в Одессе. Езжай куда хочешь. Появляются свободные дни, приезжаешь, снимаем твои сцены. Не дури, Володя, все будет хорошо... Я тебе обещаю.

«Если бы я сдался в тот вечер, — скажет позже Говорухин, — как много бы потеряли зрители...»

Не сдался Говорухин. За полгода до этого разговора не сдался Любимов и порадовал марсельских зрителей гениальным Гамлетом...

***

У братьев Вайнеров была замечательная традиция: получение авторских экземпляров своей новой книги отмечать вместе с избранными друзьями за роскошным столом то ли в ресторане

Центрального дома литераторов, то ли в другом подобного же ранга заведении. О званых обедах и ужинах Вайнеров слагали легенды.

Выход «Эры милосердия» отметили, как водится, с размахом. Кроме того, каждый из гостей, естественно, получил свой экземпляр романа. Среди приглашенных был и Владимир Высоцкий.

«Наутро, — рассказывал старший из братьев, Аркадий, — он примчался. Говорит. «Ребята, я вашу книгу прочитал. Книжка превосходная!» Мы сказали: «Вовочка, спасибо, идем чай пить. Ты что, только ради этого примчался?» Он говорит: «Да. Впрочем, нет. Я пришел застолбить Жеглова». — «В каком смысле «застолбить»?» Он говорит: «В буквальном смысле. Вы же не делаете вид, что не знаете, что ваш роман — готовый сценарий большого многосерийного фильма, и Жеглова в этом фильме хотел бы играть я...»

Братья-соавторы — люди хитрые, начали

ехидничать, поддевать, дескать, есть и другие замечательные артисты. Тот же Шакуров, например, или Николай Губенко, они сыграют не хуже, а может, и получше. Высоцкий слушал, что-то прикидывал и наконец сказал: «А вам-то лучше и не надо, вам надо, **как я его** сыграю! Вам нужен мой Жеглов». И оказался прав.

Братья заключили договор и засели за сценарий, оставив за собой право выбора режиссера-постановщика, хотя подобное и не поощрялось. Первоначальной кандидатурой был Алексей Баталов. Он хотел не только ставить картину, но и играть главную роль. Потом было еще несколько кандидатур. Но и они не внушали доверия. На очередном званом обеде в ЦДЛ Высоцкий задал братьям вопрос в лоб: «Ребята, что у вас с режиссером?»

— Пока ничего.

— Тогда я хочу вам предложить замечательного парня, настоящего мужчину, рыцаря, так сказать, очень квалифицированного режиссера кинематографа Говорухина. Знаете такого?

Они честно признались:

— Нет, не знаем.

— Ну вот, он снимал фильмы «Вертикаль», «Робинзон Крузо», то-се... Короче, это прекрасный

парень, я у него снимался... Не хотите ли вы с ним познакомиться?.. Он просто мечтает снять эту картину. Роман ваш знает наизусть, я могу поспорить: откройте на любой странице, он будет шпарить эту страницу просто на память...

Высоцкий представил им Говорухина. Он сценаристам понравился. человек скромный, сдержанный, строгий, к тому же твердо пообещавший: «Я вам клянусь, что ни одной фразы, ни одной строчки, ни одного слова в сценарии без вашего согласия я не изменю. Я клянусь публично, в присутствии Володи...»

Словом, уладив все формальности, Вайнеры вместе со Станиславом Говорухиным удалились в Переделкино работать над режиссерским сценарием пятисерийного телевизионного фильма Впрочем, полного уединения не получалось. Время от времени в писательском поселке объявлялся Высоцкий, интересовался, как идут дела, подбрасывал кое-какие идейки, вспоминая некоторые характерные детали послевоенной Москвы...

Он работал параллельно с ними, показывал наброски будущих песен для картины, предлагал некоторые уже готовые. Например, «За тех, кто в МУРе», «Песню о конце войны», «Балладу о

детстве». Позже Говорухин говорил: «Хотя песни мне и нравились, я был категорически против. Я считал, что это разрушит образ, и это уже будет не капитан Жеглов, а Высоцкий в роли капитана Жеглова. Он обижался, мы ссорились». У братьев Вайнеров была иная версия: «По сценарию, Высоцкий в каждой серии должен был петь свою песню за Жеглова. Он написал заготовки всех пяти песен, но, когда шли съемки, вдруг сказал: «Ребята, а ведь это неправильно, если я буду выступать как автор-исполнитель. Мы тратим большие усилия, чтобы к десятой минуте первой серии зритель забыл, что я Высоцкий. Я — Жеглов. А когда я запою свою песню, все труды пойдут прахом...»

Так или иначе, но Высоцкий в фильме не пел, если не считать крохотного эпизода, когда капитан Жеглов неожиданно усаживается за фортепиано и начинает напевать Вертинского:

Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?

Куда исчез Ваш китайчонок Ли?.

Как водится, к фильму на «милицейскую тему» полагался консультант. Тогдашний министр МВД Щелоков назначил таковым своего заместителя

Константина Никитина, который помогал так, что почти не вмешивался в творческий процесс создания телесериала. В помощь «Жеглову» он определил генерал-майора милиции Владимира Илларионова:

— К тебе обратится актер Высоцкий. Дай ему что-нибудь из собрания «тюремной лирики», потолкуй с ним о быте и нравах послевоенного блатного мира.

«Через несколько дней, — рассказывал Илларионов, — ко мне в кабинет несколько смущенно вошел невысокого роста худой человек с запоминающимся лицом. Назвался. Я молча передал ему несколько заранее подготовленных альбомов. Поблагодарив, Высоцкий ушел.

С каждым новым приходом он задерживался все дольше, наши беседы становились все продолжительнее. Много говорили о сыщиках времен капитана Жеглова. Мне в начале 1950-х доводилось видеть их в деле... Высоцкого интересовало все: внешность сыщика, одежда, привычки, любимые жесты и слова, обращение с задержанными».

Утверждение Владимира Высоцкого прошло сравнительно легко. Устроили формальный отбор в ДК имени Горбунова. Всех кандидатов

приглашали из начинающих актеров, заведомо неконкурентоспособных. Им легче потом отказывать. Во время обсуждения на худсовете Никитин поддержал пробу Высоцкого и заявил: «Пусть будет он. А если что, то это же не телепередача в прямом эфире, а фильм! Здесь можно все отснятые материалы заранее проверить, и исправить».

А вот с партнерами были проблемы. На роль Шарапова режиссер предложил Николая Губенко. Но против его кандидатуры решительно возразил Высоцкий: «Мы с Колей мажем одной краской». И предложил Ивана Бортника. Дело дошло до проб, но потом застопорилось. Говорухин заупрямился: «Я предлагаю Владимира Конкина».

— Кто такой?

— Играл Павку Корчагина. Он замечательный! Это то, что для Шарапова надо. Вы не видели его глаза, его лицо — чистое, благородное.

Сделали кинопробы. Когда их показали на центральном телевидении, ни одного голоса за Конкина не было подано, и режиссеру официально порекомендовали искать другого исполнителя. Через десять дней Говорухин сообщил, что нашел десять актеров на роль Шарапова. «Увидели мы этих «Шараповых», — рассказывали Вайнеры,

— упали на пол и зарыдали, и захохотали... Он пригнал нам еще десять Конкиных, только похуже и пожиже.. Мы поняли, что в какой-то его режиссерской извилине образ Конкина засел у него навсегда..»

Плюс ко всему тем, *«кто был особо боек»,* ерепенился и возражал против Конкина, прямо сказали: «Вопрос решен. Скажите спасибо, что мы вам Высоцкого утвердили...» Только когда уже было снято более половины картины, Говорухин вспомнил о Леониде Филатове — «это был бы тот Шарапов, какого я хотел с самого начала».

С легкой руки Высоцкого Фоксом стал Александр Белявский. Хотя худсовет уже утвердил на эту роль Бориса Химичева, но режиссер был им недоволен, считая, что внешность актера не той эпохи. Высоцкий подсказал: «Зовите Сашку Белявского — он сделает...» Владимир же подсказал ему ключ к пониманию образа бандита, нашел нужные слова: «Саш, ты не ершись. Просто играй человека, который себя уважает». Отсюда и появилась эта «кровяночка», независимый взгляд. Аналогичная ситуация была с Виктором Павловым, который сыграл Левченко.

Но особый случай — Всеволод Абдулов. Осенью 1977 года он попал в страшную автокатастрофу,

и потом три недели находился в коме. «Вначале врачи вообще ко мне не подходили — знали, что случай смертельный и шансов нет, — вспоминал Абдулов. — Но я... не хотел умирать! Я ничего не соображал, но пытался им объяснить, что все-таки жить буду!»

Высоцкий подошел к режиссеру и сказал, что надо дать Севе шанс сняться, чтобы был стимул справиться с болезнью. Только так можно было привести его в себя. «И когда весной, — продолжал Абдулов, — я лежал в очередной больнице после тяжелой операции, пришел Володя со Славой Говорухиным. Они принесли мне 5 томов сценария... И оставили на листочке список ролей — на выбор. Я выбрал Соловьева. Страшные были съемки. Я не мог текст запомнить. Не мог запомнить, что Володю зовут Глеб. Но для меня решался вопрос: либо я буду продолжать жить и работать, либо — все...»

Тогда в Запорожье, в конце апреля 1978-го, за две недели до начала съемок в Одессе, будущий капитан Жеглов, но тогда еще Высоцкий, совсем неожиданно для меня сменил тему беседы и сам заговорил о том, что его по-настоящему, как он выразился, скребет за душу:

— Вот если бы мне позволили, я бы больше

всего хотел сам сделать кино. От начала до конца: написать сценарий, поставить его, сыграть в нем роль, исполнить свои песни. Но **им** же диплом нужен!..

Он на мгновение отвлекся: «Вот Толя Васильев, наш актер, окончил режиссерские курсы, все, казалось бы, снимай. Так нет, стоп. К кому я только не обращался — и к друзьям, и к знакомым, и к незнамомым, чтобы ему все же дали возможность снять фильм...»

— А о чем бы был фильм Высоцкого?

— Да есть у меня кой-какие заготовки, планы, наброски... Что-нибудь из времен гражданской войны, может быть... Вот, если выйдет — хорошо, если нет — тогда, значит, не получилось».

Он не хотел больше углубляться в эту тему, и, может быть, даже ругал себя, что проговорился о чем-то сокровенном, еще хрупком, неокрепшем, к чему и прикасаться-то было опасно. А, возможно, просто не хотел спугнуть возможную удачу.

В тот вечер он очень спешил: во время своего выступления в запорожском Дворце спорта «Юность» резко прерывал аплодисменты, оставлял без ответа записки. Просто добросовестно отрабатывал обещанную программу. На ходу объяснил: накануне звонил в Париж Марине — 1

мая она будет в Москве. Надо успеть. Суетились администраторы, бледнели и потели, подыскивая наиболее удобный вариант маршрута Запорожье — Москва. «Володя, есть! — в комнате появился взлохмаченный Гольдман. — Сразу после концерта на поезд до Харькова, оттуда есть ночной рейс на Москву. Успеваем!»

Сразу после выступления Высоцкий выскочил за кулисы, набросил курточку, схватил куртку, дорожную сумку и кубарем покатился по лестнице. «Пока! Еще увидимся!..»

В Одессе половину своего съемочного времени, по мнению сценаристов, Высоцкий тратил на то, чтобы руководить актерами. И делал это замечательно, потому что делал это уверенно, твердо, требовательно, как настоящий лидер. Не забывая при этом щедро «расплачиваться» с людьми. Мог спеть, отвлечь, развеселить, поднять настроение и внушить желание работать.

«Он всех умел очень точно расставить, — наблюдал со стороны Аркадий Вайнер. — Умел исключительно строго им приказать на съемочной площадке, хотя и не имел никакого права на это. Был таким же актером. А все перечисленное — компетенция ре- жиссера-постановщика. Но он умел приказывать так, будто он даже не

режиссер, а директор студии. Умел попросить. И все это делалось настолько обаятельно и легко, и приятно, и мягко, что все это охотно делали».

Во второй половине июня все счастливо совпало — и желание Высоцкого попробовать себя в режиссуре, и случайно подвернувшаяся зарубежная поездка Говорухина. Станислав Сергеевич знал о режиссерских амбициях друга и предложил: Пробуй, я как раз мешать не буду». За эти несколько дней Владимир Семенович заставил всех выложиться на полную катушку. Когда Говорухин объявился на съемочной площадке, со всех сторон раздались стоны: «Он нас замучил!»

Высоцкий самостоятельно срежиссировал сцены допроса и опознания Фокса, сцену, в которой Шарапов отпускает из-под стражи Груздева. Потом еще эпизод с Васей Векшиным. Высоцкий хорошо понимал цену детали, мелочи в общем антураже, в облике героев. Видимо, сказывались уроки старого кинематографиста Иосифа Хейфица. Исполнитель роли молодого оперативника Евгений Леонов-Гладышев рассказывал, как у его героя появилась татуировка на руке. Ведь по роману Векшин колонист, несмотря на возраст, повидавший многое. Посыпались предложения: «За Родину! За Сталина!», «Не забуду мать

родную»... Владимир Семенович предложил написать женское имя.

— Почему женское имя — парнишке всего шестнадцать лет?

— А в этом есть какая-то биография. Может, это его первая девушка, может, мать.

И сразу рассыпался целый букет имен: Оля, Света, Валя, Наташа, Люба, Таня, Клава, Леля... Леля! Это имя предложил Высоцкий. Все точно! — в довоенные и первые послевоенные годы это имя было очень популярным. Белое кашне морского офицера — весьма характерная деталь — появилось на шее у Васи Векшина тоже по предложению Высоцкого.

Ну, а как должен одеваться сам Жеглов?

В костюмерной Говорухин выпытывал у Высоцкого:

— Какой головной убор больше подойдет?

Высоцкий франтовато примерял кепочку:

— Как?

— Хорошо! — одобрил режиссер.

Высоцкий примерил шляпу. Говорухин сражен:

— Еще лучше! Мне и то и другое нравится.

— Мне тоже, — согласился Высоцкий. — Знаешь, что мы сделаем? — и надел шляпу на кепку.

— Вот мы снимаем меня в шляпе, а когда надо — я уже в кепочке. Раз тебе и то и другое нравится!

Потом на складе Одесской студии «капитан Жеглов» долго подбирал себе пиджак, искал джемпер в полоску. Примерно так же был одет киногерой Аль Пачино в одном из фильмов, который очень нравился Владимиру.

Исполнительница роли подруги Фокса Татьяна Ткач, даже когда была не занята на съемках, специально ходила на площадку, чтобы полюбоваться на работу Высоцкого. «Я до сих пор воспринимаю эту картину... как поездку к морю и встречу с Высоцким, — признавалась актриса. — Он мне был жутко интересен! Так, как он, у нас раньше не работали. Володя приходил на площадку с вызубренным текстом, с уже выстроенной логикой каждого эпизода, с кучей своих придумок — то есть во всеоружии. И если Конкин не знал текста, очень возмущался: «Как такое вообще может быть?!»

Возвратившаяся на съемочную площадку после вынужденного простоя Светлана Светличная очень комплексовала, думала, что не потянет роль сестры убитой. «Володя меня спас, — говорила она. — Сказал Говорухину: «Слава, ты знаешь, она должна реветь... Когда приходит беда, женщи-

на обычно начинает стирать или мыть посуду...» — это было очень точно. А еще он предложил мою героиню называть не по имени-отчеству, а просто Надюшей. И сразу стало как-то легко...»

«Каждым своим словом, взглядом, жестом Высоцкий задавал тон партнерам, — рассказывала Лариса Удовиченко (блестящая Манька-Аблигация). — Импровизировал он — импровизировали мы... Помните, она спрашивала, как писать: облигация или аблигация. Я по своей неграмотности не знала и спросила Высоцкого. Володя ответил: «Пиши: облигация». А режиссер Говорухин подслушал и ухватился: «О! Замечательно! Оставим в картине». Правда, теперь Говорухин рассказывает, что это придумал он...»

Спасибо, что хоть исполнитель роли Кирпича Стас Садальский не отрицал, что приблатненный говорок его герою придумал Владимир Высоцкий... Из подобных мелочей, как в мозаике, складывалась общая картина.

«Я заставал его всегда в наилучшей форме собранности, рабочей форме, он был необычайно перспективен и как режиссер, и как руководитель, — говорил Сергей Юрский. — В нем ничего не было от того, что говорили: гуляка, праздный, эдакий Моцарт, который все время сочиняет

песни, чуть отвлекаясь от них, небрежно делает какую-то работу, и она все равно гениальна... Этого ничего я никогда не заставал в общении с Володей. Я заставал человека трезвого, умеющего планировать и осуществлять планы, умеющего действительно быть руководителем без того, чтобы собою подменять всех остальных, контактного руководителя и контактного партнера, с которым дело иметь лично мне было необыкновенно приятно... Поэтому когда он говорил о том, что «я буду режиссером, вот куда меня ведет сейчас все», — я это не только одобрял, но и просто знал, что, да, это вполне возможно, это могла бы быть его перспектива».

Один лишь Владимир Конкин не мог скрыть своего раздражения: «Поскольку Владимир Семенович был другом Говорухина еще со времен «Вертикали», ему позволялось высказывать свое мнение по любому поводу и делать замечания всем и вся. Думаю, Высоцкий пользовался своей луженой глоткой чаще, чем это было нужно».

Жаль, Конкин — Шарапов не догадывался, что у Высоцкого была своя, очень высокая художественная корысть. Он не мог бросить просто так, на произвол судьбы то, во что вложил столько сил. Высоцкий не позволял себе выполнять свою

задачу, не обращая внимания на партнера, махнуть рукой, мол, как хочешь, так и снимайся. Ему нужно было подтянуть его к своему уровню, чтобы в итоге самому не проиграть.

***

Юной Наташе Хилькевич, дочери одесского кинорежиссера и друга Высоцкого, повезло: «На меня никто не обращал внимания, и я была свидетельницей краешка этой большой любви. Как-то они отправились с визитом, но минут через пять вернулись — Марина подвернула ногу. Володя встал на колени и, глядя в светлые глаза, поцеловал ее стопу...»

Но ей довелось увидеть и иную картину: «Заглянула в кухню- Высоцкий сидел с закрытыми глазами, качаясь вперед и назад, как маятник, и стонал. Я ощутила тягостное ощущение сосущей тоски, близкое к тому, что переживает человек в зрелом возрасте, когда осознает, что время — это физическая величина, а жизнь — конечна... Потом он пел, а я смотрела на его шею. Синие жилы надувались с каждым куплетом все больше. Помню, я боялась,- аорта лопнет и хлынет кровь. Слова «аорта» я, конечно, еще не знала. Но мне было ужасно жалко этого человека.. Внутри него

что-то билось, клокотало, рвалось наружу».

Слово, данное Марине Влади и Высоцкому при начале съемок, Говорухин держал. Владимиру позволялись и краткие отлучки, и длительные. Съемки многих эпизодов вообще велись без него, даже те, участие в которых Высоцкого было обязательно. Ерунда, волшебники-монтажеры обеспечат его виртуальное присутствие — «Он здесь!» — как тень отца Гамлета...

Пока жегловские оперы метались в поисках банды «Черная кошка», Владимир с Мариной устремились на Запад. В дороге случилась авария, *«полетели клапана и вкладыши»*, в придачу отвалился глушитель, пробило дно, разбилась фара и все прочее. Кое- как добрались до Кёльна, откуда Марина спешно улетела на съемки в Лондон, а Высоцкий остался у разбитого корыта, то есть машины. И еще с препаскудным настроением — на прощанье с Мариной разругались, и она оставила его без копейки: посмотрим, как ты тут один, без меня выкрутишься!. Ну и посмотрим.

На станции техобслуживания осмотрели повреждения, мастер пощелкал калькулятором и объявил приговор: две с половиной тысячи марок Фьюить! В бумажнике в обрез на поезд до Парижа. Хорошо, что рядом очень вовремя

оказался изобретательный Роман Фрумзон.

С пронырой Фрумзоном Высоцкого познакомили несколько лет назад в легендарном подмосковном ресторане «Архангельское», где на ночные пирушки собиралась «вся Москва» — от Гали Брежневой до хоккеистов ЦСКА. Ромка, по слухам, промышлял фарцой, иконами, антиквариатом, имел надежные каналы транспортировки этого добра на Запад. А вслед за своими сокровищами он и сам двинул на ПМЖ в Германию. Без него Высоцкому в такой ситуации было не обойтись. Деньгами Фрумзон, правда, не выручил, помог советом:

— Идем к Нэлке Белаковски, помнишь ее по Москве? Ну, стоматолог, у нас она Бродская была, вспомнил?

— Конечно! А что, она тоже здесь?

— Здесь, и очень даже хорошо себя чувствует. «Поднялась» прилично, зубки фрицам лечит, к ней в очередь записываются. А вокруг нее все наши вчерашние москвичи пасутся...

Приехали они к Нэлли. Ситуацию опытная женщина мигом оценила:

— Помогу На вечер соберу всех наших, устроим домашний концерт. Пггара с собой? Нет? Достанем. Приходите вечером...

Да, давненько у него «квартирников» не было. Ничего, переживем.

Было воскресенье. Нэлли села на телефон, собрать команду помощников. Так, ты — достаешь гитару, ты — занимаешься выпивкой, ты — закуской. Поезжай во Францию, там сегодня ярмарка, купишь что угодно вдвое дешевле.

Пока посыльные трудились, Нэлли обзванивала знакомых:

— Высоцкий сегодня вечером дает у меня дома концерт. Милости просим Ну, сами понимаете...

К вечеру просторный дом Нэлли был полон. Рассаживались кто где, половина — устроилась на полу. Никто не роптал. Столы были заставлены деликатесами, выпивкой. Высоцкий начал петь около девяти вечера, а закончил в час ночи. Шапка, вернее ведерко для шампанского, пошло по кругу. Когда гости ушли, подсчитали выручку — получилось 2600 марок «Вот так-то, Мариночка, я победил! Что мне твоя чековая книжка, тем более она с тобой в Лондоне?!»

Назавтра он отправился погулять по Кёльну, заглянуть в магазины и определиться с билетами. Нэлли вызвалась его сопровождать. Женщина внимательная, сразу определила: «Я думаю, что у Володи в Союзе была подруга — девушка очень

миниатюрного размера... Говорили, что какая-то актриса театра «Современник». Не знаю, Володя своих тайн не открывал... Он покупал этой девушке пальто, дубленку, еще какие-то вещи, советовался со мной. Но все это было очень маленького размера..»

Зато как Ксюха радовалась, когда он вручил ей целых два чемодана германских шмоток. Ей льстило, когда подруги стали представлять: «Знакомьтесь, это Оксана, у нее семнадцать пар сапог».

Когда Марина соизволила-таки вернуться из Лондона, он приготовил ей прекрасный букет и спел окончательный вариант начатой еще в прошлом году песни:

...Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу,
Обнажаю гнилые осколки.
Но на татуированном кровью снегу —
Тает роспись: мы больше не волки!

«У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем», — говорила Марина...

Из Парижа они перебрались на Таити, а потом окольными путями побывали в Штатах. Побывали в гостях у Виктора Шульмана, отдохнули в его

«Грин Маунтен отеле», но главное — договорились с ним о проведении серии концертов в США и Канаде в начале следующего года.

— Веня, где Хил?

— В клинике, подключили какие-то провода, ведут курс интенсивной терапии, но сам знаешь...

— Они тут ни хрена не понимают, я все привез с собой, самые последние препараты. Поехали!

Когда закончился ответственный съемочный период «Трех мушкетеров», и пришло время «озвучки», режиссер-постановщик Юнгвальд-Хилькевич позволил себе расслабиться, и «развязал». Его жена в отчаянии позвонила Высоцкому в Париж: Юра умирает, организм отравлен!

«В палату, — рассказывал Смехов, — конечно, не допускается никто со стороны. Вдруг прилетает... Высоцкий, узнает, где Юра, врывается в палату, на глазах обомлевшей сестрички отключает его от всех проводов, одевает и тащит к выходу. Скандал! Сестричка, не веря глазам, шепчет: «Это реабилитация... Его нельзя трогать... Меня под суд...» Высоцкий быстро пишет расписку с тоном, который уже никому не повторить, убеждает медсестру: «Я все знаю. Вам ничего не будет. Передайте руководству, что Высоцкий взял его на себя, и вас реабилитируют!» Увез бездыханное те-

ло. Дома напичкал его новейшими французским средствами, и через пару дней режиссер явился в студию».

Когда Юнгвальд-Хилькевич только затевал своих «Трех мушкетеров», он подумывал пригласить на роль д'Артаньяна Высоцкого. Даже начал подбирать под него и остальных актеров, ведь фильм по сути своей компанейский. Говорили даже о песнях для будущей картины. Но, взвесив, режиссер решился на откровенный разговор, все-таки для этой роли Высоцкий уже был староват. «Володя, ты представляешь себя д'Артаньяном? Какое ты отношение имеешь к этой роли?» — «А Майкл Йорк?..» Впрочем, потом согласился, время ушло.

Даже при всем желании и полном «согласии сторон» он физически не мог угробить столько месяцев на «Трех мушкетеров». В работе же было столько проектов, а некоторые только вертелись в голове, даже не вылившись на бумагу..

После «операции с Хилом» он должен был вернуться к «Месту встречи», благо съемки уже продолжались в Москве, и спокойно можно было изображать перед Юрием Петровичем свою заинтересованность в работе над брехтовским «Турандотом, или Конгрессом обелителей». Песенку гангстера Гогера-Могера сочинил, на

репетиции являлся. Но исподволь готовил себе замену, подговаривал Юрия Медведева, которому очень хотелось сыграть роль предводителя пекинской банды:

— Юра, я смотрел твою репетицию. С балкона. Ты пойми одно: Петрович хотел видеть меня в этой роли...

«Больше часа, — вспоминал Медведев, — Володя мне показывал, как он это видит.

— Я все равно играть это не буду, но вот посмотри... Это ты делаешь, по-моему, неверно, а это у тебя получается хорошо».

И было ясно, что Володя вводил меня в роль, уже тщательно им обдуманную...»

«ВСЕ, БРАТЬЯМИ МОИМИ СОДЕЯННОЕ, ПРЕДЛАГАЮ НАЗВАТЬ «ВАЙНЕРИЗМОМ...»

Работать с Высоцким на площадке было сплошным удовольствием, признавал Станислав Говорухин. Он мгновенно схватывал суть режиссерского указания. И на репетициях, и перед камерой.

Эпизод с преследованием Фокса — погоню двух автомобилей — они снимали чуть ли не месяц. Высоцкого в «Фердинанде» за это время ни разу не было. Потом, когда он приехал из-за границы, за пару часов досняли его крупные планы, где Жеглов выбивает окно, высовывается из него, стреляет, несколько реплик бросает водителю... Все, снято, всем спасибо!

Для съемки кульминационной сцены — засады на Фокса в ресторане — выбрали «Центральный» на улице Горького. Время съемки — всего две ночи. Поскольку бюджет строго лимитирован, а массовка требовалась немалая, решили обойтись малыми силами — привлечь к работе знакомых.

Высоцкий объявил полный сбор. Так в кадр попали дочь Георгия Вайнера Наталья Дарьялова, сын Вадима Туманова Володя, которых Жеглов усадил с собой за столик Концертный импрессарио Владимир Гольдман сыграл подвыпившего посетителя с полным карманом денег. Не хватало исполнительницы роли официантки Марианны.

— Есть! — осенило Высоцкого. — Наталья, жена Бабека Серуша! Слава, ты ее знаешь, подойдет идеально.

— Звони ты, — попросил Говорухин.

Капризная Наталья заупрямилась: поздно, надо приводить себя в порядок, мыть голову... Потом заявила: «Мне Бабек запретил сниматься...»

Высоцкий находит Серуша, крутого по тем меркам бизнесмена, на другом конце Москвы: «Ты что, запретил Наталье снимать- чя?» — «Ничего я не запрещал». — «Ладно, где ты находишься? Я сейчас заеду, и мы поедем за Натальей».

Приехали, рассказывал Серуш, а она нам говорит: «Хорошо, я поеду, если Бабек будет со мной». А Володя: «Да это очень хорошая сцена! Это недолго — пару минут — и все». Приехали. Эту «пару минут» они снимали до шести утра. Муж «официантки Марианны» даже задремал где-то в кресле. А Высоцкий все время тащил его

в зал: «Давай, мы тебя тоже снимем!»

На завершающем этапе съемок, когда все уже были измотаны до предела, а Высоцкий работал уже без большой веры в особый успех, Говорухин принялся подначивать актеров, чтобы они, развернув свою фантазию, импровизировали. Здесь, признавал режиссер, «с Высоцким мог поспорить только Бортник.. В финале, когда берут бандитов, Бортник, к нашему полному изумлению, устроил такую сцену куража: с проклятиями, песнями, прибаутками!»

«Помню, подъезжаем мы с Володей, — рассказывал Иван Бортник, — после спектакля «Павшие и живые». Стоит мрачный Говорухин и ругает на чем свет стоит актеров: что же это вы выходите все с поднятыми вверх руками и никто ничего интересного придумать не может?! И я, пока переодевался, пока заматывал на шее шарф, прилаживал кепку, надевал сапоги, придумал себе выход с этой песней «И на черной скамье, на скамье подсудимых...» Для всех это стало полной неожиданностью. Чтобы не тратиться на актеров, в этой сцене снимали настоящих милиционеров, их только переодели в форму 40-х годов. И вот один из них, мимо которого меня повели к «воронку», стоит и откровенно смеется...

А я настолько вошел в роль, что плюнул Жеглову в лицо. Он оторопел, утерся... Конечно, все это потом вырезали...» Говорухин оправдывался: «Из соображений общего метража».

К сожалению, улетучилась из окончательного варианта «Места встречи»^ трогательная сцена с голубями. Эпизод, в котором Жеглов при попытке бегства убивает Левченко, снимали в районе станции метро «Таганская». Виктор Павлов, исполнявший эту роль, сразу почувствовал: «Настроение у Володи какое-то праздничное. Говорит: «Вить, пойдем чего покажу. Видишь вон, машина новая? Это моя. Поехали, прокачу». Сели мы в его «мерседес», сделали круг. А я ему и предлагаю: «Чего на месте-то топтаться? Поехали на Птичий рынок. Тут рядом». Поехали. Голубей накупили — треха за пару. Привезли мы птиц на съемочную площадку. Наши там уже собрались, и мы стали у всех на глазах выпускать голубей. Все обалдели от такой прелести. Приступили к съемкам. Я бегу по снегу. Высоцкий в меня стреляет. Ба-бах... падаю. Володя подбегает с бледным лицом, берет мою руку, целует. «Голубятник, вставай. Я тебя никогда не убью...»

Натурные съемки в Москве, как правило, оцепляли милицейские кордоны. Народу у

ограждений толпилось множество. «Поклонники Владимира Семеновича ошивались поблизости, в надежде на автограф, — косился Конкин. — Да и просто живого Высоцкого увидеть — подарок судьбы... Тут Владимиру Семеновичу понадобилось поправить что-то в прическе, и он отошел к гримеру. Вдруг из-за наших спин раздается его «ор» — иерихонская труба. Мы с Говорухиным оборачиваемся, и наши челюсти «падают» на асфальт. Какая-то почитательница его дарований непостижимым образом проникла на съемочную площадку. То ли между милицейскими сапогами мышкой проскользнула, то ли через крышу театра на канате спустилась... И вот она увидела своего кумира! И готова на все! Так говори же! А ее «заклинило». Только беззвучно, как рыба, рот открывает. И, в конце концов, не найдя лучшего способа выразить свои чувства, она... укусила его за плечо. Что и явилось причиной крика. Ну, укусила, попробовала, каков Высоцкий на «вкус» — отойди. А дамочка еще больше от своего дикого поступка растерялась, забыла, что перед ней еще не памятник Ему больно! Он пытается ее оторвать, но не тут-то было. Еще кожаное пальто выручило, а то бы точно отгрызла ключицу. Не выдержал Владимир Семенович: «Помогите же!»

Мы обалдели, но, опомнившись, за руки, за ноги барышню от него оторвали. На следующий день, помимо кольца дежурных и веревок, поставили еще милицейский «бобик» с решетками. И как только возникала пауза, он тут же — нырк в «кутузку». Старшина его запирал и ходил гордо, поигрывая носком сапога: «У меня там Высоцкий отдыхает!..»

Экономя время, Высоцкий разъезжал по своим делам в перерывах между съемками, не переодеваясь. Однажды заехал домой к приятелю, а его мама, увидев Владимира в кургузом пиджачке Жеглова, всплеснула руками: «Ой, Володя, у вас орден Красной Звезды! За что?..»

Вот и идея! Полушутя, предложил Вайнерам: «Давайте сделаем фильм, за что я получил этот орден!» Посмеялись. Но эта мысль накрепко в нем засела, и он время от времени к ней возвращался. Придумал даже начало фильма «Место встречи изменить нельзя-2»: «Представим себе снежную зиму. Наше время. Кого-то хоронят. Старики медленно идут к выходу. Один случайно оступился и смахнул снег с маленького обелиска. На фаянсовом овале — мой портрет во френче со стоячим воротником. И надпись: «Капитан Жеглов. Погиб при исполнении служебных обязанностей».

Старики тихо беседуют между собой: а кто такой этот капитан Жеглов? Никто не помнит... Надо рассказать о жизни и смерти человека, который знал, за что и как он умрет.„»

В основу сюжета Владимир предложил положить реальное уголовное дело, связанное с железнодорожным транспортом: «Когда мне было совсем-совсем немного лет, я помню одну облаву. Мы жили... напротив Ржевского вокзала. Бандиты собрались ограбить эшелоны, которые приходили из Германии, на вокзале были запасные пути. И я помню стрельбу, колоссальное количество милицейских машин, и как мы смотрели в форточку на все это. Я помню эту облаву..»

Потом нафантазировал эпизод с намеком на дальнейшее развитие особых отношений Жеглова и Надюши, сестры погибшей от рук бандита Фокса. Должна же быть у него любимая женщина! По его идее, когда всё заканчивается и все собираются в ресторане отмечать это событие, в зал по лестнице спускается Жеглов, поддерживая под руку Надю. Зритель, он у нас умный, убеждал он Говорухина, сразу поймет, что у капитана появилась любимая. Он даже присмотрел один одесский ресторан, где бы можно было все это

снять...

Когда съемки заканчивались, братьям Вайнерам он принес вчерне набросанный сюжет.

Самый неприятный для Высоцкого был период тонировки, «озвучки», когда часами надо стоять перед микрофоном и пытаться «вложить в губы» своему персонажу нужные реплики. Времени этот процесс съедает немерено.

Леонид Куравлев удивлялся: «Я не могу на протяжении восьми часов заниматься этим делом — устаю, голоса не хватает. А Высоцкий всегда попадал в нужную интонацию, в звуковой ряд. Как очень музыкальный человек, он прекрасно владел ритмикой, точной интонацией. А ведь для создания образа это немаловажно. Иначе глаза на экране будут говорить правду, а фальшивая интонация эту правду будет перечеркивать...»

Но Говорухин постоянно был недоволен: «Володя... нервничает, торопится. После одного-двух дублей в тон-студии, бывало, заявлял: «Да ладно. И так сойдет». Я требую записать еще дубль. Он бушует, выносится из зала, через полчаса возвращается, покорно становится к микрофону. Ему скучно, он уже прожил жизнь Жеглова, его творческое нутро требует нового...»

Потом Высоцкий говорил Говорухину: «Слава,

дружить с тобой хорошо, но работать — не приведи Господь!»

***

На Таганке вроде бы наклевывалась интересная работа. Юрий Петрович задумал инсценировать новый роман Трифонова «Дом на набережной». После первой же читки Высоцкий решил: работать буду обязательно. Любимов уже намечал его на роль Глебова.

Доверявший своей интуиции, Высоцкий ощущал вокруг желчь и угрюмую неприязнь, разлитые в воздухе родного театра. Иногда соглашался с Мариной, которая утверждала, что «за исключением некоторых — Демидовой, Золотухина, Шацкой, Филатова, Дыховичного, твоих друзей, — все кусают себе локти от зависти и всячески портят тебе жизнь». Она чувствовала, что «особенно ненавидели тебя девочки. Распространяли слухи, пытались поссорить тебя с Любимовым, превратили театр в корзину с копошащимися крабами».

А в этой «корзине», в общем-то, далеко не все ясно понимали, кто такой Высоцкий. Зависть завистью, это для актерской среды — дело обыденное. Она была, есть и будет. Вопрос в ином:

коллеги пребывали в совершенной уверенности, что они точно такие же, как Владимир Высоцкий. А что тут, собственно, особенного? Вот, наши гримерки рядом, вот в программке фамилии значатся рядом, набраны точно таким же шрифтом, и званий почти ни у кого нет. Разве что у самого Любимова регалии обозначены.

Истинный масштаб его личности, который и предполагать никто не мог, обнаружила только смерть, когда ахнула вся страна. Гении всегда выше общепринятых оценок В свое время Пушкин писал Вяземскому по поводу опубликованных дневников Байрона — ах, мол, как всем стало хорошо, что Байрон тоже дрянь. Нет, сволочи, он тоже дрянь, но не такая, как вы...

Это сегодня с улыбкой, как курьез, воспринимаются воспоминания о публичном «судилище», которое пытались затеять над Высоцким некоторые члены труппы: «Вот Владимир Семенович очень зазнался и... не здоровается со мной! И, вообще, ни с кем не здоровается». Высоцкий, рассказывали, страшно расстроился, кинулся к капельдинерше- «Тетя Клава, я с вами не здороваюсь? Я зазнался?» Слава богу, та успокоила: «Да нет, ты хороший, ты со всеми здороваешься. Ты вежливый. Это они плохие! Они ни с кем, и со

мной не здороваются».

Наиболее преданные пытались его защитить. Зинаида Славина объясняла: «Когда он один выверял текст, мог не замечать никого. Те обижались, а он просто в тот момент видел только строки. Мимо меня раз прошел с текстом, говорю: «Володенька. Мы с тобой не поздоровались, ты что, сердишься на меня?» — «Нет, — говорит, — я был в себе...» Даже робкая Офелия — Наталья Сайко осмелилась подавать свой голос в его защиту: «Не зазнавался он.„ Настолько был погружен в свои мысли, в свои дела, в свои проблемы... Иногда он прилетал на спектакль впритык.. И тут же врубался в работу. У него не было такого — настроиться, войти в роль. Целый день он был настроен на творчество». Бориса Хмельницкого, видимо, не зря называли в театре Бэмби. Он старался примирить и чистых, и нечистых: «Володю обожали, любили. Но смешно говорить, что все должны были его любить. Это глупо. Так не может быть. И Пушкина не все любили».

Что оставалось Юрию Петровичу Любимову? Только разводить руками: «Ну, я же не могу отвечать за всех. Актеры — как дети... Да, многие из колегг.. его терпеть не могли — конкурент. Но это ведь артисты, они что хотите изобразят. Будут

так рыдать и вроде бы настоящими слезами...»

А сам герой злился и не понимал: «За что? Ну что я им такого сделал?! Что я, луну с неба украл? Что «мерседес» у меня, что ли?!»

***

Юрий Федорович Карякин, не чувствуя себя в театре посторонним человеком, понимал, что с его «Преступлением и наказанием» на Таганке происходит что-то неладное. Он предложил Высоцкому сходить в «Современник»: «Там у меня шел спектакль по Достоевскому... Совершенно фантастически играл Раскольникова Костя Райкин. Высоцкий приехал Мы посмотрели спектакль, поехали к нему. И тут как раз он сказал, что хочет уходить из театра. Я перед ним чуть на колени не встал, умоляя: «Останься и сделай Свидригайлова». Так бывает нечасто, но никого другого в этой роли тогда я просто представить себе не мог. Мне повезло: у него было одно спасительное для меня качество — соревнование с самим собой, азарт. Не знаю, кто или что тому виной, но, в конце концов, этот азарт сработал и здесь. У Володи возникла потребность даже не то чтоб сыграть... понять, раскусить еще и этот орешек».

И Высоцкий начал очень быстро входить в спектакль. «Было всего три-четыре репетиции, — рассказывал «хроникер» Достоевского, — в которых у него, правда, совсем ничего не получалось. Там ведь вся идея спектакля заключена в том, что в своей дуэли Раскольников и Свидригайлов должны быть вопиюще неравноправными... Ну, что делать льву с котенком? А вначале Саша Трофимов, игравший Раскольникова, настолько вошел в роль, что просто забивал Володю. Мы сидели в темном зале, я что-то вякал о философском смысле дуэли., а у них ничего не получалось. И вдруг Любимов вскочил со своего кресла и разъяренно закричал на Высоцкого: «Да не слушай ты этого Карякина с этой его там философией! Ты представь себе, что это не Раскольников — мерзавец из Министерства культуры не пускает тебя в Париж!» Я настолько... обалдел от такого гениального кощунства, что замолк. Но в предчувствии чего-то. И вот тут произошло... «Сейчас, — сказал он, — сейчас-сейчас, Юрий Петрович» Походил-по- ходил. И вдруг началось... Структура спектакля была схожа с планетарной системой, в центре которой помещается Раскольников, а вокруг него уже вращалось все остальное. Что бы ни происходило на сцене — все шло с оглядкой

на него. А тут вдруг у нас на глазах началось крушение прежнего миропорядка, и все закрутилось вокруг Володи. Произошел слом планетарной системы, и минуту-две все, как завороженные, смотрели на это, потом Саша — могучий Саша, лев! — почти детским голосом **промяукал**: «Я так не могу, Юрий Петрович...» И мы хором все завопили: «Да так и надо!»

Видимо, именно тогда спектаклю и решено было вернуть классическое название «Преступление и наказание». Во всяком случае, вначале он именовался «Родион Романович Раскольников».

В «воспитательных» целях Юрий Петрович Любимов на роль Свидригайлова, кроме Высоцкого, назначил Ивана Дыховичного. Хотя перед тем Владимир ставил перед шефом условие: никто, кроме него, репетировать не должен. Любимов потребовал, чтобы Дыховичный все равно сидел в зале.

«Когда я сообразил, что на сцену меня не выпустят, — рассказывал актер, — то отказался участвовать в такой комбинации. Любимов устроил истерику: «Что за поза? Какое вы имеете право?» А я сказал: «Хорошо, Юрий Петрович, тогда с этого момента я репетирую в очередь». Вскоре меня вызвали на прогон, поскольку Во-

лодя запил. Я уже стоял за кулисами в ожидании своего выхода, когда вдруг услышал топот: это был он, он успел выбежать на сцену вместо меня. Ну, выбежал ладно. Но Любимов этого не остановил. Тогда я спокойно сел в машину и уехал. А когда меня опять вызвали, то просто послал их на х... Но и Володе сказал, что так не поступают...»

***

После спектакля в гримерку заглянул Василий Аксенов: «Привет! Сто лет не виделись». Поболтали на дежурные темы, оба искренне посетовали на тотальный цейтнот. Классик еще благодушно попенял: «Что же это вы, ребята, у меня название для своего спектакля слямзили? Что своей фантазии не хватило? Да я на вас епитимью наложу!», намекая на свои «Поиски жанра», но потом посерьезнел: «Володь, у меня к тебе вот какое дело...»

— Молодые ребята, фамилии пока тебе ничего не скажут — Понов и Ерофеев (нет, не Веничка, другой — Виктор), очень способные, кстати, затеяли пощекотать нервишки нашему Союзу (нет, не геополитическому — писательскому) и задумали сотворить неподцензурный литературный альманах. Даже название придумали — «Метрополь». Ну, а меня пригласили в качестве «дядьки»

для работы с авторама Идея такова — опубликовать все, что у кого-то из литераторов в свое время было пущено под нож и не увидело свет.

Кое-что уже дала Белла, свою прозу дает Андрей Битов, Фазиль Искандер, Андрей Вознесенский, Аркаша Арканов, я... Попросили переговорить с тобой. Затея рискованная, но почему бы не попробовать? Как ты?

— А что я? У меня вообще практически ничего не публиковалось. Кроме как в самодельных томах. Пожалуйста, пусть берут, чего захотят. Только не последние. Может, их еще напечатают, вроде бы кто-то что-то обещал...

Один из инициаторов «Метрополя» Евгений Попов гордился: «Мне пришлось редактировать большую подборку стихов Высоцкого... Он принес на квартиру покойной мамы Аксенова Евгении Шнзбург (возле станции метро «Аэропорт»), где я тогда временно проживал, несколько своих «самиздатских» книжек.. Кстати, на титульных листах этих книжек были такие уведомления: «Просим власти не преследовать Владимира Высоцкого, так как он не имеет к этим изданиям никакого отношения». Я отобрал более двадцати стихотворений — в основном, это были тексты таких знаменитых песен, как «Охота на волков»,

«Банька по-белому», «Гололед», «На Большом Каретном». Потом Высоцкий пришел править свои стихи и обнаружил в подборке текст песни Кохановского «Бабье лето»... Этот текст мы с ним, конечно, убрали. И вообще, он очень серьезно отнесся к редактированию своих стихов. Долго правил тексты, выбирал лучшие варианты. Уже ночью потом позвонил мне, извинился и сказал, что придумал правильный вариант одной строки, — и я записал...»

«Володя всем нам подавал идеи, — рассказывал Аксенов, — вселял во всех нас энергию, шутил... Приходил в «подпольный» штаб альманаха, стучал в дверь, а сибиряк Попов низким басом спрашивал: «Кто там?» — «Это здесь печатают фальшивые деньги?» — отвечал Володя... От него шла светоносная положительная энергия».

«Мы хохотали, понимая, что получим за свое дело по зубам, — вспоминал другой «метрополец» Виктор Ерофеев, — но что те, наверху, совсем озвереют, и в сравнении с нами, «литературными власовцами», настоящие фальшивомонетчики будут для них социально близкими людьми, почти родными, не предполагали. Каждый вносил что-то свое, неповторимое. Высоцкий посвятил «Метрополю» песню, он как-то спел из нее

несколько куплетов. Потом все куда-то исчезло, как и многое другое...»

Было решено изготовить 12 экземпляров. Первый по дипломатическим каналам был переправлен на Запад, в издательства «Ардис» и «Галлимар». Другие переданы в ВААП, ЦК КПСС, Союз писателей с предложением издать альманах официально. Они сознательно шли на такой эпатажный шаг, прекрасно понимая провал.

Тяжеленные альбомы по тысяче машинописных страниц были одеты в обложки из толстого картона, крытого так называемой «мраморной бумагой». Предметом особой гордости Мессерера и Боровского были завязки из ботиночных шнурков.

***

Не сдержавшись, Высоцкий все же позвонил Эфросу:

— Анатолий Васильевич, признайтесь, это вы подговорили Швейцера пригласить меня на роль Дон Гуана? Нет? А как же наш с вами «Каменный гость», что для радио делали?.. Ну, значит, совпадение, мистика. Да, Михаил Абрамович собирается делать для телевидения «Маленькие трагедии». Скоро пробы. Ага, к черту! До встре-

чи...

После неудачи с «Мак-Кинли» со Швейцером Высоцкий практически не общался. Так, виделись время от времени. Обида растаяла. И поэтому, когда режиссер предложил ему подумать над ролью пушкинского Дон Гуана, Высоцкий даже обрадовался.

Свои резоны Михаил Швейцер объяснял таю «Я пригласил его потому, что внутренне Высоцкий больше всех похож на Дон Гуана и отчасти на самого Пушкина. Все почему-то думают, что Дон Гуан — это красавец мужчина под два метра ростом. На самом деле волевые человеческие качества артиста Высоцкого дали ему право и возможность сыграть эту роль. И воплотить свой особый взгляд на пушкинский персонаж. Высоцкий вообще очень близок к Пушкину своим мироощущением. И вразрез обывательскому мнению в Дон Гуане он сыграл не просто самца, который преследует особ женского пола. Его стихия — борьба. Женщина — поле его битвы. Вся сцена с Доной Анной должна была строиться на том, что Дон Гуан постоянно усложняет себе задачу там, где другой пытался бы ее упростить. Он сознательно ставит себя в опасное положение. Он делает все, чтобы вызвать «гнев небес». Это

ему и интересно — вызов судьбе, который несет огромное наслаждение...»

Как заманчиво сыграть игрока в опасность! Кто такой Дон Гуан? Поэт, который всегда будет победителем, даже в момент гибели. Пушкин, скорее всего, писал его, глядя в зеркало на свое отражение. Владимир чувствовал знакомую лихорадку азарта, ощущение риска, страх, волнение и гордость от осознания того, что он сумеет этот страх перебороть.

Прилетевшая в конце декабря Марина только подбавила огня и желания сниматься в «Маленьких трагедиях». Он был готов участвовать в съемках хоть завтра... А завтра был Новый год.

***

Пока гости на Малой Грузинской о чем-то спорили и смеялись за праздничным столом, Высоцкий поманил за собой Эдуарда Володарского, завел в кабинет, закрыл дверь, поставил на стол пишущую машинку и почти приказал:

— Давай! — а потом сказал просительно. — Ну хотя бы две-три первые сценки, мы же их уже обсудили... Вот бумага. Копирку почаще меняй, чтобы остальные экземпляры хорошо читались. А я тебе сейчас кофе принесу.

Володарский обреченно вздохнул, вставил в каретку четыре копии и напечатал: «Туманное майское утро. Сквозь зыбкую пелену виден лагерь, бетонные столбы с натянутой проволокой под током высокого напряжения... «Титр: «Было 2 мая 1945 года. До конца второй мировой войны оставалось несколько дней...»

В комнату заглянул Высоцкий с большой чашкой кофе. Заглянул через плечо, сказал удовлетворенно: «Ну вот, молодец. Слушай, тут ведь даже придумывать ничего не нужно...»

Свою удивительную историю пленения, побега из немецкого лагеря в самом конце войны и последующих фантастических приключений в Вене Высоцкому в течение нескольких вечеров рассказывал генерал Войтенко. Когда Владимир пересказывал все это Володарскому, драматург сразу профессионально оценил огромный кинематографический потенциал документального материала и сделал себе зарубку на память: обязательно пригодится. Но он не ожидал такого скорого напора со стороны Высоцкого. Хотя знал, что остановить товарища в достижении какой-либо цели, которая в тот момент ему представлялась самой важной и нужной, практически невозможно. Он пер напролом, как танк, как

асфальтовый каток, абсолютно **неостановимо**.

Даже, когда отзвенели новогодние куранты, он не унимался, поднимался из-за праздничного стола, подходил к Володарскому с рюмкой и, чокаясь, заговорщически говорил: «Слушай, а вот может быть еще такой поворот...»

За стеной, в соседней комнате, гости Высоцкого продолжали праздновать Новый год, а несчастный сценарист сидел и барабанил по клавишам машинка Хозяин выходил-заходил, подкидывая новые идейки:

— А вот в сцене на вилле...

Володарский кивал, послушно записывал за соавтором, что-то додумывал и ему уже самому не хотелось бросать начатое. Профессиональным нюхом чувствовал: идет, идет, идет! Только бы не спугнуть удачу — знал, что так бывает — значит, надо гнать, пока пишется.

Ушли гости, улеглась спать жена Володарского Фарида, Марина заканчивала греметь посудой на кухне. А они работали, как проклятые. А ведь получалось же, ей-богу!

— Героев четверо: русский, француз, поляк и грузин. Имена? Записывай, Эдик Владимир, Жерар, Даниэль и Вахтанг. Ты понял, кто будет играть? Я, Депардье, Ольбрыхский и Буба Кика-

бидзе. С ребятами договорюсь, это я беру на себя. Ну, давай дальше пошли! Название будет таким — «Праздники (нет, каникулы!) после войны». Или «Венские каникулы»... Да ладно, потом придумаем, подумаешь, дело какое! Поехали...

Первый рабочий день закончился вместе с сигаретами и кофе в пять утра. Уезжая на утреннюю репетицию, Высоцкий разбудил соавтора, накормил свежайшей отбивной, напоил кофе и пообещал заехать днем.

Вернувшись домой, он сразу ворвался в кабинет:

— Я еще две сценки придумал. Сейчас прочту.

Володарский читал дневные черновики. Все обсуждалось до мелочей. Спорили и ругались. Потом Высоцкий опять уезжал, уже на вечерний спектакль. Когда вернулся, часов в одиннадцать, Марина принимала новую партию гостей, а Володарский сидел за машинкой. Высоцкий тут же присоединился, и творческая гонка продолжалась. Целых пять невероятных суток Шестого января 87 страниц машинописного текста аккуратной стопочкой лежали на письменном столе.

Десятого января Владимир с Мариной улетели в Париж Копии сценария увезли с собой для перевода на французский и английский.

***

Конечно, поездка в США «потаенными тропами» — из Парижа в Западный Берлин, и только оттуда в Нью-Йорк, — была чистой авантюрой, попыткой лихой игры ва-банк

Когда Высоцкий объявился в Штатах, тотчас всполошился Комитет госбезопасности, вспоминал Виктор Шульман. Градус недоверия к Советам в Америке особенно повысился после недавнего вторжения в Афганистан. Культурный обмен был фактически свернут. В КГБ решили, что Высоцкий замыслил побег. Как раз перед этим невозвращенцами стали Козлов, Годунов...

Воображение Шульмана рисовало картинки, одна кошмарнее другой: Высоцкого берут под белы рученьки, сажают в самолет, отправляют домой, и все деньги, вбуханные в аренду концертных залов, — коту под хвост. А это были первые и последние деньги начинающего импрессарио. Но это в Штатах он был начинающим, а в Союзе все-таки успел пройти такую школу, какая даже прославленному Солу Юроку не снилась. Наспех была придумана легенда, будто бы Высоцкий находится в Соединенных Штатах по приглашению славянских факультетов нью-йоркских

университетов и отделов русского языка хайскул для выступлений перед студентами. Представителям «Аэрофлота» даже был представлен руководитель славянской кафедры Куинс-колледжа, профессор Тодд, который отлично знал русский язык, был другом Евтушенко и обладал массой других достоинств. Шульман с ним все отрепетировал, и профессор точно выдал нужный им текст. Специально были собраны студентов. Это был полный спектакль. Дальше были новые претензии, уже к американской стороне: вы Высоцкого пригласили, но при чем здесь Шульман? Но мы же слависты, ученые, ответили американцы, наняли фирму, которая займется всей организацией. В общем, это всех успокоило, и они позволили Володе спокойно выступать и в Бруклине, и в Куинс-колледже. Затем последовали Бостон, Нью-Джерси, Филадельфия. Концерты строились по обычной схеме: песни, рассказы о театре. С одним лишь нюансом. Перед каждой песней Барри Рубин давал небольшую аннотацию песен, используя слэнг, жаргон, сложные идиомы.

Позже Шульман выдал финансовый итог гастрольной поездки — более тридцати тысяч долларов. Плюс статьи в газетах.

Организацией знакомства Высоцкого с Голливудом, а Голливуда с Высоцким занимался Бабек Серуш. Известный чешский кинорежиссер Милош Форман, проживавший в Штатах, условился с продюсером Майком Медовым о проведении коктейль-парти.

Сначала все было традиционно, тихо и степенно. Пили, закусывали, о чем-то говорили между собой, и в сторону Владимира никто даже не смотрел. Он пришел на вечеринку в роли мужа французской актрисы Марины Влади — и все. Но Форман предложил: «Ну, Володя, заспевай». — «Как я могу здесь петь, они же не поймут?» Милош настаивал: «Ну, пожалуйста, Володя. Хотя бы пару песен».

Высоцкий начал петь. Первыми на его пение среагировали Бэлла Давидович и Натали Вуд (немного знающие русский язык). Постепенно певца начали окружать актеры. И, прежде всего, женщины. Лайза Минелли и вовсе пристроилась чуть ли не у ног заморского гостя. Вуд и Давидович на ушко переводили голливудским звездам тексты. «От твоего голоса их бросает в дрожь. Женщины прижимаются к своим спутникам, мужчины курят, — напишет затем в своей книге Марина Влади. — Исчезает небрежность манер...

масок не осталось. Вместо светских полуулыбок — лица. Некоторые даже и не пытаются скрывать свой интерес, и, закрыв глаза, отдались во власть твоего крика. Ты исполняешь последнюю песню, и воцаряется долгая тишина. Все недоверчиво смотрят друг на друга. Все они в плену у этого человека в голубом. Лайза Минелли и Роберт де Ниро задают тон, выкрикнув:

— Потрясающе! Невероятно!..»

Марина не скрывала ревности: «Минелли, с ее огромными, во все лицо глазами и накладными ресницами, бросает на тебя плотоядный взгляд...».

Одновременно она испытывала гордость за мужа. На следующий день в выпусках новостей прошла информация, что в Голливуд приехали Марина Влади с мужем, а уехали Владимир Высоцкий с женой.

Естественно, Владимира очень интересовало, как устроились, чем занимаются в Америке вчерашние москвичи. Отыскал скульптора Эрнста Неизвестного. Эрик, как всегда, фонтанировал грандиозными идеями, рассказывал, что готовит оформление балетного спектакля по Достоевскому с Рудольфом Нуриевым в главной роли.

— А какой роман? — поинтересовался Влади-

мир.

— «Преступление и наказание».

— Не может быть! — восхитился Высоцкий. — А ему Свидригайлов не нужен? А то ведь я на Таганке его готовлю. Скоро премьера.

Посмеялись.

«Это была наша последняя встреча, — рассказывал Неизвестный. — Высоцкий в то время не пил, был «зашит». Когда он пришел ко мне в мастерскую, у меня были мои студенты, один из которых покуривал марихуану. В этом не было ничего особенного, в те времена в Америке марихуану курили на каждом углу. Володя отказался от предложения выпить, и сделал пару затяжек марихуаны. Внезапно он впал в форменное безумие — лез драться, срывал с себя одежду. Мы его еле удерживали, потом посадили под душ. Я просто не знал, что делать. Потом кто-то вызвал знакомого врача, тот Володю увез...»

В Нью-Йорке остался экземпляр сценария Высоцкого и Володарского. Миша Барышников обещал помочь с переводом.

***

На Таганке спектакль по Достоевскому уже шел на выпуск Задерганный Любимов пригласил к

себе Смехова;

— Я прошу тебя, Вениамин, сегодня же возьми роль Свидригайлова и давай активно в нее входи...

— Как это? Володя приедет и...

— Не надо мне про Володю! Надоели его штучки и заграничные вояжи! Бери роль и работай!

«Еле отговорился; сказал, что смогу глядеть в текст роли только тогда, когда смогу глядеть ему, Высоцкому, в глаза, — рассказывал Смехов. — При нем — это другое дело. На что был ответ: мол, он же просил у меня твоего Воланда!..»

Но появился Высоцкий, и все вокруг закипело. Было впечатление, будто в тихую гладь лесного озера кто-то с размаху швырнул здоровенный булыжник, и от него по воде пошли в стороны веселые круги.

Идут последние репетиции Любимов еще раз прогоняет негодную, с его точки зрения, сцену. Дунечка (Шацкая) приходит к Свидригайлову (Высоцкий).

— Володя, расстегни ей платье, — дает установку Любимов, — должно быть открыто полгруди... Так.. Потом спокойно переходи в линию бедра... Спокойно обнимай ей ноги... Вот-вот... И задирай ей юбку. Лезь под юбку..

Высоцкий никак не может расстегнуть платье, и Шацкая, хотя она по мизансцене находится в тот момент в глубоком обмороке, начинает ему помогать. (В зале хохот.)

— Подождите, — вмешивается Любимов. — Тут нужно технику отработать. Володя, смотри, как надо...

— Ну, вдвоем-то вы справитесь! — громко шутит кто-то в полутемном зале.

— Опомнившись, Дуня должна ногами сильно оттолкнуть Свидригайлова, — требует Юрий Петрович, — но это требует известной техники, чтобы не ушибить актера... Важно, Володя, чтобы потом был большой проход. Надо отлететь к стулу, а потом самому перейти к коричневой двери. И уже оттуда ползти к ней — на весь монолог. Нина, застегивай, застегивай платье, грудь убирай. Поджимай ноги под себя и толкай.

Шацкая поджала ноги под себя и толкнула. Высоцкий отлетел не к стулу, а сразу к двери.

— Она меня так шарахнула, — оправдывается «Свидригайлов».

— Володя, распределись. Когда она тебя оттолкнула, ты лежишь в жалком состоянии. Поднялся, отошел от двери, пошел к ней, а от стула встанешь на колени и там метр проползешь на коленях:

тебе надо искупить животное твое безобразие... Ну, еще раз: расстегни ей платье, обнимай ноги... И с азартом лезь под юбку.

Высоцкий расстегнул лежащей «в обмороке» Шацкой платье, обнял рокошные бедра и сладострастно полез под юбку.„

— Очень хорошо! — ставит оценку главный режиссер.

Все эти дни от Высоцкого не отходит Юрий Карякин, подбрасывая все новые идеи: «Володя, а вы знаете, что сегодня школьники в сочинениях по Достоевскому пишут? Один пацан написал: «Правильно сделал Раскольников, что убил старуху. Жалко, что попался». А, каково?..»

Он предложил Любимову сделать это финалом спектакля. Раскольников зажигает свечи, зажатые в руках убитых им женщин, и две актрисы, подменившие в этот момент муляжные манекены, широко распахивали глаза, будто бы прощая его, а тотчас же появлялся Свидригайлов, который свечи задувал. То есть: прощения не будет. Затем Свидригайлов выходит в центр сцены, и Высоцкий — уже не от него, а от себя, от театра — цитировал: «Молодец Раскольников, что старуху убил. Жаль, что попался!» И, после паузы пояснял: «Из школьного сочинения...»

Сочинения эти, собранные в московских школах, зрители листали перед началом спектакля. Они лежали на парте, стоящей в фойе. Школьники, в основном, Раскольниковым восхищались.

А ведь авторы хотели доказать зрителям, что никакая идея не может быть достигнута ценой даже одной человеческой жизни. Что нет ничего общего, которое было бы на целую смерть выше личного.

Размышляя над образом своего героя, Высоцкий говорил: Свидригайлову в этой инсценировке дана очень большая нагрузка. Он как-то вышел на первый план как постаревший Раскольников. У Достоевского в дневниках написано, что Свидригайлов должен выглядеть, как привидение, как с того света. Раскольников, разговаривая с Разумихиным, другом своим, говорит: «Ты его видел?» Тот говорит: «Видел». — «Ты его ясно видел?» — «Ясно!» — «Ну, слава Богу, а то мне показалось, что это было привидение».

Репетиции на Таганке длились почти круглосуточно, и в этом марафоне он все равно ухитрялся выкраивать паузу на час-полтора, чтобы заняться *«привычной процедурой»*...

— Сегодня я пришел к вам в таком виде совсем не от неуважения к аудитории, а просто со

спектакля, где играю такого человека, который **оттуда**, потусторонний человек — Свидригайлов. И у меня настроение потустороннее. А у меня есть как раз соответствующая песня:

Сон мне снится: вот те на! — гроб среди квартиры.

На мои похорони съехались вампиры.

Алла Демидова писала: «Я вижу, как он уныло бродит за кулисами во время этого спектакля, слоняется молчаливо из угла в угол тяжелой, чуть шаркающей походкой (так не похоже на прежнего Высоцкого!), в длинном, сером бархатном халате, почти таком же, как у его Галилея; только теперь в этой уставшей фигуре — горечь, созерцательность, спокойствие и мудрость — то, чего так недоставало в раннем Галилее. Две эти роли стоят, как бы обрамляя короткий творческий путь Высоцкого, и по этим ролям видно, сколь путь этот был нелегким...»

Больше театральных премьер у Владимира Высоцкого не было.

На одной из встреч, отвечая на вопрос: «Чтобы вы хотели сыграть в театре, о чем мечтаете?», он сказал: «Я ни о чем не мечтаю. Я мечтал, когда закончил школу. А сейчас что мечтал — то и

сыграл. Чего мечтать? На такие вопросы принято отвечать: «Мечтаю сыграть своего современника!»... А я не очень мечтаю сыграть роль моего современника. Почему моего современника-то? Ну а чем чеховские персонажи хуже?! Если хорошо написано, то можно и современника, а можно и кого-то другого. Какая разница?! Это неважно, кого ты хочешь сыграть, и почему. Самое главное — зачем. Меня вообще не интересует — сыграть роль очередную — это меня не беспокоит. Я просто люблю играть. И когда висит распределение ролей, я никогда не бегу смотреть, что мне дали. Я вам говорю без всякого кокетства... У меня часто бывает настроение, когда мне хочется во время спектакля все бросить, извиниться перед режиссером и уйти».

***

Еще в Нью-Йорке к Высоцкому с предложениями о концертах обращался некто Лев Шмидт. Шульман отрекомендовал его: все, как вы, Владимир Семенович, велели — *«кроме водки — ничего, — проверенный, наш товарищ!»*. Шмидт завел речь о Канаде, встречах с местной русскоязычной общиной — полтыщи душ соберем! «Хорошо, звоните мне в конце февраля или начале марта в

Москву, договоримся», — пообещал Высоцкий.

Когда весной раздался звонок из Канады, весь рабочий график на ближайшие недели был расписан. Решили так концерты будут, но 23 апреля — кровь из носу — он должен быть в Москве — 15 лет Таганке, это не шуточки.

«Перед публичными выступлениями Высоцкий просил организовать сначала встречу «для «своих», с хорошим столом, закусками — все как дома», — рассказывал Шмидт. — Так что первый концерт был «подпольным», в русской баньке. Владимир много пел и рассказывал о России. Мы понимали друг друга с полуфразы — по жесту, по движению глаз. И, как всегда, вокруг него, — атмосфера доверия, раскованность, полная свобода. А потом должен был быть заранее объявленный концерт в банкетном зале гостиницы, в которой он остановился. Буквально за несколько часов до выступления я увидел другого Высоцкого — поседевшего, уставшего от жизни, больного мужчину. Сидим, разговариваем, вдруг он схватился за сердце, посинели губы. Лекарств, оказывается, с собой не носил. Пришлось заставить принять нитроглицерин...»

На концерт в гостинице, действительно, собралось более пятисот бывших жителей «необъят-

ной Родины», ныне законопослушных канадцев. Высоцкий практически не отступал от традиционной схемы: песни, кино, театр. На вопросы с политическим подтекстом не отвечал принципиально. Тщательно подбирал слова. А в перерыве за кулисами раздраженно заметил, что в зале сидит какой-то «мордатый» и все время что-то записывает. Хватит тою, что в гримерке уже пришлось объясняться с «товарищами», откуда он здесь и почему. Брякнул, что Марина с детьми сейчас в гостях у Фиделя Кастро, а он тут проездом, тоже летит в Гавану. Лукавил «каналья Свидригайлов» — Марина Владимировна в данный момент пребывала во Франции на съемках.

На юбилей Таганки он успел вовремя, и даже праздничные, дежурные куплеты сочинил, правда, наспех и без особого вдохновения. Но зато «с непоколебимой верой в светлое будущее»:

Придут другие, в драме и в балете,
И в опере опять поставят «Мать»,
Но в пятьдесят — в другом тысячелетье —
Мы будем про пятнадцать вспоминать.

Ну, не получилась «Ода к радости», что поде-

лаешь.

Зина Славина весь день ходила грустная. На юбилей пришла почему-то в черном платье.

— Зин, ты на вечере сегодня будешь? — спросил он ее.

— Нет, — отвечает, — я же вся в черном.

— Не беда!

Через час, вспоминала актриса, у меня было платье небесно- голубого цвета. И я весь вечер танцевала, веселилась, а он заметил: «Ну ют, ты теперь, как ангел небесный».

Отношение Высоцкого к Зинаиде Славиной было трогательно-нежным, как к несмышленышу. Он постоянно опасался, что ее кто- либо может обидеть, оберегал от мирской суеты.

А что до остальных, права Марина, копошатся, как крабы в банке...

***

«Я б для тебя украл весь небосвод...», — когда-то пел Высоцкий. А теперь старался наяву творить для Ксюхи маленькие чудеса. Как- то весенним утром выстелил цветочный ковер во всю комнату из любимых Оксаной ландышей. Потом нанял бригаду работяг, чтобы они заасфальтировали ухабы возле ее дома на улице Яблочкиной... Окса-

на сама говорила, что не была, в общем-то, бедной студенткой. Все-таки папа был известным литератором, успешно зарабатывающим на жизнь эстрадными скетчами. Кроме того, были тетки, обожавшие племянницу.

Но с появлением в ее жизни Высоцкого она и вовсе перестала в чем-либо нуждаться. Во-первых, запретил ей пользоваться общественным транспортом. Задарил модной одеждой, обувью. На новоселье купил холодильник. Ну и так далее... Учил водить машину на Николиной горе, даже хотел приобрести для нее маленькую спортивную «BMW», причем непременно красного цвета.

Она не слишком-то скрывала свой роман. Ее подружки знали, кто у Оксаны поклонник. Сын Вячеслава Зайцева на всех углах рассказывал, что учится вместе с любовницей Высоцкого.

Владимир тоже постепенно вводил Ксюшу в свой круг, образовавшийся в последние полтора-два года. Об Оксане знала Нина Максимовна. Девушка была представлена Абдулову, Бортнику, Лас- кари, Володарскому. О ней, естественно, знали Смехов и Хмельницкий. Познакомилась она с Бабеком Серушем. Как-то в разговоре с Ксюшей Владимир Семенович обмолвился: «Ты понравилась Вадиму (Туманову. — *Ю.С.*). И вообще, тебя

«приняли», что бывает очень редко...» Поначалу друзья Владимира Семеновича относились к ней как к очередной девушке, а потом, как она считает, это переросло в другое отношение: кто-то принял, кто-то — нет. Но это не были люди, которые тогда определяли атмосферу дома Высоцкого. А вот те, которые заимели «постоянную прописку» на Малой Грузинской, ее раздражали. Она мчалась к Владимиру Семеновичу, когда он был в плохом состоянии, а бражники гоготали: «Да, ладно, он прекрасно себя чувствует! Это он при тебе начинает «понты гнать», чтобы ты его пожалела». Она с трудом переносила Янковича, Гольдмана, Годяева, Шехтмана и прочих, как ей казалось, нахлебников.

Когда у него собирались, рассказывал Володарский, она на глазах появлялась редко — то ли к своим занятиям готовилась, то ли просто пряталась. Может, просто побаивалась оравы пьяных похабников — каждый же норовил за ляжку ущипнуть...

***

Он закрыл томик и про себя повторил:

То, что вижу, с тем, что видел, я в одно

сложить хочу.

То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно.

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино…

Юрий Левитанский. Он — один из тех немногих современных поэтов, у которых, кажется, с удовольствием украл бы строчку, ей- богу. А что? Вася Журавлев у Ахматовой вон целое стихотворение умыкнул — и ничего, всем говорил потом: «Пусть она у меня хоть два возьмет…» Шутка «гения».

Вот две строки — я гений, прочь сомненья!

Даешь восторги, лавры и цветы:

«Я помню это чудное мгновенье,

Когда передо мной явилась ты…»

Ведь так, кажется, писал я на пару с Пушкиным? Седую старину вспомнил, надо же. А последние стихи с листа подглядывать нужно…

Но Юра все-таки молодец. Жаль, мало пишет. А может, мало публикует? Я вот в последнее время тоже мало пишу. И ничего не публикую. Все впереди? Не знаю, не уверен. Зато вот Пушкин со своим Дон Гуаном рядышком.

«Черно-белое кино» — Левитанский словно за мной подсматривает.

Жаль, Мефистофеля не будет, это уже ясно. Ладно, не очень-то и хотелось. Зря он вообще полетел тогда на эти съемки в Баку. Чувствовал себя паршиво, типичная ангина. Плюс еще этот Каспий. «Высоцкий прилетел с минских гастролей, — вспоминала Софья Милькина, — жаловался на сильную боль в горле. Когда я пощупала его лоб, он был горяч. Глянула в его горло — и ужаснулась: оно все было в мощных налетах. Артиста знобило. На берегу дул пронзительно холодный ветер. А сниматься надо было в одних трусах да еще барахтаться в холодной прибрежной воде.

— Нет, — сказала я, — сниматься ты не будешь, вызовем «неотложку»...

Но он изъявил желание репетировать сцену. Ночь прошла в тревоге. Под утро я зашла к Высоцкому: в норме. Его администратор (он же, кажется, значился и в друзьях) уже как-то злобно швырял в Володины чемоданы без всякого порядка ботинки, рубашки и т.п. Вообще о так называемых «близких друзьях» и приятельском окружении Высоцкого у нас сложилось неблагоприятное впечатление, они отчасти эксплуатировали его для своих разных надобностей и отчасти востор-

женно потакали его слабостям...»

Для режиссера и его второго «я» — Милькиной Высоцкий воплощал Пушкина, как они его понимали, и одновременно он похож был на Дон Гуана. В нем встретились главные черты: он был поэтом, совершенно бесстрашным человеком, очень хорошим человеком и артистической натурой.

Чего у Швейцера не отнять, так это умения подбирать компанию партнеров. Высоцкому очень легко было работать с Куравлевым. Наталья Белохвостикова была очень хороша своей безжизненной красотой, как Снежная королева. Но Лаура...

— Матлюба, ты цыганка, что ли? — спрашивал Высоцкий черноокую красавицу, свою страстную партнершу в кадре.

Девушка расхохоталась и встряхнула роскошной гривой:

— Володя, я же тебе говорила! Мой папа — узбек А вот в роду у мамы какой только крови не намешано. И грузинской, и русской, и польской, и немецкой, и башкирской. Так что, кто я такая, сама не знаю.

— Зато я знаю — желанная...

— Откуда знаешь?

— А у меня друг в Ташкенте работал, да ты его знаешь, наверное, Юра Юнгвальд-Хилькевич, кинорежиссер, я вас познакомлю, он тебя снимет обязательно. Хорошо снимет, я ему скажу... Да я в хорошем смысле, ты не смейся. Я у него в Ташкенте был, некоторые узбекские слова до сих пор помню. Вот «матлюба» запомнил. Это «желанная», верно?..

— Верно.

Чуть ли не с первой же встречи Высоцкого с Алимовой на киностудии местный люд сразу заподозрил, что у них роман. Представьте огромную площадку студии, работает безумное количество людей... Творческий гул — кипит работа. «Но стоило Высоцкому только появиться в дверях павильона, — вспоминала молодая актриса, — как все вдруг начинали говорить исключительно шепотом. Мне об этом никто не говорил — сама заметила. Идет человек, небольшого роста, с роскошным голосом, и говорит всегда в полтона. Но каждое слою слышно. В нем такая мощь была, что мне казалось, будто все в стеночку вжимаются при его появлении и начинают говорить шепотом. Автопилотом — не договариваясь. А я сразу перешла с ним на «ты». Мне и в голову не приходило сказать <<вы»..>

В киногруппе пошли разговоры... Воспитанная в восточной строгости, Матлюба даже не понимала, что сама провоцировала эти сплетни. «Еще перед съемками, — усмехается Алимова, — он пригласил меня на свой концерт. Сам заехал за мной на своем знаменитом «мерседесе», остановился у «Мосфильмовской». Так гостиница чуть ли не на уши встала. Все из окон повылазили — поглазеть; кто же новая избранница Высоцкого? Через год после съемок, когда Володи уже не стало, меня ловили на «Мосфильме» малознакомые люди и выспрашивали: «Ну ты хоть с ним спала?» — «Нет», — говорю. «Ну и дура!»

Может, они были правы?.. Он играл, как жил. Сдерживая яростный темперамент, не позволяя грубому нажиму разрушить музыку и поэзию образа. Любовь к женщинам у Дон 1уана Высоцкого была любовью к жизни, единственно возможный для него способ жить.

Михаил Швейцер не ошибся в выборе героинь. Но прежде всего он попал в точку, определив героя.

На съемках был случайный рабочий момент: спрятавшись за статую Командора, режиссер, произнося реплику, протягивал руку Дон гуану, а тот в ответ протягивал навстречу свою. Высоцкий

хотел услышать громкий зов, ощутить пожатье каменной десницы — не мог встретить жестом неподвижность статуи, нуждался в помощи партнера. Швейцер подыграл Высоцкому, чтоб в нем не угасали гибнущие чувства. И было то дружеское рукопожатие...

Вечером третьего июля 1980 года по Центральному телевидению впервые демонстрировалась третья серия пушкинских «Маленьких трагедий» — «Каменный гость». А Высоцкий как раз пел зрителям лыткаринского ДК «Мир», рассказывал о театре, о работе в кино. Вспомнил о сегодняшней премьере фильма Швейцера, сказал: «Вы-то ее успеете посмотреть, а я-то **уже** нет».

***

Братья-«пысьменники», почитав «Метрополь», ощетинились. Женя Попов позвонил, посоветовал посмотреть в последнем номере «Литературки» статью Феликса Кузнецова «О чем шум?».

— Кто таков?

— Володя, нельзя обижать начальников. Они ведь люди тонкой душевной организации. Феликс Феодосьевич — самый главный московский писатель, первый секретарь Союза, а ты — «кто таков?»

— О, значит, прав был Любимов, когда говорил, что бежать нужно из такого Союза.

— А мне уже бежать не надо, — сказал Попов, — исключили. Вернее, не приняли... В общем, почитай, там и тебе пару комплиментов отвалили.

Почитаем.«... Натуралистический взгляд на жизнь как на нечто низкое, отвратительное, беспощадно уродующее человеческую душу, взгляд через замочную скважину или отверстие ватерклозета сегодня, как известно, не нов. Он широко прокламируется в современной западной литературе. При таком взгляде жизнь в литературе предстает соответствующей избранному углу зрения, облюбованной точке наблюдения. Именно такой, предельно жесткой, при- митивизированной, почти животной, лишенной всякой одухотворенности, каких бы то ни было нравственных начал и предстает жизнь со страниц альманаха, — возьмем ли мы стилизованные под «блатной» фольклор песни В. Высоцкого или стихотворные упражнения Г.Сапгира, пошлые сочинения Е.Рейна или безграмотные вирши Ю.Алешковского...»

Да черт с ним, с этим «железным Феликсом», все равно не поймет, что главным для Высоцкого было показать, что он есть на самом деле и что

есть такой литературный жанр.

«Я БЕГУ, БЕГУ, БЕГУ, БЕГУ, СКОЛЬЗЯ...»

Кто-то ему рассказывал, что старый украинский философ Григорий Сковорода сам себе придумал эпитафию — «Мир ловил меня, а я убежал». Даже если он больше ничего не написал, его можно было бы считать великим мудрецом.

С минских гастролей Владимир сбежал, с Каспия тоже. Потом бросок в Москву. Что завтра?

...Если был бы жив Ниязи...
Ну а так — какие связи? —
Связи есть Европ и Азий-

Тьфу ты, что за чушь в голову лезет? Ладно, пригодится...

В турне по Средней Азии они отправились большой компанией. Янклович — страж финансовых интересов, Голвдман — завхоз. Сева Абдулов — просто так, за компанию, ну и заработать чуток, изредка декламируя одно-два стихотворения из «Павших и живых». «Я Володе не нужен был совершенно по его работе», — не отрицал Абдулов.

Взяли с собой и Анатолия Федотова, врача-ре-

аниматолога, оформив как артиста «Узбекконцерта». К его медицинским услугам Высоцкий уже успел привыкнуть. Парень был безотказный, не раз выручал в критических ситуациях, хоть среди ночи поднимай. Оксане Владимир сказал, что они поедут сначала одни, а она потом присоединится — в Бухаре или Навои. Позвоню, договоримся, хорошо? Хорошо.

В двадцатых числах июля Оксана оказалась в Бухаре. Позвонил Валерий Янклович и сказал, что Володя неважно себя чувствует и ей нужно привезти лекарства. Она взяла промедол и вылетела... Чувствовала себя героиней-воительницей: «Если бы не привезла, он бы умер... Когда Володя пришел в сознание, первое, что он сказал, было: «Я люблю тебя». Я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Это было для меня очень важно. Володя никогда не бросался такими словами и говорил далеко не каждой женщине, которая была в его жизни...»

Много путаницы в рассказах спутников Высоцкого о том, что действительно произошло в бухарской гостинице. Кто говорил о смертельной жаре, кто о том, что Владимир с утра приложился к зелью, потом пошел на рынок и съел там какую-то дрянь, вроде вчерашнего плова. Еле до-

плелся до гостиницы, начал бледнеть, зеленеть. Влетевший в номер Гольдман с порога понял: беда! Притащил доктора. Высоцкий якобы успел проговорить:

— Толя, спаси меня... Спасешь — буду считать тебя лучшим врачом в мире.

И упал. Глюкоза не помогала. Дыхание останавливалось, сердце тоже. Федотов сделал инъекцию кофеина прямо в сердечную мышцу.

«Я ему дышала, — рассказывала Ксюша, — а Толя Федотов делал массаж сердца. Володя, когда очнулся, сказал: «Я вас видел и чувствовал... Но как в кино. Ты дышишь, Толя массирует...» А через полчаса — Володя все, как ни в чем не бывало. Подошли Гольдман, Валера, Сева, говорят: «Да... Наверное, все три концерта ты, Володя, не отработаешь... Один придется отменять». Туг я устроила скандал: «Какие концерты?! Вы что, с ума сошли?! Он же умирал... Никаких концертов!» А Володя как-то так «Да, наверное, надо...» Я чувствовала, что он на моей стороне, но отказать им не мог...»

Валерий Янклович мило изображал восхищение: «Восстанавливаемость — просто потрясающая! После остановки сердца отправили его через Ташкент в Москву с Абдуловым. Сами прилетели через день. Володя — подтянутый, спортивный

— встречал в аэропорту».

А потом, перед очередным выступлением, но уже в Москве, Владимир рассказывал ведущему концерт Николаю Тамразову:

— Тамразочка, я **там** побывал...

— Ну и как **там**?

— Хреново. Темно...

Я когда-то умру —мы когда-то всегда умираем, —

Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом, —

Убиенных щадят, отпевают и балуют раем.

Не скажу про живых, а покойников мы бережем...

***

— Эдуард Володарский должен жить на улице Володарского! — торжественно объявил Высоцкий, приколачивая табличку «Ул. Володарского» к фасаду дачи.

Именинник скромно ухмылялся в усы: ну, удружили!

— Володь, небось на Таганке умыкнули?

— На ей! — гордо ответил инициатор «переиме-

нования» дачной улочки в писательском поселке Красная Пахра. — Но тихо, под покровом ночи...

— За стол! — пригласил хозяин дачи своих шальных гостей. — Уже вскипело!

...Кое-кто — из тех, кому было дозволено — нередко пеняли Высоцкому: «Ну что ты с этим Эдиком Володарским водишься? Подумаешь, сценарист великий! Он для тебя хотя бы один фильм сделал?! Сам по три-четыре картины в год клепает, пьесы по всей стране... Да он такие бабки заколачивает, что тебе и не снилось! Тебе, чтоб столько наколотить, десятки концертов надо отбарабанить!..»

Во-первых, Эдик парень хороший, стоящий, возражал Высоцкий. Во-вторых, в свои фильмы он меня много раз приглашал...

— Ну и где ты там?

— Так он же не режиссер, а сценарист! Посоветовать может, но решает не он. А ситуации разные бывают. Леша Герман в своих «Проверке на дорогах» просто испугался меня снимать, все-таки его первый фильм был... «Пугачев», сами знаете, против Евгения Матвеева не попрешь... Со «Второй попыткой Виктора Крохина» даже первая попытка неудачной была. Я им сам песню не дал... Так что не надо его понапрасну ругать. И,

вообще, я у него на участке дом себе строю!..

С тех пор как Владимир с Мариной окончательно решили жить на две страны, на две столицы, Влади мечтала о подмосковном доме. Она привыкла к своему имению Мезон-Лаффит в парижском пригороде и убедила мужа, что жизнь в клоаке мегаполиса сплошное мучение. Домовладелец Володарский, бывший свидетелем этих бесконечных разговоров, считал, что Марине просто надоело жить в Москве, в квартире, куда вечно приползают пьяные Володины друзья.

Сам-то он уже успел вкусить прелести загородного жития, купив у вдовы поэта Семена Кирсанова солидный участок в писательском поселке. Поставил дом, который с некоторых пор украсила табличка «Ул. Володарского». Однажды, будучи в прекрасном расположении духа, предложил Высоцкому: на участке от прежних хозяев осталась времянка, приведи ее в порядок, оборудуй — и живи там сколько угодно, в свое удовольствие. Владимир не поленился, все осмотрел и загорелся: времянку снести, а из бруса, который он непременно добудет, построить дом. Не возражаешь? — Ради Бога, строй.

Только к марту 1980 года «стройка века» почти завершилась. Хотя именитые соседи — Юлиан

Семенов, Эльдар Рязанов, Андрей Дементьев, Григорий Бакланов и другие — на Эдуарда Яковлевича постоянно «наезжали»: чего это, мол, там у тебя Высоцкий дом строит? Володарский открещивался: это не дом вовсе, а так, служебное помещение для личного архива и библиотеки. Только напрасно писатели переживали насчет своего беспокойного соседа. Здесь Владимир появлялся редко. Приезжая, обычно ночевал в доме Володарского...

К великому сожалению, история с домом Высоцкого в Красной Пахре имела печальное продолжение, став предметом тяжбы между наследниками умершего поэта, его вдовой и Володарским. Но это будет уже потом, после смерти поэта, когда осмелели и «*съехались вампиры*»...

***

Он ощущал себя островитянином. Такая красота, рядом никого. И некуда спешить. Вдох глубокий — нет, надо. Все нормально. Сейчас покурим, «Винстон» рядом, зажигалочка на месте... Надо же, никто не спер, даже странно. Обычно наутро днем с огнем огня не сыщешь. Обязательно с собой кто-нибудь прихватит. Сейчас чайку сварганим... Странен ты, островитянин, говоришь во

множественном числе. Покурим, сварганим...

Так, «Липтон» кончился. Не грузинским же давиться.. Ладно, не смертельно. Сейчас организуем. Тьфу ты, опять...

— Валера, привет. Ты как, весь в делах? Слушай, я у тебя не найдется... Да нет, я о чае. Нет, лучше я к тебе поднимусь, открывай.

Сосед Валера Нисанов был, как всегда, само радушие. Выставил сразу пять пачек — цейлонский, индийский, китайский, какой-то еще...

— Я вот этот возьму, ладно? Рюмочку? Да нет. Шампузеи бы хлебнул малехо... Ага, вот в этот симпатичный бокальчик.. Все, спасибо. Пойду. Хочу один побыть, поработать надо. Ехать никуда неохота. Марина звонила, пока ничего не решили... Посмотрим. Ну, давай.

Пока закипала вода, потом заваривался чайник, хозяин обошел комнаты, похмыкал, удивляясь относительному порядку, собрал пепельницы и выбросил гору окурков в унитаз. Потом налил чай в любимую чашку и отправился в кабинет. Уселся в кресло рядом с письменным столом, включил магнитофон. Хорошая акустика заполнила всю комнату знакомыми голосами. Толик Бальчев горячился и просил не спешить, чуть-чуть шелестели струны.

— Давайте еще раз, — сказал кто-то посторонний. И немного вразнобой зазвучали уже две гитары.

Владимир поморщился: он не попадал в такт. Да и сама мелодия звучала как-то незавершенно, не получался вальс который уже месяц:

Белее снега белый вальс, — кружись, кружись,

Чтоб снегопад подольше прервался!

Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь,

И ты был бел — белее стен, белее вальса...

Нет, не то. Ритм надо ускорить. Никуда не годится.

Он потянулся к гитаре. Надо попробовать еще. Нет, не сейчас. Не хочу. И не могу. Потом. Взял со стола уже истрепанный сценарий Турова «Точка отсчета». Чепуха на постном масле. И название дурацкое — Точка отсчета. Точка возврата. Точка закипания. Вон у

Милы название фильма повеселее было — «Точка, точка, запятая»... Туг же, на столе валяется еще один сценарий — «Зеленый фургон». Игорь Шевцов по мотивам повести Козачинского. Обе-

щал прочесть. Ладно, после.» Повертел в руках какой-то листок, перечитал неровные строки: «Поклонники по норам разбрелись — Участники приятно развлеклись — И укатил в какой-то санаторий...» Ересь... Но слово «санаторий» зацепило. Может, позвонить? Не надо. Решил же — пока никуда-

Вечером позвонил:

— Валерка, привет! Это я. Знаешь, я, наверное, завтра к тебе прилечу. Примешь?.. Нет, встречать не надо, сам доберусь. Ты же в «Актере»? Ну, все, до завтра...

Янклович понял: спокойный отпуск кончился, Высоцкий прилетел. Общими усилиями, с помощью Галины Волчек и Валентина Шфта, которые тоже отдыхали в санатории «Актер», выбили в дирекции талоны на питание и разрешение проживать Высоцкому в номере администратора Таганки. Он приехал в Сочи в очень хорошем состоянии, вспоминал Валерий Янклович, отправился на теплоход, пришвартованный в порту. Но знакомого капитана не было. Зашли в ресторан — столик сразу окружили. Володя расстроился: «Пошли в другое место, там можно спокойно посидеть». Полезли наверх, в какую-то шашлычную. Закрыто. Увидели оленя. Остановились,

оказалось: лось. Когда возвратились в санаторий, сосед по этажу, председатель Союза театральных деятелей Грузии Алексидзе встретил их в коридоре.

— Знаете, а к вам залезли воры...

— Как это?

— Очень просто — через балкон.

Жертвы ограбления зашли в номер. Огляделись, прикинули потери: украден зонт, джинсы Высоцкого, куртка. А в ней паспорт, права, еще какие-то документы, ключи от московской квартиры и от «мерседеса», который остался на стоянке в аэропорту... Бритву «Филлипс» почему-то не тронули. Странные вкусы

Утром отправились в милицию. Получили нужную справку. Потом за билетами на самолет. Возвратились в санаторный номер — на диване лежит куртка и письмо на имя Высоцкого примерно такого содержания: «Дорогой Владимир Семенович! Прости, не знали, чьи это вещи. К сожалению, джинсы уже продали. Возвращаем куртку и документы».

«Мы летели из Сочи, — вспоминал Андрей Вознесенский. — Вдруг на лету в салон входит Володя (наверное, до этого он с летчиками сидел). Довольно прохладно, а он — в маечке. Я удивил-

ся: «Почему ты в маечке?» — «Ты знаешь, меня обокрали!» Вот, — говорит, — не знаю, что теперь делать — как я без ключей в квартиру попаду?» — «Ну оставайся у нас, переночуешь, как всегда». — «Не-ет, я поеду». Его в аэропорту встретили два каких-то амбала совершенно уголовного вида — специалисты по замкам... Он позвонил уже из дому и доложил, что все в порядке. После этого я его никогда не видел...»

***

Сегодня, когда они с Демидовой в который уже раз проигрывали первый акт «Игры для двоих», Алла его удивила, вслух сказав то, в чем он ни одной живой душе не признавался: «Володя, я ведь понимаю, из-за чего ты так надрываешься. Отработав роль со мной, ты ведь хочешь этот мой рисунок потом перенести на Марину, и дальше играть Уильямса за границей?..»

— Почему ты так решила?

— Володь, ну я же не только актриса, но и женщина.

— К тому же умная женщина...

— Спасибо. Володя, ты хочешь завоевать Запад, как завоевал Россию? Но это же нереально. На это сколько сил, энергии уйдет — жизни не хватит.

— Но здесь я уже все исчерпал!..

Алла Сергеевна и сама понимала, что ему нужны были новые Эверест Но не верила, что он смог бы «раскрутить» Запад. Он очень консервативен, тем более Франция, где вообще не воспринимают новых имен. Разве что в серьезной музыке.

В целом к затее Демидовой и Высоцкого в театре отнеслись, мягко говоря, скептически. Юрию Петровичу сама пьеса откровенно не нравилась, и он заявлял, что наши «примы» занялись самодеятельностью, маясь тщеславием: «Ох уж эти мне две звезды, им отдельный спектакль подавай, как на Бродвее...» Коллеги с недоумением косились на внеплановые репетиции и поддакивали шефу.

Но, как говорила Алла Демидова, мы очень хотели играть дуэтом. Работа эта для нас была очень важной и нужной: она подводила определенную черту в нашей профессии и жизни...

***

Неожиданно позвонила Марина. Осторожно поинтересовалась самочувствием. Сообщила, что Тане-Одиль совсем плохо. Она держится из последних сил, но — молодчина! — по-прежнему ездит в театр, репетирует, старается ни о чем дурном не думать. А как ты?

— Все нормально, Мариночка, все хорошо. Послушай последнее.

Я верю в нашу общую звезду,
Хотя давно за нею не следим мы:
Наш поезд с рельс сходил на всем ходу —
Мы все же оставались невредимы.

И еще:

И если заболеет кто из нас
Какой-нибудь болезнею смертельной,
Она уйдет, — хоть искрами из глаз,
Хоть стонами и рвотою похмельной.

— Нет, Володя, я же чувствую, у тебя все далеко не хорошо. Ты не умеешь врать.

— А ты хочешь, чтобы я этому учился? Правда, все более-ме- нее. Мы с Аллой соображаем на троих с Уильямсом. Тяжелая все- таки штука, но ты еще раз почитай, там есть просто замечательные куски. Я хочу, чтобы мы с тобой все-таки это сыграли. А что язык? Язык там не особенно важен. Там больше пластики и недосказанности. Каждый должен додумывать, что с этими людьми на сцене происходит... Алла, кстати, угадала, что

я хочу потом с тобой сделать «Игру для двоих».

Родители? Вроде — тьфу-тьфу-тьфу! — в порядке. Хотя, сама понимаешь, возраст... Да, не хотел тебе раньше времени говорить, но как будто бы что-то должно получится с кино. Сценарий предложили интересный, вернее, материал интересный, а сценарий пока так себе... Чекисты, Одесса, бандиты и все такое прочее... Что, кстати, слышно с нашими «Каникулами»? Да ты что, ты ему уже показывала? Правда? Здорово... Я тебя целую, Мариночка, и люблю...

Наконец-то, их с Володарским «Венские каникулы» хоть кого-то заинтересовали. По просьбе Марины сценарий прочел их старый знакомый Жерар Депардье. Звонил, сказал, что он в восторге и согласен сниматься даже без гонорара! За Данеком Ольбрыхским задержки тоже не будет. Вот это был бы прорыв! А Алла говорит, что сил не хватит... Хватит, еще и с вами поделюсь! Можно приступать к поискам продюсера. Причем, не в Европе, — там народ поприжимистее, да и капиталы не те, что в Штатах...

Когда раздался очередной звонок, Высоцкий впервые пожалел, что он, как ни странно, один в квартире, и некому ответить. Пришлось брать трубку. Ну ничего он не мог с собой поделать,

всегда отвечал на телефонные звонки: а вдруг что случилось или наоборот — услышит что-нибудь хорошее? Может же такое быть? Может. Нужно только на всякий случай пытаться хоть немного изменить голос.

— Добрый вечер. Будьте любезны Владимира Семеновича

— Простите, а кто его спрашивает?

— Это Игорь Шевцов с Одесской киностудии...

— А, привет, Игорь. Это я. Слушаю.

— Владимир Семенович, я оставлял вам сценарий «Зеленый фургон». Прочитали?

— Конечно. Хотя повесть Козачинского с детства знаю, а реплики Красавчика и вовсе наизусть — несколько лет назад мы делали радиоспектакль.

— Я хотел вам предложить написать несколько песен к фильму...

— И все? А кто будет ставить? Знаешь, а я бы сам с удовольствием снял это кино. Как тебе такая идея, Игорь? Ну, раз ты за, тогда тебе и карты в руки — предлагай своему одесскому начальству мою кандидатуру. Сам я напрашиваться не буду. Да — да, нет — значит, нет. Звони!

Завертелись шестеренки.

Директор Одесской киностудии хитрый Збан-

дут (даром, что ли, кандидат философских наук!) тут же смекнул, какие на фильме можно поиметь дивиденды, если это станет дебютом режиссера Высоцкого. Плюс ко всему, был интересен с финансовой точки зрения госзаказ творческого объединения «Экран» Гостелерадио, гарантированный, стабильный доход в кассу студии. Рискнем! Он связался с Высоцким. И после разговора с директором режиссер Высоцкий вызвал к себе сценариста Шевцова:

— Игорь, начинаем работать. То, что ты написал, извини, туфта, никуда не годится. У тебя под руками такой материал, тут шикарный вестерн просится, а ты честно переписываешь слово в слово старика Козачинского — и адью! Пойми, чудак, это кино, тут такие возможности Это не манекены на сцене передвигаются. А живые люди! На твоем «приключенческом фильме» зритель уснет на пятой минуте. Живописать за тебя камера будет, а ты предлагай режиссеру закрученный сюжет, интригу, характеры. В общем, приезжай. Адрес знаешь? Будем говорить.

«В последнюю неделю декабря, — рассказывал Шевцов, — мы встречались почти ежедневно. Вечером я приезжал к нему на Малую Грузинскую. У Володи всегда были люди. Всегда шум- гам.

Он то играл спектакли, то уезжал на концерт, а потом, наговорившись, накричавшись вдоволь, все понемногу расходились, и мы начинали работать. Уже наступала поздняя ночь. Он говорил, фантазировал, разыгрывал сюжет, активно проигрывал роли разных персонажей, сыпал одесско-еврейским жаргоном...»

Владимир встретил Марину, отвез ее в Красную Пахру, к Володарским, где собирались 31-го встречать Новый год. Закончу все дела, и тут же приеду, пообещал он. Возвращаясь в Москву по обледеневшей трассе, порой едва удерживая руль, он неожиданно вспомнил строки стихотворения, которое ему читала Кира Муратова в Одессе, когда снимали «Короткие встречи»:

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться

И еще, кажется, был роман с таким же названием «Остановиться, оглянуться...» Лени Жуховицкого, того самого, который сценарий «Коротких встреч» написал... Как это называется? Ассоциативное мышление? Ну да...

Быстрая жизнь смахивает на скорочтение по

диагонали. Ему как-то демонстрировали эту методику. И он еще сказал, что тогда от книги в лучшем случае остается только то, что напечатано на страничке «Оглавление». А сам-то что, Сэм Брук?! — *«Я бегу, бегу, бегу, бегу, бегу... 42 километра бежать... по гаревой дорожке...»*

Ему ведь тоже скоро сорок два... А все бегу, бегу, бегу, бегу..

Последняя неделя года стала зеркальным отражением первых дней января, когда они с Володарским вовсю гнали «Венские каникулы». Теперь вот «Зеленый фургон». Соавторы разные, а результат пока один и тот же — «непрохонже».

«ПОРА ТУДА-ГДЕ ТОЛЬКО «НЕ» И ТОЛЬКО «НИ»

«Пора туда — где только «не» и только «ни», — он так сказал, так пожелал, так написал, когда его перестало что-либо радовать, будоражить, возбуждать, тревожить.

— А, может, поедешь со мной, Ксюш? — неожиданно спросил он.

— Да ты что! Нет уж, Володя, у тебя своя компания, у меня — своя.

Владимир все-таки заехал к ней, прежде чем ехать в Пахру.

Придумал повод — новогодний подарок телевизор.

Ну, нет — так нет. Потом, уже за рулем, пришел в себя, представив свой приезд на дачу со «снегурочкой» под мышкой.

Гости, в основном, уже все собрались. Аксенов, Тарковский, Трифонов. Все с женами, все чинно-благородно, без выпендрежа. Должен был быть и Вадим Туманов, но позвонил, сказал, что Римма заболела, они остаются дома. Прихворнул и соавтор, Игорь Шевцов. Чуть позже подъехали

Абдулов и Янклович со знакомыми девушками.

«Наши соседи по даче собрали «звезд», — вспоминала Ольга Трифонова. — Люди, нежно любившие друг друга, чувствовали себя почему-то разобщенно. Все, как в вате. Мне кажется, причина заключалась в слишком роскошной еде — большой жратве, необычной по тем временам. Еда унижала и разобщала. Мы сидели рядом с Владимиром Семеновичем, я видела гитару в углу, мне ужасно хотелось, чтобы он спел. Я неловко подольстилась к нему: «Хорошо бы позвать Высоцкого, он бы спел». И вдруг он очень серьезно и тихо сказал: «Оль, а ведь здесь никто, кроме вас, этого не хочет». Это была правда...»

Нет-нет, не было никакой чопорности, отстраненности друг от друга. Но чувствовалось, что каждый думал о своем, о чем вслух говорить не стоило. Примета плохая: не сбудется.

1 января длящаяся праздность начала тяготить до изнеможения. Ближе к вечеру Владимир отозвал в сторонку Янковича с Абдуловым и дал им строгие инструкции: «Вам с девицами срочно нужно в Москву, попросите подбросить хотя бы до трассы. Я буду отнекиваться. Просите вплоть до коленопреклонения. Дальше — мои заботы». «И Владимир Семенович их повез, — продолжала

свой рассказ Трифонова. — Марина казалась очень недовольной, нервничала. Он обещал, что довезет их только до шоссе — это два километра, но не вернулся... Под утро позвонили врачи, сообщили, что Высоцкий в больнице. Благодаря их усилиям уголовное дело не возбудили... Девицы пострадали не сильно, но машина была разбита...»

По грунтовке кое-как дотащились до трассы, а там уж Высоцкий не выдержал и дал по газам. В Москву влетели под всеми парами. На Ленинском проспекте, в районе 1-й Градской, «мерседес» вдруг повело и завертело, как юлу, кругами. Слава Богу, ни одной машины рядом! Но в этой круговерти они неотвратимо приближались к чему-то темному, огромному и неподвижному. Высоцкий схватил Севу, сидевшего рядом, за голову и с силой прижал к себе. Не дай Бог! И тут последовал гулкий металлический удар о застывший на остановке троллейбус, и сразу на землю и в салон осыпались разбитые оконные стекла! «Мерседес» замер. Мгновенно подлетели гаишники, охотившиеся за подгулявшими водителями. Мгновенно оценили обстановку: жертв нет, травмы легкой и средней тяжести. Прикрикнули на орущих и плачущих девок По радио вызвали «скорую»,

благо больница — в двух шагах. В приемном покое поставили диагноз: у одного пассажира перелом руки, у второго — сотрясение, у водителя — сильные ушибы. Девицы в истерике.

От госпитализации Высоцкий, разумеется, отказался. Обо всем договорился с врачами. Ребята определены в отдельный бокс, барышни отправлены по домам. Оглядел «поле боя» с подбитым «мерседесом». Теперь можно на боковую, голова гудит как чугунная. Завтра, все завтра...

Первые дни нового года пришлось еще повозиться с «Зеленым фургоном». Игорь сидел у него дома, без перерыва барабанил по клавишам пишущей машинки. Последнюю выволочку понял правильно. Но Владимир уже действительно не мог сдержаться:

— Игорь, это — полная..! Ты ничего не сделал! Если ты хочешь делать **такое** кино — ради Бога, пожалуйста, но мне там делать нечего! Ты думаешь, если поставил мою фамилию, то уже все?!

Потом, прочтя окончательный вариант, успокоился:

— Ладно, пойдет. В Одессу посылать не будем, некогда. Я сам поеду в «Экран» к главному редактору...

Он долго собирался с силами перед решающим

разговором с Юрием Петровичем Любимовым. Чтобы сделать фильм, нужно было уйти из театра как минимум на год-полтора. Сначала Любимов начал кричать, что это бандитизм, что это несправедливо, что я его, понимаете, человеком сделал, а он так себя ведет... Но потом понемногу стал остывать. Особенно после того, как Высоцкий сказал ему: «Юрий Петрович, вы начали в сорок — и сделали. А я хочу в сорок два начать...» В конце концов, договорились по-джентльменски: Любимов подписывает Высоцкому заявление на предоставление творческого отпуска на один год с условием: играть Гамлета. Даже подписывая, предпринял последнюю попытку: «Да обманут они тебя, репетируй лучше Бориса Годунова, чего ты ждешь?» Нет, не уговорил. Напротив — услышал, что Владимир с Демидовой все-таки хотят завершить свой эксперимент с постановкой «пьесы для двоих». — «Валяйте».

Приказ о творческом отпуске артиста В.С. Высоцкого появился на доске объявлений театра тринадцатого января.

Председатель Гостелерадио Лапин, узнав, что Высоцкий собирается ставить фильм, как ни странно, преград чинить не стал, пожелав лишь, чтобы к режиссеру-дебютанту в качестве худрука

назначили «культурного, интеллигентного человека». Высоцкий предложил Геннадия Полоку.

Но, к его удивлению, друг принялся усердно уговаривать отказаться от режиссуры, мол, ты сейчас, как актер, на взлете, зачем тратить силы на постановку какого-то фильма? В самом деле, зачем, если Полоке он самому был нужен. Как актер, в крайнем случае, как автор песен к телефильму, над которым он сам уже начал работу?..

Но, зная упрямство Высоцкого, все-таки согласился стать художественным руководителем.

Едва появились претензии к сценарию, Владимир вне себя примчался к Володарскому:

— Представляешь, они там требуют что-то выкинуть! Как я могу это выкинуть? Без этого фильма нет!

На что более искушенный в нюансах подковерных игр с редакторами драматург ухмыльнулся и спокойно сказал:

— Ну и выкинь, подумаешь? А потом, когда будешь снимать, возьмешь и вставишь... Делов куча! Ты же полный хозяин на съемках, ты снимаешь. ТЬ! Понимаешь? Выбрось. Что ты сейчас с ними лаешься, нервы портишь?.. Брось.

Высоцкий недоуменно вытаращил глаза:

— Не-ет! Ты что? Это же я написал сценарий...

Как же это? Это же написано!

У него было фантастическое уважением к тому, что написано, умилялся подобной детскости Володарский. Высоцкий считал: это — рукопись, это написано так, как он видит, значит, это трогать нельзя. Просто нельзя и все. Потому что это им уже написано. Не устраивает — не надо!..

Но будущий режиссер-постановщик начал потихоньку подбирать актеров. Сам собирался играть Красавчика. Шевцов, вообразивший, что он уже тоже получил право голоса, высказал сомнение: не староват ли?

— Чепуха! — отрезал Высоцкий. — Только немного займусь собой, — и сразу все будет в порядке...

Позже примерял на себя обличье бандита Червеня, но отказался в пользу Ивана Бортника. В роли красноармейца Шестакова видел Леонова, а секретарши — Людмилу Максакову. Сергей Юрский рассказывал: он зашел после спектакля «Преступление и наказание» за кулисы к Высоцкому и наговорил ему кучу комплиментов. Владимир был грустен, сказал, что с театром он расстается и что, пожалуй, это и есть момент расставания, и будет снимать кино. И тут же стал оговаривать с Юрским его участие в будущем

фильме. «Он был весь заряжен на это», — понял тогда Сергей Юрьевич.

Высоцкий определялся с кандидатурами оператора, художника картины, второго режиссера. Был даже утвержден директор фильма Владимир Мальцев, с которым он встречался еще на съемках «Вертикали», «Опасных гастролях» и «Места встречи...».

Шила в мешке не утаишь, но никто, в общем-то, и не скрывал, что Высоцкий ограничил свое присутствие в Театре на Таганке Гамлетом и Свидригайловым, и всерьез занялся кино. Отвечая на многочисленные вопросы, Владимир объяснял: «Были сплетни, что я ушел режиссером на Одесское телевидение. Это неверно, это глупо. Я просто хотел сделать картину... Должен был делать, но не успевал по времени, хотя затратил очень много работы и энергии... Я-то думал, что все это так легко: готов сценарий, утвержден — и пошел работать... А, оказывается, — нет. Там надо еще куда-то идти, где-то утверждать, потом — редактура, потом все спускают, потом все начинается по новой на студии. Потом опять присылается второй... вариант. И когда я три месяца работал, а оказалось, все на нуле... — я позвонил и сказал, что нет, извините, у меня нету

времени на это...»

С завидным аппетитом «пожирали» его драгоценное время, а главное — нервы и дотошные следователи, пытавшиеся «раскрутить дело» о прошлогодних левых концертах в Ижевске. Их изощренная фантазия — *«куда там Достоевскому с записками известными!»* — иной раз ставила в тупик Это надо же было додуматься до того, что «свидетель Высоцкий В.С.» умышленно устроил автомобильную аварию, чтобы укрыть в больнице от следственных действий другого важного «фигуранта» Янкловича В.П.»...

Хотя все это чепуха.

— Володя, читал? — Смехов подсунул ему «Известия». — Полюбопытствуй.

«О Сахарове А.Д.

На протяжении ряда лет Сахаров АД проводил подрывную работу против Советского государства. В связи с этим он неоднократно предупреждался о недопустимости подобной деятельности представителями соответствующих органов власти, общественных организаций, видными советскими учеными. Игнорируя предупреждения, Сахаров в последнее время встал на путь открытых призывов реакционных кругов империалистических государств к вмешатель-

ству во внутренние дела СССР.

Принимая во внимание многочисленные предложения советской общественности, Президиум Верховного Совета СССР лишил Сахарова А.Д. звания Героя Социалистического Труда и всех государственных наград, а Совет Министров — званий лауреата присужденных ему премий СССР» (ТАСС).

— Идиотизм, — пробормотал Высоцкий. — Пора туда... — и оборвал фразу.

Заехав домой перед вечерним спектаклем, Владимир фазу зашел в кабинет, выдернул с полки томик стихов, нашел нужную страницу, быстро пробежал ее глазами и торжествующе захлопнул книгу: «Ну вот, все-таки я был прав, а Ванька говорит, что я слова переставляю! Нет, все верно — «Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины...»

Марина, глядя на него, кивнула: «Да, ты магнит. Только ты не мины притягиваешь, а неприятности и всякие приключения...»

Когда Марина случайно нашла в кармане его пиджака ампулы с морфином, это был самый страшный день... Ей не хотелось больше жить. Она решила улететь домой, и ее решение для обоих стало облегчением.

По мнению Станислава Говорухина, «это была красивая, длившаяся много лет духовная связь двух бесконечно талантливых людей. Марина пыталась замедлить его бешеный темп — вдвоем трудно так быстро нестись по жизни. Отчасти ей это удалось. Во всяком случае, она продлила ему жизнь...». «Она своими приездами, своими связями спасала его, — говорил коллега Высоцкого по театру Борис Хмельницкий. — Если бы не она, он ушел бы намного раньше. Мы-то знаем...».

Российские друзья и знакомые Мариной Владимировной и восхищались и, как водится, терпеть не могли. Многие отзывались

о ней, мягко говоря, с неприязнью, поминая — кто с ревностью, кто с завистью.

«Марина не хотела напрягаться, — считал Иван Дыховичный. — Стоило Володе сорваться, немедленно улетала в Париж, а уж оттуда звонила, расспрашивала, как идет выздоровление, давала указания. Вот когда он начинал выходить из кризиса, она возвращалась, встречала его, привозила домой...» Эдуард Володарский был уверен, что «Высоцкий Марину боялся... Он хотел от нее слинять... Влади могла перекрыть Володе кислород наглухо. Она показала себя абсолютной террористкой! Такая может переступить через

что угодно... Когда Влади приезжала в Москву, денег здесь вообще не тратила. Володька разбивался в лепешку, чтобы дом был полной чашей. Марина даже улетала обратно во Францию на деньги Высоцкого... Ее значимость за границей у нас сильно преувеличивали. Там она считалась средней артисткой... За франк она готова удавить кого угодно. Чисто французские дела...». Георгий Юнг- вальд-Хилькевич видел ее грех в другом: «Марина... сама выпивала. Настаивала, чтобы он не пил, убеждала его, но в доме все время была водка...»

Каждый считал себя вправе оценивать Марину Влади и степень ее влияния на Высоцкого со своей колокольни. Альпинист Елисеев, знакомый с Высоцким еще с «Вертикали», сожалел, что «пристегнутый» к Влади Володя не был тем рубахой-парнем с душой нараспашку, готовым первым оказаться там, где трудней и опасней, каким он был в горах.. Словно что-то подломилось. Я... видел в ней причины, вследствие которых Володя не с нами, как раньше.. Был приветлив, но былой дружеской радости не проявлял — его сдерживали невидимые вожжи Марины, которые я чувствовал..». Для администратора Янковича первостепенным было то, что «она

научила его очень четкому отношению к деньгам.. Когда Марина приезжала, он становился более чем нужно галантен, доброжелателен, учтив. Ведь, как ни странно, Марина научила его, как нужно относиться к женщине. Он же был дворовый московский пацан. И по воспитанию, и по восприятию жизни. Хотя, нужно отдать ему должное, это отношение к женщинам подспудно в нем сидело всегда...».

Покинутая жена Людмила Абрамова, естественно, не питавшая никаких теплых чувств в отношении к Влади, замечала, что после 60-х «он перестал быть веселым, смешливым, может быть, оттого, что плохо себя чувствовал, или друзья, окружавшие его, уже не располагали к веселью. Рассказывал остроумные истории, но сам не смеялся...». А кто-то считал, что для Высоцкого Марина была лишь «символом связи с внешним миром, контактов и возможностей всяких, без чего ему просто жить невозможно было...».

Как всем хотелось, чтобы он навсегда оставался только таким, каким они его хотели видеть: удивительной, но безропотной и безвольной статуэточкой, которую в любой момент можно подержать в руках, полюбоваться. Или со злостью швырнуть оземь.

В глазах кого-то он был рубахой-парнем, в мечтах других — нежным любовником. Третьим он был нужен как послушный инструмент в достижении собственных целей. Многим хотелось видеть его точно таким же, какими были они сами, — пустыми, дрянными, безумными, пьяными, безвольными.

Иван Дыховичный понимал, кем Высоцкий окружил себя в последние годы: «Это как Сталин, который посадил «врачей-вредителей» и через год умер, потому что те, кто пришли на их место, вынуждены были лечить его по-другому. Чем и убили. Так и Володя сам выбрал себе смерть, когда стал общаться с этой швалью...»

Хотя сам о себе он пел: «Такого попробуй угробь!»

Он не был гением в каких-то отдельных творческих проявлениях — актерстве, музыке, стихосложении. Он был гениальным человеком. А гении живут в ином измерении, на другом этаже. За свою гражданскую и духовную волю он платил мукой зависимости другого рода...

***

После оглушительного успеха «Места встречи...» ведущий популярной телепередачи «Ки-

нопанорама», режиссер Эльдар Рязанов решил посвятить фильму и его создателям большой сюжет. Предполагалось снять беседу в студии с Говорухиным, Высоцким и Конкиным. А заодно записать нескольких песен в исполнении Владимира. Ну, а дальше с помощью монтажа выдать все за прямой эфир.

Разумеется, никакого строгого запрета на съемки Высоцкого — ни устного, ни тем более письменного — никто не накладывал. Но он подразумевался. Не маленькие, сами все должны понимать. И если что, отвечать тоже готовьтесь по-взрослому.

Режиссер Ксения Маринина решила подстраховаться и испросить разрешения на съемки. Пошла к начальству — отказали. «И тогда, — рассказывала Маринина, — вызвалась помочь наш главный редактор Нина Севрук — удивительного понимания, доброты и ума человек. Ее муж был начальником пропаганды в ЦК партии, и Нине отказать не могли — слишком влиятельная фигура за ней стояла. Звоню Владимиру Семеновичу. А он вдруг говорит: «Слушай, а тебе не кажется противоестественным то, что существует масса некачественных любительских записей моих песен, а профессиональной — ни одной? Запишешь

меня — приду на вашу программу!»

Маринина сказала «да» и начала утрясать график рабочих смен. «Окно» образовалось поздним вечером. В этом был еще один немалый плюс — в такое время никого из начальства уже быть не должно, следовательно, никто мешать не станет. Ведь и у председателя Гостелерадио, и его первого заместителя Мамедова была специальная аппаратура, позволяющая слушать все помещения «Останкино»..

К девяти вечера, вспоминала режиссер, Володя приехал. Весь подтянутый, подготовленный, хорошо одетый- На заявке было написано: «Запись «Кинопанорамы». Я с пульта на втором этаже задавала вопросы, которые, конечно, потом убирала, потому что и звук был не тот, и время на это терять не хотелось, он говорил, спрашивай, чего надо, я на все буду отвечать, и он все говорил тут, мысль рождалась тут, он совершенно не знал, что мы хотим, чтобы он говорил...». Потом он захотел посмотреть, что получилось. Просмотровая была уже закрыта, но для него сделали исключение. Высоцкий посмотрел и сказал: «Я доволен».

Чем? Тем, что нашел-таки в себе мужество превозмочь собственную физическую немочь, бессилие и, запинаясь, со сбоями, не попадая по

струнам опухшими после гемосорбции пальцами, записать десяток песен? И что? Довольны были те, что прилипли к стеклянным стенам студии и во все глаза видели его, живого. Одни сочувствовали, когда он ошибался, другие — всепонимающе ухмылялись. Ну и пусть. «Пусть пробуют они, я лучше переждуl». На записи видно: ему явно хотелось еще что- то сказать. Но потом: а-а-а... ладно. Отстегнул микрофон и пошел: «Пока!»

Потом он уехал домой, а телевизионщики стали гадать, что делать с отснятой пленкой? Прирожденная подпольщица Маринина предложила спрятать под пол в монтажной — там проходили всякие коммуникации, поэтому в некоторых местах доски можно было снять. Технари засомневались: там провода всякие, напряжение, пленка может размагнититься. Предложили: «Ксения Борисовна, давайте мы сами заначим». И заначили — *«до будущей субботы...»*

На следующий день на съемки общей беседы Высоцкий не приехал. Говорухин разобиделся: «Мы все собрались и ждали Володю. Его нет. Перезваниваю и спрашиваю: «Ты где?» — Он: «Еду, еду. Сейчас». Чувствую по голосу: что-то не то. Еще час прождали. Снова звоню, он: «Знаешь, я не

приеду. Решил. Телевизионщики меня никогда не снимали. Не хотели. А сейчас решились?!»

1 марта вышел очередной выпуск «Кинопанорамы», один из сюжетов которой был посвящен фильму «Место встречи изменить нельзя». А вот места Высоцкому не нашлось. Впрочем, ничего другого он и не ожидал. После этого продолжать заниматься «Фургоном» не было никакого желания.

Во время мартовской встречи с Мариной на «нейтральной территории», в Венеции, он раскрыл полностью масштабы своей беды. «Сначала мне казалось, — говорил Янклович, — что Марина знает о Володиной наркомании. И думал, что они чуть ж не вместе этим занимаются. Но потом я узнал, что для нее это было открытие. Страшное открытие. Ведь сын ее Игорь страдал той же болезнью... В случае с Володей она переоценивала себя. Ей показалось, что поскольку она имеет на него сильное влияние, то хватит одного его слова, которое он ей даст. Но в последнее время это было далеко не так, и Володя от этого страдал. Он ее, в общем-то, обманывал уже. А поначалу она просто увидела, что Володя сильно изменился. И она заставила его все ей рассказать».

В Италии они дали друг другу слово, что будут

бороться вместе.

На листке бумаги осталась незавершенная строчка: *«Прыг со мною в темноту!»*

В Москве Владимир урывками, но все-таки наперекор всему пытается продолжить работу с Демидовой над Уильямсом. Придумал очень эффектное начало: два человека летят друг к другу с противоположных концов по диагонали сцены, сталкиваются и замирают на несколько секунд в братском, но полулюбовном объятии... «И сразу же равнодушно расходятся, — рассказывала Алла Сергеевна, — я за гримировальный столик, Высоцкий на авансцену, где потом говорит большой монолог в зал об актерском комплексе страха перед выходом на сцену (причем этого комплекса у него никогда не было...); произносил он это так убежденно, что трудно было поверить, что начнет сейчас играть...»

Отрепетировали первый акт и решили показать коллегам. Вывесили объявление, пригласили весь театр. Пришел лишь Давид Боровский и случайно оказавшийся в театре кинорежиссер Юрий Егоров. Второй акт оказался очень сложным, работа застопорилась. Теперь уже бесповоротно. Демидова, правда, надеялась: вот съездим на гастроли в Польшу, а там... Да-да, кивал Высоцкий,

конечно.

Рука все реже тянется к бумаге. Еле-еле вымучил из себя текст Полоке для какого-то его нового фильма. Откупился — только, чтобы не сниматься. Почитал сценарий — полный бред. Играть роль секретаря комячейки, какого-то чумового Сыровегина? Посоветовал Геннадию — бери Бортника, а песни я напишу. Вечер маялся, ничего в голову не лезло, какие-то отдельные слова и строки: *«Не карцер построит строитель! Нет! Хватит! Нам лучше теплицу, парник!»* Днем прочитал, стыдно стало. Долго бродил по квартире, из угла в угол, пил чай, курил, собирался с духом. Потом сел за стол и выдавил из себя три куплета:

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням,

И самым главным будет здесь рабочий класс.

И первым делом мы, естественно, отменим

Эксплуатацию учителями нас...

Ты хотел стилизацию и мою фамилию, Геннадий Иванович? Получи. На большее я не способен. Нужна концовка? Ладно. Обойдемся без карцера, пусть будет парник

Так взрасти же нам шкалу, строитель!
-
Для душ наших детских теплицу, парник
Где учатся — все. Где учитель
Сам в чем-то еще ученик.

С ума сойти! Все, не могу больше. Уж не обессудьте.

«Я В ГЛОТКУ, В ВЕНЫ ЯД СЕБЕ ВГОНЯЮ...»

Когда-то он убеждал друзей, что способен в любом состоянии написать хорошие вещи. А утром посмотрел бумаги, на которых ночью пытался что-то накорябать, порвал и обреченно сказал: «Не хочу это видеть, не надо, не хочу».

В апреле он вновь обращается в Склифосовского. Профессор поставил ультиматум: «Я займусь вами, если вы мне все расскажете». Владимир покаялся — сколько лет на игле, какие дозы. Пациента положили на гемосорбцию. Но на следующий день поняли, что ничего не получилось. Поскольку он был уже не просто наркоман, а полинаркоман. И потому совершенно неизлечим. Отец Владимира Шехтмана, опытный врач, советует сыну: «Собирай всех друзей и скажи, что жить ему осталось месяца два-три, и умрет он либо от передозировки, либо от нехватки наркотиков».

Решили попробовать вызвать на разговор отца: «Сын умирает. Но класть его в больницу без его согласия невозможно, надо на него повлиять.

Попытайтесь, Семен Владимирович». Тот согласился: «Вот сейчас он приедет, и я ему все скажу. Если уж Эдит Пиаф смогли вызволить от наркотиков, то и я это сделаю!»

Когда Володя приехал, отец на него повысил голос, тот ему очень резко сказал: «Ты в это не вмешивайся». И все увидели, что Семен Владимирович «сразу как-то сник и начал вроде как бы извиняться: «Ну что ты, сыночка, я же не хотел ничего. Просто вот поговорить с тобой решил насчет больницы». Тогда уже Володя совсем грубо ему ответил: «Если вы посмеете уложить меня в больницу — я вас всех возненавижу». А Янковичу сказал: «Запомни — все, кто попытается упечь меня в больницу, станут моими личными врагами».

Но Владимир еще верил, что попытается выскочить. В конце месяца в очередной раз он позвонил Марине и пообещал к ее дню рождения прилететь. Заверил, что с ним все в порядке. Почти.

Утренний рейс Москва — Париж задержали — Высоцкий опаздывал. А в самолете... Высоцкий летит с нами! — раздавалось со всех сторон. — Вчера был день Победы, Высоцкий с нами, ну как не выпить!..

Потом Марина в панике звонит в Москву: «Где

Володя? Он не прилетел! Я не знаю, где он!» Ночью ей звонит знакомая, сообщает, что Высоцкий уже несколько часов в Париже, он в одном из русских кабаков, и дело плохо. Марина рассказывала: «Я бужу Петю — мне нужна помощь. Мы находим тебя на банкетке, обитой красным плюшем, в самом темном углу. С тобой гитара и чемодан...»

11 мая Марина все-таки уговорила его лечь в больницу, в Шарантон. «Помнишь, мы с тобой там Игоря навещали пять лет назад?» — «Помню».

Он свои впечатления тогда даже записывал: «Поехали в больницу. Похоже на наши дурдома, только вот почище, и все обитатели — вроде действительно больные. Ко мне разбежался кретин в щетине и потребовал закурить. Я дал...»

И вот теперь он обречен оказаться там, среди действительно больных людей, кретинов в щетине...

Шемякин навестил друга, оказавшегося в узилище — громадном, мрачном здании... Правдами и неправдами, через какие-то стенки, заборы, между кустов сирени, бочком, он все-таки пробрался в лечебницу... Железная дверь, окошечки в решетках. Вонища — инсулиновый пот. И вдруг увидел — в пунцовой байковой пижаме у окна стоит Владимир, курит. Обернулся:

— Мишка!

— Вовчик!

Он повел друга длинным коридором к себе в палату. Странно, но никто не встретился — ни санитары, ни больные. Сели:

— Ну что? Как же так?

— Да вот, напоили... Свои же, в самолете, пока летели. Потом еще две бутылки коньяка дали на дорожку... Дальше — все, не помню...

— Вовчик, да все будет хорошо, все нормально...

— Мишка, я людей подвел! — заплакал вдруг. — Понимаешь, я обещал шарикоподшипник достать для машины... Я так людей подвел!.. Мишка, тебе надо уходить!

— А что такое?

— Да ты знаешь, это все-таки настоящая психушка, повяжут тебя, повяжут!..

«...Он прислонился к окошечку, — видел Шемякин, — а там идет другая жизнь, никакого отношения к нам не имеющая — там солнышко, которое нам абсолютно не светит и нас не греет... И вот так мы стоим, прислонившись лбами к стеклу, и воем потихонечку...» Жуть! Вот этого — не передать! Это тоска его, перед самой его смертью, которая его ела!.. И вот это безумие

вангоговское, Володькины рыжие волосы, как в больнице бывает — клочками, и пунцовая байковая пижамка Ивана Бездомного... И стоим мы оба, и ревем — о каких-то неведомо куда улетевших лебедях... Володька мне говорил «А я написал песню о нас...»

В стае диких гусей был второй,
Он всегда вырывался вперед.
Гуси дико орали:«Стань в строй!»
И опять продолжали полет..

Миша ушел. А он без сна лежал на боку, глядя в темноту и вспоминал рассказы Бродского о психиатричке. Как он говорил? В тюрьме ты знаешь, что рано или поздно тебя все-таки выпустят. А в сумасшедшем доме ты полностью зависишь от произвола врачей. Верно тогда Иосиф сказал, что здесь у всех диагностика одна: «Главный признак здоровья — это нормальный крепкий сон». А я не могу уснуть! Не спится мне — ну как же мне не спится!.. Колют всяческой дурью, заталкивают таблетки. Они — хозяева, и потому вправе на тебя давить...

Но все-таки опять попробовал писать. Попросил бумагу, ручку и, лежа, одну за другой стал выстраивать строки:

Виденья все теснее,
Страшат величиной:
То — с нею я, то — с нею...
Смешно! Иначе — ной.
Не сплю — здоровье бычее,
Витаю там и тут.
Смеюсь до неприличия
И жду — сейчас войдут.
... ...
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Марине показалось: ему стало лучше. Но он-то знал, что нет. Позвонил в Москву Янковичу, сказал, что все. Потом признавался, что в клинике моментально нашел медсестричку, которая кое-как, с грехом пополам говорила по-русски, чего-то там ей наплел, и она тут же нашла «лекарство». А Марине по-прежнему чудилось, что она его за горло поймала и вылечила...

По телефону из больницы Владимир попытался отыскать Оксану. Она не отвечает. Янклович о ней сказать тоже ничего не может, зато задает много вопросов о Польше. 17 мая во Вроцлаве начинаются гастроли Таганки. Как ты? Объявлен

«Гамлет» и «Добрый человек из Сезуана»...

«Я как главный администратор, — рассказывал Янклович, — собираю людей, чтобы начинать отправлять их в Польшу, как вдруг сообщение приходит, что Володя не прилетит. Подхожу к Любимову и говорю:

— Юрий Петрович, позвонила Марина Влади и сказала, что Володя болен. Он не сможет прилететь во Вроцлав...

И вдруг вижу и слышу этих актрисулек, которые друг дружке говорят: «Знаем мы эту болезнь». Тогда я не выдержал:

— Вы едете в Польшу только потому, что Высоцкий есть в театре. А без Высоцкого вы в Варшаве не нужны...»

Любимов, естественно, в расстроенных чувствах. Пытается связаться с Высоцким, с Мариной. Но срываться сейчас из клиники опасно, врачи говорят о предынфарктном состоянии. С другой стороны, зарубежные гастроли на грани срыва. На всякий случай Юрий Петрович даже выпрашивает «индульгенцию», давая интервью польской газете: «Владимир Высоцкий, принц наш Датский, заболел, и я не уверен, что мы сможем сыграть ожидаемый варшавской публикой спектакль».

В конце концов Марина, поддавшись нажиму с двух сторон, — Высоцкого и Любимова, все-таки уступает. Она потом пыталась оправдать свою слабость: «Могла ли я посягнуть на твою свободу, которой ты дорожил больше жизни?..»

Высоцкий улетает в Варшаву, но путанным, кружным путем — через Москву. Перед аэропортом на минуту забегает к Шемякину. Зная, что тот в Греции, оставляет на его письменном столе листок с посвящением:

«Михаилу Шемякину — чьим другом посчастливилось быть мне!»

...Вспоминай
И! Быть может, Вовчик, —
«Поминай как звали!»
M.Chemiakin — всегда, везде Шемякин.
А посему французский неучи!.
Как хороши, как свежи быт маки,
Из коих смерть схимичили врачи!

Мишка! Милый!
Брат мой Мишка!
Разрази нас гром!
Поживем еще, братишка,

По-жи-вь-ем!

Po-gi-viom!

Вот теперь действительно все.

Дома он тут же мчится к Оксане. У нее горе — покончил с собой отец. Утром самолетом на Польшу.

«Владимир прилетел, — умилился Любимов. — И в тот вечер в его игре была потрясающая легкость, словно на него не действовали законы притяжения».

Когда закончился «Гамлет», за кулисы пришел Ольбрыхский, и все большой компанией отправились ужинать. Данек с Высоцким, совершенно обессиленным, шли впереди, и все слышали, как Ольбрыхский говорил ему: «Ты вообще понимаешь, что сегодня случилось? Зал встал!! А в Польше зал не встает».

На прощальном банкете они сидели рядом за огромным длинным столом. Высоцкий много говорил о «Каникулах после войны». Сказал о том, что Депардье уже дал согласие сниматься.

«Вдруг посередине этого разговора, — рассказывала Алла Демидова, — Володя посмотрел на часы, вскочил и, ни с кем не прощаясь, помчался к двери. Он опаздывал на самолет в Париж. За ним

вскочил удивленный Ольбрыхский и, извиняясь за него и за себя, скороговоркой мне: «Я сегодня играю роль шофера Высоцкого, простите...» В это время председательствующий Ломницкий, заметив уже в дверях убегающего Высоцкого, крикнул на весь зал: «Нас покидает Высоцкий, поприветствуем его!» И вдруг совершенно интуитивно от «нас покидает» меня охватила дрожь, открылась какая-то бездна, и, чтобы снять это напряжение, я прибавила в тон ему: «Нас покидает Ольбрыхский, поприветствуем его...»

Во Франции Марина пробует вытащить его **собой.** Одиночеством, отрешенностью, уединением. Увозит на юг страны, на море, в дом Одиль Версуа. Но напрасно: «И моя сила воли изнашивается как тряпка, меня охватывает усталость, и отчаяние заставляет меня отступить. Мы уезжаем».

11 июня Владимир Высоцкий навсегда покидает Париж. На прощанье Марина говорит ему: либо твоя последняя попытка «выскочить», либо она идет в консульство и подает документы на развод. Он обещает сделать все.

Когда Высоцкого встречали на Белорусском вокзале, он был в ужасном состоянии. Боли глушил спиртным с сердобольными погранични-

ками и таможенниками. Не успели добраться до Малой Грузинской, тут же звонок Марины. Взял трубку Янклович. Она задала лишь один вопрос: «Где Володя?» Янклович промямлил: «Что- то ему нездоровится». — «Мне все ясно. Скажи ему, что между нами все кончено».

Утром, когда Владимир пришел в себя, ему рассказали о разговоре с Парижем. На него слова Марины произвели очень гнетущее впечатление. Он понимал, что теряет ее насовсем. Все-таки она для него была неким спасательным кругом. Ощущение, что она где-то есть, давало ему какую-то надежду на что-то...

На Малой Грузинской появилась Оксана Афанасьева. И он с облегчением говорит Шехтману: «Ну и что, где ваши врачи с их пророчеством? Два месяца прошло — и ничего.»» Валерий Янклович видел, что «Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня тогда она немного раздражала» Я уже не понимал — психически он нормальный человек или нет. Особенно когда он говорил мне, что видит цветные сны. Или когда пришло время, когда он мог спать только со светом. В доме его ночью всегда горел свет. А потом к этому добавилось то, что... он не мог находиться одна В комнате обязательно кто-то должен

быть.» Причина появления многих женщин™ от этого страха остаться одному. Потому что он же понимал: ни я, ни кто-то другой не могли с ним находиться круглосуточно... Не знаю ни одного случая, чтобы какая-то женщина ему отказала». Он мог любую, в общем-то, ничего из себя не представляющую девчонку, если та ему нравилась, поднять до своего уровня. Он начинал к ней так относиться, что она начинала чувствовать себя королевой. Иногда эти девчонки даже малость перебирали... и им начинало казаться, что они действительно стали королевами. Но приходило время, он так немножко плечи приподнимал и они, девочки, так словно бы скатывались и пропадали. Все, кроме Марины...»

По мнению Ивана Дыховичного, большей проблемой для барышень было: как ему не дать, чем дать. Но его боялись, от него отстранялись, не верили — поскольку знали, что все равно он любит другую женщину.

«Да, Володя любил женщин, — подтверждала Оксана. — Не пропускал ни одну красотку.. Но при этом он не был неразборчивым.» Володя никогда не был героем гуляющей богемы. Он тонул в море проблем и дел... Кино, театр, друзья, мама, отец, первая жена, дети, Марина Влади, наконец.

Ему практически не хватало времени и сил на самого себя. Те редкие свободные минуты, которые удавалось «украсть» для покоя и отдыха, мы проводили вместе...» Но, как она однажды выразилась, «охмуритель был профессиональный...»

Марина Влади? Она была далеко, и Оксана воспринимала ее просто как родственницу, ее существование, в общем-то, никак не отражалось на их взаимоотношениях с Высоцким.

Знала ли о присутствии Оксаны в жизни Владимира сама Марина? Туг мнения расходятся. Кто-то считает, что догадывалась, другие утверждали: точно знала, третьи — категорически опровергают и догадки, и знание.

На второй или третий день после похорон Высоцкого Марина позвонила Туманову и попросила его срочно приехать. «Дома за столом сидело человек десять, — вспоминал Вадим Иванович. — И вдруг Марина обращается ко мне: «Вадим, я считала тебя своим другом, а ты молчал, что у Володи здесь была женщина» Правда это или нет?» Об этом ей сказал один из Володиных приятелей. Я ответил: «Марина, во-первых, даже если бы это была правда, я все равно бы ничего тебе не сказал. Во-вторых, это чистая чушь, и тот, кто тебе это сказал, — он среди нас, — это настоящая сволочь.

И мне очень неприятно, что все это происходит, когда не время и не место об этом говорить, даже если бы что и было». Все молчали. Я повернулся и уехал»

***

Каждый из тех, кто в последнее время находился рядом, старался напоследок выжать из него все возможное. Оправдывались тем, что только работа способна уберечь Высоцкого от беды.

— Володя, тебя ждут, надо ехать, мы за тобой заезжаем, — звонили обычно Гольдман или Янклович.

Он уже даже не спрашивал куда. Приезжал, ему подавали гитару. Он пел, пересказывал накатанный текст, изредка допуская какие-то отклонения, — и, получив расчет, все уезжали. К деньгам он никогда не прикасался. «Однажды я заметил, что администраторы обманывают Высоцкого при оплате концертов, — говорил Борис Хмельницкий, — и сказал ему об этом. А он мне ответил: «Боря, я знаю. Но зачем мне еще на это тратить свою энергию? Да я лучше песню напишу за это время, чем буду выяснять отношения с администраторами. Ну их к лешему...»

Сегодня Подмосковье, завтра... Что завтра? Ка-

лининград, самолет утром. А зачем самолет-то, тут на машине — час-полтора. Это не тот Калининград, а тот, что бывший Кенигсберг, на Балтике.

«Он был готов ехать куда угодно, — рассказывал мне один из организаторов той поездки Владимир Конторов, передавая пленку с записью одного из калининградских концертов. — Лишь бы гарантировали «лекарство»...»

Я слушал эту пленку с записью калининградского концерта уже после смерти Владимира Семеновича. Все традиционно, только чуть царапнула некоторая двусмысленность, произнесенных как бы между прочим, случайных фраз: «...Спасибо. Я не унесу все это... А врачи еще раздумывали, пускать меня в Калининград или нет? Они ошибались. Я им скажу, что вы мне такой заряд дали... так повысили настроение, что я даже не собираюсь болеть...», «Спасибо. Спасибо большое... Вы меня завалили, как братскую могилу, цветами...»

В театре то шеф, то Дупак тоже настаивали: «Володя, надо поработать. Сейчас, перед Олимпиадой, вся Москва переполнена ВИП-гостями — японцы, французы, немцы, демократы, и всем нужна Таганка, Гамлет нужен, ты же понима-

ешь...»

По пути из Красной Пахры в Москву Владимир случайно встретил Трифонова. Остановился, поздравил с премьерой «Дома на набережной». «Он всегда, когда видел меня на дороге, останавливал машину, — рассказывал Юрий Валентинович, — выходил и очень торжественно целовался, у него была такая манера — никогда не мог просто проехать. Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный и встревоженный. Я говорю: «Володя, вы сегодня придете на банкет?» Он не участник спектакля, но все равно мне очень хотелось, чтоб он был...

«Нет, Юрий Валентинович, простите, но я уезжаю». — «Куда?» — «На лесоповал». В Тюмень куда-то, он сказал, в Западную Сибирь. Я был, конечно, страшно удивлен: ведь сезон в театре еще не закончился, какой лесоповал? Мы простились, на другой день я сам улетел... В последнее время он был обуреваем какими-то порывами куда-то мчаться, совершать совершенно фантастические поступки...»

Потом Владимир заехал на Таганку, нужно было решить кое- какие вопросы с Любимовым. Но в театре сказали, что шеф дома, захворал. Ну что ж, грех не навестить больного. Высоцкий

отправился к Юрию Петровичу домой.

«Я заболел, а жена с сыном Петей были в Будапеште, — вспоминал Любимов. — У меня была температура: сорок и пять десятых, я был в полубессознательном состоянии. И кто-то назойливо звонит в дверь. А я уже медленно соображаю. И долго шел до двери. Я открыл, зашел Владимир:

— Что же вы делаете, вы что, один, и никого нет?

Я говорю:

— Да, Володь, ничего страшного.

— Как? Что вы!

Сказал: «Подождите». И уехал. Привез мне какое-то лекарство. Оказывается, он ездил в американское посольство! Там милиция — а он с ходу на своем «мерседесе» въехал. Те: «А-а-а!» — а уже все — проскочил! Пошел там к какому-то советнику знакомому своему. И сказал, что очень плохо с Любимовым, дайте самый лучший антибиотик, у него сильнейшая температура. И они дали какой-то антибиотик И он мне его привез...»

А насчет Сибири он, действительно не шутил. Идея Марины — забраться куда-нибудь подальше, ото всех отгородиться, надышаться чистым воздухом, уснуть, проснуться — и почувствовать хоть какие-то желания, кроме одного, — казалась ему

разумной, должна была обязательно принести результат! То и дело созванивался с Тумановым, о чем-то долго уговаривался. Играл с самим собой. Подошел к полке с книжками, посмотрел вскользь. Юрий Карякин «Самообман Раскольникова». Вытащил, полистал, но читать не стал, положил на пол, рядом с постелью. Потом...

В театре «Гамлет». Алла Демидова — Гертруда была одной из немногих, перед кем Высоцкий рискнул *«приподнять занавес за краешек»* его страшной тайны: «Он мне как-то сказал: «Алла, я нашел лекарство, которое полностью перекрывает действие алкоголя»... Я встретила его перед спектаклем вдрызг пьяного. «Володя, — говорю, — как же ты будешь играть». А он мне в ответ: «Как всегда». И на сцену совершенно трезвым вышел... Я просто физически почувствовала, что из него бьет энергия. У меня поползли мурашки по телу. Я зашла за его спину — ничего нет. Опять перед ним — чувствую поток

У человека семь чакр, и они расположены по линии позвоночника. Актеры пользуются в основном нижней — сексуальной. Иногда так темпераментно играют, что даже попы сжимаются. И действует!.. Высоцкий играл анахатой — грудной чакрой. Она бьет энергией, как луч

карманного фонаря. Поэтому сбоку ее не чувствуешь, и зрители, сидящие в зале по краям, ничего не воспринимали, а у тех, что в центре, мурашки по коже... Он меня предостерегал не прикасаться к наркотикам, так как знал, чем все заканчивается. Потом нас спрашивали, почему его не остановили. Но это все равно, что хватать голыми руками взлетающий самолет...».

***

Как-то, сидя у Володарского в Красной Пахре, Высоцкий обмолвился: «Не дай Бог подохнуть. Ксюха одна останется, я же ей и отец, и любовник, и опекун...» Его преследовала очередная идея-фикс — обвенчаться с Оксаной. А ей нравилось играть в кошки- мышки. Когда Высоцкий время от времени говорил: «Я хочу, чтобы ты была моей женой», Оксана кокетничала: «Ты — двоеженец, мы не можем с тобой венчаться».

Он ходил в церковь, и в не в одну, но везде ему говорили: «Пожалуйста, ради бога, только сначала приносите документы, что вы не женаты. Тогда мы вас обвенчаем».

Неужели в памяти Высоцкого настолько прочно застряла та сцена венчания, которую они когда-то, давным-давно, разыгрывали с Ией Сав-

виной в фильме «Служили два товарища»? Там все тоже было на грани жизни и смерти. Вспомните лихорадочный диалог в церкви.

— Что вам угодно?

— Нам угодно обвенчаться!..

— Как вы сказали?

— Обвенчаться. И давайте, батюшка, поскорее... Делайте, что вам говорят, батюшка, а то ведь вас я пристрелю. В Божьем храме... Мы тут торгуемся, а там от пристани последний пароход отчаливает! Я должен поспеть, ясно вам?!.

И Владимир Семенович решил повторить киноэпизод в реальной жизни?.. А может, биография поручика Брусенцова была и его, некогда прожитой жизнью?..

По девичьему же разумению Оксаны Афанасьевой, Володе просто хотелось иметь нормальную семью: «Ему нравилось, когда в доме уютно, когда есть еда, когда я что-то готовила».

«Ну, давай кого-нибудь родим», — говорил он. «Ну, Володя, что это родится? Если родится, то одно ухо, и то глухое». Я так неудачно пошутила, что Володя даже офигел: «Ну и юмор у тебя!» Но ребенка я никогда бы не стала от него рожать, потому что не была уверена, что от наркомана родится здоровый ребенок...»

В один из дней Владимир заторопился:

— Все, Ксюш, поехали!

— Куда?

— Поехали-поехали, все узнаешь. К Норочке поедем.

— Какой еще Норочке?

— Увидишь!

Увидеть Норочку, «брильянт всея Руси» Элеонору Косгинецкую, мечтали многие, а уж познакомиться, заслужить расположение ее, фактической хозяйки новоарбатского магазина «Самоцветы», — было тогда из области фантастики.

«Накануне он позвонил: «Элеонора Васильевна, я могу завтра прийти?», — рассказывала Костинецкая. — Интересно, что он решил явиться в субботу, когда директор и его зам были выходными... Из этого я заключила, что он хотел как можно меньше привлечь внимания к своему визиту.

Пришел Высоцкий в сопровождении молоденькой девочки лет 18—19. Помню, она была одета в розовый костюм. И, глядя на нее, я тогда почувствовала жгучую ревность! Не женскую, нет. Просто для меня Высоцкий был этаким драгоценным камнем, к которому не надо было

прикасаться. Выглядел он не очень... Я еще его спросила: «Володя, у вас, наверное, был вчера веселый вечер. Не желаете ли рюмочку коньячку?» Но его спутница твердо сказала, что если он выпьет, она с ним никуда не поедет. Тогда я принесла бутылку минералки, которую Высоцкий и выпил. После чего сказал: «Мне нужно купить обручальные кольца для одного приятеля и его невесты». Я поинтересовалась размерами. «Точно не знаю, — сказал Владимир Семенович. — Но примерно как на меня и вот на нее...»

Я промолчала, лишь многозначительно посмотрела на него и позвонила в секцию, попросив принести лотки с обручальными кольцами. По моему совету, он выбрал обычные тоненькие колечки, без всяких наворотов. После чего пригласил меня на концерт: «Я вам позже сообщу, где он состоится, — сказал Володя. — Но обещаю, что это будет лучшее выступление в моей жизни!»

Через две недели с небольшим Костинецкая вновь видела эту девушку. Уже на похоронах Высоцкого: «Она сидела в партере, а вокруг нее было как бы выжженное пространство — никто поблизости не сидел... Уже много позже, когда я вернулась из тюрьмы, мой сын показал мне в журнале интервью с женой Леонида Ярмольника

Оксаной, которая рассказывала, что Высоцкий предлагал ей выйти за него замуж Вот тогда-то все и встало на свои места — я поняла, кто была та девочка в розовом.»»

12 июля — «Преступление и наказание».

13-го — «Гамлет». Перед спектаклем Смехов вручил Владимиру свежий номер журнала «Аврора» с подборкой его заметок «Мои товарищи — артисты» о Демидовой, Табакове, Визборе и в том числе

о нем. «Высоцкий прочитал, а потом я узнал от Валеры Плотникова, какой странной похвалой он отметил публикацию: «Приятно о себе почитать... не на латинском шрифте», — с обидой рассказывал автор.

13-го — концерт в НИИ эпидемиологии и микробиологии...

Это — не записи из его рабочего дневника. Высоцкий его не

вел. Было кому заполнять «рабочие табели В.С. Высоцкого». И в театре, и вне.

В институте у медиков распелся. После «Канатчиковой дачи» неожиданно для себя объявил: «Вот еще песня «Грусть моя, тоска моя». Вариации на цыганские темы»:

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то

с носка.

Чувствую, дышу и хорошею!.

Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска,

Изловчась, мне прыгнула на шею.

... ...

Одари судьба, или за деньги отоварь, —

Буду дань платить тебе до гроба!

Грусть моя, тоска моя, чахоточная тварь, —

До чего ж живучая хвороба!...

Потом вымучил из себя еще несколько песен. И — все-все-все, поехали! Не могу больше.

Те же слова за кулисами он повторяет на своем последнем «Гамлете» 18 июля: «Ой, плохо! Ой, не могу! Я так устал... Не могу больше, не могу!» Глаз было не поднять. Духота! Толстый свитер хоть выжимай. А тут еще «Гертруда» решила повыпендриваться:

— А слабо, ребята, сыграть еще раз?

Еле сдержался, чтоб не нахамить, только посмотрел на нее тяжело:

— «Слабо», говоришь... А ну как — не слабо!

— Нет уж, Володечка, — спохватилась королева, — успеем сыграть в следующий раз — 27-го...

После спектакля отправился на Малую Грузинскую, но к себе сразу не пошел. Поднялся вместе с Янковичем, Шехтманом и Абдуловым к Нисанову. Почему-то все были уверены, что приедет кто-нибудь из театра, ведь видели, в каком состоянии был Гамлет.. Никто не приехал.

На следующий день Высоцкий сидел перед телевизором. Транслировалось открытие московской Олимпиады. Диктор вещал:

— Слушай, планета, голос олимпийской Москвы. Призывно звучат фанфары. Бурными аплодисментами встречает стадион сообщение о том, что на торжественное открытие Игр XXII Олимпиады прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев...

— Уважаемый господин президент Международного олимпийского комитета! Спортсмены мира! Уважаемые гости! Товарищи! Я объявляю Олимпийские игры 1980 года, знаменующие XXII Олимпиаду современной эры, открытыми!..

На следующий день вечером раздался дверной звонок. Кто-то открыл, неразборчиво звучат голоса. Проходной двор какой-то.

— Валера, кто там?

— Да вот, Станислав Сергеевич пожаловали .

Ишь ты! Владимир вышел встретить гостя- «Привет, давно не виделись. Проходи.». Действительно, с Говорухиным, они с полгода не виделись и даже не разговаривали, с той самой чертовой «Кинопанорамы». «До сих пор обижаешься, Слава?» — «Да нет, что ты. Рассказывай о себе» — «Да чего там рассказывать, все в порядке» Пошли посидим к Нисанову, выпьем. Покалякаем о делах наших скорбных».

Станислав Сергеевич, помимо всего прочего, интересовался: «Будешь снимать?» — «Нет, я уже передумал..»

«Мы... помирились, — рассказывал Говорухин, — собрались с ребятами. Я ушел раньше и, уходя, уже взявшись за ручку двери, боковым зрением увидел Володю с бокалом в руках, который читал:

Подымем бокалы, содвинем их разом!

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходам зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!.

Ксюша постоянно сопровождала Высоцкого в его последние дни. «Он приехал ко мне со своей Оксаной, — рассказывал Иван Бортник — В каком-то вельветовом костюме, такой весь из себя. Только заходит: «Выпить нечего? А-а-а, есть!» — увидел все-таки бутылку, которую я спрятал под стол. Выпили. «Поехали ко мне», — говорит.

Взяли мы таксюгу, приехали к нему... В общем, остался я у него. Утром, понятное дело: «Давай похмелимся». Я сходил в магазин, принес две бутылки Оксана кричала. Ну, она уже себя Мариной Влади почувствовала, разбила одну бутылку...» Высоцкий обиделся, а потом через силу грустно улыбнулся, гладя, до чего расстроился Бортник, вспомнив мудрые слова бандита Горбатого из «Эры милосердия»: «Кабаки и бабы доведут до цугундера1»

23 июля состоялся последний телефонный разговор с Мариной Влади:

— Я завязал. У меня виза и билет на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?

— Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.

— Спасибо, любимая.

Он пишет ей: «Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то что я сейчас нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде.

Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное — я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты — единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз — я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо.

Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо.

Ты. и В. Высоцкий».

Она прочтет это письмо. И прочтет его последнее стихотворение, обращенное к ней:

И снизу лед, и сверху—маюсь между:

Пробить ли верх иль пробуравить низ?

Конечно, всплыть и не терять надежду!

А там — за дело в ожиданье виз.

Лед надо мною — надломись и тресни!

Я весь в поту, хоть я не от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека — сорок с лишним, —
Я жив, 12 лет тобой и Господом храним.
Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед Ним.

Стихотворение осталось там, в Париже. Она тоже там, далеко.

Хорошо, что еще успел оставить и «Две просьбы» конкретному адресату — *«М.Шемякину — другу и брату - посвящен сей полуэксрромт»:*

I

Мне снятся крысы, хоботы и черти.
Я гоню их прочь, стеная и браня,
Но вместо них я вижу виночерпия,
Он шепчет: <Выход есть — к исходу дня
Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердия

Отпустят, и расплавится броня!»
Я — снова — я, и вы теперь мне верьте, я
Немногого прошу взамен бессмертия, —
Широкий тракт, холст, друга да коня
Прошу покорно, голову склоня:
Побойтесь Бога, если не меня,
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

II

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу — дьяволу — ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
Дет смерти уточнили мне они.
Ты эту дату, Боже, сохрани, —
Не отмечай в своем календаре или
В последний миг возьми и измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли,
Чтоб люди не хихикали в тени.
От них от всех, о, Боже, охрани,
Скорее, ибо душу мне они

Сомненьями и страхами засеяли!

Поздно вечером 24 июля постепенно все разбрелись с Малой Грузинской. И мама, и Абдулов, и Янклович, и Сульповар с Щербаковым, и все прочие, кто весь день толклись в квартире, все, кому он с утра говорил: «Я сегодня умру». Где-то там дремали, в других комнатах, Анатолий Федотов и Оксана.

Ночью, около половины четвертого утра, Высоцкий проснулся. Голова была на удивление ясной. В комнате было тихо и темно, он не различал предметов. Он не хотел умирать, но чувствовал, что жизнь покидает его, понимал, что остановить это невозможно и не жалел ни о чем.

Владимир Семенович Высоцкий умер между 3.30 и 3.40 утра. Рядом никого не было, и установить точное время ухода никто не может.

Он был драматургом сюжета своей жизни, сочинителем собственной судьбы. Высоцкий вошел в жизнь одиноким, потому что не был похож ни на кого. И таким же, одиноким, ушел из жизни. Как и все на этом свете.

С четырех часов утра на Малой Грузинской объявлен общий сбор. Янклович — бригада из «Склифа», Федотов — врачебное свидетельство о смерти: «7. Причина смерти... — острая сердечная

недостаточность. 8. Заболевание, вызвавшее или обусловившее непосредственную причину смерти — атеросклероз венечных артерий сердца». Не писать же, что он умер от жизни.

За Абдуловым был звонок Марине, за Тумановым — матери. Кто-то сообщает отцу, Оксана — Боровскому...

Тот побежал к Любимову. Говорить не мог, рухнул на стул и зарыдал. Любимов вскочил:

— Что?! Что случилось, что?

— Ну вот и кончилась ваша двадцатилетняя борьба с актерами за Володю, Юрий Петрович.

— Умер?

— Два часа назад...

И еще десятки телефонных звонков. Место на кладбище — кто? Моссовет, а может ЦК Все становятся по-детски беспомощны, когда нужно заниматься скорбными делами.

— Не пей, тебе говорят!

— Не могу видеть Вовку мертвым.

— Его, прежде всего, нужно проводить по-человечески. А там уж хоть залейся!

— Не могу. Я сам сейчас умру..

— Дубина стоеросовая.

Появившись на Малой Грузинской, Юрий Петрович огляделся и, улучив момент, отозвал в

сторону наиболее, на его взгляд, трезвого Янкловича и попросил его собрать весь архив, записи, бумага, оставшиеся после Владимира, и куда-нибудь спрятать.

Где хоронить? Семен Владимирович говорит: «Только на Новодевичьем!» Хорошо. Любимов набирает приемную Моссовета и слышит: «Да вы что? Какое Новодевичье? Там уже не всех маршалов хоронят...» Тогда в Моссовет отправился Иосиф Кобзон, принялся хлопотать о Ваганьковском кладбище. Первый заместитель мэра оказал: «Да. Очень жаль Володю. Что ж, езжайте, выбирайте место, рели найдете, я разрешу». На Ваганьковском директор кладбища сам указал ему «лобное место» для Высоцкого: лучшего не найти. Когда Кобзон полез в карман за деньгами, он остановил: «Не надо, Иосиф Давыдович! Я Высоцкого люблю не меньше вашего...»

На кухне на Малой Грузинской известинский фельетонист Надеин пытался сочинять некролог. Каждый считал своим долгом влезть в текст, поправить, что-то добавить. В театре художник-декоратор пишет что-то свое. Но все написанное — в корзину! Обошлись официальным извещением и соболезнованием в черной рамочке в «Вечерней Москве» и «Советской культуре»:

Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине

Владимира Семеновича ВЫСОЦКОГО

и выражают соболезнование родным и близким покойного.

Когда Любимов вернулся домой, Каталин сказала, что его спешно разыскивают от Гришина, первого секретаря Московского горкома партии. И тут же раздался звонок. Это был Изюмов, помощник хозяина столицы: «Виктор Васильевич поручил вам сказать, как все должно быть». Дескать, какой-то мелкий чиновник быстро проведет с 10 до 12 гражданскую панихиду в театре и на кладбище.

— Нет, так хоронить мы не будем, — ответил Любимов.

— Как?

— Вот так. Вы его травили, а хоронить его будем мы, его друзья.

— Нет, вы будете делать, как вам прикажут!

— Нет, не буду делать. Если вы хотите по-своему, вам придется нас физически устранить.

— Так и доложить?

— Так и доложите.

Шеф Таганки дозвонился тогдашнему шефу Лубянки:

— Юрий Владимирович, ваши деятели не понимают, кого они хоронят. Может быть новая Ходынка.

Андропов ответил:

— Хорошо, товарищ Любимов. Вы слышите, я пока еще называю вас «товарищ». Придет мой человек и будет вам помогать, чтобы никаких Ходынок не было.

При этом и на одном конце провода, и на другом каждый из собеседников был уверен, что только он один и прав.

Во второй половине дня прилетела Марина Влади.

Вечером, перед началом спектакля «Десять дней, которые потрясли мир», Любимов вышел на сцену:

— У нас большое горе. Умер Высоцкий... Прошу...

Зал встал.

Следующие два дня театр был в трауре.

Черным писана хроника погребальных дней. В большом окне был выставлен портрет Высоцкого с извещением о смерти ведущего артиста театра. Чуть ниже фотографии — цитата из его песни: *«Мы не умрем мучительною жизнью, мы лучше верной смертью оживем!»*. Внизу, у окна с портретом, отгорожена часть тротуара, укрытая театральными афишами спектаклей, в которых он играл. Поверх афиш — цветы. На цветах — гитара. Все усеяно листочками со стихами.

Смерть Высоцкого заставила поверить, что самые высокие и нежные чувства можно выразить только с помощью поэзии. Его гибель, словно короткое замыкание, шарахнула по поэтам. Первыми почувствовали боль Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский. Но стихи писали и те, кто никогда в жизни не занимался стихотворчеством. Не хотели верить пронзительным словам пророчества Леонида Филатова, выразившегося всего в четырех строчках:

Он замолчал. Теперь он ваш, потомки.

Его не стало. Дальше — тишина.
У века завтра лопнут перепонки —
Настолько оглушительна она.

Стихи переписывали, передавали мятые бумажки друг дружке. Кто-то затеял сбор подписей, чтобы Театру на Таганке присвоить имя Высоцкого.

Потом в окне появляется объявление от театра, что доступ для прощания с телом будет открыт в понедельник, 28 июля с десяти часов утра.

В этот день в 4 утра в подъезде дома № 28 по Малой Грузинской улице был установлен белый гроб с телом Высоцкого. Затем его вынесли на руках к машине. В шесть утра гроб внесли в здание театра и установили на сцене. За ним — занавес из «Гамлета» с большим портретом. Звучала музыка, красивая и печальная. И вдруг — голос Владимира:

...Каким бесславием покроюсь я в потомстве,
Пот не знает истины никто!
Нет, ест ты мне друг, то ты на время
Поступишься блаженством. Подыши
Еще трудами мира и поведай

Про жизнь мою...

..Очередь тянулась от Кремля, мимо Яузской больницы наверх. Люди шли всю ночь. Утром была совершенно дикая жара. Все несли цветы, оберегая их зонтами. Внизу у Москвы-реки шествие перекрыли грузовиками. Тогда толпа спокойно раздвинула грузовики, и люди опять пошли, а солдаты сделали вид, что они ничего не видят. Шли актеры, ученые, писатели, спортсмены, космонавты, работяги, старухи. Многие, может быть, и порог этого театра никогда не переступали, и они не претендовали на особую близость к покойному.

Ролан Быков сидел на полу у гроба. Возможно, вспоминал-горевал, как зазывал юного Высоцкого к себе в театр, а тот не пошел. Он сидел и волей-неволей смотрел на лица проходящих мимо гроба людей в течение нескольких часов: «И эти лица привлекли к себе внимание, несмотря на то что отвлечься от самого факта смерти Владимира Семеновича было трудно. И, тем не менее, факт был значительный. Кто шел прощаться? Шла новая Москва, лицо которой я знал до этого момента не очень близко... Это была молодая Москва... Не было никакого показного горя: кто плакал, тот плакал, кто был притихший,

тот — притихший. Это были естественные люди с естественным выражением лиц...»

Начинается панихида, последний спектакль. Зал полон.

Открывает Любимов: «Есть древнее слою — бард. У древних галлов и кельтов так называли поэтов...» Властный, твердый голос режиссера-постановщика. Затем выступает Золотухин: «Дорогой товарищ наш, дорогой Володя...» Сторонним людям кажется, что говорит человек, привыкший произносить чужие слова и совсем не привыкший к своим. Затем говорят другие, лишь один из которых вспомнил, что «умер народный артист Советского Союза. В самом истинном смысле этого слова...».

Когда вынесли гроб, над площадью стоял вселенский плач. Без истеричных причитаний, просто слезы сами собой катились из глаз женщин и мужчин.

Был преподан сильный урок властям, думал Любимов. Они хотели побыстрее похоронить Высоцкого, и в этом смысле приравняли его к Пушкину: потихоньку, скоренько куда-то увезти... И тогда Любимов потребовал провезти гроб в автобусе мимо людей, стоящих на улице, которые не смогли проститься в театре. Люди стали бро-

сать под колеса цветы. Машина ехала по дороге цветов. Это было признание...

Когда с фасада сняли портрет в траурной рамке, все начали скандировать:

— Портрет! Портрет! Портрет! — и кричали до тех пор, пока большая фотография Высоцкого не была вновь помещена в одном из окон второго этажа.

...Затем были поминки на Малой Грузинской, а ночью, после «Мастера и Маргариты», в театре.

После 25 июля 1980 года у Марины Влади было две заветные мечты: установить на могиле Высоцкого вместо обычного памятника вросшую в землю глыбу гранита, в которую врезался бы осколок метеорита с брызгами от него по камню. И чтобы было выбито только одно слою: «ВЫСОЦКИЙ». Это был бы памятник-символ, лаконичный, но говорил бы он гораздо больше, чем те, где хотели передать портретное сходство. По ее просьбе Вадим туманов отыскал в тайге диковинную глыбу. Но, увы...

А вторая мечта... Накануне похорон среди родни Высоцкого зашелестел шепоток, что Марина намерена увезти с собой во Францию сердце Владимира. Они не отступали от нее ни на минуту. Как утверждал Янклович, она договорилась со

знакомым медиком, чтобы тот вырезал сердце прямо в реанимобиле... В общем, Организаторам похорон удалось успешно «похоронить» и эту Маринину мечту.

Ей остались только сны: «Взявшись за руки, мы летим по небу вместе с Володей. Под нами длинная аллея, багрово-коричневые с золотым отливом кроны деревьев, земля покрыта разноцветной, по-осеннему опавшей листвой. Мы оба знаем, что у этой аллеи нет конца. Там, где должна была бы закончиться, как в замкнутом круге, она начинается сначала. Он вовсе не умер. Постарел, правда. Просыпаюсь со счастливыми слезами на глазах...»

Ну, а далее... Хорошо, что всего не видел покойный. Хотя почему же не видел? Видел. Еще в 1973 году:

Не боялся ни слова, ни пут
И в привычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным, —
Охромили меня и согнули,
К пьедесталу прибив Ахиллес.

Не стряхнуть мне гранитного мяса

И не вытащить из постамента Ахиллесову эту пяту,
И железные ребра каркаса
Мертво схвачены слоем цемента, —
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью —
Нате, смерьте! —
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти, —
Но в привычные рамки я всажен —
На спор вбили,
А косую неровную сажень
Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи,
И не знаю, кто их надоумил, —
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило

Оказаться всех мертвых мертвей, —
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец
Подойти ко мне с меркой обычной
Опасались.
Но при снятии маски посмертной —
Тут же, в ванной,
Гробовщик подоит ко мне смерти
Деревянной...

А потом, по прошествии года, —
Как венец моего исправлены —
Крепко сбитый, литой монумент
При огромном скопленьи народа
Открывали под бодрое пенье, —
Под мое — с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет

Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратит в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули — как я обужен! —
Нате, смерьте! —
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном —
Не пройтись ли, по плитам звеня?
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стонам
И осыпались камни с меня.

Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая, вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой, —
И когда уже грохнулся наземь,

Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я похоже: «Живой!»

И паденье меня и согнуло,
И сломало.
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно —
Шито-крыто.
Я, напротив, — ушел всенародно
Из гранита.

В последний свой год, отвечая на вопрос: «Счастливы ли вы?», Владимир Высоцкий сказал: «Я счастлив невероятно, очень...»

ЛИТЕРАТУРА

Абдулов В. Встреча со зрителями Алма-Ата, 1983.

Агамиров К В Золотухин: «Лицом к лицу» // Радио «Свобода» 27 июля

Агишева Г. И Бортник «А под своим фото Высоцкий написал «Ваня, давай подольше не пойдем к Йорику..» // Комсомольская правда. 1997. 16 янв.

Аджубей А «...И встретились вновь» // В мире книг 1987. № 3.

Акимов б, Терентьев О. Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы // Студенческий меридиан. 1988. №6—12.

Аксенова Г. Театр на Таганке: 68-й и другие годы // Библиотека «Огонек». 1991. № 5.

Александров Н. М. Розанова: «Среди его любимых учеников был Высоцкий» // Известия. 2005. 1 окт.

Алексеев В. К. Казанский: «Высоцкий в Париже» // Русская Мысль (Париж). 2000. 27 июля. № 4328.

Алексеев В. К Казанский: «Пойте, цыгане!» / / Независимая газета. НГ-Антракт. 2003. 11 апр. № 13 (56).

Алексеева Т. Из-за чего ссорятся актеры // Моя семья 2007. №24 (359).

Алексеенко Л. Атос нашего времени, или Возвращение на родную землю Вениамина Смехова // Версия. 2001. 21 авг. № 31.

Алимов Г, Чародеев Г. М. Влади: «Владимир - человек, а не икона» // Известия. 1989.6 марта.

Амелькина АД. Карапетян: «Высоцкий мечтал о многоженстве» // Комсомольская правда. 2002 26 июля.

Аплетаев В. Ю Любимов: «Мне неприятны мемуары Влади...» // Час (Рига) 2003. 30 янв № 25

Асланова Д. Новые приключения дрянной девчонки. М.: Эксмо- Пресс, 1999-

Астапенкова Т. В. Павлов. «На меня с опаской оглядывались прохожие...» // МК-Бульвар. 2001. № 6.

Ахмадулина Б. Однажды в декабре // Литературная газета. 1976. 31 дек

Ахмадулина Б. Слово о Высоцком // Советский экран. 1987.№ 10.

Бабурин В. С. Юрский: «Великое перевоплощение взвинтило его талант поэта» // Радио «Свобода». 2008. 25 янв.

Балашова С. Л. Левчев: «Брат мой, Володя...» // Советская культура. 1988.19 янв.

БежвцевА На берегу Волги строится храм всех религий // Экспресс-газета. 2001. 25 июня.

Белостоцкая Е. А. Вознесенский: «Признание» // Труд. 1988.24 янв.

Белый А «Мы» — это больше, чем «Я» // Трибуна (Москва).2003. 24 янв. № 11.

Белый А. А. Демидова: «Не обращаю внимания на зрительный зал» // Трибуна (Москва). 2003 № 147. 22 авг.

Белый А А. Митта: «Режиссер — раб режиссуры» // Собеседник 2003. № 12.

Белый А Н. Дупак «Как Высоцкий в Загорске кирпичи для Таганки добывал» // Ежедневные новости-Подмосковье. 2004. 24 янв. № 14.

Белый А Н Дупак «С чего начиналась Таганка» / / Тверская, 13 (Москва). 2004.15 апр. № 47.

Белый А Н. Дупак «Таганка» построена из кирпичей Высоцкого» // Новые известия. 2004. 22 июля.

Беляев А Первая жена Высоцкого Иза: «С Володей мы были по- настоящему счастливы!» // Комсомольская правда (Екатеринбург). 2006.11 мая.

Боброва И. Девочка с пропеллером, поющая басом // Московский комсомолец. 2004. 30 сент

Боброва И. И. Бортник «Промокашка. 20 лет

спустя» // Московский комсомолец в Украине. 2002. 7—13 июля.

Боброва И. Шедевр маленьких трагедий // МК-Бульвар 1998 1—7 июня. № 21.

Боброва Н. JI. Ярмольнию «Никто не изменит людей» // МК-бульвар. 2003. Ю февр.

Богданова Т. «Ай да Светка! Ай да молодец!» // АиФ. Суббота- воскресенье. 2001.4 сент. № 36 (149)

Богуславская З. Время Любимова и Высоцкий // rambler. Kultura-portal.ru

Бондаренко В. С. Бочаров: «Высоцкому мешали демоны» // Завтра (Москва). 2000.15 февр. № 3,4.

Бондаренко С. М. Шемякин: «От ссылки в психушку меня Спас сотрудник госбезопасности» // Киевские ведомости. 2003. 23 июня.

Бондаренко С. Э. Рязанов: «Пишется как дышится...» // Киевские «домости. 2004. 25 сент. № 207 (3304).

Брускин Г. Настоящее продолженное // Знамя. 2002. № 2.

Бударин Я. Его звали Высота // Крестьянская Россия (Москва).2002. 29 июля. № 30.

Булкина Т. У Насти Высоцкой другая фамилия. Эту тайну хранили 20 лет! // СПИД-инфо. 1998. Февр. № 2.

Быков Д. К. Муратова: «Что-то другое...» // Собе-

седник. 1992 №51.

Быков Р. Встреча со зрителями. К/т «Пионер» (Москва). 1980. 27 авг.

Вайнеры А и Г. Вечер памяти В. Высоцкого. Ленинград, ЦДРИ.1983.4 июня.

Ванденко А В. Суходрев: «Хрущев сказал Никсону: «Ваши внуки будут жить при коммунизме!» «Нет, — ответил тот, — ваши — при капитализме!» // Факты и комментарии (Киев). 2003. 4 сент. № 160 (1465).

Ванденко А З. Церетели: «В Тбилиси я делал грандиозную свадьбу Высоцкого и Марины Влади» // Факты и комментарии (Киев). 1999.7 дек.

Ванденко А С. Соловьев: «Я - дикое животное» // Факты и комментарии (Киев). 2001. 31 авг.

Васанская К Джулия // Советская Белоруссия (Минск). 2005. 28 апр. № 79 (22236).

Васенина Е. Б. Хмельницкий: «Почаще сидите за столом с умными людьми» // Новая газета. 2001. 29 янв.

Васильев М. Сгорело время, да и я - нет меня, только тень // Экспресс-газета. 2002. 5 авг.

Васильева В. Продолжение души. М.: Белые мальвы, 2002. Васин О, Мамедова М. Бард и клоун // Ц)уд-7. 2007. 26 июля. №631.

Васина И. Зеркало для актера // ТВ-Парк. 1998.

26 янв,—1 февр. № 5.

Васина Н. Зеркало для героя // ТВ-Парк. 1998. № 5.

Васюхин В. А. Вознесенский: «Я очень много орал в своей жизни..» // Огонек 2001. авг. № 35 (4710).

Васюхин В. Без карнавала // Огонек 2001. сент. № 38 (4713). Васюхин В. Лакировка действительности // Огонек 2001. №38.

Велигжанина А Тайная любовь Маргариты Тереховой // Комсомольская правда. 2003. 20 нояб.

Велигжанины А и А Брак Бориса Хмельницкого с Марианной Вертинской напророчил Высоцкий // Комсомольская правда. 2008. 21 февр.

Велигжанины А и А Внебрачная дочь Высоцкого Настя до сих пор не простила отца? // Комсомольская правда. 2008. 24 янв.

Вергелис О. Л. Перфилов: «Эра немилосердных» // Киевские ведомости. 1998. 26 янв.

Видова Г. М. Влади: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня (Киев). 2001.10 дек Вишневская И. Герой нашего времени // Вечерняя Москва. 1964.10 нояб.

Влади М. Бабушка // Рамсей (Париж). 1979.

Влади М. В Россию мне ездить больше не хочет-

ся // Известия. 1997.19 марта.

Влади М Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.

Влади М. Интервью Би-Би-Си. 1984. 25 янв.

Влади М. Каждый день начинать заново // Советская Россия. 1983. Ю июня. № 133.

Влади М. Отдам России свою личную жизнь. Но не сейчас... // Аргументы и факты. 2008.9 марта.

Владимир Высоцкий в кино - М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.

Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. — Минск Аль- фаПресс, 1999.

Владимир Высоцкий. Человек Поэт. Актер. М.: Прогресс, 1989.

Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. - М.: Физкультура и спорт. 1988.

Влащенко Н. А. Муратов: «Я никогда не ловил себя на мысли, что заведую бывшей супруге...» // Комсомольская правда в Украине. 1998.4 янв.

Влащенко Н. Д. Ольбрыхский: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» // Сегодня (Киев). 1999.15 окт. № 446.

Влащенко Н. К. Муратова: «Мне всегда не хватает одиночества...» // Комсомольская правда. 1997.14 нояб.

Влащенко

Н. Ушла. Очень жаль... // www.kulichki.com/w/ovys.

Вознесенский А. Верьте тете Моте! // Общая газета. 2001. 25 янв.

Войнович В. Встреча с читателями. ДК «Меридиан» (Москва). 1989. 26 марта.

Волков А В. Туманов: «У нас ценится все, что угодно, но только не труд и не производство...» // Тихоокеанская звезда (Владивосток). 1998.12 марта.

Волкова О. Почему Высоцкий не хотел ребенка от Влади? // Собеседник 25 января 2001.

Высоцкая И. Короткое счастье на всю жизнь. М.: Молодая гвардия, 2005.

Высоцкая И. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда (Пермь). 1987. 2 окт.

Высоцкая Ир. Мой брат Владимир Высоцкий // Лесная промышленность. 1987.13 июня. № 71.

Высоцкий В. Выступление в Центральном Доме культуры. Усть- Каменогорск. 1970.14 окт.

Высоцкий В. Нужна ли нам тренировка? // Театр. 1966. № 1. Высоцкий В. О песнях, о себе // Книжное обозрение. 1988. 1 янв.

Высоцкий В. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Вельтон Б.Б.Е., 1994.

Высоцкий В. Тезисы программы выступления

по линии БПКИ // Сельская молодежь. 1987. № 6.

Галантер Б. Евангелие от брата Георгия // Вечерняя Москва. 1999.15 дек

Галантер В. Шарапов ищет Бога // Хронометр (Кострома). 2000. 20 дек № 51.

Гамалов А В. Аксенов: «Силовик — это надутый резиновый человек» // Огонек 2004. № 3 (4830).

Гармаш Н. Женщины, влезшие через балкон, оставили для Высоцкого 10 бутылок коньяка и рыбу // Факты и комментарии (Киев). 2001.1 сент.

Гейт Ю. «Я жив, двенадцать лет тобой храним» // Комсомольская правда. 1992.04 янв.

Георгиев Л. Владимир Высоцкий знакомый и незнакомый. М.: Искусство, 1989.

Гершкович А В роли Лопахина // Новое русское слово (США). 1990. 25 июля.

Гик Е. Математика на шахматной доске // Спортивная жизнь России. 1998. № 1.

1ЫкЕ. Место встречи изменить нельзя // Московский комсомолец. 1995. 31 мая.

Гладилин А Первая попытка мемуаров // Октябрь. 2007. № 6. Голованова Н. Интрига игры на вылет // Персона. 2001.18 авг. №6-7.

Гольдин И. У меня военная семья... // Красная звезда. 1988. 24 янв.

Гольдина Н. Нашелся отец «Одессы-мамы» //

Российская газета. 2002.

Гондусов В. Глеб Жеглов и... // Сегодняшняя газета (Красноярск). 2004. 29 апр. № 3.

Гордон Д. А. Демидова: «Марина Влади открыла мне дверь с дрелью в руках...» // Бульвар Гордона (Киев). 2007. № 47 (135).

Ыьрдон Д. М. Жванецкий: «Всю жизнь я мечтал ездить на «мерседесе» и лечь в постель с красивой женщиной...» // Бульвар Гордона (Киев). 2006. Нояб. № 47 (83).

Гордон Д. М. Жванецкий: «Когда мне говорят «еврей», я отвечаю: «Христос тоже евреем был, а кем стал!» // Бульвар Гордона (Киев). 2002.14 февр.

Гордон Д. С. Говорухин: «На фоне Ельцина Путин ну просто Роберт де Ниро...» // Бульвар. 2006. № 13.

Лзроховский А, Котов С. Прототипами известной песни Владимира Высоцкого «Товарищи ученые, доценты с кандидатами» стали Сотрудники Киевского института... // Факты и комментарии (Киев). 2003. 24 янв. № 14 (1319).

Горский В. Луи Армстронг еврейского разлива / / Урал. 2000. №8.

Горфункель Е. В. Смехов: «Абориген Таганки» // Дело. 2004. 9 марта.

Гофф И. На белом фоне // Октябрь. 1989. № 10.

Грабенко Л. К. Маринина: «Пленку с записью Высоцкого я предложила спрятать под полом в монтажной» // Бульвар (Киев).2003. Июнь. № 23 (397).

Грабенко Л. Перед смертью Владимир Высоцкий хотел обвенчаться... // Факты и комментарии (Киев). 2000. 21 июля.

Грабенко Л. Т. Ткач: «Из БДТ я ушла из-за отношения ко мне Товстоногова, на которое, к сожалению, не могла ответить взаимностью» // Бульвар Гордона (Киев). 2006. № 38 (74).

Грандова Е. И. Дыховичный: «Все помня, даже старые стихи...» // Культура. 1998. № 2.

Григорьев И. А Демидова: «Я больше сюда не вернусь!» // Аргументы и факты. 2003. 26 марта. № 13 (1170).

Громов В. А. Федосеев: «Песен у него еще не было» // Высоцкий: время, наследие, судьба (Киев). 1994. № 19.

Громов В. В. Конкин: «Когда у Высоцкого не хватало аргументов, он... открывал свою луженую глотку» // Факты и комментарии (Киев). 2003. 25 марта. № 54 (1359).

Гурченко Л. В.В. // Неделя. 1987. № 47.

Гусев Д. Инвалид, алкоголик, бабник? // Москов-

ский комсомолец 2001. 28 апр.

Давыдова М. Д Боровский: «Я собирал по крохам тот театр, который уже практически не существовал» // Известия. 2005. 17 февр.

Далош Л. Так оно и есть. С гитарой и без гитары // Фильм, театр, музыка (Будапешт, Венгрия). 1981. № 12.

Дардыкина Н. Баллада о Любви // Московский комсомолец. 1999. 24 сент.

Дардыкина Н. Сердце Булата // Московский комсомолец 2004. 8 мая.

Дейч М. В. Высоцкий: «Песня — это очень серьезно...» // Лит. Россия. 1974. 27 дек. № 52.

Демидова А Бегущая строка памяти. М.: Эксмо-Пресс, 2000. Демидова А Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю. М.: СТД РСФСР, 1989-

Демидова А Он жил так — писал так // Литературное обозрение. 1987. № 1.

Демидова А. Роли и годы // Литературное обозрение. 1983. № 1.

Денисов В. Г. Полока: «С душой мятущейся неистовой...» // Утро России (Владивосток). 2004. 22 янв. № 9.

Деревянко Т. В Болонье, на кинофоруме исследователей // Независимость (Киев). 1999-17 авг.

Добровольская М. Мы пели наши песни... // Ва-

гант (Москва). 1990. № 6.

Добровольский А Главное «Место...» страны // Московский комсомолец. 2004. 10 июня.

Додина Т. Наш Лицей // Вагант (Москва). 1994. № 2, 3.

Додотв Е. И. Кохановский: «Летнее время» // Московский комсомолец. 1987. 24 мая.

Долганов В. И. Кио: «Мои друзья - мое богатство» // За Калужской заставой. 2002. № 19.

Должанасий Р. Э. Левина: «На Таганке сидели все» // Коммерсантъ. 1999. 21 апр. № 67.

Долинский М, Черток С. Три сестры в «Трех сестрах» // Советский экран. 1967. № 1.

Донец Л. С. Говорухин: «Все мы вышли из Пушкина» // Искусство кино. 1999. № 6.

Драбкиш Н. В Москве есть все Мавзолей, зоопарк, Ярмольник // Вечерняя Москва. 2004. 22 янв. № 12.

Дуров Б. В нашем фильме люди впервые увидели живого Высоцкого // Экспресс-газета. 2000. 24 июля. № 29.

Дымарский В. Меня сегодня бес водил по городу Парижу // Российская газета. 2003. 24 янв.

Дыховичный И. Его Гамлет ел с ножа // Независимая газета.

2008.1 янв.

Евтушенко А Как кабан охотился на Высоцкого // Комсомольская правда. 1997. 11 июля.

Егорова Т. Андрей Миронов и я. М.: Захаров-АСТ, 1999.

Езерская Е. О. Ярмольник «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс (Челябинск). 2000. 20 янв.

Елин Г. А. Гладилин: «Сахаров меня пытался отговорить» // Новая газета. 2001. 21 мая. № 34.

Елин Г. Дон Жуаны былых времен // domovoy.ru/arc

Епифанцев Г. Общество книголюбов МАДИ. 1984. 26 апр.

Есть только миг... М.: Олма-ПРЕСС, 2003.

Ефремова Е. Композитор с биографией // Русский журнал.2003. 4 февр.

Ефремова Е. М. Шемякин: «Ни на один из моих проектов не дали денег» // Русский журнал. 2003.19 февр.

Еще о Высоцком. М.: Аргус, 1994.

Желтое В. Владимир Высоцкий - ошибки молодости // Смена (Санкт-Петербург). 1998. 23 янв.

Желтое В. Высоцкий с лицом ребенка // Смена (С-Петербург).2004. 27 окт.

Желтое В. Как Высоцкий был американским морпехом // Смена (Санкт-Петербург). 2005. 25

янв.

Желтое В. С. Слонимский: «Внутреннего холода у него не было...» // Сорока (СПб). 1997. 21 июля. № 27 (349).

Жуковская Н. М. Шемякин: «Однажды я понял, что слишком много неприятностей приношу окружающим...» // Век (Москва).

2001. 30 марта.

Зайцева Т. Ю. Любимов. Семейный портрет в интерьере // Семь дней (Москва). 1999- № 3.

Зайчик И. А Митта: «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венику» // Караван историй. 2003. № 6.

Захарчук М. Босая душа, или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого // Радуга (Киев). 1991. № 2—3.

Золотухин В. Духовной жаждою томим... // Советская культура.

1988. 23 янв.

Золотухин В. Мой Высоцкий // Радио «Маяк». 2003. 24 янв.

Золотухин В. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000.

Иванов В. Г. Полока: «Концерт Высоцкого для всей Одессы» // Совершенно секретно. 2004. № 9.

Иванов В. Концерт Высоцкого для всей Одессы /

/ Совершенно секретно. 2004. Сент. № 9.

Изгаршев И. А Демидова: «Без души мы - уроды» // Аргументы и факты. 2002. 26 июня. № 26 (1131).

Изгаршев И. Ю. Любимов: «Говорили, что я работаю в КГБ» // АиФ-Суперзвезды. 2004. 20 июля. № 14 (44).

Ионова JL Высоцкий и Магомаев — чемпионы любви по телефону // Комсомольская правда. 2001.10 июня.

Казаков А Роман-песня // Книжное обозрение. 1988.1 апр.

Казановская Н. Воспоминания о Высоцком - студенте МИСИ // Механизация строительства. 2005. № 2.

Канунова Т. О. Стриженов, Л. Пырьева: «Без любви все — пусто» // Русский Север (Вологда). 2003. 21 нояб. № 66.

Канчуков Е. Обычное мое босое детство // Мы (Москва). 1990. Р8-9.

Канчуков Е. Ю. Карякин: «..Дар души равен дару глагола» // Книжное обозрение. 1990. 27 июля. № 30.

Карелов В. И. Мазуркевич: «В моем романе с Равиковичем «повинен» Высоцкий» // Собеседник. 2004. 26 окт. № 40.

Карлюкевич А И. Мазуркевич: «Трудно быть ум-

ной актрисой» // Российская газета. 2004. 5 февр.

Карякин Ю. Остались ни с чем егеря / Сб. Старатель.

Катаева Н. С. Тарасов: «А копию «Робин Гуда» со студии я украл* // 1удок 1999. 31 июля. № 141.

Кислинская Л. О бедном гусаре замолвите слово // Совершенно секретно. 2001. № 8.

Ковалева А Мать и сын // Московский комсомолец. 1998.23 янв.

Коваленко Ю. Жерар Депардье, или Нетерпение сердца // Известия. 1991. 27 апр.

Коваленко Ю. М. Влади: «Моя театральная карьера только начинается» // Известия. 1993-13 нояб.

Ковтун В, Тхорик Ю. Богатырева Е. Случайное пророчество / Высоцкий: время, наследие, судьба. № 23.

Ковтун В., Тхорик Ю. Случайное пророчество // Высоцкий: время, наследие, судьба. № 23.

Колодный Л. Детство поэта // Московская правда. 1986.11 июля.

Колодный Л. Я тебе завидую белой завистью // Московский комсомолец. 1986. 3 авг.

Комаров С. Последний из могикан // Московский комсомолец.1995.18 нояб.

Кончаловский А Возвышающий обман. М.: ТОО

«Совершенно секретно», 1999.

Кореневская Е. В. Золотухин: «Я влюбился в Высоцкого как баба» // АиФ-Суперзвезды. 2005. 22 февр. № 4 (58).

Корнеева И. Л был в себе // Вечерняя Москва. 2001. 28 янв. № 18.

Корнеева И. Драма и комедия 35 лет // Вечерняя Москва. 1999.26 апр. № 77.

Корнеева И. И. Бортник «Я отказался от роли, Солженицын - от ордена...» // Вечерняя Москва. 1999-19 апр.

Корнеева И. Что богини, что гражданки... // Российская газета 2004. 21 апр.

Коросташевская Е. М. Шемякин: «Мы подшивались вместе с Высоцким» // Сегодня (Киев). 2000. 13 июля. № 110.

Коситук Э. Вдова Николая Гринька «Тридцать лет мы прожили с Колей и просили Бога только о том, чтобы не отнял у нас любовь» // Факты и комментарии (Киев). 2000. 27 апр.

Костанян J1. М. Влади: «Я хотела написать, почему Володя умер в сорок два года...» // Российские вести. 2002. 24 июля. № 25.

Котова Н. Л. Филатов: «Единственное напечатанное при жизни стихотворение Высоцкий подносил к лицу, вдыхал запах бумаги..» // Антен-

на (Москва). 2000.15 июля.

Котова Н. Обрыв // Городской дилижанс (Челябинск). 2000. 20 июля.

Кохановский И. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993.

Кохановский И. Вечер памяти В. Высоцкого. Олимпийская база в Новогорске Московской обл. 1981. 8 апр.

Кохановский И. Клены выкрасили город // Лит. газ. 1987. 20 марта. № 12 (1260).

Красикова Е. Иза Высоцкая - жена, мать, актриса // Сегодня (Киев). 1998. 23 сент. № 185.

Кременцова К В. Павлов: «Я видел 200 голых женщин!» // Экспресс-газета. 1999. № 42.

Кречетова Р. Любимов / Сб. «Портреты режиссеров». М.: Искусство, 1977.

Крылов А В. Высоцкий о песнях, о себе // Книжное обозрение

1988.1 янв.

Крылов А Заметки администратора на полях высоцковедения // Полит.ру. 2005.1 авг.

Крымова Н. Владимир Высоцкий // ОРТ. 1987. 30 мая.

Крымова Н. Имена. М.: Искусство, 1971.

Крымова Н. Мы вместе с ним посмеемся... //

Дружба народов. №8.

Крымова Н. О Высоцком // Независимая газета. 2003. 24 янв. № 11 (2844).

Кудрявое Б. В. Нисанов: «Высоцкому подсыпали яд в шампанское!» // Экспресс-газета. 2004. 30 янв.

Кудрявое Б. Из-за Высоцкого Лионелла Пырьева травилась таблетками // Экспресс-газета. 2004.10 мая. № 19.

Кудрявое Б. К. Ласкари: «Андрей Миронов страдал от неразделенной любви» // Экспресс-газета. 2005.15 июня.

Кудрявцева Л, Штерн Л. Михаила Шемякина совратил архиерей // Экспресс-газета. 2000. 26 июня. № 25.

Кузина Н. В. Смехов: «Это был клуб порядочных людей» // Московская среда. 2003. 26 нояб. № 45.

Кузина С. В. Абдулов: «Умирать мне почему-то не хотелось...» // АиФ-Здоровье. 1998. № 40.

Кузнецов С. А Демидова: «А вечером на сцене я опять в костюме Гертруды...» // Литературная Россия. 2005. 10 июня. № 23.

Кузнецов С. А Демидова: «А вечером на сцене я опять в костюме Гертруды» // Литературная Россия. 2005.10 июня. № 23.

Кузнецов С. М. Шемякин: «И друг мой, гений всех времен...» // Литературная Россия. 2003. 4

апр.

Кузнецов С. М. Шемякин: «Моя первая выставка прошла в психушке» // Труд. 2004. 24 апр. № 76

Кузьмин Е. Художник и власть. Из архива Старой площади // Литературная газета. 1992. 26 февр. № 9 (5386).

Кузьмина Н. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 2006.12 мая.

Кунгурцева О. И. Печерникова: ♦Я пила, чтобы отключиться...» // Бульвар Гордона (Киев). 2005. № 19.

Кунгурцева О. Л. Лужина: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар (Киев). 2003. Янв. № 3 (377).

Кутловская Е. А Демидова: «Личность должна быть. Или не быть» // Независимая газета. Антракт. 2008. 23 мая.

Пакт К. Звукорежиссер. Инженер. Художник. Композитор. show-master.ru/winl251

Ланкина Е. Т. Васильева: «Плата за любовь» // Теленеделя. 2005. 4—10 апр. №. 14.

Ларина Ю. Кто предал Глеба Жеглова? // Московские новости.

2003. 21-27 янв. № 1.

Ласкари К Импровизации на тему. М.: ОЛМА-

Пресс, 2003.

Лебедина Л. В. Золотухин: «Зов крови - он самый сильный» // Т]эуд. 2006. 21 июня. № 110.

Лебедина Л. Н. Губенко: «Нашу дружбу оборвала Марина Влади...» // Труд. 2007. 25 июля. № 130.

Левит А А Демидова: «Наши актеры иногда плачут, как крокодилы, а зрители сидят холодные, как собачьи носы» // Факты и комментарии (Киев). 2006. 29 сент.

Левит А Л. Пырьева: «В числе моих поклонников был сам агент 007...!» // Факты и комментарии (Киев). 2004. 28 дек.

Левит А Отказавшись играть главную роль в киноэпопее «Война и мир», Олег Стриженов послал «подальше» известного режиссера Сергея Бондарчука и министра культуры Екатерину Фурцеву // Факты и комментарии (Киев). 2001. 2 окт.

Левитин М. А Демидова: «Что есть талант?» // Советский экран. 1987. № 20.

ЛеяюшенкоД. Москва—Сталинград—Берлин—Прага. М.: Наука. 1985.

Леонов-Гладышев Е. Эпизод с Васей Векшиным снимал Владимир Семенович // Вести (С-Петербург). 2000. 22 июля. № 81.

Лимперт П. Робин 1уц на все времена // Mignews. 2006. 26 янв.

Линник В. Михаил Шемякин. Неизвестные штрихи к портрету // Слово (Москва). 2003.16 мая. № 18—19.

Липилин В. А. Белявский: «На съемках «Иронии судьбы» пил только я» // Самарское обозрение. 2002. 8 июля.

Липилин В. Б. Ахмадулина: «Обратно к стихии» // Самарское обозрение. 2000. 24 янв. № 4.

Литманов К В. Котеночкин: «Волком должен был быть Высоцкий» // Собеседник. 1996. № 28.

Логвинов И. И. Бортник «Не представляю Высоцкого шестиде- сятилетним» // Гудок 1999. 23 июля. № 135.

Лозинская Е. Владимир Высоцкий в стране чудес // Вечерняя Москва. 2006. 25 янв. № 12 (24303).

Лоншакова В. Как рождаются детективы... // Удмуртская правда (Ижевск). 1989. 30 сент.

Лужина Л. До сих пор жалею, что отказалась переспать с Робером Оссейном... // Бульвар (Киев). 1998. Июль. № 34 (141).

Лузина Л. Р. Виктюк «Своего младшего сына Рита Терехова зачала во время съемок со мной» / / Бульвар (Киев). 1998. Март. № 14 (121).

Лунина Л. Высоцкая любовь // Карьера. 1999-Июль. № 7.

Львовски М. С. Говорухин: «Мой зритель жив,

но он умер для проката» // Сегодня (Киев). 2008.19 марта.

Любимов Ю. Поверх барьеров // Радио Свобода 2006. 27 июля.

Людмила Абрамова о Владимире Высоцком. Факты его биографии. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1991.

Майская А И. Мазуркевич: «Толя ухаживал за мной, как его Хоботов в «Покровских воротах» // АиФ-Суперзвезды 2005. 23 мая. №10 (64).

Макаров А Родные люди // Экран и сцена. 1990. 26 июля.

Маринина К. Телевидение про кино // Эхо Москвы. 2005. 17 апр.

Марченко В. В. Павлов: «Моя любовь, моя судьба...» // Вечерняя Алма-Ата». 1984. Псент.

Массальский П. Документы. Статьи. Воспоминания. М.: ВТО, 1985.

Медведев В. Он был чистого слога слуга // Трибуна (Москва).

1999. 23 янв. № 12.

Медведев Ф. Б. Ахмадулина: «Мне нравится, что жизнь всегда права» // Огонек 1987. № 15.

Медведев Ф. Судьба Вероники // Версия. 2004. 16—22 февр. № 6 (279).

Медведева О. Т. Ткач: «Дворжецкий примерял

купальник на моей груди» // Экспресс-газета. 2002. 30 июля.

Медовой И. Как в кино // Московские новости. 2003. №1—2. Мелкая М. В тени звезд советской эпохи // Смена (Санкт-Петербург). 2002. 13 дек № 228.

Мельман А 3. Высоковский: «Когда театр становится тюрьмой» // Московский комсомолец. 2000. 22 окт.

Мельман Д. А. Лихитченко: «Я сделала Ельцина президентом» // Московский комсомолец. 2003. 5 нояб.

Мельман Д. Защита Лужиной // Московский комсомолец. 2004.1 февр.

Мельман Д. Исповедь Промокашки // Московский комсомолец.2004. 17 апр.

Мельман Д. Отвергнутая Будулаем // Московский комсомолец. 2003. 8 дек

Мельман Д. Пенсионер по имени Фокс // Московский комсомолец. 2003.11 авг.

Мельман Д Смехов сквозь слезы // Московский комсомолец.2005. 10 авг.

Мельман Д., Николаева Л. Утонуть в Лужиной / / Московский комсомолец. 2003. 29 авг.

Меркулова И. М. Шемякин: «Горячие интервью» // Эхо Москвы.

2000. 25 июля.

Минькина С, Швейцер М. Воспоминание в четыре руки // Первое сентября (Москва). 1999. № 5.

Минина Е. И. Вагин: «Алла сваталась к Косте Кинчеву. Но пришлось выйти за Филиппа...» // Экспресс-газета. 2000. № 3.

Митта А Кино между адом и раем. М.: ИД «Подкова», 1999.

Михайлова Е. Б. Ахмадулина: «Возьмите на память мой голос» // Даугава (Рига). 1987. № 3

Михнева Т. А. Вознесенский. Поэзия. Духовность. Жизнь // Советская Литва (Вильнюс). 1988. 7 февр.

Морозов А В. Туманов: «Высоцкий не мог по заказу» // Взгляд.2007. 28 янв.

Морозов А Р. Викпок «Я был лучшим комсомольцем... и партбилет не сжигал» // Новые известия. 2005. 8 февр.

Москалев С. Михаил Шемякин // ТВ-Парк 2000. 9 окт. № 41.

Москальонова Н. А. Митта: «Не хочу снимать по старинке» // фуд. 2000. 1 дек

Муратов С. Игра имени телевизора // Огонек 2006. № 45.

Муромская Т. З. Церетели: «Все женщины похожи на цветы» // Человек & Карьера. 2001. 24 дек № 13.

МхитарянА А. Вайнер: «Серьезное должно быть интересно» // Комсомолец Кубани (Краснодар). 1981. 5 нояб.

Невзорова М. И. Печерникова: «Высоцкий был в меня влюблен» // АиФ. Суперзвезды. 2003.4 авг. № 15 (21).

Невзорова М. Н. Шацкая: «Леня смотрел мне вслед и плакал» // Вечерний клуб (Москва). 2000. 18 марта. № 12.

Невзорова М. О. Стриженов: «Меня любили... с ненавистью» // АиФ (Москва). 2002. 20 марта. № 12 (454).

Никольская О. Правда о колючем господине с голым черепом // Вечерняя Москва. 2002.15 мая. № 84.

Ныпадымка О. и др. Ю. Рыбчинский: «Я вырос на островке частной собственности в безбрежном море большевизма» // Сегодня (Киев). 2000. 26 сент.

Огрызко В. Утраченные иллюзии // Лит. Россия. 2006. 21 июля. № 29.

ОльбикА Л. Куравлев: «И не был бы по-настоящему счастлив...» // Советская молодежь (Рига) 1984. 7 авг.

Осипчук И. И. Высоцкая: «Магнитофонные записи Володиных песен делались в нашем доме» /

/ Факты и комментарии (Киев).2006. 28 янв.

Павлов А М. Шемякин: «Как мы ходили с Высоцким к Далай- Ламе» // Комсомольская правда. 1998. 24 янв.

Павлов С. Смерть киносценариста // Мир новостей. 2001. 30 окт. № 44.

Пажитнова Л. Возвращение на Родину // Советский экран. 1966. № 8.

Памяти Владимира Высоцкого // Теленеделя. 1999. 22 июля. № 30 (226).

Панюков М. Э. Костинецкая: «Юрия Антонова хотели посадить на восемь лет!» // Экспресс-газета. 2003.4 февр.

Парсегова Г. М. Алимова: «Я никогда не скучала по кино, но мечтала о роли Маугли» // Культура. 2003. 20—26 нояб. № 45 (7404).

Перевозчиков В. Живая жизнь. Мл Московский рабочий, 1988. Перевозчиков В. Живая жизнь. М.: Петит, 1992.

Петров А Владимир Высоцкий в Болгарии // Вагант. 1992. №10.

Петровский А, Коган В. Фрумсон. Роман со смертью // Коммерсантъ. 1998.14 марта. № 44.

Печерникова И. Я пробовалась со всеми красивыми актерами // Неделя. 1997. № 24.

Плешаков Л. М. Влади: «Я жив тобой...» // Ого-

нек 1987. № 18. Подкладов П. А Демидова: «Театр — как птица Феникс. Он сгорает и рождается от своего огня» // Первое сентября (Москва). 2003. 22 февр. № 14.

Подшивало И. С. Говорухин: «Возвращаемся к Тарзану?» // Московский комсомолец. 1989.15 февр.

Полока Г. Интервью в гостинице, встреча со зрителями. Л. 1983. 20 марта.

Полот Г. Он поражал нравственной силой // Аврора. 1987. №8.

Попарит Т. С. Говорухин: «Рельеф характера на карте обстоятельств» // Кино (Рига). 1982. № 10.

Попов Е. Профессия: Евтушенко // Итоги. 1999-31 авг. № 35.

Поспелова Ю. М. Влади: «Я никогда не занималась своей карьерой-.» // Домовой (Москва). 1995.4 апр. № 20.

Проклова £ В роли себя самой. М.: Алгоритм, 1999.

Равиковт А Негероический герой. СПб.: Лимбус-Пресс, 2008.

Райкина М. Венгерская рапсодия: Сталинская ручка Юрия Любимова // Московский комсомолец. 2001. 20 янв. № 86.

Райкина М. 1Ъри, гори, любовь цыганки // Мос-

ковский комсомолец. 2006. 24 нояб.

Рассказова Т. Алла с собачкой // Огонек 2004. нояб. № 42 (4869).

Рассказова Т. И. Дыховичный: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 1997. 15 сент.

Резанов — Хорошшова. Б. Ахмадулина: «Я жила взаперти, как огонь в фонаре» // Комсомольская правда. 1997. 4 апр.

Резанов — Хорошилова. Черный волк // Комсомольская правда.

1993.19 окт.

Репина Н. Мулатка-аристократка соблазняла Промокашку // Экспресс-газета. 2003.14 нояб.

Родин В. Ф. Масунова: «Он запомнился мне балагуром» // Нижегородская правда. 2003.18 марта. № 30.

Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973.

Романенкова К, Алексеева Т. В. Абдулов: «Пять браков — это не предел» // Экспресс-газета. 2002. 30 июля.

Романова Т. Э. Володарский: «А я все помню, я был не пьяный» // Огонек 1999. сент. № 256.

Романова Т. Э. Володарский: «А я все помню, я был не пьяный..» // Огонек 1999. № 25.

Ромм А Высоцкий хотел петь о тех, кто в МУРе / / Киевские ведомости. 2004. 26 марта. № 65 (3162).

Ртищева Я. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 1998. 25 янв.

Ртищева Я, Барышева Я, Головенко А, Щуплов А Э. Володарский: «Как нас с Высоцким в Склиф везли» // Родная газета. 2003. 25 дек. № 35.

Рубина Л. Неизвестная жена известного поэта / / Семь Я (Мариуполь). 2005. 25 янв. № 4 (216).

Руденко В. Сгорел поэт, не дождавшись рассвета // Парламентская газета. 2005. 23 июля. № 132 (1749).

Руденко И. Не приближаясь, стороной, идет по кромке... // Комсомольская правда. 1998.15 янв.

Рыбак Л. Как рождались фильмы Михаила Швейцера? // М.: ВБПКИ, 1984.

Рыбальченко Ю. Высоцкий и Киев // Молода гварщ (Киев). 1990. 21 июля.

Рыбьянов М. Л. Штурман: «Я вырос в одной коммуналке с Высоцким...» // Комсомольская правда. 1996.14 дек

Рылев К В. Конкин: «Я хочу, но мне нельзя» // Бульвар (Киев).

1997. Окт. № 40 (96).

Рязанов Э. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. М.: Вагриус, 2002.

Сабурова О. Перевернули стол с едой и напитками // Собеседник 2001. 25 янв.

Садчиков М. М. Жванецкий: «Наш юмор, увы, лучший в мире» // На смену! (Свердловск). 1989.14 апр.

Садчиков М. Н. Ургант: Высоцкий был для меня просто Володей // Т)эуд. 2002. 23 июля.

Сажнева Е. Д. Карапетян-. «Я любил Высоцкого, как мужчина женщину» // Московский комсомолец. 2004. 24 янв.

Самойлов Д. Общий дневник // Искусство кино. 1992. № 5.

Сапрыкина О. Вместо Высоцкого арапом Петра мог стать американец // Комсомольская правда. 2007.10 авг.

Светлова £ Л. Лужина; «И сам Марсель Марсо ей что-то говорил» // Совершенно секретно. 1997. № 11.

Светлова £ Нельзя подавать знак судьбе // Московский комсомолец. 2004. 29 окт.

Светлова £ О. Трифонова: «Они мне снились наяву...» // Совершенно секретно. 2002. № 3.

Светлова Е. Трудности перевода // Московский комсомолец. 2005. 30 мая.

Свистунов А М. Влади: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. 1989. № 9.

Свистунов А. Я вам пишу... // Комсомольская правда. 1989. 26 янв.

Семашко Т. З. Славина; «Играла змею и...» // Парламентская газета. 2000.11 апр. № 68.

Семит JI. Укрыть того, кто рядом // Независимая газета. 2002. 24 июля. № 149 (2703).

Стире С. Ю. Любимов: «Он стоил нам горя и слез, и закрытия театра» // Сегодня (Москва). 2000. 25 июля. № 161.

Сергеева В. И. Высоцкая: «Володю было невозможно не любить» // Т)эуд-7. 2003. 26 июня. № 115.

Сердобольский О. Марина Влади примеряет корону // Вечерняя Алма-Ата. 1990.9 нояб.

Сидорит С. Дайте, дайте мне Гамлета! // Общая газета. 2000. 27 июля. № 30.

Симагин Р. Владимир Высоцкий на Эстонском ТВ // Таллин. 1990. № 5.

Синявский А Радио «Свобода». 1984. Янв.

Синявский А, Розанова М. Для его песен нужна российская почва // Театр. 1990. № 10.

СкаландисА Таких больше не было, только Стругацкие и Высоцкий // Газета. 2008. 01 янв. № 13.

Скворцова-Ардабацкая £ «Человек-машина» из «Экипажа» // Московский комсомолец. 2001.

25 авг.

Скороход Ю. Двое среди читателей // Молодежь Эстонии (Таллин). 1984.8 сент.

Славуцкий А Г. Гаранян: «Играть всегда, играть везде» // Парламентская газета. 2006. 5 окт. № 166 (2016).

Славуцкий А И. Дыховичный: «Быть в хорошем настроении — обязанность человека» // Новая газета. 2003.19 мая. № 35.

Смехов В. Выступление в Академгородке (Новосибирск). 1981. 17 янв.

Смехов В. Живой, и только. М.: Интерконтакт, 1990.

Смехов В. Он был самим собой // Правда Украины (Киев). 1987. 27 сент.

Смехов В. Скрипка Мастера // Театр. 1988. № 2.

Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001.

Смирницкий Я. Эпизодическая красавица // Московский комсомолец. 2004. 7 сент.

Смирнова Д. М. Рощин: «Остаюсь в XX веке...» // Искусство кино. 2001. № 6.

Смирнова Е. Н. Высоцкий: «Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету» // Факты и комментарии (Киев). 2003. 19 февр. № 32 (1337).

Соколов А И. Высоцкая: «Высоцкий начинался так» // Социалистическая индустрия. 1988. 31

марта.

Солдатенков П. Владимир Высоцкий. М.: Олимп, 1999.

Спасибо вам, мои корреспонденты... // Советская библиография. 1989. № 4

Сперанская М. Л. Чурсина: «Я с удовольствием снималась обнаженной» // МК-Бульвар. 2003.17 февр.

Ставрова М, Корец М. С. Говорухин: «Нам нужен глоток надежды» // Труд. 2003. 26 авг. № 156.

Стародубец А. Вдоль по «Вертикали» // Труд. 2006. 15 авг. № 148.

Стеблов Е. Никита // Независимая газета. 2000. 27 апр.

Степанов В. В. Аксенов: «Мой читатель — здесь!» // Семья. 1989. № 49.

Степанов Е. В. Аксенов: «Я вам не крепостной Альберта Беляева!..» // Подмосковные известия. 1991. 28 дек.

Судьба Марины Влади // Дуга (СФРЮ). 1980. сент. № 9.

Сычевский В. И. Бортник «Роль Промокашки была без слов» // Семья. 1999. № 16.

Театру на Таганке - 25 лет // Театр. 1989. № 4.

Терехов А Зюзя // Совершенно секретно. 1995. № 11.

Тимофеев А «Сухой закон» ради кумира // Экспресс-газета 2008. 28 янв.

Тимофеев Л. Идет охота на «новых русских» // Комсомольская правда. 1998.19 февр. № 132.

Тимофеева О. И. Бродский: «Улица должна говорить языком поэта» // Независимая газета. 1991. 23 июля.

Толстихина А В. Аксенов: «Владимир Высоцкий сегодня стал бы романистом» // Сегодня. 2000. 25 июля. № 161.

Трифонова О. Они мне снились наяву... // Совершенно секретно. 2002. № 03.

Тульская М. Л. Лужина: «Любовь первая не бывает последней» // АиФ. Суббота-воскресенье. 2002. 04 июля. № 27 (192).

Тумаркина И. И. Бродский: «Кормежка в дурдоме была лучше, чем в тюрьме // Факты и комментарии (Киев). 2000.19 июня.

Тучинская С, Цвилизовский В. Высоцкий вернется в Киев из-за бабушки // Сегодня (Киев). 2008. 29 янв.

Ульченко Е. Г. Польских: «Актрисой меня сделала вахтерша» // Трибуна (Москва). 2004. 27 нояб.

Ульченко Е. Л. Стриженова-Пырьева: «Актер - профессия мужская» // Poccifl. 2004. 26 авг.

Фадеева А Э. Володарский: «Меня взбесила по-

ганая картина Германа» // Экспресс-газета. 2003. 31 марта.

Файман Г. «Пугачев». 1967 год // Независимая газета. 1997. 30 сент.

Файман Г. Стоящий у фонаря // Независимая газета. НГ-кулиса. 1999- 9 апр.

Федина А И. Дыховичный: «Любовь — это работа» // Известия. 2006. 25 июля.

Фесенко Л. А. Демидова: «Я единственная в театре знала о пристрастии Высоцкого к наркотикам» // Комсомольская правда в Украине. 2008. 13 нояб.

Филатов Л. Если бы я мог обменять свою жизнь на жизнь Володи... // Известия. 2004. 25 янв.

Филатов Л. Он стал моим «крестным отцом...» // Коммерсантъ. 1998. 24 янв. № 10.

Филимонов М. А. Стефанович: «Алла — незначительный эпизод в моей жизни» // Экспресс-газета. 2000. № 5.

Филимонов М. Бабушка Высоцкого была моложе его родителей // Экспресс-газета. 2002. 24 сент.

Филиппов А Как Любимов с дубом бодался // Известия. 2000.

14 сент. № 173.

Филиппов А М. Шемякин: «Нас записывали в диссиденты» // Известия. 2001. 18 июля.

Финн П. Эпиграфы // Искусство кино. 1999- № 7.

Французова А Уроки принца // Вечерний клуб (Москва). 2003. 23 окт. № 42.

ХаразоваД, Толстой И. К. Казанский: Поверх барьеров // Радио «Свобода». 2002. 5 сент.

Харченко В. Пугачева не пришла хоронить легендарного танцора // Экспресс-газета. 2002.16 мая.

Хмара И. Котеночкин и волки с зайцами // Труд. 1999. 27 июля.

Хмельницкий Б. По Высоцкому времени // Общая газета. 1996. 25 янв. № 3.

Хоменко Н. А Вознесенский: «Надеюсь, что Пастернак во мне не ошибся» // Сегодня (Киев). 2002. 7 окт.

Христофорова И. Н. Сайко: «Грех жаловаться, но...» // Советский экран. 1988. № 11.

Хрусталева С. Б. Мессерер: «У нас с Беллой тридцатилетняя война» // Комсомольская правда. 2003. 18 марта.

Хрущев С. Пенсионер союзного значения. М.: Новости, 1991.

Цитриняк Г. И Свидригайлов, и Раскольников... // Независимая газета. 1998. 16 янв.

Цыганова Л. В. Золотухин: «Дружба с Высоцким — это пожизненная честь и каторга» // Молодеж-

ная газета (Уфа). 2003. 03 апр.

Чаава В. Первая роль Высоцкого // Вечерняя Москва. 1988. 23 янв.

Чародеев Г. Он не гнался за славою бренной // Неделя. 1987. №17.

Чеброва Т. И. Уварова-Даниэль: «В день рождения Юлика Синявский с Розановой обмотали юного Высоцкого розовой лентой и вручили имениннику» // Бульвар (Киев). 2002. нояб. № 46 (368).

Черепанова Н. В. Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы» // Спортивная жизнь России. 1968. № 5.

Черняева А А. Вайнер: «У нас было восемь Шараповых» // Экспресс-газета. 2003. 9 мая.

Черняк Л. А. Галиев: «По газонам не ходить» // Альманах «Мир Высоцкого». Вып. 2, 1998.

Черняк Л. Владимир Высоцкий. Как все начиналось // АиФ. Суперзвезды. 2003. 20 янв. № 2 (8)

Чесноков С. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 1989. 03 марта.

Шаблинская О. Алла Демидова играет с Богом // Аргументы и факты. 2001. 07 нояб. № 45 (1098).

Шаблинская О. Т. Егорова: «Я уговорила Миронова жениться на Голубкиной» // Аргументы и факты. 2003- 22 окт. № 43 (1200).

Шавловский К Дело молодое // МК-Бульвар.

2004.1 нояб.

Шаров В. А. Лихитченко: «Людям нужно было начать говорить друг с другом...» // Комсомолец Кубани (Краснодар). 1988. 16 авг.

Шарунов А Самостоятельная «Тень отца Гамлета» // Московский комсомолец. 2002. 4 нояб. № 249-

Шарунов А, Щуплов А Струны вещие // Российская газета. 2002. 25 июля.

Шатерникова М. А. Митта: «Английский пациент» — это триумф идиотизма» // Вечерний клуб. 1997. 24 июля.

Шахматов А. М. Влади: «...Не надо делать ангела» // Книжное обозрение. 1989. 3 марта.

Шахназаров Г. С вождями и без. М., Вагриус. 2001.

Швейцер М. А сейчас другое времечко // Независимая газета. 1999. 26 нояб.

Шевелев И. Вдоль обрыва по-над пропастью // Общая газета.

1999. 8 февр. № 4.

Шевелев И. Гамлет не из подворотни // Российская газета. 2005. 25 июля.

Шевченко Д. Как я посадил Параджанова // Совершенно секретно. 1997. № 12.

Шемякин М. Нас записывали в диссиденты //

Известия. 2001. 18 июля.

Ширяева О. Начало, или Взгляд из зала // Вагант (Москва). 1990. № 12.

Шундрин А Ю. Любимов: «Ставлю «Шарашку» / / Русская мысль (Париж). 1998. 8 окт. № 240.

Шуткевич В. Д. Ольбрыхский: «Сезон «Охоты на волков» в Варшаве» // Комсомольская правда. 1999- 29 дек.

Щедрое Я. Всеволод Абдулов умер тихо, как жил // Комсомольская правда. 2002. 30 июля.

Щербаков А Ю. Любимов: «Простые истины искусства» // Театр. 1988. № 7.

Щуплов А В. Смехов: «Я гляжу на актеров бархатными глазами...» // Независимая газета. 2001. 30 июня.

Экран 1973—1974. М.: Искусство, 1974.

Эфрос А Вопросы... Вопросы... // Вопросы философии. 1986. № 10.

Эфрос А. Выступление в ВТО (Ленинград). 1983.15 дек.

Юдина И. Б. Ахмадулина: «Это я - человек-невеличка» // Вечерний Минск 2008. 5 июня.

Юнгвальд-Хилькевич Г. // Радиокомпания «Маяк». 2003. 4 авг.

Юнгвальд-Хилькевич Г.иН. За кадром. М.: Центрополиграф. 2001.

Юнгвальд-Хилькевич Г. Я никогда не лизал никому задницу // Экспресс-газета. 2001. 12 июля.

Юнгвальд-Хилькевич Н. С. Говорухин: «Не люблю свою фамилию» // Собеседник 2001. 22 марта.

Якушкин Д. М. Влади: «Он сам сказал о себе лучше всех» // Московские новости. 1987. 25 янв.

Яновский А Но родился, и жил, и выжил... // Медицинский вестник 2002. 8 февр.

Яхонтов А С Новым годом! // МК-Квартирный вопрос. 2002. 4 янв. № 1